

ВОЕННЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

АГЕНТ
АБВЕРА

В О Е Н Н Ы Е Р И К Л Ю Ч Е Н И Я

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

А Г Е Н Т А Б В Е Р А

П О В Е С Т И

М О С К В А - 1972

АГЕНТ АБВЕРА

Его настоящее имя — Мокий Демьянович Каращенко. Он — один из бойцов незримого фронта. В годы Великой Отечественной войны советский чекист вел напряженную, полную смертельного риска борьбу с коварными, беспощадными и опытными врагами.

Это была безмолвная, но ожесточенная схватка. О ее ходе и результатах знали лишь непосредственные начальники героя нашей повести. И после войны никто из окружающих этого скромного человека — ни соседи, ни даже родные и близкие — не знали и не догадывались о совершенном им подвиге.

Настала пора рассказать о человеке, контрразведывательная работа которого позволила обезвредить многих особенно опасных шпионов и диверсантов, заброшенных фашистской разведкой в нашу страну.

События, о которых говорится в повести, происходили более четверти века назад. Однако и сейчас еще нельзя во всех деталях раскрыть характер и методы, все тонкости работы чекистов в тылу врага. Многое еще должно сохраняться в тайне. По этим соображениям имена некоторых действующих в повести лиц изменены, отдельные эпизоды боевой биографии Мокия Демьяновича опущены.

Тем не менее авторы, рассказывая о советском контрразведчике, придерживались документальных данных.

Глава первая

ДРУГ ИЛИ ВРАГ?

 мурым осенним утром 1943 года в приемную начальника контрразведки Ленинградского фронта вошел худощавый, небритый человек в измятой полевой форме советского офицера. На плечах его были капитанские погоны. Узкоплечий, невысокого роста, заметно прихрамывающий на левую ногу, он выглядел чрезвычайно усталым, но бодрился, стараясь сохранить военную выправку. Лицо его решительно и спокойно.

Адъютант начальника контрразведки младший лейтенант Жаворонков, совсем молодой офицер, с нескрываемым

мым любопытством рассматривал незнакомца. Он уже слышал об этом человеке и теперь испытывал двойственное чувство к нему. Жаворонков знал, что Мокий Демьянович Каращенко был уполномоченным особого отдела НКВД в пограничном отряде, но в начале войны попал в плен. Его завербовала немецкая военная разведка — абвер — и после обучения в специальной школе направила в наш тыл со шпионским заданием. Однако работать на гитлеровцев Каращенко не стал. Явился в отдел контрразведки дивизии с повинной и вот теперь доставлен сюда, в Ленинград.

Приглядываясь к Каращенко, младший лейтенант Жаворонков, с невольным уважением отметил выдержку капитана, умение владеть собой. Тот ведь не мог не понимать всей сложности своего положения. Ему, немецкому шпиону, рассчитывать на добрый прием не приходилось. Добровольно перейдя на службу к врагу, он в глазах каждого советского человека стал изменником, предателем Родины. В то суровое время, когда героический Ленинград все еще находился в опасности, с предателями не церемонились. Каращенко не мог не знать об этом. И все же пришел к чекистам и во всем сознался. Он сообщил ценные разведывательные данные. Если доставленные им сведения достоверны, наше командование сумеет глубоко проникнуть в замыслы противника. Но ведь абверовцы могли специально направить своего агента, чтобы он подсунил нам ложные, дезинформирующие сообщения. Кто же он, этот Каращенко, друг или враг?

Даже не поднимая глаз, Мокий Демьянович чувствовал на себе быстрые испытующие взгляды Жаворонкова. Он догадывался, о чем думает этот молодой офицер. Для него, как и для многих других, Каращенко был вражеским лазутчиком. Попробуй-ка доказать, что и во вражеском стане ты остался советским патриотом, солдатом пародной войны.

Терпеливо ожидая вызова к генералу, Каращенко нахихлился в глубоком кресле. В окно били косые струйки дождя, подгоняемые порывистым ветром с Балтики. Шорох водяных капель помогал сосредоточиться, отвлекая от тревожных дум, вызванных неопределенностью положения. Вспомнились далекие годы детства, юности.

...Бедный украинский хутор, разоренный поборами войтов да урядников, сиротская доля. Ласки не видел ни

от кого. Зато обид, упреков, побоев — не счесть. Родители умерли рано, пришлось жить у тетки. Ей лишний рот — в тягость. Вот и начал сам на жизнь зарабатывать. Батрачил у кулаков за кусок хлеба, за драную одежку. А хозяин еще и попрекал:

— Дармоед ты, больше жрешь, чем работаешь!..

Однажды во время уборки свалился с жатки. Устал сильно, не выспался — на работу-то его затемно поднимали, вот и не выдержал, кинул носом и упал под ножи. А лошади рванули. Истекающего кровью мальчонку хозяин лишь кнутом вытянул:

— Убирайся с поля! А то сдохнешь здесь, так еще отвечать придется...

Как живым до дому добрался — и не помнит. До осени потом хворал. Спасибо, знахарка на ноги поставила, травами выходила. Слабым после болезни себя чувствовал, да отлеживаться долго не пришлось. Голод — не тетка. Устроился поденщиком в имение помещика Каминского за десять копеек в день. Там тоже не жизнь, а мука. Сам помещик в имении не бывал — жил в Варшаве. Все дела вершил управляющий — жадный и лицемерный шляхтич Домбжецкий. Все жилы из работников вытягивал, да так ласково, со ссылками на библию, на закон божий.

— Ойтец свенты смутьянов не поважает... Працуй, хлопак, смири гордыню свою — и пан Езус примет тебя в царствие небесное.

«Отправить бы тебя, черта жирного, к папу Езусу», — думал порою батрачонок, но даже мысли такие старался запрятать поглубже: узнает управляющий — запорет.

Только после Октября бывший батрак увидел свет. Чем только не приходилось заниматься, где только не довелось побывать ему! Отслужил в армии, поработал на транспорте, учился в военном училище, а потом ловил бандитов в Подмосковье, охранял границу в Кавказских горах, подстерегал контрабандистов в Ленинградском порту — всякого пришлось повидать. Трудно было, но и радостно. Бывший неграмотный батрачонок стал образованным человеком, командиром. Война перечеркнула прошлое. Плен, концлагеря, шпионская школа... И вот теперь у своих. Поверят ли? Там, в кабинете начальника, решалась его судьба. Думая об этом, Каращенко вполголоса произнес:

— Скорее бы уж кончилось...

Младший лейтенант Жаворонков удивленно вскинул брови, но промолчал. Каращенко заметил это, подумал: «Ну вот, я и заговариваться начал». В это время распахнулась дверь кабинета и в приемную вышел коренастый подполковник с большой лысой головой. Раскрасневшийся, возбужденный, он лишь мельком взглянул на капитана и сразу же отвернулся. Каращенко знал его: подполковник Светловидов беседовал с ним накануне. И беседа эта оставила у Каращенко тяжелое впечатление.

— Вызвать машину и конвой, — приказал подполковник. — Старший наряда пусть ожидает распоряжений у дежурного.

— Есть, вызвать машину! — отчеканил Жаворонков и искося глянул на Мокия Демьяновича.

В лице капитана не было ни кровинки. «Значит, все, — подумал он. — Не поверили...»

Светловидов так же стремительно, как и вышел, возвратился в кабинет генерала и плотно захлопнул за собой дверь. Из кабинета не доносилось ни звука. Но там обсуждался вопрос исключительной важности. От него зависели судьбы тысяч людей, успешное решение задачи стратегического значения.

В январе сорок третьего года советские войска провали блокаду Ленинграда и намного улучшили положение города. И все же Ленинград продолжал оставаться фронтовым городом. Советское командование разрабатывало план нанесения нового удара по фашистским войскам, чтобы окончательно отбросить их от Ленинграда. В этих условиях появление Мокия Демьяновича Каращенко с обстоятельными данными о положении дел за линией фронта пришлось весьма кстати.

Контрразведка и штаб фронта тщательно изучали сведения, доставленные Каращенко. Сопоставляя их с данными, полученными из других источников, работники штаба уточняли неясные ранее вопросы, разгадывали замыслы немецкого командования. Наше командование все яснее представляло положение группы армий «Север».

Сильно потрепанные в предыдущих боях, немецкие дивизии еще не восполнили свои потери. Они не в состоянии были нанести немедленный ответный удар по советским войскам. Упустив инициативу, гитлеровцы с тревогой ожидали нового наступления советских войск и предпринимали лихорадочные меры к тому, чтобы опре-

делить направление главного удара и своевременно перегруппировать силы. Судя по имеющимся в штабе фронта сведениям, немцы не знали, куда будет нанесен удар: на Котлы — Кингисепп или через Пулковую на Ропшу. Командованию фронта важно было заставить их поверить, будто главный удар будет нанесен на Котлы — Кингисепп, создать видимость концентрации крупных сил на этом участке «Ораниенбаумского пятачка», чтобы вынудить фашистов переместить сюда свои резервные дивизии.

Штаб фронта заранее подготовил необходимые дезинформационные материалы и поручил разведорганам «подсунуть» их немецкому командованию так, чтобы оно не заподозрило обмана. Руководящие работники контрразведки фронта собрались в кабинете генерала Быстрова, чтобы обсудить, как лучше выполнить это задание. Сообщение длилось несколько часов, а достигнуть единого мнения не удавалось.

Выступал полковник Королев. Это был интересный и представительный мужчина. Черные с густой проседью волосы зачесаны назад. Полное лицо полковника было безукоризненно выбритым и свежим, хотя на щеках уже проступали красные прожилки. Он говорил отрывисто, заметно повышая голос, когда хотел подчеркнуть важность высказанной мысли. Прохаживаясь вдоль кабинета, Королев всматривался в лица присутствующих. Его высокая грузная фигура, обтянутая хорошо сшитым мундиром, высилась над сидевшими в мягких креслах людьми. Королев явно любовался собой, говорил «на публику». Глаза его то прищуривались и искрились улыбкой, то гневно расширялись и горели злым огоньком.

Генерал Быстров, слушая Королева, недовольно хмурился, но не прерывал его.

— Я думаю, — внушительно говорил полковник, — что присутствующие товарищи согласятся с моим мнением. Мы имеем дело с ловкой игрой абвера. Под видом раскаившегося грешника они направили нам своего агента с сомнительной информацией о Валкской разведшколе. Затем к нам придут и другие агенты с теми же данными и с таким же заданием, что и Каращенко. Расчет немецкой разведки прост: из нескольких явившихся с повинной мы хоть одного да вернем назад. Они, конечно, полагают, что вернем мы их человека не с пустыми руками, а с заданием. Абвер очень интересуется, какое поручение мы

дадим его людям. И он предоставляет нам возможность сделать первый ход в той игре, которую намеревается затеять.

Королев сделал паузу и обвел присутствующих взглядом, проверяя, какое впечатление произвели на них его размышления. Все молча, спокойно ожидали продолжения.

— Если теперь мы вручим Каращенко дезинформацию о направлении главного удара нашего фронта, то это будет как раз то, чего хочет абвер, — снова заговорил Королев. — Немцы верят ему. Он, видимо, хорошо зарекомендовал себя. Ведь они спасли этому изменнику жизнь, поставили на ноги! Вспомните, о чем докладывал Невзоров, бывший агент «Абверштелле-Остланд». Он предупреждал, что Каращенко является самым надежным агентом Валкской разведшколы, что его лечили в госпитале, предназначенном для немецких офицеров. Невзоров долго лежал в лазарете Большого рижского лагеря, где будто бы был и Каращенко. Он чудом остался жив, хотя имел сравнительно легкое ранение. А Каращенко был ранен тяжело. Я консультировался со специалистами. По их мнению, такие ранения, особенно левого предплечья, на девяносто девять процентов кончаются смертельным исходом, если лечение проводится не в идеальных условиях. В лагерном лазарете таких условий, конечно, не было. И потом, немцы не держали наших командиров в лагерном лазарете, он был предназначен для солдат. Зачем же фашистам было делать исключение для Каращенко?

Королев перевел дух, одернул китель и продолжал:

— Можно ли возратить немцам их агента с нашей дезинформацией? Я считаю, ни в коем случае! Дав работанные нами сведения в руки вражеского агента, мы раскроем замыслы нашего командования о нанесении главного удара. Изменник, безо всякого сомнения, немедленно доложит немцам, что те данные, которые ему вручили, являются вымышленными. О последствиях можете догадаться сами.

Полковник Королев отошел к своему креслу и сел.

— Есть еще какие-либо предложения, замечания? — спросил Быстров.

— Разрешите мне, товарищ генерал? — поднял руку помощник Королева подполковник Светловидов.

— Прошу.

Светловидов рывком поднялся с кресла. Как всегда, когда он волновался, лицо его покрывалось пятнами свеклового цвета. За эту особенность подчиненные называли его между собой «перец». Сняв пенсне в золотой оправе, Светловидов протер его носовым платком, снова водрузил на переносицу и, не спеша, с интересом оглядев присутствующих, слышно только что увидел их, начал:

— Я внимательно слушал содержательное, глубоко аргументированное и весьма убедительное выступление полковника Королева. — Светловидов, чуть замотно улыбнувшись, посмотрел в сторону Королева, и тот в знак благодарности кивнул головой. — Целиком и полностью разделяю точку зрения товарища Королева. Да, мы имеем дело с хорошо подготовленной игрой абвера. В этом сомнения нет. Но, с вашего позволения, товарищ генерал, я позволю себе пойти несколько дальше чисто военных задач и квалифицировать действия бывшего чекиста Каращенко, опираясь на нормы советского уголовного законодательства. Еще древние римляне говорили: «Суров закон, но — закон». Опираясь на него, я поведу речь. Как ни сентиментальна с виду история Каращенко, как бы нам ни хотелось видеть в нем не предателя, а честного человека, патриота, с точки зрения закона он — преступник. Работник органов безопасности сдался в плен. Советские воины не могут принять позора плена. Каращенко пользовался медицинской помощью немцев, а он должен был отвергнуть ее! В благодарность за мягкое обращение он предал интересы Родины. Ради спасения своей жизни Каращенко добровольно, подчеркиваю — добровольно пошел на службу в немецкую разведку, окончил школу абвера и согласился выполнить шпионское задание в тылу наших войск. Разве можно верить такому человеку? Одного этого достаточно, чтобы расстрелять его по законам военного времени. Он опозорил почетное звание чекиста! Вижу Каращенко усугубляет и еще одно обстоятельство. Он не ограничился тем, что сам пошел на службу в абвер. Он подло склонял на преступный путь других советских военнопленных. Такие действия по закону квалифицируются как тягчайшее государственное преступление, измена Родине и шпионаж. Учитывая это, нельзя допустить, чтобы опасный государственный преступник оставался на свободе, и поэтому по моему приказанию следственный

отдел заготовил постановление о возбуждении уголовного дела против Каращенко по признакам, предусмотренным статьями пятьдесят восемь-один «а», пятьдесят восемь-шесть Уголовного кодекса РСФСР, и постановление об избрании меры пресечения — заключение под стражу. Прошу вас, товарищ генерал, утвердить эти документы.

Светловидов открыл папку, которую все время держал под мышкой, подошел к столу Быстрова и протянул ему документы. Не читая, генерал отложил их в сторону. Да, положение было сложное. Если поверить Каращенко и возвратить его в абвер с дезинформацией или с оперативным заданием, то следует сделать это немедленно, чтобы не дать немцам оснований для подозрений. Если не верить, то нужно найти убедительные доказательства того, что Каращенко — предатель, выполняет задание абвера. А их не было. Одни сомнения, предположения, догадки. Руководствоваться ими в сложившейся ситуации — значит провалить дело.

— Кто еще хочет высказаться?

Поднялся начальник оперативного отдела подполковник Сосницын. Генерал всегда внимательно прислушивался к мнению этого рассудительного и неторопливого человека. Быстрову нравилось, что Сосницын во всяком деле добирался «до косточек», взвешивал все доводы основательно, без излишней горячности.

— Конечно, формально подполковник Светловидов прав, — рассуждал Сосницын. — Состав, так сказать, преступления налицо. Можно судить. Тем более, что статьи Уголовного кодекса определены и даже документы составлены. Вот только плохо, что составители с самим Каращенко как следует не потолковали.

— Какая необходимость разводить сантименты с преступником, если документы его полностью изобличают?! — взорвался Светловидов. Он раскраснелся, взъерошился, как петух перед дракой, и даже стеклышки его пенсне засверкали недобрый блеском. — Дело Каращенко без задержки пройдет все судебные инстанции, а поговорить с преступником следователь сумеет и тогда, когда тот окажется под стражей! — Светловидов замолчал и победоносно оглядел окружающих.

Быстров постучал карандашом по столу, призывая к порядку. Светловидов недовольно поерзал в кресле.

А Сосницын все так же спокойно и рассудительно продолжал:

— Мы не имеем права размахивать законом, как дикарь дубиной. Надо изучить состав преступления и, самое главное, выяснить характер и личность обвиняемого. А он, это надо прямо признать, человек исключительной стойкости и мужества. Такие не изменяют своей Родине. Подполковник Светловидов не хочет учитывать этого. Я считаю, что товарищу Каращенко можно поручить специальное задание в абвере.

Сразу же после подполковника выступил майор Богданов.

— Человека, которого немцы называют Никулиным, а мы — Каращенко, я знаю давно, еще по довоенной службе. Он испытанный чекист, мой давнишний друг, и мне легче разобраться в особенностях его характера, чем кому-либо другому. Мнение полковника Королева о нем глубоко ошибочно. О какой преданности абверу может идти речь, если Каращенко принес исчерпывающие характеристики на весь состав Валкской разведшколы, переправочного пункта в Сиверском и на тех агентов, которые оттуда засланы или готовятся для отправки в наш тыл? Вам хорошо известны и другие ценные сведения, которые сообщил Никулин. При проверке они подтвердились. Если он шпион, то немцы, выходит, разрешили ему выдать весь агентурный состав школы. На это они не пойдут. Не такие они простаки, как представляют некоторые.

Королев не выдержал. Вскочил с места.

— Не слишком ли вы, товарищ Богданов, распаркиваетесь перед фашистской разведкой, не слишком ли высоко цените ее сотрудников?

— Мы, товарищ полковник, не раз имели возможность убедиться в том, что абвер — противник сильный, опытный и коварный. Недооценить его — значит разоружить себя. А благодумствовать нам государство не разрешает. Вы это знаете лучше меня.

— Товарищ Богданов, — снова вмешался Королев, — я просил бы вас высказываться корректнее!

Быстров опять постучал по столу карандашом и, не повышая голоса, сказал:

— Спокойнее, спокойнее, товарищи. Всякому полезно выслушать критику в свой адрес. Тем более если она доброжелательная.

— С Мокием Демьяновичем, как я уже говорил, мне приходилось работать на границе. Я по раз видел его в минуты опасности, в трудном деле и могу поручиться, что он честный человек, патриот нашей Родины, — закончил свое выступление Богданов.

Едва майор успел вернуться на место, как Светловидов снова попросил слова и запальчиво заговорил:

— И все-таки я считаю, что мы имеем дело с предателем. Случай исключительный и замазывать его — значит нарушать закон. Уверен, что, если мы отдадим Каращенко под суд, руководство наркомата нас всецело поддержит. Процесс послужит делу воспитания наших чекистов в духе непримиримости к врагу, презрения к смерти.

— Странная логика, — бросил реплику Сосницын. — Судить невинного в назидание другим!

— Да, если хотите, в назидание другим. Тем более что состав преступления есть. Это признал даже сам Каращенко, — настаивал Светловидов.

— Он не в качестве обвиняемого показания давал, а в установленном порядке сообщал о проделанной работе, — возразил Сосницын. — Считай он себя виновным, он бы мог острые углы обойти. Показания и рапорт — вещи разные.

— Разница невелика. Рапорт ляжет в основу обвинения.

Быстров увидел, что спор начал приобретать слишком резкий характер, и прервал его.

— Будем считать, что обмен мнениями состоялся, — сказал генерал и вышел из-за стола. — Я внимательно выслушал выступающих. Решение приму сам. Сообщу о нем в рабочем порядке. Подполковник Светловидов, вы готовы выехать на расследование террористического убийства офицера связи?

— Так точно, — отчеканил обиженный Светловидов. — Машину и конвой я вызвал. Оперативные работники на месте.

— Тогда у меня все, — заключил генерал. — Можете быть свободны, товарищи.

Один за другим офицеры выходили в приемную. Младший лейтенант Жаворонков и Каращенко встали при их появлении. Метнув раздраженный взгляд на Мокия Демьяновича, подполковник Светловидов спросил у Жаворонкова:

— Машина, люди готовы?

— Так точно!

Каращенко хотел было шагнуть вперед, но ноги точно налились свинцом. Он не сомневался, что судьба его уже решена. Обидно было, что не поверили. А он так надеялся...

Глава вторая

ЛЮДИ И ЗВЕРИ

Славное лето выдалось в Прибалтике. Июньское солнце ласкало сады, омытые грозами. На заре стелились туманы над лугами, над реками, и солдаты, уходившие в наряд ночью, возвращались по пояс мокрыми от росы. Тишина стояла над Бентой, над берегом моря, по которому часто прогуливался старший лейтенант Мокий Демьянович Каращенко. Неладно было у него на душе. Все данные, поступившие от агентурной разведки к июню сорок первого года, свидетельствовали о приближении войны.

Неясная тревога, охватившая Мокия Демьяновича, усилилась за те три дня, которые он провел в Лиепае на совещании работников госбезопасности Латвии. Чекистов предупреждали о необходимости повисить бдительность, готовиться дать отпор врагу, но тут же приказывали выжидать, не поддаваться на провокацию, проявлять высокую выдержку, стойкость. Немцы подтянули к нашим рубежам войска, засылают шпионов и диверсантов. Как в такой обстановке разобрать — враг начал войну или просто провоцирует нас? И кто будет определять это?

На совещании Мокий Демьянович встретился со своим давним другом уполномоченным особого отдела НКВД Николаем Богдановым. Когда-то они оба начинали солдатами службу в армии, вместе пошли учиться в школу младших командиров, в военное училище. Затем Богданова направили на работу в органы госбезопасности.

Стал чекистом и Мокий Демьянович. Он получил назначение в Вентспилс, а Богданов служил в Риге. Они встречались редко, но зато каждая встреча приносила им большую радость. У них было много общего, и друзья вели долгие задушевные разговоры. Мокий Демьянович уважал Богданова, прислушивался к его мнению,

Подойдя к Богданову во время перерыва, Каращенко спросил:

— Николай, ты понимаешь, что происходит?

— Что тут понимать! Одно ясно — немцы собираются перейти границу. Войны не миновать.

— Я тоже так думаю. Впрочем, мы с тобой вояки старые, не подведем, если что. Но вот как можно защищать границу, не отвечая на провокации? Не пойму.

В глазах Богданова мелькнула неясная тень тревоги. Что он мог ответить другу, если сам знал не больше его?

— Сидеть сложа руки, Мокий, нам нельзя. Это ясно. Да, откровенно говоря, если немцы перейдут границу, поздно будет разбираться, провокация это или нет. Начнется бой. К этому и надо готовиться. В конце концов, и провокаторов бить надо. В этом я убежден.

— Так-то так, — ответил Каращенко, — только нервнируют эти предупреждения «не поддаваться на провокацию». Ведь немцы просто обнаглели.

— Ребята в Риге мне говорили, что обстановка с каждым днем обостряется, — в раздумье произнес Богданов. — На границе то и дело стычки. Немцы войска подтягивают... Быть большой грозе — не иначе.

— Ничего, выстоим, — твердо произнес Каращенко и шутливо добавил: — Не зря же мы с тобой из одного котелка щи хлебали!

— Не зря, — серьезно ответил Богданов.

Вечером двадцать первого июня вместе с группой чекистов старший лейтенант Каращенко и капитан Богданов выехали из Лиепайи в Ригу — там их ждали дела. Офицеры молчали. Лица их были суровыми, озабоченными. Не слышалось ни привычных шуток, ни смеха.

Минула ночь. Несмотря на все опасения и догадки, никто из чекистов и не подозревал, что самое страшное началось. В тот ранний предутренний час, когда они подъезжали к Риге, в пограничной тишине уже прогремели первые выстрелы Великой Отечественной... О начале войны офицеры узнали лишь в городе.

— Видишь, как быстро началось, Николай, — сказал Каращенко, прощаясь с Богдановым. — Когда еще увидимся теперь? Ну, не поминать лихом.

— Да, началось. Ждали провокации, пришла война. Что ж, до свидания, до скорой встречи после победы.

Друзья пожали друг другу руки, обнялись и разошлись.

Мокий Демьянович быстро покончил с делами и выехал в Вентспилс. Там уже полыхали пожары. В военном городке было пустынно и тихо. Подразделения заняли оборону на подступах к городу.

Немногочисленный Вентспилсский гарнизон оказался в сложной обстановке. Немцы основной удар направили на Ригу. Быстро продвигаясь на восток, они хотели отрезать нашим войскам пути отхода из города.

Вскоре стало известно, что фашистские войска проорвались к столице Латвии. Оставаться на месте значило неминуемо попасть в окружение. Начальник гарнизона решил соединиться с частями, защищавшими Ригу. Подразделения тронулись в путь и тридцатого июня подошли к Риге. Враг встретил сильным минометным и пулеметным огнем. Пришлось обходить город с юга.

Шли всю ночь. Наступил робкий серый рассвет. Хмурилось небо. Колонна усталых, измотанных долгим переходом людей медленно тянулась по узкой, вьющейся среди торфяных болот дороге. Грузовики забуксовали на топком месте. Неподалеку чернел лес. Справа и слева от дороги, куда ни глянь, — топь, поросшая кустарником, травой. И вокруг — безмолвие.

— Завтракать! — разнеслось по колонне.

Кто прилег на мокрую траву и тут же уснул, не дожидаясь еды, кто потянулся к кухне. Но не успели люди наполнить котелки кашей, как из-за болота, метров с трехсот, по колонне шквальным огнем ударили минометы и пулеметы.

Мины гулко рвались в гуще колонны, заглушая крики раненых, ржание лошадей.

— Артиллерию вперед! — приказал командир полка.

Но полк остановился в месте, неудобном для обороны. Орудия попали в трясицу, и бойцы, развернувшиеся в цепь, остались без огневой поддержки. Батальоны залегли.

К вечеру стало ясно, что полк больше не может сдерживать врага. Почти все офицеры погибли. Уцелевшие бойцы с оружием в руках пробивались из окружения. Тяжелое ранение получил и Мокий Демьянович. Осколки мины перебили предплечье левой руки, повредили ноги.

Старшина Гречко и рядовой Попов забинтовали Каращенко раны, посадили его в седло, сами вскочили на коней и поскакали в лес. Они хотели добраться до Даугавы, переплыть ее — и к своим. Но — не повезло. Фашистские мотоциклисты уже разъезжали по дорогам. Едва завидев всадников, немцы обстреляли их из пулеметов.

— Надо коней бросать, товарищ старший лейтенант, — устало проговорил старшина Гречко. — Верхом незаметно не проберешься.

— Хорошо, расседлайте лошадей и оставьте в лесу, — согласился Мокий Демьянович.

Шли не спеша, чутко прислушиваясь и оглядываясь: каждую минуту можно было наскочить на засаду. Где-то неподалеку угадывалась Даугава. Но на пути к ней все чаще встречались вражеские колонны. Приходилось прятаться в придорожных кустах, канавах, а то и отстреливаться от немецких мотоциклистов. Во время одной из стычек близ Каращенко разорвалась граната. Он потерял сознание. Когда очнулся, рядом с ним никого не было. Гречко и Попов, видимо, сочли его убитым, забрали из карманов гимнастерки документы и ушли дальше. Каращенко остался один.

Ослабевший от голода и потери крови, смертельно уставший, он девять дней блуждал по лесу. Возле какого-то лесного хутора на него навалились неведь откуда появившиеся айзсарги¹.

— Коммунист, комиссар? — плохо выговаривая русские слова, спросил угрюмый рослый мужчина и, не дожидаясь ответа, выразительно провел пальцем по шее, кивнув на ближайшую березу.

— Я строевой командир, — возразил Каращенко, указывая на рукав гимнастерки. — Смотрите, у меня на рукаве нашиты угольники.

Айзсарги заколебались. По правде говоря, они совсем не разбирались в знаках различия. Решили показать пленного начальству.

Вскоре на автомобиле подкатил офицер-айзсарг. Выслушав доклад старшего группы, он усадил Мокия Демьяновича в машину и привез в какое-то местечко. В простор-

ном доме, где помещалось не то волостное правление, не то штаб айзсаргов, его накормили, дали попить. Офицер приказал вызвать врача, чтобы перевязать воспалившиеся раны пленного, и вышел. Рослый молчаливый парень, все время дремавший сидя на скамье у двери, остался караулить. Искоса поглядывая на него, Мокий Демьянович потихоньку подвигался к открытому окну. Сразу за домом начинались заросли кустарника, а за ними — густой лес. Выскочишь из окна — и поминай как звали! Каращенко уже положил было руку на подоконник, но парень, не вставая с места, вскинул винтовку, зло крикнул:

— Назад! Стрелять буду!

В это время дверь отворилась. В комнату вошел офицер. За ним, низко кланяясь и подобострастно улыбаясь, семенил низкорослый щуплый старик аптекарь, которого здесь именовали врачом. Услужливый и робкий, он развязал грязные, окровавленные бинты, горестно покачал головой и принялся обрабатывать раны. Нестерпимая боль обожгла все тело.

— Осторожнее! — попросил Мокий Демьянович.

— Молчать! — приказал офицер-айзсарг. — Перевязку вам делает еврей. Разговаривать с ним запрещается.

Закончив перевязку, старик пошел к выходу.

— Ну вот. А теперь вас повезут в Ригу, в лагерь для военнопленных, — сказал айзсарг. — Там будет хорошо. Вас будут лечить...

— В Ригу так в Ригу, — устало ответил Мокий Демьянович. — Мне все равно.

Последние силы оставляли его. Он откинулся на спинку стула и потерял сознание.

...В Риге, в глубине одного из переулков, отходящих от улицы Пернавас, есть квартал многоэтажных домов, примыкающий к железной дороге. Здесь, вблизи завода ВЭФ, находился созданный гитлеровцами Большой рижский концлагерь — одно из многочисленных мест истребления военнопленных. Колючая проволока, сторожевые вышки с пулеметами, несколько старых казарм, шесть сколоченных в одну доску бараков... В помещениях для узников — трехъярусные нары, тесные, как гробы.

Поближе к выходу из лагеря, у самой ограды, располагался лазарет. Он ничем не отличался от обычных бараков. Только был меньших размеров да воздух в нем до густоты пропитался тошнотворным запахом крови и пота.

¹ Айзсарги — военизированная фашистская организация, созданная латвийской буржуазией для подавления революционной борьбы трудящихся.

Военнопленные врачи и фельдшеры, обслуживающие лазарет, как могли, старались облегчить страдания раненых.

В лазарете работал и фельдшер пограничного отряда Виктор Ресовец, хороший знакомый Каращенко. Во время сортировки раненых пленных он узнал старшего лейтенанта. Тот тоже заметил Виктора, но сделал ему знак молчать. Улучив момент, когда немец, наблюдавший за пленными, отошел, Каращенко быстрым шепотом произнес:

— Называй меня Никулиным Николаем Константиновичем. Понял?

— Чего не понимать, — кивнул головой Виктор. — Из нашего отряда здесь несколько человек. Живем дружно, в обиду не дадим.

Так Каращенко стал Никулиным. Он понимал, что фашисты в первую очередь будут расправляться с комиссарами, чекистами, членами партии, комсомольцами. Но то, что сказал Ресовец, лишний раз напомнило ему о другой опасности, которая подстерегает на каждом шагу. Надо быть осторожным.

— Если увидишь в лагере кого-нибудь из тех, кто меня знает, сообщи мне, — попросил Николай Константинович Ресовца.

— Сделаю. Есть у нас тут майор Дудин, ты его знаешь, он в отряде начфином был. Еще человек пять пограничников. Все надежные и проверенные люди. Кое-кто тоже скрыл свою фамилию. Я оповещу всех. Так что жди. Но и сам в случае чего будь осторожен, не нарвись на провокатора. Здесь, в лазарете, размещают только рядовых. Я скрыл, что ты офицер, а сопроводил только выбросил. Им сейчас в тонкостях разбираться некогда, а дальше видно будет.

Этот разговор несколько прояснил положение дел в лагере. Выходит, немало людей живет здесь, как и он, под чужой фамилией. Но есть и такие, которые рассказали врагу о себе всю правду. Кто они? Честные ли люди? Каждое новое знакомство опасно.

В проходе послышались шаги. К вновь прибывшим раненым подошел высокий, хмурый человек — военнопленный врач Пирогов. Фашисты поставили его старшим над лазаретом. «Капитан, и форму носит, не снял, — отметил про себя Николай Константинович, увидев «шпалу» в петлице подошедшего. — Интересно, что он за человек? Наш или продан?»

— Покажите Никулину его место, перебинтуйте, — сухо приказал фельдшеру Пирогов, отметил что-то в списке и вышел.

— Остерегайся этого человека, — предупредил Виктор. — С немцами услужлив, с полицией ладит. Не ровен час — и продаст.

Ресовец принялся перебинтовывать раны Никулина. Тот еле удерживал рвущийся из груди крик. Холодный пот выступил на лице, спутавшиеся волосы прилипли ко лбу, на закусенной губе показалась кровь. Николаю Константиновичу казалось, что снимают с него не бинты, а кожу. Несколько раз он просил Ресовца дать передышку. Осматривая рану, фельдшер сочувственно протянул:

— Да-а. Тут, конечно, дело сложное. Придется позвать Пирогова, пусть придет, посмотрит.

— Зачем его сюда? — еле выдавил Никулин.

— Надо. Тебе серьезное лечение требуется, а не просто перевязки. Может, он чем поможет. Посиди.

Ресовец ушел, а Николай Константинович закрыл глаза и стал ждать. Теперь ему было уже безразлично, кто его будет смотреть и что с ним будут делать. Последние силы, кажется, оставляли его.

Пирогов вопреки опасениям Виктора без лишних слов подошел к Никулину. Тот лежал в беспамятстве. Оглядев воспаленные раны, врач равнодушно буркнул:

— Этот не жилец. Крови много потерял, ослаб. Медикаменты мало что дадут. Хорошее питание, покой нужны, чистота. А где тут?..

— А может, выходим? — с надеждой спросил Ресовец.

— Что он тебе — сват, брат?

— Да нет, просто знакомый...

— Знакомый... Подумаешь, одним больше, одним меньше. Сегодня — он, а завтра — ты. Все на том свете будем, так что беспокоиться из-за каждого? А впрочем, как знаешь.

С того дня Ресовец, как терпеливая нянька, ухаживал за раненым, доставал ему то кусочек маргарина, то немного картошки, лишний ломоть хлеба, лекарство. Однако поправлялся Никулин медленно. Немало времени прошло, прежде чем больной смог подниматься с постели.

— Ну и жилистый ты, — говорил Ресовец, когда опасность миновала. — Теперь жить будешь. Если бы услышал от кого про такое, ни за что бы не поверил.

— Не хвали, Виктор, зазнаюсь. Тебе спасибо, что выжить помог.

С этого времени Никулин стал ждать гостей. Он перебирал в памяти каждую услышанную от Ресовца фамилию. Знает ли он что-либо об этих людях? Вот начфин майор Дудин — давний знакомый. Впервые встретился с ним в тридцать седьмом году. Дудину тогда круто пришлось. Как бывшего офицера царской армии, дворянина, чересчур «бдительные» люди взяли на подозрение. Большие неприятности угрожали Дудину, но Каращенко сумел его тогда отстоять. Дудин был честным человеком.

Вскоре Дудин появился в крохотной каморке Ресовца, которую тот громко величал «аптекой». Приглядевшись к нему, Никулин с трудом узнал в осунувшемся, заросшем седой щетиной человеке прежде щеголеватого майора. Дудин тоже долго и пристально рассматривал своего собеседника, будто стараясь припомнить что-то.

— Не узнаете? — поинтересовался Никулин. — Неужели так трудно своего старого знакомого узнать?

— После такого курорта вас бы и родная мать не сразу узнала. Но все же вы живы. А это главное. Как говорятся, были бы кости...

— Что и говорить. Не добились немцы сразу — и на том спасибо.

— Не расстраивайтесь, не падайте духом. Мы вас подлечим, подкормим...

— Подлечим, подкормим, — проницательно усмехнулся Николай Константинович. — А у самого небось в животе пусто.

— Не спорь, — вмешался Виктор Ресовец. — Наш начфин тут у немцев в «больших чинах» ходит: что-то вроде каптенармуса. Одним словом, он хлеб, баланду в бараке распределяет. Понятно?

Никулин невесело кивнул. Он уже достаточно побывал в лагере, чтобы узнать сложную и опасную механику такой помощи. Заключение умирали очень часто, и получить несколько лишних кусков хлеба на умерших, как на живых, порою удавалось. Но немцы придирчиво следили за теми, кто распределял пайки. Малейшая оплошность — и заподозренному в обмане не избежать виселицы. Однако советские люди шли на риск. Они знали, как важно поддержать человека в трудный момент добрым

словом, куском хлеба, личным примером. Иногда это спасало от падения.

— Все, что я приносил тебе во время болезни, доставал майор Дудин, — продолжал Ресовец. — Без него бы тут не выжить.

Никулин искренне поблагодарил Дудина:

— Спасибо. Я в долгу не останусь.

— Не стоит говорить об этом. Будем думать, что дальше делать. Проследи, пожалуйста, чтобы никто не вошел, — обратился Дудин к Ресовцу. — Поговорить нужно.

— Нас охраняют надежные люди. Я позаботился об этом, — ответил Ресовец.

— Узнай немцы, кто вы на самом деле, вы бы и дня не прожили, — сказал Дудин Николаю Константиновичу. — Наши пограничники, которые здесь в лагере, не выдадут. А за других поручиться не могу. Сами присматривайтесь. Если встретите кого-либо, кто знал вас прежде, сообщите. Поинтересуемся и скажем, как ведет себя этот человек здесь. Одним словом, нужно быть особенно осторожным. Подлецов здесь немало.

— Много ли, мало ли, но есть, — вставил Ресовец. — А чтобы схлопотать немецкую пулю в лоб, достаточно одного негодяя.

— Я иногда думаю, — продолжал Дудин, — откуда только такая погань взялась среди нас. Хотя Виктор прав, предателей не так уж и много. Те, которые покрупнее, давно уже показали себя, верой и правдой служат немцам. Я имею в виду начальника лагерной полиции Чертолысова, Казака и других. Но ведь есть и такие, что хотят порядочными людьми себя показать, но присмотрись к нему — тошно становится.

— И все же порядочных людей в лагере большинство, — заключил Никулин. — Но по своей или по чужой вине боец в плен попал, положение его позорное. Вину свою перед народом мы должны искупить... даже ценой жизни. Надо бороться, товарищи. Вы согласны?

— Согласны, — коротко ответил Ресовец.

Дудин сообщил, что пограничники готовятся к побегу из лагеря.

— А есть возможности для побега? — поинтересовался Николай Константинович.

— Дело очень трудное. С ходу, конечно, мало что сделаешь. А рискнуть можно.

— Ну что ж, смелость города берет. Но рисковать попусту, по-моему, ни к чему. Надо делать наверняка, а для этого требуется основательно подготовиться. Жаль, что в нынешнем моем положении я при побеге только обузой буду.

— Ну, нет,— запротестовал Ресовец.— Мы этот вопрос уже обсуждали. Бежать — так вместе. Тебя здесь помирать не оставим.

— Подожди, — вмешался Дудин. — Не торопись. Никулин прав. Будем готовиться. А там, смотришь, и он на ноги встанет. А если кто раньше нас ухитрится сбежать — пожелаем ему счастья. Так, что ли?

— Правильно, — кивнул головой Никулин.

На том и порешили. Оставшись один, Николай Константинович с облегчением вздохнул. Он был рад, что товарищи поделились с ним своими мыслями, надеждами, значит, доверяют. Николай Константинович понимал, почему рассказали ему о подготовке к побегу. Ведь до войны он занимал пост, на котором советские люди привыкли видеть бойцов нестигаемой воли, беззаветно преданных своему народу, Родине. Вот и теперь от него ждали доброго совета, деловой помощи. Это обязывало действовать, оправдать доверие товарищей.

...Тянулись унылые и страшные лагерные будни. Тайком прибегал Дудин, приносил то кусочек хлеба, то брюкву или картошку. Пленный майор, назвавшийся Поповым, бывшим помощником начальника штаба полка, совсем незнакомый Николаю Константиновичу человек, работал на вещевом складе. Он принес как-то солдатскую шинель, гимнастерку, ботинки.

Мысль о побеге не оставляла Николая Константиновича и его друзей. С помощью товарищей, которых Ресовец вместе с ним укрывал в лазарете, Никулин организовал наблюдение за охраной. Они отмечали порядок и время смены караулов, патрулей. Никулин прощупал взглядом каждый метр ограды. Три ряда колючей проволоки, с внешней стороны — будки с часовыми, вооруженными автоматами, ручными пулеметами. Торчат пулеметы и на сторожевых вышках, установленных через каждые полсотни метров. Между рядами колючей проволоки бегают собаки. От будки к будке прохаживаются патрули. Ограда по ночам освещается мощными прожекторами. При малейшей попытке приблизиться к ней охранники открывают огонь.

И все же люди мечтали о побеге. Однажды в лазарет зашел бывший помощник коменданта одной из погранкомендатур. Он был зарегистрирован как рядовой, под вымышленной фамилией. Еще молодой, сравнительно сильный и бодрый человек, он жил мыслью о побеге.

— Я записался в рабочую команду, — возбужденно рассказывал он Николаю Константиновичу. — Нас водят через город. Есть возможность бежать. Давайте попытаемся?

— Пока не могу, — грустно ответил Никулин. — Придется ждать, только начал ходить, и опять открылись раны. А ты — беги. Желаю удачи. Только подготовился хорошо?

— Какая там подготовка! Тут на случай надеяться надо. Когда он еще представится. Если сейчас не решишь, так и остаешься здесь навсегда.

Больше пограничник в лагерь не вернулся. Что с ним случилось, никто не знал. Хотелось верить, что встретил добрых людей, которые помогли найти своих, стал в ряды вооруженных борцов с фашизмом. Но могло быть и по-иному.

...Приближалась весна 1942 года. Огромный двор Большого лагеря был покрыт холодной жижей — по тонкому ледку, сковавшему землю ночью, с утра топтались тысячи обутых в рваные сапоги, стоптанные валенки, обмотанных тряпками или даже босых ног, и лед не выдерживал, таял. Хмурилось небо. То дождь моросил, то срывался мокрый снег. Военнопленных выгоняли во двор на уборку. Сгребали снег кто чем мог — дощечкой, обломком фанерного ящика, а то и просто ногой. Снег таял, ледяная вода пропитывала одежду. Вернувшись в холодный барак, люди теснее жались друг к другу, стараясь согреться теплом собственных тел. Из всех углов доносился глухой кашель. Каждую ночь кто-нибудь умирал.

Низкое серое небо, изможденные, шатающиеся фигуры, медленно бредущие по грязи, по лужам, крики полицейских, звук ударов, стоны, лай собак — все это казалось нереальным, будто виделось и слышалось не наяву, а в кошмарном горячечном сне. А пленные все прибывали. В бараках уже не хватало мест. Кто сумел попасть под крышу, тот получал какой-то шанс выжить еще одну длинную морозную ночь. Неудачники дрогли и коченели

на ледяном ветру. Впрочем, нередко и в самих бараках по утрам вырубали топорами из ледяной корки труп человека, уснувшего на полу. Несколько немецких армейских повозок — длинных фюр, закрытых крышками, — с утра до ночи вывозили трупы из лагеря.

Нередко на зловещие фуры попадали еще живые, но ослабевшие люди. Они тщетно пытались выбраться из повозки. Ездовые спокойно и равнодушно затапливали их обратно под крышку подвижного гроба. Так живьем и закапывали.

Внешнюю охрану несли немцы. Они без особой нужды не заходили на огороженную территорию: опасались насекомых, заразных болезней, которые свирепствовали среди заключенных, особенно с наступлением теплых дней. А внутри лагеря хозяйничали полицаи. Оборванные, заросшие, голодные пленные находились в их полной власти. Лагерные капо могли безнаказанно убить, отобрать скудную пайку хлеба.

Одип из изменников знал Николая Константиновича по довоенной службе. Об этом случайно проведал Дудин. Вместе с Ресовцом он поспешил к Никулину, с которым успел сдружиться.

— Ты не помнишь такого Вишневецкого? Он к немцам перебежал. Тобой интересовался. Хочет в лазарет прийти.

— Вишневецкий? Не знаю такого...

Тренированный мозг Никулина усиленно заработал. Интуиция чекиста подсказывала: близится опасность. Как ее отразить? Ни с одним человеком, носящим фамилию Вишневецкого, Николай Константинович знаком не был. Откуда же тот мог знать Никулина?

— Ничего, друг, не волнуйся, — тихо проговорил Дудин, заметив тревогу на лице Николая Константиновича. — В случае чего Вишневецкий из лазарета не выйдет. Правильно, Виктор?

Ресовец утвердительно кивнул головой. Теплое чувство охватило Никулина. Вот она, настоящая дружба! Такую и смерть не возьмет.

— Спасибо, ребята, — охрипшим вдруг от волнения голосом проговорил он. — Только горячки пороть не надо. Посмотрим, что за тип этот Вишневецкий.

Вскоре в лазарете появился высокий брюнет лет тридцати — тридцати пяти. Он был чисто одет, хорошо вы-

брит. Подойдя к Николаю Константиновичу, отрекомендовался:

— Вишневецкий.

— Никулин, — ответил Николай Константинович, не сводя глаз с лица собеседника. Теперь он знал, с кем имеет дело. С этим человеком ему действительно приходилось встречаться до войны. Близко знакомы они не были, но видели друг друга часто. Тогда брюнет служил в одной из частей гарнизона, правда, фамилию носил другую. В лагере, видно, сменил.

— Никулин так Никулин, — охотно подхватил Вишневецкий. — Бывает и такое. Ну, как живешь, Никулин, чем занимаешься?

— Живу, пока живется, — неопределенно ответил Николай Константинович.

— Здоровье у тебя, видать, не ахти какое, — словно не замечая сдержанности собеседника, продолжал Вишневецкий. — Надо харчиться получше, а то долго не протянешь. Промыслом каким занимаешься или нет?

— Какие уж тут промыслы, еле ноги волочу.

— Ладно, помогу тебе по знакомству. Если хочешь, организую встречу с одним влиятельным человеком из лагерной комендатуры. Может, слышал, Плетнев его фамилия. Мне вот он помог устроиться — живу неплохо. И ты так сможешь. Твой опыт контрразведчика пригодится. Да и немцы будут довольны, если я тебя с ними познакомлю. Сам понимаешь. Не советую упрямиться. Был тут один очень идейный. Не согласился с немцами работать, его шлепнули. Вот и посуди сам, подумай. Надумаешь, скажешь. Только шевели мозгами быстрее. Жду.

— Подлечусь, а там видно будет, — уклончиво ответил Николай Константинович.

Лицо его было спокойно. Но в душе все клокотало. Никулин понимал, что Вишневецкий в лагере разыскивает людей, которых можно использовать в качестве провокаторов. Предатель надеется заработать, завербовав бывшего советского контрразведчика. По-видимому, вербовка провокаторов и была тем «промыслом», которым занимался Вишневецкий. Уж слишком много предоставлялось ему таких льгот, какие были немыслимы для обычного заключенного. Вишневецкий свободно уходил с территории лагеря, приходил, когда вздумается, иногда пропадал по

несколько дней. И эта дружба с «влиятельным человеком» Плетневым...

— Вот что, друзья, — сказал Николай Константинович, когда Вишневский ушел из лазарета. — Этого подлеца нужно убрать. И как можно скорее. Есть у нас сме- лые хлопцы? Вас-то он видел и будет остерегаться.

— Найдутся, — подумав, ответил Дудин. — Но как вы- нести труп за ограду? Оставлять в лагере его нельзя. Немцы за своего холуя десятки хороших людей из- ведут.

— Нужно будет переодеть его в лагерное тряпье, в грязи повозить, номер чужой пришить — и в черную фуру. Главное, чтоб убить гада без всякого шума. Нельзя его живым оставлять.

— Сделаем, — твердо ответил Дудин.

В тот же вечер, когда Вишневский направился к про- ходной, чтобы выйти в город, к нему подошел худощавый низкорослый паренек и вежливо спросил:

— Прошу извинить, не вы ли будете господин Виш- невский?

— А вам что за дело, кто я?

— Видите ли, Николай Константинович Никулин ве- лел мне срочно разыскать и пригласить к нему господина Вишневского. Судя по его описанию...

— Да, я Вишневский. А что Никулину нужно?

— Он говорит, что хочет сообщить что-то интересное для вас. И просит вас непременно зайти к нему и как можно скорее. Дело срочное.

Вишневский досадливо поморщился. У него были свои планы на вечер. Но и Никулиным пренебрегать не го- дилось. Вот только стемнело уже. За бараками такой мрак, что жуть берет. Вишневский покосился на себе- седника. Нет, этого паренька, пожалуй, можно не опа- саться. Узкоплечий, малорослый, вдобавок исхудавший так, что кости выпирают. Его разок толкни — рассылет- ся. Да и часовые кругом, полицаи везде ходят. Успокоив себя, Вишневский решил:

— Пошли!

Быстро миновав крайние бараки, спутники поверну- ли направо, к лазарету. Его стена, обращенная к ограде, была освещена. Вишневский окончательно успокоился.

— Сюда, сюда, пожалуйста, — приветливо пригласил его паренек, распахивая одну из дверей барака.

— Что-то, помнится, я в другую дверь заходил к Ни- кулину, — засомневался было Вишневский.

— Так его начальник лазарета Пирогов по указанию господина Казака перевел в более удобное помещение.

— Ах, вот как, — успокоенно проговорил Вишневский и, слегка пригнувшись, шагнул через порог. И сразу же удар страшной силы обрушился на его голову. Иван Бай- буров, бывший моряк-балтиец, взятый в плен под Лие- паей, со всего маху хватил изменника обмотанной в тряпье кувалдой. Вишневский даже не охнул. В мгнове- ние ока его переодели в рванину и, убедившись, что пре- датель не дышит, выбросили на свалку.

— Не заинтересовались бы фрицы, почему у него черепок, как тыква, расколот, — обеспокоенно прогово- рил паренек, который привел Вишневского в барак. — Начнут интересоваться, по лицу опознают.

— Не бойся, — успокоил Байбуров. — Я его по уши грязью заливал. От лагерников не отличишь, покойник как покойник. Да и в лагере его сегодня не хватятся. Он ведь отпросился в город. Так что все будет хорошо.

И действительно. Ни на другое утро, ни через месяц никто не поинтересовался, куда пропал Вишневский. Немцы, конечно, обнаружили, что их агент бесследно исчез. Но никого из пленных о нем не расспрашивали.

На следующее утро Дудин известил Николая Кон- стантиновича, что провокатор уничтожен.

Внимательно присматривался Никулин к начальнику лагерной полиции Казаку. О прошлом этого человека никто ничего не знал. Поговаривали, будто служил он в Красной Армии не то сержантом, не то лейтенантом, по все это были лишь догадки. Даже ближайшие подручные Казака не знали, как он появился в лагере. Высокий, плечистый, внешне красивый парень оказался сущим зверем. Во главе шайки «блюстителей порядка» Казак без усталы шпырял по территории лагеря, и горе тому, кто попадался ему на глаза.

Окрепнувший Никулин детально изучил обстановку в лагере и принялся тщательно готовить побег. Учиты- вая относительно привилегированное положение Дуди- на, Николай Константинович попросил его сблизиться с Казаком, расположить этого негодяя к себе и добить- ся, чтобы на работы за пределами лагеря он назначал членов патриотической группы. Нужно было в рабочие

команды включить своих людей, чтобы они хорошо изучили обстановку за чертой лагеря, выяснили маршруты возможного побега. Дудин взялся за дело. И постепенно его самого и других пограничников Казак все чаще стал посылать в город. Дудин ликовал:

— Ключул Казак на подарки, что мы ему подносим. Уже отличает «своих». Знаешь, Николай, ведь мы можем создать команду из одних наших людей.

— Только не надоедай Казаку своими просьбами и предложениями. Это может вызвать подозрение. Действуй постепенно, осторожно.

И Дудин действовал. Возвращаясь из города, приносил Казаку водку, папиросы, деньги. Казак «подобрел», он даже предложил Дудину пойти в полицию. Вместо этого майор попросился старшим рабочей бригады. Казак одобрил такую инициативу — рассчитывал хорошо пожить от «своего» человека. Теперь уже сам Дудин отбирал людей в город на работу. Все шло, как и предполагалось.

— Уже можно бежать, — торопил Дудин. Его поддерживал Ресовец. Но Николай Константинович не соглашался.

— Бессмысленно, — доказывал он. — Далеко ли убежишь? Языка латышского никто из нас не знает. Надежных людей, которые могли бы укрыть, переодеть, провести к фронту, тоже нет. Нам же надо не просто бежать куда глаза глядят, а в боевой строй возвратиться.

— Что же, нам теперь латышский язык изучать? — пронизывал Ресовец. — Так ведь в лагере преподавателей не найдешь, да и немцы школу открыть не позволят.

— Ну ясно, не разрешат, — спокойно отвечал Николай Константинович. — Но и мы разрешения у них спрашивать не будем. Надо найти в лагере людей, которые и язык местный знают, и родственников или знакомых имеют в Латвии. Предложим им бежать вместе с нами. Они за проводников будут. Сумеешь подыскать нужных людей. Дудин? У тебя ведь широкие знакомства.

Дудину не нужно было повторять задание. Он молча кивнул головой. И вот через некоторое время в лазарете появился еще один солдат, доведенный условиями в лагере до истощения. Его привел в лазарет Казак.

— Возьми эту пададь, — грубо приказал он Пирогову. — Поставь на ноги. Понадобится еще.

Появление нового больного беспокоило Николая Константиновича. Почему его привел Казак? Может, его подсадили как провокатора? Но тогда зачем же делать это так грубо? Немцы не настолько глупы, чтобы послать своего агента в лазарет в сопровождении Казака. Всякого, кто с ним знается, военнопленные ненавидят и презирают. Не случайно жаловался Дудин, что, сблизившись с Казаком, он теряет прежних друзей среди пленных.

Николай Константинович попросил Ресовца пригласить Дудина в лазарет. Через несколько дней друзья встретились в «аптеке».

— Прости, Николай, не смог тебя своевременно предупредить, — сказал Дудин. — Работы у меня сейчас по горло. «Дружба» с Казаком нелегко мне дается. Волчком кручусь. А солдата этого я по твоей просьбе разыскал. Фамилия его Петров. Он сам житель Резекненского уезда. Там у него и родственники есть. Латвию знает прекрасно.

— Почему же его сюда Казак привел? — поинтересовался Никулин. — А я было уже забеспокоился. Шутка ли? Сам Казак! Чего только не подумаешь!

— Казак просто тупица. Он от своих бесчинств да пооек совсем разум потерял. Я ему как-то сказал, что нам никак нельзя без переводчика. Чтобы выменять или купить что-либо у местного населения, нужно латышский язык знать. Попросил подыскать нам в команду солдата, который хорошо бы знал латышский и русский языки. Казак сразу смекнул — выгодно! Давай, говорит, искать вместе. А у меня уже был такой на примете. Попросил Казака направить его в лазарет.

— Жаль, что парень ослабел совсем, — заметил Ресовец. — Целыми днями молчит. Спросит что-либо и снова замолчит. Но, думаю, скоро поправится. Я его выхожу.

— Присмотрись к нему, Николай, — предложил Дудин. — Военнопленные о Петрове отзываются хорошо. Недельки через две, когда станет на ноги, возьму в город. Ну, а годеи он для нашего дела или нет — решай сам.

— Ладно, договорились.

Дудин ушел, а Николай Константинович долго думал о нем. Знал он Дудина по совместной службе уже давно. Ничем особенным от других никогда не отличался, разве биографией своей дворянской. Характер имел сдержанный, даже замкнутый. Казалось, мало чем интересовался,

кроме финансовых дел. Только в дни выдачи денежного содержания, когда в небольшую комнату финчасти собирались люди, Дудин оживлялся. То попутит, то анекдот расскажет. В части все знали, что пачфин недолюбливает общественные поручения и большую часть свободного времени проводит в семье. «Сухой человек, отсталый», — отзывались о нем. Но если Дудина удавалось уговорить сделать что-то, он делал добросовестно, с присущей ему педантичностью. Кто мог подумать тогда, что Дудин в самой сложной обстановке сумеет действовать столь решительно и самоотверженно? И вот теперь в лагере раскрылся настоящий характер человека!

Открывая в Дудине незаурядные способности подпольщика-организатора, Николай Константинович все больше проникался уважением к нему. Присланный им солдат оказался очень нужным человеком. Он сумел установить дружеские связи с рабочими топливного склада, найти среди них настоящих патриотов, которые согласились помочь военнопленным бежать из немецкого лагеря, укрыть и переодеть, проводить в лес к партизанам.

Дудин в эти дни ходил от радости сам не свой. Как-то он, потеряв обычную сдержанность, весело сказал Николаю Константиновичу:

— Теперь-то успех обеспечен. Скоро на свободе будем. Только бы выбраться за проволоку, а там — поминай как звали. Тебе спасибо, падоумил, как действовать.

— Погоди благодарить, надо дело сначала сделать. Самое трудное еще впереди.

— Все, все верят, что побег удастся. Ты посмотрел бы на наших людей. Они ведь просто горят от нетерпения.

— А вот показывать этого не следует, — предупредил Николай Константинович. — А то как бы в самом деле не «сгорели». Во всем осторожность пужна. Малейший промах — и все прахом пойдет.

— Идем твоего сигнала. Я все подготовил. Как только уйдем из лазарета, Казак направит тебя в нашу рабочую бригаду и тогда...

Казалось, до малейшей мелочи разработал Никулин план побега, все предусмотрел. Но побег не удался. Помешал предатель. В лазарете на должности санитаря работал парень из вольнонаемных — Семен Бедунов. Бело-

брысый и голубоглазый, тихий, ласковый, он бесшумно проходил между нарами, частенько спрашивал у Никулина:

— Может, водицы. Хотите испить, дядя Коля? Или принести чего?

«Дядями» паренек величал всех раненых старше его возрастом. Особенно он старался угодить Дудину и Ресовцу. Но военнопленные сторонились санитаря, видя в нем ненадежного, трусоватого человека, а может быть, и немецкого агента, приставленного наблюдать за теми, кто находится в лазарете. Николай Константинович давно предупредил своих друзей, чтобы они избегали вести серьезные разговоры при Семене Бедунове. Но однажды произошло непредвиденное.

В лагере было несколько подростков, воспитанников музыкальных взводов. Их содержали наравне со взрослыми военнопленными. Один из них был схвачен при попытке похитить краюху хлеба. Полицаи набросились на него, били дубинками, топтали ногами. Из окна лазарета это увидел кто-то из раненых.

— Не могу терпеть больше, не могу! — во весь голос заговорил он, дрожа от ненависти. — Надо что-то делать. Ведь мы — советские люди. Командиры, коммунисты! Понимаете? Мы обязаны действовать! Неужели мы не придумаем, как отомстить проклятым фашистам?! Нельзя молчать! Не могу больше!..

— Прекрати истерику! — прикрикнул Николай Константинович. — У нас, думаешь, душа не болит?

Раненые зашумели. В их гневных голосах звучало долго сдерживаемое негодование. Они проклинали фашистов. И никто в этот момент не обратил внимания на притаившегося в углу Семена Бедунова. Он давно следил за Николаем Константиновичем и его друзьями, а сейчас, видимо, решил, что заветный час настал. Змеей скользнув за дверь, предатель подошел к одному из полицаяв.

— В лазарете лечатся не только солдаты, но и офицеры, есть даже коммунисты, — угожливо проговорил он. — Я только что узнал об этом. Их фамилии...

Полицейский мигом сообразил, что эта новость заинтересует немцев, и побежал к своему начальнику. Уже вечером стало известно, что всех заподозренных переводят в другой лагерь. В лазарет пришел переводчик комендатуры и пояснил:

— О, наш лагерь не для офицеров. Мы не можем заставить вас арбайт. Поедете в Саласпилс. Там офицерский дулаг. Там есть карапу.

Он одобрительно похлопал санитаря по плечу, сунул ему в руку сигарету и, покровительственно улыбнувшись, вышел. Пленные переглянулись. Сюда уже дошли слухи о Саласпилсском лагере. Все поняли, что им предопределена участь смертников.

Едва переводчик вышел, раненые повернулись к Бедунову. Тот испуганно забился в угол. Искривленные ненавистью лица красноречивее слов говорили предателю, что его ждет... В бараке воцарилось зловещее молчание. Но тут распахнулась дверь и на пороге появился Казак. За ним толпились полицаи, поодаль стояли вооруженные немецкие солдаты.

— А ну, выходи все! — скомандовал Казак.

Полицейские вывели Дудина, Никулина и их товарищей во двор и там построили. Немецкий офицер объявил:

— Вы переводитесь в офицерский лагерь в Саласпилс. Там для вас создадут хорошие условия, не будут посылать на работы.

Пленные угрюмо молчали. Никто не верил в «доброту» фашистов. Николай Константинович внимательно оглядел своих товарищей. Люди спокойно, не отводя взора, смотрели на чекиста. Они были готовы к борьбе.

А через несколько недель вся рабочая бригада, которой когда-то руководил Дудин, не вернулась с топливного склада. Убив конвоиров, пленные с помощью латышских рабочих бежали к партизанам. Труд, вложенный Дудиным и Никулиным в подготовку побега, не пропал. Двенадцать военнопленных обрели свободу. Эта весть быстро разнеслась по лагерю. Не знали о ней только организаторы смелого побега — майор Дудин и капитан Никулин.

Глава третья

ПОЕДИНОК

Крытые грузовики, длинные, как вагоны, прогрохотали по улицам Риги, выехали на шоссе, ведущее к Даугавпилсу.

Люди сидели молча в переполненных кузовах. Будущее рисовалось им в самых мрачных красках. Мартовский

свежий ветер, проникая в щели старого кузова, пожом впивался в полуобнаженные спины пленных. Вооруженные до зубов охранники зорко следили за каждым их движением. Злобно рычали натренированные немецкие овчарки.

Николай Константинович не представлял, большое или малое расстояние проехали машины. Время тянулось томительно медленно, но желания поторопить его не было. Наконец грузовики остановились.

— Вер, вер! — кричали гитлеровцы, прикладами согняя пленных в колонну. Залаяли собаки, набрасываясь на людей. Направо и налево с маху били дубинками солдаты из охранного батальона. И вскоре скорбная процессия, вытянувшись длинной колонной, двинулась в путь по сырой, заболоченной земле к самому страшному из лагерей смерти, созданных гитлеровцами на территории Латвии.

Колонну пленных пригнали в густой лес. Узники увидели несколько дощатых домиков, большую поляну, окруженную проволокой в три ряда, и вышки с пулеметами. Охрану несли эсэсовцы. Всякая связь с внешним миром была прервана. С территории лагеря никого никуда не выпускали.

— Теперь все, — грустно проговорил Дудин, — отсюда не выберешься.

— Надо выбраться, — ответил Никулин, хотя и сам содрогнулся, увидев, как в песчаных ямах, вырытых руками пленных, копошились живые и умирающие, лежали гниющие трупы. Их никто не убирал. Изможденные люди ползали по земле, выскивая пожухлые травинки, и тут же поедали их. Несколько берез, росших посреди поляны, были обгрызаны выше человеческого роста, а пленные все старались взобраться по стволу, оторвать кусочек коры — и падали, обессиленные.

Прибывших разместили по разным блокам. Никулин и Дудин хотя и оказались в одном блоке, но некоторое время не встречались. Чтобы не привлекать к себе внимания, они делали вид, что не знают друг друга. Хотелось думать, что их перевели в Саласпилсский лагерь лишь как офицеров, которых выдал санитар. Но каждый допускал, что немецкая контрразведка могла напасть на след организаторов побега. Ведь как ни конспирировались Никулин и Дудин, все же пришлось привлечь к делу

многих. Знали о нем и те, кто должен был бежать, знали и те, кто готовил и обеспечивал дерзкий побег. А при таком широком круге посвященных всегда существует опасность провала.

Шло время. Каких-либо запросов о Дудине и Никулине в лагерь, видимо, не поступало. Их не трогали. Приятели начали чаще встречаться, немного успокоились. И тут Дудина потребовали в комендатуру лагеря. Вызов был настолько неожиданным, что он не успел предупредить Николая Константиновича. Пришлось немедленно последовать за полицейским. Вернувшись к вечеру в свой блок, Дудин разыскал Никулина и отозвал в сторону, чтобы без помех побеседовать.

— Похоже, Николай, наши бежали, — довольно улыбаясь, заговорил вполголоса Дудин, убедившись, что никто не подслушивает. — Мне, конечно, об этом не говорили. Все расспрашивали о людях, связанных с рабочими командами Большого рижского лагеря, про Казака допытывались. Кто да что, да почему? Подозревают, видно, что Казак помог пленным бежать. Я, конечно, понял, откуда и куда дует ветер, постарался побольше паговорить на Казака. Пусть мерзавцу влетит от немцев.

— Не радуйся преждевременно. Смотри, как бы нам с тобой не влетело.

— На этот раз, кажется, пронесло, — улыбнулся Дудин. — Обманули церберов. От души рад за наших ребят.

Николай Константинович понимал его и тоже радовался удаче.

— Эх, если бы мне удалось бежать! — продолжал Дудин. — Я показал бы фрицам, кто такой начфин Дудин. За все свои муки, за позор свой рассчитался бы сполна...

Дудин тяжело дышал. Его давил хриплый прерывистый кашель.

— Что с тобой, дружище? — спросил Николай Константинович. — Уж не заболел ли?

— Горит все внутри, простудился наверняка. Да и не удивительно. Всю зиму мерзли в Рижском лагере. Теперь весна, а лучше не стало: холод собачий, сырость. Боюсь, как бы не свалиться.

Николай Константинович молча стянул с себя весь изодранный грязный шерстяной свитер и подал товарищу.

— Ты что?! — отшатнулся Дудин.

— Надень, говорят тебе. С меня и шинели хватит.

— Не возьму.

— Не упрямясь, — настаивал Никулин. — Потом отдашь.

— Ну хорошо, — согласился Дудин после некоторого колебания. Он надел свитер и, виновато улыбаясь, заметил: — Смотри, как будто и теплее стало. Хоть и лохмотья, а греют...

— Теперь давай о деле потолкуем, — продолжил разговор Никулин. — Тебя, значит, о побеге прямо не спрашивали? Выходит, прямых улик против тебя нет, но ты теперь на подозрении. Помни об этом. Чуть что не так — и с тобой церемониться не станут. Будь осторожен...

А весна брала свое. Все реже шли дожди, не дули больше холодные ветры, дни становились теплыми, солнечными. Приближалось лето. И люди в лагере все чаще говорили о побеге. Пленные держались небольшими группами. Собирались земляки, однополчане или просто товарищи, которых накрепко сдружила тяжелая лагерная доля.

Николай Константинович тоже ломал голову в поисках путей на волю. Но ничего сулящего успех не находил. Немцы надежно охраняли свои жертвы.

Приглядываясь по профессиональной привычке к людям, Никулин мысленно оценивал их, подбирал товарищей для побега. Многие ему приглянулись по душе, в отношении других чекист колебался, а были и такие, которые с первого взгляда внушали подозрение. Как-то Дудин рассказал о своем знакомстве с Сыромятым, который до плена якобы был чекистом.

— Твой коллега, Николай Константинович. — Давай познакомлю. Может, пригодится. Как думаешь?

— Познакомиться можно, но откуда ты узнал, что он чекист?

— Так он сам об этом сказал.

— Вот как? Интересно. Одному тебе сказал или перед всеми открылся?

— Не знаю. Мне, во всяком случае, говорил.

— Чем же вызвана такая откровенность?

— Разговорились как-то по душам, вот он и рассказывал.

— Познакомиться можно. Но ты с ним не откровенничай, будь осторожен. И обо мне — ни слова. Возможно, это провокатор.

Сообщение Дудина настораживало. Не мог настоящий чекист действовать так неосмотрительно. Тут не простой неосторожностью попахивает.

Для через два Дудин подошел к Николаю Константиновичу с незнакомым конопатым парнем и сказал:

— Знакомся, Никулин, это Сыромятый.

Николай Константинович молча пожал протянутую руку, окинул быстрым взглядом Сыромятого. Бегающие глаза, утонувшие в глазницах под выдающимися вперед надбровными дугами, скошенный лоб, наглый и одновременно трусоватый взгляд. «Типичный уголовник», — отметил про себя Никулин.

— Чего молчишь, парень, ай жистью недоволен? — прохрипел Сыромятый. — Держи хвост пистолетом. У нас, у энкаведешников, такой закон — хоть кишки вон, а держи фасон.

Слушая разглагольствования Сыромятого, Николай Константинович окончательно убедился: перед ним — провокатор. Чекист не мог так держаться, так разговаривать. Это — привычка старого уголовного, бандита.

— Так ты, говоришь, в НКВД служил? — осторожно оглянувшись, шепотом проговорил Никулин и придвинулся к Сыромятому. Тот воспринял это как знак доверия и утвердительно кивнул. — Так почему же тебя до сих пор не расстреляли, гад! А ну, признавайся, сколько наших душ загубил, сколько в «сибирскую академию» сплавил?

Сыромятый испуганно отшатнулся:

— Ты что, с ума сошел?

— А вот пойду к коменданту, он разберется, кто из нас с ума сошел.

— Ты не кипятись зря, чего на своих гавкаешь, — миролюбиво заговорил Сыромятый. — Никакой я не чекист. Это только так, для авторитету.

— Для авторите-ту-у, — передразнил Николай Константинович. — Вот вздернут тебя на виселицу, дурака такого, и поделом будет. Давай, вали отсюда, пока я добрый.

Тот поспешил удалиться, радуясь, что его не раскусили. А Никулин укоризненно поглядел на Дудина:

— Эх, друг, друг! Как же ты гестаповского агента не разглядел?

— Какой там гестаповец, — отмахнулся Дудин. — Сыромятый — общительный парень, отзывчив, неплохой то-

варищ, хотя и с блатным дупком. Но это он на себя больше напускает. Мне, мол, все нипочем. А душой, я верю, он наш человек.

— Хочешь проверить?

— Давай. Но как?

— Нужно подумать.

Через некоторое время Николай Константинович пригласил Дудина в дощатый сарайчик для хозяйинвентаря. Туда никто из немцев и их прислужников никогда не заглядывал. В сарайчике хранились бочки из-под горючего, банки из-под краски, различная ветошь, тряпье. Крупными печатными буквами Никулин написал на стене несколько антифашистских призывов и тут же слегка замазал их остатками черной краски. Сарайчик закрыли на замок. Он защелкнулся, а ключа от него не было. Несколькими днями позже приятели встретились с Сыромятым. Беседуя о лагерных новостях, Никулин с возмущением сказал:

— Мы тут с Дудиным случайно зашли в сарай для инструмента и на стене увидели большевистские лозунги. Попробовали их затереть, но не хватило краски все как следует замазать. Найти бы этого агитатора. Он пишет, а отвечать-то в случае чего всем нам! А кому охота безвинно страдать? Мне еще жить хочется...

Сыромятый слушал невнимательно, даже отвернулся и зевнул, будто новость не представила для него никакого интереса. Потом сказал:

— Трусоват ты, Никулин, дрожишь за свою шкуру. А я думал, ты парень хват. Ну, прощай, покедова, пойду.

— Вот видишь, я же говорил тебе, наш это человек, — перебил Дудин Николая Константиновича. — Как он тебя отчитал здорово! Провокатор сразу бы прицепился.

— Не спеши с выводами, — прервал Никулин приятеля. — Посмотрим, что дальше будет.

Прошло два дня. У сарайчика все оставалось без изменений. А на исходе третьего наблюдавшие издали Дудин и Никулин увидели там двух полицейских. Чертыхаясь, те взламывали замок. Сквозь открытую дверь было видно, как они старательно замазывали надписи. Расчет оправдался. Сыромятый и его хозяева попались на самую немудреную хитрость.

— Ну как, теперь веришь? — укорял Николай Константинович Дудина. — В сарае никого, кроме нас, не было. Мы написали, мы закрыли на замок. Сказали о надписях только Сыромятому. Выводы делай сам.

— Ах, иуда! — процедил сквозь зубы Дудин. — Убить провокатора надо — вот что.

— Этого еще только не хватало! Наоборот, пусть пока живет. И отталкивать его не надо. Но к делам нашим, разумеется, и близко не подпускать. Разыгрывай перед ним смиренного простака — и все. Предупредим товарищей, кто он такой и почему его не убили. Разоблаченный враг может еще пригодиться, как тот же Козак в Рижском лагере. Зачем открывать немцам, что мы знаем их козыри?

— Так и хочется этому «козырю» в зубы дать.

— Потерпи, успеем.

Дудин требовал расправы над провокатором, земляки-ленинградцы офицеры Подияров, Курынов — тоже. Николай Константинович стоял на своем: лучше знать предателя и водить его за нос, чем гадать, кого еще подсунет немецкая контрразведка. Ему удалось убедить товарищей. И все же у всех, в том числе и у самого Никулина, при каждой встрече с предателем чесались кулаки. Здраваясь с ним, каждый чувствовал, что прикоснулся к чему-то очень гадкому. Хотелось тут же вымыть руки. Но зато разоблачение Сыромятого позволило Николаю Константиновичу сблизиться с Подияровым и Курыновым. Они стали часто встречаться, подолгу и задушевно беседовали.

Капитан Ран, первоклассный летчик люфтваффе, легко оторвал самолет от земли. Набрав высоту, он развернул машину и, слегка накренив ее на правое крыло, повел по кругу над варшавским аэродромом. Внизу виднелась группа провожавших адмирала Канариса офицеров. Ран отметил про себя, что стоят они не шевелясь, словно в строю. Лишь головы поворачивали в сторону пролетавшего самолета. «Шеф умеет поддерживать дисциплину, — подумал Ран. — Пока самолет не скроется, они не уйдут с аэродрома».

Сделав традиционный круг, Ран повел самолет над Варшавой. Летел низко-низко. Хотел, чтобы шеф посмотрел польскую столицу с высоты птичьего полета. Капитан

Ран строго следовал установившейся традиции — показывать адмиралу Канарису столицы европейских государств с воздуха. Так он демонстрировал своему шефу с воздуха Мадрид, Лиссабон, Париж, Вену, Белград, Софию, Бухарест, Брюссель. В одни города Канарис прибывал с официальными визитами, в другие — с тайными, в третьих появлялся как завоеватель.

Ран надеялся осенью сорок первого года показать своему шефу с воздуха и столицу Советской России — Москву, ее старинный Кремль, Красную площадь. Но этой надежде не суждено было сбыться.

За долгие годы между Раном и его шефом установились такие отношения, когда подчиненный о своем начальнике знает даже больше, чем положено, и умеет с первого взгляда определять его настроение. От внимательного взгляда Рана не ускользнуло, что адмирал весьма холодно попрощался на варшавском аэродроме с провожавшими его офицерами, что с момента вылета из Берлина он чем-то взволнован, что-то глубоко переживает...

Погруженный в раздумье, адмирал Канарис не заметил, как оказался над Ригой. Под крылом самолета проплыл лабиринт улиц Старого города. По мостам через закованную в лед и припорошенную снегом Даугаву изредка пробегали машины, не спеша ехали извозчики, кое-где виднелись пешеходы.

Наблюдая за улицами, Канарис не видел оживленного движения, столь характерного для больших городов. Улицы Риги были полупустынны. Сколько раз адмиралу приходилось видеть подобное в оккупированных городах Запада! Покоренные города с приходом немцев словно впадали в тяжелый сон.

Капитан Ран плавно приземлил самолет. Машина на какой-то миг повисла в воздухе, словно раздумывая, продолжать или прекратить полет, затем коснулась колесами грунта и побежала по заснеженному полю, постепенно сбавляя ход. Погасив инерцию, Ран подвел самолет к стоянке.

Еще не выходя из кабины, Канарис заметил, что встречать его прибыл лишь начальник базирующегося на территории Прибалтики разведоргана «Абверштелле-Остланд» полковник Неймеркель, и про себя отметил его предусмотрительность. Сейчас было не до пышных встреч. Адмирал предпочитал прибыть в Ригу незамеченным, чтобы,

не привлекая внимания посторонних, провести деловое совещание с руководителями местных органов абвера.

Канарис сел в роскошный «оппель-адмирал» полковника Неймеркеля и коротко приказал:

— Завтра же соберите офицеров вашего аппарата.

Затем он замолчал и всю дорогу до штаба не открывал рта.

...Стояло ясное морозное утро. По заснеженным улицам Риги одна за другой мчались машины с офицерами «Абверштелле-Остланд», руководителями армейских разведорганов, команд, групп, разведшкол северной группировки немецких войск. Все они направлялись к зданию на углу нынешних улиц А. Пумпура и Ю. Алунана, где до войны находилось одно из иностранных посольств.

Небольшой двухэтажный особняк, облюбованный под штаб руководителями «Абверштелле-Остланд», находился в самом аристократическом районе Риги, на тихой улице, застроенной красивыми старинными зданиями. К дому примыкал небольшой дворик, обнесенный высокой каменной стеной. У подъезда здания и у ворот неподвижно стояли часовые.

Сюда и направлялись офицеры абвера. Выходя из машин, они поспешно скрывались во дворе.

К назначенному сроку все были в сборе. Разместились в небольшом, но уютном, со вкусом обставленном кабинете Неймеркеля. Адмирал Канарис начал совещание с краткого обзора положения на Восточном фронте, затем перешел к оценке действий абвера. Из его выступления слушателям стало ясно, что рассчитывать на легкую и скорую победу в войне не следует. Нужно готовиться к серьезным и длительным сражениям, в которых разведке придется сыграть немаловажную роль.

— Нам необходимо, — говорил Канарис, — начать тотальную разведку русских, забросить в их тыл тысячи агентов. Белоэмигранты себя не оправдывают. Они потеряли связь с Россией, не знают теперешнего образа жизни и легко становятся добычей советской контрразведки. Нужно менять тактику. Рекомендую обратить внимание на лагерь русских военнопленных, — продолжал адмирал. — До сих пор офицеры абвера больше занимались допросами пленных и перебежчиков. Сейчас нужно направить вербовщиков в лагерь военнопленных, чтобы там искать

агентов. Уверен, что они найдут тех, кто желает служить Великой Германии и нашему фюреру.

Лица некоторых офицеров выражали явное сомнение. Адмирал не увидел в этом ничего удивительного. В зале сидели опытные разведчики. Они имели свои, обоснованные, испытанные на личном опыте взгляды на подготовку агентуры. Канарис спокойно спросил:

— Кажется, есть вопросы, господа?

— Да, есть, — поднялся из-за стола начальник «Абверкоманды-104» подполковник Шimmel. — Если я правильно понял вас, речь идет о массовой вербовке агентов в лагерях военнопленных для дальнейшего обучения в разведшколах?

— Правильно.

— Но, господин адмирал, многие русские военнопленные могут воспользоваться удобным случаем, чтобы вырваться из плена и перейти к своим.

— Вполне возможен и такой вариант. Поэтому следует внимательно подбирать кадры. Ориентируйтесь прежде всего на тех, кто пострадал от Советской власти, недоволен ею и готов вести борьбу с большевиками. Пошлите в лагеря опытных вербовщиков, и они найдут нужных людей. Приглядывайтесь к тем, кто нал духом. В лагерях не санаторный режим. Вы это знаете. Германия не обязана кормить своих врагов и заботиться об их благополучии. Кто не хочет страдать от голода и неудобств, пойдет к нам. Постарайтесь запугать, скомпрометировать их перед Советами. Поставьте в такое положение, чтобы они поняли: отступать некуда, пути отхода отрезаны, мосты сожжены. Впрочем, вас учить таким прописным истинам нет необходимости.

Канарис на мгновение замолчал. В глубине души он понимал, что организовать массовую вербовку русских военнопленных в абвер будет нелегко. Предатели, конечно, найдутся. Но много ли их будет? Немецкая армия, как он сам убедился, столкнулась с сильным противником. Русские солдаты и офицеры стойко сражаются до последнего патрона в самых невыгодных для себя условиях. А последним выстрелом нередко кончают с собой, предпочитая смерть позору плена. Адмирал сам видел таких воинов и удивлялся их храбрости и самоотверженности.

Скрывая свои сомнения под ласковой улыбкой, Канарис обвел всех зорким, чуть насмешливым взглядом и доверительным тоном продолжал:

— Между нами говоря, если русские действительно расстреляют кого-либо из тех, кто перебежит к ним с повинной, великая Германия и фюрер потеряют немного. Разве что время, затраченное на их подготовку. Не нужно жалеть агентов. Нам гораздо дороже сведения, собранные ими. Все равно, когда они сделают свое дело, им придется уйти.

По залу прошелестел негромкий смех, послышался гул одобрения. Присутствовавшие зашевелились, под ними заскрипели кресла. Абверовцы поняли, что за расход «людского материала» строго спрашивать не будут, стало быть, можно действовать без боязни.

— Перед вылетом к вам я был у фюрера, — сказал в заключение своей речи Канарис. — Он недоволен работой абвера и считает нас виновными в поражении под Москвой. Верховное командование готовит решающее наступление на Восточном фронте. Мы возьмем реванш за Москву, господа! В этом никто не смеет сомневаться. И путь к победе нашим войскам проложите вы — офицеры абвера. Фюрер дал нам полную свободу действий. Смелее в бой!

Совещание в «Абверштелле-Остланд» в Риге продолжалось долго. Канарис принял всех руководителей разведывательных органов, разведшкол. Перед каждым ставил конкретную задачу по подготовке широкого агентурного наступления. Разведчики не медля приступили к делу.

Особо доверительную беседу Канарис имел с начальником Валкской и Стренченской разведшкол майором фон Ризе.

— Ваши учебные заведения будут готовить агентов для всех разведорганов группы армий «Север», — наставлял Канарис майора фон Ризе. — Доверие оказываем вам большое, учтите это. В помощь вам дали опытного специалиста по Прибалтике капитана Шнеллера. Настоящее его имя — барон фон Шиллинг. Порою это баронство кружит капитану голову, но я уверен, что вы сумеете держать его в руках и хорошо сработаетесь.

Канарис внимательно посмотрел на вытянувшегося перед ним офицера и очень тихо, но значительно добавил:

— Учтите, я сам буду контролировать вашу работу.

Это прозвучало почти как угроза. Майор фон Ризе побледнел. Он достаточно хорошо знал характер всемогущего руководителя абвера, чтобы понять: спуску не будет. Спросят за малейший промах. И горе ему, если не сумеет добиться успеха.

Канарис, до этого стоявший у окна, вернулся к столу, сел в кресло и махнул рукой, давая понять, что разговор закончен. Майор фон Ризе целкнул каблуками, круто повернувшись, вышел из кабинета. Спустившись на первый этаж, он взял в канцелярии досье па Шнеллера.

Барон фон Шиллинг, получивший в абвере псевдоним «капитан Шнеллер» (Быстрый) за крайне медленное продвижение по службе, родился в Прибалтике и имел родовое поместье под Либавой. После первой мировой войны Шиллинги репатриировались в Германию.

Когда гитлеровцы захватили власть, фон Шиллинг, как знаток Прибалтики, был приглашен сотрудником в абвер. Он с радостью взялся за дело, сулящее большую карьеру.

Но старания Шнеллера не были замечены. Другим и за более скромные успехи давали чины, ордена, а он в свои пятьдесят лет так и оставался рядовым работником абвера.

«Н-да, с этим обиженным придется быть настороже, — размышлял майор фон Ризе. — Он попытается подсадить меня». Фон Ризе не боялся внезапно появившегося соперника. Нет, он умел делать карьеру, имел связи в верхах и занимал прочное положение, ему прочили большое будущее. Но все же выполнять ответственное задание, ежеминутно ожидая подвоха от своего помощника, — это очень неприятно. И еще не познакомившись со Шнеллером лично, фон Ризе невзлюбил его. В самом скверном состоянии духа майор выехал из Риги и в Валке принял Шнеллера с большой неприязнью.

Глава четвертая

«СОЛДАТ ФЮРЕРА»

Когда наступили теплые погожие дни, в лагере появился новый человек. Рослый, упитанный, пыщущий здоровьем и силой. На смуглом холеном лице — выражение

брезгливой внимательности. Одет в отличный гражданский костюм, в белоснежную сорочку с галстуком.

— Это что еще за франт сюда пожаловал? — недоумевали пленные.

— Видать, начальство какое-то прикатило...

— А чего ему, начальству, смотреть здесь? Как люди заживо гниют, поглядеть хочется? Ну, пусть походит, понюхает...

— Тихо вы! Это из международного Красного Креста представитель. Обследовать будет...

— Как же, обследовал один такой. Сам не захочет, да и немцы не пустят...

Долго толковали заключенные, стараясь понять, чем вызвано появление франтоватого господина, но вскоре все разъяснилось. Полицейские согнали пленных к столу, за которым расположился незнакомец, и тот без обиняков сообщил:

— Моя фамилия Плетнев. Я — бывший капитан Красной Армии. Ненавижу коммунистов и Советскую власть, поэтому перешел на сторону русской освободительной армии, которой командует генерал Власов. С помощью непобедимых германских войск мы разобьем большевиков, и тогда тот, кто был с нами в этой борьбе, получит все, что захочет.

— Гад, фашистам продался! — полоснул истощенный крик из толпы.

— Не продался, а перешел на службу, — невозмутимо возразил Плетнев. — И не к немцам, а в нашу русскую армию, которая несет новый порядок в Россию!

— Муки и слезы несешь ты России! — не унимался все тот же голос.

Плетнев кивнул полицая, и тот ринулся в толпу. Но люди лишь плотнее прижались друг к другу. Тогда на них со всех сторон налетели охранники. Замелькали дубинки, посыпались удары... Вскоре перед Плетневым стоял совсем еще молоденький младший лейтенант с залитым кровью лицом. С минуту поглядев на него, Плетнев сказал:

— Вот так и мутят вас евреи да комиссары. Но с новой властью шутки плохи. Увести его!

Затем как ни в чем не бывало Плетнев продолжал разглагольствовать о различных благах, которые получит тот, кто согласится стать пособником гитлеровцев. Толпа пленных угрюмо молчала.

— Вы гниете здесь заживо, и ничто не спасет вас, — надрылся Плетнев. — Сами не сдохнете, так немцы убьют. А во имя чего? Покойнику идеи ни к чему. Вот поглядите на меня. Живу как человек, а после победы еще лучше жить буду. Немцы Москву взяли, Ленинград у них, к Волге подходят. На что вам надеяться? До своих не добежите, а если и добежите — так лучше не будет, все равно расстреляют за измену. Докажи там, что не добровольно в плен сдался. А я вам жизнь предлагаю. Да еще какую! Водки, баб, жратвы — всего вволю будет. А ну, кто желает жить весело, сытно, подходит!

Дудин с ненавистью и омерзением слушал предателя. Он хорошо и давно знал Плетнева, тоже бывшего царского офицера, с которым когда-то учился в инженерном училище. Сын надзирателя царской тюрьмы, он с детства привык угодять власти имущим, презирать «черный люд». Получая погоны, Плетнев клялся на верность царю. А в октябре семнадцатого года ему показалось выгоднее стать на сторону победившего народа.

Поступив на службу в Красную Армию, Плетнев всячески открепивался от своего прошлого. Но в душе он оставался все тем же — человеком без стыда и совести, растленным и беспринципным. Дудин знал, что Плетнев был с позором выгнан из Красной Армии за какой-то неблаговидный поступок. А теперь вот объявился, немецким прислужником стал. И Дудин не выдержал.

— Вопрос есть, — громко сказал он, не выходя из толпы.

— Давай, — откликнулся Плетнев.

— Ты, собственно, какую работу предлагаешь? К Власову идти или в полицейские?

— Глухой, что ли? Не слышал, что я говорил: в русскую освободительную армию. Полицаев и без вас хватит. Вы же все офицеры, военная косточка. Будете и у нас командовать, а покажете себя — особое доверие оказано будет.

— Какое еще такое особое доверие? — настаивал Дудин. — Ты говори толком. Куда людей вербуешь?

— Вот приходи ко мне вечером, там и потолкуем не спеша. На людях о таких делах не кричат.

— Вот теперь мне ясно, — спокойно заключил Дудин. — Раз на людях говорить стесняешься, понятно, куда зовешь, каким хозяевам служишь.

В толпе военнопленных раздался дружный хохот. Плетнев злобно посмотрел на Дудина, а затем, обращаясь к присутствующим, закричал во весь голос:

— Не слушайте этого типа! Он плохо кончит! Я говорю вам серьезно!

Пленные молчали. Но призывы Плетнева все же оказали действие. То один, то другой отчаявшийся человек, бывший воин, пряча глаза, перебежал под ненавидящими взглядами окружающих к кучке отцепенцев.

«Так вот ты какой, Плетнев», — думал Николай Константинович.

Он отвернулся, ища взглядом Дудина. Тот посмотрел на Никулина. Они без слов поняли друг друга.

Вечером в барак пришли двое лагерных полицейских и увели Дудина: «за подстрекательство и наглость» его посадили на неделю в темную одиночную камеру. А когда в лагерь вернулись те, что пошли к Плетневу, среди военнопленных распространился слух: Плетнев вербует в немецкую разведку — абвер. Ночью Николай Константинович не спал. Появление вербовщика абвера в лагере военнопленных натолкнуло его на мысль, что немцам приходится не сладко, коли они прибегли к вербовке агентуры среди военнопленных. Очевидно, им нужна массовая агентура. Николай Константинович, зная особенности разведывательной работы, понимал, что если бы фашистские войска вели успешное наступление, то абвер не стал бы забрасывать массовую агентуру для разведки фронтового тыла.

Однако абвер, видимо, объявил «тотальную мобилизацию». Вербовщик тянет всех подряд, а не отбирает наиболее подходящих принятыми в разведке методами. Да, конечно, ему нужна массовая агентура, которая, как правило, годна лишь для заброски в ближний тыл противника. Агентуру другого класса готовят годами. Фашисты все время твердили, что войне скоро конец. Теперь они, как видно, остановлены и вынуждены пристально изучать оборону. Вывод: сообщения немецкой пропаганды об успехах немецкого оружия — ложь. Красная Армия сорвала планы «молниеносной войны», она готовится к наступлению.

Размышляя о причинах появления Плетнева, Николай Константинович сделал для себя еще один вывод. Если немцы спешат с вербовкой агентуры, значит, она им по-

зарез нужна для заброски за линию фронта, в тылы наших войск. Следовательно, возникает реальная возможность попасть к своим, вырваться из лагерного ада, снова стать в ряды активных борцов с гитлеровцами. Об этом стоило поразмыслить. Можно подсказать надежным людям такой путь. Ему же, как контрразведчику, будет полезно попасть в разведшколу, где он может узнать и попытаться обезвредить пособников врага. Это, разумеется, сложно, тяжело и опасно. Но может ли он, чекист, бездействовать в лагере, ожидая неизбежной смерти от голода? Не лучше ли попытаться пробраться в стан врага и бороться, бороться, бороться?

Чем больше Никулин думал о возможности проникнуть в абвер, тем яснее представлял себе трудности и опасности предстоящего пути. В глазах советских людей он станет изменником, отцепенцем, для которого одна кара — позорная смерть. При малейшем подозрении в двойной игре его убьют сами немцы. Да и не только его, а всех, кто будет уличен в связях с ним. Риск очень большой, но Николай Константинович решил рискнуть.

...Вечерело. Песок, нагретый солнцем за день, быстро остывал. Из леса потянуло сыростью. Стало темно, холодно. Пополз над землей болотный туман, и пленные, стараясь сохранить хоть каплю тепла в иззябших, истощенных телах, сбивались в тесные кучки. Своя кровь уже не грела этих людей, похожих на скелеты, обтянутые кожей.

На пригорке, прижавшись друг к другу и накинув на исхудавшие плечи потрепанные шинели, сидели Никулин и Дудин. Николай Константинович негромко говорил о своих выводах и предположениях. Дудин слушал внимательно, изредка задавая вопросы.

— Значит, думаешь, не от хорошей жизни пошли немцы на вербовку шпионов среди лагерников? — наконец спросил он.

— Нужда заставила.

— Понятно. Конечно, найдутся иуды, которые верой и правдой станут служить фашистам.

— Найдутся. На подлецов они в первую очередь и рассчитывают.

— Немедля расскажу об этом ребятам. Плетневу надо испортить обедню. Да и подлецов всяких припугнуть полезно, чтобы не вздумали инициативу проявлять.

— Не торопись, — прервал его Николай Константинович. — У меня тут такая думка есть. Слушай внимательно. Отбить охоту проявлять инициативу кое у кого, конечно, давно пора. Немецких холоуев в тылы нашей армии пускать нельзя. Будем стараться, чтобы тех, кого мы знаем как предателей, не допустить на службу в абвер. Одного припугнем: мол, и здесь он получит свое, если не угомонится. Другому расскажем, что ожидает шпиона в тылу наших войск. Авось задумаются.

— А с другой стороны, — продолжал Никулин размышлять вслух, — было бы полезно иметь в немецких разведшколах честных советских людей. Пусть абвер тратит время на подготовку таких «шпионов», которые никогда не выполнят его заданий. Заставить немецкую разведку работать впустую — это мысль! Пусть к Плетневу идут наши люди.

Дудин долго молчал, обдумывая план Никулина. Да, тот был прав.

— Неплохо придумано. Только удастся ли обмануть немецкую разведку. Там же не дураки сидят, я полагаю.

— Смотря как готовиться будем.

— Кого пошлем к Плетневу?

— Надо поговорить с Подияровым и Курыновым. Если удастся, то сами пойдем.

— Нет, мне нельзя, — после некоторого раздумья ответил Дудин. — Меня Плетнев приметил. Сразу раскусит, что к чему. Да и потом, в связи с побегом я у немцев на подозрении. Обо мне и разговора быть не может. Я теперь «меченый». А вот тебе и товарищам помогу. Да и здесь, в лагере, без дела не останусь. Буду, так сказать, готовить кадры для абвера, подбирать стоящих ребят и посылать их к Плетневу. Сделаю это с большим удовольствием. Можешь быть уверен.

— Верю.

Никулин успел хорошо изучить Дудина и не сомневался, что, если потребуется, тот способен броситься на колючую проволоку, чтобы по нему, как по мосту, ушли на свободу товарищи. Больно было и подумать о расставании с таким человеком, зная, что в Саласпилском лагере он остается почти на верную смерть.

На следующий же день друзья начали осуществление разработанного плана. Первым к Плетневу направился Курынов. Возвратившись в лагерь, он рассказал, что Плет-

нев принял его неплохо, был доволен и обещал доложить о нем. Действительно, дня через два Курынов уехал. Очевидно, в разведшколу. Никулин хорошо проинструктировал его и был уверен, что он не подведет. Следующим к Плетневу направили Подиярова. И тот был принят. Дудин торопил Николая Константиновича:

— Иди ты. Твоя очередь.

Но Никулин не спешил. Сделано еще мало. Он хотел сколотить вокруг Дудина группу надежных людей, изучить каждого из них, чтобы быть уверенным в их честности и преданности. Допустить в этом деле малейшую неосторожность — значит погубить всех.

В течение недели Никулин и Дудин направили к Плетневу еще двух человек. И на этот раз все сошло удачно.

— Ну что ж, пришла и мне пора собираться, — сказал наконец Николай Константинович. — Пойду попытаю «счастья».

Плетнев принял Никулина вежливо, но холодно. Он безо всякого стеснения пристально разглядывал невысокого человека в изодранной солдатской шинели, стоящего перед ним навтыжку. Никулин старался держаться прямо, не припадая на раненую ногу. Он понимал, что своим внешним видом выгодного впечатления на Плетнева не произведет. В свои тридцать пять после всех перенесенных невзгод Николай Константинович выглядел пятидесятилетним. А фашистам для заброски в советский тыл нужны были молодые, физически крепкие люди. Но чекист знал, как завоевать расположение типов, подобных Плетневу.

— Что тебе надо? — спросил Плетнев.

— Господин капитан, я очень внимательно слушал ваше выступление перед военнопленными в лагере. Должен сказать, что оно произвело на меня сильное впечатление.

Плетнев самодовольно улыбнулся. По его лицу было видно, что Николай Константинович попал в точку. Лестно явно правилась предателю. Никулин решил и дальше играть на его самолюбии. От Плетнева сейчас зависело все — быть в разведшколе или нет, оставаться в лагере или попасть к своим. Приходилось ради осуществления задуманного притворяться и льстить такому человеку, которого при других обстоятельствах с удовольствием собственноручно вздернул бы на первой осине.

— Надеюсь, вы согласитесь, господин капитан, — про-
дикновенно продолжал Никулин, — что в лагере невольно
начинаешь опускаться, теряешь способность трезво оце-
нивать обстановку. И вот тут-то достаточно одного слова
умного человека, который умеет видеть дальше тебя, что-
бы окончательно определить свой путь. Ваше выступле-
ние открыло мне глаза, указало, куда идти и что делать.
Может быть...

— Очень рад, что ты понял меня, — прервал Плет-
нев. — Я от души хотел помочь соотечественникам, но сре-
ди вас попадаются типы, которые мутят воду. Что нам
до них! Пусть подымают за колючей проволокой. Спасать
не стану.

Николай Константинович почувствовал, как забила-
сь в жилах кровь. «Задушить подлеца!» — пронеслось в голо-
ве. Но он сдержал себя. Этим делу не поможешь.

— Так что же ты хочешь? — спросил Плетнев.

— Хотел просить, чтобы вы, господин капитан, по-
рекомендовали меня германскому командованию. Я оправ-
даю доверие. Еще в Большом рижском лагере Вишне-
вский наказывал мне в случае чего обратиться к вам, так
как вы всегда бескорыстно помогаете соотечественникам.

— Ты разве знаком с Вишневым?

— Так точно. Часть, в которой я служил, распола-
галась по соседству. Там мы и познакомились, подружи-
лись...

— М-да... Вишневецкий... — промычал Плетнев. Он хо-
тел было рассказать Никулину о том, что Вишневецкого
нашли с проломанным черепом на лагерьной свалке, но
потом спохватился и продолжал: — Вишневецкий хорошо
зарекомендовал себя. То, что вы с ним друзья, меняет все
дело. Садитесь, пожалуйста.

Николай Константинович сел. Он сидел прямо, гото-
вый в любой момент вскочить, принять стойку «смирно»,
и ел глазами начальство. Все это льстило Плетневу. На-
ходясь на побегушках у немцев, он старался хоть тут
строить из себя барина, большого начальника. И подобо-
страстие пленного теплое его самолюбие.

Чувствуя нечто вроде симпатии к почтительному,
скромному человеку, сидящему перед ним, Плетнев про-
должал расспрашивать Николая Константиновича о жиз-
ни, о причинах, побудивших его проситься на службу к
немцам. Никулин понимал, что, несмотря на благожела-

тельный тон, Плетнев ведет разговор не из любезности,
а проверяет, прощупывает его, и поэтому отвечал на во-
просы, обдумывая каждое слово:

— Почему, говорите, захотел служить великой Гер-
мании? Долго рассказывать об этом. Такое решение я не
вдруг принял. Думал об этом с самого начала войны. Вам,
господин капитан, первому откроюсь.

— Я слушаю вас, продолжайте, пожалуйста, — с го-
товностью откликнулся Плетнев.

Никулин не спеша, как бы делаясь сокровенным, го-
ворил:

— Отец у меня до революции коммерсантом был, имел
большой магазин. Все богатство у нас отобрали. Папашу
в тридцатых годах выслали. Пришлось мне казанской си-
ротой прикинуться. Но в Красной Армии настороженно
относились. Сами понимаете, прошлое забыть не могли.
Мне скоро сорок стукнет, а я выше капитанских чинов
так и не поднялся. Чего ж мне за большевиков держаться?

— Не любишь их, выходит? — поинтересовался Плет-
нев.

— Выходит, так, господин капитан.

— Вот и прекрасно, — одобрительно проговорил Плет-
нев, с интересом поглядывая на собеседника. Серьезный,
видно, мужик попался. Немцы будут довольны.

— Ну что ж, господин Никулин, — поднялся со стула
Плетнев, давая понять, что разговор окончен, — я запишу
вас. И если только возраст не помешает, вы будете при-
няты на службу великой Германии.

Уходя от Плетнева, Николай Константинович вспоми-
нал каждую свою фразу. Не вызвал ли он подозрения, не
сказал ли чего лишнего? Проверки он не боялся. Был уве-
рен, что фашисты не дойдут до подмосковного поселка
Кусково, который он называл своей родиной. А посылать
специального агента за линию фронта для проверки его
биографических данных немцы не станут. Слишком он
мелкая фигура для этого. Таких Никулиных не так уж
мало. Каждого не проверишь. Сунут в мясорубку — и будь
здоров. Уцелеешь — твое счастье, а убьют — так тоже беда
невелика. Немцы своими солдатами не дорожат, а уж рус-
скими — и подавно.

В тот же день Николай Константинович разыскал
Сыромятого и как бы невзначай разговорился с ним. «Дру-
жески», «задушевно» поделился мыслями о своей дальней-

шей судьбе. Рассказал ему свою вымышленную биографию в том виде, как излагал ее Плетневу, нелестно отозвался о действиях «дерзких» военнопленных и попросил совета, как быть, если немцы не возьмут его на службу. Николай Константинович хорошо знал, что каждое сказанное им слово Сыромятый немедленно доложит своим хозяевам. Плетневу, во всяком случае, будет все известно. И не ошибся. Через некоторое время Плетнев уже получил подробное сообщение «конопатого» о Никулине. Характеристика была в высшей степени положительной.

Сыромятый все-таки пригодился.

После беседы с Плетневым прошло дней десять. Никто не вызывал Николая Константиновича, не спрашивал ни о чем. Прежние друзья начали сторониться его. Только сейчас Никулин почувствовал, каково быть в шкуре предателя. Решаясь на этот шаг, он предполагал, что многие отойдут от него, но переносить презрение товарищей оказалось очень тяжело. Не скажешь же им, что идешь к немцам не служить, а вредить, бороться с проклятым фашизмом.

Раньше, бывало, Николая Константиновича охотно встречали в тесном кругу беседующих вполголоса. Сейчас он остался один. Узнав о том, что Никулин ходил к Плетневу, один из военнопленных в присутствии других офицеров смерил его взглядом, полным презрения и гнева, и зло сказал:

— Эх ты, пудал!

Хотелось броситься к товарищу, рассказать о том, что он не изменник, что он старается проникнуть в самое логово врага и там работать для своей Родины. Ведь он же чекист и обязан воспользоваться подвернувшейся возможностью. Для этой цели людей на парашютах перебрасывают за линию фронта! Но Николай Константинович хорошо знал, что в том опасном поединке с абвером, в который он вступал, даже выражением глаз нельзя было выдавать себя. Фашисты должны быть безоговорочно уверены в нем. Иначе все пойдет прахом.

Дудин, как и уговорились, тоже полностью отошел от Никулина и даже поддерживал недоверие военнопленных к нему, не переходя границ, за которыми неприязнь перерастает в ненависть. Николай Константинович случайно услышал разговор Дудина с одним из военнопленных, за который в душе поблагодарил его.

— Как ты думаешь, Никулин в самом деле к гитлеровцам переметнулся? — спрашивал Дудина военнопленный.

— Не знаю. Ничего не знаю, — устало отвечал Дудин. — Только с какой бы целью он к фашистам ни шел, все равно видеть его не могу.

— Как бы то ни было, а пока он еще у нас в руках, — заметил военнопленный.

— Он у нас или мы у него, поди, угадай. Поживем, увидим...

Плетнев, конечно, не забыл своего разговора с Николаем Константиновичем. Выждав некоторое время, чтобы не выказать нетерпения, он вызвал его к себе.

— Я разговаривал о вас, Никулин, с кем следует. Думаю рекомендовать вас в абвер, военную разведку. Вы согласны?

— Конечно, господин капитан!

— Тогда собирайтесь, поедете в другой лагерь. Вас признали годным для службы в немецкой армии. Однако прежде чем стать солдатом фюрера, необходимо пройти проверку. Таков порядок.

В тот же день вместе с Плетневым Николай Константинович и еще несколько военнопленных, завербованных немецкой разведкой, выехали в Ригу.

Не впервые Никулин видел Ригу, но невольно залюбовался ею, проезжая по городу. Даже в суровую военную весну сорок третьего года Рига была прекрасна. Шелестели молодой листвой каштаны, зеленели газоны, тут и там пестрели цветы... Но полупустынные улицы напоминали о тяжелом военном времени. Глядя на них, Николай Константинович с тоской вспоминал довоенную Ригу.

— Что загрустил, Никулин, — окликнул Плетнев Николай Константиновича, заметив тень печали на его опаленном, обветренном лице. — Устал небось? Ничего, скоро в Задвинье приедем, там отдохнешь.

Никулин промолчал. Наигранный оптимизм Плетнева не мог обмануть его. Он достаточно насмотрелся, как обращаются гитлеровцы со своими прислужниками, и на человеческое отношение не рассчитывал.

Машина прогрохотала по понтонному мосту, свернула в узкий переулочек, потом в другой и вскоре остановилась.

Никулин прочел на ржавой табличке название улицы: Даугавгривас, 25. Тут размещался так называемый Гуцаловский лагерь, который абвер использовал как сортировочный пункт. Здесь завербованных агентов изучали, определяли их пригодность для той или иной специальности, отсюда направляли в разведшколы.

Николай Константинович выпрыгнул из машины, осмотрелся. В глубине небольшого двора стоял над крутым обрывом двухэтажный деревянный особняк с четырьмя деревянными же колоннами, поддерживающими балкон над входом. Когда-то дом был выкрашен в темно-бурый цвет, но теперь краска местами осыпалась, обнажив почерневшие трухлявые доски. Маленькие окошки были покрыты пылью. Рассмотреть, что делается внутри дома, не удавалось даже с близкого расстояния.

«Особняк-то, видимо, какой-нибудь богатей для себя строил, — подумал Никулин. — Два этажа, колонны — все как в помещичьей усадьбе».

Сразу за домом щедро цвела сирень, раскрылись нежные листики на ветвях могучей лины. Внизу под обрывом, куда ни глянь, чернели огородные грядки. На них кое-где уже пробивалась яркая зелень молодых побегов. За огородами узкой лентой струилась вода, стояли небольшие буксирь, лодки. Под горой Николай Константинович увидел большой многоэтажный дом. Из его двери выходили люди в измазанной известью одежде. «Военнопленные», — безошибочно определил Никулин, наблюдая, как привычно они строятся, равняются, как послушно выполняют команды старшего.

— Никулин, идите сюда, — позвал Плетнев. — Сейчас обедать будете!

Столовая помещалась во дворе перед домом. В землю были врыты столбы, к ним прибиты щиты из неструганых досок. Получились длинные столы. К ним бросились вернувшиеся с работы военнопленные.

Обед показался изголодавшемуся Никулину довольно хорошим. Ломтик настоящего, хотя и липкого, плохо запеченного хлеба. Вместо лагерной баланды — овсяный суп с волокнами мяса. На второе — тушеная брюква.

Стараясь есть не спеша, Николай Константинович внимательно оглядывал соседей по столу. Справа от него сидел урюмый верзила с плоским, как блин, лицом. Широкий, почти без переносицы нос, огромный рот, маленькие,

глубоко посаженные глазки неопределенного цвета, из ушей торчат пучки рыжих волос. Неприятная личность. Верзила методично, с хрустом крушил челюстями попадающие в супе хрящи. Почувствовав отвращение, Николай Константинович поспешил отвести глаза в другую сторону.

По левую руку человек за десять от Никулина за обеденным столом сидел Курынов. Николай Константинович заметил его, как только Курынов потянулся за миской с брюквой. Сразу потеплело на душе, и он едва не окликнул приятеля, но вовремя сдержался.

После обеда к Никулину подошел сухощавый старик в немецком солдатском мундире без знаков различия и, пристально вглядываясь в лицо сквозь стекла пенсне, прокартавил:

— Я — комендант лагеря. Прошу пройти в дортуар. Я укажу ваше место.

«Из бывших, видно», — думал Николай Константинович, взбираясь вслед за комендантом по скрипучей лестнице на второй этаж.

С лестничной площадки Никулин попал в коридор. В него выходили четыре двери. Комендант пояснил:

— Первая комната — моя. В следующей живут господа немецкие солдаты, мои помощники, — с достоинством подчеркнул он. — А в двух остальных — курсанты... Вот ваша постель, — указал комендант на один из набитых соломой матрацев, лежавших на длинных дощатых нарах, устроенных вдоль стен комнаты.

Матрацы лоснились от грязи, пахли сыростью, прелью. Но все-таки это не голые доски!

— Где же можно получить одеяло и простыни? — спросил Никулин.

Брови старика удивленно поползли вверх:

— Здесь не курорт, а казарма! Может, перину прикажете расстелить? Стоять смирно, кам!

Разгневанный комендант вышел, а Никулин в душе выругал себя. И надо же ему выскочить с дурацким вопросом! Теперь небось доложит кому следует: недовольство, мол, проявил.

В Гуцаловском лагере жилось куда вольготнее, чем в Саласпилсе. Не избивали, питание было лучше. Работать, правда, здесь заставляли с утра до ночи.

Едва забрезжит рассвет, обитатели Гуцаловского лагеря строились на работы. Приходили немцы-подрядчики,

отбирали людей и уводили в город. Будущие шпионы штуркатурили дома, рыли канавы, таскали мешки. Ходили пленные теперь без конвоя, но строем, под командой старшего. Дисциплина поддерживалась строгая. Немцы сфотографировали каждого обитателя лагеря, сняли отпечатки пальцев. Так что, попытайся кто-нибудь бежать, разыскать его будет не так уж трудно.

Курынов рассказал Николаю Константиновичу, что лагерь назван по фамилии его основателя — бывшего военного моряка Гуцалова. Он долгое время пользовался у немцев почетом и полным доверием. Но потом гитлеровцы расстреляли своего приспешника. Кто говорит, что надежд не оправдал, а кто подозревает, что чекистами подослан был. Всякое болтают люди.

Николай Константинович внимательно выслушал Курынова и усмехнулся:

— С такими солдатами фюрер долго не повоюет!

Дни, до предела заполненные работой, летели быстро. Но Никулин успел изучить многих обитателей дома с колоннами. Опыта в этом отношении у него было несравненно больше, чем у его лагерных начальников. Цепкая память контрразведчика прочно удерживала десятки имен, фамилий, особых примет всех, с кем приходилось близко общаться. Это могло пригодиться, если удастся выбраться к своим.

В Гуцаловский лагерь время от времени наезжали инструкторы из разведывательных школ. Одна из них размещалась в Риге, на берегу озера Балтэзерс. Там готовили диверсантов-подрывников. Вторая находилась в Вальке и готовила агентурных разведчиков. Куда и кого из курсантов направить — решали сами немцы.

Наступил день, когда для отбора кадров в лагерь приехал майор, начальник школы. Называть его было велено герр Рудольф.

— Никулин! — вызвал переводчик.

Николай Константинович вошел в кабинет, стал навязку перед начальством. Герр Рудольф, высокий блондин с голубыми глазами и красивыми, правильными чертами лица, молча курил сигарету и рассматривал Никулина. Казалось, он вовсе не слушал доклада Плетнева.

— Никулин дисциплинирован, исполнитель, трудолюбив, — говорил Плетнев, — ни в чем предосудительном не замечен.

— Откуда вы родом, Никулин? — неожиданно спросил майор.

Все, что могли сообщить Плетнев или комендант лагеря, ему уже было известно. Майор хотел сам поговорить с кандидатом в разведшколу. Плетнев моментально замолчал, а Николай Константинович постарался придать своей позе еще больше почтительности. «Вот она проверка, — молнией пронеслась мысль. — Это тебе не Плетнев. Тут ухо остро держи». И Никулин ни на секунду не замедлил с ответом:

— Из Подмосковья, господин майор, есть такой там поселок Кусково. Там родился, там и жил.

— О, я хорошо знаком с этим городишком, — оживился майор. — Мне часто приходилось бывать там.

По-русски майор говорил легко и чисто.

Николай Константинович догадывался, что перед ним опытный немецкий разведчик, специально подготовленный для работы в Советском Союзе. Такого легко вокруг пальца не обведешь. И он был прав. С Никулиным беседовал начальник Валькской разведывательной школы, известный подчиненным, обучавшимся в разведшколах, под псевдонимом «Рудольф». Конспирация вынуждала майора довольно часто, в зависимости от обстановки, менять фамилии, имена, звания. Но в руководящих кругах абвера хорошо знали его настоящие имя и фамилию: Адольф фон Ризе (Ризен). Николаю Константиновичу было бы интересно узнать, что его собеседник родился и вырос в Москве. Отец его, преуспевающий в царской России делец, не препятствовал сыну общаться с русскими людьми, изучать их язык, характер и обычаи. Однако, когда юноша подрос, родители увезли его в Германию. Здесь юный фоп Ризе окончил университет и еще одно специальное учебное заведение, которое позволило ему занять пост видного сотрудника германского посольства в Москве.

Правда, на дипломатической работе кадровый разведчик немецкого абвера Адольф фон Ризе ничем не проявил себя. Но он свободно владел русским языком, прекрасно знал Москву и Подмосковье. И начальство ценило его. Пятнадцать лет скрывался под маской дипломата фон Ризе. И все это время он занимался шпионажем, сбором разведывательных данных о Советском Союзе и Красной Армии.

— Где в Кускове стоял ваш дом? — допытывался Рудольф.

Никулин и на этот раз не замедлил с ответом:

— По улице Зеленой, дом три, господин майор.

— Зеленая, Зеленая... Это там, где кинотеатр новый построили? Как он называется, не помните?

Николай Константинович внутренне насторожился. Тот, кто жил в Кускове, не мог не знать, что кинотеатр построили не на Зеленой улице, а на Подгорной, которая расположена в противоположном конце городка. Значит, майор не знает поселка или знает, но плохо. Возможно, побывал проездом. Но если немец хорошо знаком с Кусковым и все же проверяет, пытается спровоцировать, — не означает ли это, что он играет с Никулиным, как кошка с мышкой? Может, он давно навел необходимые справки и узнал что-нибудь о настоящем Никулине? Тот действительно жил когда-то в поселке Кусково. Что, если немцы послали агента в Кусково и тот установил личность Никулина? Ведь мог же он вернуться в родной дом.

Напрягая всю волю, чтобы не выдать своей тревоги взглядом, мимикой, жестом, Никулин медленно произнес:

— У нас в поселке все время клуб был — народом — народный дом, значит, а перед войной построили кинотеатр «Ударник». Только он не на Зеленой, господин майор, а на Подгорной улице стоит. Знаете, которая к базару идет? Мосточек там такой через ручей, аптека неподалеку. А на Зеленой новую почту строить начали, да война помешала.

— Да, да, правильно. А я было позабыл. Кинотеатр действительно построили на Подгорной. Ты прав.

Николай Константинович заметил мимолетную тень на лице майора, погасли огоньки в его глазах. Видимо, ответ Никулина его разочаровал. Майор убедился, что тот действительно знает Кусково, и обдумывал следующий вопрос. Поселком он больше не интересовался, да и продолжать разговор о нем дальше было рискованно. Рудольф был в Кускове раза два, прошелся по улицам и, естественно, не мог запомнить всех тех особенностей поселка, которые хорошо известны старожилам. Никулин мог догадаться, что его проверяют. Нельзя позволять русскому выйти победителем даже в таком мимолетном поединке. Рудольф поспешил сменить тему разговора:

— А в Москве бывать приходилось?

— Приходилось, но редко.

— Люблю Москву, — улыбнулся майор. — Красивый город. Как это у вас поется: «Ты самая любимая...»

Николай Константинович сочувственно покивал. А майор продолжал расспрашивать.

— Вам, конечно, не говорили еще, кто я такой и куда набираю людей?

— Никак нет, господин майор.

— Я являюсь начальником разведшколы абвера. Хотите ли вы пойти к нам учиться?

— Конечно, хочу. С большим удовольствием.

— А почему это вдруг?

Никулин начал рассказывать вымышленную историю, которую впервые поведал Плетневу. Он понимал, что задан не праздный вопрос — это продолжение проверки. Отступи Николай Константинович хоть в чем-нибудь от своих прежних слов — и его сразу прижмут к стене. Но майор, видимо, удовлетворился ответом. Он не стал слушать до конца и прервал речь Никулина:

— В России установится новый порядок! Все верные слуги фюрера будут вознаграждены.

Беседуя с начальником школы, Николай Константинович старался не «переборщить». Слишком горячие уверения в преданности немцам, слишком резкое недовольство Советской властью одинаково могли показаться подозрительными. Он говорил не только о недостатках, отмечал и положительные стороны. Советская власть дала большие блага простому народу. Но что ему, Никулину, простой народ, когда революция лишила его богатого наследства, уравнила с последним мужиком? Это был тонко рассчитанный ход. Начни Никулин хаять все подряд, немцы решили бы, что он или неискренен, лицемерит перед ними, либо просто глуп. В том и другом случае человек не годится для работы в абвере.

Рудольф остался доволен Николаем Константиновичем.

— Очень приятно слушать вас, господин Никулин. Вижу, что решение служить великой Германии является серьезным и хорошо продуманным актом в вашей жизни. Желаю успеха в учебе. Хайль Гитлер!

— Хайль! — ответил Николай Константинович и с разрешения майора вышел.

Рудольф перелистал материалы, которые Плетнев собрал на Никулина.

— Интересный экземпляр, — сказал он. — Хотя бы тем, что разумно и рассудительно смотрит на жизнь.

— Человек в годах, жизненный опыт имеет, — вставил Плетнев.

— Да, это так. Он потерпел от большевиков, многое повидал и пережил. Он был бы хорошим офицером для генерала Власова, но может оказаться и незаурядным разведчиком. Как вы считаете, господин Плетнев?

— Вы, как всегда, правы, господин майор. Никулин производит впечатление способного человека. Все собранные мною сведения говорят в его пользу. А я был очень требователен. Я помню ваш инструктаж. — Плетнев расплылся в подобострастной улыбке.

Никулин понравился майору, и Плетнев не жалел похвал для него, тем более что сам готовился к худшему и решил отстаивать своего кандидата всеми доступными средствами. Каждый завербованный военнопленный укреплял положение вербовщика. Не выполнит он план поставки агентов для разведшколы — и немцы могут послать его самого со шпионским заданием за линию фронта. Направляя Плетнева в лагерь военнопленных, Рудольф предупредил его об этом.

А попасть на советскую землю предатель хотел меньше всего. За ним числилось столько преступлений, что и сотой доли их было бы достаточно для самого сурового приговора. Нет, за линию фронта изменнику никак нельзя было попадать. Приходилось стараться. И вот ему повезло. Хозяин заметил его старание и одобрил. Плетнев решил «оседлать» фортуна.

— Господин майор, — вкрадчиво говорил он. — Я старался как можно глубже изучить Никулина. Много раз беседовал с ним в лагере. Проверял через агентов. Думаю, что это надежный человек и задание выполнить сумеет.

— Что ж, вы поработали хорошо. Благодарю вас.

— Рад стараться, — вытянувшись перед Рудольфом, выпалил Плетнев.

— Отправляйте Никулина в Валкскую разведшколу.

Так была решена судьба Николая Константиновича. Рано утром новоиспеченного «солдата фюрера» посадили в поезд и в сопровождении одного из помощников коменданта Гуцаловского лагеря отправили в Валку.

...Жители латвийской Валки и эстонской Валги не раз, очевидно, проходили по мосту, соединяющему оба города.

Но не многие знают, что в годы войны здесь, в домах, расположенных по обе стороны улицы, ведущей от моста к центру Валки, находилось шпионское гнездо. Здесь все было как в настоящем учебном заведении — свои аудитории, «профессора» и «студенты», общежития, почта, санчасть. Для господ немецких «специалистов» был оборудован госпиталь. Большое каменное здание неподалеку от почты фашисты отвели под классы для занятий. Занятия велись ежедневно по восемь часов, исключая воскресенье.

Будущих шпионов обучали методам сбора сведений и распространения ложных слухов, показывали им, как обращаться с различным оружием, как бесшумно убить человека ножом, а то и голыми руками. И, конечно, усердно культивировали ненависть ко всему советскому.

Первым, с кем познакомился Никулин в Валке, был капитан Шнеллер. Высокий, полный, с выдающимся вперед большим животом, он, несмотря на свои пятьдесят с лишним лет, буквально носился по зданиям, которые занимала школа. Тучная фигура капитана то и дело появлялась на занятиях в классах, в общежитии, в столовой. Шнеллер хотел лично знать каждого агента. Он вел с ними долгие разговоры, стремясь выяснить, надежны ли его ученики.

Николая Константиновича прямо с поезда отвели в кабинет Шнеллера. Усадив Никулина за стол и прочитав заполненную им анкету, Шнеллер кивнул на карточку с отпечатками пальцев:

— Испачкали пальчики? Ничего, со временем отмоются. Все это — необходимая формальность. Мы — солдаты и должны повиноваться.

— Я понимаю порядок, господин капитан.

— Очень хорошо. Приятно иметь дело с умным человеком. Расскажите мне подробно о себе, о своем прошлом, как вы представляете себе службу на благо великой Германии.

Шнеллер говорил быстро, проглатывая окончания отдельных слов, изредка заикался. Душевное напряжение, которое испытывал Николай Константинович в беседе со Шнеллером, обострялось усталостью, необходимостью быстро разобраться в вопросах, которые так невнятно задавал его собеседник.

— Майор Рудольф весьма лестно отзывался о вас, господин Никулин, — шепелявил Шнеллер. — Так же хорошо характеризовал вас и господин Плетнев.

— Я благодарен им за доверие, — ответил Николай Константинович. — Для меня это большая честь и счастье.

— Совершенно верно, — подтвердил Шнеллер. — Доверие немецкой разведки — это исключительно большая честь для каждого ее агента. Вы совершенно правильно сказали, господин Никулин. Каждый агент должен хорошо понимать, что выполнять задания абвера для него великое счастье. Мы с вами, господин Никулин, уже немалые, — продолжал Шнеллер. — За спиной у каждого много трудных лет. Не так ли?

— Вы правы, господин капитан.

— Вот-вот. И я надеюсь, что жизненный опыт поможет нам найти общий язык...

«Чего он хочет от меня? — настороженно размышлял Николай Константинович. — Раз прямо сказать не решается, значит, какое-то пакостное дело придумал».

А Шнеллер буквально изводил Никулина вопросами, прощупывал его со всех сторон, старался сбить с толку. Капитан испытывал острое недоверие к агентам из военнопленных. Кто их разберет, этих русских! Вот сидит тихий, почтительный, а перебрось его через линию фронта, что он там натворит? Выполнит задание или нет, вернется назад или побежит к чекистам с повинной? Поди угадай. Недавно двое не вернулись, были арестованы советской контрразведкой, так не только в «Абверштелле-Остланд» пришлось иметь неприятный разговор. Из «штаба Валли» отчета потребовали. Им, конечно, не русских жалко, а тех сведений, которые собрали агенты. Но причем здесь он, Шнеллер?

Немец сердито посмотрел на Никулина, как будто тот был виноват в его невзгодах, но внезапно успокоился. Серьезное и умное лицо Николая Константиновича невольно внушало доверие. Отвечал он на все вопросы толково и обстоятельно. Говорил без подобострастия, но уважительно. Не запинался, не пытался увильнуть от ответа. Так говорят лишь правдивые, обладающие чувством собственного достоинства люди. «Похоже, что на этого русского можно положиться», — подумал Шнеллер и покровительственно сказал:

— Ну что ж, я доволен, господин Никулин. Рад, что

познакомился с вами. Вижу, великая Германия в вашем лице приобрела верного друга, на помощь которого всегда можно рассчитывать.

— Рад стараться, — ответил Николай Константинович, став по стойке «смирно» перед Шнеллером.

Но Шнеллер не торопился заканчивать беседу.

— Садитесь, садитесь, господин Никулин. В ногах, как говорят русские, правды нет.

Николаю Константиновичу пришлось снова усесться в кресло.

Еще до вызова Никулина к себе в кабинет Шнеллер ознакомился со всеми материалами о нем, которые привез от Рудольфа помощник коменданта Гуцаловского лагеря. Сообщения Сыромятого, Казака, Плетнева, тайной агенты лагеря, наконец, мнение Рудольфа свидетельствовали о том, что Никулин знает себе цену и умеет постоять за себя. Это серьезный и степенный человек, со сложившимися взглядами на жизнь. Он может оказаться хорошим, перспективным агентом. Рудольф именно так и написал: «перспективный».

Шнеллер понимал, что Рудольф считает своей заслугой вербовку Никулина. Майор редко выезжал в лагерь для изучения агентов, так как опасался заразных болезней, свирепствовавших среди военнопленных. Но если уж делал он такой выезд, то об этом обязательно становилось известно начальству. Рудольф умел показать себя с наилучшей стороны.

Доложив руководству, что он лично подобрал и изучил такого-то агента, Рудольф старался расхвалить его выдающиеся качества. Затем пристально следил за учебой и работой своего подопечного. В случае успеха агента о Рудольфе неизменно вспоминали в верхах, и он не оставался без награды.

Так случилось и с Николаем Константиновичем. Рудольф, познакомившись с ним, сообщил в «Абверштелле-Остланд», что завербован агент с большим будущим.

После беседы с новичком Шнеллер почувствовал, что этот русский сумеет завоевать расположение своих соотечественников и проникнуть в их замыслы. Шнеллер решил сделать Никулина своим агентом, так как лично отвечал за контрразведывательную работу в Валкской школе.

— Я решил, господин Никулин, предложить вам поработать на фюрера здесь, в Вальке, — сказал Шнеллер, испытующе посмотрев на Николая Константиновича.

— Каким образом? — невозмутимо спросил тот.

— Меня и майора Рудольфа как руководителей школы кое-что беспокоит. Некоторые агенты, которых мы направляем за линию фронта, являются с повинной к русскому командованию.

Шнеллер ошупывал глазами буквально каждый мускул на лице Никулина, желая подметить, как он будет реагировать на такое сообщение. Но Никулин спокойно выдержал взгляд начальника и с сочувствием в голосе ответил:

— Это плохо, господин капитан. Больше того — опасно.

— Именно опасно, господин Никулин. Опасно! Для немецкой армии, для фюрера, для нашей с вами победы.

«Ну, для нашей победы, победы советских людей — это совсем не плохо», — мысленно отметил Николай Константинович, а вслух сказал:

— Видимо, в школе неважно поставлена воспитательная работа, господин капитан.

— Дело не в этом. Мы недостаточно изучаем своих курсантов. С вашей помощью я надеюсь выявлять тех агентов, которые намереваются перейти к русским. Мы должны навести образцовый порядок в школе. Я надеюсь на вас.

В сложное положение попал Николай Константинович. Он знал, что немецкая разведка считает компрометацию агента совершенно необходимой. Заставить человека совершить преступление перед Советским государством — значит закрыть ему дорогу назад, накрепко пристегнуть к колеснице абвера. Вот и его хотят скомпрометировать, предлагают стать провокатором, выдавать патриотически настроенных людей.

Шнеллер видел, что Никулин задумался и не торопился с ответом. Немецкому разведчику, завербовавшему на своем веку немало агентов, приходилось видеть всякое. Одни сами предлагали свои услуги. Других не требовалось долго уговаривать. Третьи предложение работать на контрразведку встречали с негодованием, пока их не припирали к стенке компрометирующими фактами. Но в конце концов почти все кандидаты становились агентами. Вот и с этим так будет. Интересно только, о чем он сейчас ду-

мает? Жаль, пельзя заглянуть ему в душу. Шнеллер вздохнул и сказал:

— Я не тороплю вас, господин Никулин, с ответом. Знаю, что вам приходится решать серьезный вопрос. Но, откровенно говоря, не понимаю вашего колебания. Мы все должны верно служить фюреру на том посту, куда нас поставят.

Николай Константинович лихорадочно обдумывал положение. Согласившись стать агентом Шнеллера, он будет знать, кем тот интересуется, кого подозревает и кого следует предупредить о грозящей опасности. Это даст возможность путать ему карты. Но игра будет чересчур опасная. Рано или поздно Шнеллер потребует настоящей работы. Что же делать? Где найти правильный выход?

— Я вижу, вы взволнованы, господин Никулин? — спросил Шнеллер. — Понимаю. Просто не были подготовлены к такому предложению. Не стоит переживать. Дело не сложное, обычное.

Николай Константинович молчал. Он понимал, что пауза недопустимо затянулась, но не мог выдать из себя ни слова. Он напряженно размышлял, как отказаться от предложения Шнеллера, чтобы не вызвать у него подозрения, не дать разоблачить себя? Один за другим отбрасывал Никулин различные варианты. Наконец решил.

— Господин капитан, вы сами сказали, что мы уже немолоды и можем понять друг друга. Я внимательно выслушал ваше предложение, взвесил его и решил, что не могу принять его. Я хочу получить серьезное задание, которое принесло бы ощутимую пользу великой Германии. Вы предлагаете мне стать вашим агентом. Я понимаю всю важность этой работы, но я не подготовлен к ней и по складу своего характера к ее исполнению не годжусь.

Шнеллер такого ответа не ожидал. Все материалы, имевшиеся у него на Николая Константиновича, давали основание полагать, что отказа не последует. Да и как можно отказываться этому Никулину? Неужели он не понимает, что подписывает себе смертный приговор? Или надеется на поддержку Рудольфа? Если так, то господин Никулин действительно знает себе цену. Начальник школы наверняка заступится за своего подопечного.

— Хвалю за откровенность, господин Никулин, — сухо произнес Шнеллер. — Лучше сказать «нет» сразу, чем по-

том водить за нос. Вы представляете, чем все это может кончиться?

— Представляю, господин капитан, — ответил Николай Константинович. — Но обманывать вас не намерен.

— Очень хорошо. Разговор на этом закончим. Но я должен напомнить вам, господин Никулин, что каждый солдат фюрера обязан немедленно доносить о тех, кого подозревает в намерении нанести вред великой Германии. Эта обязанность ложится и на вас.

— Господин капитан, я это знаю.

— Не вижу, Никулин. Можете идти.

Николай Константинович немало дней размышлял о возможных последствиях беседы со Шнеллером. Ясно было, что отказ может кончиться возвращением в лагерь, по сути, смертным приговором. Другого исхода Никулин пока не видел. Однако Шнеллер вел себя так, как будто ничего не случилось, словно и разговора того не было. Никулин чувствовал, что каждый его шаг находится под пристальным наблюдением.

Николай Константинович не знал, что в решении его судьбы в Валкской разведшколе немалую роль сыграла неприязнь Рудольфа к Шнеллеру.

Шнеллер прежде всего доложил начальнику о беседе с Николаем Константиновичем.

— Господин майор, я считаю, что Никулин может перейти к русским. Он до сих пор ничем не скомпрометирован перед ними и старается избежать этого, отказывается от выполнения наших заданий.

Рудольф внимательно слушал своего помощника. На лице его появилась брезгливая гримаса.

— Господин Шнеллер, — с открытым недовольством произнес Рудольф, — с каких это пор мое мнение для вас ничего не значит? Я лично проверял Никулина. На месте. Понимаете? Разговаривал со своими агентами и высказал мнение о пригодности Никулина к выполнению серьезных заданий абвера. Я не сомневаюсь в нем. Это ценный для нас человек.

— Но, господин майор, Никулин не проверен ли на одном задании. Надо сделать это, пока он у нас в руках.

— Я вижу, вы считаете, что человек, решивший связать свою судьбу с абвером, обязательно должен стать провокатором? Уж если на то пошло, так Никулин достаточно скомпрометировал себя согласием пойти на выпол-

нение разведывательного задания. Русские, кстати, называют это шпионажем, а шпионов они расстреливают. Разве этого мало?

— Многие соглашаются выполнять наши задания, но приходят с повинной, и их прощают, — продолжал стоять на своем Шнеллер.

— Если Никулин вздумает прийти с повинной, ему не простят. И он это хорошо понимает. Слишком уж подозрительно выглядят обстоятельства его пленения. Сами подумайте. Самостоятельно выходил из окружения, был тяжело ранен, вылечился почти без медицинской помощи в каком-то лазарете для военнопленных. Кто в это поверит? Логичнее предположить, что он был на излечении в немецком госпитале как наш работник. Если Никулин не дурак, то он и не подумает являться с повинной.

— У меня сложилось впечатление, что человек он толковый и серьезный, — заметил Шнеллер.

— Потому я и завербовал его. К тому же я предпринял кое-что для дальнейшей компрометации Никулина. «Абверштелле-Остланд» направит своего агента на другом участке фронта в тыл к русским для явки с повинной. Он даст показания, что в лагерном лазарете никакого Никулина никогда не было. Пусть попробует после этого рассказывать о своем лечении в лазарете. Пути отступления ему отрезаны.

Рудольф отстаивал Николая Константиновича, руководствуясь прежде всего личными соображениями. Возвратить Никулина в лагерь после доклада о нем как о перспективном агенте — значит ударить по собственному авторитету, поставить себя в смешное положение. И это в тот момент, когда так удачно складывается карьера?

Только накануне в Риге майору Рудольфу сообщили, что в разведывательный центр «Марс» северной группировки немецких войск вернулись три агента, выполнивших задания. Успешно действует группа, выброшенная в глубокий тыл, за Волгу. С нею поддерживается радиосвязь. Недавние выговоры, полученные от руководства абвера за участвовавшие провалы агентуры, стали забываться. В «Абверштелле-Остланд» поговаривают о представлении его, Рудольфа, к награде. А Шнеллер хочет, чтобы он сам помешал этому? Нет, барон положительно сошел с ума, закрутив дело вокруг Никулина. А может, решил подставить ножку? Эта мысль ожесточила Рудоль-

фа, и он резко прервал Шнеллера, который пытался высказать еще какие-то подозрения в отношении Никулина.

— Довольно. У меня сложилось твердое мнение о Никулине, и потрудитесь с ним считаться. Оставим этот разговор. Чтобы избавиться от сомнений, организуйте за Никулиным наблюдение. Есть у вас кто-либо, способный проследить за ним?

— Есть. Сюганов. Он тоже был в Рижском лагере и должен знать Никулина.

— Вот это уже другое дело.

Николай Константинович не зря опасался. В Валкской школе можно было ожидать всего. Ознакомившись с обстановкой, присмотревшись к обитателям абверовской школы, он порой удивлялся — кого только здесь не было? В преподавательской среде рядом с белоэмигрантами-монархистами, выброшенными из России в годы революции, жили те, кто изменил Родине в первые же дни Великой Отечественной войны. За одним столом порой собирались бывшие графы, князья и сыпovsky кулаков, добровольно сдавшиеся немцам, «идейные» противники Советской власти и просто трусы и предатели.

Вопросами пропаганды ведал белоэмигрант, известный в школе по кличке Владимир. Сын крупного украинского помещика, штабс-капитан белой армии, он с оружием в руках выступал против молодой Республики Советов в годы гражданской войны. Владимир не мог да и не хотел забыть «добрые старые времена». На лекциях и в частных беседах он превозносил государственный строй царской России, вспоминал «обожяемого монарха», мечтал дожидаться возвращения царя в Россию. Николай Константинович с трудом переносил демагогический бред этого полусумасшедшего монархиста. Но что поделаешь? Приходилось терпеть.

В числе обучающихся тоже были самые различные люди — полицейские из лагерей военнопленных, каратели, тайные агенты гестапо, СД, а то и просто бандиты и воры-рецидивисты. Вся эта свора предателей в руках немецкой разведки представляла серьезную опасность для Родины. Никулин видел, что офицеры абвера умеют держать весь этот сброд в руках. Часть агентов уже выполнила по нескольку заданий в тылу советских войск и удачно возвратилась назад. Их наградили, обласкали, определили на работу при школе.

Но среди отщепенцев попадались и порядочные люди, которые тяготились своим положением фашистских приспешников.

В Валке Николай Константинович встретился со своими друзьями Подияровым и Курыновым.

— Разрешите доложить, товарищ капитан, — сияя улыбкой, начал Курынов. — Первую часть вашего задания выполнили. Оба мы в школе наших врагов, успешно осваиваем «науку» и готовы перейти к своим.

— Рад за вас, друзья мои. Безмерно рад! Рассказывайте, рассказывайте о себе! Как прошли испытания, проверка?

Друзья сидели вечером на берегу реки Валки. Тихо плескалась вода у самых ног. Распевали птицы, прощаясь с заходящим солнцем. В траве стучали кузнечики. Ничто здесь не напоминало войну. Счастливые встречи с Николаем Константиновичем, Курынов и Подияров, перебивая и дополняя друг друга, рассказывали о себе, о тех, кого они уже успели узнать, к кому присмотрелись. Они предупреждали Никулина, кого следует опасаться, кому можно в какой-то мере доверять.

— Нас, саласпилеских да рижских лагерников, организовал преподаватель физкультуры Сюганов. Будь осторожен с ним, — предупреждал Подияров. — Ты-то его знаешь. Одно время в Рижском лагере был полицаем. А здесь играет роль старшего. Это его затея — держаться вместе. Вроде однополчан...

— Хм, однополчане, — подхватил Курынов. — Только в лагерях мы что-то разные места занимали. Наш брат с голоду подыхал, а Сюганов от жратвы чуть не лопался. А теперь, видишь, однополчане!

— Понимаю, друзья, противно все это, — серьезно сказал Николай Константинович. — Но надо терпеть. Сюганов теперь видит в нас своих единомышленников. И пусть так считает! Это нам только на руку.

— Я вот что думаю, — заметил Подияров. — Сюганов неспроста держит нас всех вместе. Присматривает за нами, мысли наши вынюхивает.

— Он ведь повышение по службе получил, — вставил Курынов. — В лагере полицаем был, а теперь — преподаватель.

— Что ж, друзья, спасибо за предупреждение, — поблагодарил Никулин. — Мне все это понятно. Предателей

нужно остерегаться. Но не о них только речь. Надо хороших людей искать. Тех, кого можно направить к нашим с повинной. Присматривайтесь к людям, изучайте их и докладывайте мне. Пора действовать.

Курынов и Подияров называли несколько человек, с которыми не мешало бы познакомиться поближе. Николай Константинович поручил внимательно изучить их настроение, заинтересоваться, с охотой ли они идут выполнять задание немецкой разведки.

— Ну, а у вас как учеба идет? — спросил Никулин, окончив разговор о неотложных делах. — Чему учиться?

— Меня в радисты определили, — сказал Курынов.

— А меня в разведчики, — ответил Подияров.

— Что же, это неплохо. Значит, ты, — обратился Николай Константинович к Курынову, — пойдешь не один, а в группе. Тебе важно хорошо знать своих напарников. Если можно, то уже здесь подготовить их к явке с повинной. А если нельзя, то сделать это там, за линией фронта. Тебя уже спаровали с кем или нет?

— Пока нет. Может быть, попросить Шнеллера, чтобы дали напарника?

— Ни в коем случае. Он это сделает сам без твоего напоминания. А теперь, друзья, пора возвращаться. Нам с вами нельзя оказаться в недисциплинированных.

Никулин попрощался с друзьями. Разными дорогами они возвратились в казарму.

Учиться Николаю Константиновичу в разведшколе было до тошноты противно. Утро здесь начиналось с пения гимна «Боже, царя храни». Яркие монархисты, эмигранты и в немецких мундирах выставляли себя патриотами земли русской, борцами за «Русь святую». Они пичкали курсантов сказками о том прекрасном будущем, которое ожидает Россию после свержения Советской власти, о ее грядущем величии при самодержавном монархе.

Гитлеровцы вначале снисходительно смотрели на эти «чуждачества» своих лакеев. Готовили бы побольше диверсантов и шпионов, а болтать могут о чем угодно. Все равно судьбу русских уже predeterminedил фюрер. Кто не будет уничтожен, тот станет рабом. Русская земля вплоть до Волги будет немецкой. И не услышать белокаменной столице церковного перезвона при въезде самодержца. Фюрер сотрет ее с лица земли. Не для того он вел войну с Россией, чтобы вернуть ей монарха. Но это холуям ста-

нет известно позже. А пока пусть тешат себя несбыточными мечтами. Руками глупцов удобно таскать каштаны из огня!

Однако вскоре терпение руководителей школы лопнуло. Чересчур уж активно вели эмигранты монархическую пропаганду. Шнеллер вызвал к себе Владимира и язвительно сказал:

— Послушайте, господин Владимир. Я внимательно прочитал некоторые ваши лекции, и у меня сложилось впечатление, будто вы настолько любите своего монарха, что поворачиваетесь к великому фюреру спиной!

Владимир побледнел. Он хорошо знал, чем пахнет подобное обвинение.

— Простите, господин Шнеллер, — выдавил из себя бывший штабс-капитан, — но я не имел намерения в своей лекции умалять величие нашего фюрера. Наоборот, я всячески подчеркивал его роль в освобождении России от большевизма.

— Вы достаточно грамотны, господин Владимир, чтобы понимать ту простую истину, — продолжал распекать подчиненного Шнеллер, — что мы готовим агентов для немецкой разведки и ваша обязанность воспитывать их в духе любви к нашему фюреру, а не к какому-то несуществующему монарху. Потрудитесь немедленно перестроить свои лекции. Конспекты представьте мне на просмотр.

Владимир долго возился над переделкой конспектов. Впервые ему предельно ясно дали понять, что отношение фашистов к белоэмигрантам изменилось. В начале войны и в ходе подготовки к ней немецкая разведка заигрывала с белоэмигрантами. Адмирал Канарис в сороковом — сорок первом годах встречался с украинскими националистами Скоропадским, Мельником, Бандерой. Абверовцы вели переговоры и с бывшими членами Государственной думы. Белоэмигранты почувствовали, что они нужны немцам, предвкушали долгожданную радость победного возвращения в Россию.

В эмигрантских кругах велись нескончаемые разговоры о скором конце большевиков, каждый молил бога ниспослать чудо и вернуть бывшим господам их владения и привилегии. Когда фашисты напали на Советский Союз, многие белоэмигранты отправились в поход вместе с ними. Но шло время, гитлеровцы захватывали советские земли и чем дальше, тем меньше считались со своими пособни-

ками. К власти их не допускали, держали в черном теле. Шнеллер ясно дал понять Владимиру, что и в будущем им рассчитывать не на что.

В школе процветала система слежки, доносов. «Свобода», которую получили курсанты, на самом деле служила целям дальнейшей проверки. Уже в первые недели учебы Рудольфу и Шнеллеру стали известны все те, кто ходил в самоволку, кто не выполнял указаний преподавателя. За такими слушателями устанавливался особый надзор. Они попадали под подозрение.

А Никулину необходимо было завоевать авторитет и полное доверие руководителей школы. Поэтому он везде старался вести себя так, чтобы не вызвать ни малейших нареканий. Чтобы быстрее вырваться, получить задание и перебраться к своим, он учился, не жалея сил, строго соблюдал все установленные немцами правила и неизменно удостаивался высших баллов. Никулин был в меру любознателен, корректен. Порою проявлял инициативу, делал вид, что весьма старательно осваивает новую специальность.

Методика преподавания, организация школы, ее назначение, способы переброски агентов за линию фронта — все это для Николая Константиновича было делом давным-давно известным. Организацию и методы работы абвера чекисты изучали еще до войны. Так что все свое внимание он обратил на изучение «сослуживцев». Кто они, какие причины толкнули их на путь измены Родине, нет ли среди них честных людей, думающих о возвращении домой? Разобраться в этом было нелегко. Беседуя с курсантами школы, Николай Константинович был очень осторожен и сдержан, но приглянувшимся ему людям словно невзначай подсказывал правильный путь.

— Ты думаешь, мне Гитлер нравится? — разговорился однажды Иван Романов, которого Никулин взял под свою «опеку» едва ли не с первых дней пребывания в Валке. — Да по мне, всех фашистов передуть надо. Сколько горя, изверги, народу причинили. Этим гадам я ни в жизнь служить не буду. Дай только через фронт махнуть, а там ищи-свищи.

— Не побоишься?

— А чего мне бояться? У меня к Советской власти претензий нет.

— Говорят, отца твоего в Сибирь загнали?

— Было такое. До тридцатых годов мои старики богато жили. Батраков имели. Вот их и выселили, как кулаков. А я в Москве жил, сам работал, на других не наживался. Мне что? Сын за отца не ответчик!

Разговаривая, Иван Романов оживился. Лицо его, белое, чистое, порозовело. В карих глазах зажглись огоньки, он начал энергично рубить воздух ладонью. «Красивый парень, — размышлял Никулин, разглядывая своего собеседника. — Ему бы жить да жить, а он в такую яму попал. Эх, война-война!»

Заметив, что собеседник над чем-то задумался, Романов вдруг вскочил на ноги и энергично шагнул в его сторону.

— Ты смотри, Никулин, — зло сказал он. — Болтать обо мне будешь, не сносить тебе головы! Своими руками задушу.

— А чего мне болтать, — невозмутимо ответил Николай Константинович. — Я сам по себе, ты сам по себе. Не маленький. А болтаешь ты побольше моего. Не обессуди.

На том и расстались. У Никулина сложилось впечатление, что Романову можно довериться. Нужно лишь выждать время, поближе присмотреться к нему.

В первые же дни по приезде в Валку Шнеллер привел Никулина к местному фотографу Лайминыпу. Как и каждого курсанта школы, его сфотографировали в присутствии Шнеллера. Когда карточки были готовы, Шнеллер забрал их вместе с негативами. Испорченные снимки приказал сжечь.

Приглядываясь к Лайминыпу, Никулин заметил, как тот метнул в спину барона острый, испепеляющий взгляд. «Ого, — подумал Никулин, — а у тебя особой любви к фашистам нет!» И он решил воспользоваться этим. Николай Константинович стал встречаться с Лайминышем, подолгу беседовал с ним и, постепенно убедившись, что действительно имеет дело с честным, преданным Советской власти человеком, решил привлечь его к работе против гитлеровцев. Однако события развивались так быстро, что Никулину не удалось в этот раз выполнить своего намерения.

Шнеллер больше не вызывал Никулина, оставил его в покое. Зато раза два с ним беседовал Рудольф. Говорил мирно и доброжелательно, но Никулин заметил, что слежка за ним продолжалась. Вещи в чемодане периодически

просматривались, кто-то интересовался личными записями, которые Никулин специально оставлял в жилой комнате. В близкие друзья навязывался Сюганов.

Опасаясь провала, Никулин ограничил встречи с Подияровым и Курыновым, перестал посещать Лайминьша, еще раз предупредил своих знакомых об осторожности. Но продолжать агитацию среди агентов, склоняя их к явке с повинной, было необходимо. Приходилось рисковать. И Никулин рисковал. Через два месяца он мог рассчитывать еще на двух человек. Одним из них был Романов. Николай Константинович не упустил его из виду.

Обстановка на фронте осложнялась. Советские войска громили немецкие дивизии. Абверу с каждым днем требовалось все больше подготовленных агентов.

Однажды в разведшколу поступило указание направить в распоряжение «Абверкоманды-104», условно именованной «Марс», хорошо подготовленного разведчика, способного выполнить важное задание в тылу советских войск на участке Ленинградского фронта. Подполковник Шimmel просил выслать агента как можно быстрее прямо на переправочный пункт в поселок Сиверский.

Рудольф решил послать Николая Константиновича и поручил Шнеллеру заняться этим. Вызвав к себе Никулина поздно вечером, Шнеллер сказал:

— Никулин, как только будут готовы документы, вы поедете в Сиверский. Руководство абвера доверяет вам выполнить важное задание в тылу русских. О деталях сообщит сам подполковник Шimmel. Это большая честь!

Николай Константинович почувствовал, как учащенно забилося сердце. «Наконец-то. Скоро вырвусь из этого ада. Скоро — у своих». Но он не показал своей радости, почтительно заявив, что готов выполнить долг перед фюрером.

— Сейчас вам принесут обмундирование. Переоденьтесь, — благосклонно сказал Шнеллер, выслушав Никулина.

Трудно передать волнение, которое охватило Никулина, когда он надел родную форму советского офицера. Сбросить потертый, душный мундир солдата буржуазной латышской армии, который носили курсанты Валкской школы, надеть простую и удобную хлопчатобумажную гимнастерку с портунеей было настоящим счастьем. К горлу подкатил предательский комок, на глаза навернулись слезы радости.

Николая Константиновича удивило лишь, что на гимнастерке были погоны, похожие на те, которые носили офицеры старой русской армии, и не было петлиц с «кубиками».

— В чем дело? — поинтересовался Никулин.

— О, ваши соотечественники произвели небольшую реформу в армии. Как будто это спасет их от поражения!

Никулин промолчал. Ему потребовалось немало усилий, чтобы скрыть свои чувства от Шнеллера.

— Хорошо, хорошо советский офицер, — довольно хихикал Шнеллер. — Совсем как настоящий. Даже выстрелить в него хочется.

— Очень он чистый, — сокрушенно вздохнул один из инструкторов.

— О да! Это недопустимо, — подхватил Шнеллер. — Придется вам поползать по росе, по песочку. Надо, чтобы у вас был вид фронтовика, а не тыловой крысы. Как можно меньше привлекать внимание!

Шнеллер не был бы Шнеллером, отпусти он агента из школы без правоучения.

— Вам оказано большое доверие, — говорил он. — Учтите это. И помните, что за выполнение задания вас ожидает награда. Фюрер умеет ценить своих храбрых солдат!

Николай Константинович прикинулся растроганным. Он хорошо знал, что гитлеровцы не скупились на поощрения для своих наемников. Для них были учреждены специальные медали. Наиболее отличившимся присваивалось звание «почетный гражданин Германии». Удачливый агент мог дослужиться до чина фельдфебеля немецкой армии. Хорошо проявившим себя агентам разрешали жениться и жить вне лагеря, поступать вольнонаемными работниками в немецкие учреждения и войсковые части. Все это преследовало одну лишь цель — закрепить за собой агентов, пробудить в них желание вернуться назад из-за линии фронта. Гитлеровцы не без оснований считали, что тот, кто обзавелся семьей, постарается сохранить домашний очаг.

— Только большевики призывают отдать жизнь за идею, — говорил между тем Шнеллер Николаю Константиновичу, — а мы считаем, что солдат должен сражаться за осязательные вещи — богатство, славу, власть. Хорошень-

ко поработайте — и вы станете гражданином великой Германии. Вам будет принадлежать весь мир!

Основательно наговорившись, Шнеллер повел Никулина в столовую угостить прощальным ужином, приготовленным специально по этому случаю. За столом они сидели вдвоем. Шнеллер и здесь что-то говорил, но Николай Константинович слушал его плохо. Мыслями он был далеко от Валки, среди своих. Как-то они отнесутся к его появлению? Что скажут? Поверят ли?

— Переживаете? — спросил Шнеллер, положив свою массивную потную руку на плечо Никулина. — Не волнуйтесь. Дело, конечно, серьезное, но не так страшен дьявол, как его изображают. Нужна выдержка и смелость. Главное — решительность и напористость. В этом вся соль. Мы с майором Рудольфом на вас надеемся, господин Никулин. Это майор Рудольф вас рекомендовал.

— Очень ему благодарен, — искренне, от души сказал Николай Константинович. Сказал и осекся. Не слишком ли провикновенно прозвучала эта фраза?

Шнеллер заметил искренность в голосе Никулина и расценил ее по-своему: «Видно, у этого русского действительно хорошее взаимопонимание с майором. Значит, Рудольф прав и Никулину стоит верить?»

Закончив ужин, Николай Константинович с группой агентов в сопровождении офицера и солдата в закрытой машине отправился в поселок Сиверский, Ленинградской области. Немецкий офицер-разведчик давал последние указания: не проявлять излишнего любопытства в разговорах, стараться не показывать, что местные условия неизвестны. Если нужно — быть решительным и дерзким.

Ехали молча, курили. Офицер любезно угощал немецкими сигаретами. Советские папиросы, которыми снабжали агентов, приходилось экономить.

В Пскове остановились отдохнуть на конспиративной квартире, неподалеку от аэродрома. Ее хозяин, угрюмый мужик лет сорока, верпо служил гитлеровцам.

— Принимай, Быков, гостей, — сказал ему офицер, сопровождая группу.

— Милости просим, — поспешно отозвался хозяин и приказал жене: — Приготовь чего поесть да за самогонкой сходи.

На следующий вечер Никулина посетил начальник «Абверкоманды-104» подполковник Шиммель. Николай Константинович впервые увидел руководителя разведки, о котором часто упоминали в школе. В дом вошел невысокий, несколько располневший мужчина лет пятидесяти. Холерное продолговатое лицо, гитлеровские усики, длинный тонкий нос с горбинкой и большие чуть нависшие серые глаза. Ходил Шиммель сторбившись, шаркая ногами, как сильно уставший от работы и непрерывных забот старик. «Так вот ты какой, подполковник Шиммель!» — мелькнуло в голове Никулина.

После непродолжительных расспросов о самочувствии, здоровье, настроении Шиммель начал:

— Вам надлежит перейти фронт на «Ораниенбаумском пятачке». Переправят наши люди. Задание: под видом капитана Красной Армии проникнуть в указанные вам воинские части. Цель — узнать номера двух новых дивизий, прибывших на «пятачок», их состав и численность, имена командиров. Став на довольствие по аттестату, определить номера воинских частей. Разведать, как снабжаются части, какое вооружение, где находятся стыки между ними, есть ли свободные проходы, каково настроение войск. Командование чрезвычайно заинтересовано в сведениях с «пятачка». За выполнение задания представляю к награде.

Шиммель подробно разъяснил обстановку, в которой придется переходить фронт. Рассказал, о чем пишет советская печать, что сообщает Совинформбюро, как обстоят дела в стране со снабжением, каково настроение людей.

Затем вручил Николаю Константиновичу удостоверения личности на имя капитана Никулина, командира отдельного батальона, пистолет ТТ с запасной обоймой, советскую планшечку с картой, на которой была напесена обстановка на фронте в день перехода, продовольственный аттестат, командировочное предписание. Дал даже две свежие московские газеты.

— Ну вот и все, — окончил инструктаж Шиммель. — Теперь вас отправят в Сиверский к капитану Фишу. Он организует переправу через фронт.

Шиммель пожал руку Николаю Константиновичу, пожелал счастливого возвращения и уехал.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

В лесу было тихо. Стоял таинственный предрассветный полумрак. Сырой туман выползал из оврагов, клубясь между деревьями. Тихо перешептывались сосны. У солдат, пробравшихся лесом, пошаливали нервы. Они то и дело вскидывали автоматы, с трудом удерживая рвущийся с губ окрик: «Кто идет?» За лесом проходила нейтральная, «ничейная» земля между немецкими и русскими позициями. Лейтенант Бруно-Михкель, возглавлявший группу немецких разведчиков, скомандовал:

— Марш!

Солдаты тронулись в путь. Двое из них вышли вперед, другие прикрывали разведчиков с флангов и тыла. Офицеры шли в центре. Долго пробирались кустарником, ползли по полю, пока проводник группы не доложил:

— Можно переходить.

— С богом, Никулин, — проговорил Бруно-Михкель. — Идите осторожно, не наврите на минное поле. Их тут до черта. Обратно будете возвращаться здесь же. Помажьте пилоткой над головой. Вас встретят.

Торопясь до рассвета выйти за линию фронта, Никулин шагал быстро, почти бежал. В росистой траве он промок, но холода не чувствовал. Когда встало солнце, сзади послышались выстрелы. Зачастил пулемет, рывкнули пушки. Передовая осталась позади. Теперь он снова стал свободным советским человеком. Наконец-то можно снова вспомнить, что он — Мокий Демьянович Каращенко, а не какой-то Никулин, завербованный немцами в абвер.

Лес медленно пробуждался ото сна. Распевали пичуги в густых кронах деревьев. Иногда пробегала проворная белка. Будто и нет никакой войны. Но война шла — суровая, жестокая. О ней напоминал и завал на лесной дороге, и тщательно замаскированные землянки неподалеку от него. Каращенко вошел в одну из землянок. В ней отдыхали солдаты. Кто спал, кто латал изодранное обмундирование, кто писал домой заветные «треугольники». Вглядываясь в полумрак землянки, Мокий Демьянович спросил:

— Командир где?

— В штабной землянке, слева вторая, — равнодушно ответили ему.

Никто не поглядел на незнакомого офицера. «Вот черти беспечные, — ворчал про себя Каращенко. — А вдруг к вам диверсант заглянул?»

Командир роты, совсем еще юный лейтенант, очень почтительно встретил незнакомца, но не преминул проверить документы.

— Все-таки фронт, — как бы извиняясь, сказал он и громко прочел: — «Капитан Никулин Николай Константинович, войсковая часть...»

Документы оказались в полном порядке, и лейтенант без прежней настороженности поинтересовался, чем может быть полезен.

— Проводите меня к работнику контрразведки, — попросил собеседник.

Лейтенант удивленно поднял брови, как бы недоумевая, зачем командированному капитану понадобился чекист, шевельнул губами, явно намереваясь задать вопрос, но потом, видимо, передумал и начал энергично крутить ручку полевого телефона, надрывно выкрикивая в трубку:

— Фиалка, дай Козодой!.. Козодой? Козодой, мне Скребницу... Скребница? Тьфу, черт, прервали. Сейчас еще позвоню.

Потратив минут пятнадцать на вызов Скребницы, лейтенант вдруг махнул рукой:

— А, дьявол их побери. Там, видно, позасыпали все под утро, не добудитесь. Быстрее сами дойдете. Это же совсем рядом. Штаб бригады отсюда километрах в двух, за березовой рощей. Там и начальник контрразведки. Нашего контрразведчика вчера тяжело ранило. Хороший был парень. Просто жаль. А вместо него никого пока не прислали. Так я вас направлю к их начальнику.

Во время разговора лейтенант продолжал держать трубку в руке, и Мокий Демьянович услышал, как шелкнула мембрана, недовольный мужской голос просипел:

— Я Скребница, кто звонит?

— Что сказать о вас? — спросил лейтенант.

— Скажите, что командир отдельного батальона капитан Никулин хочет видеть начальника по срочному делу.

Закончив телефонный разговор, лейтенант приказал своему связному сопровождать приезжего офицера и по-

желал счастливого пути. Выходя из землянки, он посмотрел на одежду нового знакомого и добавил:

— Да вы промокли-то как! Возьмите мою плащ-накидку. Не очень греет, но хоть от ветра защитит.

Только сейчас Каращенко почувствовал озноб во всем теле. Сапоги и брюки промокли, ноги сводило судорогой. Он поблагодарил лейтенанта, взял плащ-накидку, закутался в нее и пошел за солдатом. Шли быстро. Простреливаемые места перебегали пригнувшись или переползали по-пластунски. Полтора — два километра показались Каращенко очень длинными. Он сильно устал. Сказалось большое нервное напряжение последних дней, переход линии фронта.

— Отдел контрразведки в этой землянке, — указал наконец солдат. — Мне разрешите вернуться?

— Возвращайтесь. Возьмите вот плащ-накидку и передайте лейтенанту мою благодарность за нее. Крепко выручила.

Каращенко попросил часового, стоявшего у входа в землянку, доложить о нем и, когда тот, вернувшись, предложил ему войти, решительно сбежал по ступенькам вниз, подошел к двери и постучал. Никто не отозвался. Тогда он распахнул дверь и остановился у входа.

— Что за церемонии? Входите... — услышал Мокий Демьянович знакомый голос из глубины землянки. Он не поверил ни ушам, ни глазам своим, увидев за маленьким походным столом старого закадычного друга Богданова. На плечах его были майорские погоны. Всмотревшись в вошедшего, Богданов поднялся из-за стола и, раскинув для объятия руки, пошел навстречу.

— Дружище, дорогой! Вот это встреча!

Майор схватил друга в объятия, приговаривая:

— Откуда? С того света? Ну, чертушка, удивил. Каков молодец! Не ожидал. Вот обрадовал, так обрадовал! Садись же, рассказывай.

Каращенко долго не мог ничего ответить другу. Так неожиданна была для него встреча с Богдановым, что он растерялся, не знал, как вести себя. А тот допытывался:

— Что ты молчишь, будто язык проглотил? Ну, говори же!

Мокий Демьянович тяжело опустился на стул. Напротив на табуретке уселся Богданов. Не дождавшись ответа, он заговорил сам:

— Ты знаешь, я ведь тебя уже похоронил. Сказали ребята, что Вентспилсский гарнизон попал в окружение и оттуда почти никто не вышел живым. Я тебя искал и надежду потерял. А ты — вот он, живой, невредимый! Вот здорово!

— Выслушай меня, Николай, — собрался наконец с духом Каращенко, — со мной такая катавасия приключилась, что ты, может, и не рад будешь нашей встрече.

— Брось глупить! Расскажи лучше, где был, как жил? Как оказался здесь, где служишь?

Мокий Демьянович начал рассказывать о себе. Богданов слушал внимательно, и на его лице то отражалась тревога, когда речь шла о тяжелых испытаниях, которые выпали на долю друга, то появлялось выражение радости, когда тот рассказывал о своих успехах в борьбе с гитлеровцами.

— И вот я здесь, перед тобой, — закончил рассказ Каращенко. — Чем бы меня ни посчитали — предателем или честным солдатом, патриотом — все равно я дома.

— Да, положение твое сложное. Все зависит от того, кто чему больше поверит. Могут оправдать, а могут засудить. Как подойти. Не стану тебя утешать, да ты в этом и не нуждаешься. Но скажу откровенно: пелегко придется. Найдутся такие, которые в этой истории увидят только теневые стороны, а все хорошее, что ты сделал, выбросят за борт. Но я надеюсь, что не они решат твою судьбу.

— Буду и я надеяться, что разберутся объективно, — вздохнул Каращенко. — А ты мне поверь, в той обстановке, где я находился, поступить как-либо иначе просто не мог. Если те сведения, которые мне удалось собрать, принесут пользу Родине, буду счастлив, пусть даже понесу наказание за все остальное.

Долго беседовали друзья. Богданов подробно расспрашивал Каращенко, отыскивая все новые доказательства того, что тот действовал правильно.

— А теперь, — попросил Каращенко, когда все было обговорено, — докладывай по команде. Действуй так, как требует служба. Вот тебе мои документы, оружие...

— Погоди ты с этим, — отмахнулся Богданов, — сейчас свяжусь со своими начальниками и попрошу разрешения прибыть вместе с тобой. Верю тебе и буду защищать как смогу.

Мокий Демьянович с большим чувством пожал горячую и сильную руку Богданова.

Дальнейшие события разворачивались со стремительной быстротой. Генерал Быстров приказал немедленно доставить Каращенко в Ленинград. Здесь Мокий Демьянович написал рапорт и получил разрешение отдохнуть.

...Мокий Демьянович бывал в Ленинграде и раньше. В тридцатом году он учился в Ленинградской школе ГПУ. Тогда по бульжным «пропспектам» города громыхали старинные трамваи, а на стенах кое-где просвечивали сквозь побелку рекламные надписи поставщиков «Двора Его Императорского Величества». Еще существовала карточная система. У хлебных магазинов стояли длинные очереди. Но город жил, смеялся, пел.

Особенно красив был Ленинград в сороковом предвоенном году. В пышной зелени бесчисленных садов и бульваров, сияющий позолотой церковей и знаменитой адмиралтейской иглы, город то нежил, задумчивый и тихий, в сумраке белых ночей, то спешил, неутомимый, тысячами троллейбусов, автобусов, такси, сотнями речных трамваев, катеров. Катились людские толпы по тротуарам, проспектам, набережным. И город был весь полон песен и смеха. Словно сознавая красу свою, смотрелся он в зеркальную гладь каналов, в воспетую поэтами Неву.

А в грозном сорок третьем году, только что освободившийся от огненного кольца блокады, город-герой был молчалив и суров. В вечернем небе над зачехленным куполом Исаакия, над адмиралтейским корабльником, над уходящим в небо дшилем Петропавловской крепости колыхались привязанные аэростаты. Пустынны и тихи были улицы. В вечерней тишине слышался лишь четкий шаг патрулей. Враг был близок, и город не спал. Тысячи патриотов грудью своей закрывали его от вражеского вторжения. Представив себе их, Мокий Демьянович впервые ощутил, что и он тоже — защитник города Ленина. Но, подумав об этом, снова почувствовал тревогу. Гуляя по тенистым аллеям парков, он как-то забыл о своем нынешнем положении. А оно было нелегким.

Еще несколько часов назад Каращенко стоял перед своим пачальником. Строгий генерал молча выслушал доклад о прибытии. Потом попросил подробно, со всеми деталями рассказать о виденном в лагерях военнопленных, в школе абвера, в немецком тылу. Слушал внимательно,

изредка задавая вопросы. Стенографист скрипел карандашом по листам бумаги. И Каращенко говорил, говорил, стараясь ничего не упустить. А на душе все же было тревожно.

— Ваши сведения представляют большой интерес, — сказал наконец генерал Быстров.

У Мокия Демьяновича посветлело лицо. Генерал, хорошо понимая его состояние, тоже улыбнулся и продолжал:

— Кое-что из того, что вы сообщили, мы уже знаем. Кое-что требует дальнейшей проверки. Но сделали вы многое. Сейчас с вами побеседует представитель НКГБ подполковник Светловидов. А потом вы отдохнете, погуляете. Когда понадобится, вас позвуют.

— Я хочу бить фашистов, товарищ генерал. Прошу послать на фронт.

— Ну что же, учтем ваше пожелание. А сейчас отдохните сами и дайте нам обстоятельно подумать. Вас пригласят.

К назначенному сроку Каращенко явился в приемную генерала Быстрова. Младший лейтенант Жаворонков, вежливо, но холодно встретивший посетителя, предложил ему присесть, подождать.

— У генерала сейчас важное совещание, — сказал младший лейтенант. — Принять вас он не сможет.

— Я подожду, — ответил Мокий Демьянович.

Он сел в предложенное ему кресло и погрузился в глубокое раздумье.

Каращенко и не подозревал, какие страсти разыгрались в кабинете генерала Быстрова. Не знал, что судьба его, не раз висевшая на волоске, уготовила ему новое тяжкое испытание, которое было потяжелее всего пережитого ранее. Но тревога, охватившая его с утра, не проходила. С большим вниманием дожидался он в приемной генерала, когда его позвуют. И когда адъютант пригласил его войти в кабинет, Каращенко понял: судьба его решена.

Генерал начал без околичностей:

— Товарищ Каращенко, мы хотим поручить вам ответственное и опасное задание. Для его выполнения необходимо возвратиться в абвер. Согласны вы выполнить такое задание?

Это предложение было для Мокия Демьяновича совсем неожиданным и сильно взволновало его. Направляясь к своим, Каращенко никак не думал о возвращении в не-

мецкую разведку. Он даже растерялся, не знал, что ответить. Заметив его нерешительность, генерал мягко сказал:

— Нам очень важно иметь в абвере своего человека, но, если вы не захотите вернуться туда, вам предоставят другую работу.

Мокий Демьянович задумался. Вернуться к гитлеровцам. Да хватит ли сил перенести все это вторично? Куда лучше попасть на передний край! Там вокруг — товарищи и друзья, всегда готовые прийти на помощь. Там если и погибнешь, то со славой, в честном бою, а это не то же, что умереть безымянным, замученным в гестаповских застенках. Трудный выбор. И чекист выбрал.

— Вам решать, товарищ генерал, — твердо сказал оп. — Где нужнее, туда и поплите. Я готов.

— Вот и хорошо, — ответил Быстров. — Мы в вас не сомневались. Пойдете в тыл к немцам с особым заданием. А сейчас отдыхайте. Утром прощу ко мне.

Когда Мокий Демьянович снова явился к Быстрову, тот принял его по-дружески тепло и приветливо.

— Хорошо ли отдохнули, Мокий Демьянович, или всю ночь глаз не смыкали?

От внимательного взгляда генерала не ускользнуло, что на лице Каращенко стали заметнее морщинки, появилась синева под глазами. Генерал понимал состояние подчиненного.

— Не стану скрывать, товарищ генерал, — тихо вымолвил Каращенко. — Спал плохо. Не на свадьбу ведь собираюсь. Сами понимаете.

— Верно. Не на свадьбу, — повторил генерал и, снова внимательно взглянув на Каращенко, добавил: — А может, за ночь вы передумали? Говорите прямо. Это дело такое. Для выполнения задания, которое мы намерены вам дать, нужно быть уверенным в своих силах. Если такой уверенности нет, то лучше отказаться, пока не поздно. За это вас корить никто не будет.

— Что вы, что вы, товарищ генерал! — забеспокоился Мокий Демьянович. — Я готов. Плохо спал потому, что взволновала встреча со своими. Но срок «командировки» истекает. Там ждут. Каждый лишний день задержки объяснить будет тяжело. Надо торопиться в обратный путь.

— Мы это предусмотрели и постараемся избавить вас от лишних хлопот, — ответил генерал. — А теперь разрешите вас поздравить.

Каращенко вопросительно посмотрел на генерала, а тот продолжал:

— Командование фронта и управление контрразведки высоко оценили ваш опасный труд и присвоили вам очередное воинское звание. Поздравляю, товарищ капитан, и желаю успехов в работе.

Мокий Демьянович не ожидал этого. Он смутился, растерялся и дрогнувшим голосом ответил:

— За доверие спасибо. Большое спасибо. Я сил и самой жизни не пожалею, чтобы оправдать его.

— Ну, тогда перейдем к делу. Вы готовы?

— Так точно.

— Прощу к карте, товарищ капитан.

В голосе Быстрова прозвучали властные нотки. Каращенко понял, что неофициальная часть встречи окончена.

— Итак, из вашего доклада видно, что немцы проявляют особый интерес к «Ораниенбаумскому пятаку». — Генерал очертил его место на карте указкой. — Они хотят знать все, что делается здесь. Абвер, если судить по вашему заданию, считает, что в район «пятачка» прибыли две наши дивизии и расположились в районе реки Черной. Вот здесь. Что ж, не будем разубеждать немцев. Постараемся даже подтвердить их догадку. Доложите Шиммелю, что в районе реки Черной обнаружили части девяносто восьмой стрелковой дивизии, тринадцатой и семьдесят первой стрелковых бригад. Доложите также, что семьдесят первая бригада уходит в тыл для подготовки к десантным операциям. В бригаду прибыло пополнение: два батальона, сформированных из выписанных из госпиталей обстрелянных солдат. Из Кронштадта скрытно прибыла и заняла ее место сто сорок вторая отдельная морская бригада, усиленная частями двести двадцать седьмой стрелковой дивизии. Названные части вы наблюдали в районах Гентелово, Ковапи, Мордовщина, Лендовщина. Обратите внимание вот на этот лес и этот участок за рекой Черной. Ориентиры — тригонометрическая вышка, изгиб реки, церковь, озеро. Нужно доложить немцам, что прибывшие войска направляются в интересующий их район для отдыха и пополнения.

Мокий Демьянович внимательно изучал карту и населенные пункты, указанные генералом. Нужно было все запомнить, ничего не упустить. А Быстров продолжал:

— Сегодня же вы побываете в этих местах. Вас отве-

зут на машине. Хорошенько ознакомьтесь с местностью, ее особенностями. Нужно учитывать, что немцы с ней знакомы, там проходил фронт. Малейшая неточность может стоить вам жизни.

— Я это понимаю, товарищ генерал.

— Вот и прекрасно. Внимательно изучите карту. Докладывать-то вам придется по ней и нужно как следует подготовиться.

Генерал отошел от стола, дав возможность Мокию Демьяновичу рассмотреть указанный участок. Цель дезинформации, разработанной нашим штабом, состояла в том, чтобы заставить гитлеровцев поверить, будто главный удар советских войск, будет нанесен в направлении Котлы — Кингисепп.

Все то, что говорил генерал о войсках, их нумерации, в основе своей соответствовало действительности. Разрабатывая легенду, штаб и контрразведчики исходили из того, что немцы имели некоторые данные о частях Приморской оперативной группы. Подтвердить их было нестрашно. Но нужно было заставить врага поверить также в прибытие на «пяточок» двести двадцать седьмой стрелковой дивизии и сто сорок второй отдельной морской бригады. Это требовалось для того, чтобы убедить немцев, будто войска Ленинградского фронта поведут основное наступление в том направлении, на котором мы на самом деле намеревались нанести всего лишь вспомогательный удар. Тогда противник усилил бы оборону на этом участке за счет других.

— Ну как, все запомнили? — прервал молчание генерал.

— Так точно.

— Повторите.

Мокий Демьянович повторил. Генерал поправил его лишь в отдельных местах.

— Что ж, я доволен. Детали операции вы несколько позже обсудите с подполковником Сосницыным. Время еще терпит. А теперь прошу вас сюда. Здесь будет удобнее.

Генерал подвел Каращенко к журнальному столику в углу кабинета, около которого стояли два мягких кресла.

— Садитесь, Мокий Демьянович. Закуривайте.

Капитан взял из протянутой ему коробки папиросу и с удовольствием затянулся ароматным дымом.

— Все сведения, которые вы получили для передачи немцам, — говорил Быстров, — надо преподнести им в точности. Это — ваша первая обязанность. Мы, безусловно, примем все меры, чтобы подтвердить достоверность вашего сообщения. Можете быть спокойны. Штабом разработано и предусмотрено все необходимое на случай проверки легенды со стороны немцев. Вы в полной безопасности.

— Спасибо за заботу, товарищ генерал.

— Выполнив первую задачу, перейдете ко второй. Она будет значительно сложнее. Вы — контрразведчик и, безусловно, понимаете, как важно для нас внедрить своего человека в разведку противника.

— Понимаю.

— Надо стать своим человеком в школах абвера, войти в доверие к руководителям разведорганов, действующих на нашем участке фронта. Нам нужны подробные данные о той агентуре, которая готовится и забрасывается в наш тыл. Для выполнения этой задачи вы имеете и опыт и связи.

— Очень сложное это дело, товарищ генерал.

— Конечно, вам будет нелегко. Нельзя не считаться с тем, что у нас опытный и сильный противник. Вы докладывали, что в Пскове с вами беседовал подполковник Шimmel — начальник «Абверкоманды-104». Вы снова встретитесь с ним. Имейте в виду, что Шimmel на хорошем счету у руководителей абвера. И это не случайно. Он умеет работать. Начальник абвера адмирал Канарис бросил на Восточный фронт все лучшее, что у него имелось.

Генерал рассказал Мокию Демьяновичу о том, что органам госбезопасности удалось обезвредить ряд агентов, подготовленных и направленных в советский тыл Шimmelем.

— Такой человек, как Шimmel, — продолжал генерал, — заслуживает пристального внимания. Абвер долго не знал поражений. Это создало вокруг него ореол непобедимости. Но мы видим слабые стороны противника и сделаем все, чтобы разгромить его.

Генерал замолчал. Он словно забыл о своем собеседнике, весь упел в себя. Мокий Демьянович с уважением смотрел на Быстрова, к которому проникся безграничным доверием. Был он подкупающе прост. Его дружелюбная улыбка располагала к откровенности.

Поглядывая на задумавшегося о чем-то своем генерала, Каращенко молчал, не решаясь отвлечь его. Наконец

Быстров тряхнул головой, как бы отгоняя сомнения, и продолжал прерванный разговор:

— Да, Мокий Демьянович, противник у нас серьезный. Дело не только в Шиммеле, с которым вам придется встретиться в первый же день после возвращения к ним. Вас будут проверять, провоцировать самые различные люди. Каждое ваше слово будет тщательно анализироваться. Надо собрать все первы в комок, но выдержать.

— Сделаю все, чтобы успешно выполнить задание.

— В этом не сомневаемся. Вам необходимо после проверки осесть па какой-либо технической работе в разведшколе или разведоргана абвера. Цель — внимательное изучение обучающихся там агентов. Вы должны склонять колеблющихся к явке с повинной, подбирать надежных, крепких людей, которых можно рекомендовать для выполнения разведывательных заданий. Дело, как видите, сложное. Но вы обладаете необходимым опытом, и я уверен — справитесь.

Генерал снова сделал паузу, затем продолжал:

— Встретятся вам по возвращении не только несчастные люди, но и убежденные, отъявленные враги советского народа. Я имею в виду всех этих «бывших», их сынков, изменников и перебежчиков, уголовников, рецидивистов и прочих людшек с гнилой душой и грязной совестью. Не за страх, а за совесть они служат немцам. О подготовке их к заброске в наши тылы вы должны своевременно сообщать нам. В этом главная трудность задания.

— Все ясно, товарищ генерал.

— Тогда разрешите вам пожелать счастливого пути. До скорой встречи, дорогой наш контрразведчик. Удачи вам и возвращения с победой!

— Спасибо, товарищ генерал! Не беспокойтесь за меня, не подведу.

Капитан Каращенко вышел из кабинета. В приемной его уже ожидал подполковник Сосницын. Чекисты долго беседовали о предстоящем деле, потом выехали на фронт, в район Черпой реки. Здесь Каращенко вместе с Сосницыным и чекистами дивизии проехал по тому маршруту, который разработали немцы для своего агента. Мокий Демьянович внимательно ознакомился с местностью. Вечером, добравшись до кровати, он сразу же уснул и спал крепко, без сновидений.

Ранним утром, хорошо отдохнув и подкрепившись, Мокий Демьянович выехал в обратный путь. Юркая «эмка», окрашенная в защитный цвет, катилась по лесной дороге. Недавно прошел дождь. В лесу было влажно и тихо. Разноцветными бликами вспыхивали капли дождя на зеленой хвое, заплутавшийся в чащобе ветерок стряхивал брызги на крышу машины. И только отдаленный орудийный гул говорил о близости фронта. В пути чекисты беседовали о предстоящем переходе Каращенко в немецкий тыл. Оперативный сотрудник управления контрразведки капитан Маковенко наставлял Мокия Демьяновича:

— Вы на целые сутки опоздали с возвращением, поэтому переходить линию фронта будете в стороне от назначенного немцами места. Постарайтесь быть у них к рассвету. Спросят, почему не явились в указанный день и перешли на другом участке, говорите, что вас заметили, пришлось плутать. Соответствующий спектакль мы разыграем.

...И снова Мокий Демьянович очутился на передовой. Где ползком, где пригнувшись, продвигался он мимо наших сторожевых постов, притаившихся секретов, хоронясь от случайной пули. И сам он, и провожавшие его капитан Маковенко и майор Богданов промокли до нитки.

Утро выдалось ненастное, хмурое.

— Пришли, — сказал Богданов. — Дальше пойдемь один. Ничейная земля.

— Посидим перед дорогой. А вернее, полежим, — предложил капитан Маковенко.

— Да, передохнуть не мешает, — согласился Мокий Демьянович.

Каращенко лежал рядом с Богдановым. Дыхание друга он чувствовал у самого уха, и на душе становилось спокойней, уверенней — рядом человек, с которым так много пройдено, прожито. Он не оставит в беде... Тишина. Ни шороха, ни выстрела. Непривычно звенело в ушах, в голову лезли всякие страхи.

Чекисты лежали на узкой полоске земли, разделяющей два мира, две непримиримо враждующие стороны, и думали об одном — о том, что встретится их товарищу, когда он шагнет в неизвестность. Никто ведь не знал и не мог предсказать, что будет в логове фашистов со смельчаком, который взялся перехитрить «всесильный абвер».

— Теперь пора, — вполголоса проговорил Маковенко.

Распрошавшись с друзьями, Каращенко вновь стал Никулиным, агентом абвера. Он стал пробираться к немецким окопам и вскоре исчез из виду. Лишь некоторое время был слышен шелест травы да легкое потрескивание валежника.

Ползком подобравшись к расщепленной снарядом сосне, Никулин стал на ноги, прижался к смолистому стволу и тихо окликнул:

— Камрад, камрад!

В немецких окопах никто не откликнулся. Никулин вышел из укрытия и поднял руки, показывая, что он без оружия. Тогда из-за бруствера высунулась одна голова, другая... Солдаты стали призывно махать руками, закричали:

— Ком хир! Ком хир!

Николай Константинович пошел вперед. Спрыгнув в окоп, потребовал:

— Проводите меня к офицеру.

Солдаты, не поняв его, что-то залопотали. Один из них ткнул в бок стволом автомата и показал на вход в бункер — туда, мол, иди. Сразу же появился и переводчик — щуплый солдатик из поляков.

— Цо тпеба, пан? — строго спросил он у Никулина.

Тот повторил:

— Мне надо к офицеру.

— Для чего?

— По делу службы.

Понимающе кивнув головой, поляк куда-то побежал по траншее. Через несколько минут в бункер вошел сухой и длинный, надрывно кашляющий, видимо простуженный, капитан, командир роты.

— Вас волен зи? — отрывисто проговорил он и закашлялся.

— Я немецкий солдат. Меня нужно немедленно доставить в штаб дивизии, — как можно тверже и решительнее заявил Никулин.

Поляк услужливо перевел. Немецкий офицер с интересом посмотрел на Николая Константиновича и тоже спросил:

— Зачем?

— Служебное дело абвера, — снова ответил Никулин.

Немец опять закашлялся, поманил пальцем фельдфебеля и, что-то приказав, вышел из бункера. Вскоре Ни-

колая Константиновича повели в штаб дивизии. Конвоиры, обозленные тем, что в такую ненастную погоду им пришлось покинуть сухую землянку и тащиться по лужам в неведомую даль из-за какого-то русского, готовы были живьем съесть Никулина. «Как бы не пристрелили», — беспокоился думал он, когда то один, то другой конвоир больно толкал его стволом автомата в спину, в бок, предлагая ускорить шаг или сменить направление.

— Халет, русипе пвайн! — скомандовал наконец один из конвоиров, рыжебородый мордастый детина в растоптанных сапогах, и побежал куда-то под горку.

Николай Константинович принялся — в которой раз! — повторять в уме легенду, сочиненную чекистами в Ленинграде. Предстояло четко, без запинки и путаницы рассказать обо всем «увиденном» на советской стороне, перечислить номера воинских частей. Его, несомненно, постараются уличить во лжи. Немцы не дураки. У них, конечно, есть собранные по различным каналам сведения, по которым можно проверить правдивость доклада. Споткнешься — пощады не жди. Замучают, заподозрив, что ты подослан чекистами. Такие случаи бывали.

Прошло несколько минут тягостного ожидания, и рыжий конвоир показался на тропинке, махнул рукой:

— Ком!

Второй солдат немедленно ткнул Николая Константиновича стволом автомата в спину. Никулин пошел с горки, миновал заросший осинником овраг и, выйдя на опушку леса, увидел в излучине ручья небольшую деревушку.

Деревушка была совсем неприметная. Покосившиеся избы смотрели крохотными подслеповатыми окошками на мутный ручеек, вырвавшийся из лесной чащобы. Над соломенными крышами задирали к небу головы два колодезных журавля. Белела церквушка на косогоре, а подле нее на самой вершине бугра красовался добротный пятистенный дом под железной кровлей.

Дом этот еще до революции построил кабатчик Силантьев, известный на всю округу мироед и бабник. Он охотно давал односельчанам выпивку и деньги в долг, под проценты, скупал в городе по дешевке ворованные вещи и перепродавал мужикам. Так и составил капиталец.

После революции в силантьевском доме был сельсовет. А когда пришли немцы, выгнали всех жителей из деревни и расквартировали здесь штаб дивизии. В силантьев-

ском доме, лучшем в деревне, поселился генерал. Никулин сразу определил это: к дому со всех сторон тянулись телефонные провода, у крыльца прохаживался часовой, под березами, которыми была обсажена усадьба, стояли легкие машины.

Командир дивизии пожелал лично расспросить перебежчика с советской стороны. Шагнув к нему, Николай Константинович тихо произнес полученный от Шиммеля пароль:

— Ораниенбаум.

— Генерал сразу же отпустил конвоиров и вызвал адъютанта.

— Прикажете нагреть воды, приготовить завтрак, — сказал он и добавил, обращаясь к Никулину на ломаном русском языке: — Мы будем беседовать и затем банья унд фриштик, завтракать.

В течение получаса генерал расспрашивал Никулина о том, что тот видел за линией фронта. Потом благосклонно разрешил:

— Можете отдыхать.

— Господин генерал, прошу сообщить о моем прибытии капитану Фишу. Он мне приказал немедленно связаться с ним после перехода линии фронта.

— Хорошо. Я позвоню.

Когда Никулин вышел, генерал пригласил к себе начальника штаба. Вскоре в его кабинет вошел длинный и худой полковник. Почтительно вытянулся у порога, ожидая приказаний.

— Прошу подойти к карте, — предложил ему генерал. — Обратите внимание на этот участок. Что здесь происходило ночью? Как вели себя русские?

— Герр генерал, — доложил начальник штаба, — сегодня перед рассветом русские открыли интенсивный ружейно-пулеметный огонь в районе высоты Шварцкопф. Стреляли где-то в глубине своих боевых порядков, и это наших опасений не вызывало. Ночью на правом фланге дивизии слышался гул моторов.

— Н-да... Этот русский, пожалуй, не врет. Во всяком случае о том участке, где он переходил линию фронта.

— О каком русском идет речь?

— А черт его знает, кто он. Это виднее капитану Фишу и подполковнику Шиммелю. Их человек явился с той стороны и доложил о концентрации русских войск

вот здесь, — он снова ткнул карандашом в карту. — Ваши наблюдения подтверждают эти сообщения.

— Возможно, здесь действительно затевается серьезное дело. Разрешите послать разведгруппу для проверки положения на месте?

— Разумеется. И установите за этим участком постоянное наблюдение.

Начальник штаба вышел. Генерал снял телефонную трубку и вызвал капитана Фиша.

— В мою дивизию от русских перебежал человек. Просил поставить вас об этом в известность. Он рассказывал мне кое-что интересное. Его сообщение подтверждается нашими наблюдениями. Поздравляю с успехом.

— Немедленно выезжаю, господин генерал, — ответил капитан.

Голос Фиша в телефонной трубке буквально зазвенел от радости. Фиш ликовал. Никулин был одним из немногих лазутчиков, заброшенных в тыл советских войск, который выполнил задание и возвратился назад. Большинство агентов или погибали, переходя линию фронта, или попадали в руки советской контрразведки.

Часа через два у высокого резного крыльца дома, где расположился генерал, остановился зеленый с бурными разводами «оппель». Из него выскочил и бегом поднялся на крыльцо капитан Фиш. Николай Константинович вышел ему навстречу. Он хотел по всей форме отпортить, но капитан Фиш вдруг полез целоваться и разболтался без удержу:

— Ах, какой вы молодец, Никулин! Как я рад, что вы вернулись! Признаться, я очень опасался за вас, ведь вы уже немолоды. Мы с вами примерно одного возраста, не так ли? Но, — тут капитан Фиш многозначительно поднял палец, — старая лопадь не портит поля! Так, кажется, говорят русские? Многие молодые не справились с заданием, а вы показали себя молодцом, героем, настоящим Зигфридом. Вы получите награду. Поздравляю вас.

Николай Константинович делал вид, что бесконечно рад встрече, терпеливо выслушивал похвалы абверовца, который буквально рассыпался в любезностях. Расточая друг другу ослепительные улыбки, Фиш и Никулин уселись в автомобиль.

— В Псков, — командовал Фиш шоферу.

Машина тронулась с места, несколько километров проехала по разбитой прифронтовой дороге, затем вырвалась на асфальтированное шоссе и, набрав скорость, поехала на запад. За окном мелькали перелески, мокрые луга, речушки.

Почти не сбавляя скорости, проезжали через деревни. Ближе к передовой их буквально наводняли гитлеровские войска. Бесчисленные повозки, машины, орудия, солдаты...

А машина все мчалась по гладкой дороге на запад. Красноречие Фиша иссякло, он успокоился и, поудобнее устроившись, смотрел на раскрывающиеся перед ним картины. На лице его по-прежнему играла радостная улыбка.

Никулин исподтишка наблюдал за Фишем и настороженно думал, что предпримет этот человек, когда начнет проверку доставленных сведений. Поверит ли? А впереди еще Псков, встреча с начальником «Абверкоманды-104» подполковником Шиммелем. Николай Константинович вспомнил предупреждение генерала Быстрова: «Вас будут проверять, провоцировать самые различные люди. Каждое ваше слово будет тщательно анализироваться. Надо собрать все нервы в комок, но выдержать».

«Собрать все нервы в комок, но выдержать», — мысленно повторил Никулин.

Глава шестая

ЛИСА ИДЕТ В ЗАПАДНЮ

Шиммель принял Николая Константиновича очень сдержанно. Побавилось приветливости и у Фиша. Теперь он был сугубо официален.

— Как самочувствие, господин Никулин? — спросил Шиммель.

— Благодарю вас, господин подполковник, хорошее.

— Ну и славу богу, так, кажется, говорили в старое время в России?

На лице его появилась гримаса, и трудно было понять, что она изображала — доброжелательную улыбку или брезгливость.

— Многие и сейчас так говорят, — сдержанно ответил Никулин.

— Разве в России до сих пор верят в бога?

— Есть и верующие, а многие так говорят по привычке.

Шиммель явно не торопил Николая Константиновича с докладом. Отвлекая его внимание, он готовил неожиданный вопрос по существу. Метод, знакомый всем следователям мира, несмотря на свою тривиальность, нередко давал хорошие результаты, когда приходилось иметь дело с плохо подготовленными и слабонервными людьми, и Шиммель знал это.

Поболтав несколько минут о том о сем, Шиммель пригласил Николая Константиновича пройти в смежную с кабинетом комнату. Там был накрыт обеденный стол. Уловив вопросительный взгляд Никулина, Шиммель предупредительно ответил:

— О деле потом. Вы сегодня устали. Переход фронта, дорога — это нервы. Надо и отдохнуть. Признаться, и мы тоже устали. К тому же и время обеденное. Не так ли, господин Фиш?

Никулин понял маневр Шиммеля. «Попытается спойти», — пронеслось в голове. — Старый прием».

— Я, господин подполковник, дьявольски проголодался, — сразу же подхватил Фиш. — Уверен, что и господин Никулин не откажется. Я ведь так быстро приехал за ним, что он едва ли успел перекусить.

На лице капитана Фиша снова появилась радостная улыбка, как и при встрече с Николаем Константиновичем в штабе дивизии. Но, уловив холодный взгляд Шиммеля, он вновь сухо поджал губы.

Обедали почти молча. Изредка Шиммель задавал какой-нибудь вопрос или поднимал тост за фюрера, за победу великой Германии, за успехи Никулина. Приходилось пить. Шиммель не сводил глаз с Николая Константиновича и, когда ему показалось, что хмель начал действовать, перешел к допросу:

— Мне доложили, господин Никулин, что с вами грубо обращались солдаты, которые встретили вас. Но ведь вы сами виноваты. Почему перешли линию фронта не там, где мы условились? Зачем отклонились от маршрута? К тому же вы и опоздали... Это могло стоить вам жизни. Не так ли?

Никулин насторожился, почуввав ловушку. Когда контрразведчики разрабатывали для него легенду, то приготовили и версию для оправдания задержки. Нужно

было сообщить немцам, что проход, по которому он собирался возвращаться, перекрыт. Там, дескать, располагалась какая-то часть. Вот он и свернул в лес. А там полно солдат. Пилили сосны, устраивали завалы. В лесу видел много техники, особенно танков. Разведать подробнее не удалось: русские чрезвычайно тщательно охраняют район от высоты Шварцкопф до излучины реки Черной.

Так Никулин и доложил. Внимательно выслушав его, Шimmel замолчал, испытующе глядя на Николая Константиновича. Сообщение о концентрации крупных сил в направлении города Котлы и было тем крючком, на который советское командование хотело подцепить фашистов.

Шimmel молчал, помешивая ложечкой кофе. Никулин старался по его лицу определить — поверил или нет. Но на лице абверовца словно застыла непроницаемая маска. Помалкивал и Фиш. Обед закончился в тягостном молчании. Наконец Шimmel поднялся из-за стола.

— Так что ж? Доклад вы уже начали, господин Никулин. Продолжим, пожалуй, в кабинете.

Подполковник подошел к стене, завешенной плотным материалом, раздвинул занавес. Никулин увидел такую же карту, какая висела и в кабинете генерала Быстрова. Только надписи здесь были на немецком языке.

— Доложите о выполнении задания подробнее, — потребовал Шimmel.

Фиш взял со стола блокнот, поудобнее устроился в кресле возле карты и приготовился записывать.

Никулин внимательно рассматривал карту, делая вид, что вчитывается в отпечатанные латинским шрифтом названия. А сам тем временем продолжал обдумывать, как преподнести немецким разведчикам легенду, полученную в контрразведке.

— Вам, как я вижу, трудно читать наш шрифт. Охотно помогу вам, — сказал Шimmel.

Взяв со стола указку, он подошел к карте и, глядя прямо в глаза Николаю Константиновичу, неожиданно спросил:

— Как теперь выглядит Ленинград, господин Никулин? У нас очень противоречивые сведения об этом городе.

У Николая Константиновича екнуло сердце. Неужели выследили, узнали, что он был в Ленинграде? Вот почему

так холоден Шimmel! «Спокойно, спокойно», — приказал себе Никулин. И ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Простите, господин подполковник, — вежливо ответил он, — но на этот вопрос я не смогу ответить. В Ленинграде никогда не был.

— Вот как? Почему же майор Рудольф говорил мне, что вы родились и жили под Ленинградом? Я полагал, что вы хорошо знаете этот город.

— Что вы, что вы, говорить так майор Рудольф не мог. Вы запомнили. Он вел со мной разговор о Москве, о Подмосковье. Ведь он мой земляк.

— Ах, так... А я почему-то думал, что вы родились где-то под Ленинградом. Я ведь тоже родился в России. И почему-то представил себе, что вы, как и я, родом из-под Петербурга, хотел поговорить об этом прекрасном городе, о его чарующих окрестностях...

Никулин чувствовал, что его одолевает зевота. Устал он до невозможности, хотелось спать. А тут Шimmel не спеша, со смаком, толкует о чем-то совсем не имеющем отношения к делу.

— Так где же вы переплыли линию фронта? — быстро спросил Фиш, совершенно неожиданно для Никулина, прервав Шimmel.

Николай Константинович даже вздрогнул, услышав резкий, как удар кнутом, выкрик Фиша. Погруженный в свои думы, он и не заметил, как пристально глядит на него Шimmel, как тщательно записывает каждое слово капитан Фиш.

Будто припоминая новые подробности, Николай Константинович начал рассказывать о некоторых «свежих» деталях, о войсках, настроениях, снабжении и прочих интересующих немцев вещах. Он принес абверовцам продовольственные аттестаты с отметками о полученных продуктах, о столовых, в которых питался. В них были представлены и номера полевой почты частей, где он якобы становился на котловое довольствие. Словом, предусмотрительные чекисты сделали все так, как это предполагается опытному агенту. Рассматривая аттестат, Шimmel поинтересовался:

— Это нашей работы аттестат или подлинный, русский?

— Подлинный, — ответил Никулин. — Получил при отъезде.

— Очень хорошо. Чем он отличается от тех аттестатов, которые даем мы?

Николай Константинович ждал этого вопроса. Он знал, что немецкую разведку интересуют подлинные советские документы и то, как заполняют их. Знали об этом и в нашей контрразведке. Поэтому ему и разрешили сообщить немцам об их ошибке, допущенной при изготовлении продовольственного аттестата офицера Красной Армии. Сведения, которые он сообщал, не составляли большой тайны, зато укрепляли авторитет Никулина в глазах немцев. И Никулин старался получше использовать свой козырь:

— Видите ли, господин подполковник, наши сотрудники допускают серьезные ошибки при заполнении продовольственных аттестатов и командировочных предписаний. Документы, которые были вручены мне перед отправкой в советский тыл, заполнялись небрежно, и это могло стоить мне жизни. С такими документами там лучше и не появляться. Или наши специалисты не знают всей канцелярской техники русских, либо делают ошибки с умыслом. Надо проверить это.

Никулин говорил резко, с возмущением, тоном человека, жизнь которого подвергалась опасности из-за небрежности второстепенных сотрудников абвера. Шиммель и Фиш поторопились его успокоить.

— Господин Никулин, мы расследуем это дело.

Шиммель еще раз внимательно осмотрел принесенный Николаем Константиновичем аттестат. Затем вынул из сейфа фальшивый и стал сличать его с подлинным. Они походили друг на друга, как близнецы, и Шиммель не удержался, спросил:

— Так в чем же здесь ошибка? Я не вижу...

— Господин подполковник, в аттестате не было отметки о выдаче мне дополнительного пайка, который полагается офицеру. Как только я появился на продпункте, чтобы стать на довольствие, меня сразу же спросили, почему в аттестате нет такой отметки. Пришлось сослаться на небрежность писаря. Все, правда, сошло благополучно. Мне поверили. Но в каком же положении я оказался? Не будь начальник продпункта таким ротозеем, я не имел бы чести сейчас находиться с вами. Я потом не знал ни минуты покоя, так и тянуло — бросить все и бежать за линию фронта. А вдруг этот кладовщик и не

ротозей вовсе? Вдруг он сообщил о фальшивом аттестате чекистам, и они уже идут по моему следу, все ближе и ближе...

Николай Константинович наступал. Он понимал, что нужно действовать решительно, напористо, перехватить у своих противников инициативу, чтобы не дать им возможности ловить себя на слове, проверять. Он заметил, что Шиммель это не понравилось. В конце концов именно Шиммель нес ответственность за подготовку всего необходимого для заброски Никулина в советский тыл. И вот теперь тот как бы ставил под сомнение репутацию лучшего специалиста по России, которая прочно утвердилась за Шиммелем в абвере. Поэтому Шиммель забеспокоился, попытался перевести разговор на другую тему:

— Господин Никулин, а что вы заметили...

— Извините, господин подполковник, я сейчас закончу мысль, — продолжал Николай Константинович. — В командировочном предписании почему-то не был представлен шифр. Я вначале не обратил на это внимания. Но на русской стороне спохватился. Нам еще в разведшколе говорили о том, что в советских командировочных предписаниях ставится условный шифр: одна-единственная буква, которая дает возможность отличить своего от чужого. Без этого шифра мое командировочное предписание выглядело как грубая подделка. С такой фальшивкой я бы попался на первом же контрольно-пропускном пункте.

Никулин замолчал, всем своим видом выражая крайнее возмущение. Фиш, по всей видимости, был доволен таким поворотом беседы. От Николая Константиновича не ускользнуло, что Шиммель и Фиш по-разному расценивают его возвращение из советского тыла. Фиш считал это своим личным успехом. У Шиммеля возникли подозрения. Он стремился все детально проверить. В такой обстановке Фиш становился невольным союзником Никулина. Он решил немедленно воспользоваться этим и продолжал:

— В Валкской школе меня хорошо подготовили к переправе на ту сторону. Я от души благодарен за это майору Рудольфу и капитану Шнеллеру. Безукоризненно обеспечил мой переход через линию фронта капитан Фиш. Он сам и его люди отнеслись к заданию серьезно,

со знанием дела. Они сделали все, что могли, для обеспечения безопасности моего перехода.

Фиш даже покраснел от удовольствия. Он пытался сохранить спокойствие и не показать своей радости Шиммелью, но на его лице было написано все. От зоркого глаза Никулина не ускользнула и сложная гамма переживаний на лице Шиммеля. Он решил «успокоить» абверовца.

— Я волнуюсь так, господа, не из-за себя. Из-за небольших неточностей в оформлении документов могло провалиться задание.

Сказав это, Николай Константинович замолчал.

— Господин Никулин, — вкрадчиво поинтересовался Шиммель. — А как вам удалось узнать шифр?

Этот вопрос не застал Никулина врасплох. Он заранее подготовил ответ на него.

— Я вышел на дорогу и останавливал младших по званию офицеров, придирался к ним под разными предлогами и требовал предъявить документы. К моему счастью, среди задержанных оказался один с командировочным предписанием. Я запомнил шифр и проставил его в своем документе.

— Хвалю за находчивость, — кисло улыбнулся Шиммель. — Из вас выйдет неплохой разведчик.

Капитан Фиш понял, что наступила пора помочь своему начальнику выбраться из неприятного положения, и поспешил переменить тему разговора.

— А как кормят русских? — спросил он.

— Кормят, надо сказать, вполне сносно, — ответил Никулин. — Солдатам готовят кашу гречневую, пшенную с салом или мясом, борщи варят. Офицеры получают дополнительный паек — галеты, масло, консервы.

— Да, в этом отношении у русских благополучно, — подтвердил капитан Фиш, посмотрев на своего начальника.

Николай Константинович закончил доклад. И Шиммель теперь уже просто, без былой настороженности переспросил, подойдя к карте и очерчивая карандашом небольшой квадрат:

— Значит, по-вашему, где-то в этом районе сконцентрированы двести двадцать седьмая стрелковая дивизия и сто сорок вторая отдельная морская бригада?

— Я доложил все, что мне удалось узнать.

— Вы не ошиблись?

— Не должно быть. Возможно, кое-что не сумел разведать, упустил, но времени у меня было очень мало.

— Вы, Никулин, принесли ценные сведения, — заключая беседу, сказал Шиммель. — Если все то, что мы нанесли на карту по вашему докладу, подтвердится, я представлю вас к награждению медалью «За верную службу».

Отпустив Николая Константиновича, немецкие разведчики остались в кабинете вдвоем. Они понимали, что полученные ими сведения заинтересуют командование. Но можно ли им верить? Действительно ли в районе реки Черной идет концентрация русских войск? Откуда на «пяточке» появились дивизии, морская бригада? Придут ли еще войска и какие? На все эти вопросы «Абверкоманда-104» должна была дать точные и исчерпывающие ответы.

Нагнувшись над картой, Шиммель внимательно изучал маршрут, по которому шел Николай Константинович. Фиш перечитывал записи в блокноте. Придаться как будто было не к чему.

— Ваше мнение? — спросил Шиммель Фиша.

— Все выглядит вполне правдоподобно...

— И все же не будем спешить радоваться, — сказал Шиммель. — Займемся детальной проверкой.

Проверка... О ней постоянно твердили во всех инстанциях абвера. Недоверие к полученным сведениям, к людям, которые добывали их, — иначе и не могло быть в разведке, опирающейся на изменников, предателей, авантюристов и различного рода проходимцев. В абвере хорошо понимали, что доверять таким кадрам нельзя. Понимали это и Шиммель с Фишем. Они и хотели поверить Никулину, и боялись попасть впросак, доверившись ему.

— То, что Никулин явился днем позже условленного срока и линию фронта перешел не там, где указывалось в задании, — высказывал свои сомнения Шиммель, — дает основание полагать, что он перевербован советской контрразведкой. Он пробыл у русских как раз столько времени, сколько потребовалось бы для получения задания в Ленинграде и возвращения к нам. Вот посмотрите...

Шиммель принялся прикидывать в различных вариантах время, которое потребовалось Николаю Константиновичу для выполнения поставленной перед ним задачи. Рассчитывал, где и сколько тот шел пешком, где ехал на

попутных машинах, останавливался на ночевки. Получалось, что Никулин должен был уложиться в отведенный срок. Но он опоздал на целые сутки...

— Не могу отделаться от мысли, что Никулин побывал в русской контрразведке, — признался Шиммель.

— Чтобы добыть такие сведения, времени требовалось много, — возражал Фиш. — Еще ни один агент не собрал столько данных за один переход через линию фронта, сколько Никулин. Это как-то объясняет опоздание. К тому же ему пришлось менять участок перехода.

— Вот это и подозрительно. Очень уж много он добыл сведений. Как бы их ему не вручили специально...

— Мы никогда не достигнем успеха, если с таким неоправданным подозрением будем относиться к донесениям наших агентов. Перейти фронт при большой концентрации войск нелегко. Я как начальник переправочного пункта это хорошо знаю.

— Господин Фиш, уж не завербовал ли вас Никулин по пути сюда, что вы так отстаиваете его? — съязвил Шиммель.

Начальнику разведки не понравилась убежденность, с которой Фиш защищал удачливого агента. Шиммель понимал, что Фиш доволен возвращением Никулина, видит в этом частицу и своих заслуг и, конечно, ожидает от начальника их признания. Он надеется, что командование абвера наградит лиц, принимавших участие в операции. Да, Фиш очень хотел получить награду и решил польстить начальнику, чтобы тот забыл о таких неприятных для него упреках Никулина.

— Я помню ваш рассказ, господин подполковник, о том, как в сорок первом году вы на Центральном фронте с группой офицеров абвера переоделись в форму советских солдат и несколько раз на трофейной автомашине пытались вклиниться в колонну отступающих русских войск, но не могли этого сделать из-за сильной их концентрации. Сосредоточение русских частей является помехой для перехода фронта. С этим нужно согласиться.

Шиммель самодовольно улыбнулся. Ему приятно было, что о его храбрости говорят в офицерских кругах абвера. Хотя трижды предпринятая попытка присоединиться к отступающим русским войскам сорвалась и поставленную задачу — вывезти на машине в тыл к русским несколько офицеров абвера — Шиммелю выполнить

не удалось, тем не менее участие в таком «лихом деле» тешило его самолюбие, поднимало в глазах подчиненных.

— Доводы ваши очень резонны, дорогой Фиш. Но все же необходимо проверить и самого Никулина, и его данные.

— В пользу Никулина, господин подполковник, говорит тот факт, что он дал ценные советы по оформлению документов, проявил инициативу в раскрытии шифра командировочных предписаний. Вряд ли в этом заинтересована русская контрразведка. Какой им смысл раскрывать шифр? Он, конечно, часто меняется, но мы можем оформить документы и задним числом. Дескать, выехал в командировку, когда применялся иной шифр.

— Это подкупает в какой-то мере, — согласился Шиммель и подошел к карте. За ним последовал Фиш. — Никулин перешел линию фронта вот здесь. Если он обнаружил «окно», то надо этим воспользоваться и немедленно направить через него другого агента с той же задачей, что была и у Никулина. Если русские забросили к нам Никулина, то, надо полагать, проход они закрыли. Если же он обнаружил его сам, то «окно» может оставаться открытым долго. Ошибкой в системе обороны противника надо воспользоваться.

— Все ясно, господин подполковник, — отвечал Фиш.

— Никулина отвезите в Сиверский. Дайте ему отдохнуть. Проверку доставленных им данных произведу сам. Доложу в «Штаб Валли», что агент Никулин прибыл.

...И началась проверка. Интенсивная воздушная разведка, служба радиоперехвата, наблюдатели на переднем крае — все как будто бы подтверждали сведения Шиммеля, а стало быть, и его агента Никулина. Однако генерал-фельдмаршал Кюхлер требовал уточнить даже мельчайшие детали донесения.

Начальник «Штаба Валли» командировал в Псков на помощь Шиммелю подполковника Бауна. Он также приказал начальнику разведшколы Рудольфу лично отобрать двух-трех особо доверенных агентов и готовить их к переходу линии фронта для сбора новых данных о концентрации советских войск на «Ораниенбаумском пятке».

Во второй половине августа 1943 года в «Абверкоманде-104» собрались «специалисты по России»: подполковник Баун, подполковник Рудольф и подполковник Шим-

мель. Баун и Рудольф только что получили очередные воинские звания.

Абверовцы были всерьез озабочены. Данным Никулина придали большое значение не только в штабе группы армий «Север», но и в самом абвере. Адмирал Канарис потребовал от своих подчиненных немедленно и глубоко разобраться во всех обстоятельствах дела.

Доклаживал Шиммель:

— Воздушная и радиотехническая разведки подтверждают данные Никулина. Вчера захвачен «язык» — матрос семьдесят первой бригады морской пехоты. На допросе он показал, что среди личного состава ходят усиленные слухи о прибытии новых подкреплений. Войска готовятся к наступлению. Командиры и политработники изучают местность в полосе предстоящего боя. Недавно к ним на передовую приезжали несколько генералов и адмиралов. Все это дает основание верить сообщению Никулина. Но вместе с тем у меня лично остается сомнение — не является ли все это хорошо подготовленным и разыгранным водевилем. Этому же опасается и командующий группой «Север». Он предупредил меня, что не располагает достаточными силами, чтобы уверенно оборонять весь фронт. Он может собрать кулак лишь на направлении главного удара русских. Верховное командование в помощи ему отказало. Концентрация войск в районе «Ораниенбаумского пятячка» оголит другие участки фронта, и тогда мы можем потерять Прибалтику. Такова обстановка.

— Это ясно, — заключил Рудольф. — Как ведет себя Никулин?

— Сейчас он в Сиверском. Я приказал Фишу организовать за ним наблюдение. Как вы знаете, там у нас есть все необходимое для проверки агентов, направляющихся в советский тыл и возвращающихся оттуда.

— А каково ваше мнение о Никулине? — обратился Баун к Шиммелю.

— В общих чертах неплохое. Наблюдателен, осторожен, находчив, общителен. По сообщению Фиша, в настоящее время сошелся с нашим агентом Спасовым, которого мы специально используем для изучения Никулина. Спасов о Никулине отзывался неплохо.

— Я знаю его по разведшколе, — вмешался Рудольф. — Показал себя прилежным, сообразительным.

Обладает силой воли и выдержкой. Перед отправкой в «Абверкоманду-104» для выполнения задания мы его специально проверяли, однако ничего компрометирующего не обнаружили.

— Из «Абверштелле-Остланд» мне сообщили, что Никулин в Рижском центральном лагере скрывал, что он офицер, и выдавал себя за рядового, — возразил Баун. — Удалось установить это. Совместно с другими укрывавшимися офицерами его направили в Саласпилский лагерь. Это бросает на него тень.

— Так подходить к оценке нельзя, — ответил Рудольф. — В наших лагерях каждый борется за свою жизнь как может. Не будешь бороться — погибнешь. Это же ясно.

Совещание трех подполковников абвера длилось долго. Были обсуждены все стороны предстоящей проверки сведений, доставленных Николаем Константиновичем...

На советской стороне в это время тоже часто вспоминали о чекисте. На следующий день после его перехода через линию фронта генерал Быстров вызвал к себе подполковника Сосницына и капитана Маковенко.

— Чувствовал он себя хорошо, — докладывал Маковенко. — Просил передать, товарищ генерал, что поставлено выполнить задание как можно лучше.

— Вы лично наблюдали за его переходом?

— Так точно, товарищ генерал. Дошел он благополучно. Все было сделано аккуратно, как и намечалось. Тут уж для своего друга постарался майор Богданов: все, что надо, подготовил и сам до нейтральной земли сопровождал.

— Молодец Богданов, умница. Немцы не стреляли?

— Нет. В районе перехода на их стороне было тихо.

— Товарищ подполковник, — обратился генерал к Сосницыну, — как выполняется наш план? Что, по вашему мнению, нужно еще сделать?

— Я думаю, товарищ генерал, что если наш Никулин благополучно перешел линию фронта, то немецкая разведка постарается по проложенному им маршруту направить в наш тыл других агентов, чтобы проверить доверие Никулина. Если они пройдут благополучно, это повысит доверие немцев к Николаю Константиновичу. Если не пройдут, его будут подозревать. От агентов, несомненно, будут ждать подтверждения информации о прибытии

на «пятак» советских войск. Если сообщение Никулина не подтвердится, ему — конец.

— Что же вы предлагаете? — спросил Быстров. — Не пускать же нам вражескую агентуру к себе в тыл?

— Мы с Маковенко тут подумали, товарищ генерал, и пришли к выводу, что кое-чем Шиммеля надо порадовать. Иначе ничего не получится. Наши мысли мы изложили письменно.

Сосницын протянул генералу несколько мелко исписанных листов. Быстров внимательно прочитал их. В кабинете стояла тишина, слышался лишь шелест переворачиваемых страниц.

— Ну что ж? План продуман хорошо, — сказал Быстров, закончив чтение. — Утверждаю его и прошу ежедневно докладывать о ходе выполнения. Все должно быть сделано без сучка и задоринки, чтобы у «гостей» не появилось ни тени подозрения. Иначе не только нашим замыслам, но и планам командования фронта будет нанесен непоправимый вред.

— Мы хорошо понимаем, товарищ генерал, — за обоих ответил Маковенко, — что речь идет об очень серьезном деле.

Когда Сосницын и Маковенко вышли из кабинета, генерал Быстров позвонил начальнику финансового отдела.

— Нужно ускорить пересылку денежного аттестата семье того человека, о котором мы вели речь вчера. Что? Сегодня уже выслали? Благодарю вас.

Положив трубку, Быстров посмотрел на грудку документов, ожидавших его. Все они были важные, секретные, срочные. Генерал пододвинул их к себе, секунду помедлил, потом позвонил в приемную и попросил никого не пускать к нему на доклад минут двадцать — тридцать, после чего достал чистый лист бумаги и сел писать письмо жене и детям Мокия Демьяновича Каращенко.

Закончив письмо, он по высокочастотному телефону связался с командующим. В трубке послышался ровный и тихий голос:

— Слушаю вас.

— Докладывает генерал Быстров. Товарищ командующий, ночью линию фронта перешел наш человек. Сейчас он у немцев и передает им дезинформационные данные.

— Хорошо. Разведчики тоже сумели подsunуть дезинформацию противнику. Я сейчас дам команду начальнику штаба. Надо подтвердить легенду.

— Об этом я и хотел просить вас, товарищ командующий.

— Тогда я прикажу вводить в действие все средства, предусмотренные планом.... Как себя чувствуете?

— Спасибо, товарищ командующий. Хорошо.

— Что нового по вашей линии?

— Думаю завтра кое-что доложить.

— Очень хорошо. Жду вас. До свидания.

В этот же день над рекой Черной появился немецкий самолет-разведчик. Штаб фронта и чекисты ожидали этого. Они предполагали, что немцы в первую очередь попытаются провести воздушную разведку района предполагаемой концентрации наших войск. Поэтому сюда были стянуты зенитно-артиллерийские части. Они получили задачу не пропустить ни одного самолета в указанный район. Сделав несколько безуспешных попыток пробиться через стену заградительного огня, фашист ушел на свой аэродром. Ночью он снова появился. На этот раз ему особенно не мешали. Но зато специально созданные команды жгли костры, имитируя большое скопление войск.

Узнав о полетах немецкого самолета-разведчика, генерал Быстров был очень доволен. Теперь у него были все основания считать, что дезинформация по назначению доставлена. Он тут же вызвал подполковника Сосницына и капитана Маковенко, потребовал доложить, какие новые меры они предполагают предпринять, чтобы помочь Никулину ввести фашистов в заблуждение.

Подполковник сообщил, что вместе с Маковенко он детально изучил район перехода Никулина через линию фронта. Решено на некоторое время оставить «окно» в обороне, чтобы через него пропустить агентуру Шиммеля к нам в тыл.

— Прошлый раз мы предположили, — говорил Сосницын, — что Шиммель пошлет по маршруту, которым ходил Никулин, других своих агентов. Считаю, что нужно дать им возможность пройти. Но на пути расставить специально выделенные части. Лучше всего оставить два-три отдельных батальона. Все остальные войска отвести в сторону от маршрута. Личный состав батальонов — офи-

церов и солдат проинструктировать, чтобы они выдавали себя за военнослужащих стрелковой дивизии и морской бригады. Это подкрепит нашу легенду. Агентов Шиммеля не задерживать, а дать им возможность свободно уйти к своим хозяевам.

Сосницын замолчал. Генерал Быстров задумался, потом спросил:

— А вы что предлагаете, товарищ Маковенко?

— Я согласен с этим вариантом. Агентов Шиммеля мы встретим и проводим целыми и невредимыми, если только их не прикончат сами немцы. За тех ручаться не могу. Но я высказывал и другие соображения. Было бы неплохо задержать тех, кто придет к нам с заданием абвера. Хорошо поработать с ними и вернуть Шиммелю с такими же дезинформационными данными, с какими ушел Никулин.

— Что ж, в обоих предложениях есть неплохие идеи, — резюмировал Быстров. — Но для подготовки всего того, что вы предлагаете, нужно время, а его у нас нет. К тому же нельзя посвящать в наши замыслы большой круг людей. Мне думается, предложение товарища Маковенко перевербовать агента Шиммеля для нас неприемлемо. Ведь для контроля он пошлет шпиона, проверенного в деле, преданного немцам. Где уверенность, что тот не продаст нас и наш замысел фашистскому командованию? Не нужно и войска привлекать к операции. Сделаем все силами самих чекистов. «Окно» в обороне нужно оставить открытым. Только установите там усиленное наблюдение. Немецкого агента должен встретить наш сотрудник в роли командированного офицера. Пусть все время сопровождает абверовца: им будет «по пути». Чекист должен заходить с немецким агентом в землянки и дома, где заранее разместятся наши люди под видом военнослужащих двести двадцать седьмой стрелковой дивизии и сто сорок второй отдельной морской бригады. Необходимо исключить всякую возможность общения абверовца с кем бы то ни было, кроме участников операции. Поводив шпиона по тылам, надо под строгим контролем отправить его на ту сторону. Он расскажет немцам о том, что видел, вернее, что мы ему покажем. Годится такой план?

— Очень трудно будет изолировать немецкого агента, — с сомнением сказал Сосницын. — Фронт... Здесь

возможны всякие случайности. Могут быть и нежелательные встречи.

— Безусловно, какая-то доля риска остается, — согласился Быстров. — Но постараемся проникнуть в психологию агента. Как только он перейдет линию фронта, ему будет казаться, что на каждом шагу подстерегает опасность. Конечно, он ухватится за знакомство с «полезным» человеком. Ну, а все дальнейшее зависит от смекалки и расторопности нашего оперативного работника...

Чекисты уточнили детали предстоящей операции, распределили обязанности, назначили ответственных лиц. Когда все было решено, генерал Быстров сказал своим помощникам:

— Теперь, товарищи, не теряйте ни минуты. Абверовская лиса пошла в западню. Со дня на день надо ждать появления агентуры. Операцию по приему и проходам вражеских лазутчиков назовем «Гости». Начинайте подготовку к приему «гостей». Желаю успеха!

Глава седьмая

КОСА НА КАМЕНЬ

В Сиверском Николая Константиновича поселили в небольшом, хорошо обставленном доме. Одна половина его, две комнаты, предназначалась Никулину и старшие не переправочного пункта Спасову, вторую половину занимали немецкие офицеры-разведчики.

— Вот вы и дома, — произнес капитан Фиш. — Подполковник Шиммель велел предоставить вам все необходимое для хорошего отдыха. Вы здесь никакими делами заниматься не будете. Немецкое командование умеет ценить тех, кто помогает великой Германии в ее исторической битве с коммунистами. Вы заслужили отдых, господин Никулин, и пользуйтесь им. Набирайтесь сил, они вам еще понадобятся. Все необходимое получите у господина Спасова. Он у нас занимается хозяйством. Познакомьтесь с ним, когда он придет. Будьте здоровы, отдыхайте спокойно.

Капитан Фиш ушел. Николай Константинович чувствовал неодолимую усталость. Ломило спину, поясницу, побаливала голова. Хотелось лечь и уснуть, но надо было

дождаться Спасова, познакомиться с ним. Как-никак, а жить придется рядом. Что он за человек?

Никулин понимал, что на переправочном пункте он получает возможность хорошо изучить агентов, которые готовятся к переходу через линию фронта. Для контрразведчика это уже немало. Создавались благоприятные условия для выполнения второй части задания Быстрова: собирать сведения о немецких шпионах, склонять колеблющихся к явке с повинной. Никулин надеялся установить из Сиверского связь с генералом Быстрым, регулярно сообщать ему о заброске немецких разведчиков в тыл советских войск.

Начинать работу следовало со знакомства с теми лицами, которые будут его постоянно окружать. В первую очередь хотелось сблизиться со Спасовым. Может быть, удастся как-то использовать его. Николай Константинович понимал, что старшиной переправочного пункта немцы не назначат непроверенного человека. По-видимому, Спасов предан фашистам, они ему верят. Что ж, тем более надо с ним сойтись и перехитрить его.

Никулин, не раздеваясь, прилег на кровать поверх одеяла. Он хотел просто полежать, дать покой натруженным мышцам и перебрать в памяти события последних суток, однако незаметно для себя крепко уснул. Проснувшись, почувствовав, что с ноги стаскивают сапог. Осторожно приоткрыв глаз, Николай Константинович увидел рослого светловолосого парня. Тот низко пригнулся над кроватью и осторожно, стараясь не разбудить спящего, тянул за каблук. Никулин отдернул ногу.

— В чем дело? — недовольным тоном спросил он.

— А, проснулся все-таки! — Парень дружески улыбнулся. — Не волнуйся, я не вор, не жулик. Пришел домой — вижу лежишь на койке, ноги свесил и храпишь, что твой трактор на пахоте. Видать, крепко умаялся. Зачем, думаю, мучиться человеку? Дай хоть сапоги сниму. Пусть отдохнет. А вот, видишь, разбудил.

— Ничего. Не беспокойтесь.

— Ну, давай знакомиться, козь свела вместе судьба наша военная. Я — Спасов. А тебя как звать-величать?

— Никулин, Николай Константинович. Рад познакомиться. Мне о вас говорил капитан Фип.

— Все мы здесь рады знакомству друг с другом, — не то с иронией, не то серьезно ответил Спасов. — Только

брось «выкать». Я привык на «ты». Тем более, что неизвестно, кто из нас по чинам старше, кто младше.

— А я на особое положение и не претендую. Это ты как-никак начальство. Раз приказываешь — подчиняюсь, — улыбнулся Николай Константинович.

— Хочешь подчиняться — подчиняйся. Только в начальство не лезу, — в тон Никулину ответил Спасов и захолопотал, как гостеприимный хозяин: — Ты как настроен, Николай Константинович, спать или ужинать? Давай перекусим чем бог послал. А завтра уж тебя оформим на полное котловое и вещевое довольствие, как в Красной Армии говорили.

— Перекусить не откажусь.

— Вот и порядок.

Спасов открыл буфет, достал бутылку самогону, хлеб, закуску и пригласил Николая Константиновича к столу. После первой чарки завязался разговор.

— Оттуда пришел? — спросил Спасов.

— Угу.

— Ну и как там? Наступление готовят? Ударят скоро?

— Похоже на то. Силы подтягивают.

— Гм... Конечно, посмотрим. Поживем — увидим.

— Давно здесь? — в свою очередь поинтересовался Никулин.

— Порядком. А что?

— Просто так спросил.

Они просидели весь вечер за столом, говорили о том о сем, прощупывали друг друга. Каждый хотел узнать о собеседнике побольше и в то же время не рассказывать о себе. Разговор явно не клеился.

Наконец Спасов встал из-за стола и зевнул:

— Ну, ладно, спать пора. Хватит в прятки играть, словно дети малые. Еще обнюхаемся, придет время. Побережем наши первы. Ложись, что ли, Николай Константинович, или как там тебя?

...Прошло два дня. Никто не интересовался Никулиным, никто его не тревожил. Спасов днем отсутствовал. Он появлялся лишь к вечеру и начинал вспоминать свою довоенную жизнь. Трудно было повясть — тосковал ли он по прошлому, желал ли вернуть то, что минуло, или был доволен, что все переменялось. Никулин больше молчал, слушал. «Обнюхивание» шло медленно.

На третий день Николая Константиновича вызвали к начальнику переправочного пункта. В кабинете капитана Фиша его встретил подполковник Рудольф.

— С благополучным возвращением, господин Никулин, — приветливо произнес Рудольф. — Рад вас видеть в добром здравии и, надеюсь, прекрасном настроении.

Николай Константинович заметил, что Рудольф повышен в чине.

— Рад и я, господин подполковник. Разрешите и мне поздравить вас с новым званием. — И Никулин первым протянул Рудольфу руку.

Брови подполковника изумленно взметнулись. Рудольф не ожидал такого поступка. Он помнил Никулина по Гуцаловскому лагерю и Валкской разведшколе как человека скромного, умеющего соблюдать такт в обращении с начальством. А тут такая фамильярность... Как будто они равны — этот безвестный Никулин и он, барон фон Ризе! После секундного колебания Рудольф все же коснулся пальцами ладони Николая Константиновича. Что поделаешь, этот русский добился большого успеха, с ним придется работать, и надо его расположить к себе. Стараясь показать, что ему приятна встреча с Никулиным, Рудольф предложил агенту сесть рядом с собой. Предстояла длительная беседа.

Когда Никулин уселся, Рудольф достал портсигар, протянул ему.

— Благодарю вас. — Николай Константинович взял сигарету.

Рудольф щелкнул никелированной зажигалкой, оба прикурили.

— Я рад, что вы выполнили задание, — продолжал Рудольф, — и хочу поздравить вас с успехом. Расскажите во всех подробностях, что и как вы делали в тылу русских. Ваш опыт мы широко используем при подготовке других разведчиков.

Никулин понимал, что интерес Рудольфа вызван совсем иными причинами. Немцы хотели сверить его показания, чтобы уличить в неточности. Присутствовавший при беседе капитан Фиш снова принялся записывать рассказ Никулина, делал пометки в блокноте и Рудольф. Его интересовали мельчайшие подробности: через какие деревни проходил, сколько домов на главной улице уцелело, сколько разрушено, сожжено...

Беседа сразу же приняла характер придирчивого допроса. Рудольф задавал самые неожиданные вопросы. Отвечая на них, Николай Константинович в который раз поминал добром генерала Быстрова, который настойчиво предупреждал его, что немцы хорошо знают местность и ее нужно тщательно изучить.

— У вас хорошая память, — одобрительно проговорил Рудольф. — Вы, господин Никулин, обратили внимание на такие детали, о которых мы и не упоминали в Валкской разведшколе. — И, не переводя дыхания, неожиданно резко спросил: — Где вы получили профессиональную подготовку разведчика, Никулин? Вы кадровый разведчик, не так ли?

Николай Константинович понял — Рудольф перешел в наступление. Надо было защищаться, а лучший способ для этого — напасть самому.

— Господин подполковник, — с досадой и даже пренебрежением в голосе начал Никулин, — вы уже вторично даете мне убедиться в своей забывчивости. А ваша профессия требует хорошей памяти...

Рудольф даже откинулся в кресле, словно получил пощечину. Капитан Фиш еле сдержал улыбку.

А Николай Константинович, будто и не замечая произведенного его словами впечатления, продолжал:

— В Гуцаловском лагере, в Риге, перед тем как меня отправили в разведшколу, мы вели разговор о Москве и Подмоскovie, о моем родном поселке Куково. А господину Шиммелью вы почему-то доложили, что я вырос под Ленинградом. В Валкской разведшколе я говорил вам, что в Красной Армии служил начальником штаба отдельного батальона, имел звание капитана. Естественно, я знаю кое-что из того, чему не учили в разведшколе. Я и применил свои знания с пользой для великой Германии. Но вы и об этой беседе забыли и теперь вот подозреваете меня в чем-то. А ведь в моем положении такие подозрения могут стоить жизни.

— Вы неправильно поняли меня, господин Никулин, — попытался вывернуться Рудольф. — Я просто хотел высказать восхищение вашими способностями.

В душе Рудольф досадовал на Шиммеля. Тот, видимо, тоже хотел подцепить Никулина на крючок невинным с виду вопросом. И вот поставил его, Рудольфа, в неловкое положение. Не объяснять же Никулину, что

Шиммель просто брал его «на пушку». Поэтому абверовец перевел разговор на другую тему и вскоре совсем закончил беседу.

На следующий день в Сиверский приехал Шиммель. Он потребовал подробного письменного доклада о выполнении задания за линией фронта, так как любая стенограмма, доскать, не может заменить отчета, написанного самим исполнителем. Доклад нужен штабу группы армий «Север».

Николай Константинович был уверен, что все необходимое для штаба им уже рассказано. Об этом, конечно, доложено по инстанциям. Теперь нужен анализ всего сказанного, поиски расхождений. Проверка продолжается. И он не ошибался. Записи Фиша, Шиммеля, Рудольфа абверовцы сопоставляли с наблюдениями разведки, показаниями пленных. Расхождений не обнаруживалось.

Генерал-фельдмаршал Кюхлер не был удовлетворен результатом проверки. Он требовал все новых и новых фактов и доказательств, перед тем как принять решение. Ведь в случае промаха он рисковал слишком многим.

Прошло еще несколько дней. Как-то вечером по обыкновению подвыпивший Спасов вернулся злой, чем-то расстроенный. Завалившись на свою койку, он долго молчал, временами тяжело вздыхая. Однако начать разговор не спешил. Не торопился с расспросами и Никулин. Он сидел, читал роман «Камо грядеши» и делал вид, что полностью захвачен чтением и не замечает окружающего. А сам ждал, когда Спасов заговорит. Надоест же ему молчать. Не вытерпит. Так и получилось. Резко поднявшись с койки, Спасов пропелся по комнате и со злостью сказал:

— Сволочи! Никогда на них не угодишь. Хотя из кожи лезь, все равно для них мы «русише пвайне».

— Кого это ты благословляешь? — поинтересовался Николай Константинович с невинным видом.

— Фиша, кого еще! Да и вообще всех немцев.

— А-а...

— Чего заакал?

— Да так просто.

— Ничего-то ты еще не знаешь. Почитываешь книжечки, воздухом дышишь в садочке...

— Каждому свое.

И Николай Константинович снова углубился в чтение,

не обращая внимания на Спасова. Тот походил немного по комнате и снова начал:

— Слушай, это между нами. Как другу скажу.

— Валяй. Покороче только.

Спасов сел на койку, помолчал, видимо собираясь с мыслями, и начал:

— Ты, Николай, не глупый человек. Должен меня понять. В жизни каждый делает ошибки и много ошибок. Но бывает среди них одна такая, что всю судьбу наизнанку вывернет. А захочешь потом дело поправить — не выйдет. Все катится в тартарары, и ты летишь куда-то в бездонную яму. Не знаешь только, когда о землю твердую трахнешься так, что сам в лепешку и дух паршивый из тебя вон.

Николай Константинович внимательно слушал пьяные разглагольствования Спасова, стараясь понять, куда тот клонит.

— Давай без философии, — предложил он.

— Какая там философия! — отмахнулся Спасов. — Не рассчитал я в сорок первом году, сделал свою главную ошибку в жизни. Думал, конец нам. Понимаешь? Все отступают, бегут, неразбериха вокруг. И я, конечно, бежал со всеми, только что «мамочка» не кричал. Тут немец и прихватил. Я растерялся, испугался — и лапы кверху. Майор Рудольф меня в лагере подобрал. Чуть с голоду не подох, совсем доходягой стал. С той поры и тяну лямку в абвере. Тонко они меня обхаживали поначалу! Рудольф даже неделю отпуска дал съездить к жене с детишками. Двое их у меня. А когда вернулся, направили через фронт с заданием. Сходил, выполнил, что приказали. Деваться-то некуда. Детишек у них заложниками оставил. Не вернулся — их исказнили бы. А я ведь чудом уцелел. Едва не пристрелили при переходе. Вот так и «работая». Бросить иногда хочется все это к дьяволу! Думаю к партизанам махнуть. Одну бабенку тут пристроил. По-моему, она с лесом связана. Да вот все боюсь. Партизаны меня, может, и помилуют, а вот Рудольф, Фиш, Шиммель — никогда. Я сбегу — жене и детям капут. Вот такие, брат, дела.

Спасов замолчал, подошел к буфету, налил стакан самогону и выпил. Николай Константинович размышлял. Спасов пьян, наболтал лишнего, но если он говорил откровенно, то его стоит попытаться привлечь на свою сто-

рону. Он близок к Фишу, много знает, многое может сделать. Ну а вдруг это очередной «спектакль», поставленный режиссером Шиммелем?

— Вот что, — сухо сказал Никулин, — ты лучше ложись и проспись. А то несешь такое, что и вообразить нельзя. Того и гляди, бузить здесь начнешь. Офицеры за стеной услышат, попадет тебе.

— Да не пьян я, — возражал Спасов. — Ни в одном глазу. Что я выпил? Чарку. Могу и больше выпить, а ума не потеряю.

Наконец Спасов уснул. Но Никулину было не до сна.

Николай Константинович не сомневался, что к Спасову его поселили не случайно. И вот теперь эта его исповедь. К чему бы он разоткровенничался? Разыгрывает дешевый провокационный трюк или действительно в смятение пришел? Обстановка на фронте изменилась. Немцы терпят поражение. А крысы, как известно, первыми бегут с тонущего корабля. На войне и типов, подобных Спасову, надо как-то использовать, чтобы вредить фашистам. Пусть искупают вину перед Родиной. Как же быть?

Если Спасов провоцирует, необходимо немедленно доложить Фишу — вот, мол, какой я хороший! Ведь в этом случае промолчать — значит навлечь на себя лишнее подозрение. Но если Спасов действительно думает так, как сказал? Фиш его немедленно уберет. Как же поступить?

Долго не спал в эту ночь Николай Константинович. До мелочей перебрал в памяти каждое событие, связанное со Спасовым, и пришел к выводу — не докладывать. Спросят — ответить, что к пьяной болтовне не прислушивался, книгу читал. А к Спасову тем временем присмотреться. Возможно, и высказал спьяну то, что накопило на сердце.

Рано утром Спасов разбудил Никулина.

— Ну, чего ты? — недовольно спросил Николай Константинович.

— Проснись, разговор есть.

— Отстань со своей болтовней, спать хочу.

Никулин повернулся лицом к стене, всем своим видом показывая, что не намерен вступать в разговоры. Но Спасов не успокаивался. Он схватил Николая Константиновича за плечи и повернул лицом к себе.

— Говорю, разговор есть!

— Чего пристал как банный лист?

— Ты вчерашний мой разговор выбрось из головы. Понял? Я и сам не помню, что спьяну молот. Когда выпью, всегда так.

— Хорошо. Я пьяным речам не верю. А сейчас дай поспать.

Никулин снова отвернулся к стене, натянул одеяло на голову. Спасов, видимо, еще что-то хотел сказать, потоптался у кровати, а затем громко сплюнул и ушел.

Шли дни. Спасов уехал в командировку, и Николай Константинович остался в квартире один. Как-то утром его вызвал к себе капитан Фиш. В его кабинете сидел человек в форме старшего лейтенанта Советской Армии.

— Этот человек, — сказал Фиш, — сегодня ночью пойдет в тыл русских. Я хочу, господин Никулин, чтобы вы рассказали ему в деталях о той дороге, которой вы прошли на нашу сторону. Он будет придерживаться того же маршрута. Надо его хорошо проинструктировать и подготовить. Задача ясна?

— Ясна.

— Тогда приступайте к делу. Пока нет Спасова, идите к себе на квартиру и начинайте работу. К вечеру доложите. Да, вот что. Посмотрите-ка его документы, в порядке ли они? Мы постараемся учесть ваши замечания.

Николай Константинович посмотрел документы агента и нашел их в полном порядке. Затем он пошел с новым знакомым на свою квартиру.

Никулин понимал, что все, видимо, складывается так, как и предполагалось. Немцы для проверки полученных сведений хотят послать в тыл советских войск других агентов по тому же маршруту, по которому шел и он. И вот ему поручен инструктаж агента. Что ж, следует постараться хорошенько подготовить его: чекисты небось заждались «желанного гостя».

Беседуя с агентом, Николай Константинович понял, что тот подготовлен неплохо, но, видимо, трусит, дрожит за свою шкуру, беспокоится, как бы его не убили при переходе линии фронта. Никулин изо всех сил убеждал его в безопасности перехода, в том, что в этом деле можно полностью положиться на капитана Фиша. Он был уверен, что шпиона обязательно встретят чекисты, и надеялся, что на допросе тот расскажет, кто и где готовил, назовет и имя Никулина. Для контрразведчиков важно узнать, где он, чтобы прислать на связь верного человека.

А сведений у Никулина уже накопилось немало. Пора было думать о связи.

Вечером Никулин доложил Фишу о проделанной работе. Капитан внимательно выслушал его, похвалил за усердие, и ночью шпион ушел на задание. Больше Николай Константинович его не видел.

Возвратившись из командировки, Спасов сел перекусить. Ковырнув несколько раз ложкой в котелке, выругался.

— Осточертел казарменный харч! Пойдем к моей партизанке, хоть поедим по-людски. Она меня встречает любезно. Видно, знает, где служу, вот и опасается, как бы не разгневался. Пойдем, посидим у нее, выпьем.

Никулин и сам намеревался познакомиться с той, кого Спасов называл партизанкой, но сейчас сделал вид, что никуда не хочет идти, устал. Спасов настаивал. И Никулин словно нехотя уступил. Вскоре они оказались на другом краю поселка, возле добротного дома с палисадником. Спасов, видно, не раз бывал здесь. Просунув руку в щель, он отодвинул засов и, отворив дверь, без стука вошел в сени. Еще с порога крикнул:

— Ставь, хозяйка, самогон на стол. Сватать тебя пришли. Смотри, жених какой бравый!

— Сейчас чего-нибудь сготовлю. Только уж не очень богата я, сам знаешь.

— Ну-ну, хватит прибедняться. Давай хотя печеную картошку. Огурцы тоже, думаю, найдутся, а самогону я прихватил. Нам больше ничего и не надо.

Хозяйка скрылась за ситцевой занавеской, наверное, переодевалась по случаю прибытия гостей и вскоре вышла к мужчинам. Это была рослая, средних лет женщина, с печальными глазами. Война, видимо, больно затронула ее. Преждевременные морщины залегли в углах рта и на лбу. Устремленный на Спасова тревожный взгляд выдавал ее волнение. На лице застыла заученная холодная улыбка. А глаза оставались печальными.

— Знакомьтесь, — подтолкнул ее Спасов к Николаю Константиновичу.

— Сима.

— Николай Константинович.

— Очень приятно. Будем знакомы.

Она тут же отправилась на кухню и проворно принялась собирать ужин. Спасов развернул газету, выложил

на стол колбасу, консервы, галеты, сахар. Ужин действительно получился совсем домашним. Хозяйка, не ломаясь, выпила вместе с гостями. Никулин наблюдал за ней. За ужином Сима почувствовала себя свободнее в компании мужчин, шутила, смеялась. Спасова она называла просто по имени и, видимо, несколько не боялась. Эту перемену в ее поведении трудно было объяснить. Покончив с чаем, принялись играть в карты. Когда Спасов отлучился на минутку, Сима спросила:

— Ну, как ваша холостяцкая жизнь, Николай?

— Мне-то не привыкать, всю дорогу холостякую. А вот дружку моему похуже. Сам здесь, жена и дети где-то поблизости живут. И не поймешь — то ли холостой, то ли женатый.

— Что? — удивилась Сима. — У Спасова здесь есть жена? Она же у него в Уфе. До нее не дотянешься. Немцы еще Башкирию не заняли, чтоб он мог в гости к ней ходить. Неужто какую зазубу завел по соседству? Ах он, кобель!..

— Да нет же. Он вполне серьезно говорил, что у него семья под немцем осталась. Не захотели эвакуироваться.

— Враки все. Что я его первый день знаю?

Николай Константинович все понял. «Спектакль» окончен. Можно опускать занавес. Все, что Спасов болтал «под пьяную руку», было заранее обдуманно и обговорено с Фишем. И Сима так же далека от связи с партизанами, как ее любовник от Уфы. Да, подвели бездарные актеры своих режиссеров.

Никулин, конечно, и вида не подал, что разгадал ход Фиша. Наоборот, едва Спасов вошел в избу, постарался увлечь всех игрой в карты. Просидели далеко за полночь.

Спал Николай Константинович тревожно. В том, что его будут проверять, он не сомневался. Догадывался и о роли Спасова в этом деле. А сейчас убедился, что рядом живет человек, от которого можно ожидать удара в любой момент. Трудно оставаться равнодушным к опасностям, как бы ты ни готовил себя к встрече с ними.

Спасов же был абсолютно спокоен. Он сразу уснул, и его ровное, глубокое дыхание слышалось по всей квартире. Невыразимое отвращение испытывал к нему Никулин. Ему, чекисту, приходилось играть роль единомыш-

ленника и друга этого мерзавца, жить с ним в одной комнате, слышать его храп.

Утром, сразу же после завтрака, Никулин явился к Фишу и попросил принять его по важному вопросу.

— Господин капитан,— начал Никулин.— На переправочном пункте я встретил человека, который готовится уйти к партизанам.

Фиш сразу насторожился, сурово посмотрел на Никулина. Лицо стало жестким, словно окаменело.

— Кто? — выдохнул он.

— Спасов.

Николай Константинович смотрел в глаза Фишу, стараясь уловить малейшее изменение в настроении немецкого разведчика. Но Фиш умел скрывать свои чувства. Лицо его выразило сложную гамму переживаний, никак не связанных с его настоящими мыслями,— изумление, недоумение, недоверие.

— Не может быть! Вы ошиблись, господин Никулин. Нельзя обвинять человека на основании простых догадок.

— Мне Спасов говорил, что знаком с женщиной, которая готовит ему побег к партизанам. Я был с ним у нее в доме. Они очень близки, господин капитан. Если в такой обстановке начнутся провалы наших людей за линией фронта...

Николай Константинович многозначительно замолчал.

Капитан Фиш спокойно и пристально, со льдинкой в глазах рассматривал его и молчал. Никулин вынужден был продолжать:

— Господин капитан, положение настолько серьезно, что я считаю своим долгом доложить обо всем происходящем здесь господину подполковнику Шimmelю. Держать Спасова на переправочном пункте опасно!

— Благодарю вас за сообщение, господин Никулин. Подполковнику Шimmelю я доложу обо всем сам.

По дороге в столовую Николай Константинович как-то встретил Курынова. Они скрывали свое близкое знакомство, да и обстановка не благоприятствовала душевному разговору, но несколько фраз, которыми обменялись друзья, придали обоим новые силы.

— Здравствуйте, Николай Константинович, — сказал

Курынов.— Я думал, вы уже давно на той стороне с заданием абвера.

— Задание выполнил.

— Так вы вернулись? — изумился Курынов, с недоумением, подозрением, угрозой глядя на Никулина.— Как же так? Столько говорили о переходе к своим, а сами взяли и вернулись? Что это значит?

— Не волнуйся, дружище, так надо. Смело иди через фронт. Наши о тебе знают, ждут. Проси, чтобы доложили о твоём прибытии генералу Быстрову. Скажи, что пришел с приветом от Пограничника. Это — пароль.

— Генерал Быстров,— повторил Курынов.— Понял.

— Кто идет с тобой?

— Еще двое.

— Знаешь их хорошо?

— Радист — парень надежный. Не дождется, когда к своим вернется. А вот старший группы — сволочь.

— Будет артачиться — ликвидировать. Если сумеете, доставьте живым к генералу Быстрову.

Друзья разошлись, взволнованные важностью предстоящих событий. Николай Константинович был рад, что дела у него пока идут хорошо. Что случится дальше — никто не знает, но сейчас хваленые немецкие разведчики проигрывают в борьбе с ним, чекистом, с его помощниками — советскими людьми, настоящими патриотами.

В это время капитан Фиш докладывал Шimmelю о результатах наблюдения за агентом Никулиным. Начальник «Абверкоманды-104» слушал внимательно, вдумчиво. Это заметно было по пытливому взгляду, необычной сдержанности, хотя Шimmel сидел развалившись в кресле, в привычной небрежной позе.

— Все, что было вами предусмотрено, я выполнил точно,— говорил Фиш.— Вы знаете, господин подполковник, что Никулина изучал наш лучший агент Спасов.

— Спасов, Спасов! Только и слышу про него,— с раздражением прервал Шimmel.— У вас этот человек делает буквально все. Он готовит агентуру, он инструктирует и проверяет ее, он сопровождает агентов к передовой. Можно подумать, что кроме вас и Спасова на переправочном пункте больше никого нет. А что делают офицеры — этого от вас не услышишь. Спасов с языка не сходит!

Шimmel знал, что капитан Фиш авторитетом среди офицеров переправочного пункта не пользуется. Отно-

шения между ними натянутые. Поэтому Фиш и приблизил к себе Спасова как незаменимого специалиста, хотя и видел, что тот — авантюрист, проходимец и большой подхалим.

— Простите, господин подполковник, но Никулиным все-таки занимался именно Спасов, и я вынужден об этом докладывать. Вы знаете, что Спасов проверенный во всех отношениях человек. В лагере военнопленных он был хорошим агентом. На его счету несколько выявленных комиссаров, два чекиста. Я уж не говорю о других, менее интересных лицах. Наконец, его трижды перебрасывали в тыл к русским, и он успешно выполнял задания, награжден «Бронзовой медалью с мечами». Другого человека с подобными заслугами перед великой Германией на переправочном пункте нет. Вот почему серьезные дела я поручаю Спасову.

Шиммель изучил Спасова не хуже, чем Фиш. Знал его по лагерям, по разведшколе, помнил отличный отзыв Рудольфа. Капитан Фиш был прав: многие вопросы никто не мог решить лучше Спасова. Но, несмотря на это, раздражение не покидало Шиммеля. Фиш продолжал:

— Спасов выдавал себя за человека, который разочаровался в нас и готов бежать к партизанам. Если Никулин подослан к нам чекистами, он должен был бы ухватиться за Спасова, привлечь его к работе на русских...

— Чем все это кончилось? — снова прервал Шиммель, хотя уже догадался, что Фиш и Спасов перестарались и провалили проверку. Докладывать об этом капитан не решался, видя раздражение начальника.

— Никулин хорошо показал себя, — осторожно сказал Фиш. — Он пришел ко мне и заявил, что Спасов хочет бежать к партизанам и его нельзя держать на переправочном пункте.

— Этого и следовало ожидать, господин Фиш, — с возмущением заключил Шиммель. — Ваш Спасов мог легко работать в лагерях. Большого труда не стоит добыть нужные сведения от людей неопытных, изнуренных лишениями лагерной жизни. Там он действовал безошибочно. Да и проверял ли кто-нибудь его доносы? Он мог любого назвать комиссаром или чекистом, ему верили. А вот теперь, когда пришлось иметь дело с опытным человеком, ваш хваленый Спасов с этой потаскухой Симой, которую вы тоже считаете своим лучшим агентом, сели

в калошу, как говорят русские. Слыхали такое выражение? Если бы речь шла только о Никулине... Но мне нужно достоверно знать, насколько точны принесенные им данные. Я не могу доверять каждому русскому, особенно если его можно заподозрить в связях с чекистами!

— Я не вижу оснований подозревать Никулина, — возразил Фиш. — Его поведение свидетельствует о том, что он верно служит великой Германии. Как вы приказали, я подослал к нему нашего человека под видом агента, который отправляется на выполнение задания в тыл к русским. Если Никулин подослан чекистами, то он обязательно воспользовался бы услугами этого агента для связи с советской контрразведкой. Но Никулин самым скрупулезным образом проинструктировал его, до мельчайших подробностей описал путь своего следования, воодушевляя на выполнение задания. Это тоже надо учитывать.

Если бы Николаю Константиновичу каким-либо образом удалось подслушать этот разговор, он непременно обругал бы себя за излишнюю самоуверенность. Как он ликовал, полагая, что Фиш поручил ему инструктировать и готовить агента, направляющегося в тыл советских войск! Оказывается, Шиммель и Фиш подсунили приманку, на которую надеялись его поймать. Никулин, правда, ничем не выдал себя, но все же разгадать замысел своих противников не смог.

— Все, что вы рассказали здесь, — заметил Шиммель, — довольно интересно. Но все же, господин капитан, не слишком обольщайтесь насчет Никулина. А Спасова и его напарницу с переправочного пункта немедленно уберите!

Глава восьмая

ОПЕРАЦИЯ «ГОСТИ»

Подполковник Сосницын и капитан Маковенко готовились встречать агентуру Шиммеля. Они ждали «гостей» со дня на день и торопились до мелочей выполнить все, что предусмотрено планом. Работы было много.

Прибыв на передовую, чекисты исползали буквально каждый метр предполагаемого участка перехода линии фронта. Им приходилось рисковать жизнью, чтобы вра-

жеский агент без помех проник в наш тыл. Странное положение для чекистов! Капитан Маковенко даже пошутил:

— Думаю я, товарищ подполковник, что если мы с вами будем и дальше так трудиться, то агентура немцев заживет очень вольготно. Честное слово. Ни один волос с головы мерзавцев не упадет. Надо же так — чуть ли не коловую дорожку через передовую расстилаем перед ними.

Вдоль всего пути, по которому чекисты хотели провести лазутчика, они расставили участников операции. В лесной чаще спешно рылись землянки. В одних размещались солдаты и офицеры, выдававшие себя за военнопленных двести двадцать седьмой стрелковой дивизии и сто сорок второй отдельной морской бригады. Другие землянки, числом побольше — пустовали. Чекисты называли их «потемкинской деревней». В тылу, подальше от передовой, а также в населенных пунктах Гентелово, Мордовщина, Лендовщина командование фронта потеснило расквартированные там части и выделило для чекистских подразделений отдельные дома. В Гентелово даже организовали продовольственный пункт, где немецкий агент по замыслу чекистов должен был стать на довольствие.

На передовой капитан Маковенко устроился в одной из землянок под видом командира роты: генерал Быстров поручил ему встретить агента и провести по подготовленному маршруту.

Шли дни. Чекисты уже теряли терпение, а с той стороны никто не появлялся. Маковенко не находил себе места. Неужели противник перехитрил их? Капитан организовал тщательное наблюдение за окопами немцев и ничейной землей, сам целый день просидел в «секрете», остался там и на ночь, но не обнаружил ничего такого, что могло бы свидетельствовать о готовящемся переходе немецкой агентуры через линию фронта.

— Терпение, товарищи, главное — терпение, — успокаивал подчиненных генерал Быстров. — Чекист должен уметь выжидать.

Говоря откровенно, у самого генерала на душе тоже было беспокойно. Наши войска вот-вот начнут наступление, а немцы ничего не предпринимали на этом участке фронта.

Но вот пришел день, которого так ждали чекисты.

После длительной воздушной разведки предполагаемого района сосредоточения советских войск немцы обрушили на него сильнейшие бомбовые удары. Большие группы самолетов упорно пытались преодолеть стену заградительного зенитно-артиллерийского огня, вели ожесточенные бои с советскими истребителями. Немногим удалось пробиться к охраняемому району и отбомбиться. Но следом волна за волной подходили все новые и новые воздушные эскадры. В промежутках между бомбежками по району вела огонь дальнобойная немецкая артиллерия. Свыше недели немцы бомбили и обстреливали... пустое место.

Обрадованный тем, что удалось обмануть гитлеровцев, капитан Маковенко в кругу своих товарищей шутливо предлагал оградить район бомбежки и артобстрела колючей проволокой и выставить предупредительные надписи: «Осторожно! На этом полигоне немцы упражняются в стрельбе и бомбометании».

Однажды ранним утром, когда артобстрел и бомбежка утихли, контрразведчики заметили подозрительную возню возле «окна», открытого для перехода агентуры. Немцы внимательно изучали этот участок. «Теперь жди гостей», — решили чекисты и не ошиблись. Человек в форме старшего лейтенанта Красной Армии перешел линию фронта. С обеих сторон не раздалось ни одного выстрела.

Капитан Маковенко немало поволновался, готовясь к встрече подопечного. Он мысленно прикидывал, как пойдет с агентом по маршруту, какие примет меры, чтобы ввести его в заблуждение. Но каково же было удивление чекиста, когда солдаты ввели к нему в землянку незнакомого офицера и тот заявил Маковенко:

— Прошу связаться с контрразведкой и доложить, что я прибыл от немцев с разведывательным заданием. Но я не хочу воевать против своих и явился с повинной. Сдаю вам оружие и документы. Я не Стрельников, как указано в этой «липе», а Иконников Иван Сазонович, уроженец Куйбышевской области. Остальное доложу чекистам.

Такого поворота событий Маковенко никак не ожидал. С недоумением и даже с некоторой растерянностью он выслушал незнакомца и долгое время молчал, пристально разглядывая сдавшегося лазутчика. Среднего роста, широкоплечий, с невозмутимым лицом, он стоял перед чеки-

стом, без тени волнения позволяя рассматривать себя. Всем своим обликом он как бы говорил Маковенко: «Рассматриваешь? Ну-ну, рассматривай. Мне скрывать нечего. Совесть моя чиста». Капитан Маковенко обратил внимание на большой шрам на голове незнакомца, протянувшийся от левого виска до уха.

— Где это вас так? — спросил Маковенко, чтобы разрядить затянувшееся молчание.

Иконников с готовностью ответил:

— Это еще в сорок первом под Смоленском немецкий осколок царашнул. Чуть бы правее — и пропал. А так в медсанбате отлежался. Не хотел в госпиталь уезжать. Тяжело было на фронте. Не до лечения. Да это что — пустяк, царанина. Только с виду страшно. А вот под Москвой меня под сердце ткнуло. И дырочка невелика, а без сознания свалился. Спасибо, мужички наши подобрали, выходили. От смерти меня уберегли, а вот от немцев скрыться не удалось. Я в партизаны собрался. Да по дороге в лес патруль перехватил. Загнали меня в участок, три дня пытали — кто я, да откуда, и зачем пожаловал. Ну, а потом известно — лагерь, вербовщик... Да, пришлось пережить. Мяла меня судьба, трепала, зато теперь муки кончились.

Капитан Маковенко с сочувствием поглядел на взволнованного человека. Он вызывал у чекиста определенную симпатию, которая усиливалась тем, что Иконников чем-то напоминал ему Никулина. То ли спокойным, изучающим взглядом серых глаз, то ли умением держать себя просто, скромно, но с чувством собственного достоинства.

«Так, так, — думал капитан, продолжая слушать и рассматривать Иконникова. — Парень ты, может, и хороший, а вот операцию нам сорвал...»

Но делать нечего. О случившемся надо докладывать подполковнику Сосницыну. «Вот не повезло!» — еще раз вздохнул Маковенко, представив себе выражение лица подполковника после доклада о случившемся, и снял телефонную трубку.

Теперь приходилось срочно вносить существенные коррективы в столь тщательно разработанные планы. Были основания подозревать, что абверовцы предпринимают свои контрмеры, мешают осуществлению наших замыслов. Возможно, и с появлением Иконникова связан какой-то трюк?

Капитан Маковенко был убежден, что в немецкие разведшколы пришло много людей, которые, подобно Никулину, хотели использовать этот путь, чтобы перебраться к своим. Он считал, что Иконников в душе остался патриотом и самое лучшее, что можно сделать в сложившейся обстановке, — это послать его к немцам с такой же задачей, какая была дана Никулину. С таким предложением он и шел на совещание к генералу Быстрову.

— Наши прогнозы, судя по всему, не оправдались, — начал Быстров, обращаясь к Сосницыну и Маковенко. — Противник заставил нас решать совершенно новую, неожиданную для нас задачу. Как быть дальше? Пропшу высказать свое мнение.

Сосницын молчал. Маковенко тоже не торопился высказаться. В кабинете воцарилась тишина. Генерал заметил:

— Что ж, так и будем играть в молчанку? Ваше мнение, товарищ капитан?

— Простите, товарищ генерал, но я свое мнение по данному варианту докладывал на прошлом совещании. Я предвидел возможность явки агента с повинной. Думаю, что будет правильно послать Иконникова назад к немцам, снабдив его такой же дезинформацией, как и Никулина. Он наш человек. Воевал с немцами, был дважды ранен. А это многое значит...

— Заманчиво, но поспешно, — возразил Сосницын. Маковенко вопросительно поглядел на него, и подполковник повторил: — Заманчиво, говорю. Одним махом все задачи решим: и Никулина поддержим, и дезинформацию подкрепим, и абвер переиграем. Очень интересно получается. Да только слишком просто. Вроде кто-то разжевал все и нам в рот положил — глотайте, мол. В таком деле поспешность недопустима. Возвращать Иконникова к немцам без обстоятельной проверки, как это вы предлагаете, нельзя.

— Так время же не ждет!

— Вижу, что на этот раз у вас нет единого мнения, — прервал полемику генерал Быстров. — Давайте договоримся так. Довериться Иконникову мы пока что не можем. Все-таки неизвестный нам человек, с той стороны... Раны, полученные в сражениях за Родину, — доказательство верное. В этом капитан прав. Но и Сосницын не ошибается, говоря, что изучить Иконникова надо. Нет никакой гаран-

тии того, что этот агент не послан абверовцами для проверки принесенных Никулиным данных. Да-да. Вполне возможно, что немецкая разведка специально послала к нам Иконникова, чтобы он явился с повинной. Наш противник рассчитывает: авось мы поверим Иконникову, снабдим его дезинформацией и вернем назад.

Не трудно представить, в какое положение мы поставим своего человека. Он доложил, что сам наблюдал концентрацию войск на Черной речке, а Иконников придет к немцам и принесет те же данные, но полученные от нас с вами. Это кончится полным провалом всех планов командования фронта. Как видите, товарищ Маковенко, не исключено и такое положение, что фашисты нам предлагают именно то, что и вы.

Капитан даже покраснел от негодования.

— Я не хотел вас обидеть,— примирительно сказал Быстров.— Однако мы должны подготовить себя ко всяким неожиданностям.

— Это, конечно, так,— согласился успокоенный Маковенко.

— Товарищ подполковник,— обратился генерал к Сосницину,— доложите, что сделано для проверки Иконникова, что еще собираетесь сделать?

— Я, товарищ генерал, связался с Куйбышевым и просил срочно проверить все, что сообщил Иконников о себе. Он ведь родом оттуда, если не наврали. Товарищи обещали сделать все, что нужно, в самые короткие сроки. Сейчас с Иконниковым работает следователь Мокшин. Лично я с перебежчиком разговаривал дважды. Производит впечатление чистосердечного и откровенного человека. Но все же нужно подождать ответа из Куйбышева.

— Простое подтверждение того, что Иван Сазонович Иконников жил в области до призыва в армию, нас не устроит,— заметил Быстров.— Сейчас война, и у немцев документов на наших людей предостаточно. Они могли настоящего Иконникова убить, а с его документами прислать к нам своего агента. Так что письменный ответ из Куйбышева может ничего нам не дать. Я сам позвоню туда и попрошу, чтобы к нам прислали какого-либо старожилу из того села, где родился и вырос Иконников. Дадим возможность встретиться землякам и односельчанам, пусть потолкуют. Если наш знакомец выдает себя

за Иконникова и действует по составленной немцами легенде, то все это сразу раскроется. Правильно, товарищ Маковенко?

— Так точно,— откликнулся капитан.

— Вот когда убедимся, что задержанный действительно является Иконниковым, а не Сазоновым или Григорьевым и он в самом деле хочет искупить вину перед Родиной, тогда подумаем и о вашем предложении, товарищ Маковенко.

— А пока, товарищ Сосницин,— обратился генерал к подполковнику,— внимательно наблюдайте за Иконниковым. Денька через два-три, когда срок его пребывания у нас начнет истекать, он зашевелится. Если Иконникова подослали к нам немцы, он сам начнет проявлять активность, даст понять о своей готовности работать на той стороне.

После разговора у генерала Быстрова капитан Маковенко снова уехал на передовую. Чекисты предполагали, что Шimmel не ограничится посылкой лишь одного агента для проверки Никулина, а потому по-прежнему на передовой все было готово к приему «гостей».

Подполковник Сосницин остался в штабе фронта и занялся изучением Иконникова. Чекист внимательно сравнивал протоколы допросов, беседовал с перебежчиком, но, несмотря на всю свою настороженность, не мог уловить в рассказе Иконникова мало-мальски сомнительного места. Сосницин начал даже колебаться: а что, если он напрасно подозревает честного человека, столько пережившего в немецких лагерях, пролившего кровь за Родину? Но пришел час, когда все сомнения его рассеялись. Иконников заявил:

— Вижу, что не доверяете вы мне, товарищ подполковник. Обидно это. Что из того, что я был в плену? Не я один такой. Не по своей воле сдался — раненного подобрали, без сознания. Какой же я предатель, почему мне веры нет? Ведь я жизни не щадил в боях. Да и сейчас готов за Родину живот положить. Только прикажите! Любое задание выполню. Немцы мне доверяют, я у них почти что своим человеком стал. Таких бы там дел наворачивал, что только держись!

Подполковник Сосницин чуть не ахнул. Попался-таки хитрец! Оказывается, прав был генерал Быстров. Вот как заговорил, когда пришло время возвращаться к своим.

Сделав вид, что абсолютно не заинтересован предложением Иконникова, Сосницын доброжелательно ответил:

— Зачем же вам снова в этот ад возвращаться? Вы и так много натерпелись. Или хочется судьбу попытать?

— Не подумайте, что я напрашиваюсь,— забеспокоился Иконников.— Просто душа болит, как подумаю, что доверия мне нет. А я ведь что угодно сделаю, лишь бы пнятно с себя смыть.

...Куйбышевские чекисты постарались. Они прислали генералу Быстрову не просто земляка Ивана Иконникова, а его родного брата Петра. Оказалось, что еще в сорок первом году в деревне получили извещение о том, что Иконников Иван Сазонович пропал без вести. Долго горевали старики, но что поделаешь — пришлось смириться с потерей. Знать, не судьба с сыном увидаться. И вот теперь он вдруг появился. Радости родителей и родственников не было предела, когда они получили приглашение поехать на фронт повидаться с Иваном Иконниковым. Беспокоило лишь то, что приглашение исходило от чекистов. Не иначе, как Иван натворил чего. На семейном совете решили послать в Ленинград старшего брата Петра, недавно демобилизованного из армии после тяжелого ранения.

В самолете, в котором летел Петр до Ленинграда, было холодно, неуютно. Петр всю дорогу думал о своем младшем брате Иване. Красивый был парень, гармонист, заводила. Вся деревня его любила. А уж от девчат отбою не было. Когда в армию добровольно уходил, одних кисетов чуть не два десятка подарили. Петр сам видел в сундуке. Хранит мать как память о младшем сыне.

Петр Иконников живо представил себе встречу с братом. Входит он в комнату, здоровается честь по чести, спрашивает: «Иконникова Ивана Сазоновича как можно видеть? Скажите, братец, мол, к нему пожаловал». И проведут его к Ивану. А дальше все хорошо будет. Домой поедут, к матери, к отцу.

От приятных размышлений Петра Иконникова отвлек резкий стук пулемета. Воздушный стрелок, всю дорогу качавшийся на широкой брезентовой лямке в круглой прозрачной башне, внезапно развернул турель и открыл огонь из крупнокалиберного пулемета по невидимому для пассажиров противнику. Со звоном падали на металличе-

ский настил большие медные гильзы. Петр потрогал одну рукой. Горячая! Такой вот, наверное, была и та разрывная пуля, которая раздробила ему руку повыше локтя, сделала инвалидом.

Самолет лег на левое крыло и круто пошел вниз. В замерзшее окошечко можно было разглядеть неясные силуэты больших зданий, ровные коробки городских кварталов.

— Ленинград,— сказал сопровождающий Иконникова чекист.— Идем на посадку.

На аэродроме Петра встретил подполковник Сосницын. Усадив его в свою «эмку», приказал шоферу везти их в гостиницу. Иконников взволновался:

— Зачем в гостиницу, товарищ подполковник? Меня бы к брату скорей.

— Успеем и к брату. А вам с дороги отдохнуть надо. Небось суток двое не спали?

— Не до сна тут, когда радость такая — брат нашелся! Он ведь плохого ничего не сделал?

— Пока не виним,— улыбнулся подполковник.— А подробности вы сегодня вечером узнаете, когда с братом встретитесь.

Вечером в кабинете подполковника Сосницына собралось несколько офицеров, по-видимому незнакомых между собой. Они сидели на расставленных вдоль стены стульях и молчали. Среди них было несколько работников комендатуры и тот, кто называл себя Иваном Иконниковым. Подполковник Сосницын сидел за письменным столом и тоже молчал, словно ожидая кого-то. В дверь постучали. Вошел дежурный и доложил:

— Товарищ подполковник, к вам...

— Приглашайте, приглашайте!

В кабинет вошел Петр Иконников. Мельком оглядев собравшихся, он с беспокойством спросил:

— А брат?

— Здесь он, здесь сидит,— спокойно ответил Сосницын.— Присмотритесь внимательней.

Петр Иконников с недоумением посмотрел на подполковника, потом медленно, с большой внутренней тревогой, отразившейся на лице, обвел глазами сидевших вдоль стены офицеров. Ивана среди них не было. Офицеры спокойно встречали испытующий взгляд Петра Иконникова. Лишь один из них побледнел, опустил голову. Что-

то знакомое почудилось Петру в очертаниях крупной головы, в мясистых, точно из сырой глины вылепленных упах. Как будто давно он где-то видел этого человека... Но где? Впрочем, какое это имеет значение. Отогнав мелькнувшее воспоминание, Петр Сазонович снова повернулся к подполковнику Сосницыну и с обидой в голосе негромко произнес:

— Зачем же вы так?.. Нет здесь брата моего, Ивана...

Лицо подполковника стало жестким, холодным. Пристально глядя на съежившегося в углу человека, он сказал, отчеканивая каждую фразу:

— А нас хотели уверить, что есть. Что ж, раз вы не признаете своего брата, придется вас заново знакомить. Иконников Иван, вставайте!

Старший лейтенант, сидевший в углу, медленно встал. Округлившись глаза его на бледном, как снег, лице с тоскливым ожиданием глядели на Петра Сазоновича. Петр пристально вглядывался в того, кто назвался его братом.

— Ты... ты... — несвязно бормотал он, подходя к старшему лейтенанту. Рослый, широкоплечий парень внезапно съежился, сжался. Сейчас, рядом с гигантской фигурой одnorукого силача-молотобойца, он казался подростком. Шпион с ужасом смотрел на приближающегося к нему человека. А Петр, задыхаясь от охватившей его ярости, огромной ручищей сгреб самозванца за грудки и тряс его так, что у того лязгали зубы, а воротник гимнастерки удавкой сдавил шею.

— Опомнитесь, Петр Сазонович! — крикнул Сосницын. — Вы же задушите его. Смотрите, он уже хрипит!

Офицеры с трудом отняли лазутчика, усадили его в угол.

— Узнал я этого гада! — прерывающимся от ярости голосом произнес Петр Сазонович. — Я столько лет не видал его, а вот узнал. Витошкин. — личность известная. Отец его кулаком был, всю деревню поедом ел. А когда колхоз организовался, в председателя из обреза палил. Загубил человека, сволочь. И сам в тюрьме сдох. Да только матерый волк после себя подъярка оставил. Ишь щерится, так бы и кинулся!

— Ничего, — успокоил Петра Иконникова подполковник. — Теперь он никогда и никому не сможет вреда причинить. Вам спасибо. Помогли опасного зверя распо-

знать. А брата вашего теперь ждать домой наверняка не приходится. Вне всякого сомнения, он погиб.

Распорядившись увести Витошкина, распрощавшись с Иконниковым и офицерами, приглашенными на опознание, Сосницын вызвал к себе приехавшего с передовой Маковенко и спросил:

— Ну, что будем делать с нашим «гостем»?

— Дал я промашку, — чистосердечно признался капитан.

— Я и сам ему было поверил, — отмахнулся подполковник. — Хитер подлец, ничего не скажешь. Спрашиваю, что дальше с ним делать будем? Надо ведь ему за все преступления счет предъявить, чтобы расплатился полной мерой.

— Помнится мне, — задумчиво произнес Маковенко, — что в докладе Никулина упоминается о каком-то Витошкине. Надо посмотреть.

Затребовав необходимые документы, чекисты внимательно перечитали толстую пачку отпечатанных на машинке листков. В донесении Николая Константиновича действительно упоминалось имя Витошкина. Затаив лютую злобу против Советской власти, Витошкин в первые же дни войны перебежал к немцам и служил им, как верный пес своему хозяину. В Рижском лагере военнопленных он носил фамилию Стрельникова, был полицейским. Затем окончил разведшколу абвера и хорошо выполнил несколько заданий. Федора Витошкина в лагере опознал его односельчанин и ровесник Иконников. Бандит убил честного советского патриота. И теперь, когда пошел на новое задание, решил воспользоваться его именем. Рассчитывал, что так легче будет обмануть нас.

— А как же его ранения? — поинтересовался генерал, когда Сосницын доложил ему о завершении следствия.

— Витошкин несколько раз участвовал в карательных операциях против партизан в Белоруссии. Там и ранен был.

— Что ж, этого вполне достаточно, — сказал Быстров. — А как чувствует себя Петр Сазонович Иконников?

— Он этого Витошкина чуть было не задушил. Еле отняли. Теперь, кажется, успокоился. Нелегко ему было узнать о гибели брата.

— Это можно понять. Устройте Петра Сазоновича по-лучше, пусть отдохнет. Домой отправим самолетом. Разъ-

ясните ему, что его брат был честным человеком. А этого Стрельникова-Иконникова-Витошкина будет судить военный трибунал. Он не уйдет от возмездия.

...Шиммель в эти дни ходил мрачнее тучи. Подчиненные старались не попадаться ему на глаза. Для «Абверкоманды-104» наступили черные дни. Штаб группы настоятельно требовал от него подтверждения полученных от Никулина сведений, но довести проверку до конца не удавалось. Пропал без следа Стрельников-Иконников. Видимо, русские не поверили ему и не вернули назад. Пропал способный и надежный агент. Как умело играл он свою роль, репетируя легенду, с каким достоинством носил следы боевых ранений, как умел расположить собеседника к доверию! Сколько раз сам Шиммель инструктировал его о поведении у советских контрразведчиков, репетировал с ним! Казалось, все предусмотрели, отработали до мелочи. И вот на тебе — провал!

Шиммель был уверен, что основательно и всесторонне подготовил Иконникова к порученной ему роли. Единственное слабое место в легенде своего агента он видел в том, что Иконников и его родственники проживали на Волге, на территории, не занятой немцами. Это позволяло организовать детальную проверку показаний агента. Для абверовцев было бы лучше, если бы Иконников проживал в оккупированных областях Советского Союза. Тогда никакое следствие не было бы страшно. Но, посоветовавшись между собой, Шиммель, Баун и Рудольф решили, что быстро развивающиеся события на фронте не позволят контрразведчикам по-настоящему заняться Иконниковым. Пошлют на место прежнего жительства запрос, получат ответ, подтверждающий, что действительно был на селе такой Иконников Иван Сазонович, да пропал без вести. Ему и поверят. И абверовцы решили рискнуть.

А Шиммеля все время торопили: из «Штаба Валли» звонили, требовали ускорить проверку представленных в штаб группы сведений. Баун конфиденциально предупредил Шиммеля, что в результатах проверки заинтересован сам адмирал Канарис. Надо торопиться.

Шиммель вызвал к себе капитана Фиша.

— Не вернулся Иконников?

— Нет, господин подполковник. И на передовой в районе «окна» не видно никаких признаков подготовки его перехода через линию фронта. Абсолютная тишина.

— Нужно готовить нового агента по маршруту Никулина. Кого предлагает подполковник Рудольф?

— Он прислал к нам на переправочный пункт нескольких агентов. Среди них — Аббас, которого готовили в одиночку. Прибыла и группа диверсантов «Буран» с радистом. Они проходят окончательную подготовку на переправочном пункте.

— Очень хорошо. Что собой представляет Аббас?

Капитан Фиш хорошо знал этого человека и с омерзением относился к нему, хотя и ценил его способность везде пролезть, все проникнуть. Юркий, настороженный, он повсюду поспевал, все замечал. Неуживчивый, мстительный, вероломный и подлый, он ненавидел все и всех, даже своих многочисленных любовниц. Аббас не пил, не курил, но к женщинам испытывал неодолимое стремление. Для удовлетворения своей похоти он не останавливался ни перед насилием, ни перед убийством. Немцы сквозь пальцы смотрели на эти «маленькие шалости». Они доверяли Аббасу и дорожили им.

Поэтому капитан Фиш ни словом не упомянул о «художествах» Аббаса в своем докладе. Он постарался выпятить совсем другое:

— Аббасу сорок восемь лет. По национальности — турок. В Россию прибыл еще до революции, жил в Средней Азии. В тридцать первом году пытался нелегально возвратиться в Турцию с разведанными о советских войсках в Средней Азии. На границе был задержан. Все записи сумел уничтожить. Осужден на пять лет за попытку нелегально перейти границу. Из тюрьмы бежал, снова был задержан, получил дополнительно три года. На фронте в сорок первом году добровольно сдался в плен. Прошел повышенную разведывательную подготовку, дважды ходил в тыл к русским, задания выполнял усердно. Лично расстреливал разоблаченных советских агентов. Владеет языками народов среднеазиатских республик, турецким и русским.

— Анкета неплохая, — заметил Шиммель. — Такого нам и надо. Если Аббас готов, сегодня же отправляйте. А группу «Буран» представьте мне завтра. Мы выбросим ее на парашютах, с задачей взять под контроль дороги, ведущие от Ораниенбаума к Усть-Рудице и далее на север и северо-запад. Если русские действительно сосредотачивают там силы, то от Ораниенбаума могут перевозить

их только этой дорогой, и мы в нужный момент сорвем перевозки. Кроме того, сумеем получить ключи к Никулину. Вы понимаете?

— Понимаю.

— Целая дивизия и морская бригада не могли пройти на «пяточок» незамеченными, — рассуждал Шиммель. — Их видели жители, солдаты. Если наши агенты хорошо поработают, то они найдут там болтунов, которые расскажут о происходившем передвижении войск. Болтуны всегда имелись и имеются сейчас, их только нужно уметь находить.

— Совершенно верно, господин подполковник, — подтвердил Фиш.

— Если же передвижение войск идет и сейчас, то агенты все сами увидят и донесут мне. Итак, завтра группа «Буря» пойдет за линию фронта.

Точно в указанное время с Псковского аэродрома темной ночью поднялся самолет и взял курс на северо-восток. На борту находилась группа немецких агентов «Буря», в которой радистом был Иван Курынов.

...А капитан Маковенко дневал и ночевал в районе «окна». Десятки глаз, вооруженных биноклями, стереотрубами, артиллерийскими буссолями буквально процупывали каждый метр пичейной земли. Чутье подсказывало чекистам, что враг где-то близко. Он притаился и ждет...

Томительно тянулись темные сентябрьские ночи. Уже начало холодать. Почти беспрерывно моросили унылые осенние дожди. Терпеливо мокли наблюдатели в своих засадах. Ждал условного сигнала капитан Маковенко. И вот однажды на рассвете дежурный наблюдатель, сдерживая волнение в голосе, доложил:

— Незнакомый в форме капитана перешел линию фронта. Направился к дороге на Гентелово. Идет лесом. На шоссе выйдет у восьмого километра. Там заканчивается тропинка через заболоченный участок.

Через несколько минут Маковенко был на восьмом километре. Километрах в двух от него, за поворотом, дорогу порегородил патруль чекистов. Шоферам машин, идущих на Гентелово, давался строжайший приказ: ни одного человека, кто бы он ни был, не подвозить, машину не останавливать.

Капитан Маковенко «случайно» встретился с Аббасом на обочине. Оба «голосовали», пытаясь остановить попут-

ную машину. И обоим не везло: грузовики стремительно пронеслись мимо, водители не обращали внимания на отчаянные жесты офицеров.

— Вот незадача! — пожаловался Маковенко. — Вызвали меня в штаб армии орден получать, а тут как на грех с транспортом кавардак получается. Никак не остановишь. Того и гляди, опоздаешь, будет вместо ордена фитиль от начальства. Так на попутных до штаба армии и за неделю не доберешься.

— И у меня такая же беда, — откликнулся Аббас. — Послали меня, понимаешь, по частям всякий хим-дым проверять — хватает ли противогазов, дымовых шашек и прочего хозяйства. Я рад командировке был. Старый друг у меня где-то здесь в семьдесят первой бригаде служит. Рапидов фамилия ему. Вот, думаю, повезло. Друга повидаю! Спешил как угорелый. На четыре дня раньше срока все дела сделал. Дал задание людям, сказал, что вернусь на передовую, проверю, а сам — в путь. И вот тоже застрял.

— Выходит, друзья по несчастью. Будем знакомы. Кравчук, — назвался чекист.

— Капитан Меджидов, — радостно осклабился Аббас. — Нам, случайно, не по пути?

— Вообще-то до расположения семьдесят первой бригады мы будем попутчиками, но мне ехать немного дальше. Кстати, почему вы думаете, что друг ваш именно в этой бригаде? В письмах-то он может только номер полевой почты сообщить?

— Есть тут одно обстоятельство. Приятель мой, бывший моряк, с корабля на сушу воевать пошел. А семьдесят первая бригада, на передовой говорили, к десанту готовится. В морской десант сухопутника не пошлют. Вот я и решил, что где-то здесь он, мой друг Осман Рапидов.

— Ну, приятель, ориентиры у тебя неважные. Моряков на «пяточке» сейчас столько собралось, что запутаешься. Недавно вот еще какая-то морская бригада из Кронштадта прибыла. Мимо ехать будем, поспрашивай.

— Запутался тут, места ведь незнакомые, — будто в раздумье проговорил Аббас.

— Ничего, — успокоил его Маковенко. — Я здесь третий год бугры шлифую. Чуть не весь «пяточок» на животе исползал. Помогу, если что...

— Вот за это спасибо! — весело откликнулся Аббас. Новый знакомый, казалось ему, будет хорошей ширмой

и в тылу и на передовой. Надо только не отставать от него и на передний край возвратиться вместе. А там ищи-свищи Аббаса, дорогой товарищ капитан!

Из-за поворота показалась полуторка с группой людей, стоявших в кузове. Заметив ее, капитан Маковенко вдруг выбежал на дорогу и, выхватив пистолет, дважды выстрелил вверх.

— Стой, остановись! — закричал он.

Скрипнув тормозами, машина остановилась. Из кузова, из кабины слышались сердитые голоса:

— Чего надо?

— С ума сошел, стрелять начал...

— Братцы, подвезите! — взмолился капитан Маковенко. — Дело к вечеру идет, а нам с другом еще до штаба армии добираться надо, ордена получать!

— Ладно, садитесь, — милостиво разрешил старший машины.

Стоявший поодаль Аббас поспешил вслед за Маковенко влезть в кузов, и грузовик тронулся. Все были довольны. Аббас — потому, что ехал по назначенному ему маршруту. Маковенко — потому, что сумел завоевать доверие шпиона. А чекисты, сидевшие в кабине и в кузове грузовика, были весьма довольны тем, что события разворачивались по плану, разработанному руководителями контрразведки, и хозяевами положения были они, а не абверовцы.

Люди, ехавшие в кузове, болтали о том о сем. О скором наступлении, об ожидавшейся замене одних частей другими, о том, что теперь-то немцам под Ленинградом будет капут. Маковенко охотно включился в беседу, не преминув похвастаться своей осведомленностью. Как-никак, а он — командир разведывательной роты. Ему-то уж кое-что известно! А Аббас молчал. Лишь изредка отвечал на прямые вопросы, а больше старался молчать и слушать. Он, дескать, человек на участке новый, обстановки не знает...

На первом же КПП сидевшие в кузове солдаты и офицеры сошли с машины, отправились куда-то в лес. Дежурные стали проверять документы. Аббас заволновался, долго искал свое командировочное предписание. Видя его замешательство, Маковенко уговорил не задерживать машину. Они, мол, торопятся. На КПП хорошо знали чеки-

ста, и машину пропустили без лишних проволочек. Аббас повеселел.

— Фу ты, черт! — выкладывая из кармана документы, сказал он. — Вот, нашел командировочное. А то даже испугался.

— Не прячь документы так далеко. Транспорту здесь задерживаться нельзя: немцы могут заметить и разбомбить. Это место просматривается, и потому на КПП всех торопят, чтобы не создавать пробки.

— Положу поближе.

— Правильно сделаешь. А я было подумал, что ты умышленно тянул время. Полагал, что раз капитан решил поискать друга, то, значит, выехал в тыл самовольно, и путь следования в командировке не обозначен. Вот он и тянет, чтобы контролеры отвязались. А то могут назад вернуть, да еще и задержать чуть ли не как диверсанта.

Аббас хотел было возразить, что в командировочном удостоверении указан точный маршрут поездки (об этом немцы позаботились), но вовремя спохватился. Ведь он только что сказал, что едет по собственной инициативе. Следовательно, заключение попутчика о том, что у него документы не в порядке, совершенно обоснованно. Сообщив это, Аббас ответил:

— А ты наблюдателен, друг.

— Война научила. Мне, вижу, придется «прикрывать» тебя, как говорят наши разведчики.

И они поехали дальше. Вскоре новые знакомые наши общий язык. Маковенко без особого труда уговорил попутчика навестить своих друзей в морской бригаде, а заодно поинтересоваться и его знакомым, Османом Рашидовым. Аббас согласился. Отставать от такого общительного человека, имеющего обширные знакомства в войсках, он не хотел. Путешествие с Маковенко вполне его удовлетворяло. Маршруты совпадали, время тоже. К тому же Аббас не был полностью уверен в том, что немецкая разведка сумела обеспечить его вполне надежными документами. При таком положении знакомство с капитаном становилось исключительно важным. В трудную минуту он мог рассчитывать на помощь нового приятеля.

Все шло так, как и было спланировано чекистами. Маковенко повел немецкого агента по заранее оборудованным землянкам и домам. Знакомил Аббаса со своими

друзьями, которые выдавали себя за военнослужащих несуществующих частей, словно невзначай дал шпиону возможность ознакомиться с личными документами одного офицера. Аббас был доволен. Еще бы, все шло на редкость легко и удачно.

Единственное, чего хотел Аббас в конце своей поездки, — это возвратиться на передовую в компании своего нового приятеля. Как-никак тот — командир разведывательной роты. Можно остановиться в его землянке, присмотреться, выбрать удобный момент — и махнуть на ту сторону. «То-то будет юлить разведчик перед начальством, когда станет известно, с кем он имел дело!» — думал Аббас, посмеиваясь в душе.

А Маковенко «прилагал все усилия» к тому, чтобы помочь Аббасу найти друга-земляка из семьдесят первой бригады. Однако поиски не принесли никаких результатов. Никто не слышал об офицере Османе Рашидове. В то же время, зная об истинных намерениях Аббаса, чекисты, не скупясь, сообщали ему сведения, подтверждающие легенду о концентрации войск на реке Черной. Аббас был весьма доволен полученными данными. Он даже не высказал особого огорчения тем, что не отыскал друга, и, заявив, будто срок командировки истек, заторопился на передовую. Маковенко тоже не задержался. Побывав в штабе, он вернулся в бригаду, где ждал Аббас. В обратный путь они отправились вместе...

Линию фронта Аббас перешел удачно.

На немецкой стороне своего агента с нетерпением ожидал капитан Фиш. Приказ подполковника Шиммеля был краток и ясен: лично встретить Аббаса и немедленно доставить в Псков, в «Абверкоманду-104», в каком бы виде тот ни прибыл.

Когда солдаты привели Аббаса в землянку, Фиш торжественно поздравил его с успехом и, не дав перевести дух, заторопился в дорогу.

— Немедленно, слышишь, немедленно едем в Псков. Переоденешься в машине, там все готово.

— Мне бы поспать хоть пару часов, — попросил Аббас. — Ведь я на ногах еле держусь!

Фиш и слушать не хотел о какой-то задержке.

— Ждет подполковник Шиммель. Нельзя терять ни минуты. Потом отдохнешь. Один вопрос: удачно?

— Удачно, господин капитан.

— Все, больше ни слова. Пойдем.

Чуть не за шиворот Фиш вытащил Аббаса из землянки и побежал по ходам сообщения в тыл. Он быстро семеня ногами, перебежал, полз в опасных местах. Тяжелое дыхание Фиша было слышно даже отставшему от него на десяток метров усталому Аббасу. Часа через полтора они вышли к штабу дивизии. Капитан по телефону доложил Шиммелю о возвращении Аббаса, и вскоре машина на предельной скорости повезла абверовца в Псков.

Шиммель с нетерпением ожидал своего испытанного агента. Сейчас, когда его карьере грозила опасность, от Аббаса зависело многое. Уже тот факт, что турок выполнил задание, настроило Шиммеля на благожелательный лад. Он решил представить Аббаса к награде.

Усталого и издерганного агента Шиммель принял на редкость тепло и ласково. Доклад длился долго. Шиммель видел, что Аббас еле держится на ногах, понимал, что ему надо отдохнуть, но не мог отпустить его — так необходимы были все сведения, добытые им. Как и при докладе Никулина, все, что говорил Аббас, тут же стенографировалось. Фиш лишь изредка прерывал Аббаса, просил повторить то, что не успел записать, уточнял неясно произнесенные фамилии людей и названия населенных пунктов. Шиммель достал из сейфа доклад Никулина и время от времени заглядывал в него, внимательно слушая Аббаса.

— Ничего не упустил? Все рассказал? — спросил Шиммель.

— Все, господин подполковник. Все, что видел, доложил, как перед аллахом.

Вопросы подполковника беспокоили Аббаса. Он знал, с кем имеет дело. Если заподозрит, не посчитаются с прошлыми заслугами. Аббас нервничал, злился, в голове царил сумбур после всех треволнений, бессонной ночи, пережитых страхов.

— Если я что-либо доложил непонятно, то переспросите, чтобы ясно стало, — с тревогой в голосе просил он.

— Не волнуйся, мы тебе верим. Но ты выполнял очень важное задание, и я должен быть убежден в том, что ты ничего не упустил, не приврал, не вообразил из страха или невнимательности. Мне нужна абсолютно объективная картина происходящего там, у русских. За тру-

ды ты свое получишь, поэтому не волнуйся и постарайся вспомнить все, что видел, до мельчайших подробностей.

— Я доложил правду безо всякой «липы», — повторил Аббас, отчаиваясь все больше и больше. На мясистом затылке, на лбу, на верхней губе у него выступил обильный пот.

Чутьем старого травленого волка Аббас понял, что Шиммель меньше всего волнуют новости, принесенные им из-за линии фронта. Похоже, что они все это и без него знали. Так почему Шиммель и Фиш стараются вытянуть из него такие подробности недавней «ходки» в русский тыл, на которые разведчики обычно и внимания не обращают? Ну что за беда, если в Ковязино не уцелел поповский дом. Шайтан его разберет, что в этом Ковязино вообще уцелело. Стоят кое-где дома, это верно. Но ведь выводок на них нет — это, мол, поповский, а дальше — учительский.

Волнение Аббаса было понятно Шиммелю. Агент получил четко ограниченную задачу — разведать места сосредоточения двести двадцать седьмой стрелковой дивизии и сто сорок второй отдельной морской бригады, выяснить, каким путем они прибыли на «пятачок», куда ушла семьдесят первая стрелковая бригада. Не мог же Шиммель сказать своему агенту, что цель его задания — лишь в проверке сведений, давно добытых и доставленных другим. Это, пожалуй, лишило бы Аббаса воодушевления. Вот и сейчас Шиммель не стал успокаивать своего агента, а спросил коротко и сухо:

— Откуда узнал номер дивизии?

— Рассказывали солдаты, офицеры. Один даже документы мне показал, господин подполковник.

— Будем считать, что здесь все ясно, — размышлял вслух Шиммель. — Болтунов вам удалось найти. А вообще, какое настроение у солдат и офицеров?

— Врать не буду, — осторожно начал Аббас, — настроение боевое. Чувствуется, что люди готовятся к наступлению. Об этом только и разговор.

Шиммель снова подошел к карте и жестом пригласил к ней Аббаса.

— Значит, вы считаете, что русские стягивают войска вот в этот район?

Шиммель обвел карандашом участок от населенного пункта Усть-Рудицы до реки Черной и дальше на северо-запад.

— И вот сюда тоже направлялись, — показал Аббас несколько западнее. — Шла пехота, танки, артиллерия. Сам видел и людей расспрашивал.

— Так. На сегодня достаточно. Можете отдыхать.

Когда Аббас вышел, Шиммель и Фиш принялись детально анализировать и сопоставлять имеющиеся сведения.

— В большинстве своем наблюдения Никулина и Аббаса совпадают, — заключил после длительного раздумья капитан Фиш.

— Да, совпадают, — откликнулся Шиммель. — По всему видно, Никулин все-таки прав. Русские концентрируют силы для нанесения удара с «Ораниенбаумского пятачка» на Котлы — Кингисепп. Аббас подтверждает его наблюдения. Подождем еще, что сообщит «Буря». Связь с ним установлена. Приземлились удачно, приступили к выполнению задания. Будем ждать новых сообщений.

— Нам, конечно, не привыкать ждать, — вздохнул Фиш, — но это все же нелегкая обязанность, особенно когда находишься на передовой...

Капитан явно намекал на свое пребывание на передовой линии фронта, надеясь, что Шиммель оценит его службу. Но тот промолчал, словно не заметив маневра Фиша. Подполковник был целиком занят анализом документов. Фиш помрачнел. Вторично напомнить о своих заслугах будет сложно: когда еще представится такой подходящий случай.

— Я думаю, вам тоже следует отдохнуть, — оторвавшись от бумаг, сказал наконец Шиммель. — Ваш труд будет достойно оценен. А пока напишите представление к награде на Никулина и Аббаса. Как только получим от «Бурана» сообщения, подтверждающие их данные, они будут награждены. О вас я побеспокоюсь сам.

Капитан Фиш распылся в довольной улыбке и вышел, оставив Шиммеля одного.

...Начальник «Абверкоманды-104» нервно расхаживал по кабинету. Ведь все как будто бы обстояло благополучно. Никулин вне подозрений. Ведет себя хорошо. Аббас подтвердил правдивость доставленных им сведений. Войсковые разведчики наблюдают сосредоточение войск про-

тивника именно в том районе, на который указал Никулин. Почему же он не может отделаться от сомнений? Что это, усталость или предчувствие?

А тут, как назло, от «Бурана» нет новых сообщений. Что там может быть? Всех захватили русские контрразведчики? Маловероятно. В группе опытные агенты. Высадились они благополучно, начали работу. Теперь их так просто не возьмешь. Шиммель понимал, что группе «Буран» придется действовать в сложных условиях, при большой концентрации войск. Малейшая неосторожность может привести к провалу. Но и в этих условиях подготовленные разведчики сумеют сообщить о себе. Успеют даже в том случае, если им придется принять бой, чтобы прикрыть радиста.

В группу «Буран» Рудольф и Шнеллер лично отобрали наиболее подготовленных, способных, проверенных агентов. Немыслимо, как заявил Рудольф, чтобы эти люди провалили задание. Что ж, ему можно верить. За последнее время подготовка агентуры в школе заметно улучшилась. Рудольф изо всех сил делает карьеру. Так почему же замолчал «Буран»?

Если бы только подполковник Шиммель мог знать, где сейчас находятся и чем занимаются его «надежные» люди, его наверняка хватил бы удар. Немыслимым, невероятным, диким показалось бы ему сообщение о том, что руководитель группы «Буран» — человек, запятнавший себя бесчисленными преступлениями, живой и невредимый сидит на допросе в кабинете подполковника Сосницына, а остальные агенты весьма дружелюбно совещаются с генералом Быстровым о том, как лучше провести его, Шиммеля!

В то раннее утро Быстров принимал очередной доклад о «путешествии» Маковенко с Аббасом. Генерал с искренним увлечением расспрашивал оперативного сотрудника о деталях проделанной работы, намечал меры, которые нужно будет предпринять, если молодому чекисту Маковенко понадобится помощь в едиповорстве со шпионом. И тут ему принесли телеграмму, из которой следовало, что на участке одной из дивизий добровольно сдались два немецких агента и привели с собой связанным старшего группы. Организатором явки с повинной является бывший лейтенант Красной Армии Курынов — радист «Бурана».

Прочитав телеграмму, Быстров улыбнулся. Николай Константинович Никулин немало рассказывал ему о Курынове. Теперь этот человек прибыл, и, надо сказать, очень кстати. Не теряя времени, генерал Быстров выехал на фронт. В дивизии его встретил начальник отдела контрразведки и провел к себе в землянку. Навстречу поднялся худощавый паренек в солдатской форме и по всем правилам доложил:

— Товарищ генерал, немецкая разведывательная группа «Буран» в полном составе находится здесь. Я и мой папарник решили явиться с повинной. Старший группы оказал сопротивление. Пришлось применить силу, чтобы доставить сюда.

Только сейчас, освоившись с сумраком землянки, Быстров заметил свежие царапины и сипяки на лице лейтенанта.

— Что ж, товарищ лейтенант Курынов, поздравляю с благополучным возвращением. Николай Константинович рассказывал о вас, и я рад позвать вашу руку.

Курынов смутился, растерялся, побледнел от волнения. Он никак не ожидал такой сердечной встречи. Готовился к разговору со следователем, думал, как искупить позор плена, как оправдать свое пребывание в абвере. Готовился пойти рядовым в штрафную — и вдруг — товарищ... лейтенант.

— Ну, садитесь, рассказывайте, — предложил Быстров.

Доклад Курынова был кратким. Генерал знал о Курынове многое. Поэтому сразу перешел к делу:

— Значит, немцы поставили вам задачу взять под контроль дороги, ведущие от Ораниенбаума к Усть-Рудице? Прекрасно. Ищут прибывшие дивизии? Понятно, понятно...

Генерал немного подумал, видимо что-то прикидывая в уме, потом поинтересовался:

— Связь с немецкой разведкой уже устанавливали?

— Да. Сразу же после приземления. Нам тогда не удалось своего старшего обезвредить. Он приземлился первым и был настороже. Пришлось выполнить его приказ, доложить о благополучном приземлении.

— Что вы сообщили?

— Донесли, что приземлились благополучно, приступаем к выполнению задания.

— Когда следующий сеанс связи?

Курынов посмотрел на часы.

— Через четыре часа. Если не состоится, то еще раз через четыре часа. Потом десятичасовой перерыв.

— Неплохо придумано. Ну, обо всей этой технике вы позднее доложите детально. А сейчас нам нужно спешить, поедem в район приземления. Там отыщите свою радиостанцию и все, что получили от немцев.

Уже вечерело, когда две запыленные фроптовые «эмочки» по узкой, заросшей травой дороге въехали в лесную чащобу. Здесь Курынов раскопал тайник, достал радиостанцию, забросил антенну на высокую сосну и, включив передатчик, вопросительно посмотрел на Быстрова.

— Можно начинать?

— Да, можно. Успокойте немцев, убедите, что приступили к работе. Потом передавайте донесение.

В этом донесении, заранее подготовленном чекистами и зашифрованном Курыновым, говорилось о движении войск по контролируемым дорогам. Шиммель должен получить новые факты, подтверждающие донесение Николая Константиновича. Пусть у него не остается сомнений, что русские готовят наступление в направлении Котлы — Кингисепп.

Положив перед собой листок с шифром, Курынов с вдохновением выбивал на ключе певучие сигналы «морзянки». Работал он четко, с профессиональным блеском, а на губах играла озорная, совсем мальчишеская улыбка.

В течение недели Шиммель получил от «Бурана» три сообщения. Все они подтверждали имевшиеся данные о том, что из Волхова и Ленинграда недавно проследовали на «пяточок» части двести двадцать седьмой дивизии и сто сорок второй морской бригады. Дивизия формировалась где-то в Сибири. Морская бригада сражалась под Сталинградом.

Шиммель решил, что теперь пора ехать на доклад к генерал-фельдмаршалу Кюхлеру. Перед отъездом в штаб командующего подполковник послал в «Абверштелле-Остланд» и в «Штаб Валли» Бауну телеграммы. Он предлагал отметить заслуги Рудольфа и Фиша. О себе начальник фронтовой разведки умолчал, прекрасно зная, что кто-кто, а Баун не упустит случая, чтобы получить лишнюю награду. Не забудет он и его, Шиммеля.

Генерал-фельдмаршал Кюхлер принял подполковника Шиммеля немедленно, хотя в его приемной дожидались несколько генералов и полковник. Обстановка на фронте обострялась. Штаб группы армий «Север» располагал самыми достоверными данными о том, что русские готовятся к наступлению под Ленинградом. Они непрерывно подтягивали подкрепления, усилили воздушную разведку немецкой обороны, активизировали работу армейской разведки.

Оставалось неясным лишь одно, когда и где будет нанесен главный удар. Генерал-фельдмаршал без устали анализировал груды донесений из частей, разведорганов, информации из ставки, но не находил ответа на этот вопрос.

В связи с успешным наступлением советских войск на Центральном фронте немецкое верховное командование потребовало у Кюхлера семь дивизий. Генерал-фельдмаршал отчаянно сопротивлялся. Отдать семь дивизий — это значит оголить фронт! Но его не стали и слушать. Верховное командование считало «Северный вал», создававшийся в течение трех с лишним лет, неприступным. И вот кадровые немецкие дивизии ушли от Кюхлера. Правда, взамен их Берлин пообещал вскоре прислать моторизованную дивизию СС «Нордланд», моторизованную бригаду СС «Нидерланды» и части испанского легиона. «Вместо семи убитых поликровных дивизий мне обещают две потрепанные и вдобавок горсть испанских ублюдков! — возмущался Кюхлер. — С этим сбродом я должен остановить натиск русских. Идиоты!» Но как ни негодовал Кюхлер, он знал, что за поражение спросят прежде всего с него. Поэтому он и старался предугадать, где будет нанесен главный удар русских, чтобы стянуть туда свои лучшие части.

Анализируя положение на фронте, Кюхлер предполагал, что главный удар будет нанесен с «Ораниенбаумского пяточка». Будь он на месте командующего Ленинградским фронтом генерала Говорова, он обязательно воспользовался бы таким перспективным плацдармом. Бесспорно, это сделает и Говоров. Но куда именно направит он главный удар с «пяточка» — вот в чем загадка. Быть может, ее сумел разрешить Шиммель?

Вот почему подполковника Шиммеля, едва он появился в штабе, пригласили к командующему.

— Господин генерал-фельдмаршал, — говорит Шиммель, — я имел честь ранее докладывать вам агентурные данные о сосредоточении значительных сил русских на «Ораниенбаумском пятачке», в районе реки Черной, к северу и северо-западу от Усть-Рудицы. Эти сведения неоднократно и весьма тщательно проверялись. Проверка показала их полную достоверность.

Кюхлер слушал очень внимательно. То, что говорил Шиммель, подтверждалось наблюдениями войсковой разведки и данными, полученными из самых различных источников. На «Ораниенбаумском пятачке» последние дни отмечается большая активность: артиллерия ведет стрельку оборонительных сооружений; на отдельных участках замечено сосредоточение танковых сил; в эфире появились радиостанции новых дивизий и частей; авиация ведет усиленную разведку копорского направления, по ночам бомбит пункты управления немецких войск, плотно прикрывает район реки Черной от разведки с воздуха; на всем фронте от Гостилицы до Пернова ведутся разведка боем и действия разведывательных групп. На фоне всего этого сообщения агентов Шиммеля приобретали в глазах Кюхлера большой вес.

— Ваши люди, которые ходили в тыл к русским, надежны?

— Они испытаны. Верить можно.

— Вы представляете ответственность, которую берете на себя? Ведь если мы начнем действовать, исходя из тех сведений, которые собраны вашей агентурой...

— Представляю.

— Я очень буду рад, если вы полностью представите, господин Шиммель, какая па меня и па вас ложится ответственность за положение на фронте.

Кюхлер тяжело опустился в кресло, устало склонил голову на морщинистую ладонь, прикрыл глаза посиневшими веками. Шиммель стоял молча, почтительно глядя па размышлявшего Кюхлера.

— А что, если это все-таки дезинформация? — думал вслух фельдмаршал. — Из того, что докладываете вы, господин Шиммель, что сообщают командующий восемнадцатой армией и командиры дивизий, можно сделать вывод, что русские будут наносить главный удар с «Ораниенбаумского пятачка» па Котлы — Кингисепп. Следовательно, мне необходимо переместить сюда свои

основные силы. Резерва у меня нет. Войска придется снимать с менее важных участков фронта. Но их так мало... Вдобавок получен приказ отдать еще две дивизии — девяносто шестую и двести пятьдесят четвертую — группе армий «Юг». С чем я остаюсь? Смогу ли я остановить русских, если они в этот момент ударят в ином направлении? Специалисты считают неприступными возведенные здесь укрепления. Но чтобы удержать их, нужны солдаты.

Шиммелю стало не по себе. Он словно присутствовал на исповеди человека, который начал терять веру в свои силы. Кюхлер жаловался, зная, что ему не помогут. Таких откровенных признаний Шиммель еще ни разу не слышал от генерал-фельдмаршала. Видимо, тот рассчитывал в случае поражения заполучить доброжелательного свидетеля, который мог бы замолвить словечко за Кюхлера в ставке. Шиммель, руководитель фронтовой разведки, сотрудник всесильного Канариса, как нельзя лучше подходил для этого.

— Нам надо выстоять, — продолжал генерал-фельдмаршал. — Во что бы то ни стало выстоять. Иначе мы потеряем не только Ленинградскую и Новгородскую области. Мы можем лишиться Финляндии, вынуждены будем уйти из Прибалтики, потеряем влияние на Скандинавские страны. Мы будем вынуждены вернуться к своим границам, а это — катастрофа.

Картина, нарисованная генерал-фельдмаршалом, произвела на Шиммеля тяжелое впечатление. Кюхлер неспроста задал вопрос — понимает ли он, Шиммель, какую ответственность па себя берет, докладывая о концентрации русских войск по реке Черной? Пожалуй, до сих пор он действительно не вполне представлял. Шиммель постарался побыстрее закончить опасную беседу. Если только о ней пронюхает гестапо...

— Господин генерал-фельдмаршал, я докладываю проверенные данные. А вам предоставлено право принимать те решения, которые вы считаете нужными.

— Хорошо. Я воспользуюсь вашими сообщениями, когда буду принимать решение.

— Господин генерал-фельдмаршал, наши агенты, собравшие ценную информацию, заслужили награду. Я готовил приказ о награждении агентов абвера Никулина и Аббаса «Бронзовой медалью с мечами».

— Что ж, если они заслужили, мы должны наградить их. Я не возражаю.

Кюхлер, не глядя, подписал документ. Так Николай Константинович стал кавалером «Бронзовой медали с мечами», которой немцы награждали особо отличившихся агентов абвера из числа военнопленных.

Кюхлер после доклада Шиммеля окончательно пришел к выводу, что советские войска с «Ораниенбаумского пятячка» будут наступать в направлении Котлы — Кингисепп. В соответствии с этим он произвел перегруппировку сил, выдвинув на угрожаемый участок подкрепления. Прямо туда же была направлена только что прибывшая моторизованная дивизия СС «Нордланд».

Четырнадцатого января сорок четвертого года войска Ленинградского и Волховского фронтов обрушили на врага сокрушительные удары. Из района Ораниенбаума наши основные силы пошли не на Котлы — Кингисепп, как предполагали Кюхлер и Шиммель на основании подсунутой им дезинформации, а на Ропшу, на соединение с войсками, действовавшими у Пулковских высот.

Попытки Кюхлера исправить ошибку не принесли желаемых результатов. Преодолевая упорное сопротивление врага, в жестоких боях прорывая глубоко эшелонированные и сильно укрепленные позиции противника, части Советской Армии к двадцать седьмому января полностью освободили Ленинград от вражеской блокады. Родина торжественно отметила эту победу. Войскам Ленинградского и Волховского фронтов, их мужественным воинам салютовали Москва и Ленинград.

Глава девятая

«ИГРА ПРОИГРАНА, НИКУЛИН!»

Когда стало известно, что в результате произведенной проверки сообщение Никулина признано достоверным и он представлен к награде, капитан Фиш вызвал Николая Константиновича к себе, поблагодарил и приказал выехать в Валкскую разведшколу. За выполнение задания гитлеровцы выдали агенту тысячу оккупационных марок, концентраты, несколько банок мясных консервов и литр самогону.

«Недорого ценит своих наймитов немецкая разведка», — подумал Никулин.

В сопровождении двух солдат Николая Константиновича отправили в Валку. Шнеллер встретил его как доброго приятеля.

— Я всегда был уверен в вас, господин Никулин, — значительно произнес Шнеллер. — И я постоянно твердил господину Рудольфу о том, что вы — преданный фюреру и Германии человек, способный выполнить самое ответственное задание.

— Я очень тронут вашим вниманием.

— Господин Рудольф всегда соглашался со мной. Он высоко ценит вас. Вы хорошо поработали для Германии. Теперь все трудности позади. Садитесь.

Шнеллер уселся в массивное, оббитое желтой кожей кресло и широким жестом пригласил Николая Константиновича последовать его примеру.

— Расскажите, как вам удалось так блестяще выполнить задание. Я с удовольствием послушаю.

Николай Константинович кратко пересказал все то, что уже докладывал Шиммелю, Фишу и Рудольфу. Расстались они с бароном очень тепло. Шнеллер определил Никулина на хозяйственные работы. Так Николай Константинович получил доступ в штаб и возможность общаться с обучавшимися в школе агентами, преподавателями и обслуживающим персоналом.

За несколько месяцев отсутствия Никулина здесь почти ничего не изменилось. Начальником школы утвердили Шнеллера. Рудольф получил повышение. Отправились на выполнение заданий некоторые агенты. Куда-то перевели пропагандиста Владимира. Вот и все события в школе. В Валке Николай Константинович встретился с Подиаровым и Романовым. Они уже заканчивали курс обучения и с нетерпением ожидали отправки за линию фронта.

— Верить, Николай, последнее время каждую ночь наши снятся, — делился Подиаров. — Как усну, так и встают перед глазами знакомые бойцы, офицеры. То беседу с ними, то вместе в бой идем, в атаку. А однажды приснилось, что мне орден вручали. Слова хорошие говорили: верный, мол, сын Родины, Подиаров, народ им гордится. А проснулся — вижу портрет Гитлера на стене. Со свастикой... Такая тоска взяла!

— Ничего, теперь уже немного терпеть осталось. А пока падо дело делать. Вы к соседям приглядывались, как я просил?

— И я и Романов искали честных людей. Пусть он расскажет.

— Приглядели мы тут несколько хороших парней, — вступил в разговор Романов. — Немцы их на мелочах попутали, запугали. С ними по душам поговорить, так они фашистам покажут...

— А вы не пробовали потолковать?

— Вокруг да около ходим. А чтобы прямо, так нет. Мы конспирацию понимаем.

— Ну и правильно сделали. Нам с вами большая осторожность нужна. Покажете мне ребят издали, незаметно. Я с ними потолкую. А сами как?

— Мне скоро на задание, — сказал Подияров. — К Шнеллеру не вернусь.

— Ну, что ж, дело доброе. Передашь от меня привет генералу Быстрову. Ни пуха ни пера тебе.

— К черту, — отозвался Подияров.

В течение ноября — декабря по царюлю «Я к генералу Быстрову от Пограничника» к советским контрразведчикам пришло с повинной десять агентов Валкской разведшколы. Шнеллер нервничал. Такого массового провала агентуры еще не было. Конечно, и раньше не все агенты возвращались, но чтобы за короткое время без следа исчезло десять человек подряд — подобного не случалось. Шнеллер докладывал в «Абверштелле-Остланд» и «Штаб Валли», что агенты убиты при переходе линии фронта, но хорошо знал, что там мало верят этому. Начальник школы чувствовал, что над ним сгущаются тучи, приближается гроза. Скоро терпение руководства абвера иссякнет, и его призовут к ответу.

Как завидовал когда-то барон своему предшественнику, место которого мечтал заполучить. А теперь вот не радовался своему назначению, опять завидовал Рудольфу, который вовремя сумел уйти из Валкской разведшколы, получив другую, более выгодную работу.

Шнеллер чувствовал, что в школе кто-то тонко и умело ведет агитацию среди завербованных, склоняет их не выполнять заданий абвера, переходить к русским. Но кто способен на это? Барон по пальцам перебирал каждого подчиненного. Никто как будто не вызывал сомне-

ний. Но он был, этот тайный враг. Был здесь, вблизи. Шнеллер чувствовал это и твердо решил во что бы то ни стало докопаться. «Плохо кончит тот, кто стал на моем пути», — не раз думал Шнеллер.

Долго размышлял новый начальник школы, взвешивал, анализировал. Ему открылось любопытное обстоятельство — большинство агентов, не вернувшихся с задания, из числа тех, что были завербованы в Саласпилском лагере. Случайное это совпадение или с ними кто-то поработал? Если этих людей перевербовали, размышлял Шнеллер, то где — в лагере или в школе?

От своих догадок и предположений барон совсем лишился покоя. Однако он ни с кем не делился своими переживаниями. Зато немедленно связался с «Абверштелле-Остланд», попросил расследовать, кто ведет агитацию в лагере. В школе он надеялся справиться сам. Сил и опыта у него хватит, считал Шнеллер, а надежных людей он имел.

Наметив план действий, Шнеллер вызвал к себе Сюганова, на которого возлагал особые надежды. Сюганов зарекомендовал себя преданным немцам человеком еще в Рижском лагере, когда предложил им свои услуги. Он ревностно выполнял любые приказы гитлеровцев, дослужился до должности начальника лагерной полиции — наводил «порядок и дисциплину» в лагере. В фашистском застенке для военнопленных, где свирепствовала смерть, где холод, голод и болезни косили людей без разбора, Сюганов жил привольно, сытно. Совесть его не мучила.

Немецкие разведчики, которые завербовали Сюганова, оценили именно то обстоятельство, что усердной службой в лагерной полиции он отрезал себе путь на родину. На него можно положиться. Шнеллер по многолетнему опыту знал — такой не подведет. Сюганову и в школе приходилось выполнять «деликатные» поручения. Барон приказал своему подручному собрать всех саласпилсцев в одну группу и следить за ними в оба. Однако работа Сюганова пока что шла вхолостую. Это бесило Шнеллера.

Явившись к начальнику, Сюганов с первого взгляда определил, что тот не в духе. Предатель умел улавливать перемены в настроении своих хозяев и соответственно этому вести себя в разговоре с ними.

— Что скажете, господин Сюганов? — хмуро проговорил Шнеллер. — Как ведут себя саласпилсцы?

Сюганов поспешил с ответом:

— Пока что плохого за ними ничего не заметил, господин капитан. Учатся прилежно.

Шнеллера взорвало:

— А почему бы им плохо учиться! Мы подарили им жизнь, кормим, поим, деньги даем. В таких условиях любой идиот будет прилежным.

Барон так же быстро успокоился, как и вскипел. Он приказал Сюганову сесть. Тот поспешил опуститься на стул, однако был готов в любую минуту вскочить и вытянуться перед начальником.

— Слушайте меня внимательно, Сюганов. Вы должны выполнить мое задание во что бы то ни стало. И помните, от того, как вы оправдаете доверие, зависит ваша судьба.

— Слушаюсь. Выполню, — с готовностью откликнулся Сюганов.

Но барон, словно ничего не услышав, размеренно продолжал, и в голосе его на этот раз звучала неприкрытая угроза.

— Если оплошааете, не справитесь, то вашей сытой жизни придет конец. Вы, как вижу, привыкли к привилегиям и пользуетесь ими неплохо. Вид у вас хоть куда. Так вот, в определенный момент все это может рухнуть, и вы очутитесь в таком месте, что Саласпилсский лагерь покажется вам раем.

— Господин капитан, — испугался Сюганов, — разве я дал какой-либо повод для недовольства или недостаточно доказал свою преданность великой Германии? До последних дней своих я ваш.

— Я не уверен в этом, — сухо промолвил Шнеллер. — Вам поручено вести наблюдение за саласпилцами. И что же? Вы говорите, что им можно доверять, что там все надежные люди, так почему же эти подлецы не возвращаются с заданий? Может быть, вы мне объясните, почему так происходит?

— Ловят их там, паверное, — осторожно заметил Сюганов.

— Ловят? Хм... Удивительно. Раньше не могли, а теперь почему-то начали. Такие проникательные появились чекисты, что нашего агента посом чувят. Врете, Сюганов. Я знаю, почему так происходит. Во всем виноваты вы. Слышите? Вы!

Сюганов побледнел. Он мог ожидать чего угодно, но только не такого обвинения. От слов Шнеллера веяло могильным холодом. Сюганов знал, что барон зря пугать не станет. Обвинение Шнеллера грозило смертью. Но Сюганов погибать не хотел. Он изо всех сил пытался оправдаться.

— Господин капитан, я делал и делаю все, что могу, я стремлюсь в точности выполнять ваши приказания. В чем же моя вина?

— Вы виноваты в том, что плохо смотрите за саласпилцами. Среди них появился человек, который мутит агентов, склоняет не выполнять заданий немецкой разведки. Ваша обязанность — своевременно изобличить врага. Вы этого не сделали. Если в ближайшие дни не раскроете агента советской контрразведки в нашей школе, то я лично и с удовольствием расправлюсь с вами. Идите.

Сюганов вышел из кабинета начальника белый как мел. Он понимал, что теперь его жизнь висит на волоске. Шнеллер не примет во внимание никаких объективных причин. Еще не зная, кто этот русский контрразведчик, Сюганов возненавидел его всей душой. С этого дня он потерял и сон и покой, приглядываясь к каждому.

А Николай Константинович, ободренный первыми успехами, продолжал свою рискованную работу. Внимание чекиста привлек Сергей Беляев. Подтянутый, сдержанный, приветливый в обращении с людьми, юноша сразу понравился Никулину. Сергею Беляеву крепко досталось в жизни. Рано умер отец, оставив большую мать и троих детей. Сергей был в семье старшим. На его мальчишеские плечи легла непосильная тяжесть. Он работал, воспитывал малышек, успевал и учиться.

— Порой засыпал за учебниками, — рассказывал он Никулину в одной из частых за последние дни бесед, — но учебу не бросал. В школе меня хвалили за упорство, настойчивость.

— А сейчас что ж, растерял эти качества? — словно невзначай поинтересовался Николай Константинович.

Сергей понурил голову. Он резко и бесповоротно осудил себя в душе. И, как это часто бывает с людьми отчаявшимися, махнул на все рукой. Все равно, мол, жизнь загублена. На Родину возврата нет. Не мог он самостоятельно дойти до той простой истины, что Родина милосердна к своим сыновьям. Она сурово карает лишь тех,

кто обагривил руки кровью советских людей. А того, кто попал во вражеский стан случайно, кто искренне хочет искупить свою вину, того Родина умеет простить, вернуть к честной жизни. От слов Николая Константиновича в душе Сергея росло недовольство собою. А это уже кое-что значило. С сочувствием глядя на юношу, Никулин повторил вопрос:

— Потерял, что ли, свое упрямство и настойчивость, спрашиваю?

— Потерял, — откровенно признался Беляев.

— Вот это плохо. Что же с тобой стряслось?

— Трудно сказать. Вот надломилось во мне что-то. До войны, помню, мечтал о будущем, стремился куда-то, на людей смело глядел. А сейчас всего боюсь, не понимаю, что вокруг происходит, и как дальше жить — не знаю.

Никулин хорошо понимал состояние Сергея. Он достаточно насмотрелся в лагерях на людей, павших духом, потерявших всякую надежду на возвращение к нормальной жизни. В тяжелой обстановке они инстинктивно тянулись к сильным, волевым людям, ища в стойкости других свое спасение. Таким был и Сергей. В руках немецких разведчиков он мог стать жалкой игрушкой, послушным орудием их преступной воли. До сих пор он еще не причинил вреда Родине, но долго ли сможет противиться, если его станут принуждать пойти на преступление.

— Да, положение у нас с тобой, Сергей, неважнецкое, — осторожно начал Никулин. — От немцев почета никакого, и от русских славы не жди. Оно и понятно. Народ уважает солдата крепкого, готового постоять за отчий дом. А мы что? От одного берега отстали, к другому не пристали. Для русских мы изменники и предатели и для немцев — полулюди, «унтерменши». Вот мы сейчас воюем, жизнью рискуем, а кончится война — что делать будем? В Россию поехать — там па тебя всякий мальчонка волком кидаться станет. В Германию? Как же, очень пужны мы там!.. Задумаешься. Сидит, скажем, в сибирском лагере мужичок какой арестованный. Знай лес пилит да хлеба жрет побольше нашего. Что ему война, что ему там немцы, русские, французы, турки. Отсидится, гад, от войны. А выйдет — чистенький. Я, мол, Родине не изменял. Я человек честный. Всего лишь девочку изнасиловал да церковь обворовал. И станет жить среди людей как ни в чем не бывало.

— Хотел бы я там сейчас очутиться, — вздохнул Сергей.

— Где?

— Да в Сибири. Самую злую тюрьму за счастье бы почитал. Только что зря говорить! Шнеллер не раз рассказывал, что чекисты нашего брата сразу к стенке. А то пытать еще начнут. Вон недавно трое наших не вернулись. Говорят, расстреляли.

— Ну, это как повезет. Таких, как Сюганов или Аббас, наверняка к стенке поставят. А тебя — вряд ли. Вреда ты никакого не принес пока. Сюганов мне как-то говорил, что кое-кто из школы махнул к русским, добровольно пришел с повинной. Вот дурни!

— А что, расстреляли или на каторгу сослали?

— Да нет, не сослали. Только хрен редьки не слаще. Дали в руки винтовочку — иди, говорят, искупай вину перед Родиной в бою с немцами. Как будто не все равно, чья пуля убьет — русская, немецкая.

— Не всех же убивают...

— Я и говорю, как кому повезет. Иной весь свой срок невредимым отбудет. А которого поранит или там контузят. Всяко бывает.

— Ну, а если ранят, тогда что?

— Что, что! Раз кровь пролил в бою за Советскую власть, значит, оправдался перед нею, искупил свою вину. Могут и ордена вернуть и воинское звание. Только кому охота за ордена и звания жизнью рисковать?

— Так и мы же рискуем...

— Ну, это дело другое. Немцы, после того как Россию покорят, обещают корову дать, дом. Повезет, так разбогатеешь, хозяином станешь. Жаль вот только, что им самим на фронте последнее время не везет. Оправдись русские, нажимают.

— Да, наши здорово жмут, — начал было Беляев и осекся, опасливо поглядев на Никулина. А тот, будто ничего не заметив, стал прощаться.

— Спать пойду, завтра дел много...

Отойдя метров сто, Николай Константинович оглянулся. Сергей неподвижно сидел на прежнем месте, низко опустив голову. Видимо, думал. И Никулин знал о чем. Его осторожные, но продуманные разговоры подвели Беляева к мысли о том, что нужно повиниться перед Отчизной. И добрые семена, брошенные Никулиным,

попали на благодатную почву. Николай Константинович был убежден, что скоро Сергею можно будет доверить заветный пароль: «Я к генералу Быстрову с приветом от Пограпичника».

Время от времени приходили весточки от старого друга — Дудина. Их передавали военнопленные, завербовавшиеся по совету майора в разведшколу.

Вот и сейчас, едва Никулин подошел к столовой, его остановили трое худых рослых парней. «Из лагеря», — безошибочно определил Николай Константинович, глядя на их землистые лица со впавшими щеками. Один из троих тихо спросил хриплым, простуженным голосом:

— Никулин?

— Допустим, так. Что дальше?

— Мы с приветом от Папаши.

— Жив старик, значит, — обрадовался Никулин.

— Пока жив. Только ослаб очень. Нас к тебе направил. Командуй, мы в твоём распоряжении.

Созданная с огромным трудом и риском цепочка — Саласпилсский лагерь — Валкская школа — советский тыл — продолжала действовать. Никулин и Дудин имели право быть довольными. Договорившись с новыми знакомыми о дальнейших встречах, Николай Константинович отправился в город. Привычно наблюдая за окружающим, Никулин колесил по улицам городка, и, лишь убедившись, что за ним никто не следит, вошел в одноэтажный домик с вывеской «Фотография».

Старый знакомый — хозяин заведения Лайминьш настороженно встретил его.

— Здравствуйте, господин Никулин, — вежливо проговорил он. — Вы желаете сфотографироваться?

— Мне нужно поговорить с вами о важном деле, — ответил Никулин.

Лайминьш искоса поглядел на собеседника. Еще недавно он доверял Никулину, не таясь, беседовал с ним. Но теперь, поняв из разговоров, которые вели между собой его клиенты, что Никулин чем-то отличился перед немцами и его ждет награда, всерьез обеспокоился. Не пойдет ли во вред ему былая откровенность? Угадав его колебания, Николай Константинович проникновенно сказал:

— Я знаю вас как честного человека, товарищ Лайминьш. И потому прошу помочь мне, вернее, не мне, а

своему народу, всем патриотам, борющимся против фашистов, которых мы оба одинаково ненавидим...

Лайминьш вскинул голову, пристально посмотрел на Никулина. Тот не отвел взгляда. Он серьезно и с ожиданием глядел на собеседника. Фотограф, помолчав с минуту, спросил:

— Что я должен сделать?

— Мне нужны фотографии людей, которых приводит Шнеллер. С каждого негатива делайте лишний отпечаток для меня. Я буду приходить и забирать эти фотографии.

— Но это очень опасно... Шнеллер не спускает с меня глаз во время работы.

— Но это очень нужно, — возразил Никулин. — Подумайте о тех, кто рискует гораздо большим для своего народа.

— Хорошо, я попытаюсь, — проговорил наконец Лайминьш.

Лицо Никулина просветлело. Он крепко пожал руку своему новому соратнику и сказал:

— Я не сомневался, что услышу такой ответ. Вы настоящий патриот, Лайминьш.

Договорившись о времени и порядке встреч, Николай Константинович поспешил к себе домой. Теперь следовало подумать о том, где хранить фотографии. В комнате оставлять их нельзя, прятать вне расположения и неудобно, и опасно. Лучше всего хранить фотографии где-нибудь в штабе.

Весело насвистывая, Николай Константинович поднялся по лестнице на второй этаж дома. Здесь был кабинет Шнеллера, а неподалеку, в темном закоулке, Никулин хранил свой инвентарь — ведра, тряпки, веники. Тут у самого пола еле держался в кладке один кирпич. Если вытащить его да отбить половину, то получится неплохой тайник. А половина кирпича будет вместо пробки.

Проворно орудуя ножом, Никулин расковырял известь вокруг кирпича, распатал его и вытащил из гнезда. Тайник был готов. В коридоре слышались торопливые шаги. Выглянув из своего укрытия, Николай Константинович увидел Сюганова. Тот постучал в дверь кабинета Шнеллера. Никулин подался назад, но, видимо, Сюганов успел заметить его, потому что, едва он вошел в комнату, оттуда выскочил Шнеллер и сразу направился к Никулину.

— Вы что здесь делаете? Подслушиваете у моей двери?

— Что вы, господин капитан, — спокойно ответил Николай Константинович. — Я собираюсь мыть полы.

— Идите домой, — отрезал Шнеллер. — Сегодня никакой уборки не надо.

Барон пристально посмотрел вслед уходящему Николаю Константиновичу, потом круто повернулся и вошел в кабинет.

— Я вызвал вас, чтобы поговорить о Никулине, — сказал Шнеллер вскочившему при его появлении Сюганову. — Мне он внушает серьезные подозрения. Слишком много неясного в его поведении. За ним нужен присмотр.

В комнату, где жил чекист, Шнеллер поселил агента Громова. Настоящей фамилии нового соседа узнать не удалось. Присмотревшись к нему, Николай Константинович понял, что Громов — глаза и уши начальника школы.

Бывший вор из Ростова-на-Дону, Громов считался неплохим агентом. Он не скрывал, что дважды выполнял задания немецкой разведки в тылу советских войск, награжден медалью. Немцы поручили ему купить магазин в Пскове и заняться торговлей. Магазин должен был играть роль «крыши» для контрразведывательной службы, которая вела борьбу с партизанами и антифашистским подпольем. Громов совсем было почувствовал себя коммерсантом, получив «на обзаведение» деньги. Но старая воровская привычка сослужила ему плохую службу. На приеме у одного из своих шефов он стащил со стола золотые часы. Их, конечно, сразу же нашли и отобрали, а Громова отправили под конвоем обратно в школу, пока начальство не решило, что делать с ним дальше.

— Судьба — злодейка, — часто жаловался Громов, — сыграла злую шутку с люмпен-пролетарием. Мог стать миллионером, но вынужден стрелять сигареты и кланить стаканчик пшاپса у какого-нибудь ублюдка, которого в Ростове я мог запросто утопить в ванне, наполненной шампанским. Эх и житуха была! Но ничего, мы еще свистнем в иллюминатор, как говорил один пропойца-моряк своему капитану, высадившему его на берег. Я каждый день хожу к Шнеллеру, дабы засвидетельствовать свое почтение. Авось повезет, улыбнется фортуна.

Вечерами Громов со смаком рассказывал о своих похождениях до войны. Противно было слушать исповедь

рецидивиста, человека, потерявшего счет арестам, отсидкам и приводам в милицию. Но надо отдать должное — в своем деле Громов был артист. Он любил сложные ситуации, острые ощущения. Этими его качествами и воспользовались абверовцы. Выпустив Громова из тюрьмы, немцы щедрыми посулами завлекли его на службу в контрразведку. Будь у Громова больше выдержки, он стал бы коммерсантом. Сейчас предатель с тревогой ожидал, что с ним будет дальше. Впрочем, скоро Громов повеселел. Его назначили старшим группы из трех человек, которую направляли через фронт с важным заданием.

— В случае успеха обещают послать на учебу в Берлин. Стоит рискнуть. Ребята у меня подобрались неплохие. Уже познакомили. Придется тебе пожить одному. Я к своим подчиненным переселюсь. Надо же обнюхаться перед делом. Не поминай лихом, старина!

— Кто пойдет с тобой?

— Об этом распространяться необязательно, как сказал мой кореш Жорка Свищ, когда его шмара сообщила, что ждет ребенка. Шнеллер приказал мне молчать, если дорожку своей башкой. Буду пай-мальчиком, а то вспомнят еще те золотые бочата, что я у немца тянул. Себе дорожке выйдет.

Громов вышел, хлопнув дверью, и Николай Константинович услышал, как он запел, немилосердно фальшивя: «Сча-астье было так возможно, так близко...»

Едва скрылся Громов, как к Никулину явился Беляев и сообщил, что Шнеллер включил его в группу Громова. Кто пойдет третьим, он пока не знает. Это станет известно завтра.

— Теперь скоро у своих, — ликовал Сергей. — Наконец-то можно будет вздохнуть полной грудью.

— Смотри за Громовым не спуская глаз, — наставлял Никулин. — Перейдешь линию фронта, постарайся обезоружить и доставить этого мерзавца в контрразведку. — И Николай Константинович рассказал Беляеву то, что узнал о своем соседе.

— Все сделаю, — заверил Сергей. — Дай только мне к своим добраться. Шнеллер еще попомнит меня!

Товарищи тепло простились. А спустя несколько дней личный состав школы подняли по тревоге и спешно походной колонной повели в лес. На одной из полян колонну

выстроили полуколыбком. Никто не знал, зачем это понадобилось Шнеллеру. Все терялись в догадках. Одни полагали, что будет митинг, другие думали, что немцы собираются вручить награды отличившимся агентам за успешное выполнение заданий абвера. Догадок было много. Но точно никто ничего не знал.

Когда вдали послышался гул приближавшихся автомобилей, разговоры прекратились. Из передней открытой машины вышли Шнеллер и три офицера гестаповца. Из закрытого автомобиля солдаты выволокли человека в форме лейтенанта Красной Армии. Он еле передвигал ноги, окровавленная голова тяжело свисала на грудь. Кровь по изодранной гимнастерке стекала и капала на брюки, на землю. Строй затих, наблюдая за тем, как солдаты-эсэсовцы привязывают свою жертву к сосне. Лейтенант собрался с силами, поднял голову и обвел взглядом всех присутствующих. Николай Константинович почувствовал, как в груди замерло сердце. Он узнал Сергея Беляева.

Между Беляевым и строем агентов стоял Шнеллер. Глядя на своих подчиненных злыми свинцовыми глазами, он громко объявил, что Беляев нарушил присягу фюреру, пытался бежать к русским и за это будет расстрелян.

Николай Константинович не отрываясь смотрел на Беляева. Он не боялся за себя, хотя и понимал, что Сергей мог не выдержать пыток и выдать его. Хотелось думать, что этого не случилось. Однако он мучительно переживал оттого, что успешная работа в школе притупила в нем чувство близкой опасности. И вот теперь она предстала перед ним. Провал!

От машины, доставившей Беляева, отошел Аббас, известный в школе своей жестокостью. Его презирали и боялись. Все знали, что гестаповцы используют его как палача, когда казнят агента, уличенного в измене или просто ставшего лишним. Повинуясь жесту высокого молчаливого эсэсовца, Аббас вразвалочку подошел к Беляеву и выстрелил ему в лицо. Потом хладнокровно продул ствол пистолета и выразительно кивнул:

— Кха, готов.

Мороз пробежал по спине Николая Константиновича. Но он не отрываясь смотрел, как солдаты отвязали труп от сосны и, швырнув в наспех вырытую яму, засыпали

землей. «Я отомщу за тебя, Сережа», — поклялся в душе чекист.

Когда Никулин вернулся в свою комнату, он увидел лежащего на койке Громова.

— Не ждал? — хмуро спросил тот.

— По правде говоря, не ждал. Оттуда так быстро не возвращаются. Не удалось перейти, что ли?

— А этого ублюдка Беляева расстреляли? — опять задал вопрос Громов, не отвечая собеседнику.

— Да, только что, — с трудом вымолвил Николай Константинович. Он еле сдерживал клочкотавший в душе гнев.

— Ну и напарничка мне дали! — злобился предатель.

— В чем дело? Хочешь рассказать, так говори толком.

— Понимаешь, идем мы, значит, к русским по ничейной земле, нас сопровождают и прикрывают пять немцев. Все тихо. Лучше не надо. И тут нас засекли. Началась пальба. Видим, что не пройти. Ползем назад. Одно из нашей тройки убило. Остались я и Беляев. И вдруг меня чем-то тяжелым по черепу как а-хнет. Я и мордой в землю.

Громов нагнулся к Николаю Константиновичу, сидевшему на кровати, и показал голову.

— Пощупай, какая шишка. Очнулся, чувствую, тащит меня Беляев куда-то. Немцы сади кричат: «Хальт, хальт!», а он взвалил меня на плечи — и к русским. Пистолет, мерзавец, вытащил. Не знаю, откуда силы взялись. Схватил я его за глотку — и пошла драка на ничейной земле. Как видишь, моя взяла. Жив! Приволок этого подлеца к немцам... Ну и напарничек. Во какую память о себе оставил. Надо же так человека стукнуть!

Искренне возмущаясь, Громов снова пощупал шишку, предлагая Николаю Константиновичу осмотреть ее. Трудно передать чувство, которое испытывал Никулин в этот момент. Перед ним, нагнув голову, стоял мерзавец, по которому давно уже плачет веревка. Он погубил Беляева. И нельзя было тут же, на месте, рассчитаться с ним. Приходилось даже делать вид, что он сочувствует Громову.

Потянулись дни и ночи, полные тоски и тревоги. Рассказал Беляев о Никулине или мужественно выдержал пытки? Что предпримет Шнеллер, если ему удалось добиться показаний от Беляева? Немедленно арестует или установит слежку, чтобы выявить, с кем близок Николай

Константинович? Бежать бесполезно. До фронта далеко, связей с партизанами установить не удалось. Поймают моментально — шагу не успеешь сделать.

От всех тревожений Никулин занемог. Открылась рана. Врач, осмотревший ее, предписал постельный режим. Николай Константинович тосковал в одиночестве. Его почти никто не навещал. Другьям он запретил заходить, чтобы не навлечь на них подозрений. Расстрел Беляева заставил больше думать об осторожности.

Несколько раз к Никулину наведывался Сюганов. Принесил яблоки, был внимателен и заботлив. Осмотрев раненые ноги, предложил сделать массаж.

— Ты не удивляйся, Николай,— говорил он.— Для меня это раз плюнуть. Дело привычное. Массаж сделаю такой, что через недельку-другую будешь как молодой бегать. Вот посмотришь.

И он принялся мять и растирать мускулы ног. Действительно, Сюганов был мастером своего дела. Никулин чувствовал, как разогреваются сведенные судорогой мышцы, уходит боль.

— Ну вот и все,— сказал Сюганов, закончив массаж.— Если не возражаешь, то буду приходить чаще.

— Зачем же возражать? Приходи. Веселей будет, а то с тоски подохнуть можно,— приветливо откликнулся Никулин, а сам подумал, что такое внимание отпетыго предателя не к добру. И чем чаще заходил Сюганов, тем больше настораживался Николай Константинович. «Массажист» не торопился раскрывать цели своих посещений. Но однажды разговорился:

— Понимаешь, Николай, для саласпилсцев скоро наступят плохие времена. Шнеллер от злости землю роет. Многие агенты, завербованные в Саласпилском лагере, не возвращаются с заданий. Шнеллер уверен, что они добровольно сдаются русским контрразведчикам, и подозревает, что кто-то в школе настраивает их на эту линию. А ты как думаешь?

— Вряд ли кто-нибудь рискнет в школе такие разговоры вести. Скорее всего, на той стороне научились ловить нашего брата. Да и как не поймать, когда немцы левой ногой работают. Меня вот направили в тыл, а вместо надежных документов такую «липу» подсунули, что, если бы сам не смекнул, обязательно попался бы. Да и людей лучше учить надо. А то поднатаскают два—

три месяца — и айда в поход. Разве это срок для подготовки? Люди только-только начинают представлять что к чему, а их — на задание. Вот и идут провалы.

Не знал Николай Константинович, сумел ли он убедить Сюганова, но тот сделал вид, что согласился.

— Об этом бы Шнеллеру сказать.

— А ты и скажи, если он будет настаивать и искать среди нас изменников.

— Ему трудно говорить. Орет и слушать не хочет.

Сюганов входил в комнату Никулина без стука и всегда в разное время суток, надеясь застать кого-либо из его знакомых. Снова и снова заводил он разговоры об измене, уже не скрывая стремления что-то узнать, выяснить. Николай Константинович держался настороже. Он был уверен, что о содержании бесед Сюганов немедленно докладывает Шнеллеру.

Однажды, возвратившись вечером домой, Громов спросил:

— Слыхал? Шнеллер еще одного скокаря арестовал. Хотел перебежать к русским.

Николай Константинович насторожился. Кого еще постигла участь Беляева?

— Кого? — спросил он Громова.

— Романова какого-то, из новеньких. Я его не знаю, а то сам бы придавил гаденьша.

Никулин почувствовал, как кровь отхлынула от лица, тупо заныла рана на руке. Пропал парень. Сомнений не оставалось. Следом — его очередь. Что же медлит Шнеллер? Неужели играет с ним, как кошка с мышкой?

— А ты не знал его? — спросил Громов.

— Если тот Романов, который иногда приходил в компанию саласпилсцев, то знал,— как можно спокойней и равнодушней ответил Николай Константинович.— Только вряд ли тот. Моему знакомому еще счеты с Советами свести надо: отца его в свое время раскулачили и со-слали.

— Черт его разберет, у кого какие счеты с Советской властью! Тут каждый врет, что ему выгодно. А вот кто как себя на деле покажет... Впрочем, поживем — увидим.

— Поживем — увидим,— согласился Никулин.

Шнеллер действительно арестовал Романова. Его заманил в ловушку и предал Сюганов. Опытный провокатор не напрасно прошел выучку у гестаповцев. Он

знал, как надо действовать. Горячий и доверчивый юноша не сумел разобраться в хитро расставленной западне и открылся перед Сюгановым.

— Дай только мне через фронт перейти, а там посмотрим, что делать, — проговорился он как-то Сюганову. Тот сразу ухватился за неосторожно сказанную двусмысленную фразу.

— Нашим привет от меня передай. Скажи, что хотя я и преподаватель в школе абвера, но Родине не изменил. Пусть на меня рассчитывают. Сам видишь, другие разведку преподают, диверсионно-подрывное дело, методы работы чекистов, а я — физкультуру. Этим ведь вреда государству не причинишь. Какой я враг? В плен сдался — это было. А потом устраивался, как мог, чтобы жизнь сохранить. Своим всегда готов помочь. Мне бы только задание отсюда получить. Так ты пососедействуй мне в этом, а?

Романов давно примечал, что в школе все чаще стали поговаривать о возвращении на Родину. Фашистская армия терпела одно поражение за другим. Фронт неумолимо продвигался на запад. Наступал час расплаты. И те, кто предал свой народ, боялись возмездия. Они искали спасения, надеялись уйти от наказания и потому предлагали свою помощь в борьбе с врагом. «Вот и Сюганов такой же», — подумал Романов. Оказалось, что доверился он подлецу. Посоветоваться парню тогда было не с кем, а сам он разбираться в людях не научился.

— Ты угадал, друг. Я действительно хочу перейти к своим. Повинную голову меч не сечет. И тебя не забуду. Доложу о тебе.

— Вот спасибо. Теперь и у меня надежда будет. Счастливого тебе пути!

Они расстались друзьями. А несколькими днями позже Шнеллер арестовал Романова.

Николай Константинович чувствовал, что Шнеллер методично сжимает кольцо вокруг него. Расстрел Беляева, арест Романова, назойливые посещения Сюганова, постоянная близость Громова — все это звенья одной цепи. Он готовился к встрече со Шнеллером, ждал вызова или ареста и не понимал, почему тот медлит.

Но Шнеллер не торопился. Он тоже готовился. Задавшись целью уличить Никулина в измене, он терпеливо плел свои сети. По его заданию Сюганов выспра-

шивал саласпилсцев об отношениях Николая Константиновича с Подияровым, Беляевым, Романовым. Им надо было найти хоть какое-нибудь доказательство, что именно Никулин подбивал агентов приходить с повинной в советскую контрразведку. А таких доказательств не было. Не давал нужных показаний и Романов. Шнеллер негодовал. Он сам допрашивал Романова, пытал его, но тот твердил одно и то же — перейти с повинной надумал сам, никто его к этому не склонял.

Заметив, что Романов теряет остаток сил, Шнеллер решил арестовать Николая Константиновича. Он рассчитывал, что больной Никулин и истерзанный пытками Романов на очной ставке не выдержат и расскажут все, что нужно Шнеллеру. Уверенность окрепла после того, как Романов в конце десятичасового допроса, измученный и обессиленный, прохрипел:

— Сведите меня с Никулиным, я все расскажу. Только не мучайте больше. Дайте отдохнуть.

Николай Константинович шел к Шнеллеру с твердым намерением защищаться до последней возможности. Он не знал, какие показания дали Беляев и Романов, но надеялся на их стойкость и мужество.

Шнеллер принял Никулина подчеркнуто холодно. Развалившись в кресле, он злобно смотрел на стоявшего перед ним невозмутимого человека.

— Вы, видимо, догадываетесь, зачем я пригласил вас?

— Скажу больше, господин капитан. Я знаю.

— Вот как?

— Да, знаю. Сюганов уже давно рассказал мне о возникшем у вас подозрении.

— Ну что ж? Тогда приступим к делу, господин Никулин. Надеюсь, вы будете благоразумны и не станете осложнять нашу беседу. Вы только что поднялись с постели. Врач говорил мне, что ничего страшного у вас не обнаруживает, но надо беречься. Не так ли?

В голосе Шнеллера явно чувствовались издевательские нотки. «Ведет себя так, словно ему все известно», — подумал Николай Константинович и промолчал. А капитан и не ожидал ответа. Пристально разглядывая собеседника, он цедил сквозь зубы:

— Вы хорошо понимаете, господин Никулин, что я мог вас давно арестовать, во всяком случае, сразу же после расстрела Беляева или ареста Романова. Но я

ожидал, когда вы подниметесь на ноги. Не торопился. Мы, немцы, — гуманный народ. Садитесь, прошу вас.

Шнеллер хмыкнул, встал из-за стола, прошелся по кабинету и повернулся к Николаю Константиновичу.

— Я думаю, вы оценили мое терпение? Итак, господин Никулин, карты на стол. Довольно. Ваша игра окончена!

Николай Константинович изо всех сил старался казаться спокойным. Он невозмутимо ответил:

— Не понимаю, господин капитан, о какой игре может идти речь?

— Не понимаете? Удивительно недогадливый человек! Когда вы получили задание от русских склонять наших агентов к явке с повинной?

Никулин изобразил на лице самое искреннее недоумение.

— Господин капитан! — воскликнул он. — Вы несправедливы ко мне. Если моя верная служба великой Германии — лишь игра в ваших глазах, то и я прошу выложить на стол ваши карты.

— Что? Вы вздумали мною командовать?

Шнеллер застыл над сидевшим в глубоком кресле Николаем Константиновичем в угрожающей позе. Казалось, еще минута — и он обрушит свои здоровенные волосатые кулаки на голову Никулина. Но тот словно не замечал, что Шнеллер буквально взбешен.

— Я хочу внести ясность в это нелепое дело и рассеять ваши подозрения, господин капитан. Сделать это можно лишь при том условии, если я буду знать, в чем меня обвиняют, на чем основано обвинение.

— Вы — советский агент и по заданию чекистов склонили к явке с повинной Подиярова, Беляева, Романова. Вы — предатель, вы изменили великой Германии, фюреру! Теперь вам ясно, в чем ваша вина? — кричал, распалившись, Шнеллер.

— Нет, не ясно, — с прежним спокойствием отвечал Николай Константинович.

Шнеллер достал платок и вытер вспотевшее лицо. Отдышался. Не давая ему вымолвить ни слова, Никулин продолжал:

— Господин Шнеллер, вы же сами меня учили, как нужно держаться на допросе в советской контрразведке. Помните, как говорили мне, что нужно требовать дока-

зательства своей вины, не позволять запутывать себя. Я очень хорошо усвоил это. Потому и у вас прошу доказательств того, что я склонял к явке с повинной Подиярова, Беляева, Романова.

— Доказательства будут. Они есть.

— Прошу предъявить их. Вы обвиняете меня, а я ни в чем не виноват.

— Вы были близки с этими людьми, не раз беседовали с ними.

— Такое обвинение можно предъявить каждому саласпилцу и прежде всего господину Сюганову, который считается старшим среди нас. Он-то действительно был близок с Подияровым и Романовым. А я если и беседовал с ними, то лишь потому, что рассказывал — и вы можете справиться у любого, что дело обстояло именно так, а не иначе, — как я выполнял задание господина Шиммеля в тылу русских, учил их, как нужно действовать. Если это, по-вашему, враждебная обработка, то в чем тогда заключается верное служение фюреру?

— Кого и как вы учили действовать, известно. Сейчас я продемонстрирую, чему вы учили Романова.

Отдав приказание ввести Романова, Шнеллер сел за стол. У Никулина екнуло сердце. Очная ставка с Романовым? Неужели предал? Или в горячке проговорился? Тогда конец.

Ввели Романова. Трудно было узнать в нем того бойкого паренька, который рвался к своим и с таким жаром доказывал, что оказался в плену случайно, хотя и является сыном высланного кулака. Попытки сделали свое. Обезображенное распухшее лицо, запекшаяся кровь на рубашке, густая седина в волосах. Не глядя на окружающих, он плюхнулся на стул и замер в тревожном ожидании. «Еле жив парень, — подумал Никулин. — Неужели выдал?»

— Что ты хотел сказать Никулину? — обратился Шнеллер к Романову. Тот молчал, видимо собираясь с силами. Шнеллер торопил его.

— Говори, как Никулин предательски склонял тебя изменить фюреру и прийти с повинной к русским.

Романов медленно обвел взором кабинет, посмотрел на Николая Константиновича, на Шнеллера, перевел взгляд на портрет Гитлера и начал смеяться. Сначала тихо, затем все громче и громче...

Беззубый рот его почти не раскрывался. Сквозь распухшие разбитые губы виднелась лишь черная узкая щель. Это было страшное зрелище. Казалось, что Романов сошел с ума. Шнеллер даже растерялся, застыл у стола в каком-то оцепенении. Внезапно смех затих. Четко, голосом, полным отвращения и ненависти, Романов сказал:

— Да, я хотел сказать этому господину Никулину, что он подлец, грязное ничтожество, которому противно плюнуть в морду. Вы спрашиваете, предатель ли он? Да! Предатель! Он предал свою Родину, которая вскормила и воспитала его. Смотрите, как он дрожит за свою поганую шкуру. И эта тля решилась бы склонить меня к явке с повинной? Нашли патриота! Он, мерзавец, был за линией фронта и по своей воле вернулся, сволочь! Ух, я бы ему...

— Хватит! — гневно крикнул Шнеллер. Он быстро подскочил к Романову и с размаху ударил его по лицу. Романов упал на пол.

— Убрать! — ревел Шнеллер. — В карцер! Никулина в карцер!

Последующие пять дней показались вечностью. Ежедневные многочасовые допросы, побои, пытки... Николай Константинович давно понял, что у Шнеллера нет никаких улик против него. Ни Беляев, ни Романов не выдали своего старшего друга. Но Шнеллер, подобно проигравшемуся игроку, потерял контроль над собой, решил во что бы то ни стало развязать Никулину язык, заставить его признать предъявленные обвинения.

Заварив кашу, капитан уже не мог остановиться, хотя и понимал, что, если Рудольф и Шиммель узнают о самоуправстве, ему несдобровать. Не потому, что здоровье и жизнь какого-то русского они ставили выше прихоти арийца. А потому, что, оказавшись Никулин русским контрразведчиком, их карьере придет печальный конец. Абверовцам припомнят и поражения на «Ораниенбаумском пятячке», и многочисленные провалы заброшенных в русский тыл агентов, и кое-какие финансовые махинации, и... Впрочем, мало ли что может припомнить гестапо, когда представится удобный случай взыскать со своих соперников и конкурентов — сотрудников неуязвимого адмирала Канариса! Кто-кто, а Гиммлер не упустит такой возможности.

Капитан Шнеллер, давний агент Гиммлера, понимал, что разоблачение Никулина будет большим козырем в его руках. И тогда — кто знает, как сложится его карьера! Во всяком случае серо-зеленый мундир капитана вермахта он сбросит с плеч. Ему гораздо более пойдет нарядный черный френч офицера-эсэсовца, быть может, даже обер-штурмбанфюрера — полковника войск СС. Для достижения такой цели стоило рискнуть, вызвав недовольство Рудольфа и Шиммеля, тем более что они ничего не знают о судьбе Никулина, и в случае чего можно будет втихомолку отделаться от него. Все знают, что здоровье у Никулина расшатано, так что никто не удивится, если он умрет естественной смертью. А чересчур догадливым и болтливым он, Шнеллер, сумеет заткнуть рты.

Николай Константинович держался изо всех сил. Он прекрасно знал обычаи абвера и гестапо. Здесь любого могли расстрелять, не добиваясь никаких признаний. Но то, что Шнеллер упорно возился с ним, пытаясь выколлотить нужные показания, вселяло какую-то надежду на спасение. Видимо, Шнеллеру позарез необходимо его признание. В «Абверштелле-Остланд» и в «Штабе Валли» в таком серьезном вопросе, как опровержение многократно проверенных сведений агента, на слово не поверят. Шиммель сделает все, чтобы не допустить разоблачения Никулина; Шиммель понимает, чем это пахнет для него лично. Не будь этих обстоятельств, барон давно бы расстрелял Никулина, как и любого другого, заподозренного в связи с чекистами, — и делу конец. А тут, чтобы поверили, чтобы выгородить и оправдать себя, нужны достоверные факты, показания. Надо все сделать солидно, убедительно. Поняв все это, Никулин решил набраться терпения и во что бы то ни стало победить в единоборстве со Шнеллером.

Неожиданно в допросах наступил перерыв. Прошла неделя, вторая, подходила к концу и третья, а Шнеллер словно забыл о Никулине. Неожиданная пауза дала возможность передохнуть, восстановить силы. Николай Константинович долго ломал голову, пытаясь понять, почему Шнеллер перестал истязать его, но найти разгадку так и не сумел. Да и не мог он, находясь в карцере, лишенный общения с внешним миром, знать, что его, как миллионы других людей, спасло наступление Красной Армии.

Наши войска неудержимо шли вперед. Они разгромили фашистов под Ленинградом и Новгородом, вышли к Прибалтике. Шнеллер спешно готовил школу к эвакуации на запад. Ему в эти дни было не до Никулина, которым можно было заняться и на новом месте. В случае чего барон решил покончить с ним, как только придется оставить Валку. Кто спросит с него за какого-то Никулина, за провалы десятка агентов, если проиграна битва за Ленинград и немецкие войска отступают в Прибалтику? Неудачи Шнеллера на этом фоне — мелочь, о которой не будут и говорить.

На фронте между тем наступило затишье. Войска Ленинградского, Волховского, Второго Прибалтийского фронтов, выполнив задачи, поставленные Ставкой Советского Верховного Главнокомандования, вышли на рубеж Нарва — Луга. Для продолжения наступления требовалось перегруппировать и пополнить дивизии, подтянуть тылы, подвезти новую технику, оружие и боеприпасы.

Генерал-фельдмаршал Кюхлер получил долгожданную передышку и по требованию Гитлера готовился удерживать Прибалтику до последнего солдата. Берлин метал гром и молнии, приказывал стоять насмерть. Кюхлер требовал от Шиммеля подробных данных о советских войсках. Фронт откатился на запад, и разведку приходилось налаживать вновь. Эту задачу могли выполнить только опытные, проверенные, преданные фашистской Германии агенты. Шиммель вспомнил о Никулине, Аббасе, Громе. Он решил съездить в Валкскую школу, чтобы отобрать людей для фронтовой разведки, а заодно вручить Никулину медаль, которой тот был награжден.

Шиммель был доволен собой и счастлив: лишь накануне ему было присвоено звание полковника. Рудольф получил орден, а Фиш — заветное звание майора. Собираясь в путь, Шиммель то и дело поглядывал в зеркало, любуясь сверкающими жгутами полковничьих погон.

Прихватив с собой Рудольфа, Шиммель отправился в Валку. Приезд начальства был полной неожиданностью для Шнеллера. Он хотя и растерялся, но заметил полковничьи погоны у Шиммеля и новую орденскую колодку на груди у Рудольфа. Барон со злобой и завистью посмотрел на счастливицков, но, как и подобает подчиненному, восторженно поздравил обоих.

Шиммель внимательно выслушал доклад Шнеллера об аресте Николая Константиновича, посмотрел на Рудольфа, охваченного яростью и недоумением, и недовольно хмыкнул:

— Гм... Я приехал вручить Никулину награду за успешное выполнение разведывательного задания, а вы его арестовали, подозревая, что он врал нам. Интересно. Какие вы имеете материалы, где доказательства измены Никулина?

Шнеллер быстро достал из сейфа папку с бумагами и подал Шиммелю. Тот, не торопясь, уселся в кресло, пригласил сесть всех и начал листать документы. Шнеллер подался вперед, готовый в любую минуту дать объяснение. Он заглядывал через стол, издали наблюдая, какую страницу и какой документ читает Шиммель.

— Хм... И все это вы называете доказательствами? Сообщения Сюганова, Громова о том, что Никулин встречался и разговаривал с теми, кто не вернулся с задания, а также с Беляевым и Романовым. И все. О чем же они говорили? Надеюсь, вы достоверно установили это?

— Я п-полагал, что если Никулина хорошо допросят, то он п-признается, — начал заикаться Шнеллер.

Барон понял, что Шиммель и Рудольф недовольны арестом Никулина, раскусили его нехитрый замысел, и теперь ему придется отвечать за последствия необдуманного поступка.

— Странные дела творятся здесь, господин Шнеллер. Я понимаю вашу озабоченность тем, что некоторые агенты приходят с повинной к русским. Она естественна для начальника школы, и, откровенно признаться, на вашем месте я волновался бы гораздо больше. Но как можно опытного агента Никулина, награжденного фюрером, арестовать, даже не поставив об этом в известность меня или господина Рудольфа? Удивительно и непонятно.

— Что говорил Романов о своей связи с Никулиным? — спросил все время молчавший Рудольф.

— Он заявил, что Никулин никогда не склонял его к явке с повинной.

— Единственный свидетель — и тот не дал компрометирующих показаний, — резко заметил Шиммель. — За что же вы арестовали Никулина?

— У меня были подозрения... — принялся оправдываться Шнеллер.

— Приведите Никулина, — не стал слушать его Шиммель.

Через некоторое время в кабинет ввели Николая Константиновича. Даже выдавшим виды Шиммелю и Рудольфу неприятно было смотреть на обезображенное лицо, руки Никулина. «Как его разделал этот болван», — подумал Шиммель и с неприязнью посмотрел на Шнеллера. Под холодным осуждающим взглядом начальника тот вжался в кресло и притих. Он ушам своим не поверил, когда услышал резкий голос Шиммеля:

— Господин Никулин, все, что с вами здесь произошло, — ошибка. Немецкое командование приносит вам извинения.

После короткого молчания Николай Константинович с трудом проговорил:

— Я счастлив, господин полковник, что вы объективно разобрались в том нелепом обвинении, которое предъявлял мне капитан Шнеллер.

Поняв, что Шиммель и Рудольф не поддерживают Шнеллера, Николай Константинович решил воспользоваться моментом, чтобы отомстить ему за свои страдания.

— Я очень прошу, господин полковник, если вы сочтете возможным и нужным сделать это, обратит внимание на причины наших неудач за линией фронта. Господин Шнеллер пытался свалить всю вину на несуществующего русского агента в школе. Козлом отпущения он избрал меня. Но здесь дело не в предательстве, а в порядках, существующих в школе.

Шнеллер насторожился, глаза его беспокойно перебежали по лицам Шиммеля и Рудольфа, а те приготовились слушать.

— Господин Шнеллер ввел в школе систему жестоких наказаний за малейший просчет. Люди боятся его. Никто не уверен в том, что, вернувшись с задания, он не будет оклеветан, брошен в карцер, подвергнут пыткам, как это сделали со мной. Я честно выполнил задание, и вы знаете это. Господин Фиш говорил, что меня представили к награде. И вот вместо награды фюрера меня арестовывают, не имея никаких оснований, пытаются и заставляют признать то, что в каких-то своих целях диктует капитан Шнеллер. В такой обстановке наши люди предпочитают оставаться на той стороне. В военное

время, имея надежные документы, они сравнительно легко могут легализоваться и жить, не боясь преследования русской контрразведки. Этого не способен понять господин Шнеллер. Он не вникает в психологию человека и действует грубо, топорно, чем в немалой степени вредит делу. Следовательно, он и является косвенным виновником наших неудач и поражений.

Никулин говорил спокойно, уверенно, и Шиммель во многом соглашался с ним. «По всему видно, что этот русский — бесстрашный и прямой человек», — думал полковник, слушая неторопливую и рассудительную речь своего агента. Но Шиммель видел и другое. Осуждая Шнеллера, Никулин подверг резкой критике всю систему немецкой разведки. Поэтому он постарался прервать неприятный разговор:

— Господин Никулин, я во многом могу согласиться с вами, но теперь речь не об этом. Я приехал с господином Рудольфом, чтобы попросить вас выполнить важное задание в тылу русских, но теперь вижу... — Тут Шиммель развел руками, показывая, что говорить о задании не приходится. Обращаясь к Шнеллеру, он приказал: — Освободите господина Никулина и сегодня же направьте в дом отдыха. Вы свободны, господин Никулин.

Николай Константинович вышел, тяжело переводя дух. Дорого ему стоили встречи со Шнеллером. Зато теперь он едет туда, где у него есть явки, полученные от генерала Быстрова. Можно будет переслать своим списки и фотографии. Пора достать их из тайника. Конечно, опасно сейчас везти фотографии с собой. Но иного выхода нет. Придется рискнуть. И прежде чем отправиться домой, Никулин отодвинул заветный кирпич, быстро сунул тонкую пачку за подворотную подкладку голенища. Теперь ничто не удерживало его в Валке. Если дорогой не обыщут, все будет хорошо.

А в кабинете продолжался разговор между абверовцами.

— Когда-то и я, господин капитан, подозревал Никулина в связях с русской контрразведкой, — говорил Шиммель. — Сомневаться и подозревать — это долг немецкого офицера. Но он прошел проверку. Вы едва не уничтожили нужного человека. Никулин прав. Вы не можете руководить школой абвера. Считайте себя командиром роты войск СС и готовьтесь принять участие в каратель-

ной экспедиции против партизан. Эта роль вам больше подходит.

— Но, господин полковник,— пролепетал Шнеллер,— из-за этого русского...

— Об этом русском знает адмирал Канарис. И вам придется хорошо потрудиться в прибалтийских лесах, чтобы мы с чистой совестью могли донести ему: «Барон Шнеллер наконец-то испустил свою вину перед абвером».

Глава десятая

ВИЛЛА ШРАММА

Узнав о том, что в доме отдыха ему предстоит провести целый месяц, Никулин искренне обрадовался. И не только потому, что хотелось пожить в человеческих условиях, прийти в себя после пыток и карцера. Дом отдыха находился на довольно крупной железнодорожной станции. Неподалеку от нее проходила линия фронта, а в окрестных лесах активно действовали партизанские отряды. Чекисты сообщили Никулину явки, пароли, адреса нескольких подпольщиков, которые могут помочь связаться с партизанами. Появилась реальная возможность установить надежный контакт со своими. Тем более что в доме отдыха агенты имели больше свободного времени.

Валку Никулин покидал с легким и радостным чувством. Он неплохо поработал здесь, выполняя задание генерала Быстрова.

Ночью Николай Константинович направился на железнодорожную станцию, занял свое место в купе. Сопровождавший его фельдфебель, едва забравшись в вагон, растянулся на лавке и захрапел. А Никулин уснуть не мог. Снова и снова ворошил он в памяти десятки фамилий, имен, вспоминал приметы людей, с которыми встречался в немецком тылу. В числе его знакомых были люди, разные и по характерам, и по убеждениям. Одни — лютые враги Советской власти, другие — до конца оставались патриотами. И он, чекист, обязан сделать все, чтобы предатели не ушли от справедливого суда, а герои, погибшие безмянными в фашистских застенках, стали известными народу.

Едва поезд остановился у перрона, в небе появились советские самолеты. На железнодорожные составы, станционные постройки посыпались бомбы. Разрывы коржили стрелки, рельсы. То тут, то там вспыхивали пожары.

Никулин с фельдфебелем успели в числе первых вскочить на привокзальную площадь. Здесь они заметили присланную за ними машину. Шофер уже разворачивал ее, собираясь удрать. Но фельдфебель грозным окриком остановил солдата и вместе с Николаем Константиновичем вскочил в машину. Она тут же рванула вперед и понеслась за город, где на берегу живописного озера стоял двухэтажный каменный дворец, принадлежавший до революции крупному помещику. В годы Советской власти в доме располагалась профсоюзная здравница. Захватив город, немцы оставили санаторий в нетронутом виде. Они намеревались расположить здесь госпиталь, но вмешался Шimmel и добился передачи санатория под дом отдыха для офицеров и агентов «Абверкоманды-104».

Просторный дом, окруженный прекрасным парком с березовыми и тополиными аллеями, уютные тихие спальни, гостиные, украшенные коврами, великолепная столовая, разнообразные игры — все было к услугам отдыхающих. Видимость полной свободы, безопасности расслабляла внимание, настраивала на благодушный лад.

Но абвер и здесь был верен себе. Он не мог оставлять без наблюдения своих агентов, полностью доверять им. И в доме отдыха продолжалась проверка как тех, кто вернулся, выполнив задание, так и тех, кто готовился к переходу в тыл советских войск. Поэтому среди персонала дома отдыха находилось немало агентов контрразведки. Десятки глаз контролировали каждый шаг любого постояльца. Думать о том, чтобы незаметно ускользнуть от надзора, попытаться связаться со своими — не приходилось. А рисковать Никулин не мог: теперь малейшее подозрение, возникшее у немцев, могло свести на нет все результаты его кропотливого труда.

Чекист терпеливо выжидал, пристально присматриваясь к обитателям дома отдыха. Многих из них он встретил впервые. Но кое-кто ему был знаком еще по Валкской школе. Здесь, например, на хозяйственной работе оказался пропагандист Владимир, изгнанный Шнеллером в минуту гнева. Встретились как старые знакомые.

— Понимаете,— объяснял Владимир Никулину,— не нашли мы общего языка с господином Шнеллером. Пришлось оставить преподавание. Вот теперь заведу хозяйством дома отдыха.

— И довольны? — поинтересовался Николай Константинович.

— Как сказать... Здесь я оказался за бортом политической борьбы. Это угнетает. А впрочем... Простите, мне надо торопиться.

Владимир не договорил и отправился куда-то. Никулин подумал: «Видали, какой политический борец нашелся. Одно слово — «Боже, царя храни», — вспомнил он прозвище, которым Владимира наградили в Валке.

— Еще встретимся, поговорим,— пообещал, удаляясь, Владимир.

— Пожалуйста. Рад буду,— ответил Николай Константинович.

Большой интерес Никулина вызвала бывшая партизанка Нина Зимина. Ее вместе с мужем захватили немцы во время одной из карательных операций. Самого Зимина абверовцы сумели завербовать и направить в партизанский отряд с заданием, а ее оставили в качестве заложницы. Владимир взял испуганную женщину под свое «покровительство» и склонил к сожительству.

— Куда я теперь денусь,— не раз жаловалась Нина Зимина Николаю Константиновичу.— Если мой не вернется — меня расстреляют. А он такой — уйдет и не вспомнит. На Владимира тоже надежда плоха. Что я для него? Игрушка.

Никулин помалкивал. Что он мог сказать, чем утешить эту растерявшуюся женщину.

— Ты с Ниной поосторожней,— как-то обмолвился Иван Кошелев, его старый знакомый по разведшколе.— Кажется, она на гестапо работает.

— А мне-то чего? — вскинулся Николай Константинович.— Я перед немцами чист.

— Ты, говорят, уже сделал «ходку» на ту сторону? — допытывался Кошелев.

— Был, вернулся.

— Ну и как?

— Обыкновенно. Ходи, смотри, мотай на ус. Вернешься — расскажешь. Вот и все.

— Попадаются, говорят, многие.

— Это уж дело такое. Одного поймают, другой сам с повинной придет. Как кому повезет.

— Да, заявись... Небось сразу к стенке...

— Вот чего не знаю, того не знаю. Я, к примеру, не пойду добровольно сдаваться. На той стороне по головке меня не погладят. А кто вины за собой не чувствует, тот, бывает, и идет. Про Горошко слышал?

— Это какой Горошко? Который с нами в Валкской школе учился?

— Он самый. Так вот его на переправочном пункте в Сиверском Фиш при мне почем зря мотом крыл. Правда, только заочно — тот успел с повинной явиться. Много немцам вреда причинил. Вроде ни судить, ни наказывать его не стали. А может, просто болтают.

— Все может быть,— согласился Иван Кошелев и, задумавшись, отошел к своему напарнику, с которым готовился к переходу линии фронта. Они долго о чем-то шептались. Николай Константинович догадывался о чем и исподволь подталкивал их в нужном направлении.

Как-то Иван Кошелев пригласил Никулина «встряхнуться».

— Через два дня ухажу на задание,— сказал он.— Обратно не вернусь. Пойдем выпьем на прощание.

— Ну-ну,— согласился Николай Константинович,— отчего же не выпить? Это всегда можно. Только ты языком поменьше лязгай, а то ты шуточки шутишь, а услышит кто — и до греха недалеко.

— Тебя-то я не первый день знаю. Доносить не пойдемь.

— Ну, а напарник твой?

— А он как хочет. Я сам по себе.

Иван Кошелев «темнил». Никулин догадывался, что приятели сговорились действовать сообща. Он мельком взглянул на своего собеседника. Смуглый, черноволосый парень шагал твердо, уверенно. Несмотря на небольшой рост, он казался крепким, недюжинной силы человеком.

«А что, если попробовать переслать с ним через фронт сообщение о тех агентах, которых недавно отправили на Сиверский переправочный пункт для заброски в тыл советских войск, и о тех, кто отдыхает здесь? Пора дать знать о себе генералу Быстрову», — подумал Нико-

лай Константинович. Но тут же отбросил эту мысль. Если бы он даже на все сто процентов был уверен в решимости Кошелева явиться с повинной, то все равно не мог раскрывать себя. Кошелева при переходе могут обстрелять, убить, устроить внезапную проверку, обыскать. Нет, для связи требовалось искать другого человека.

Думая каждый о своем, Никулин и Кошелев подошли к покосившемуся деревянному домику на окраине города. Здесь жила толстая, глухая и невероятно распутная баба, кухарка из дома отдыха, известная среди отдыхающих по прозвищу «Маша-бомбовоз». Едва ли не каждый отдыхающий сводил с ней знакомство. Она безотказно принимала любого.

— Готовь, Маша, выпивку, закуску — прощаться пришел, — сказал Кошелев, швыряя на стол пачку рейхсмарок. В отличие от оккупационных они считались «надежными» деньгами и пользовались спросом на черном рынке. Жадно схватив щедрое приношение, Маша заметалась по избе. На столе появились грибы, соленые огурцы, сало. Откуда-то из подполья хозяйка извлекла объемистую запотевшую бутылку и пригласила гостей к столу. Выпили, закусили.

Хмель быстро ударил Маше в голову. Переводя заплывшие жиром глазки с Кошелева на Никулина, она игриво спросила:

— Вы что ж, так вдвоем у меня и останетесь али подмогу привести?

Николай Константинович даже выругался про себя — вот дрянь, но вслух подхватил:

— В компании веселей. Зови подружку!

— Я — мигом!

Маша убежала, а Никулин, оставив Ивана расправляться с яичницей, прошелся по комнате. Пузатый комод с неизменными слониками и гипсовой раскрашенной кошкой, большая застекленная рама с фотографиями, икона с рушником в правом углу, обтянутый сафьяном альбом с немецкой надписью — явно подарок кого-то из многочисленных поклонников.

От нечего делать Николай Константинович начал перелистывать альбом. Виды немецких городов, рождественские открытки с сусальной позолотой, киноартисты и артистки со стандартными улыбками, целующиеся парочки и пронзенные стрелами багровые сердца... Все это

наводило тоску, и, чистосердечно зевнув, Никулин хотел было захлопнуть альбом, но тут его взор привлекла фотография худощавого морщинистого мужчины со злым взглядом. Этого человека Николай Константинович знал очень хорошо. Его звали Аббас.

Как очутился портрет абверовского палача в альбоме? Николай Константинович стал быстро листать страницы. Мелькали лица незнакомых людей в немецких военных мундирах, в цивильном платье. Вот фото авантюриста и ханжи «отца Алексия» или просто «попа». Никулин встречал его в Гуцаловском лагере и знал, что это убежденный враг Советской власти. Вот фельдфебель Безверхий, награжденный двумя медалями за успешное выполнение диверсионных заданий... Этих фотографий у Никулина не было. «Ценная находка», — подумал Николай Константинович. Он решил переправить их в советскую контрразведку.

С равнодушным видом отойдя от комода, Никулин сказал Кошелеву:

— Я тут останусь. Не возражаешь?

— А мне что? Оставайся.

В сенях скрипнули двери, раздались торопливые шаги, и в комнату вошла Мария в сопровождении молодой женщины.

— Это Катя, — представила хозяйка квартиры свою подружку.

— Ладно, давай за стол, гулять будем, — буркнул в ответ Кошелев, наполняя стаканы. Самогон развязал языки. Николай Константинович рассказал несколько подходящих к случаю анекдотов. Катя запела старинный романс про бедную влюбленную девушку. Время пролетело незаметно. Уже стемнело, когда Кошелев с Катей ушли. Маша принялась убирать со стола. Никулин вновь подошел к комоду, небрежно взял альбом. Развернув его, он неожиданно злобным тоном спросил:

— Это что у тебя за портреты?

— А ваши ж хлопцы, те, с которыми я гуляла. На память дарили...

— Та-ак. На память, значит... А знаешь, что люди эти, как пошли на ту сторону, так и пропали? Долго мы ломали голову, разгадывая, какая это сволочь выдает нас. А ты вот где, оказывается, притаилась. А ну, говори, сколько тебе большевики за каждую душу платят?

Хмель вылетел из головы Марии. Испуганно вытаращив глаза, она затараторила:

— Ой, что ж это вы, люди добрые! Да чтоб я, да никогда! Как такое и подумать могли?

— Вот сведу тебя в гестапо, там по-другому заговоришь...

— Не губи ты меня,— бухнулась в ноги испуганная до смерти Мария.— По дури, по глупости бабьей я те карточки собирала. Да чтоб им пусто было. Вот, смотри, сейчас при тебе сожгу...

— Вот как? Ты следы заметаешь, а я потом отвечай? Знал, мол, да помалкивал... Знаешь, что мне за это будет?

— Господи, что ж делать? — рыдала женщина.

Почувствовав, что напугана она достаточно, Николай Константинович решил «сжалиться».

— Ну, ладно. Женщина ты ласковая, обходительная. Жаль такую под топор отправлять. Возьму грех на душу, скрою твою вину. Но и ты держи язык за зубами. Впрочем, чтобы надежней было, я портретики с собой унесу. Проболтаешься, пеняй на себя.

— Ай, спасибо тебе, Николай, ай, спасибо, — обрадованно затараторила Маша, не зная, как угодить доброму человеку.

В руках Никулина теперь были не только списки агентов, но и снимки наиболее опасных из них. Требовалось лишь срочно переправить полученный материал к своим.

На другой день к Николаю Константиновичу неожиданно подошел Владимир и сказал:

— Сегодня никуда из дома отдыха не отлучайся. Звонил полковник Шиммель, хочет тебя видеть.

— Слушаюсь, — ответил Никулин.

За последнее время между ним и Владимиром сложились довольно близкие отношения. Не раз встречались как давние знакомые, беседовали. Никулин заметил, что в сознании Владимира происходит какой-то поворот. Он открыто говорил о своей тоске по России, а когда напиался, что в последнее время делал довольно часто, всю ругал немцев. Они, дескать, хотят Россию ограбить и по миру пустить, за ними, колбасниками, надо следить в оба. Трудно было разобраться в его действительных взглядах, в мотивах противоречивых поступков. Владимир и сам не сумел бы сделать этого. Откровенно говорить с ним Никулин не хотел. Не исключено, что внезап-

ным дружеским чувством он вспыхнул по заданию контрразведки. Может быть. Но Владимир все-таки интересовал чекиста.

Как-то по пьянке Владимир проговорился о том, что немцы создают в Тильзите новую шпионскую школу, куда отбирают наиболее доверенных агентов. Николай Константинович поставил себе целью проникнуть туда, как только передаст собранные сведения генералу Быстрову. Наиболее подходящей кандидатурой для роли связного Никулин считал Нину Зиминову. Немцы ее не принимали всерьез. Она ни у кого не вызывала подозрений. Все считали ее малодушной и порочной женщиной.

Наблюдая за Зиминой, Николай Константинович убедился, что больше всего ей хотелось бы удрать из дома отдыха. От побега ее удерживала лишь нерешительность, боязнь ответственности за связь с Владимиром. Женщина не видела выхода из той пропасти, в которую была брошена гитлеровцами. Ее еще можно было наставить на правильный путь. Но вначале следовало избавиться от Владимира, в присутствии которого Зиминова буквально тряслась от страха. Никулин принялся искать пути к намеченной цели.

И вот теперь представился очень удобный случай. К обеду в дом отдыха приехал полковник Шиммель. Торжественный, подтянутый, он собрал весь персонал в столовой за празднично убранными столами.

— Господа! — торжественно провозгласил полковник. — От имени немецкого командования я должен вручить верному солдату фюрера господину Никулину «Бронзовую медаль с мечами» за активную борьбу с большевизмом. Хайль!

— Зиг хайль! — воскликнул и Николай Константинович, принимая бронзовую побрякушку из рук своего начальника.

Публичным вручением награды Шиммель рассчитывал, с одной стороны, поощрить агента за верную службу, с другой — подбодрить тех, кто отправляется на задание. Показать, как немецкая армия ценит своих героев.

Выпив немного коньяку, полковник поднялся из-за стола и позвал с собой Никулина в соседнюю комнату.

— Мы с вами еще успеем напиться, — сказал он. — Давайте на трезвую голову поговорим о деле. Вы хорошо выполнили первое задание. Немецкое командование высо-

ко оценило вашу работу. Готовы ли вы выполнить еще одно задание?

Никулин призадумался. Переходить еще раз линию фронта он не мог: генерал Быстров требовал глубже проникнуть в аппарат абвера, разоблачать вражеских агентов, а не возвращаться назад. Но слишком твердый отказ мог насторожить Шиммеля.

— Староват я уже для таких «ходов», здоровье неважное. Боюсь, не сумею справиться. Тут бы, господин полковник, помоложе кого послать.

— Хорошо, не будем настаивать. Вы сделали свое дело и заслужили право отдохнуть. Но сейчас еще идет война. Великая Германия нуждается в верных солдатах. Вы должны найти свое место в строю борцов.

— Я бы согласился поехать в Тильзит, в разведшколу, — как бы размышляя по поводу предложения Шиммеля, проговорил Никулин.

Шиммель насторожился.

— Откуда вы знаете о Тильзитской школе?

— Владимир как-то сказал.

— Болтун, — сквозь зубы процедил Шиммель. — Хорошо, если он только вам об этом сказал. Придется его отправить в Германию. Пусть где-нибудь на заводе поработает, больше пользы принесет. Над вашей просьбой подумаю. Возможно, действительно пошлю в Тильзит к господину Шрамму. Вы ценный человек и вполне достойны такого доверия.

В зале, куда возвратился Никулин, попойка была в самом разгаре. Приехавшие с Шиммелем офицеры — разведчики, агенты, готовящиеся к переходу в тыл советских войск, гестаповцы — были уже в той степени опьянения, когда люди теряют контроль над своими поступками.

Николай Константинович взглянул на Владимира. Тот сел на любимого конька и с жаром принялся рассказывать собеседникам, как торжественно въедет русский царь в Москву после победы над большевиками.

— В России будет установлен такой порядок, который нужен фюреру. Думаю, что для царя там места не найдется, — бросил кто-то из присутствующих агентов.

Владимира прорвало:

— Святую Русь хочешь немецким хлебом сделать? И ради этого ты против своих пошел! Эх ты, идиот! Ну,

я ненавижу большевиков. Так я — офицер его императорского величества. У меня большевики отобрали все — будущее, богатство, честь, мечты. А вы что потеряли? Вон сидит Иван Кошелев. Ему чем Советская власть не угодила? Сын мужика, он как хамом был, так бы им навеки и остался. А при коммунистах он образование получил, офицером стал. Чего он к немцам полез? Натура холуйская не выдержала. Эх вы, людипшки! Да вас всех вместе с фрицами давить надо, как клонов!

Распалившись, Владимир не заметил, как за столом воцарилась тишина. Два дюжих гестаповца поднялись с места, подошли к Владимиру.

— Прекрасно, прекрасно, — ласково пропел один из них. С профессиональным мастерством они скрутили Владимиру руки, зажали рот, резким рывком толкнули к двери. Только теперь, видимо, Владимир осознал случившееся. От гестапо ему не спастись, не отмолиться. Отчаянным рывком он сумел вывернуться, схватился было за пистолет. Но гестаповцы снова скрутили его.

— Уберите этого подлеца отсюда, — коротко приказал появившийся на шум Шиммель.

На улице глухо щелкнул выстрел. С Владимиром все было кончено.

В тот же вечер Никулин беседовал с Ниной Зиминной.

— У меня есть адрес надежного человека. Он поможет тебе уйти в лес, вернуться к партизанам. Это твой единственный шанс оправдаться перед своими, — говорил чекист Нине. — Владимира немцы убили. Следить за тобой некому. Вот бери этот пакет и иди в город. Тебя отведут в лес. Командиру партизанского отряда скажешь...

Подробно проинструктив Нину Зимину, Никулин проводил ее в дорогу. А на следующий день и сам поездом выехал в Тильзит.

...В Тильзите возле большого моста через Неман горделиво высилась массивная, построенная еще в 1210 году кирха. Похожая на средневековый замок немецкого феодала, она с угрозой смотрела за реку на восток. Туда были устремлены агрессивные взгляды цесарь-рыцарей, прусских юнкеров и их наследников — офицеров гитлеровского вермахта. Здесь, на самой границе Восточной Пруссии, абвер держал свое отделение, замаскированное под невинную контору по сплаву леса. Она носила наз-

вание «Хольмессамт». Возглавлял предприятие господин Эрнст Шрамм. Контора его располагалась на Дойчштрассе, 74 — как раз напротив кирхи. Но подлинная деятельность господина Шрамма протекала не здесь, а километрах в двенадцати от Тильзита, в укромном месте за дамбой при впадении в Неман небольшой речушки.

Укрытый от посторонних взоров хуторок был великолепным местом для шпионской школы. Два жилых дома, небольшая баня, сарай — вот вся усадьба. Сюда и привезли Никулина. На вилле Шрамма собралось более ста шпионов. Они не были новичками в разведке. Каждый из них в свое время отличился перед немцами.

Чем больше поражений терпели фашисты, тем более озверело и безрассудно они действовали. Подобная картина наблюдалась и в абвере. Если раньше абвер ограничивался разведкой передовых линий обороны советских войск и их неглубоких тылов, то сейчас адмирал Канарис поставил перед «Штабом Валли» задачу посложнее. По его указанию на вилле Шрамма надо было подготовить несколько больших групп агентов-диверсантов и забросить их в глубокие тылы Советского Союза — на Волгу, Урал, в другие крупные промышленные районы. Диверсанты должны были взрывать и поджигать важные объекты, убивать видных советских политических и государственных деятелей.

Для выполнения этих заданий немецкие разведчики подобрали и соответствующих людей. На вилле Шрамма Николай Константинович встретил давних знакомых: Аббаса, фельдфебеля Безверхова, Саблукова, «отца Алексея». Здесь были и полицаи, известные своими зверствами в лагерях военнопленных. Почти каждый из этих предателей имел по две-три медали за заслуги перед фашистами. На вилле Шрамма собрались отъявленные враги советского народа.

Николай Константинович мысленно благодарил покойного Владимира и Шиммеля за то, что с их помощью ему удалось попасть в Тильзит. Он мог теперь известить генерала Быстрова и советских контрразведчиков о замыслах, которые вынашивались здесь.

— Скоро вы приступите к занятиям, — говорил Шрамм.

Но исход войны был уже предрешен. Советские дивизии все ближе и ближе подходили к фашистскому

логову. Гитлеровцы лихорадочно готовились к обороне Тильзита. Этот город, третий по величине в Восточной Пруссии, был ключевым в немецкой обороне. Отсюда открывалась прямая дорога на Кенигсберг. Дорожный указатель, установленный возле кирхи на площади Флешерплатц, оповещал, что до столицы Восточной Пруссии всего сто двадцать километров.

Фашисты сформировали для защиты Тильзита части из местного населения. Они считали, что пруссаки будут особенно стойко оборонять свои жилища. Город был изрыт траншеями. За толстыми каменными стенами стоявших на набережной домов укрывались расчеты пулеметов и орудий. Перед мостом королевы Луизы, отделяющим Восточную Пруссию от Литвы, была вырыта траншея, протянувшаяся дугой от тротуара к тротуару. Началась эвакуация населения. Уехала в Германию даже секретарша Шрамма — фрау Лидия. А самому Шрамму пришлось натянуть мундир фельдфебеля и отправиться на фронт.

В создавшихся условиях заниматься подготовкой агенты немцы не могли. Собранных на вилле Шрамма разведчиков они распределили на различные работы — кого на пилораму, кого в батраки, чтобы хлеб даром не ели. Николая Константиновича по особой рекомендации Шрамма направили в кирху подручным старика служителя.

Незаметно подошла осень. Ранний снежок запорошил гранит Дойчштрассе, побелил медного орла на шпилье ра туши, осыпал бронзовые стрелки, сияющие на черном циферблате башенных часов старинной кирхи. Советские войска уже вышли на подступы к Тильзиту. Николай Константинович намеревался собрать наиболее опасных диверсантов в одну группу и вывести их к нашим войскам, чтобы предатели не смогли бежать в Германию или вернуться в толпе беженцев на советскую землю. С этой целью он встретился с одним из агентов — Васильевым.

Васильев, пожилой мужчина, опытный немецкий разведчик, окончивший школу в Восточной Пруссии, москвич по рождению, не раз в беседах с Николаем Константиновичем высказывал сожаление, что связался с немцами, запутался в их грязном деле. Гитлеровцы наградили его бронзовой и серебряной медалями. Он выполнял ка-

кие-то важные задания на Украине, о которых предпочитал помалкивать.

— Ну, что ты намереваешься делать? — спросил Васильев Никулина. — Побежишь в Германию?

— На мой взгляд, пора выходить из игры.

— А как?

— Надо собрать человек тридцать из наших и под видом освобожденных из плена выйти к русским. Сейчас каша такая, что разбираться особо не будут. Раз—два — и в маршевую. Документы получим, тогда ищи нас.

— А зачем группой собираться? Вдвоем легче.

— Вот чудак! Нас же обязательно проверят. Когда тридцать — сорок человек одно и то же говорить начнут — все будет шито-крыто. А двоим могут не поверить.

— Да, ты прав, — кивнул Васильев.

К вечеру диверсанты, собравшись группой, затесались в толпу беженцев, уходящих к Кенигсбергу. Нескончаемые людские потоки лились по дорогам. Они мешали идущим к фронту немецким войскам. И танки врезались в толпы беженцев, прокладывая себе кровавую дорогу вперед.

Гитлеровцы не удержали Тильзита. Напрасно они взорвали мост через Неман, напрасно громоздили баррикады на его восточных окраинах. В один из мгlistых январских вечеров сорок пятого года девятьсот девяносто седьмой стрелковый полк под командованием подполковника Рогалева и части двести шестьдесят третьей Сивашской стрелковой дивизии полковника Черепанова форсировали Неман и с разных сторон ворвались в город. А наутро — первое утро новой жизни города — над ним взошло яркое солнце. В центре Тильзита, на площади у кирхи, встал первый советский регулировщик младший сержант Постнов. Мимо него шли колонны войск. Шли к победе.

В этом потоке войск был и подполковник Богданов. В его сердце теплилась надежда встретиться где-то на фронтовых дорогах со своим другом. Генерал Быстров рассказывал, что Никулин жив, дал о себе знать, прислал ценные сведения об агентуре абвера. Благодаря полученным от него сведениям в тылах советских войск и среди бегущих на запад немецких пособников удалось разыскать много вражеских лазутчиков.

Но, как часто бывало на войне, Богданов проехал мимо Никулина буквально в двух шагах. Они разминутись в небольшом городе Хайнрихсвальде (ныне Славск). Задержись Богданов всего на сутки в этом городке — и он встретил бы друга. Но наши войска спешили на Кенигсберг.

Никулин привел свою группу в Хайнрихсвальде. Каждый абверовец имел тщательно разработанную легенду о своем прошлом, проверить которую было нелегко. Вокруг Никулина собрались опытные и бывалые люди. Они знали, как прятать концы, — не напрасно учились в немецких разведывательных школах. Как старший, Николай Константинович расположил группу в одном из домов, а сам якобы отправился к коменданту города. Но он искал контрразведчиков и расспрашивал встречаемых солдат, как пройти к ним. На ратушной площади ему посчастливилось встретить молодого словоохотливого солдата, который вызвался не только рассказать, где находятся контрразведчики, но и проводить «к самому их начальнику».

— Давай, давай, веди быстрее, — обрадованно торопил Никулин.

Солдатик прибавил шагу, с любопытством расспрашивая на ходу:

— А тебе начальник зачем?

— Дело есть.

— Беда какая случилась?

— Хуже.

— Это ничего. Начальник наш, майор Воронов, человек простой, веселый. Он всегда с солдатами, так что не сомневайся, поможет.

— Воронов, говоришь? — переспросил Никулин.

— Он самый, — подтвердил солдат. — А ты что, знаешь его, что ли?

Фамилия Воронова Николаю Константиновичу была абсолютно незнакома. Но разве в этом дело? Главное, что майор — свой, советский человек, которому можно не таясь рассказать обо всем и который поможет довести до конца начатое Никулиным дело. Поэтому Николай Константинович весело ответил:

— А как же, знаю. Он — мой лучший друг.

С чистосердечным удивлением солдатик оглянулся на Никулина. Он не мог представить, что какой-то беженец,

гражданский человек, оказывается, не только знаком, но и дружит с известным майором Вороновым, «самим начальником» дивизионной контрразведки. Но, взглянув на оживленное, радостное лицо Никулина, поверил, что так и есть. Поэтому, подойдя к небольшому домику, огороженному густым кустарником, остановился и почти-тельно сказал:

— Там они. Часовой покажет.

Вскоре все тридцать агентов абвера были доставлены в отдел контрразведки. Мокий Демьянович Каращенко снова надел родную форму офицера Советской Армии. Ему пришлось еще много поработать для того, чтобы в потоке перемещенных лиц, в различных лагерях разыскать тех государственных преступников, которые пытались уйти от заслуженного возмездия. Для чекиста война закончилась еще не скоро. Но чтобы рассказать обо всех делах советских контрразведчиков, в которых участвовал и капитан Каращенко, нужно написать не одну книгу. И когда-нибудь они будут написаны.

ЭПИЛОГ

Прошло более двадцати пяти лет после победоносного окончания Великой Отечественной войны. Срок немалый. Как же сложились судьбы людей, о которых написана эта книга? Верный помощник Мокия Демьяновича майор Дудин не вернулся с войны. Судьба его неизвестна. Видимо, погиб в немецкой неволе. Живут и трудятся многие из тех людей, которые по совету Каращенко явились с повинной к генералу Быстрову. Ушли в отставку чекисты, участники описываемых в повести событий.

Подвиг Мокия Демьяновича Каращенко высоко оценен Советским правительством. В канун двадцатилетия нашей Победы он был награжден еще одним орденом — Отечественной войны первой степени. Ему вручили и орден Красного Знамени, которым его наградили в годы войны.

Мокий Демьянович давно оставил военную службу. Он пенсионер. Прожитые годы и перенесенные испытания не сломили его духа. Он все так же бодр, жизнерадостен. Мы пригласили его в Ригу, побывали на местах минувших событий и услышали обстоятельный рассказ старого чекиста о его боевых делах. Архивные документы, предо-

ставленные нам работниками Комитета госбезопасности, помогли восполнить это повествование.

В свое время легендарный борец с фашизмом Юлиус Фучик писал:

«Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях. Я хотел бы, чтобы все знали, что не было безымянных героев, а были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои мысли и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же эти люди будут всегда близки нам, как друзья, как родные, как вы сами!»

Пусть же и нашим читателям станет родным и близким имя рядового солдата незримого фронта Мокия Демьяновича Каращенко — одного из миллионов героев Великой Отечественной войны.

А. ЗУБОВ
Л. ЛЕРОВ
А. СЕРГЕЕВ

ЧЕКИСТСКИЕ БЫЛИ

ТАИНА ПЯТИДЕСЯТИ СТРОК

«ПРОБНЫЙ ШАРИК» ИЛИ...

Всего пятьдесят строк было в набранной попарелью заметке одного из зарубежных научных журналов. Журнал выходил в небольшом европейском капиталистическом государстве и пользовался популярностью на всех континентах. Неизвестный автор сообщал об исследованиях в лаборатории видного московского профессора Алексея Михайловича Круглова.

Заметка, занявшая скромное место в конце номера, тем не менее стала сенсацией, вызвав оживленные комментарии ученых и много всяких домыслов.

В Москве недоумевали, как могла появиться эта заметка? Кто дал информацию о работе, которая пока строго засекречена? Правда, заметка по существу ничего не раскрыла. Более того: в пей, с точки зрения знатоков дела, были, как говорят, общие слова. Скорее всего публикация — «пробный шарик»: авось подумают, что теперь уже нечего секретничать: «Все равно, кто хотел что-нибудь узнать об исследованиях Круглова, тот уже знает...»

В институте заметка вызвала тревогу: где-то рядом враг, кто-то пытается проникнуть в тайну научных работ, связанных с аппаратом Круглова «Альфа».

Больше всех, конечно, встревожился сам Алексей Михайлович. Человек уже немолодой, много повидавший и испытывавший в жизни, он отлично понимал значение случившегося. В тот день, когда журнал пришел в институт, профессор, казалось, постарел на несколько лет. Его успокаивали, говорили много добрых слов, а он твердил свое: «Опростоволосился».

— Не расстраивайтесь, Алексей Михайлович, — утешал профессора старый друг, — этим делу не поможешь. Надо действовать, принимать меры... Может быть, охотник за государственными тайнами где-то около нас...

Профессор укоризненно посмотрел на коллегу:

— Да что вы, бог с вами!

— Всякое бывает, Алексей Михайлович...

Оставалась еще одна надежда: запросили несколько учреждений — не давали ли там официальной информации для прессы? Ответ пришел отрицательный. Что же делать? После недолгих раздумий Алексей Михайлович позвонил в КГБ.

ТРЕВОГИ ПРОФЕССОРА

Александр Порфирьевич Птицын аппетитно, со смаком — он понимал в этом толк — отхлебывал небольшими глотками черный кофе и наспех, лишь изредка задерживая свое внимание на каких-то строчках, перечитывал сообщение оперативного сотрудника. Читал он это сообщение не впервые и встречу с профессором Птицын рассматривал как еще один источник, подтверждающий все более четко вырисовывающуюся версию. Впрочем, коррективы могут быть всякие и порой совершенно неожиданные.

...Александр Порфирьевич вышел из-за стола навстречу гостю и радушно приветствовал его.

— Присаживайтесь, Алексей Михайлович. Не угодно ли кофейку? Не хотите? Как угодно, а я, если разрешите, еще одной чашечкой побалуясь. Есть такой грех — не равнодушен к сему божественному напитку. Курить будете? Извольте...

Профессор был несколько растерян — меньше всего он ожидал такого начала беседы, да еще в таком доме, в кабинете человека, который, казалось бы, должен сейчас по меньшей мере отчитать его, не считаясь с сединами, научными званиями и заслугами. И вот сидит перед профессором человек средних лет, с лицом и манерами рафинированного интеллигента, и сразу не поймешь, кто он — педагог, врач или физик? Мило улыбается, потчует кофейком и не спешит задавать вопросы, будто ничего и не случилось в институте. Профессор решил взять инициативу в свои руки.

— Я пришел к вам в связи с неприятным событием

во вверенном мне институте... Я хотел бы поделиться своими тревогами.

— К вашим услугам. Слушаю.

Профессор говорил о вещах, уже хорошо известных Птицыну, но Александр Порфирьевич слушал с таким вниманием, с такой заинтересованностью, будто впервые узнал о таинственной утечке научной информации государственной значимости.

— У вас есть какие-нибудь подозрения, хотя бы косвенные, ничтожно малые, не имеющие серьезных оснований? — спросил Птицын.

Профессор ответил не сразу. Видимо, он все еще что-то обдумывал, взвешивал.

— Видите ли...

И снова пауза.

— Я вас слушаю, Алексей Михайлович... Давайте условимся — говорить и о том, в чем еще не совсем уверены. Будем вместе решать, что есть истина, а что от лукавого.

— Вчера один из моих сотрудников изволил заметить, что, быть может, охотник за государственными тайнами где-то около нас. Я отчитал его. А минувшей ночью не спал, все вспоминал разные события в институтской жизни, сопоставлял. Большие и малые... Всякие мысли билась в стариковской голове. И знаете ли, не имею оснований подозревать кого-либо. — Профессор беспомощно развел руками.

— А Петр Максимович Егоров ничего не рассказывал вам о своих встречах с гостившим в нашей стране...

И Птицын назвал фамилию иностранного ученого, работавшего в смежной области.

— Нет, не рассказывал, — несколько растерянно ответил профессор. — Хотя друг от друга у нас с Егоровым никогда не было тайн. Петр Максимович — мой лучший ученик и ближайший помощник... — Профессор умолк, задумался и вдруг решительно заявил: — Простите, но я исключаю даже самую мысль о нем, как о...

Алексей Михайлович говорил быстро, сбивчиво и все время почему-то сосредоточенно смотрел на стол. А потом вдруг, взглянув на собеседника, и вовсе смутился: собеседник улыбался.

— Не будем столь категоричны в своих суждениях. Жизнь — сложная штука.

Натали, как звала ее бабушка, с детства привыкла к шумному обществу в их доме. Отца она не помнила, он погиб на войне, а мать очень быстро перестала горевать. Пянистка, много ездившая по стране с концертными бригадами, она всегда была в окружении веселой компании. И Натали была еще школьницей, когда ей разрешили допоздна засиживаться в обществе маминых друзей. Девушке правилась жизнь веселых и, может, несколько беззаботных людей.

Ей еще не было и восемнадцати, когда за ней стал ухаживать скрипач, сухощавый молодой человек с мужественным лицом.

Мама снисходительно относилась к роману. Женщина не очень строгих правил, она сквозь пальцы смотрела на то, как дочь порой уединялась со скрипачом в свой «девичий будуар». Впрочем, Анну Петровну нельзя было все-таки принимать как мать. Нет, она не была создана для этой, по ее словам, «удивительно скучной работы». Да и времени не хватало — постоянные разъезды, гастроли...

Роль воспитательницы взяла на себя бабушка. Ей уже было далеко за шестьдесят, но она, в прошлом хористка провинциальной оперы, до сих пор подолгу просиживала у зеркала. У нее был свой «моральный кодекс», требования которого настойчиво внушала она внучке. Главное среди них: «рви цветы, пока цветут, пройдут златые дни, завянут ведь они».

И Натали стала смотреть на жизнь глазами бабушки.

Красивая, стройная, неглупая и в меру образованная, она легко завоевывала симпатии молодых и не очень молодых мужчин. Скрипач скоро уступил место театральному администратору. Этот предлагал руку и сердце. Натали молча выслушала его, а потом расхохоталась.

— Что вы — с ума спятили, Виктор Александрович! Вы знаете, кем должен быть человек, который сможет взять меня в жены?

И, хлопнув дверью, вышла из комнаты. Бабушка была довольна внучкой: «Правильно понимает жизнь...»

Трудно сказать, какой дорогой пошла бы Натали после школы, если бы однажды в их доме не появился старший брат покойного отца — Федор Степанович. Это был круп-

ный ученый, которого вопреки его собственному желанию перевели в Москву из южного города. Профессор, горячо любивший брата, считал своим долгом позаботиться о его семье, и в первую очередь о племяннице. До него доходили смутные слухи о том, что жена брата ведет образ жизни, отнюдь не заслуживающий одобрения. И в первые же дни своей московской жизни он убедился, что слухи эти весьма основательны. Тогда он твердо решил: «Мать — уж бог с ней, пусть живет, как хочет, а за племянницу я в ответе... Перед памятью брата».

Профессор частенько навещался к Натали. Она была в последнем классе школы, когда он повел с ней разговор о будущем и с грустью отметил: увы, бабушкины семена уже пустили глубокие корни.

В воскресные дни Федор Степанович увозил племянницу к себе на дачу. Ученый любил прислушиваться к говору ветра, птиц и любоваться тем, как солнечный свет пробивается сквозь густую зелень дремучего леса. Здесь дядя и вел, как он выражался, воскресные «проповеди», увлекательно говорил о своих исследованиях, о своих учениках, трудом и талантом утверждавших место в жизни. В рассказах ученого вставали перед девушкой удивительно интересные, смелые люди, поистине творящие чудеса. И порой Федору Степановичу казалось, что племянница другими глазами начинает смотреть на мир.

Натали поступила в Институт иностранных языков... «Кончит Иняз,— думал профессор,— я ее в научный институт переводчицей определяю. Может, так и появится любовь к точным наукам. Или же будет педагогом».

У бабушки были свои планы: выдать внуку замуж за дипломата и отправить за границу. Это, как говорится, программа максимум. Программа минимум — переводчица Интуриста.

Что же касается Натали, то она еще ничего не решила.

В институте у нее было много друзей. Друзей разных и по-разному оценивающих, что есть счастье человека.

Как-то раз у Натали собрались на вечеринку однокурсники. Она была более откровенна, чем всегда, и высказала свое заветное: рви цветы, пока цветут.

— Неужели это твоё кредо,— допытывался староста их учебной группы Саша.— Неужели ты серьезно веришь, что любовь может сделать больше, чем труд?

Она усмехнулась и, передернув плечиками, исподлюбя оглядела друзей.

— Я не верю ни в силу любви, ни в силу труда. Я верю в силу денег. Искусство жить — искусство делать деньги. Как их делать — это сугубо индивидуально... Не правда ли?

И, не ожидая ответа, звонко рассмеялась, так что трудно было понять — всерьез она или шутит назло Сашке.

Поздно вечером, когда друзья разошлись, Наташа устроила бабушке разнос. Началось все с того, что бабушка сказала:

— Молодец, Натали... Как ты этого Сашку отбрила! Ты не слушай его... И дядьку твоего... Жизни не понимают...

Натали взорвалась:

— Ты дядю не трогай! Слышишь! Не смей!

ДИМКА-КАКТУС

У дяди появился помощник — Дима, молодой инженер-строитель. Диму познакомили с Натали на концерте. В последующие дни бабушка была в полном смятении: Дима отнюдь не мог, по ее мнению, составить счастье внуки, а попытки помешать вспыхнувшему чувству рухнули. Наташа была словно в утаре. Все нравилось ей в Диме — и спортивная фигура, и темные курчавые волосы, лохматившиеся над черными задумчивыми глазами, и его игра на пианино. Впервые она, кажется, по-настоящему полюбила настоящего человека. Он чем-то напоминал ей дядю — такой же ершистый, колючий. Натали прозвала его «кактусом».

Однажды вечером Натали заявила бабушке, что Дима уезжает в Сибирь строить в тайге новый город и зовет ее с собой, конечно после окончания института.

...Бабушка несколько минут не могла прийти в себя.

— Ты с ума сошла! Тайга. Сибирь... Безумство, бред. Это не для тебя. Да и вообще, что ты нашла в этом...

Была предпринята фронтальная контратака бабушки, мамы, ее друзей. Пытались даже подключить дядю: «Зачем девушке уезжать из Москвы?... Да еще с ее специальностью...»

Долго Натали терзалась сомнениями. На ребром поставленный вопрос Димы «Поедешь или нет?» она уклончиво ответила: «Впереди целый год. Там видно будет. Но, честно говоря, меня не прельщает романтика тайги. Бабушка, вероятно, права — я не рождена для подвига... Подумай — может, и ты не поедешь?» Дима сжал губы так, что они побелели, и бросил что-то резкое, колючее.

Вскоре он уехал на север, сказав на прощание:

— Что же, я согласен, Наташа. Поживем — увидим. Практика — критерий истины. Буду писать тебе и буду жить ожиданием твоих писем.

Было это в ту пору, когда Наташа уже переплыла на последний курс.

Она преуспевала в занятиях — сказались трудолюбие, способности, интерес к языкам. Каждый раз на институтских встречах студентов с работниками какого-нибудь посольства Натали обращала на себя внимание — отличное произношение и богатый запас слов. И когда Интурист попросил послать к ним на практику группу старшекурсников, среди них оказалась Наташа.

В Интуристе были очень довольны ею. Даже намекнули: «Возможно, пошлем заявку на вас...» Наташе это было приятно. Пожалуй, Интурист ей импонировал больше, чем Димкина тайга. А бабушка и вовсе ликовала: «Все выходит по-моему».

И вдруг, совершенно неожиданно для друзей по институту, для мамы и бабушки, Наташа перед самым окончанием вуза отказалась идти работать в Интурист. И вообще во всем ее облике, поведении, образе жизни произошли заметные перемены. Откуда этакая хмурость, озабоченность? Куда пропал былой интерес к вечеринкам, танцам? Бабушка склонна была отнести все это за счет Димкиных писем — они приходили чуть ли не через день. И старуха снова всполошилась: «Неужели уедет... До чего же переменчива стрекоза».

В тайгу она не уехала, но однажды заявила маме и бабушке, что зря не послушалась дяди и не пошла в науку.

— Надо исправить ошибку. Попрошу дядю устроить меня в какой-нибудь институт переводчицей. А там видно будет. Может, и Димку перетяну, не правда ли?

Мама отнеслась безразлично к этому, а бабушка снова бубнила: «Я тебя не узнаю!.. Тебя подменили!..» Внучка

ласково успокаивала бабушку, но решения своего не изменила. Что же касается дяди, продолжавшего опекать Наташу, то он был доволен. Откровенно говоря, Димкин вариант ему тоже был не по душе. И вот из крупного научно-исследовательского института, где работал друг Федора Степановича — Алексей Михайлович Круглов, в Иняз отправляют заявку на переводчицу.

ЭВРИКА!

Наталья Викторовна, ее теперь уже так величали, оказалась отличной переводчицей. Она не только переводила, но и реферировала для своего шефа некоторые статьи. А для повышения квалификации стала усердно почитать доступную ей специальную литературу.

Профессору нравились ее целеустремленность, серьезный подход к делу.

— Свяжитесь с Петром Максимовичем Егоровым. Это мой ближайший ученик, большой эрудиции ученый и чуткий, отзывчивый товарищ. Он поможет вам ближе познакомиться с нашей тематикой и освоить терминологию. Я ему скажу о вас... Вам будет легче...

Кандидат технических наук Егоров был действительно человеком добрым, отзывчивым и охотно помогал Наталье Викторовне, которая неожиданно проявила способности к точным наукам. Она удивительно быстро входила в курс исследований, которым посвятили себя шеф и его ученик. Наташа уже могла иногда понять, о чем они спорят, и легко вылавливала из большой статьи в каком-нибудь зарубежном журнале именно то, что больше всего могло заинтересовать профессора. Как-то она сказала Петру Максимовичу:

— Жаль, что я не послушалась дяди.

— Вы же еще очень молоды, Наталья Викторовна. Вам и сейчас не поздно поступить в институт... И начать все сначала.

— Петр Максимович — вы гений...

И Наташа стала советоваться, в какой технический вуз поступить, как готовиться к экзаменам, чем сможет помочь дядя.

— Ну и, конечно, вы, Петр Максимович... На вашу помощь я могу рассчитывать?

Подготовка в вечерний институт еще больше сблизила Наташу с Егоровым.

По вечерам они иногда задерживались в лаборатории. И вот как-то в жаркий летний день молодой ученый пригласил переводчицу в Химки, поужинать на летней веранде речного вокзала. Она деликатно отказалась.

— Что вы, Петр Максимович... Это неудобно... К тому же экзамены на носу.

Он смутился, что-то пролепетал и, смущенно улыбаясь, развел руками.

— Я очень тронута вашим вниманием... В другой раз как-нибудь... Не правда ли?

Петр Максимович ничего не ответил.

Вступительные экзамены в институт она выдержала. Не потребовалось никаких и ничьих хлопот — переводчицу научно-исследовательского института охотно приняли в вечерний вуз. Бабушка ахала, охала, но смирилась.

Теперь начиналась новая полоса в жизни Наташи, и шеф в шутку уже называл ее коллегой. Специальность, избранная девушкой, была сродни направлению работ профессора Круглова.

Шли годы. Наталья Викторовна была на третьем курсе. Она уже не механически, а со знанием дела переводила, реферировала статьи для профессора. И он души не чаял в ней.

РАЗГОВОР НА НАБЕРЕЖНОЙ

...Однажды случилось так, что Наталья Викторовна не успела к концу дня закончить срочный перевод для большого доклада в Государственном комитете. Расстроенная, она пришла к профессору — как быть?

— Вот уж и не знаю. Завтра утром доклад, а для сравнения с нашими результатами зарубежные данные нужны до зарезу.

— Я готова привезти вам их вечером домой. Посижу здесь еще несколько часов.

— Да вы же голодны... Сейчас велю принести вам чего-нибудь перекусить. А к восьми пришло машину...

Ее встретили очень радушно, запросто. Елена Максимовна, хорошо знавшая почти всех сотрудников мужа и

покровительствовавшая некоторым из них, усадила Наталью Викторовну пить кофе: «Дела потерпят. Проголодались, поди...»

Профессор забрал переводы и, оставив женщин, ушел в свой кабинет. У хозяйки дома и переводчицы, несмотря на разницу в годах, обнаружилась общность взглядов на многие вопросы. Они понравились друг другу. Наталья Викторовна засиделась допоздна. И в тот же вечер было решено, что она будет давать уроки английского языка четырнадцатилетнему Володе — сыну профессора.

— Ждем вас послезавтра, Наталья Викторовна. Вообще прошу чувствовать себя у нас как дома...

И вот Наталья Викторовна уже свой человек в доме профессора. Обычно после занятий с Володией она оставалась ужинать, и случалось, что за столом оказывалась рядом с Петром Максимовичем, который иногда до поздней ночи работал с шефом. Наталья Викторовна беседовала с хозяйкой дома, а ученые вели свои разговоры, оживленно обсуждая результаты каких-то экспериментов.

Петр Максимович частенько провожал Наташу домой. И при этом всегда был подчеркнуто сдержан. Неужели это после ее отказа ехать в Химки? Или, может, тут совсем другое: она, правда туманно, поведала ему, что есть в Сибири такой Димка-кактус...

Однако при всей своей сдержанности Петр Максимович не мог скрыть, что Наташа ему нравится.

Как-то осенью они задержались в институте и, возвращаясь домой, шли по набережной. Стояла безлунная ночь. Они молча глядели на мерцавшие сквозь туман одинокие звезды. Кругом было тихо, только листья шуршали под ногами. Заговорили о поездке Егорова на предстоящий международный симпозиум в столицу небольшого европейского государства.

— Как жаль, что вы уезжаете. Мы поехали бы в воскресенье в Абрамцево...

Он даже вздрогнул от неожиданности.

— Да, конечно... Мне тоже жаль... Нет, я не то хотел сказать. Но впереди еще столько воскресений, — и он неожиданно прижал ее ладонь к своей щеке.

Потом он стал рассказывать ей о симпозиуме, о возможных дискуссиях. Наташа встревожилась.

— А вас не положат там на обе лопатки?.. Я боюсь за вас...

— Что вы, Наташенька... Мы так далеко впереди их...

И он говорил о шефе, о лаборатории, о последних открытиях. Наташа перебила его.

— Извините меня, Петр Максимович, но мне все это надоело в институте. Давайте о чем-нибудь другом...

НА ЕДИНЕ С ДЖЕННИ...

Через несколько дней Егоров уехал за границу.

Его встретили там очень радушно — имя молодого ученого было известно участникам симпозиума. Петр Максимович возглавлял нашу делегацию, и к нему был прикреплен гид, один из местных ученых, хорошо знающий русский язык и работающий в области, смежной с той, где вел свои исследования профессор Круглов. Это был молодой элегантный человек, вежливый, предупредительный. Все его называли запросто Карлом.

— Вы можете мной располагать, как вам угодно. Надеюсь, что и вы в долгу не останетесь, когда я приеду в Москву.

— А вы собираетесь к нам?

— Да, в порядке обмена... Соответствующие переговоры уже ведутся...

И он назвал один из крупных московских институтов, где ему, вероятно, предоставят возможность поработать.

На первых порах Петр Максимович был весьма доволен, что к нему прикрепили такого гида. Несколько раздражало и беспокоило лишь одно обстоятельство: Карл буквально заполнил все его время — ни одного вечера Петр Максимович не смог провести вместе с товарищами по делегации. Сегодня театр, завтра прогулка за город, затем в гости к какому-то профессору. Петр Максимович насторожился: в чем дело? Но разговоры, которые вели с ним, касались самых отвлеченных тем, связанных с наукой вообще, с литературой и искусством. И только однажды разговор переключился на его институт. Все началось с какого-то спора, в ходе которого он сам стал говорить об институтских делах. Но задумался он над этим уже позже, вернувшись в гостиницу.

Гид познакомил его и со своей сестрой Дженни. Эффектная молодая женщина с копной золотистых волос, небрежно спадавших на оголенные плечи, с мягкими темными глазами и белой шеей в мелких веснушках. Она тихо сказала ему: «Я большая поклонница вашей страны, ее прогрессивной науки».

Симпозиум близился к концу. Петр Максимович вместе с товарищами распланировал оставшиеся свободные вечера. И вот снова неожиданное приглашение: Карл зовет его к себе в гости. Егоров вежливо пытается отклонить приглашение, но ничего не выходит. «Я и Дженни хотим попрощаться с вами. Скромный ужин в узком семейном кругу. Мы да старики...»

Но «семейный круг» неожиданно сузился. Хозяин дома очень огорчен: родители вынуждены были поехать за город к тяжело заболевшему дяде. И они сели за стол вдвоем. А вскоре и сам Карл исчез — позвонили родители и умоляли сына срочно приехать, дяде стало совсем плохо...

— Дженни, ты останешься за хозяйку. Я скоро вернусь.

Петр Максимович не успел и слова вымолвить, как Карл распрощался, и они оказались с Дженни вдвоем во всей квартире.

Впрочем, не совсем так. Вдвоем, если не считать служанки, миловидной блондинки, неожиданно появившейся в комнате в тот самый момент, когда Дженни предложила гостю пересечь поближе к камину.

— Прощу прощения, госпожа...

— Я, кажется, ясно сказала: сегодня вечером мы обойдемся без ваших услуг, Катрин!

— Извините, — испуганно пролепетала девушка. Так же, как и хозяйка, она свободно говорила по-русски. — Какой-то господин настойчиво требует вас к телефону... Да, я ему говорила, что госпожа просила не беспокоить ее, но он уверяет, что к нему это не относится, что вы будете очень рады его звонку, что меня строго накажут, если я не доложу вам.

Дженни бросила на служанку недобрый взгляд. Потом обратилась к гостю:

— Простите, я вас покину на несколько минут. — И удалилась из комнаты, сухо обронив: — Катрин! Раз ты уж здесь, то помешай угли в камине...

Петру Максимовичу показалось, что девушка порывается что-то сказать ему. А может, это только показалось. Он сам хотел узнать у нее: где она научилась русскому языку? Но в этот момент вернулась Дженни.

Хозяйка мило улыбнулась вслед быстро удалившейся из комнаты служанке.

— Это ваша соотечественница. Дитя войны... Лагерь перемещенных лиц... Любовь всесильна. Русская девушка полюбила иностранца. И не вернулась в Россию. Отказалась. А муж мало зарабатывает. Попросилась в наш дом. Аккуратность и исполнительность, видимо, никогда не были ее отличительными чертами. Но — что поделаешь — надо быть добрым...

И, подойдя вплотную к гостю, озорно вскинула на него глаза:

— Как будет развлекать меня русский ученый?

И, не ожидая ответа, Дженни взяла его за руки.

Он деликатно высвободил их, потом решительно поднялся с места, отвесил поклон и сухо сказал:

— Прощу прощения. Дела требуют моего присутствия в гостинице.

И, еще раз откланявшись, удалился...

На следующий день, рано утром, выйдя из гостиницы, Егоров неожиданно, где-то на пустынной улице, лицом к лицу столкнулся с Катрин. Видимо, она ждала его или, может, шла следом.

— Здравствуйте! Вы, оказывается, русская. Из лагеря перемещенных?

— Вам уже все известно обо мне...

— Вы пришли сюда, чтобы повидать меня?

— Да. К вам большая просьба. Возьмите эту маленькую посылку. Сувенир племяннику. Брат не хочет, чтобы я посылала ему посылки. Пишет, что не нуждается... И вообще чурается. Но тут маленький сувенир... Спиннинг. Я ему напишу. Он сам зайдет к вам. Вы не возражаете? Окажите услугу... Что делать — так сложилась судьба. Не упрекайте меня.

Она супула ему в руку маленькую аккуратно перевязанную коробочку и быстро исчезла в переулке.

Все это произошло так стремительно, что Петр Максимович не успел опомниться. И только после того как она исчезла за поворотом, он подумал: к чему бы вся эта история?

Через несколько дней делегация уезжала домой. Ее тепло провожали организаторы симпозиума. Дженни приехала на вокзал вместе с братом. Гид пожимал руку гостю и говорил: «Я надеюсь, что наше приятное знакомство продолжится в Москве. До скорого свидания, господин Егоров...»

В Москве его встречали шеф и Наталья Викторовна. Петр Максимович, увидев ее, покраснел: ему приятно было видеть ее среди встречающих. И он прямо сказал ей об этом.

В первый же вечер, когда они остались вдвоем, Наташа призналась Петру, что ей было грустно без него и она часто думала о нем, беспокоилась.

Он ничего не ответил, взял ее под руку, и они долго шагали молча.

Егоров все рассказал ей — о гиде, о его сестре, о возможном приезде Карла в СССР.

— Странно все это было... Ты не находишь, Наташа?

— Не знаю, Петя, может, и странно, а может быть, у них так принято.

«ГИД» ПОЯВЛЯЕТСЯ В МОСКВЕ

...Прошел год. Петр Максимович успел почти позабыть о своей поездке за рубеж. Он был поглощен работой и Наташей, которая, кажется, уже прочно вошла в его жизнь.

И вот неожиданно-негаданно нагрянул гость — Карл.

Гость дал о себе знать по телефону. Петр Максимович несколько удивился и даже встревожился: он, кажется, не оставлял своего телефона Карлу, а справочная не давала номера телефонов института. Странно! Спросить у Карла, как он узнал номер телефона? Неудобно, обидится... И Петр Максимович перестал тревожиться. «Челуха! Мало ли кто из наших ученых, с которыми имеет дело господин Карл, помог связаться со мной».

Долг вежливости обязывает. И он возил Карла по городу, показывая Москву, а потом пригласил домой на обед — мама продемонстрировала русскую кухню. Выпили, закусили, поели блинов с икрой. Пошел оживленный разговор. Гость восторженно говорил о русских ученых, и в частности о шефе Петра Максимовича, с которым был

хорошо знаком по литературе. И вдруг неожиданно заявил:

— Перед моим отъездом в Москву редактор нашего очень популярного журнала попросил меня передать вам его предложение выступить со статьей. О чем? О ваших исследованиях... Большой гонорар, известность... Весь мир заговорит о вас...

Гость испытующе смотрел на Петра Максимовича и несколько раз повторил:

— Большой гонорар... Известность, даже, если хотите знать, слава! Правда, я где-то прочел, кажется у Бальзака, что слава — товар невыгодный: стоит дорого, сохраняется плохо. Но гонорар в сочетании со славой — это, знаете ли...

Петр Максимович оборвал Карла:

— Вы отдаете себе отчет, что означает ваше предложение? Если бы вы не были моим гостем...

Но «гид» быстро перешел на шутливый тон и поднял тост за всемирную дружбу ученых. Уже прощаясь, он все-таки вернулся к своему предложению.

— А насчет статьи вы все-таки подумайте... Да, между прочим... Есть вариант... Вы можете сдать статью, оговорив при этом, чтобы ее не публиковали, если это вам нежелательно. Подумайте и над таким вариантом... Ну, а гонорар — само собой...

И вдруг неожиданно для гостя хозяин дружески хлопнул его по плечу и решительно сказал:

— А вы знаете — это, кажется, неплохой вариант. Есть о чем подумать. Увидимся — поговорим...

Рано утром Петр Максимович позвонил в КГБ и попросил срочно принять его...

ОН ИЛИ НЕ ОН?

Несколько дней назад с границы сообщили, что долгожданный «гость» проследовал с группой туристов в Москву. Докладывая об этом генералу Клементьеву, майор Птицын сказал:

— Думаю, товарищ генерал, что события должны развиваться следующим образом. Турист обязательно по-встречается с Егоровым и, вероятно, попытается установить с ним контакт. Я почему-то почти уверен, что Егоров после визита туриста сам явится к нам.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Сегодня я снова прослушивал пленку, присланную Ландышем. В тот вечер в доме Дженни ученый вел себя, я бы сказал, достойнейшим образом. Ландыш снова подтверждает: Карл рассматривает Петра Максимовича как весьма крепкий орешек. Не надеется сразу расколоть. Но попытаться будет...

И вот — звонок. Майор ждал его с утра, зная, что вчера вечером Карл был в гостях у ученого.

...Петр Максимович старается восстановить во всех деталях свои встречи на симпозиуме, визит к «гиду», разговор с Дженни-обольстительницей, как он ее окрестил.

Ученый старается нарисовать портрет гостя. «Это же очень важно для вас. Я знаю!» Майор сдерживает улыбку. Так и подмывает достать из папки фотографию Карла и показать: «Вот же он какой!» Ладно, придет время — все покажут. А пока майор весь внимание. Слушает и мысленно сопоставляет: все сходится с сообщением Ландыша. Петр Максимович действительно орешек крепкий — Карл это знает и все же надеется раздобыть сведения о работе института. Так он и сказал Дженни перед отъездом.

Куда тянутся нити от туриста-разведчика? На кого он надеется?

— Что вы сказали гостю, прощаясь? Повторите... Постарайтесь точнее.

— Могу с абсолютной точностью. Мысленно приняв решение звонить вам, я взвесил каждое слово, которое скажу туристу: «Подумаю, обязательно подумаю... Увидимся — поговорим».

— Когда вы снова встретитесь?

— Завтра... У меня дома...

— Постарайтесь вселить в гостя надежду, что не исключена возможность такого варианта — вы дадите короткую информацию для журнала... Обязательно поинтересуйтесь суммой гонорара.

— Хорошо.

— Позвольте вам задать один вопрос. Предупреждаю: мы вам верим. Иначе у нас был бы другой разговор. А вопрос такой: все ли, что касается ваших встреч за рубежом, вы рассказали? Абсолютно все? Или, может, кое-что забыли? Подумайте.

Петр Максимович стал мучительно перебирать в памяти каждый час своей жизни в те дни.

— Как будто бы все...

— Вот видите, экий вы... — И Птицын рассмеялся. — А молодая женщина, которая просила вас отвезти спиннинг племяннику... Забыли?

В глазах ученого не то испуг, не то растерянность.

— Боже мой, как же я мог забыть и не сказать вам... Но я никак не связывал ту женщину с гидом-туристом, с Дженни. Неужели это их агент... Теперь я понимаю. Боже мой, как я попался...

— Вы же заполняли таможенную декларацию и знаете, что запрещается перевозить что бы то ни было для передачи третьим лицам.

— Но я честно заявил сотрудникам таможни, что этот спиннинг меня просили передать. И сказал даже, кто просил... Спиннинг у меня забрали... Но перед отходом поезда вернули... Вернули и сказали: «Ладно, везите. Пусть парень рыбу ловит».

Ученый умолк, а потом глухо сказал:

— Вы должны мне верить, товарищ майор!

— Да успокойтесь вы, Петр Максимович! Я уж не рад, что вам про спиннинг напомнил. Видите ли, если бы я вам не верил, то уж, конечно, не дал бы понять, что располагаю несколько более подробными сведениями, чем те, которые вы мне сообщили. Сейчас от вас требуется максимальная выдержка, спокойствие и тонкая игра с вражеским разведчиком. Да, чуть не забыл. Последний вопрос: вы не встречали больше человека, забравшего у вас спиннинг?

— Встречал. Точнее — видел... Два раза... Через неделю после того, как я вернулся с симпозиума, мне позвонил какой-то человек и отрекомендовался: «Я брат Кати, которая передала вам спиннинг для моего сына». Я, естественно, пригласил его зайти за посылочкой. Назначил время. В субботу вечером. Он не пришел. А в воскресенье утром позвонил и сказал, что живет очень далеко от моего дома. И тут же спросил: «Где вы работаете? Собственно, меня интересует только район, так сказать, место возможной встречи». Я назвал. Он обрадовался. «Отлично. Я работаю в том же районе. Близ станции метро. Вы не возражаете, я буду ждать вас завтра в девять часов утра у выхода из станции метро? Я ношу зеленую шляпу, хожу с палкой. Большое спасибо. Я ведь живу

в Мытищах. Ехать специально за спиннингом хлопотно». Вот и вся история.

— Ясно. Опытный дядька. А где же вы его снова встретили?

Петр Максимович застенчиво улыбнулся.

— Это несколько интимная история... Но от вас у меня нет секретов... Недалеко от дома девушки, с которой меня связывает...

Петр Максимович занулся, и майор поспешил:

— Крепкая дружба?

— Будем считать, что так. В общем, это даже не имеет в данном случае существенного значения. В субботу мы не успели договориться о воскресном дне. Звоню ей утром, никто не отвечает. Тогда я решился нагрянуть без звонка. Иду и еще издалека вижу, как из «Гастронома» выходит моя знакомая. Я ускорил шаг. Она уже вошла в парадное, а я только с «Гастрономом» поравнялся. И тут он из магазина...

— 'Поздоровались?

— Я поклонился, но он, может быть это мне показалось, в сторону отвернулся... Вероятно, не заметил.

— Давно это было?

— Нет, в минувшее воскресенье.

Майор мысленно зафиксировал: на следующий день после встречи ученого с туристом.

— Каков из себя папа рыболова?

— Фигурой этот папа весьма напоминает тяжелоатлета. Здоров как бык! Крупное лицо, чуть приплюснутый нос.

Майор поблагодарил ученого и, уже прощаясь, спросил:

— Простите... Как зовут ту девушку?

— Наталья Викторовна...

Птицын вернулся в кабинет и достал из сейфа папку, на которой крупно было выведено только одно слово: «Ландыш». В папке лежала фотография того самого «тяжелоатлета», о котором рассказал ученый. На обороте фотографии стоял большой вопросительный знак. Майор долго рассматривал снимок: «Он или не он? А если он, то как его найти? Ландыш даже фотопленку умудрился прислать. Теперь дело за нами...»

ОПЕРАЦИЯ «СПИННИНГ»

...Сорок третий год. Западная Белоруссия. Где-то совсем близко советские войска. Скоро они придут и в эту деревню. Но не дождалась их Катерина. Ждала свободы, а свалилось горе. Девушка на всю жизнь запомнила тот день. Солнце уже клонилось к закату. На душе зябко, тяжело и темно. Под конвоем их пригнали на станцию — всех тех девчат и парней, что оставались в живых. Поддали состав двухосных вагонов с зарешеченными окнами и надписями на дверях: «Мы добровольно едем в Германию». Молча стояли угрюмые немецкие солдаты, держа на поводках огромных овчарок.

Ее никто не провожал. Отец погиб на фронте еще в сорок первом. Мать до смерти забили гитлеровцы, когда узнали, что Катин брат ушел к партизанам. Катерину взяли к себе добрые люди. Сперва прятали, а потом пристроили белье офицерам стирать. И вот новая беда — всю молодежь в Германию отправляют.

В рабочих лагерях она подружилась с молодым антифашистом Питом. Сперва это была только дружба молодых, которых сблизила жажда мести за кровь, за побои, за пытки. А потом пришла любовь, которая во стократ умножает силы. И, может, любовь эта помогла им вынести все, что пало на их плечи в неволе. Из лагеря их отправили в услужение к немцу-кулаку в деревню где-то на Рейне. Поначалу это показалось раем. Но оказался он крошечным адом: побои, издевательства, глумление, каторжный труд с рассвета до темноты — в поле, хлеву, на огороде, в кухне. Хозяин, не стыдясь детей и супруги, приставал к Кате, за что, правда, был бит дважды: женой в открытую и Питом тайно ночью. Для влюбленных вся эта история обернулась наихудшим образом: Пита нещадно колотил хозяин, Катю — хозяйка...

Но вот война запагала и по немецкой земле. Молодые с надеждой смотрели на восток — скоро придет долгожданная свобода.

В деревне появились американцы. Это случилось в тот светлый майский день, когда мир узнал о капитуляции фашистской Германии.

Конец войне, можно возвращаться по домам. Месяц пролетел как один день. Праздновали победу. Наконец

комендант объявил Питу, что через несколько дней он получит пропуск. Куда? К родителям.

— А можно и к родителям и туда? — Пит показал рукой на восток. — Моя жена, Катерина, оттуда, из России... Мы сперва заедем к моим родным. Это недалеко. А потом к ней, в Россию... Хорошо? Можно? Когда прикажете получать пропуски, господин комендант?

Американец неопределенно ответил: «Да, будут пропуски». Прошел еще месяц, а пропусков не давали. Наконец их позвали в комендатуру. За столом рядом с американцем сидел белобрысый толстяк в щеголеватом штатском костюме.

— Это ваш земляк, мисс Катерина, — галантно раскланялся американец. — Знакомьтесь, мистер...

«Мистер», не дожидаясь пока назовут его фамилию, бросился обнимать Катерину и даже прослезился.

— Да, много горя, доченька, хлебнул наш народ. Ой как лютовал враг на родной земле! И так ноет сердце, так тянет до белорусских лесов. Но вот беда какая: теперь там, на нашей земле, лутует энкавзде. Читай, доченька, читай и подумай.

И белобрысый толстяк протянул ей газету «Батьковщина» на белорусском языке. Не знала она, что этот грязный антисоветский листок эмигранты издавали на американские деньги. Через всю первую полоску заголовок: «Террор большевиков в Белоруссии». «Колыма, лагерь, пытки — вот что ждет дома белорусов, находившихся в плену у немцев».

— Но я же не виновата в том, что меня насильно угнали...

— Наивная ты, доченька. Ну кто станет разбираться... Послушай, Пит, ты, кажется, научился в лагере читать по-русски. Возьми эти газеты. Почитай и потом на семейном совете решите. Я же вам добра хочу... Почитай рассказы очевидцев и как мужчина сам реши, куда вам лучше всего податься. Только смотри, парень, потом не пожалей...

И Пит решил за обоих: «Поедем лучше, Катерина, к моим старикам. Поживем — увидим. Время покажет... Ты не плачь, не грусти. Отец у меня тоже антифашистом был. Не знаю, остался ли в живых... О русских он всегда говорил уважительно».

Когда окончательно отпал Катин вариант — ехать вместе в Белоруссию, молодых стали уговаривать в комен-

датуре подписать контракт с американцами, вербовавшими рабочую силу за океан. И снова появился тот бело-брысый толстяк с газетенкой «Батьковщина». Он совал все тот же грязный листок, на котором рядом с рассказами «очевидцев» ужасов «террора НКВД в Белоруссии» публиковались «свидетельства» счастливиц, уехавших за океан. Что делать, кому верить? Катя уже заколебалась было, но Пит настоял на своем.

— Нет, Катюша. Мы с тобой не поедим за океан. Мы к моим старикам отправимся. Жили они, правда, бедно да тесно. Но что поделаешь. Все-таки отчий дом.

И они отправились туда, где до войны жили родители Пита.

Шли годы. В доме Пита девушку из Белоруссии принимали, как родную дочь. Пришлась она старушке по душе — красивая, ласковая, работящая, хорошая жена и мать: сына родила и в честь погибшего деда Петром назвала. Сынок пошел — пошла работать. На фабрику. Ткачихой. Специальность получила. Радовалась, но недолго. Началась безработица, и ее первой выкинули за ворота: жена неблагонадежного. Долго ходила без работы — всюду отказывали.

Однажды Катя познакомилась с русской женщиной Валецкой — Виолеттой — так она отрекомендовалась. Разные дороги привели их в чужой город. Катю — любовь к Питу, а эту — предательство. У себя в родном городе она служила у оккупантов в гестапо и вместе со своим любовником-эсэсовцем удрала в Германию. Там он ее бросил, и вот уже который год женщина без родины скитается по Европе. Виолетта пообещала свести Катю с человеком, тоже русским, у которого здесь большие связи и который вхож в богатые дома: «Он обязательно тебя пристроит».

Знакомство состоялось буквально через день в маленьком кафе. Сухощавый, лысый, с усиками, с мышиными глазами, нагловатый хлыщ назвал себя Сержем, хотя лет ему было уже под пятьдесят. Он с ног до головы осмотрел Катю, словно раздевал ее. Серж ни о чем не спрашивал. Молча выпил рюмку коньяка и чашку кофе. Закинул ногу на ногу, скользнул взглядом холодных настороженных глаз и, цедя каждое слово, сказал:

— Вы хотите из меня сделать великого гуманиста, мадам Виолетта. — Он кивнул в сторону Кати. — Ну

что ж... Попробуем. Она будет определена горничной в очень богатый дом ученого...

И Серж назвал фамилию немца с весьма подозрительным прошлым, немца, который лишь каким-то чудом ушел от суда над военными преступниками. Катя читала об этом ученом в газете.

Серж даже не спрашивал у нее, согласна ли она. В условиях безработицы, настороженного отношения к русским, женщине, причастной к неблагонадежной семье, следует считать предложение Сержа благодеянием.

— Вам повезло, мадам. Вы встретили Виолетту и меня, человека, рожденного делать людям добро. Запомните день, когда вы меня увидели. Со временем я представлю вам возможность отблагодарить...

Когда она рассказала обо всем Питу, он пришел в неопределимую ярость. Пит никогда не ругал Катю. И, кажется, впервые в сердцах сказал ей: «Ну и дура же ты!» Старуха тоже что-то бурчала неодобрительно: горничной да еще в такой дом, к фашистскому ублюдку! Катя проплакала всю ночь. Не от хорошей жизни идет она в горничные. Работы нигде не найти, дома едва концы с концами сводят...

Дом ученого был действительно богатым. Все тут было поставлено на широкую ногу. В доме часто принимали гостей — приезжали немцы, американцы. Гости, как правило, принимали молодые хозяева — Карл и Дженни — брат и сестра. Карл и Дженни были неутомимы. Куда-то исчезали на несколько дней и возвращались с компанией, которая иногда жила у них целую неделю. Когда Карл успевал заниматься наукой, это оставалось для Кати загадкой. И еще одно обстоятельство привлекло внимание горничной: Карл и Дженни сравнительно хорошо говорили по-русски. Правда, с ней они разговаривали только по-немецки.

Подавая кофе гостям, Катя однажды уловила несколько странных фраз: Карла называли специалистом по русским делам. Речь шла о каких-то людях в Москве.

Когда она рассказала обо всем этом Питу, тот насторожился: «В доме Карла плетутся какие-то сети. И этот Серж твой, «великий гуманист», и Карл, «специалист по русским делам», — одна компания. Держи ухо востро...»

Кате нетрудно было убедиться, что сети, которые пле-

тутся в доме Карла, имеют совершенно определенное значение.

...В тот поздний вечер Катя услышала, как брат упрекал сестру — он был под хмельком и в таких случаях говорил очень громко. Смысл его упреков сводился к тому, что там, где бессильны деньги, где нельзя купить нужного тебе человека, им может завладеть красивая женщина. Красивая женщина — это Дженни, человек, которым она должна завладеть, — какой-то актер, приехавший на гастроли с группой советских деятелей искусства...

На следующий же день Катя решила дать знать об услышанном разговоре кому-нибудь из советских гостей. Но потом заколебалась: поверят ли ей? И где доказательства? Скажут — провокация. Если Карл узнает, то сперва на смех поднимет ее, а потом вышвырнет из дому, как собачонку. Нет, тут требуется осторожность, тут надо все взвесить.

После долгих мучительных раздумий Катя и Пит решили, что действовать надо совсем иным путем. Нужно войти в доверие к молодым хозяевам. Собственно, Пит решительно требовал поначалу другого — уйти из этого дома, и делу конец. И тогда Катя высказала ему все, что накипело в душе ее за годы разлуки с отчим домом. Теперь она знает: только любовь к Питу могла поколебать в те летние дни 1945 года ее веру в свой народ. Она уже давно поняла, что была тогда жестоко обманута. Однако, что делать — Катя любит Пита, любит сына, и дом Пита стал ее домом. Но Родина — она там, на Востоке...

— Пит, ты должен меня понять, ты же умный и добрый... Если уж судьба забросила меня сюда, то хоть какую ни на есть малюсенькую пользу принести своему дому...

Она расплакалась, и Пит долго не мог ее успокоить. В ту ночь она все продумала, все взвесила.

Главное — добиться разрешения поехать в СССР. Хотя бы на месяц, чтобы повидать родных. Хозяев, пожалуй, она уговорит, — может, их даже устроит такая поездка. Теперь Катя не сомневалась в том, что Серж неспроста определил ее в дом Карла и Дженни. Видимо, у «специалиста по русскому вопросу» есть дальний прицел, свои виды на женщину из России. Сложнее другое: даст ли разрешение советское посольство? А в посольстве тоже

поинтересуются, кто такая Катерина, что делает, где живет, с кем дружит. Семья Пита — это хорошо. А Карл, Серж, Виолетта? Плохая рекомендация. А ей до зарезу надо повидать брата, бывшего партизана.

И логика подсказывает: повремени с задуманным планом, сторонись пока и Сержа и Виолетты и не иди на сближение с Карлом. Сперва получи разрешение на поездку в СССР. И ей это удалось.

Позже, в Москве (по просьбе Кати ее вызвали туда из маленького западнобелорусского городка, где она встретилась с братом, тетками и двоюродными сестрами), чекист, слушая ее, скажет: «Молодцом! Вы правильно решили. Все верно по своим местам расставили. Понятно вам?» Да, ей все понятно, женщине, чем-то похожей на чистый и нежный ландыш... И она вернется к Питу уже совсем другой...

После возвращения из СССР Катя сумела завоевать полное доверие хозяев. Проявился ли тут неожиданно открывшийся в ней талант или попросту Карл с Сержем оказались людьми недалекими — сказать трудно. Большое впечатление произвела на хозяев хорошо разработанная легенда о жизни в городах и селах Белоруссии. Она намекнула, что есть среди ее советских друзей и такие, которых не все устраивает в советском образе жизни.

Рассказы Кати попали на благодатную почву, и после проверки — она блестяще прошла ее — Карл стал замысливать тайную переброску Кати в СССР. А пока она должна помогать им, выполняя секретные задания. На первых порах задания эти были связаны главным образом с приездами различных советских делегаций, ученых, туристов. При этом она чувствовала, что ее все еще держат на определенной дистанции: круг «людей Карла» достаточно широк, но, кроме Сержа, она пока не знает никого. Тут действовали железные законы конспирации. Ей известно было, что нити от Карла тянутся к одному из иностранных посольств в Москве, что есть там секретные агенты, но кто они, через кого поддерживаются связи... Сумеет ли она узнать это? И каждый раз, когда Ландышу удавалось передать в Москву Ромашке информацию, в ней все пело от счастья и гордости.

Помощь эта становилась год от года все более значимой.

Карл и Серж почему-то решили специализировать ее по «научной части». Катю нацеливали на советских ученых. В одном случае она должна была сделать провокационное предложение («Могу достать чертежи...»), в другом — попытаться соблазнить политическим убежищем («Поверьте, мы, русские, здесь отлично устроены. Я вас познакомлю с господином...»), а в третьем...

Этот третий вариант поначалу казался ей самым каверзным. Все разыгрывалось как по нотам. Пригласили в гости русского ученого. Неожиданно в гостиную входит горничная, на которую хозяйка сразу обрушивает поток ругани — говорят они по-русски. Хозяйка выходит из комнаты — неужели гость не поинтересуется горничной, отлично владеющей русским языком? И о чем тогда пойдет разговор? Дженни стоит за дверью, а на камине — портативный магнитофон. Ну, а если русский будет молчать? Тогда другой вариант идет в ход. Хозяйка, вернувшись в гостиную, невзначай роняет слова о бедной русской девушке, которую сюда забросила война. Перед отъездом ученого домой его встретит на улице Катя и уприсит отвезти в Москву самый что ни на есть пустячный сувенир — спиннинг, а в спиннинге — шифровка.

Советский ученый оказывается связным, передает шифровку. А она не имеет возможности предупредить его. Что делать?

...Карл был весьма доволен своей горничной. Милая Катрин точно разыграла операцию «Спиннинг». Немец уже получил подтверждение: шифровка получена.

Если бы он знал, что «подтверждение» получила и его горничная. Телеграфировал брат: «Беспокоимся долгим молчанием». Значит, все в порядке, ее сигнал получен вовремя, шифровка перехвачена...

НА НЕБОСКЛОНЕ ПОЯВИЛАСЬ ВЕНЕРА

Сегодня Птицын снова увидится с Петром Максимовичем. А пока надо стянуть в один узел все нити. Их уже достаточно, чтобы отместить наносное, утвердиться в истинном. Донесения Ландыша, сообщения оперативных работников — богатая пища для размышлений.

Ландыш — молодец, с шифровкой в спиннинге все прошло хорошо. Правда, сложным оказался ключ, но

расшифровать все же удалось. Вот текст: «Любой ценой нужно раздобыть данные о последних работах профессора Круглова. Потребуйте от Венеры активных действий. У нее есть все возможности. Вероятно, буду у вас».

Ландыш сообщает, что есть у них агент в самом институте. Кто? Сейчас это самое главное. Петр Максимович? Отпадает. Тогда кто же?

Настораживало другое: через несколько дней после беседы Птицына с Петром Максимовичем Карл покинул СССР, не пробыв всего туристского срока. И, что самое главное, он больше не встречался с Петром Максимовичем. Теперь он будет искать другой путь к институтским секретам. Известно, что резидент связан с работником посольства, представляющим в Москве крупное капиталистическое государство. Известно, что они встречались.

Известно, известно... А вот два неизвестных так и остаются нераскрытыми... Резидент и кто-то в институте. Кто? Главное — найти резидента. Ландыш прислала пленку с фотографией, предупредив: «Есть основания полагать, что это резидент. Координаты попытаюсь раздобыть».

Появилась еще одна ниточка, за которую можно уцепиться. На фотопленке, присланной Ландышем, — важное сообщение: в сети Карла и Дженни попался какой-то ученый из Сибири, занимающийся примерно теми же проблемами, что и Круглов. Карл называл гостя профессором, Дженни — Константином Петровичем, Дженни отлично выполнила задание брата — сибиряк оказался более податливым, чем Петр Максимович...

...Птицын еще и еще раз перечитывал сообщения Ландыша. Взгляд задерживался на строках, посвященных ученому из Сибири. Чекисты уже многое знают о нем. Но вот что странно! Прошло немало времени, а, судя по данным сибирских товарищей, никто еще не выходил на связь с Константином Петровичем. Неужели они забыли о нем, оставили его в покое? Нет, так не бывает. Еще потревожат. Вот тогда и резидент объявится... А если сибирские коллеги прозевали? Если профессор уже давно начал действовать как источник информации?

...Бывают же такие совпадения: размышления майора прервал лейтенант Кожухов:

— Только что получена телеграмма от сибиряков: профессор выехал в Москву...

...Петр Максимович ничего нового для Птицына сообщить не смог. Карл от вторичной встречи уклонился. Позвонил по телефону, поблагодарил за гостеприимство, произнес несколько восторженных тирад о Москве и на прощанье сказал: «А что касается статьи для журнала, то пока надобность в ней отпала. Надеюсь, это вас не огорчает?»

— И что же вы ответили ему?

— Всегда к вашим услугам, господин Карл.

— Вам бы в МИДе работать, Петр Максимович. Сама любезность и галантность. Ладно. Нам еще, возможно, придется встретиться с вами. Не возражаете? Ну и отлично.

— Насколько я понимаю, надо держать в секрете свои переговоры с иностранцем?

Птицын на мгновение призадумался.

— Конечно, пока... А позже... Позже всякое может потребоваться... Да, чуть было не забыл. К вам в институт приехал из Сибири на консультацию профессор М. Вы его хорошо знаете?

— Нет.

— Долго он пробудет у вас?

— Это зависит от шефа. Он связан с ним непосредственно.

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Не успел Птицын закончить разговор с Петром Максимовичем, как позвонили из приемной: профессор М. просит принять его.

...Александр Порфирьевич Птицын шагает по комнате из угла в угол, неторопливо и мягко. Он внимательно слушает. А гость, низко опустив голову, тихо ведет свой рассказ. Это тяжкая исповедь человека, долго стоявшего на самом краю пропасти и все же нашедшего в себе силу воли, чтобы не сделать последнего шага.

Профессору под пятьдесят. Детство его в небольшом южном городке сложилось неудачно. Отец — электромонтер. Мать — мапикюрша. Отец приходил домой всегда пьяный. Любил играть в карты, якшался с какими-то темными людьми. Ночью, протрезвев, в ярости начинал бить жену. Во время одного из таких скандалов сын услышал среди прочих ругательств и такое: «У, дворянская стерва! Княжеское отродье!» Позже он узнал, что

мать скрывает свое дворянское происхождение, она действительно из какого-то княжеского рода, вся ее семья в восемнадцатом году бежала во Францию, а она с бабушкой находилась в это время в деревне — так и застряла в России. Мать поведала ему обо всем этом незадолго до смерти — они остались вдвоем: отец бросил их, уехал на север зашибать деньгу. И еще узнал от матери, что она тайком переписывалась с братом и сестрой, жившими в Париже: письма приходили на имя одинокой богомольной старушки.

Тайна матери легла тяжелым грузом на хрупкие плечи юноши. Как быть, как поступить ему, члену школьного комитета комсомола? Признаться, что ты княжеский отпрыск по матери? Стыдно, да и страшновато: в вуз дорога закроется. Костя счел за благо молчать.

Мать умерла в тот день, когда ему вручили аттестат зрелости — это было летом 1940 года. Он остался один-одинешенек.

Костя пошел работать на завод. Руки у него были золотые — с детства приходилось мастерить. Скоро молодому слесарю дали пятый разряд. Материнская исповедь как-то забылась. Жизнь пошла весело — появились дружки, девушки. А тут еще своя комната — сам себе хозяин. Пей, гуляй, веселись! А нить он любил, — видимо, от отца по наследству. Да и мать, покойница, не брезговала...

Трудно сказать, куда привела бы его эта дорога, если бы не война. 23 июня он был отправлен на фронт, а через три месяца появился в родном городе — здесь уже хозяйничали оккупанты — в весьма непрезентабельном виде: изодранные замасленные брюки, кургузый пиджачишко неопределенного цвета и какие-то чёботы на ногах... От дома, где он жил, остались развалины — прямое попадание бомбы. Побрел на окраину, где в тихом переулочке жил Фомич, старик, посвящавший Костю в таинства слесарного искусства: «Может, там на первых порах отдам якорь». Старик ахнул, когда увидел Костю.

— Откуда ты, вояка?

— Из окружения, батя. Думал, что уже конец. А выполз. На брюхе, да выполз.

Фомич усмехнулся:

— Нет, сынок, это не то. Не туда выполз... Если бы к своим — другое дело. А ты от немцев — к немцам. Ладно, давай устраивайся. В тесноте, да не в обиде... Найдем для тебя и здесь подходящее дело. Фронт, он везде фронт...

Поначалу парень не понял, о каком фронте Фомич речь ведет. А потом сообразил что к чему. В общем, судьбе было угодно перебросить Костю с одной линии фронта на другую — в глубокое подполье. С месяц Фомич проверял парня, пока решился наконец приобщить его к той горстке смельчаков, что по заданию горкома партии во главе с его секретарем действовала в городе. Костю включили в боевую тройку.

Под Новый год, в тот день, когда подпольщики должны были подорвать немецкий склад, Костю схватили гестаповцы. Выдал его провокатор. Парня долго и тяжело пытали, и он в конце концов не выдержал — предал всю тройку. В награду гестаповцы переправили его в другой город, километров за двести, поближе к линии фронта, передав с рук на руки тамошним гестаповцам. Выпрямили ему и новые документы. В гестапо откуда-то узнали подробности Костиной биографии, именно те, которые он тщательно скрывал. И сами решили, что отныне носить ему фамилию матери. Гестаповец, вручая документы, так и сказал: «Вы должны гордиться, молодой человек, фамилией вашей матушки. Близок час, когда вас примут в свои объятия дядюшка и тетушка». Костя пришел в ужас: откуда они все это знают?

Встреча с дядей и тетей отпала на срок весьма неопределенный. Могучий вал наступающих советских войск докатился до прифронтового городка.

Костя снова вступил в ряды Советской Армии и прошел путь до Берлина, заслужив два боевых ордена и звание лейтенанта. После демобилизации он предусмотрительно не вернулся в родные края, решив поселиться в сибирском городе, где жил его фронтовой друг.

Так началась новая жизнь. Поступил на большой машиностроительный завод. Стал учиться в вечернем вузе. Получил диплом инженера, пригласили в научно-исследовательский институт. Женился на сотруднице этого же института, работали в одной лаборатории. В науке весьма и весьма преуспевал — в нем открылся дар исследователя. Сравнительно быстро защитил кандидатскую диссертацию, а звание доктора присвоили без защиты.

Жил он легко, весело, для всего находилось время: и гостей принять, и в ресторане с друзьями посидеть, и, пользуясь доверием супруги, за женщинами поухаживать.

Год назад профессора послали в заграничную научную командировку. Он хорошо владел немецким и несколько хуже английским. В столице небольшого западноевропейского государства Константин Петрович познакомился с работами коллег. Все протекало наилучшим образом. В отличном настроении профессор готовился к отъезду, когда грянул гром...

Ему во всех деталях запомнился июльский день, и бульвар с многолетними липами в цвету, и слитный шум города, и зеленая скамейка на бульваре — он присел отдохнуть, собраться с мыслями перед последней встречей с коллегами. К нему подошел немолодой человек и на русском языке, несколько жеманно, приветствовал его:

— Привет тебе, желанный друг, под сенью города большого.

— Простите, с кем имею честь?

— Не узнаете? Впрочем, понятно... Прошло, кажется, более двадцати лет... Но у меня память на лица особая... И кое-какая информация о гостях нашего города... И вот эта рассеченная бровь... Здорово он вас тогда...

Сердце куда-то провалилось, в глазах пошли черные круги. На несколько минут он потерял дар речи. В памяти отчетливо всплыла та страшная ночь в гестапо, о которой не ведает никто, даже жена. Сквозь туман времени встало перед ним это лицо. «Шрам на лице»... Теперь он вспомнил смуглого сухощавого хлыща с усиками. Как и тогда, он нагло, с издевкой, в упор смотрел на него из-под косматых бровей. Это при нем появился рубец — хлыщ служил переводчиком в гестапо. Немцы звали его Серж.

— Вот видите, снова встретились. Судьбе угодно было! Рад за вас, дорогуша. Вы тогда в общем-то отделались легкими ушибами... Кажется, стали большим ученым. Я о вас в здешней газете читал. И фотографию вашу видел.

— А вы? Вы что здесь делаете?

— Пока живу — надеюсь! Надеюсь на лучшие времена. Коммерция. Комбинирую. Желание — это отец мысли. Есть желание — хорошо, легко жить, появляются и кое-какие мыслишки на сей счет... Может, заглянем в ресторан, отметим встречу соотечественников? Честно говоря, порой охватывает такая неумная грусть... Родина, дом, русская зима... Не перечеркнешь. Ну так как?

— Простите, я занят... И потом, как бы вам поделikatнее сказать... стоит ли?

— Вы не обижайте земляка. Не брезгуйте. И так приятно встретить русского. Иногда хочется вернуться... Но не знаю, как примут? Страшновато... — Серж сразу как-то спик.

Профессор удивленно посмотрел на собеседника.

— Прошу прощения, как говорите, рога трубят... — поднялся с места и, не подавая руки, раскланялся, перехватив колючий взгляд хлыща.

Поздно вечером, вернувшись в гостиницу, профессор по обыкновению спустился в ресторан поужинать. Он только вошел в зал, как тут же был перехвачен Сержем.

— Прошу к нашему столу... Не обижайте... Я обещал одной даме познакомить ее с русским гостем. Она, между прочим, тоже говорит по-русски. Вы не представляете, как тоскливо и горько на чужбине. И как мы рады встрече с каждым человеком из отчего дома... Забудьте и простите нам бывшее... За нашим столом ваш коллега. Вы уже встречались с ним тут... Ну будьте же русским человеком с русской доброй душой... Прошу вас...

За столом в обществе молодой красивой женщины действительно оказался его коллега — один из ученых, с которым профессора познакомили в здепнем научном институте и который вел исследования примерно в том же направлении, что и он сам. Ученый этот, его звали Карлом, запомнился профессору еще и потому, что в отличие от своих друзей он почти свободно, с небольшим акцентом, говорил по-русски.

Коллега представил даму:

— Дженни... Женья... А мир тесен... Серж говорил, что вы, кажется, когда-то встречались.

Профессор нахмурился и зло буркнул: «К сожалению, да».

Беседа явно не клеилась. Напряженную обстановку разрядила Дженни. Она задорно посмотрела на профессора, сидевшего рядом с ней, ласково взяла его под руку и сказала:

— Какой вы, однако, колючий.

Все трое весело рассмеялись. Профессор улыбнулся.

— Ну что ж, давайте ужинать...

— Вот и отлично. Я с удовольствием выпью с вами, коллега, за процветание науки, которая не знает границ.

Нам, ученым, печего делить. Мы едины в своих устремлениях к свету и прогрессу...

И Каря чокнулся с советским профессором. Он посидел за столом еще минут двадцать и, извинившись: «Дела, дела» — раскланялся.

Они много пили, ели, танцевали. Потом Серж предложил перейти в номер гостя. Предложение было принято с восторгом. Вскоре явился официант. Распоряжения отдавал Серж — профессор был занят Дженни...

Проснулся он поздно, с тяжелой головой, тщетно пытаясь восстановить в памяти детали минувшей «афинской ночи»: куда и когда исчезли коллега, Серж, Дженни. Кажется, его ночью повезли куда-то в гости? Ах да, к этой очаровательной Дженни. Очень мило... И его обслуживала русская горничная... А потом?

Ему стало страшно. Первым делом он бросился к портфелю — там его записная книжка с телефонами, адресами, документы и тетрадь со служебными записями. Слава тебе, господи, все на месте. Он облегченно вздохнул, не дав себе труда проверить, шарил ли кто-нибудь в портфеле.

В полдень профессор уезжал домой. Он спустился вниз, к администратору гостиницы, чтобы рассчитаться. В холле его ждал Серж.

— Как чувствует себя мой дорогой друг? Вы, кажется, слегка побаловались ночью? Ну, не расстраивайтесь. Можно же позволить себе иногда и шалости. Поверьте, все это останется между нами... Я же понимаю, нужна революционная бдительность. Не так ли?

И он фамильярно похлопал профессора по плечу. Тот удивленно посмотрел на него и направился к администратору — платить за гостиницу. А тут новая, мягко выражаясь, неприятность: счет ресторана. «Афинская ночь» влетела в копеечку; распоряжался Серж, а платить-то надо ему. Увидев сумму счета, он побледнел, у него затряслись руки.

Где взять столько валюты? Все уже подсчитано, все израсходовано, сегодня день отъезда. Он беспомощно оглянулся. Серж стоял рядом и улыбался.

— Что поделаешь? Надо платить денежки...

— Но у меня нет столько денег!

— Это печально... Нужно искать выход...

— Какой же выход? — вопрос застрял у него в горле.

— Возможны варианты, профессор. Но, мне кажется,

что холл не лучшее место для обсуждения этих вариантов. Может, зайдём к вам в номер? Давайте сюда счёт...

Они поднялись в номер. Серж говорил тихо, вкрадчиво.

— Вот здесь, — он показал на свой портфель, — магнитофонная запись и фотографии всех пикантных сцен минувшей ночи. Здесь, — он показал на кармашек пиджака, — счёт ресторана на ваше имя, счёт, который будет оплачен мною. О соответствующей расписке я позабочусь сам. А здесь, — он постучал пальцем по лбу, — сохранены все сведения касательно ваших признаний в гестапо и касательно вашей тоеушки, проживающей в Париже. Кстати, по первому моему сигналу она готова нагрянуть к вам в Сибирь в гости... Туристом... В вашей анкете сие, кажется, не предусмотрено.

— Чего вы от меня хотите?

— Сущие пустяки! Поверьте слову русского человека. Мы расстанемся добрыми друзьями. Вот вам значок с видом Эйфелевой башни. Сохраните его, пожалуйста. Человечек, который вам предъявит у вас дома такой же значок, будет нуждаться в некоторых ваших услугах... Самых мелких, ничего не значащих. Вы меня поняли, профессор? Не удивляйтесь, если этим человеком буду я... Вы изволили уже слышать от меня — возможны варианты...

РОКОВОЙ ЗНАЧОК

С того дня прошло много времени, и профессор решил, что все благополучно обошлось. Кошмарный сон, и ничего более. Никто его не тревожил.

И вдруг...

— Это случилось недели две назад, в воскресенье, — продолжал свой рассказ профессор. — Я возвращался с охоты. Иду лесной опушкой и на самом повороте к шоссе меня кто-то сзади тихо окликнул. Я обернулся — человек протягивает мне значок с видом Эйфелевой башни и спрашивает: «Это не вы обронили?» Протягивает и улыбается. А я едва на ногах стою. Кровь хлынула к лицу: «Значит, не дадут покоя. Вспомнили». Спрашиваю:

— Кто вы такой? Что вы пристали?

— Вам не надо знать, кто я. Завтра меня уже не будет в этом городе. Слушайте и не возражайте: под любым

предлогом вам нужно приехать в Москву. Не дадут командировку, сошлётесь на болезнь близкого человека. Если через две недели не приедете в Москву, пеняйте на себя.

— Я не могу сейчас уехать. Меня не пошлют в Москву...

— Повторяю: возьмите отпуск. Выдумайте подходящий предлог. Когда приедете — дадите знать: на стене будки автомата в вестибюле кино «Ленинград» напишите: «Саша плюс Маша = любовь». Вас найдут. Не вздумайте вилить.

...Птицын слушал профессора и мысленно разносил своего сибирского коллегу: «Как же вы так опростоволили! Сказано же было вам: год, два смотрите. Кто-нибудь да выйдет на связь... Хорошо, что дело так обернулось».

А профессор продолжал свою исповедь:

— Я решил твердо: не поеду. Будь что будет. Внутренне готовил себя к сегодняшнему нашему разговору. И вдруг вызывают к директору: «Срочно выезжайте в Москву. Звонил Алексей Михайлович, соглашается проконсультировать вас». Я обомлел. На консультацию! Да не в сговоре ли они все против меня? Что ты будешь делать? Надо ехать. А насчет автомата — «Саша плюс Маша» — это черта лысого. Пусть что хотят делают... Да и будут ли что делать... В общем, я условленного сигнала не подал.

Профессор привез на консультацию Круглова проект новой схемы управления сложной установкой, работающей на том же принципе, что и установка «Альфа», известная в узком кругу ученых как «эффект К». В Сибири сооружается огромный корпус, в котором частично будут проводиться эксперименты, призванные в какой-то мере еще раз подтвердить смелые гипотезы профессора Круглова.

...Вчера Константин Петрович вернулся в гостиницу поздно ночью — был в гостях у родных жены. И сегодня собирался ехать в институт попозже, часам к одиннадцати.

В десять раздался телефонный звонок.

— С вами говорит помощник заместителя председателя Госкомитета... Сейчас за вами придет машина. Срочно поезжайте в филиал института. Вы знаете, где он находится? Да, там... Хозяин уже на месте. Профессор тоже

выехал туда. Сегодня он начинает новую серию экспериментов. Пожалуйста, поспешите, вас будут ждать.

Константин Петрович через пять минут спустился вниз, полный всяких догадок и недоумений: в чем дело, почему вчера Алексей Михайлович не предупредил его ни о каких экспериментах? Странно... Позвонил в институт. Секретарь ответила, что Алексей Михайлович действительно рано утром уехал. Куда? Неизвестно. В филиал? Возможно, что и в филиал...

У подъезда его ждала «Волга». Он подошел к машине, назвал свою фамилию и сел рядом с водителем. Шофер сидел нахохлившись, с поднятым воротником пальто.

— Добрый день, профессор. Будем знакомы. — И водитель протянул значок с видом Эйфелевой башни.

Профессор вздрогнул, слегка повернулся влево, изумленно посмотрел на водителя. За рулем сидел широкоплечий атлетического сложения человек лет пятидесяти.

— Что вам от меня надо?

— Меня просили передать вам этот сувенир. Извольте... Небольшой фотоальбом.

Связник — профессор мысленно окрестил его кличкой «Атлет» — явно издевался: в альбоме были собраны фотографии, запечатлевшие ученого с Дженни.

— Это что, ловушка? Шантаж? Куда вы везете меня?..

— Слегка проветриться... Обсудить кое-какие проблемы... Я вас долго ждал. Есть о чем поговорить.

— Кто вам сообщил, что я в Москве, что я в гостинице? — крикнул профессор.

— Не кричите! Вопросы задаю я, — зло буркнул Атлет. — Запомните это раз и навсегда и не задавайте больше дурацких вопросов. Это я должен спросить, почему вы не подали условленного сигнала? С огнем играете, профессор... Будем считать инцидент исчерпанным. Рассеянность ученого. Забывчивость или нервы. Да? Согласны? А теперь к делу. Вы в курсе намеченной профессором Кругловым программы экспериментов? — Не ожидая ответа, он в который уже раз с тех пор, как выехали на шоссе, тревожно посмотрел в зеркальце. — Э, наши дела осложняются, профессор... Хвост... Эту машину я приметил еще на проспекте Мира... Сейчас мы ее проверим.

Он замедлил ход. Выехал на обочину. Остановился. Поднял капот. «Хвост» проскочил мимо, свернул с шоссе влево и тоже остановился. Ясно — ждет. Атлет подал

знак, чтобы профессор вышел из машины. И, продолжая «копаться» в двигателе, сказал:

— Не поворачивайтесь лицом к «хвосту». Пусть, если хотят, спины фотографируют... А теперь слушайте внимательно. Нам нужны точные данные о последних работах профессора Круглова. Нам известна проблема и еще кое-что. Но это очень непрофессионально. Потому я говорю: нам нужны точные данные. Вы ученый, и вы можете дать больше, чем мы получили раньше, о работах Круглова. Плюс такие же точные сведения о работах вашего сибирского института, которые, надеюсь, вы не откажетесь сообщить нам. Все это, как вы понимаете, мы сравним, уточним... Через три дня мы встретимся на остановке троллейбуса № 3 на улице Чехова. У Пушкинской площади. В девятнадцать ноль пять... А теперь садитесь в машину. Будем «хвост» сбивать.

— И сбили? — полюбопытствовал Птицын.

— По-моему, да.

— Ну-ну! Но это так, к слову, чисто профессиональное любопытство... Человек вы... как бы это помягче сказать, ну не дальновидный, что ли... Однако образумились вовремя, и это делает вам честь. А то мы уж сами собирались вас вызывать. Сейчас уж нечего расстраиваться, губы кусать... Выпейте воды... Могу валокордин предложить. Успокаивает... Возьмите себя в руки. Будьте мужчиной. Нам о серьезных делах говорить. Вот так... Спокойнее. Значит, говорите, что «кое-что» им известно, а просят «точные данные».

Кто же составляет им это «кое-что»? Птицын задумался. Он сам был в свое время причастен к науке. И хорошо знал цену этого «кое-что». Птицыну, когда он был аспирантом на кафедре радиоэлектроники, профессор частенько говорил: «Путь к открытию тернист и многотруден. Иногда кажется, что уже все знаешь, все тебе ясно, а вот чего-то еще не хватает, самой малости... Уncia знаний... А добываешь ее годами». Профессор верил в талант своего аспиранта, пришедшего в науку из заводской лаборатории. «У вас дар исследователя, аналитический ум, — говорил он. — Это очень важно для ученого».

Птицын вспомнил своего учителя и улыбнулся. Что подделаешь! Его «дар исследователя и аналитический ум» были по достоинству оценены людьми, работавшими совсем в другой области...

Итак, что же получается?..

Он достал из папки запись бесед с Петром Максимовичем, вновь и вновь перечитывал строки, уже давно привлекавшие его внимание: обстоятельства, при которых Егоров вторично встретил человека, приходившего к нему за спиннингом. Неужели это случайность — из магазина вышла она, близкий друг Петра Максимовича, а через несколько минут вслед за ней он, Атлет... резидент... Если это не случайность, тогда...

— Вот что, Константин Петрович. При встрече с Атлетом скажите ему, что последние данные о работе института Круглова вы можете получить от самого Круглова, вашего доброго знакомого, но что вам при беседах с шефом очень мешает его ближайший помощник Егоров: при нем Круглов менее откровенен, более сдержан...

— Не понимаю... Что же от меня еще требуется? Скажу я ему это... а дальше...

— Спокойствие и выдержка. Атлет должен вам верить. Скажите ему, что в четверг вы задержитесь подольше с Кругловым... Конечно, если вам не помешает Петр Максимович... Желаю успеха.

Птицын проводил сибиряка и, не заходя в свой кабинет, отправился к генералу. Клементьев ждал его...

— Задумали вы хорошо, Александр Порфирьевич. Согласно элементарным законам логики Атлет должен поручить своему человеку в институте в четверг увести Егорова из лаборатории пораньше. Кто окажется этим человеком?

— Завтра узнаем об этом у Егорова...

— Ему известен ваш план?

— Нет. Надо ли посвящать его...

— Посвящать во все детали плана не следует, но как-то подготовить его, пожалуй, надо... Повстречайтесь с ним сегодня и попросите внимательно присматриваться ко всему, что будет происходить в лаборатории в четверг. Ведь по-разному можно заставить Егорова пораньше уйти из института. Мы с вами предполагаем, что это будет поручено кому-то из работников института... Логично... А если Атлет другой способ найдет?

...Разговор Птицына с Егоровым был не из легких.

— Я прошу вас, Петр Максимович, внимательнейшим образом, не пренебрегая деталями, мелочами, зафиксировать все, что увидите и услышите в четверг в институте...

— Именно в четверг?

— Да.

Егоров несколько раздраженно отреагировал на такое поручение.

— Но я же не чекист. Вы должны понять... Есть какая-то грань... Я — ученый и...

— Вы гражданин. Это ваша главная должность на советской земле, Петр Максимович. Прошу не забывать... К тому же во всем этом в какой-то мере вы заинтересованы персонально... Вот так... И над этим подумайте...

Егоров сник и растерянно посмотрел на Птицына.

— Вы меня не так поняли, Александр Порфирьевич. Я хотел подчеркнуть свою непригодность. Это ведь все не так просто... Я опасюсь — сумею ли...

— Сумеете. Я тоже в свое время опасался — сумею ли?

...Егоров в общем-то достаточно добросовестно выполнил задание. В пятницу утром Птицын слушал наиподробнее доклад обо всем, что слышал и видел в тот день Петр Максимович. Начиная с девяти утра.

— В четыре часа дня я получил приглашение пойти в театр. Но отказался. Мне срочно надо было готовить свой доклад шефу... И я никак не мог уйти пораньше из института.

— От кого вы получили столь приятное приглашение? — Птицыну не легко сохранить на лице выражение полного безразличия. Впрочем, сейчас это уже не так важно. Развязка близка.

— От переводчицы, Натальи Викторовны... Приглашение было действительно приятное... И я не устоял. Она все же увела меня в театр: «Пусть это будет моим капризом. Я ведь не так часто капризничаю. Не правда ли?» И я не смог отказать ей...

ОНИ ПЛЫЛИ РЯДОМ

Все, кажется, становится теперь на свои места, и Птицын вынужден сказать Егорову всю правду. А это не легко. Ученого уже, видимо, терзают тяжелые предчувствия. В лице его столько грусти, печали, душевного волнения. Но иначе нельзя. Он должен все знать о ней. Так требует задуманный чекистами план.

...Они гуляли по набережной — это любимое место их прогулок: здесь, собственно, все и началось. Первое по-

жатие руки. Первое объяснение в ту безлунную ночь, когда сквозь нависший над рекой туман мерцали одинокие звезды.

А сейчас он смотрит на нее глазами, которым открылся весь ужас свершившегося. Она все щебечет и щебечет о чем-то, а он ее не слышит. Он думает о том, хватит ли у него физических и душевных сил выдержать и не выдать себя, скрыть, как клокочет его сердце — гневом, ненавистью, презрением. Должен, обязан выдержать, не имеешь права выдавать себя — это ничтожно малая расплата за все... За что? В чем твоя вина?

— О чем ты думаешь, Петя? Ты меня не слушаешь...

— Прости, пожалуйста, Наташа, я действительно задумался. Меня все же тревожит этот визит иностранца и необычное его предложение насчет статьи. И потом неожиданный отбой. Как-то беспокойно на душе... Странный джентльмен...

— Петя, вспомни, ты за рюмкой водки не сболтнул чего-нибудь лишнего? — испуганно спросила она.

— Успокойся, Наташенька. Ты ведь знаешь, какой я пьяница... Я, конечно, ответил на некоторые его вопросы...

И Петр Максимович вслух стал вспоминать вопросы, которые ему задавал Карл, и то, что он ответил на них.

— А по-моему, Петя, ты был слишком откровенен с ним...

— Дорогая, ты не волнуйся за меня. Главное-то в нашем открытии совсем не в том, что я ему рассказал. Ведь мы нашли... — И он долго говорил о последних исследованиях института. Однако Наташа вовсе не слушала его, а довольно откровенно позевывала. «Майор как в воду глядел: «Ни одного вопроса она не задаст вам», — вспомнил Петр Максимович. — Прости меня, пожалуйста, Наташенька... Для тебя это, конечно, скучная материя, а для меня — вся жизнь...

...Был жаркий вечер. Они зашли на Поплавок поужинать. Наташа была очень весела, ласкова.

На следующий день сразу после работы Наташа поехала в Химки. Петр Максимович задержался в институте, и они условились встретиться в восемь часов вечера у входа в речной вокзал.

...Она заплыла далеко-далеко, когда рядом с ней неожиданно появился мужчина. Кругом — ни души. Какую-

то минуту плыли молча, бок о бок. Достав из-под купальника пластмассовый мешочек, она протянула его мужчине.

— Тут последние данные. Я их записала со слов Егорова.

— Хорошо. Изучим, увидим, решим, что дальше делать. Инструкцию и вознаграждение получите через тайник номер два.

И они поплыли в разные стороны.

В восемь вечера Петр Максимович ждал ее у подъезда речного вокзала.

За ужином Наташа говорила Петру теплые и ласковые слова, которые его уже не согревали. Но он понимал, что ему надо улыбаться. И он улыбался, рассказывал какие-то забавные истории про своего приятеля Жору, а потом они живо обсуждали премьеру в «Современнике».

В институте жизнь шла своим чередом. Улеглись волнения, страсти, кипевшие в первые дни после того, как пришел зарубежный журнал с заметкой об «Альфе». Ничего не изменилось и в отношениях Наташи и Петра Максимовича — они все такие же веселые, жизнерадостные. И только шеф, профессор Круглов, сильно сдал, осунулся, как-то сник, побледнел, и, кажется, впервые этот крепкий старик почувствовал, что такое боль в сердце...

К «Альфе» Наташа по-прежнему не проявляла никакого интереса. И если случалось, что в кабинете Круглова в ее присутствии кто-то заводил разговор о новом аппарате, переводчица незаметно исчезала из комнаты.

После работы Наташа и Петр Максимович, как правило, уходили вместе. В тот вечер они собирались идти в кино. И вдруг по дороге к метро Наташа вспомнила, что ей надо заглянуть в ближайший универмаг: «Это нам по пути».

Был час пик, народу много, и Егоров предложил не задерживаться в магазине: «Иначе опоздаем в кино». Наташа капризно повела плечами и сказала, что завтра непременно должна отнести своей портнихе пуговицы.

— Ты подожди меня, Петя, на улице... Зачем нам обоим толкаться... — И быстро направилась к лестнице, ведущей на второй этаж.

Был у Егорова в то мгновение порыв — ринуться вслед за ней. После всего того, что ему рассказал Птицын, после того, как началась эта тягостная игра — он должен

мило улыбаться этой девушке, ухаживать за ней! — в нем нарастало желание самому выследить переводчицу, самому схватить ее за руку на месте преступления. Но он не имеет права, есть строгий запрет Птицына: «Без нашего разрешения — ни шагу, ни одного самостоятельного действия». И он не пошел вслед за Наташей, хотя и подозревал, что портниха, пуговицы — все это выдуманно на ходу.

Наташа не заставила себя долго ждать. Прошло лишь две-три минуты, и она снова рядом с Егоровым. Увы, нужных ей пуговиц в этом универмаге нет и ей придется отправиться в поход по магазинам.

— Что делать, Петенька... Дамское пальто сшить труднее, чем дом построить... Ты не сердись... Портниха страшная злобка. Если я завтра не принесу ей пуговицы — будет скандал...

— Зачем же до скандала дело доводить. Дамская портниха — царица всех цариц. Даже мужчины это знают. Отправляйся в экспедицию за пуговицами, а я позвоню Жоре, он тоже хотел пойти в кино...

И они расстались.

...В тот же вечер Птицын получил сообщения.

...В двенадцать ноль-ноль Атлет прибыл из своей митицинской квартиры в Москву и в течение нескольких часов колесил по городу, переходя из одной станции метро в другую, путешествуя из Химок в Измайлово и обратно. Видимо, заметил, что кто-то следует за ним по пятам, и пытался оторваться. Последняя его попытка — через проходные дворы, соединяющие Новослободскую и Бутырский вал — не увенчалась успехом.

...В семнадцать тридцать Атлет зашел в универмаг, расположенный близ института Круглова, поднялся на второй этаж, заглянул в телефонную будку и что-то начертил на стене.

...В восемнадцать десять в эту же будку зашла Венера и сделала вид, что звонит по телефону, но даже забыла опустить монету в автомат. Разглядела надпись на стене и тут же вышла на улицу, где ее ждал Егоров. Через несколько минут они разошлись в разные стороны. Венера так же, как и Атлет, целый час путешествовала по разным станциям метро и наконец вышла на Октябрьскую площадь. У остановки троллейбуса ее ждал Атлет. Они пере-

глянулись и подошли к афишной тумбе, возле которой толпился народ. Атлет сунул в карман Венеры какую-то бумажку и мгновенно исчез. Венера прочла записку, немедленно разорвала ее на мелкие кусочки и бросила их в урну. Кусочки записки прилегают.

...В двадцать один час Венера приехала на Пушкинскую площадь, направилась на улицу Чехова. На остановке троллейбуса № 3, около театра Ленинского комсомола, на столбе она начертила мелом три крестика.

...В двадцать один десять к этому столбу подошел Атлет.

Поздно ночью Птицыну принесли из лаборатории реставрированную записку Атлета.

«Требуем новые данные о работе профессора. В полученной от вас информации оказались неточности. Нужны уточнения. Ждем более точных сведений. Используйте благоприятную ситуацию: после публикации зарубежного журнала секретность темы ослабеет. Действуйте быстрее и тем же оружием».

И Венера продолжала действовать. У контрразведки было достаточно оснований, чтобы арестовать и Венеру, и Атлета. Но чекисты решили подождать, посмотреть, как будут развиваться события.

Птицын следит, не выявятся ли новые действующие лица, в Москве ли хозяин Атлета? Увы, пока их только двое. Атлет и Венера. Однако хозяин должен быть где-то рядом, вряд ли Атлет самостоятельно решает все вопросы, связанные с операцией «Альфа».

...В антракте Наташа с Петей прогуливались по фойе Большого театра. Птицын шел им навстречу. Чуть-чуть впереди его — изысканно одетый, высокий, худощавый человек средних лет... Он был один. Без дамы. И когда Наташа поравнялась с ним, взглянула на него, лицо ее внезапно стало пунцовым, в глазах метнулись искорки испуга. На какую-то долю секунды она растерялась и даже чуть было не поклонилась человеку, шедшему ей навстречу. Только на какую-то долю. Но Птицыну этого было достаточно.

Александр Порфирьевич ушел с последнего действия «Спартак». Он должен встретить смутившего Наташу незнакомца при выходе из театра. На случай всяких осложнений вызваны два оперативных сотрудника.

Незнакомец уехал домой на машине. А на следующее

утро Птицын получил исчерпывающую информацию: это был сотрудник посольства.

К вечеру поступило еще одно сообщение.

«...Сегодня в шестнадцать пятнадцать Атлет зашел в кафе «Националь» и занял столик, за которым только что сидел тот самый сотрудник посольства. Под небранной тарелкой лежала бумажка. Через секунду она оказалась в руках Атлета».

О содержании записки Птицын узнает позже — шеф недоволен поведением Наташи в театре, нет выдержки, не умеет владеть собой, забывает о строгих правилах конспирации.

Прошло еще несколько дней. Были условные телефонные звонки Атлета. Была его мимолетная встреча с Венерой в Мосторге в субботу, в час, когда у прилавка большая толпа народа. А в понедельник на остановке троллейбуса № 10 на площади Восстания появилось приклеенное к стене объявление Семивзоровой: она продает иностранный транзистор фирмы «Текап акылак ортем».

Странная, никому не известная фирма! Но Атлету она известна. И Птицыну тоже. Он читает сообщение оперативного сотрудника и улыбается.

— Нервы сдают... Немудрящее объявление... Без выдумки...

Пишется «текап акылак ортем», а читается наоборот — пакет калька метро. Все ясно!

...В девять вечера Наташа вышла из дому с чемоданчиком в руках и направилась к станции метро.

...Она стояла у двери, соединяющей один вагон метропоезда с другим. У ног ее — чемоданчик. Наташа совершает длительное подземное путешествие — от Речного вокзала до Автозаводской. Уже несколько раз сменился состав пассажиров, и никто уже не считает, что чемоданчик, стоящий на полу, принадлежит этой девушке. Наташа вышла из поезда на Автозаводской, а чемоданчик остался в вагоне, у ног Атлета... Так она передала ему кальку с чертежами, формулами, кальку, специально обработанную и подготовленную Егоровым по указаниям Птицына. Еще одна «совершенно точная» информация об «Альфе» уйдет за рубеж.

В одиннадцать вечера Птицын докладывал генералу о ходе операции. Было решено, что рисковать дальше нельзя.

Их арестовали в один день: Наташу в Москве, дома, Атлета — в Сибири. Его взяли в лесу в момент свидания с сибирским ученым — Атлет полетел к нему по срочному заданию своего хозяина, сотрудника посольства.

Константин Петрович, получив от Атлета условную телеграмму «Буду. Выезжаю санаторий», сразу же позвонил Птицыну. Александр Порфирьевич выслушал сообщение сибиряка и мысленно отметил: «Молодцом! Искушает вину...»

На первом же допросе Атлета стало ясно — он того же поля ягодка, что и Серж.

А вот Наташа — она-то как дошла до жизни такой?

КАК ЭТО БЫЛО?

...Это случилось во время практики. Наташе в Интуристе дали одно из наиболее ответственных поручений — работать с иностранным гостем — ученым. Она должна помочь ему познакомиться с нашей страной.

Наташа с волнением приступила к новому для нее делу и быстро освоилась с ним. Ей понравился необычный для нее образ жизни — машины, приемы, театры. И еще одно немаловажное обстоятельство: иностранец был сравнительно молод, обаятелен и, как ей это показалось, несколько более обычного внимателен к ней.

...Нет, она не поедет к Димке в тайгу. К чему, зачем? «С милым рай и в шалаше» — это выдумка неудачливых девиц. Теперь она это уже твердо решила и даже написала Диме: «Не сердись, кактус! Ты должен понять меня».

Однажды в холле гостиницы студентка встретила сотрудницу Интуриста, помогавшую практикантам. «Рада сообщить вам приятное, ваш подшефный весьма доволен своим гидом».

Тогда Натали еще не догадывалась, что у ученого были серьезные для этого основания: его вполне устраивала болтливая, веселая, падкая на комплименты и сувениры девушка. Тогда она еще не понимала, почему так участливо иностранец расспрашивал ее о погибшем отце, о матери, бабушке, дяде. У девушки учащенно билось сердце, когда гость будто невзначай дольше обычного задерживал ее тоненькие пальчики в своей большой руке...

Однажды он познакомил гида со своим другом юности — «мы вместе учились в колледже» — работником

посольства. Они втроем несколько раз были в Большом театре, ездили в Загорск смотреть Лавру. И в тот прощальный вечер, когда ученый собирался улетать домой, когда он горячо благодарил свою переводчицу (не словом — сувениром), сотрудник посольства тоже был тут. Ученый дружески похлопывал его по плечу.

— Я прошу тебя, мой друг, не оставлять без внимания мисс Натали. Она заслуживает этого внимания. — Он галантно поцеловал ей ручку. — Вспоминайте меня, когда будете вместе... Я даже разрешаю вам когда-нибудь выпить за мое здоровье... Но ни шагу дальше... — И ученый весело рассмеялся, обнимая своего друга.

И Натали смеялась. Ей было и весело и немного грустно: она привыкла к своему подшефному. А ученый продолжал: «Мисс Натали, я вас тоже прошу не забывать моего друга. Он пишет книгу о русской науке и, может быть, ему потребуются какие-нибудь справки или официальные справочники или устная консультация. Если это вас не очень обременит — помогите ему. Я заранее благодарю вас».

«Друг» дал о себе знать через неделю после отъезда ученого: позвонил Наташе домой и пригласил ее в ресторан. «Я хотел бы воспользоваться вашим любезным согласием помочь мне консультацией... Вы как-то говорили, что читали о последних открытиях советских пушкинистов. Мне хотелось бы побеседовать с вами на эту тему...»

Они пили кофе по-турецки и французский коньяк. Говорили о русском балете и венском айс-реву. Ну, конечно, и о пушкинистах.

Они встретились раз, другой, третий. Как всегда, Наташа без умолку щебетала о маме, бабушке, дяде, институте, рассказывала о студенческих вечерах, на которые приезжают ребята из МГУ и МВТУ, о парне из МВТУ, который зачастил к ним на вечера и танцует только с ней. Так разговор зашел об МВТУ.

— Я хочу рассказать об этом великолепном институте в своей книге. И был бы очень признателен вам, если бы вы смогли узнать для меня некоторые детали обучения на машиностроительном факультете. Вы, кажется, говорили, что ваш поклонник учится на этом факультете? Или я ослышался?..

Даже не очень сметливый человек, услышав такую просьбу иностранного дипломата, должен был насторо-

житься. Но девушка выполнила и эту просьбу, тем более что поклонник оказался парнем весьма болтливым.

Наташа охотно встречалась с сотрудником посольства. Была у него дома, полагая, что для нее это прекрасная разговорная практика. Дипломат был в меру любезен, внимателен. Разговаривать с ним было приятно, интересно — он много и многих знал. Оказывается, ему хорошо известно и имя ее дядюшки. «Я много слышал о нем! Блестящий ученый, острый ум, смелый экспериментатор». Наташа прервала его и сама стала подробно рассказывать об исследованиях Федора Степановича — все, что запомнилось из бесед с ним. Иностранец рассеянно слушал и незаметно переводил разговор на какую-то другую тему, хотя к исследованиям дядюшки, словно невзначай, они возвращались несколько раз...

И вот наконец...

В тот вечер он встретил ее у себя дома с подчеркнутой галантностью. Когда сели за стол, он достал из кармана коробочку, раскрыл ее, и на красном бархате ослепительно блеснуло золотое кольцо с бриллиантом. «Мисс Натали, я буду с вами откровенен. Вы сообщили мне сведения, очень ценные для нашего правительства. Я хотел бы от его имени поблагодарить вас...»

Она растерялась, засуетилась, стала отталкивать протянутую коробочку, вскочила с места... «Я не понимаю, о чем вы говорите?» Он стоял перед ней, этот сухопарый, с виду еще молодой человек, в щеголеватом костюме, с гладко прилизанными волосами, и нагло рассматривал ее. «О, не надо так... Я мог бы сейчас включить магнитофон и предоставить вам возможность выслушать, например, ваш рассказ о работах дяди... Или об МВТУ... Передавая вам этот скромный подарок, я хотел бы попросить вас помочь мне узнать некоторые дополнительные данные, касающиеся дядюшкиной лаборатории. Поверьте — это важно для всемирного прогресса. Наука не может замыкаться в рамках одной страны».

Она, как затравленный зверек, металась по комнате.

— Как вы смеете!.. Это шантаж! Вы хотите, чтобы я занялась...

Он подошел к ней и нежно прикрыл ее рот своей большой ладонью.

— Не надо, не надо так говорить, мисс!.. К чему такие слова. Вы умная девушка. И мы всегда найдем

с вами общий язык. Это бывает, когда стоит дилемма — или пойти с повинной в Комитет государственной безопасности, или... Ну, ну. Не будем больше говорить об этом... Я хочу выпить за здоровье очаровательной мисс Натали.

Терзания души легкомысленной девушки длились недолго. У Наташи не хватило воли пойти с повинной.

— Ваша главная задача, — наставлял иностранец, — отлично учиться, чтобы заслужить право на интересную работу после окончания института. Что я считаю интересной работой? Переводчица большого научного института... для начала... А в будущем? О, у вас прекрасное будущее — вы должны стать и переводчицей и ученой. Да, да. Мы вам поможем. Вы одаренная девушка — вы будете работать и учиться в институте. Ваш дядя позаботится об этом. Вы пойдете в науку... Вам ясно?

С того дня у Натали появился строгий хозяин, который перестал быть галантным мужчиной, — он приказывал, требовал. Они не должны больше встречаться. И вообще ей следует держаться подальше от иностранцев, поближе к советским ученым. «Ваша главная задача: попасть в отдел Алексея Михайловича... Старик нас очень заинтересует... Меня вы, возможно, больше никогда не увидите. Связь со мной будете поддерживать через человека, который сам найдет вас в нужном и удобном ему месте. Пароль: «Где тут ближайшая булочная?» Вы ответите: «Сейчас я вам покажу». Запомнили? Дальше будете действовать по приказу этого человека. Если вы мне потребуетесь, я вас сам найду. Если вы когда-нибудь встретите меня и вздумаете по собственной инициативе подойти ко мне, то это будет ваша первая и последняя попытка. Вам ясно, мисс?» — И он посмотрел на нее серыми прищуренными глазами, пренебрежительно скривив губы.

«Человек» дал о себе знать только через полгода. На привокзальной площади к Наташе подошел крепкий атлетического телосложения в бежевом спортивном костюме. По пей скользнул взгляд холодных, настороженных глаз, широко посаженных на лице с тяжелым подбородком и приплюснутым носом.

— Где тут ближайшая булочная?

На секунду она растерялась, испуганно метнула взгляд то в одну, то в другую сторону (позже резидент строго отчитывал ее за это), посмотрела на шагающего рядом

с ней человека широко распахнутыми глазами и с трудом выдавила: «Сейчас я вам покажу».

Однако Наташа быстро нашла себя в амплу «источника информации» под кличкой Венера. В течение месяца она уже успела заслужить благодарность Атлета — так он приказал называть себя, предупредив, чтобы она и не пыталась узнавать его имя, отчество, фамилию. «И фамилию нашего шефа забудьте — он для нас Аристократ».

Она передала сведения о преподавателях Института иностранных языков, о пианисте из маминой бригады — «У него брат в США, а он это скрывает», о своем однокурснике Саше К. — «Его посылают работать в торгпредство... Парень любит крепко выпить и поволочиться за девушками». А вот что касается Димки, его рассказов о строительстве химкомбината в тайге — на это у нее не хватило духу... Почему? Наташа сама не могла во всем этом разобраться...

Уже была отработана техника связи — были облюбованы тайники, один из них в парке, в дупле акации, где Наташа оставляла коробочку или конверт, который потом забирали. Уже было освоено искусство тайнописи и шифра. Ее научили слушать своих собеседников с безразличным видом и все запоминать. У нее все это неплохо получалось: проведет вечер в семье профессора или в обществе Петра Максимовича, вернется домой и, оставшись одна в своей комнате, шифром запишет все, что узнала, все, что услышала... Кое-какие сведения о работах Алексея Михайловича уже были переданы разведке. Но еще недостаточно точные и полные. Разведка ждала более глубокой и квалифицированной информации.

— Хозяин доволен вашей работой. Но пора подниматься на новую ступень, — требовал Атлет.

— Каким образом? Что я еще могу сделать?

— Аристократ просил вас напомнить о вашем самом сильном оружии... Вы красивая женщина...

— Понимаю. В кого направить стрелы?

— В Петра Максимовича...

Наташа не подвела Аристократа. Все развивалось так, как было задумано. Она отлично вошла в роль...

И вдруг первая осечка. В назначенный день и час она должна ждать Атлета у метро «Сокол». Он редко прибегал к таким встречам, предпочитая связь через тайники. Но в последнее время «работа» стала напряженной, тре-

бовала оперативной связи и даже непосредственных встреч. Задания поступали срочные. В особенности после приезда из Сибири Константина Петровича. Как-то Атлет предупредил ее:

— Если узнаете, что в один из ближайших дней Алексея Михайловича с утра в институте не будет, что он, скажем, решил поехать в филиал, обязательно дайте мне знать накануне. Возвращаясь домой, держите перчатки в руках.

А потом еще более странное задание:

— В четверг Петр Максимович не должен после работы оставаться в лаборатории. Вместе с вами или один, как хотите, но он должен покинуть институт. Держите... Билеты в театр на этот вечер могут пригодиться.

Вот и сегодня, видимо, что-то срочное побудило Атлета назначить ей свидание у метро «Сокол». «Стойте на троллейбусной остановке. Я сам подойду к вам».

Он действительно появился на остановке в точно назначенное время. Но к Наташе не подошел. Значит, что-то случилось... Несколько дней она провела в ожидании беды.

Нет, все в порядке! Атлет снова дал о себе знать. Он не подошел тогда к Наташе из осторожности: ему показалось, что кто-то следит за ним.

В тайнике шифровка: Аристократ обеспокоен неудачей туриста и требует энергичных действий. Надо достать более точные данные об «игрушке старика».

Турист — Карл. Старик — Круглов. Играшка — новая установка, сконструированная в институте.

Венере повезло. Егоров, кажется, проболтался. Энергичных действий не потребовалось. И вот — Химки. Пляж. Заплыв. Пластмассовый мешочек...

Потом ее и Атлета арестовали.

Птицын перечитывает протоколы допросов Венеры и Атлета. Что касается состава их преступлений — ему все ясно. Он обеспокоен другим: Ландыш сообщает о какой-то новой затее Карла и Сержа. Кого-то опять снаряжают в «туристскую поездку» в Советский Союз. И в протоколах допроса его интересуют все детали, касающиеся Карла, методов его работы. Связи? С кем? Через кого? Атлет не единственный резидент. Может, довоенные друзья Сержа, Виолетты? Посольство? Кто? Аристократ? Нет. Противник не так уж глуп — после провала Атлета и хозяин его уйдет со сцены. На время, но уйдет. И еще вопрос, пожа-

луй самый важный, — направление атаки. Профессора Круглова, пожалуй, больше не будут атаковать. Тогда кого? На что надеются?

Утром завершающий допрос Венеры.

— Когда вы в последний раз видели Аристократа?

— Полгода назад... В театре.

— Вы поздоровались с ним? Беседовали?

— Нет. Это мне было строжайше запрещено.

— Он узнал вас?

— Мне кажется, что узнал...

— Кто из друзей Аристократа известен вам?

— Никто. И никогда не видела его с кем-нибудь.

— А с Карлом вы встречались?

— Нет.

— Но вы были в курсе планов Карла?

— Да, меня посвятил в этот план Атлет. Нужно было провести первую разведку секретов лаборатории профессора Круглова. По плану, турист Карл должен был установить контакт с Петром Максимовичем, учитывая их давнее знакомство на симпозиуме.

— В чем заключалась ваша роль в этой, как вы говорите, первой разведке?

— Пожалуй, что ни в чем... Пассивный наблюдатель.

— Так ли? Позвольте заметить, что, судя по установленным фактам, нам представляется несколько другим ход событий... Телефон? Кто передал Карлу телефон Петра Максимовича?

— Ну, это же мелочь. Не правда ли?

— Предположим...

Птицын встал из-за стола, подошел к окну, посмотрел на улицу, потом обернулся и спросил:

— Скажите, вам действительно было безразлично, как обернется вся эта история для Егорова?

— Иногда мне казалось, что я действительно люблю его... И у него не было никаких сомнений в моей искренности... И тогда, когда перед поездкой в Химки я спрашивала его: «Не выболтал ли ты лишнего», и тогда, когда он подробно рассказал мне все то, что я передала потом Атлету в Химках... У Петра не было тайн от меня.

— Вы уверены в этом? — улыбнулся Птицын...

ДЕЛО «ДОБ-1»

Началась эта история с ареста инженера Кириллова, начальника лаборатории одного научно-исследовательского института. Он возвращался из длительной зарубежной командировки. Было известно, что инженера завербовала американская разведка, что в Западном Берлине, в ресторане, состоялась заключительная встреча с ее представителем, от которого Кириллов получил последние наставления.

Таможенники более тщательно, чем обычно, осмотрели чемодан инженера, однако ничего, что могло привлечь их внимание, не нашли. Но с того часа, как Кириллов ступил на советскую землю, он оказался в поле зрения подполковника Птицына и его помощника лейтенанта Бахарева.

...Рано утром дежурство принял лейтенант Бахарев. В недавнем прошлом комсомольский работник, мечтал он о литературном институте, о служении поэтической музе — дружба с ней у него еще со школьной скамьи. Вырезка из газеты, где были напечатаны первые стихи молодого рабочего, Коли Бахарева, бережно хранится и поныне. Но случилось иначе. Вызвали в райком партии. Разговор был долгим.

— Какой из меня чекист?.. Мое дело «глаголом жечь сердца людей», а тут карающий меч...

Человек, сидевший рядом с секретарем райкома, улыбнулся, подошел к Николаю и похлопал его по плечу.

— Те, кто умеет «глаголом жечь...» — сердцеведы, а они, Николай Андреевич, весьма дефицитная категория людей... Стихами я, признаться, тоже балуюсь. Правда, по ночам. И тираж их весьма ограничен — один экземпляр...

...Инженер Кириллов жил на даче, смотревшей своими окнами на канал Москва — Волга. Там, на берегу, с удочкой в руках и примостился молодой «рыбак». Над водой еще стлался туман, но на крышу дома уже легли первые лучи восходящего солнца, в холодном воздухе раннего утра стоял аромат трав, проснувшихся деревьев и запах влажной от росы земли.

Бахарев наслаждался красками разбуженной природы. Поэтическое настроение не покидает его и сейчас, когда все его нервы натянуты, хотя кругом — покой, тишина и нет никаких поводов для тревоги. Уже десять сутки так...

И вдруг чуткое ухо уловило скрип калитки и тяжелые шаги. Обернулся. Он, он самый! Никогда за все десять суток инженер столь рано не поднимался. Тем более в воскресенье. Что бы это значило?

...Они вместе сошли с электрички — инженер и затерявшийся в толпе «рыбак».

Через час инженер стоял у ворот кладбища Донского монастыря. Осмотрелся: вокруг тихо, безлюдно. Уверенно вошел во двор и направился к отлитой из чугуна скульптуре в нише монастырской стены. Все точно соответствовало инструкциям, полученным от вербовщика: пустотелый патрубок крепил к основанию скульптуры голову мифологического барана. Инженер нагнулся, пошарил в патрубке, там лежал пакет...

У ворот его ждали трое. Один из них — Птицын — прошел вперед, двое следовали сзади. Улица стала более оживленной, и инженер не обратил на них внимания. Минут десять они неторопливо прогуливались. Птицын все еще надеялся: может, кто-то выйдет на связь с инженером.

Нет, видимо, придется довольствоваться программ-минимум: брать инженера с пакетом, изъятый из тайника. Птицын громко закашлял. Сигнал был тут же принят. Бахарев резко повернулся навстречу инженеру и крепко взял его под руку.

— Вы арестованы! Вот постановление...

Тут же подкатила следовавшая в отдалении «Волга». Кириллова усадили в машину...

На этом мы, пожалуй, можем расстаться с инженером, имеющим лишь косвенное отношение к делу, о котором дальше пойдет речь. Все, что требовалось узнать и получить от него, было получено. В КГБ ему предъявили за-

пись его переговоров в берлинском ресторане и киноленту, зафиксировавшую инженера с пакетом у тайника. Он все выложил: и как его завербовали, и какое дали поручение. Что касается тайника, то еще там, в Берлине, Кириллов получил инструкцию: в начале сентября на Пушкинской площади должно появиться его объявление об обмене квартиры. Текст объявления за подписью А. П. Трепетова ему дали в Берлине. А во второе воскресенье сентября от восьми до девяти утра он должен отправиться на кладбище Донского монастыря, где в тайнике будут лежать предназначенные ему деньги, лупа, таблетки для проявления тайнописи. В случае неудачи — неожиданные обстоятельства могут помешать обоим сторонам — повторить визит на кладбище в третий понедельник сентября.

Когда арестованного увели, Птицын перечитал протокол допроса, потом посмотрел на Бахарева:

— А нам с тобой надлежит все же найти хозяина тайника.

— Легко сказать... Все, кажется, перепробовали...

Действительно, было уже предпринято немало мер в поисках человека, положившего в тайник деньги и материалы для тайнописи. Все это было завернуто в «Медицинскую газету». Кропотливое дактилоскопическое исследование показало, что отпечатков пальцев много, принадлежат они женщинам. Но трудно даже установить, сколько было женских рук, державших газету. Пытались протянуть какие-то нити от номеров денежных купюр — не вышло. К тайнику в Донском монастыре никто не подходил: видимо, связной имел основание считать, что тайник пуст. Птицын поинтересовался у коллег, кто из иностранцев, причастных к разведке, бывал в последнее время в районе Донского монастыря. Но все попытки найти человека, заложившего в тайник деньги и таблетки, не увенчались успехом.

В то утро Бахарев, заглянув в кабинет Птицына, застал шефа в плохом настроении.

— Какие новости? Какие предложения? — И, не ожидая ответа, Птицын достал из сейфа газету, в которую были завернуты деньги, лупа, таблетки — все то, что лежало в тайнике.

Бахарев неопределенно пожал плечами и развел руками.

— Отправных данных маловато. Знаю. А попытаться надо. Газета такая могла быть только в доме медиков... Теперь смотри сюда. Видишь на белом поле стертую временем карандашную пометку. Надо полагать, что это адрес... Рукой почтальона... Что скажешь?

— Тут и обсуждать нечего, Александр Порфирьевич. Все ясно. Иду в лабораторию...

...На белом поле газетного листа явственно проступили буквы «ДОБ» и рядом цифра «1». Видимо, номер дома. Соседнюю цифру — номер квартиры — так и не удалось выявить. Да еще отскики пальцев разных рук, когда-то державших газету. И все.

Александр Порфирьевич уже потерял было всякую надежду на успех. По улицам, названия которых начинались с «доб», никто не выписывал «Медицинскую газету». И вдруг телефонный звонок. Голос Бахарева.

— Докладываю. В одном доме сразу два подписчика.

...Гражданин Гринбаум жил в двадцать пятой квартире. При угрюмой бухгалтерской внешности он оказался поэтом... филатели.

С утра старик отправился в парк, где проходил традиционный день коллекционеров. Удивительно интересно наблюдать, как встречаются люди разных возрастов и профессий, для которых нет, кажется, больше радости в жизни, чем пополнить свою коллекцию еще одним редкостным значком, диковинной монетой, уникальной спичечной коробкой или маркой. Вы можете называть этих людей как угодно: чудаками, фанатиками, одержимыми, но согласитесь, что это чертовски интересно — коллекционировать.

Из всех коллекционеров, собравшихся в то утро на аллеях парка, выделялись филателисты. Они, по существу, оказались тут хозяевами. Недолго потолкавшись среди них, Бахарев без труда уловил приметы того высокого почтения, которое оказывали Гринбауму. Его окружали молодые ребята, что-то спрашивали, что-то показывали.

— Ефим Маркович, научите отличать поддельные марки.

— Милый мой мальчик! Научить этому очень трудно... Ты не раз попадешь впросак, пока каким-то особым чутьем не станешь улавливать подделку.

— Неужели это так трудно?

Старик улыбнулся, положил жилистую волосатую руку на плечо мальчишки и сказал:

— Я тебе расскажу одну историю, и это будет ответом на вопрос. Известный шведский филателист более двадцати лет коллекционировал... поддельные марки. Ты не удивляйся. Есть и такие странные люди. Специально собирал поддельные марки. Однажды он решил продать свою коллекцию. И нашел покупателя. И о цене договорились. Большую, хорошую цену давали. Но сделка не состоялась. При тщательной экспертизе выяснилось, что половина его коллекции — подлинники. А ведь швед был не простак среди филателистов.

Бахарев сперва вступил было в спор со стариком: «Простите, но это похоже на анекдот», потом задал несколько вопросов, свидетельствовавших о широте его филателистического кругозора, затем похвастался своей последней покупкой — весьма и весьма редкой маркой. Так они познакомились.

Бахарев отрекомендовался студентом литинститута, сказал, что у него две страсти — поэзия и марки. У него друзья за рубежом, и потому он смеет утверждать, что обладает действительно уникальными марками.

Гринбауму как-то с первого взгляда пришлось по душе этот молодой блондин с пышной шевелюрой и озорными серыми глазами. Он тут же пригласил его в гости: «Заходите, чайку попьем... Покажу вам мои марки. А вы вашу редкую захватите. Любопытно взглянуть».

Редкостную марку, принесенную Бахаревым, старик принял дрожащими руками. Он долго и пристально рассматривал ее — и на свет и в лупу.

— Молодой человек, я могу предложить вам...

Гринбаум назвал цену и выжидающе посмотрел на гостя. Но тот только улыбнулся в ответ.

— Нет уж, увольте, Ефим Маркович, не продам. Я пришел к вам, как к знатоку... Хочется посмотреть вашу коллекцию... Да и вообще мне приятно познакомиться с вами.

Через полчаса они уже дружески чаевничали. Юрист по профессии, Гринбаум тоже оказался поклонником поэзии.

— И я вам покаюсь, молодой человек. Иногда даже мучаюсь рифмой. Идешь по улице, а она, проклятая, в голове сверлит и сверлит: «благородной — свободной», «славить — забавить»...

Старик долго распинался по поводу назойливых рифм, а потом робко спросил:

— Вы, наверное, много стихов знаете? Побалуйте старика.

— Стихи я могу читать хоть до утра.

В открытое окно лился свежий пронизанный осенним солнцем воздух.

Старик внимательно слушал. Время от времени он закрывал глаза — для него стихи звучали, как музыка. А когда Бахарев прочел что-то из Тютчева, Гринбаум тяжело вздохнул, понурил голову и сказал:

— Никогда не нужно задерживаться в отеле, именуемом жизнью. Наступает время, когда человек должен сказать сам себе: «Сударь, поспешите освободить номер...» Так вот-с, молодой человек...

— Что это вас, Ефим Маркович, на такую мрачность повело?

— Ничего не поделаешь, мой молодой друг. Умирать никому не хочется. А болезни атакуют и атакуют. Широким фронтом. Я сопротивляюсь сколько могу. Вот видите, — он показал на книжный шкаф, — даже медицинскую энциклопедию купил. Смеяться будете над стариком. Я и «Медицинскую газету» выписываю. Аккуратно подшивку веду... А что делать?

— Да нет, почему же? Все это очень любопытно. И даже то, что «Медицинскую газету» выписываете. Ее, вероятно, небезынтересно листать.

— Только при вашем здоровье да при вашей специальности она вам ни к чему. А если хотите, посмотрите...

Бахарев неторопливо перелистывал подшивку. Январь, февраль... На какую-то долю секунды задержался на знакомой полосе: на месте. Всё! Вариант Гринбаума рухнул. Бахарев подумал: «Надо сниматься с якоря и прокладывать курс к 38-й квартире, где тоже выписывают «Медицинскую газету». Но это уже для другого. Мне здесь больше появляться нельзя, долго ли столкнуться лицом к лицу с филателистом».

И все же перед уходом он решил провести легкую разведку. Коль скоро Гринбаум завел речь о болезнях и медицине, нетрудно переключить разговор на лечащих его врачей. И выяснилось, что Анна Михайловна из 38-й квартиры по долгу службы в районной поликлинике и по закону давней дружбы, восходящей еще к довоенным

временам, и есть тот единственный врач, коему безгранично доверяет Гринбаум.

— Молодой человек, если вам когда-нибудь потребуется доктор в самом высоком смысле этого слова, позвоните Анну Михайловну. Если она возьмется вас лечить, считайте, что вы уже здоровы. Это говорю вам я, Ефим Маркович Гринбаум, у которого столько болезней, что их хватит минимум на половину медицинской энциклопедии. Анна Михайловна — чудесник... Хотите, я вас сейчас познакомлю? Вам будет интересно, даже если вы сам Поддубный.

Старик на мгновение умолк. Но только на одно мгновение. Потом вскочил с места и схватился за голову, будто случилось что-то страшное:

— Дорогой мой, я забыл о самом главном, Аннушка ведь тоже филателист. Она никогда не простит мне, если я вас отпущу с этой маркой... Собирайтесь, сударь. И не сопротивляйтесь. Между прочим, у нее дочка. Очаровательное создание. Несколько, правда, взбалмошная. Но это смотря на чей вкус. Это я просто так, к слову. Один момент, я только позвоню ей. Женщины всегда хотят быть в форме, когда в доме появляются мужчины.

Старик вышел и быстро вернулся в комнату.

— Все в порядке! Через полчаса нас ждут. Между прочим, я вас должен предупредить: так, как варит кофе доктор Эрхард, никто не умеет варить.

— Эрхард? Странная фамилия...

— О, это я по старой памяти величаю ее. Теперь она Васильева. Девичья фамилия.

— А Эрхард?

— По мужу. Его уже нет. Простите, я не совсем точно выразился. Физически он существует, но для нее он труп — живой труп. Это большая трагедия. Бедная Аннушка!

Гринбаум взглянул на часы.

— Извольте-с! В нашем распоряжении полчаса, и я, пожалуй, успею кое-что рассказать вам об удивительной жизни этой женщины. Нет повести печальнее на свете... Литератору может пригодиться. Присаживайтесь и слушайте. Только, чур, с Аннушкой на эту тему ни слова.

На третий день войны доктор Эрхард получила повестку военкомата. Это не было неожиданностью — почти все

коллеги уже стали военврачами. Она заранее продумала все, что касается дома, семьи. Собственно, думать надо было только о Маришке. Фридрих Эрнестович, хотя это была не родная его дочь, души не чаял в девочке и категорически настаивал на немедленной эвакуации. В понедельник вечером ее отвезли к бабушке в одну из рязанских деревень. А что касается самого Фридриха Эрнестовича, учителя немецкого языка, то здесь все ясно — не сегодня, так завтра его призовут в армию. Переводчики сейчас очень нужны...

Прощались сурово, молча. К чему слова? Все было сказано еще до последних объятий. Как это ни странно, женщина оказалась крепче мужчины — ни одной слезинки, а Фридрих, высокий, широкоплечий богатырь, не выдержал, вскрикнул:

— Ты побереги себя, любимая! Ты же у меня совсем слабенькая... Как это случилось, что в стране, давшей человечеству Карла Маркса, Гёте, Шиллера, хозяйничают эти выродки, звери, варвары... Аннушка, мне стыдно людям в глаза смотреть. Я принадлежу к той же нации, что и эти... — И он заплакал. Анна успокаивала его:

— Не терзай себя, лапонька, — так она называла человека, который был на десять лет старше ее. — Не надо заниматься самобичеванием. Ты сын немецкого рабочего класса.

...Фридрих исчез на следующее утро. Не ушел, а исчез. Вроде бы отправился в школу, налегке. И больше в квартире его не видели. Соседи терялись в догадках, высказывали разные предположения: несчастный случай, к теще в деревню подался, прямо из школы ушел добровольцем в ополчение, а может быть... Нет, в такое не хотелось верить.

Один из вариантов — ополчение — отпал. Через три дня пришла повестка из военкомата. Тогда забили тревогу, сообщили домоуправу: «Некому повестку вручать — исчез сосед». Домоуправ — в милицию, в военкомат. Начался розыск. В школе Эрхард не был. К теще не заезжал. Среди жертв несчастных случаев не значился. Пришел лейтенант милиции. В присутствии понятых открыли комнату. Все на месте. Стали искать хоть какую-нибудь фотокарточку Фридриха — для милиции, для розыска — не нашли. Тут кто-то из соседей вспомнил странную причуду учителя: не любил фотографироваться, суеверный был, что ли.

Фотографию милиция, конечно, нашла. В школьной анкете. Но лейтенант милиции тем не менее считал нужным подробно записать свидетельства соседей о странной причуде учителя немецкого языка...

Розыск, предпринятый милицией, не дал результатов. Да и трудно было надеяться на успех в те тревожные, суматошные дни, когда сотни тысяч беженцев кочевали с запада на восток, когда, кажется, полстраны находилось на колесах. Ищи иголку в стоге сена...

Одна из соседок, Мария Григорьевна, та, что была поближе к семье Эрхардов, написала о случившемся в рязанскую деревню. А через три месяца получила письмо Аннушки — та уже знала обо всем от мамы. Военврач сообщила Марии Григорьевне свою полевую почту на случай, если вдруг объявится Эрхард. Она всегда была оптимисткой...

Но, увы, военная судьба Анны Михайловны сложилась печальнейшим образом. Кровавопролитные бои. Окружение. Тщетная попытка вырваться из колыца. Последняя отчаянная схватка горстки обессиленных воинов, две недели скитания по лесам. Ранение. Плен. Гнусное предложение служить гитлеровцам. Дерзкий ответ. Лагерь. Попытка к бегству. Били резиновыми дубинками, пинали саногамы, скручивали веревками и снова бросали в барак — теперь уже барак строжайшего режима.

Она стойко встретила все испытания и быстро нашла единомышленников — бороться, бороться и бороться! Даже тут, где смерть может настигнуть каждый час. Их была небольшая группа военнопленных, не терявших надежды на новый, более успешный побег.

Надежда эта как бальзам. Еще кровоточили следы побоев и ранения, еще свежи были в памяти все унижения, которым подвергали их на допросах. Теперь допросы позади, и они просто-напросто заключенные лагеря, погребенные во чреве этого мрачного барака со скудным светом, сочившимся из двух заныленных лампочек под потолок. Так прошла первая неделя. И вдруг ночью в барак явилось высокое для здешнего лагеря начальство. Эсэсовец прошелся вдоль нар, пристально рассматривая всех.

На рассвете, когда заключенных погнали на особо трудные работы, ее одну почему-то вызвали к коменданту. Все, в том числе и она, решили, что это уже конец.

Долговязый лейтенант, царь и бог в этом бараке, передал ее по всей форме офицеру комендатуры.

Анну повезли к дому с зарешеченными окнами. У входа стояли часовые, державшие волкоподобных псов.

В комнате полумрак. Хозяин все предусмотрел: лица его не было видно, фигура оставалась в легком затемнении. Зато свет бил в лицо человека, переступившего порог. Но Анна и не старалась разглядеть коменданта лагеря. И только голос немца, восседавшего за массивным столом, заставил ее вздрогнуть. Он сказал лишь одно слово — «садитесь». И вздрогнула она совсем не потому, что само это приглашение в устах коменданта концлагеря прозвучало по меньшей мере неправдоподобно. Ее ошеломил голос, который она не слышала уже давно, но забыть который не могла. Нет, это не он. И вдруг:

— Садись, Анна!

И прежде чем она успела опомниться, фашист встал из-за стола, подошел к ней и обнял...

Анна очнулась в палате госпиталя. Глубокий обморок длился более часа. В палате она лежала одна. Открыла глаза, оглянулась и застонала.

Дежуривший около нее санитар тут же сорвался с места и куда-то помчался, а через несколько минут явился Фридрих. За эти несколько минут Анна все вспомнила, и первая мысль, что пришла ей в голову, была и радостной и тревожной: «Фридрих — наш разведчик в тылу врага. Только не выдать его, только сдержаться...» Она поначалу никак не могла уразуметь, почему Фридрих так рискованно ведет себя, называет ее Аннушкой, предлагает чашку куриного бульона. Что он — совсем голову потерял? Она приложила палец к губам, как бы напоминая, что и стены имеют уши. Он не сразу понял, за кого его принимает Анна. А сообразив, в чем дело, весело расхохотался...

— Ты что же решила: я советский разведчик?

Позже, когда придут советские войска и ее освободят из лагеря, она узнает, что Фридрих, ее Фридрих, которого она так боготворила, был действительно разведчиком, но только немецким. Все годы их дружной предвоенной жизни. Это уже скажут ей там, куда она придет, чтобы рассказать о всем случившемся с нею. Они, эти люди, внимательно слушавшие ее, знали о нем больше, чем она сама. Несколько лет скромный учитель немецкого языка

никак не обнаруживал себя, чтобы в грозный час войны сбросить маску...

Аннушка, восстанавливая в памяти каждую минуту своего скорбного бытия в лагере, поведала чекистам во всех деталях о страшной встрече с Фридрихом. И как он ласково увещевал ее: «Пойми, судьба России решена. Гибель. Крах. Ты будешь рядом со мной, моей помощницей. А если хочешь, врачом в госпитале. А еще лучше, если бы...» Одно предложение гнуснее другого. Он хотел бы снова бросить ее в барак, но... в качестве своего агента. Худенькая, слабенькая, кажется, едва теплится жизнь в ней, а она кинулась на него с кулаками: «Подлец!» Глупая, она еще пыталась в чем-то убеждать его, взывая к совести, напоминая о прошлой жизни, о дочери... Потом он переменял тактику: угрожал, рисовал страшные картины будущего.

— Если ты даже снова попадешь к своим... Это невозможно. Но предположим. Ведь они тебя расстреляют. Кто поверит жене шпиона? В бараке уже все знают...

Нет, он не сломил ее воли. Анну каждый день вызывали к нему. И все о том же. И все те же увещевания и угрозы, ласки и побои. А потом ее снова уводили в карцер: «Посиди, подумай». Она не сдалась, и тогда ее повели на расстрел. Позже она поняла: это был последний козырь Фридриха, который, прожив с ней много лет, так и не узнал ее по-настоящему. Она стояла у стены, а пули ложились поверх головы и сбоку. И после каждого выстрела офицер спрашивал: «Не хочет ли русская женщина повидать шефа?»

В десятый барак, к своим, она так и не вернулась. Может, это и к лучшему. Ей было страшно от одной только мысли: «Что они думают сейчас обо мне?» Анну отправили в лагерь строжайшего режима, где она находилась под особым наблюдением. Первое время ее вызывали к какому-то рыжему оберштурмбанфюреру, который хмуро спрашивал, не передумала ли русская и не имеет ли желания снова встретиться с мужем. Он получил на сей счет особые указания...

И она решительно отвечала: «Нет, не имею желаний». Свобода пришла за несколько дней до окончания войны. Кругом радуются, ликуют, обнимаются. На ее глазах какая-то женщина среди офицеров-освободителей встретила мужа. И она тоже радуется, тоже ликует, но... кто

снимет тот тяжелый камень, что лег на ее истерзанную душу!

Гринбаум тяжело вздыхает.

— Увы, минуло немало времени, пока этот камень был снят, пока Аннушке не было сказано: «Мы вам верим. Спасибо за стойкость! Забудьте, что у вас когда-то был муж». Она расплакалась. Ибо камень-то все же на душе остался, и есть дочь, которая все знает. Знает и, может это только показалось Анне, надеется на возвращение отца, хотя и не родного.

Их встретили весьма приветливо. И мама, располневшая, но не утратившая былой красоты, и дочка Марина, стройненькая, русоголовая, с высокой белой шейкой и большими, как у мадонны, мягко светящимися зелеными глазами. Сдержанно и несколько сухо раскланялась находившаяся тут же молодая женщина, отрекомендовавшаяся Ольгой. Но сухость и сдержанность быстро исчезли. Милое лицо ее пет-пет да озарялось улыбкой. Она была удивительно похожа на свою подругу. И ростом, и спортивной фигурой, и цветом глаз, волос. Судя по акценту, Ольга — иностранка. А имя русское — странно.

Бахарев поддерживал оживленный разговор и с девушками и с хозяйкой дома — она действительно оказалась страстной филателисткой. Редкостная марка, принесенная Бахаревым, стала объектом тщательного исследования и подробного комментария. И неизвестно, сколь долго длился бы этот филателистический разговор, не вмешайся Марина, девушка весьма резкая в суждениях.

Марина, словно белка, перескакивала с одной темы на другую — то о себе, то о подруге. И отличнейшим образом ответила на целый ряд вопросов, интересовавших Бахарева.

...Через день Птицын с утра заглянул в кабинет Бахарева.

— Какие вести?

— Пока весьма скромные, но кое-что для размышления уже имеется. Собираюсь сейчас к вам с докладом... Первая документация... — И он протянул Птицыну два листа бумаги.

Птицын опустился в кресло, стоявшее в углу кабинета, и погрузился в чтение. В докладе действительно ока-

залось немало материала для раздумий и некоторых, правда весьма противоречивых, выводов. Прежде всего — мама. Тут, кажется, ясно. Запрошенные из архива материалы подтвердили все, что сообщил Гринбаум.

Теперь — дочка. Экстравагантная девушка. На последнем курсе Института иностранных языков. Поздно поступила в институт.

Бахарев обратил внимание, что Анна Михайловна следила за дочкой глазами, полными упрека, какой-то настороженности и даже страха.

Ну и, наконец, Оля. Миловидная, деликатная. Восторженно говорит о Советском Союзе, советской молодежи. Третий год учится в мединституте. Родители жили когда-то в России, под Саратовом. Отец — немец, мать — русская. Незадолго до первой мировой войны судьба забросила их в Гамбург. Прожили они там лет десять. Потом кочевали по разным странам и континентам, пока торговые дела не заставили всерьез и надолго отдать якорь в столице маленького европейского государства. Там и родилась Оля. Нарекли ее именем бабушки со стороны мамы. Русский язык, русские обычаи, русская кухня всегда были в чести в этом доме.

Откуда пошла дружба Оли с семьей доктора Васильевой? Поначалу Бахарев решил: две студентки, подруги. Но вскоре понял, что истоки дружбы тянутся к Олиному дому. Когда Оля собиралась в Москву на учебу — в порядке обмена студентами, — большой друг их семьи попросила передать привет и сувенир Анне Михайловне. И тут же сказала: «Нас сблизила горькая участь — были в одном лагере, в одной подпольной группе. С Анной мы изредка переписываемся. Большой души, светлого ума человек. У этой женщины тяжелая судьба и очень доброе сердце. Тебе, Оля, будет уютно в их доме...» Ей действительно было уютно в этом доме. Молодую женщину принимали тепло, радушно.

Что же, для первого сообщения — достаточно. Сложный четырехугольник: Фридрих, Анна, Марина, Ольга. Где перекрещиваются их дороги, от какого из этих четырех углов тянется нить к «Доб-1», к тайнику в Донском монастыре? И тянется ли эта нить? И еще один немаловажный вопрос: чем занимается Эрхард сегодня? Птицыну кое-что известно о его послевоенной жизни. А Гринбаум не сказал, где и что делает сейчас бывший учитель

немецкого языка? Почему филателист умолчал: по незнанию или умышленно уклонился? А мама и дочка знают?

Настораживало одно обстоятельство, документально установленное и зафиксированное в архивных материалах. Несколько лет назад в Москву приезжал иностранный турист Альберт Кох, состоявший, как и господин Эрхард, на службе у американской разведки. На второй же день своего пребывания в Москве гость встретился с Мариной в кафе «Метрополь», передал ей привет от папы и сувенир — две шерстяные кофточки: маме и дочке. Разговор у них был тогда недолгий. Турист сообщил дочке, что отец ее занимается литературной деятельностью, работает над большим исследованием, посвященным советской литературе.

Птицын перечитывает давнюю запись и по обыкновению начинает думать вслух. Бахарева это не очень устраивает, и он, воспользовавшись паузой, подает голос:

— Улика весьма серьезная. Думаю, что мы папали на след.

— А мама? Она знает об этой встрече с туристом?

— Как же иначе? Сувенир-то надо было как-то передать... Может быть, главное действующее лицо она и есть — мама?

— Какие у тебя основания?

Бахарев молчит. Есть только первые впечатления. Сказать об этом подполковнику он не решается. Птицын знает его слабость. Из всех мыслей, что проносятся в голове, он спешит уцепиться именно за ту, что на поверхности. Может, поэтому Александр Порфирьевич, не ожидая ответа, ставит все новые и новые вопросы, незаметно очерчивая схему операции.

— А Ольга? Ее роль какова? Ты обратил внимание, Николай Андреевич, на одну деталь в архивных материалах: и Эрхард, и его друг турист частенько навещают в тот самый город, откуда прибыла Ольга. А в городе том, как тебе известно, действует филиал разведслужбы. Возможно, что...

— Но это тоже из области догадок.

— Да, пока догадки. Хотелось бы, в частности, иметь более подробные сведения о той семье, которая рекомендовала Ольгу.

— Мы уже знаем, что это за семья. Женщина сидела в концлагере вместе с доктором Васильевой. Ведь так можно тень бросить и на...

— Тень ни на кого не надо бросать. Нужны факты. А пока мы с тобой лишь гипотезы выдвигаем. И в этом наша слабость.

...Вот уже целый час сидят они друг против друга, взвешивая все «за» и «против». Послушаешь их и не поймешь, кто тут старший по званию: грузный, высоколобый, рассудительный Птицын — черные волосы его давно уже схвачены изморозью седины — или молодой, несколько эмоциональный Бахарев с лукавой усмешкой в глазах. Идет разговор равных, диалог, в котором оба его участника, независимо от должности, что-то предлагают, отвергают, в чем-то сомневаются, спорят.

Для них ясно пока одно — есть основания серьезно разобраться с новыми знакомыми Бахарева. Птицын резюмирует:

— Будем считать так, Николай: вопрос первый и, пожалуй, главный для нас — существуют ли какие-то контакты у Эрхарда с его бывшей семьей? Вопрос второй — нет ли нитей от Эрхарда к Ольге? Вопрос третий — связь Ольги с семьей доктора: кто в ком и почему заинтересован.

Чтобы все это выяснить, Бахарев должен чаще бывать у Васильевых.

Это оказалось несложно, ибо Марине — она не скрывала ни от мамы, ни от друзей дома — со временем стало небезразлично, виделась она сегодня с Колей или нет. Все в нем нравилось ей, даже то, что был он слегка небрежен в одежде. Обаятельный, остроумный рассказчик, внимательный слушатель, всегда готовый сделать доброе, приятное, — таким он ворвался в ее жизнь. Они встречались часто. И вдвоем и в компании.

Бахарев жил недалеко от Речного вокзала, и поздним вечером они частенько гуляли по здешнему парку, шагали вдоль притихших причалов. Николай вполголоса читал стихи Тютчева и Есенина, Маяковского и Светлова. И очень редко, лишь после настойчивых требований — свои. Марина была ласкова и благодарна: считала, что ей посвящены эти вирши, это «она явилась, как неразгаданная тайна», это она и есть та самая, от которой «сердцу поэта стало теплее».

«Поэт» не кривил душой — она действительно оставалась для него «неразгаданной тайной». Все было куда сложнее, шло наперекор той схеме, которую он создал поначалу. При ближайшем знакомстве Марина казалась не такой уж взбалмошной. И круг ее интересов был куда шире, чем предполагал Бахарев. Много читала, многое знает, неплохо разбирается в живописи, на многое имеет свою особую, правда порой весьма спорную, но не легко опровергаемую, точку зрения.

Как-то, возвращаясь из театра Пушкина, они решили прогуляться по бульвару. На затененных аллеях, уютно устроившись на скамейках, щебетали парочки. Марина озорства ради потащила Колю на эти аллеи «вспугнуть птенчиков», а он запротестовал.

— Не надо, Марина. Я ведь тоже не всегда принадлежал к числу счастливых обладателей собственной комнаты. А тебе самой не приходилось вот так?..

— Нет, никогда... — резко оборвала она его. — Я много была лишена. Я тебе никогда не рассказывала про...

На мгновение она задумалась, затем мотнула головой, нахмурилась:

— Не буду. Потом как-нибудь...

— Почему?

— Не спрашивай.

Они шли молча. Каждый думал о своем.

«Вот тебе, Бахарев, еще одна загадка! Расскажет ли? А может, это ничего не значащая чепуха. Девичий всплеск. Нет, не похоже. Доверяет ли она ему? Как будто бы да...»

Они шли по Гоголевскому бульвару навстречу ветру, тесно прижавшись друг к другу. Он первым прервал молчание, начав по обыкновению читать стихи. На память пришли строки Тютчева:

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас.

— Тебе понравились стихи? Не слушала? Ты о чем-то думала?

— Да... Об одном товарище по имени Николай.

— Любопытствую, какие мысли навеивает фигура скромного литератора?

— Я не склонна к шуткам. Что я знаю о тебе, скромный литератор? Налетел вихрем. И все пошло ходунком.

Поворот был неожиданным для Бахарева. Ему казалось, что максимум необходимых сведений о себе он в разное время по разным поводам уже сообщил Марине. Студент заочного факультета литинститута. Сейчас пишет повесть. В Сибири, в альманахе, несколько лет назад опубликовавшем первые стихи молодого поэта, принят новый цикл. Так что теперь он при деньгах и может позволить себе заняться повестью. В этой версии была и доля правды. Пожалуй, он может поведать Марине кое-какие подробности, отнюдь не вымышленные.

— Ну что же, Марина, будем исповедоваться?

Она ничего не ответила и вызов настроиться на шуточный лад не приняла. Наступило тягостное молчание, на этот раз его нарушила Марина.

— По-настоящему я испытала чувство любви только один раз, и оно было безжалостно растоптано...

— Кем? Как?

— Вадим был студентом Института международных отношений, а я... Для него я была переводчицей из «почтового ящика»... Я скрыла, что судьбе угодно было сделать меня санитаркой детского сада. Хотя тогда я была благодарна и за эту милость. Мама находилась далеко, а отец...

Марина продолжала, поговорила так, будто взвешивала каждое слово.

— Ну что же, будем, как ты изволил выразиться, исповедоваться... «Ты слушать исповедь мою сюда пришел, благодарю. Все лучше перед кем-нибудь словами облегчить мне грудь». — Марина исподлобья посмотрела на Бахарева, потом иронически улыбнулась: — Видишь, меня тоже иногда заносит на поэтическую орбиту. Итак, про отца...

Она рассказывала долго, сбивчиво. Иногда умолкала, словно обдумывала что-то. Вздыхала и снова продолжала. И все о том, что уже известно Бахареву. Он с нетерпением ждал последней страницы этой тяжелой повести — скажет ли всю правду? И мысленно подстегивал ее: «Ну говори же. Дальше, дальше. Уж все испытания позади. Мама работает. Ты учишься...» Бахареву стало как-то не по себе, когда Марина обронила: «Вот и все». Он надеял-

ся, что с ним она будет искренней до конца, что от него у нее не будет тайн... Странно все это. В чем тут дело — забывчивость или еще что-то?

А Марина продолжала:

— Прошло уже много лет, а мне и сейчас стыдно смотреть в глаза людям, знавшим нашу семью, когда он был с нами... — Она так и сказала об отчине: «Он». — Но это так, между прочим. Я отвлеклась от главного. Впрочем, трудно сказать, что тут главное: отец или студент. А со студентом было так...

Они познакомились на танцах. Была любовь. Были цветы. Пылкие объяснения. Ресторан. Театры. Ее «ввели» в дом. Она с детских лет прекрасно знала немецкий, ставший для нее почти родным, и несколько хуже английский. И Вадим и его отец искренне верили в талант молодой переводчицы, блиставшей знанием немецкой литературы и искусства. Она говорила о Цвингере, о сокровищах Дрезденской галереи так, будто всю жизнь провела там в качестве экскурсовода, и так же легко, на память, цитировала дневники Гете о заслугах архитектора Георга Бера, творца купола знаменитой Фрауэнкирхе. Вадим принадлежал к числу тех парциссов, для которых все эти обстоятельства играли немаловажную роль. Он недвусмысленно намекал девушке о своих далеко идущих намерениях. Просил Марину познакомить его с ее родителями. Она сочинила легенду об отце, погибшем на войне, о матери, выпущенной замуж за генерала и живущей на Курилах, где служит отчим. Впрочем, мать действительно находилась далеко от Москвы, и, кроме старухи тетки, онекавшей ее, у Марины никого не было.

Вадим оказался весьма настойчивым и однажды поздним летним вечером повел Марину в укромный уголок ближайшего и не очень-то популярного парка «местного назначения». Он честно признался, что есть там скамейка, где... Вадим не успел закончить своего признания, ибо тут же получил звонкую пощечину. Молодой человек не растерялся, попытался все повернуть на шуточный лад: «Нас не поняли». Потом извинялся, целовал ручки, клялся, лепетал что-то. А Марина сказала тогда лишь пять слов: «Мой девиз: все или ничего». Роман, однако, продолжался. Но однажды в доме Вадима девушка лицом к лицу столкнулась с женщиной, ребенок которой ходил в детский садик, где она работала. Тайное стало явным.

Марина призналась во всем. Рассказала и про мать и про отца. Как разыгрались события дальше, нетрудно догадаться. Вадим шарахнулся от нее, словно от прокаженной.

— Вот тебе и конец моей первой любви.

— А второй не было? — Бахарев ждал ответа, следя за малейшими изменениями ее лица.

Марина ничего не ответила, а Николай не допытывался.

— Теперь, кажется, моя очередь исповедоваться. Удивительное совпадение обстоятельств — я ведь тоже был отвергнут. Причина, правда, несколько иная. У меня действительно родители погибли во время войны — оба были на фронте. Меня воспитывала бабка. А потом я убежал от нее и попал в компанию, которую принято называть дурной. Поймали. Хотели отправить в колонию. Но при обыске бригадмилец изъясил из моего кармана тетрадку со стихами. Листает тетрадку и спрашивает:

— Чьи?

— Мои.

— Скажи, пожалуйста. Давно ли, малый, стихами балуешься?

— Я не балуюсь, а пишу. Про красивую жизнь...

Бригадмилец улыбнулся:

— Пишешь про красивую жизнь, а сам...

— Так то ж стихи. А жрать-то хочется...

Слово за слово, и бригадмилец предложил лейтенанту милиции оставить парня на его попечение: «Я в газете работаю... Может, из парня толк выйдет». Посмеялись, пошутили и утром привели меня в редакцию газеты. Показали мой стих местному Есенину. Тот прочел, поморщился и сказал: «Стихи дрянь, но у парня, кажется, есть искра божья». Определили меня в типографию учеником линотиписта. Долго отливал я в свинцовые строки чужие стихи, пока не пришел праздник и на мою улицу — собственноручно набирал я свои вирши. Ту газету, где напечатаны их, храплю до сих пор.

Бахарев рассказывал, как всегда, с юмором. Была и любовь, принесшая ему много обид и разочарований. И была похожая ситуация. Выдавая себя за журналиста, поэта, он забыл что город-то небольшой, тут все и всё друг про друга знают. Когда любимой девушке стало известно, что он всего-навсего ученик линотиписта да еще

с сомнительным прошлым, она тут же отвернулась от него.

— Потом жалела. Я в нашем городе в первой пятерке очеркистов оказался. В Москву вызвали... Стихи мои напечатали. А поначалу мы с тобой на равных были — при шиковом интересе остались. Но я не горевал. А ты, Марина?

— Горевала. Я любила его. А потом обозлилась на всех. За что? Пока мама не вернулась, пока всю правду не установили. Пока ей орден не дали. Тот, к которому еще на войне представили...

— А сейчас тоже злишься?

— Иногда, когда вспомню. Или начнет кто-нибудь рану бередить. Ольга иногда меня допытывать начинает: почему я так поздно учиться пошла? Что ей сказать?

Разговор зашел об Ольге. Марина и в ее адрес шпильки пускает. И то в ней не нравится, и это...

— Почему же ты дружишь с ней?

— Тянется она к нашему дому. И мамина знакомая просила — приглубите! Вот и голубим. К тому же подруга она в общем-то хорошая... В институте о ней говорят: душа нараснашку...

Так, разговаривая о том о сем, они дошли до Марининого дома. Было уже далеко за полночь, и обеспокоенная Анна Михайловна поджидала дочку у подъезда.

— Полуночники вы. Разве так можно. Позвонили бы. Кстате, тебя, Мариночка, весь вечер по телефону спрашивал кто-то. И в одиннадцать звонил. Извинился. Говорит, очень ты ему нужна.

— Кто это?

— Не назвался. Бархатистый голос.

— Странно. Завтра позвонит. Кто ищет, тот найдет. Да, Коля, не забудь, завтра у Ольги в институте вечер. Вся наша компания собирается. Придешь?

— Обязательно.

Студенческий джаз играл нечто такое, что в одинаковой мере устраивало любителей твиста и танго. Бахарев подошел к Марине и галантно раскланялся: «Разрешите пригласить». Какие-то неведомые течения оттеснили их в угол зала, подальше от молодых парней и девушек,

добросовестно работавших руками и ногами. Марина, тряхнув золотистой копной волос, сказала:

— Ты хорошо танцуешь твист.

И, словно ободренный похвалой, Бахарев тут же задал такой темп, что у Марины заколотилось сердце. С твиста переключились на рок-н-ролл.

После танца, взяв Марину под руку, он повел ее к Ольге. Она стояла у двери в окружении о чем-то спорящих юношей и девушек.

Бахарев как-то ловко, никого не обидев, примирил спорщиков, чем сразу снискал расположение всей женской части компании. Ольга тоже поддержала Бахарева — «ох уж эти литературные дебаты» — и неожиданно предложила:

— Друзья, имею предложить всей компанией поехать к нам, в общежитие. У Герты такие пластинки... — И она со смаком поцеловала кончики пальцев.

Герта — Олина подруга. Также иностранная студентка. Живут они в одной комнате. И сблизила их, кажется, не только общность территории. Герта что-то шепнула подруге на ухо и выразительно посмотрела на двух юношей, стоявших в стороне от всей компании. Бахарев перехватил Гертин взгляд и понял: мальчики ждут. Он уже был посвящен в историю отношений Ольги и Герты с двумя студентами из МВТУ — Игорем и Владиком. «Я не уверена в том, что Ольга любит Владика, — рассказывала ему Марина. — А он, кажется, совсем потерял голову...»

Ольге пришлось перестраиваться.

— Я буду просить прощения, дорогие друзья, но сегодня ничего не получится. Перенесем на следующую субботу... Я совсем забыла — завтра уезжает домой мой родственник, и я хочу кое-что подготовить для посылки мужу. Нужно успеть купить кофе и бутылку армянского коньяка.

— Ваш супруг большой любитель этого нектара, — вступил в разговор рыжеволосый парень в бархатной куртке.

— О, вы знаток вкусов Германа.

— Приятное воспоминание о чудесно проведенном дне.

— Какой день вы имеете в виду?

— Воскресный... Когда вы с мужем приезжали к нам домой... Низжайший поклон Герману. Кстати, он просил

у меня путеводитель по Бородино. Все забываю передать вам. Завтра принесу в институт...

— Спасибо. Герман будет весьма признателен. Нам тогда все очень понравилось. Красивые места. Бородино. Голоса истории. Ну и, конечно, нектар...

— Пять звездочек. Божественный букет.

Пребывая в состоянии легкого опьянения, Жорик — Олин однокурсник и поклонник — продолжал вспоминать про тот воскресный день, когда Оля и Герман приезжали к нему в гости под Можайск. И, вероятно, юноша говорил бы еще долго, если бы его пескoлько резковато не прервала Ольга:

— Ну, хватит, Жорик. Довольно. Это все плюсквам-перфектум. И никому не интересно. И вообще зарубите себе на носу: многословие не украшает мужчин. К тому же еще пьяненьких.

Ольга подошла к Владiku, недолго о чем-то пошептала с ним и снова вернулась к Марине.

— Мы собираемся домой. Вы с нами или остаетесь?

— Кто это «мы» и кто это «вы»?

— Мы — это Владик, Игорь, Герта и я. Вы... я имею в виду тебя и...

Она посмотрела в сторону Николая.

Бахарев с любопытством наблюдал за ссорой подруг. Что будет дальше, на чем порешат? Но решать предложил ему.

— Коля, ты решай.

— Как прикажет моя повелительница. Ее слово — для меня закон. — И, улыбнувшись, церемонно склонился перед Мариной.

— Повелительнице угодно покинуть этот дворец. — Марина жеманно подала Бахареву руку.

Шли молча. Разговор не клеился. Николай попытался было восстановить дружескую атмосферу, стал рассказывать какую-то забавную историю, потом сел на любимого конька — читал стихи. Но никто не поддержал его. И тогда Николай предпринял последнюю попытку.

— Хватит! Игра в молчанку отменяется...

— Мы слушаем вас, — откликнулась Ольга. — Вы имеете что-нибудь предложить?

— Да, имею. Ваш покорный слуга сегодня богат. Он получил аванс и приглашает всю честную компанию в

«Метрополь». Там отличнейший джаз. Так по крайней мере утверждает мой друг...

И он назвал имя популярного поэта, вызвав почтительное внимание студентов МВТУ.

— Итак, объявляю референдум: кто за?

Ольга демонстративно скрестила руки на груди, как бы подав тем самым сигнал мальчикам: «Делай, как я». И они тут же приняли ее команду. На ветру одиноко покачивалась рука Марины.

...В десять часов вечера заполучить столик в «Метрополе» — это почти подвиг. Вначале Марина решила, что Бахареву повезло. Оставив ее на несколько минут в вестибюле, он сумел договориться с метрдотелем. Но оказалось, что тут дело не в «везении».

— Я не могу сказать, что мы хорошо знакомы с ним. Но раза два он видел меня в компании Виктора. Этого достаточно, чтобы нам поставили дополнительный столик.

— О, какой ты важный, Коля... Видимо, вашего брата с Парнаса уважают здесь...

Бахарев усмехнулся:

— Люди гибнут за металл, дорогая моя... — И озорно выставив грудь, зашагал, взяв под руку Марину.

Она была в прекрасном настроении. Мягкий свет. Звонящие удары джаза. Танцы. Спущающиеся меж столиков официанты с их заученными движениями и улыбками. Ресторанный гомон. А главное — рядом с ней он, Николай, человек, который вдруг непонятно почему стал ей так близок и дорог. Они не пропустили, кажется, ни одного танца. Бахарев танцевал легко, непринужденно. За столом в унисон ее настроению он прочел светловское четверостишие:

Двух бокалов влюбленный звон
Тутит музыка менуэта,—
Это празднует Триакон
День Марии-Антуанетты...

Марина благодарно посмотрела на Бахарева, и они многозначительно чокнулись бокалами. Потом она безудержно болтала, злословила про Ольгу, рассказывала о Владике, который, находясь на практике в Севастополе, ежедневно присылал Ольге длинные письма до востребования, а вернувшись из Севастополя, с вокзала заехал

не домой, а к ней в общежитие. Это было буквально через неделю после того, как из Москвы уехал муж Ольги.

— Он, кажется, причастен — или хочет быть причастным — к журналистике. Ольга рассказывала, что муж ее пишет какую-то монографию, а может быть, роман, посвященный спартаковцам двадцатых годов. И даже консультировался в Москве. Его почему-то очень интересует война двенадцатого года, Бородино. Они ездили туда... Я хотела вместе с ними, но Ольга... Герман был ко мне внимателен несколько больше, чем полагается в таких случаях.

К их столику подошел высокий сухонарый мужчина с черной холеной бородкой. Слегка склонив голову, он обратился к Николаю:

— Разрешите пригласить вашу даму?

Сказано было глуховатым, но приятным бархатным голосом, в котором едва-едва угадывался иностранный акцент. Бахарев приметил этого человека: минут двадцать назад он заглянул в зал из-за тяжелых портьер, скрывавших дверь, что соединяла ресторан с гостиницей. Судя по тому, как к гостю сразу же бросился администратор, Бахарев догадался — это иностранец-турист.

Окидывая взором шумный зал, Бахарев на долю секунды задержался у стола иностранца. И ему показалось даже, что он перехватил взгляд гостя, устремленный к Марине. Николай подумал тогда: все понятно — русская красавица! И вот извольте, Бахарев, приглашают вашу даму.

— Пожалуйста, — любезно ответил он.

И тут произошло такое, что повергло гостя в полное замешательство. Марина резко, всем корпусом, повернулась в сторону Николая. Не глядя на склонившегося перед ней иностранца, она растерянно пролепетала:

— Простите, у меня болит голова. Я хочу пропустить этот танец. Извините...

— Я очень огорчен, мадемуазель. — Видимо, он не сразу решил, как ему следует обратиться к ней. — Хочу надеяться, что к следующему танцу вы будете себя прекрасно чувствовать... Я буду просить разрешения резервировать ваше согласие, — обратился он к Николаю.

— Да, конечно... — любезно улыбнулся Бахарев.

Иностранец вежливо раскланялся и вернулся к своему столу.

Бахарев недоумевал. Действительно ли у Марины болит голова? На раздумья времени не оставалось. Марина предложила, не дожидаясь кофе и мороженого, немедленно отправиться домой. Они уже собрались было уходить, когда подскочил официант, заверив, что все будет подано, как он выразился, «сей момент». Однако Марина продолжала капризно твердить: «Не хочу кофе, хочу домой...»

Бахарев попытался отшутиться:

— Ох, Марина, чует мое сердце — дело кончится дипломатическими осложнениями... Я же в прошлом газетчик и знаю их брата: «Русская девушка боится танцевать с иностранцем». И готова шапка для буржуазной газетки. Нет, уж прошу тебя...

Между тем принесли кофе с мороженым. Оркестр после небольшого перерыва снова «взял слово». Иностранец в тот же миг появился у их столика.

— Прощу вас...

Выхода не было. Не отказывать же во второй раз. Она пошла танцевать.

Бахарев тут же пригласил даму, сидевшую за соседним столом. Это позволило ему наблюдать за иностранцем, а в какой-то момент даже оказаться почти рядом с ними.

Что случилось с Мариной? Побледнела, зло сжала губы. Гость что-то тихо и торопливо нашептывал ей, а на лице ее — то испуг, то гнев. Гремит музыка, гудит зал, и иностранец вынужден говорить громче. И тогда Бахареву — он чуть не столкнулся с гостем — удается уловить несколько слов: «Папа весьма сожалеет... Он просил...»

Тапек кончился. Иностранец проводил Марину к столу, поцеловал руку, раскланялся с ней, с Николаем — тот уже был на месте, — процедил «благодарю вас» и твердым шагом промаршировал в угол зала.

Марина молча перекладывала с места на место вилку, ножик, салфетку...

— Как чувствуешь себя? Голова все еще болит?

— Спасибо... Мне лучше, но...

В это мгновение она перехватила взгляд Бахарева, разглядевшего ее левую руку. Марина покраснела, тут же сунула руку под стол и растерянно пробормотала что-то невнятное. Она просит прощения, ей надо удалиться на несколько минут, и смущенно улыбнулась при этом...

— Господи, Марина! Прощу без всяких цирлих-манирих. Кстати, я тоже спущусь вниз. Хочу позвонить другу, предупредить его, что завтра буду у него попозже...

Когда они вышли из ресторана, ее знобило. Бахарев спросил: «Что с тобой?». Она ответила: «Вероятно, простудилась». И всю дорогу молчала, односложно отвечая на вопросы: «да», «нет», «кажется», «вероятно».

Проводив Марину до дому, Бахарев из автомата позвонил дежурному по управлению. Хотел перепроверить, понял ли его, когда он звонил из ресторана.

— Да, поняли, меры приняты.

С утра Бахарев позвонил Марине. К телефону подошла мама.

— Марина нездорова. Температуры нет, но слабость, озноб. Настроение? Скверное. Со мной не разговаривает. Может, с вами? Приехать? Я сейчас спрошу у нее... Нет, сегодня просит не приезжать...

Бахарев повесил трубку: «Случай, когда даже не требуются мозговые извилины. Достаточно иметь глаза».

Где-то он это вычитал и повторял каждый раз, когда ситуация казалась ему предельно ясной. Мысленно Николай уже решил: «Доб-1» и эта девица находятся в прямой связи. Все колебания, сомнения на сей счет отброшены. С этим он и отправился сегодня к Птицыну.

Их встреча назначена на три часа. Значит, он еще успеет заглянуть в свое кафе. Была у него любимая «парпитовская точка», как он величал ее, на площади Пушкина. Лейтенант неторопливо, без аппетита проглотил сосиски, вновь и вновь возвращаясь к событиям в ресторане, пытаясь проникнуть в полный всяких сложностей Мариин мир. И тут же поймал себя на мысли, вызвавшей у него даже некоторую тревогу: она интересует его значительно больше, чем того требуют обстоятельства дела. И где-то там, в глубине души, пробиваются ростки каких-то смутных эмоций... И уже предупредительно гремит голос разума: «Нет, нет! Служба, служба, Николай...» И он полон решимости сегодня же заявить Птицыну: «Есть улики против Марины Эрхард-Васильевой».

А какие, собственно, улики? Она же сама ему обо всем рассказала, включая разговор с туристом, другом отчима. Встреча в ресторане? Но для нее она была неожиданна.

Да, допускаю: возможно, что снова появился друг Эрхарда. Но, если Бахареву не изменяет зрительная память, они вовсе не похожи друг на друга — Альберт Кох, фотография которого хранится в архиве, и человек из ресторана.

Да, допускаю, иностранец охотится за Мариной. Танцуя с ней, надел ей на палец левой руки бриллиантовое кольцо — подарок отца. А что она должна была делать? И в ответ — вопросы, вопросы. Почему не рассказала ему, почему убежала вниз и сняла кольцо? Почему не хочет его видеть сегодня?

Так он готовился к разговору с Птицыным. Бахарев вышел на площадь и посмотрел на часы: времени в обрез. Хорошо бы такси поймать. О, ему, кажется, повезло. На противоположной стороне улицы, у памятника Пушкину, остановилось такси, и пассажир вышел. В чем дело? Почему машина не идет на стоянку? Бахарев перебежал дорогу и ринулся к шоферу.

— Свободен?

— Занят. Жду.

Лейтенант оглянулся по сторонам и чуть не остолбенел: на одной из скамеек сидела Марина. Нет, он не обознался. Нарядная, красивая, более бледная, чем обычно. С кем у нее тут свидание? Странно: Николая она не захотела видеть, сказала больно, а сама побежала на свидание? Николай хотел было окликнуть Марину, но удержался — отошел в сторону.

Марина поднялась с места и направилась кому-то навстречу.

Ба! Это же человек из ресторана. Теперь он под руку вел ее к такси.

Машина лихо рванула с места, Бахарев посмотрел вслед удалившейся машине, и в то же мгновение взгляд его перехватил голубую «Волгу» с хорошо знакомым водителем.

...Бахарев во всех подробностях рассказал Птицыну и о событиях вчерашнего вечера в ресторане и о неожиданной встрече на Пушкинской площади.

— Нити тянутся к Марине. Я почти уверен в этом.

Птицын слушал Бахарева, не глядя на него.

— Как понимать твою почти?

— Остается уточнить некоторые детали, в частности роль мамы...

Бахарев отвечает быстро. А Птицын задает вопросы неторопливо, цедит каждое слово... И вдруг замечает:

— В нашем деле иногда требуется беспристрастность. Страсти мешают апализировать. Вот так. Кофе пить будешь?

— Если не было бы страстей, тогда мир перестал бы существовать, Александр Порфирьевич... Мысль неоригинальная, но проверенная жизнью.

— Не спорю, без страстей, конечно, нельзя. Но пересол вредно действует на пищеварение. Согласен? Вот так. Пофилософствовали мы с тобой немного — и хватит. Вернемся к делу. Еще рано делать выводы. Хотя допускаю и твой вариант: Эрхард — Марина. Более того, к твоим логическим заключениям можно добавить и некоторые вещественные. Я вновь просматривал архивные материалы. И нашел фотографию Марины — теперь уже с двумя иностранцами туристами. Стоят у входа в гостиницу «Метрополь»; Альберт Кох, видимо, знакомит ее со своим спутником. В деле имеется сообщение о второй беседе Марины с Кохом. Точнее, с двумя сразу. В том же кафе. Перед отъездом Альберт Кох снова повел разговор об отце. Его, мол, гложет тоска по семье. Он по-прежнему одинок. И все лелеет надежду увидеть дочь, жену. Среди тех кампаний, что лежат в фундаменте этих надежд, — его нынешняя работа, рассчитанная на западного читателя исследование русской литературы. Эрхард верит, что когда он закончит это исследование, то получит моральное право просить у Советского правительства разрешения приехать к семье. Турист обо всем этом говорил с многозначительными паузами и следил за реакцией Марины. И когда, по его разумению, настала самая пора, он будто невзначай сказал: «Дочь должна помочь отцу. В чем? Будущее покажет...»

Марина тогда ничего не ответила, ничего не обещала. А Кох, прощаясь, все же счел нужным напомнить девушке:

— Отец всегда остается отцом... Не забывайте его. И подумайте обо всем, что я вам сказал. У вас для этого будет достаточно времени...

И снова Марина промолчала. Даже привета отцу не передала.

...Птицын не комментирует этот документ. Он лишь излагает отчет оперативного сотрудника, написанный несколько лет назад.

— Что скажешь, Николай Андреевич?

— Веский аргумент. Однако не могу найти ответа на один вопрос: почему Марина, рассказав мне все об отце, умолчала об этих встречах и о странном подарке? Почему? Что тут — страх, недоверие или какой-то расчет, какое-то обязательство? И еще: знает ли об этих встречах доктор Васильева? Догадывается ли дочка, чем занимается сегодня ее отец? Или верит Коху?

— Ты, пожалуй, слишком много вопросов сразу поставил, Николай Андреевич.

Иностранец предложил Марине поехать за город погулять, пообедать...

— Я большой любитель русской природы, русской старины Подмосковья. Бородино... Архангельское... Кажется, Герцен писал: «Бывали ли вы в Архангельском? Ежели нет — поезжайте».

— У вас изумительная память.

— Не жалуюсь. Так как? Может, мы последуем совету Герцена и поедем в Архангельское?

Стоял теплый осенний день.

Иностранец остался в восторге от музея, картин, изумительных коллекций фарфора. Потом они долго гуляли по парку, любовались зубчатыми полосками лесов, синевших за излучиной Москвы-реки.

— Очаровательное единство архитектуры, пейзажа, скульптуры, живописи, — восторгался иностранец. — Кто бы мог подумать, что этот великолепно звучащий оркестр природы организован человеком. Князь Юсупов. Так, кажется?..

— Если вы имеете в виду фамилию последнего владельца этой усадьбы, то вы не ошиблись. А если интересуетесь истинными творцами красоты Архангельского, то речь пойдет о крепостных художниках, архитекторах...

— Да, гений народа...

Они спустились к пруду, а потом вышли на какую-то безлюдную аллею, где под сенью плакучей ивы стояла не приметная скамейка.

— Присядем отдохнем, — предложил спутник. — Вы не возражаете? — И, не дожидаясь ответа, сел на скамейку.

А потом он повел Марину туда, где гуляли обитатели военного санатория, расположенного на берегу Москвы-реки. Спустились на нижнюю террасу, полюбовались бескрайними далями.

— Я буду просить прощения... Мне надо купить сигареты. Я оставлю вас на несколько минут. Разрешите? — И быстро исчез.

Он вернулся минут через десять и снова извинился.

— То есть сложная операция — покупка сигарет... Пока я нашел киоск...

Часов в пять небо насушилось, надвинулись темные тучи и зашумел ливень. Иностранец подхватил Марину под руку, и они побежали в ресторан.

День был воскресный. Народу набралось много. Метрдотель беспомощно развел руками.

— Прошу прощения. Все места заняты. Однако мы сейчас что-нибудь сообразим. И через минуту он уже провозжал их к большому, на шесть персон, столу в углу зала.

Они сели у окна.

— Что будем пить? Коньяк? Русская водка? Шампанское?

Марина мотнула головой, что означало: «Не хочу!»

— Но вы же что-то будете пить... Кроме вашего знаменитого боржома.

— Наше знаменитое пиво. Жигулевское.

— Голос крови. Немцы обожают пиво.

— А я не считаю себя немкой. Я русская. Васильева. Дочь своей мамы.

Беседуя со своей спутницей, турист не заметил, как к их столику подошла пара: высокий молодой человек в сером костюме. Свободный и широкий жест, легкий акцент позволили без труда узнать в нем грузина. На вид ему, как и его подруге, было лет двадцать пять.

— Разрешите? — грузин склонился над стулом иностранца и приветливо улыбнулся. — Вы не будете возражать, если мы сядем за ваш стол? Понимаете, создалась безвыходная ситуация, — и он развел руками. — Все места заняты... И только за вашим столом...

Наступило неловкое молчание. Девушка со вздернутым носом упрекнула грузина:

— Я же тебе говорила, Серго, что это неудобно.

Но тут в разговор вмешалась Марина:

— Почему же неудобно? Вы нам вовсе не мешаете. Не так ли, Эрнст Карлович?

Но ответа не последовало.

— Пойдем, пойдем, Серго. Прощу тебя.

И вдруг в голосе Марины зазвенел металл:

— Я не очень понимаю ваше молчание, Эрнст Карлович. Молодые люди хотят...

— Что вы, я очень доволен. Великолепное общество.

Контакт налачился быстро, чему в немалой мере способствовал общительный характер грузина. Он тут же атаковал иностранца:

— Вам понравились женские головки Ротари? Не правда ли, изумительны? Мастерски написаны, хотя и не очень глубоки по характеристике. Согласны? А Робер? А коллекция «антиков»? О, этот князь знал, что надо привозить из Италии. Какая картина произвела на вас самое большое впечатление?

Зильбер, не задумываясь, ответил:

— «Андромаха, защищающая Астианакса». А вам, Марина, понравилось это полотно?

Она подняла брови, усмехнулась и ничего не ответила.

— Так как же, Марина?.. — продолжал допытываться гость.

— Вы не обижайтесь, господин Зильбер, но эта картина вызвала не очень приятные для вас ассоциации.

— Это есть неожиданный ответ. Для меня лично?.. Странно. В каком образе я представился фрейлейн? Астианакса?

— Нет, нет, господин Зильбер... Вы не младенец Астианакс... Вы полководец, разрушитель Трои. Я смотрела на Андромаху, на ее обезумевшие от горя и страха глаза и вспомнила рассказ мамы... Когда гитлеровцы пригнали колонну пленных в какую-то украинскую деревню, их повели на площадь перед церковью, чтобы показать новый порядок. В центре стояла виселица, приготовленная для молоденького паренька — связанного партизан. Ему «гуманно» разрешили проститься с матерью. Моя мама — она

была среди пленных — говорила, что на всю жизнь запомнила страшное лицо крестьянки, отбивавшей сына от эсэсовцев, ее истошный крик: «Не отдам сынку! Меня вешайте, его живым оставьте». И вот так же, как греческий полководец на картине, невозмутимо стоял гитлеровский офицер, ваш соотечественник, господин Зильбер... Он стоял и усмехался, глядя на несчастную женщину.

— Вы маленький зверек с очень острыми зубками, — резко огрызнулся турист. — Я буду вам напоминать, что Вильгельм Пик и Макс Рейман — тоже мои соотечественники. Я буду надеяться, что вы имеете хорошую память и на такой факт...

— Я ничего не забыла, господин Зильбер. Мне трудно забыть, если бы даже я захотела этого. Простите, я не хотела вас обидеть. Мрачные ассоциации приходят без спроса...

Наступило неловкое молчание и неизвестно как долго бы оно продолжалось, если бы не голос грузина:

— Вы меня извините, дорогие друзья, но этот разговор не для застолья. Я прошу полминуты внимания. — И Серго выдал длиннющий грузинский тост, смысл которого сводился к тому, что на свете есть много гостеприимных домов, но нет в мире более гостеприимных хозяев, чем в том большом советском доме, гостем которого милостью судьбы оказался уважаемый господин Зильбер.

Эрнст Карлович галантно заметил, что судьба была столь милостива к нему, что ниспослала ему такую очаровательную спутницу (поклон в сторону Марины), такую милую соседку по столу (поклон в сторону Елены) и такое приятное знакомство с сыном Грузии, о которой он много слышал и читал (поклон в сторону Серго).

Молодые люди охотно рассказали о себе. Они — жених и невеста, аспиранты. Вчера был сдан очень трудный экзамен, и сегодня они отмечают это радостное событие.

Эрнст Карлович, отрекомендовавшись туристом, поспешил заметить:

— У русских весьма превратное представление о западных немцах. Они не есть одинаковы. Среди них имеются люди, которые очень болезненно реагируют на возрождение нацизма, на реваншистские тенденции в политике Бонна. Хотя сам я очень далек от политики. Моя специальность — физика плюс математика. Когда я есть

гость Москвы, мои мысли не о политике, а о Ландау и Канице, Семенове и Келдыше. Эти люди принадлежат всем народам. Вы будете согласны со мной?..

— Когда я ем, я глух и нем. У русских есть такая поговорка, — ответила Елена. — Давайте пить и закусывать...

— Да, да, — подхватил Серго, — пить и закусывать. Я хотел бы поднять этот маленький бокал...

И он обрушил на иностранца целый каскад тостов. Один из них был за Германию Гёте и Гейне, Маркса и Тельмана. Зильбер аплодировал.

— То есть прекрасный тост.

Разговор снова вернулся к Архангельскому.

Иностранец был достаточно осведомлен обо всем, что касалось истории Юсуповского дворца, событий, когда-то происходивших в этом живописном уголке Подмосковья.

— Вы так много знаете, — удивилась Елена.

— То есть маленькое преувеличение. Я имею скромный багаж знаний. Но я много читал о России, люблю ее писателей.

— Кто из них вам больше всего по душе? — спросила Елена.

— Из всех русских писателей, которых у вас называют классиками, я больше всего люблю Толстого. Океан мудрости.

От Толстого Эрнст Карлович как-то незаметно перешел к современной русской литературе, но аспиранты разговора не поддерживали. Они что-то нежно нашептывали друг другу. Зильбер тихо сказал Марине:

— У нас очень популярны русские интеллигенты-правдолюбцы.

— Оригинально. Интеллигенты-правдолюбцы. Кто же у вас ходит в правдолюбцах?

Эрнст Карлович назвал несколько фамилий и, между прочим, фамилию того самого поэта, который, по словам Николая Бахарева, числился в его друзьях.

— Любопытное совпадение. Молодой человек, с которым я вчера была в ресторане, сам поэт и друг того поэта, которого вы называли...

— То есть приятное совпадение. Я имею просьбу вашего папы, если это не затруднит вас, привезти ему для книги что-нибудь любопытное из жизни современных советских писателей. Господину Эрхарду будет очень приятно, если я смогу ему передать свои личные впечатления

от встречи с русскими литераторами. Я буду иметь бесконечную благодарность вам, если вы познакомите меня со своим другом.

Марина пристально посмотрела на иностранца:

— Что же, пожалуй. Почему бы и нет. — Однако голос ее звучал не очень уверенно. Уже поднимаясь из-за стола, она сказала: — Я хочу напомнить вам, господин Зильбер, про обещанную газету. Мне будет интересно прочесть эту статью.

— Да, да. Конечно. Обязательно. Я буду просить прощения за свою забывчивость. Как видите, у меня не есть такая хорошая память. Приготовил для вас газету и в последний момент оставил ее в номере.

На улице уже стемнело, когда Зильбер с Мариной поднялись из-за стола.

Серго и Елена ушли несколько раньше...

Все, что докладывал подполковнику Николай Бахарев, все, что сообщали оперативные сотрудники, казалось, неопровержимо свидетельствовало: разгадка «Доб-1» — в семье доктора Васильевой-Эрхард. Надо лишь точно установить — мама или дочка? Или вместе? И все же подполковник Птицын волновался: не идет ли он по ложному следу? Сколько раз случалось, когда хитрый, умный противник ловко путал карты. Может быть, и сейчас так...

Прошло уже несколько недель с тех пор, как началась операция «Доб-1», и Александру Порфирьевичу казалось, что скоро будет распутан весь клубок. Генерал Клементьев и непосредственный начальник Птицына полковник Крылов несколько раз спрашивали его: «Скоро ли?» А он вынужден отвечать: «К сожалению, не могу дать точного ответа». Птицын подробнейшим образом излагал все обстоятельства дела, генерал молча слушал его и реагировал весьма сдержанно:

— Ну-ну, продолжайте действовать, Александр Порфирьевич... Только спокойно. Людей не дергайте. Как известно, частенько самые веские доказательства дает время... Но мне думается, что в данном случае время не наш союзник.

И вот клубок, кажется, начинает распутываться. Птицын внимательно слушает сообщение Серго и Елены. Иностранца интересует настроение студенчества, отношение

молодежи к некоторым явлениям жизни и литературы. Зильбер как бы вскользь заметил, что в западной печати появилось сообщение о каких-то рукописных журналах. Марину просил познакомить с «литератором». И поручение отца. И эта, пока неизвестная им газета с какой-то неизвестной статьей, так заинтересовавшей девушку. И вообще сам факт вторичной встречи с Зильбером. Серго, резюмируя свои впечатления, говорит: «Зильбер пока еще прощупывает настроение Марины, но, кажется, намерен кое-что поручить ей». И Птицын, прослушав сообщение о беседе Зильбера с Мариной в Архангельском, склонен согласиться с Серго.

Бахарев в общем-то придерживается того же мнения. И все же он спрашивает:

— Неужели Зильбер только затем и приехал? Думаешь, это основное его задание? Или, так сказать, попутное?

— Вот и меня это смущает...

Птицыну тоже неясно, зачем пожаловал гость? «И вообще, где доказательство того, что он имеет какое-то задание? Разве уже начисто исключена самая простая ситуация: физик Зильбер приехал в качестве туриста, встречался со своими коллегами в институте, занимающемся проблемами радиоэлектроники (это предусматривается программой пребывания гостя в СССР), и, выполняя просьбу друга, повидал его дочь, передал ей сувенир. Истории с кольцом? Ну и что же? Она не хотела афишировать подарок отца и тогда, в ресторане, сняла кольцо. Может, и от матери скрыла». Так Птицын вел трудный разговор с самим собой, будто не было в комнате его помощников.

И вдруг неожиданный вопрос.

— Серго, вы можете назвать какую-нибудь характерную примету этого физика?

— Конечно! Когда он фужер с вином поднимал, держал его двумя пальцами: большим и средним. На указательном заметен вывих последней фаланги. Ноготь чуть влево свернут...

Птицын вышел из-за стола.

— Это точно? На указательном?

— Точно.

— Отлично. Благодарю. Не угодно ли кофейку? Вот там, в углу, чашки и кофейник. Не хотите? Как угодно, А я побалуюсь.

Птицын налил чашку кофе, отхлебнул с удовольствием: этот напиток он принимал благоговейно и над кофеваркой буквально священнодействовал.

— Считайте себя свободными, товарищи. Впрочем, нет, ты, Бахарев, подожди моего звонка у себя в кабинете. Скоро принесут последнее сообщение Ландыша.

Бахарев собрался уходить. Птицын посмотрел в его сторону и заметил недовольство на лице:

— Почему насунился? Какая трагедия свершилась?

— Никакой трагедии. Обычное многосложное сплетение обстоятельств.

— Туману не папускай. Вижу же, не слепой. В чем дело? Говори по совести: ты уверен, что это от Марины нить к тайчику тянется?

— Нет, не уверен.

— Почему?

— Жизнь в схему никак не уложишь. Послушал я Серго с Еленой, вспомнил свои беседы с Мариной, еще раз проанализировал все, что случилось в ресторане, и думаю так: поспешил я с выводом, когда докладывал вам. Улик много, а весомых, настоящих нет. Нет же их... Где они? Утаила встречи с Кохом? Да, утаила. Почему? Полагаю, что только из чувства ложного страха... Не снимаю вины с нее за это...

— Ну-ну... Улики, они, конечно, имеются. Только эмоции некоторых товарищей не позволяют им...

Бахарев снова помрачнел.

— Александр Порфирьевич! Не ругайте меня за то, что скажу сейчас... Поверьте: это не амбиция, а от души... Верьте слову коммуниста...

— Говори.

— Может, к делу «Доб-1» вместо меня привлечь другого? Может...

Бахарев заппулся. Ему вспомнился недавний разговор с Птицыным, когда поздно вечером они возвращались домой. Был разговор о жизни вообще, о молодости, ее порывах, заботах, исканиях. И совершенно неожиданное замечание Александра Порфирьевича: «Искания... это хорошо... Не заблудиться бы только. Сердце, да еще горячее, не всегда надежным компасом бывает».

Почему он сейчас вспомнил этот разговор с Птицыным? Почему так иронически поглядывает на него подполковник?

— Вы правильно поймите меня, Александр Порфирьевич. Я не склонен к малодушию. Я прислушиваюсь к голосу...

В это время в комнату вошел полковник Крылов и остановился у двери.

— О чем шуметь изволят господа Мегрэ? Чем изволи-те недовольны быть, Александр Порфирьевич? Мрачнее тучи... Николая Андреевича на путь истины наставляете? И то дело...

Птицын и Бахарев смущенно молчали.

— Так о чем спор?

— Спора нет, Иван Михайлович. Есть сложное сплетение обстоятельств, в силу которых... Ну как бы это точнее выразиться...

— Мы не на сессии ООН. Не дипломатничайте, Птицын.

— Так вот, в силу этих запутанных обстоятельств, наслаивающихся на дело «Доб-1», Николай Андреевич полагает, что ему следует в сторону отойти... Передать, так сказать, эстафету...

— Это что же за обстоятельства такие? — Крылов, прищурившись, хитро посмотрел на Бахарева. — Впрочем, догадываюсь... Вы мне рассказывали, Птицын, про некоторые психологические нюансы... О них речь? Не сердитесь, Бахарев. Не надо... — Полковник подошел к нему поближе и дружески положил руку на плечо. — И не ершитесь, пожалуйста... Всякое бывает с существами, имеваемыми гомо сапиенс. Даже если они сотрудники КГБ... Вспомнилась мне сейчас любопытная история. У вас есть пескoлько свободных минут? Тогда присаживайтесь и послушайте.

Крылов и Бахарев сели на стулья у приставного столика, а Птицын опустился в массивное кресло у сейфа. Лейтенант чувствовал, что полковник затеял разговор неспроста, и нервно ерзал на стуле.

— Чего-то вам не сидится, Бахарев, — ухмыльнулся Крылов. — Учитесь властвовать собой, молодой человек. Курить будете? Не курите? Молодцом. А я люблю сигару пососать.

Крылов затаился и, как бы собираясь с мыслями, уставился в потолок.

— История эта врезалась в память, знаете, как клинопись на камне... со всеми деталями... Но я буду краток,

Место действия — Прибалтика; время действия — лето 1940 года. Главные действующие лица: Иван да Василий — командиры Красной Армии, да Ална-Лийса — просто милостивая девушка. Неглавных действующих лиц перечислять не буду. Их было предостаточно. Обстановка весьма напряженная и сложная. Прибалтику хотели втянуть в империалистические авантюры. И тогда слово взяли трудящиеся массы — они потребовали немедленного восстановления Советской власти, свергнутой Антантой в 1919 году, потребовали воссоединения с СССР. Власть перешла в руки прогрессивных сил. Рухнули двери тюрем, и политические заключенные, среди которых было немало коммунистов, вышли на волю.

И Крылов, как заправский рассказчик, умолк на секунду.

— А теперь, друзья, я вас приглашаю в небольшой островерхий особняк за высоким зеленым забором, в особняк, принадлежавший хорошо известному в городе врачу. Здесь поселились два друга, два советских командира — Иван и Василий. Молчаливый, угрюмый доктор и его на-смерть перепуганная супруга отвели русским просторную комнату с большим окном, выходящим на берег залива.

— В этой комнате господа офицеры, мы надеемся, будут чувствовать себя уютно, — сдержанно объявила докторша, с трудом подобрав последнее слово.

«Господам офицерам» тогда было не до уюта. После дороги и длительного оперативного совещания в штабе хотелось одного — спать. Прислуга приготовила одному кровать, другому постелила на диване и, пожелав спокойной ночи, вышла.

Так началась для них новая и во многом необычная жизнь. В особняке они только ночевали. Уходили рано утром, приходили поздно ночью. Питались в штабе. Хозяевам не мешали и виделись здесь разве только с прислужгой.

Казалось, никто и ничто не интересовало их в этом мрачном особняке: место ночлега, не более. Тем удивительнее показался Василию неожиданный интерес Ивана к висевшему над диваном большому портрету милостивой девушки.

— Кто это? Дочь? Где она?..

— Отчего такая любознательность?

— Я думаю, что мы живем в ее комнате.

— Ого, какой наблюдательный! Что еще обнаружил великий следопыт?

— Следопыт не следопыт, а кое-что могу тебе сообщить о хозяйке комнаты: по образованию филолог, зовут Анна-Лиса, думаю, что бывала в Германии, Англии и Швеции...

— Интересно... — протянул Василий. — То, что она филолог, ясно: литература, словари. А почему ты решил, что она бывала в Германии, Швеции и Англии?

— Видишь ли, друг мой, в то время, когда ты перед сном роешься в местных официальных справочниках, чтобы наутро дать нам поражающие своей глубиной и целеустремленностью задания, я, как книжный червь, зарываюсь в словари. Это не столь любопытно, сколь полезно. Так вот, в этимологическом словаре немецкого языка мне попалась открытка Анне-Лисе от ее родителей, адресованная в Берлин. Словарь Вебстера подарил ей одной английской семьей с благодарностью и пожеланием не забывать дома английский язык. Там даже есть подпись их сына. Ну, а в путеводителе по музеям Стокгольма — ее пометки карандашом. Мне очень понравилось тонкое замечание девушки по поводу «Дамы с веером» Рослина. Она, видимо, хорошо разбирается в живописи.

— А в политике?

— Право, затрудняюсь... Ты уж слишком многого требуешь от меня...

— Тогда послушай, что я тебе скажу...

И Василий рассказал другу, что несколько дней назад фашистские молодчики стреляли в девушку в тот момент, когда она, освобожденная войсками Советской Армии, выходила из ворот тюрьмы. К счастью, бандиты промахнулись. Когда все волнения улеглись, Василий беседовал с девушкой и ее друзьями. Выяснилось: девушка — дочь хозяев особняка, но домой не хочет возвращаться. Почему? Отец, узнав, что она связана с подпольной революционной организацией, публично отрекся от дочери. «Девушка, связанная с подопками общества, не может быть дочерью порядочных людей». Это были слова отца. У него и у дочери оказались разные взгляды на то, что принято называть порядочностью.

Анна-Лиса поселилась в квартире своих друзей по подполью. Она функционер Коммунистического союза молодежи. Дел у нее много и, между прочим, небезынтерес-

ных Ивану и Василию. Молодежь хочет организовать народную милицию.

Решено было познакомиться с девушкой поближе. Но события неожиданно развернулись так, что Анна сама явилась в особняк.

Однажды, вернувшись поздно вечером домой, Иван и Василий узнали, что хозяева сбежали (позже выяснилось — бежали в Швецию на моторной лодке), оставив все, кроме драгоценностей. Сообщившая о бегстве хозяев прислуга Мирья, старая женщина, поведала и о судьбе молодой хозяйки, выросшей у нее на руках.

— Господи, благослови ее... Благодарю тебя, господи, что вернул ее мне... — заключила старая няня свой рассказ.

Не далее как сегодня утром Анна-Лиса виделась со старухой и, узнав о бегстве родителей, решила жить вместе с той, кто нянчил, воспитывал ее.

Теперь совсем по-другому пошла жизнь в мрачном особняке. Словно поселилась тут одна семья под опекой заботливой Мирьи. Анна водворилась в свою комнату, Иван и Василий перешли в бывший кабинет доктора. Поздно вечером, часов в одиннадцать — двенадцать, молодые люди собирались в столовой. Говорили о разных разностях. Русским было очень интересно слушать Анну — о делах комсомольцев, об их заботах, тревогах, колебаниях, вопросах, на которые они сами не всегда находили правильный ответ и на которые кое-кто из притаившихся контрреволюционеров спешил ответить по-своему. Анна расспрашивала их о России, о них самих, где, чему учились, кто их родители. Девушка с трудом скрывала свое удивление, когда обнаружила, что ее новые друзья — люди весьма эрудированные. Неплохо разбираются в литературе, истории, музыке и живописи, а Иван, не прибегая к словарю, читает немецкие и английские газеты. А она-то думала, ей-то говорили... Во всем этом она призналась значительно позже.

Как-то поздно вечером Иван сказал Анне, что в городе решено открыть несколько детских садов, а помещений подходящих нет.

— Как же так, — всполошилась Анна. — А наш дом?

И тут же было принято решение — отдать особняк под детский сад. Анне и Мирье предоставили маленькую квартиру, а Василию и Ивану — комнату в другом доме. Но

дружба продолжалась. Они часто виделись, ходили в гости к Анне, баловали ее сластями, приглашали на вечера в Дом Красной Армии, не обращая внимания на шутки и остроты в адрес двух соперников, из которых, как казалось окружающим, Василий явно пользовался большей благосклонностью... И вдруг все это рухнуло.

...Грянула война. Тяжелые бои на эстонской земле. Фашисты у ворот Таллина. На кораблях под непрерывной бомбежкой добирались до Ленинграда. Ивана и Василия ждал приказ: организовать работу в тылу фашистских захватчиков.

Анна-Лийса и Мирья тоже оказались в осажденном Ленинграде. Друзья настойчиво уговаривали их эвакуироваться через Ладогу на Восток. Но Анна категорически отказалась, заявив, что может быть полезной в радиопропаганде. Мирья не пожелала бросить свою деточку и вместе с ней осталась в Ленинграде.

Наступили тяжкие блокадные дни. Холод и голод, артобстрел и бомбежки. И все же друзья встречались. Иван и Василий навещали Анну-Лийсу, хотя им приходилось пешком в морозы вышагивать из одного конца города в другой. Приносили хлеб и пшено — часть своего пайка. Знали, что Анна-Лийса делится своим скудным пайком с Мирьей, получавшей «сто двадцать пять блокадных грамм». Анна отказывалась принимать дары друзей, и они тайком оставляли их у Мирьи.

Однажды, когда друзья уже собрались было идти к Анне-Лийсе, Иван вдруг сказал Василию: «Иди сам». «Что это ты, Иван?.. Надорвался?.. Посовестился бы, не похоже на тебя». Иван ничего не ответил и молча положил в карман полушубка товарища маленький пакет. Василий в сумерках побрел один. По дороге достал пакет, развернул — в белый листок бумаги были завернуты три кусочка селедки. И записка: «Кушайте на здоровье. Ваш Ваня». Позже Василий все понял: друг его не мог не заметить, что Анна-Лийса искренне, по-товарищески любила обоих, но сердце девушки принадлежало лишь одному из них — Василию, длинному, худощавому и не очень-то красивому парню. Что поделаешь!..

Их троих связывала не только дружба. Они часто встречались в штабе. Анна занималась подготовкой радиопередач, листовок, обработкой информации, переводом захваченных документов, журналов, книг, издававшихся тамош-

ними квислингами. Из Ленинграда осуществлялось руководство работой боевых отрядов, действовавших в подполье на родине Анны-Лийсы. И вдруг связь с одним из самых больших отрядов прервалась. Вскоре стало известно, что его руководители арестованы гестапо. Стали выяснять причины ареста, анализировать положение в отряде, изучать его связи... И пришли к выводу: находясь вдали от места событий, разобраться трудно. Решили отправить в тыл нового человека, который возглавил бы отряд. Пусть он и разберется в той сложной обстановке.

Кого послать? Добровольцев было много. Но одного нельзя послать по состоянию здоровья, а этот — слабый, может и не выдержать, третий... В общем, сошлись на одном: это должен быть коренной житель, человек смелый, большой силы воли.

Анна-Лийса не раз говорила друзьям, что готова отправиться в тыл противника на любое задание. Но сейчас речь шла о том, чтобы возглавить отряд. Она, конечно, и на такое пошла бы, однако предлагать свою кандидатуру сама не решалась.

И тогда решили за нее. Как-то на узком оперативном совещании руководитель службы обеспечения сказал:

— Имеется, товарищи, предложение. Может быть, оно кое-кому покажется странным. Но давайте обсудим... Что, если послать в тыл противника Анну-Лийсу?

Все посмотрели на него с недоумением.

— Не удивляйтесь. Она местная жительница, знает язык, нравы, обычаи, в прошлом действовала в подполье, образованна, умна, миловидна, приобрела у нас опыт оперативной работы. Есть у нее, на мой взгляд, один недостаток — много молода...

— Это не единственный недостаток, — решительно возразил начальник оперативного отдела. — Мы, конечно, можем доверять этой девице здесь. — Он иронически улыбнулся, подчеркнув два последних слова. — Да, нам известно, что в свое время она была связана с революционной молодежью. Но тогда обстановка в Таллине была иная... И мы не знаем, как она ныне поведет себя там. — И снова ударение на последнем слове. — Я хотел бы напомнить, что она вышла из буржуазной среды, ее родители бежали в Швецию, куда она тоже в свое время имела удовольствие прокатиться. Но главное не в этом — она жила в Германии. По-моему, достаточно.

— Нет, недостаточно! — резко возразил Василий. — Вам, должно быть, известно, что в той стране заграничные путешествия были не в диковинку вообще и для интеллигенции в частности. Это во-первых, а во-вторых...

Ему трудно было говорить. Карандаш дрожал в руках. Василий взорвался было, но быстро овладел собой и спокойно стал перечислять все, что сделала Анна-Лийса в подполье: как стреляли в нее фашисты, как организовывала она, девушка, отряды народной милиции и как во главе одного из таких отрядов ночью ликвидировала банду фашистских головорезов.

— Я вижу, вы хорошо изучили биографию Анны-Лийсы, — процедил начальник оперативного отдела. И, усмехаясь, спросил: — Может быть, вы знаете и другие качества этой девицы, о которых не принято говорить вслух? А может, кое-кому из присутствующих они еще лучше известны? — Он захихикал, нагло посмотрев в сторону Ивана.

Василий стукнул кулаком по столу.

— Здесь не балаган...

Дело в том, что в штабе многие уже знали о взаимоотношениях Василия и Анны. Знали не только о их любви, уже прошедшей суровое испытание блокадой, но и о том, что, как только станет возможно, они пожениятся. Недвусмысленные намеки до глубины души оскорбили Василия. Но он сдержался.

— Простите, товарищи, я несколько погорячился. Разрешите высказаться по существу... — И, чеканя каждое слово, не повышая голоса, продолжал: — Я полагаю, что товарищи тщательно взвесили все «за» и «против», обсуждая вопрос о засылке Анны-Лийсы в тыл противника. Я полагаю, что они приняли это решение, основываясь не только на анкетных данных. Мне, по причинам вам известным, не совсем удобно выступать в ее защиту. Но, может быть, именно поэтому я решаюсь заявить со всей ответственностью коммуниста: она не подведет! Я ручаюсь за нее!

Василий, казалось, должен был благодарен товарищу, который отводил кандидатуру Анны, любимой девушки, невесты. Ведь не на увеселительную прогулку снаряжали ее, а на дело смертельно опасное. А он, коммунист Василий, требовал: посылайте! Но обо всем этом подумалось позже.

Около года хрупкая девушка во главе большого отряда действовала в тылу врага. Она оказалась смелой разведчицей. Информация, поступающая от нее лично и от ее отряда, высоко ценилась штабом и нередко направлялась в Ставку.

И вдруг гром среди ясного неба: радио гитлеровцев передало, что гестапо удалось раскрыть «большую группу русских шпионов во главе с опытной разведчицей». Вскоре в Ленинграде получили и фашистскую газету с тем же сообщением.

...Крылов тяжело вздохнул, снова зажег сигару, и в комнате стало так тихо, что слышно было, как Бахарев трет рукой подлокотник кресла.

— Надо ли говорить вам, друзья, — продолжал Крылов, — какой это был страшный удар. И для штаба. И для Василия. Штаб лихорадило. Люди ходили как в воду опущенные. Тяжело переживая провал Анны-Лийсы, стараясь пайти причины, анализировали данные, поступившие от других групп, обдумывали план ближайших действий. А начальник оперативного отдела оживился, словно нежданно обрушившаяся беда его не касалась. Он гремел: «Я вам говорил, предупреждал. Мы не имели права доверять этой девице. Мы обязаны были воздержаться. У нас есть опыт. А кое-кто тут стал паясничать: ах уж, мол, эти анкетные данные! Анкета — прожектор. Ездил за границу. Была в фашистской Германии. Да, в студенческие годы, но что это меняет? Может быть, уже тогда завербовали...»

Он шумел, а все молчали. Трудно было возражать ему. Факты упрямы. Группа провалилась. Анна-Лийса в руках гестапо... Василия тогда отстранили от всех дел. Еще более похудевший, он ходил как неприкаянный. Но жил какой-то неясной надеждой. На что? Сам не знал. И все же надеялся, верил...

Сведения о провале группы были разноречивые. И если вдумчиво проанализировать их, то версия о том, что Анна-Лийса предала, отпадает. Но начальник оперативного отдела сам не захотел этим анализом заниматься и другим запретил. «Пустое дело. Все ясно». А месяца через полтора из Москвы пришло подробное сообщение о судьбе Анны-Лийсы и ее соратников. Гестапо «внедрило» в эту группу провокатора. Благодаря смелости, находчивости и строгой конспирации Анны большая часть отряда спаслась

от провала. А что касается арестованных, то они, следуя примеру своего руководителя, держались стойко, припаяли все муки пытки и никого не выдали.

Осенью 1944 года родина Анны-Лиисы была освобождена. Вместе с наступающими частями Советской Армии в столицу республики вошла и часть, в которой служили Василий и Иван. И в первый же день в штаб поступило донесение: наши солдаты с ходу ворвались в тюрьму и перестреляли гестаповцев, которые спешили угнать последнюю партию заключенных. Среди них девушка. Она просит немедленно доставить ее в штаб.

Через час Анна-Лииса уже сидела рядом с Василием.

Тяжко было слушать ее. О себе она почти ничего не сказала. Говорила о том, как мужественно держались товарищи. Один из них чудом остался в живых и сейчас поведал о бесстрашии и стойкости Анны. Сначала ее только допрашивали. Потом пытали. Затем начали действовать через родителей, вернувшихся из Швеции и ублажавших представителей рейха. Она не захотела видеть отца и мать. Анну уговаривали, сулили всякие блага.

— Так оно было, друзья, — продолжал Крылов. — Как смогла все это перенести Лиза... — Полковник осекся и поспешил исправить: — Как все это могла перенести Анна-Лииса, знает лишь она сама. Только с тех пор эта женщина посит платья и кофточки с высокими воротничками, чтобы прикрыть шрамы на шее. Но один шрам, тот, что на левой щеке, ничем не прикроешь...

— Так это же Елизавета Ивановна! — воскликнул Бахарев. — Жена Василия Михайловича, генерала Клементьева! Я с ней рядом на вечере в клубе сидел... Шрам на левой щеке... Точно... Ну, а дальше, дальше как дело было? Начальник оперативного отдела как себя чувствовал?

Крылов помялся. Не хотелось ему отвечать молодому работнику КГБ на этот вопрос.

— Неплохо чувствовал. До поры до времени. Правда, он сам попросился в другой штаб. Позже и вовсе отстранен был. А Василий, что же... Поженились... И я на той свадьбе был... Все вспоминали, как мы вместе ухаживали за Анной-Лиисой. У них теперь двое ребят. Мирья долго жила с ними, детей нянчила. Умерла лет десять назад. А Лиза кафедрой иностранных языков заведует. Есть еще вопросы у лейтенанта Бахарева?

Нет у Николая Андреевича вопросов. Ему понятно, для чего была рассказана эта история.

— Спасибо, Иван Михайлович, и за рассказ и за... урок.

— Какой же это урок. Просто так. Толика пицци для раздумий. Это ведь легче всего — тень на человека бросить. А ты попробуй докажи, что тень зря бросили. Тут и смелость, и принципиальность, и иные качества требуются. В общем, не нужно шарахаться из стороны в сторону. Ясно? Так вот, обстоятельства дела «Доб-1» таковы, что...

Он помедлил, подыскивая подходящие слова. И тут на помощь пришел Птицын:

— Обстоятельства по делу выявляются такие, что все улики оказываются весьма разноречивыми.

И он, словно не было у него с Бахаревым никакого цепетильного разговора, стал развивать план ближайших действий.

— Значит, так. Позвонить Марине. Раз. Если она согласится принять тебя, поехать к ней. Два. Узнать, как здоровье. Три. Послушать, что скажет гость. Ты, надеюсь, не забыл, что Марина обещала познакомить Зильбера с тобой. Посмотрим, как она будет выполнять свое обещание. Серго и Елена продолжают наблюдение. Но им уже нельзя показываться на глаза ни Марине, ни Зильберу. Подключим других. Мне докладывать два раза в день. Первый доклад жду сегодня вечером. Я буду здесь до поздна.

...Птицын сидит в кабинете и продолжает все тот же трудный разговор с самим собой: «за» — «против». «Ну, а если не Марина, то кто?.. Эх, Ландыш, Ландыш, ты, кажется, опять выручаешь нас...»

Прошло уже несколько лет с тех пор, как Катя-Ландыш помогла раскрыть дело об утечке информации из секретного научно-исследовательского института.

С тех пор она связала свою трудную и полную опасностей жизнь с советскими органами государственной безопасности. Уже несколько раз обращалась Катя с просьбой разрешить ей и ее мужу вернуться в СССР. Нет, ей не приказывали. Ее просили. Взывали к ее разуму. К ее сердцу патриотки. «Ну, еще годик... Закончим дело...» Потом всплывало новое дело. А к тому времени Катя завое-

вала доверие «хозяев», стала в доме своим человеком. Она прошла жестокую проверку. Ей разрешили поехать в Белоруссию повидаться с родными, дали много денег, но поставили одно условие... Какое же это было страшное для нее условие, как хитро было все продумано! Она должна была выполнить поручение хозяев, используя служебное положение родного брата.

— Среди друзей вашего брата, часто бывающих у него дома, есть человек, для которого главное в жизни деньги и красивые женщины, — сказали ей. — Мы его знаем. Подходящий мужчина. Вы должны познакомиться с ним.

— Деньги вы мне дали. А кто будет той красивой женщиной? — боязливо спросила Катя.

Служанку в ответ одарили снисходительно-насмешливой улыбкой.

— Ты! Ты будешь этой красивой женщиной. Не убьет тебя. А твой... Перемучается как-нибудь. Служба, дорога моя, есть служба.

В Москве ей помогли «выполнить» это задание.

— Вы не волнуйтесь, Катя, — говорил ей Птицын. — Все будет в порядке. Отчет вы представите в наилучшем виде. И ни один волос с головы вашего брата не упадет.

Хозяева были довольны результатами ее поездки. Она стала уже домоправительницей, но тем не менее держали ее на известной дистанции. Не все доверяли, не все она знала. Но многое, что могло бы помочь Роднице, ей удавалось узнать. И настала пора, когда хозяева и их гости стали говорить в присутствии Кати о делах сугубо секретных.

...И вот лежит перед Птицыным последнее сообщение Ландыша.

Подполковник отхлебнул кофе и, не опуская чашку, уставился на фотографию туриста Альберта Коха.

«Бывают же такие совпадения. И дефект указательного пальца. И на студентку вышел. Все совпадает. А фотография не та. Задала ты нам задачу, Ландыш».

В третий раз перечитывает подполковник письмо Ландыша.

Год назад в доме Катиных хозяев появился гость — господин Альберт Кох, который прежде никогда здесь не бывал. Он приехал с письмом от господина Эрхарда, одного из специалистов по СССР. Господин Альберт Кох, инженер-физик, должен получить новое подданство, пере-

ехать в страну, где живет Катя, и стать сотрудником одного из институтов, поддерживающих научно-технические контакты с СССР. Ближайшая цель — через несколько месяцев отправить Коха в Москву. При этом следует предусмотреть осложняющие обстоятельства — господин Альберт Кох уже бывал в СССР в качестве туриста, и есть основания полагать, что он обратил на себя внимание контрразведки.

Через некоторое время Ландыш сообщила, что ее хозяйка определили Коха в нужный институт. И сейчас идет подготовка к поездке в Москву. Ландыш передала его словесный портрет. Птицын восхищается: «Молодец! Надо же уметь так точно схватить. Полное совпадение с фотографией Коха, хранящейся в архиве». Среди других примет — сломанный палец... Какой именно, Катя уточнить не смогла. Обратила внимание, что палец в повязке, а руку физик держал в кармане.

В Москве его свяжут с человеком, который будет полезен разведчику. Его стихия — уголовщина, спекуляция, контрабанда. Родом он из Одессы и уже успел познать, что такое тюрьма, исправительно-трудовой лагерь строгого режима и как за большие деньги покупают фальшивые паспорта и души фальшивых людей. В Москве у него есть дама сердца, женщина, привыкшая жить широко. Дама очень перспективна: от нее могут потянуться нити к секретному подмосковному институту. Об одессите Катя много сообщить не может. Знает только, что даму свою он покорила необычайной галантностью, солидностью, а главное — широтой натуры: о нем говорили, что он не любит вести счет деньгам и утверждает, будто Госбанк только для того и выпускает их, чтобы они снова вернулись туда...

На вопрос Коха, кто поможет ему установить контакт с одесситом, последовал ответ: «Пусть это вас не заботит, если надо будет, мы вам все это сообщим перед вылетом». А пока он должен запомнить следующее: через несколько дней после приезда Альберта Коха в Москву ему позвонит в гостиницу человек и попросит к телефону Сергея Николаевича. Турист должен переспросить: «Кого?» Ему ответят: «Сергея Николаевича Пономарева... Из Ленинграда». Турист может положить телефонную трубку на место и поспешить к Никитским воротам, в кино повторного фильма. Он должен купить на завтра на первый сеанс — де-

сятый ряд, первое место. Рядом с ним будет сидеть человек с журналом «Природа» в руках. Это и будет тот самый джентльмен из Одессы.

В Москве турист должен установить контакт с какой-то студенткой, с которой он однажды уже встречался. Точных координат ее Ландыш пока дать не может. Известно лишь, что студентка находится в какой-то связи с медициной. Но тут же Ландыш дважды оговаривается: все это сугубо предположительно. Она надеется, что ей все же удастся узнать поточнее и об уголовнике из Одессы, и о студентке, и о характере задания, с которым физик отправится в Москву. А главное, хотя бы ориентировочную дату выезда разведчика.

Надеется... Это хорошо, что она надеется. Но прошло уже немало времени после этого достаточно подробного сообщения, а от Кати ни слуху ни духу. В чем дело?

Птицын сердито дует на чашку горячего кофе и приговаривает: «Кох ли это? Дефект указательного пальца подходит. Студентка — отлично. Все, кажется, совпадает. Но вот борода, усы да плюс медицина. Черт их побери, путают карты... Медицина? Мама — доктор? Может, это имелось в виду? А где одессит? Толстяк? Будем считать, что первую их встречу в кино мы проворонили. Но быть того не может, чтобы он вновь не появился на горизонте. Это, конечно, в том случае, если Кох есть Зильбер? А так ли это? Он, Птицын, сличал фотографии Коха и Зильбера, лишив туриста бороды и усов. Нет, не похожи. Кто же этот господин Зильбер?

...В коридоре Бахарев встретился с Серго.

— Генацвали! Дорогой мой! — Серго шел с распростертыми объятиями.

— А, Серго. Забыл спросить тебя. Не обратил внимания на руку Марины? Кольцо было? Золотое, с маленьким бриллианчиком?

Серго ответил, не задумываясь:

— Не было.

— Ты уверен?

— Генацвали, если Серго говорит «не было», считай, что это на камне высечено. А про кольцо у них разговор был... — И тут же он хлопнул себя по лбу. — Склероз, настоящий склероз. Забыл доложить подполковнику. Иностранец

ранец спрашивал у Марины, понравилось ли ей кольцо и почему она его не носит? И сказал, что отец будет очень огорчен, если не угодил подарком.

— А она что?

— Ничего не ответила, только усмехнулась.

— Спасибо за информацию. Не забудь Птицыну доложить.

Бахарев распрощался с Серго и пошел звонить Марине. Звонил он ей в тот день несколько раз. Трубку не поднимали. Наконец часов в пять ответила мама: «Марина плохо себя чувствует. Просит прощения, но подойти к телефону не может».

Вечером Бахарев приехал в комитет к Птицыну.

— Что нового?

— Никаких новых вестей. Мать уверяет, что дочь больна и к телефону не подходит.

— Врет. С какой целью врет — не знаю. А то, что врет, — факт неоспоримый. Вот так.

— У вас есть какая-то информация?

— Садись, кофе пить будешь? Как угодно. Все равно садись. Есть важные вести. Три часа назад после долгого перерыва поступило сообщение Ландыша. Ей делали операцию. Наконец контакт с ней восстановлен.

Ландыш сообщает, что за несколько дней до того, как заболела, записала разговор хозяйки с Альбертом Кохом. Мадам считает, что посылать Альберта, учитывая настоятельность советской контрразведки, по меньшей мере рискованно. Даже если пустить в ход секреты лучших мастеров косметики, изменить фамилию. Тем более, как сказала хозяйка, и у них встретились серьезные затруднения с оформлением туристских документов. Вернувшись из больницы, Ландыш узнала, что вместо Альберта Коха в Москву снарядили разведчика под фамилией Зильбер. Характер заданий, условия его работы в Москве те же, что и у Коха. В свое время он вместе с ним в одной туристской группе выезжал в Москву и должен попытаться продолжить кое-какие дела, начатые Кохом. Ландыш не оставляет попыток точнее узнать, кто должен выйти на связь с разведчиком. И вновь подтверждает: в разговоре несколько раз упоминалась какая-то студентка и джентльмен из Одессы. Передала словесный портрет, и у этого тоже дефект указательного пальца. Бывает же так!

— Судя по тому, что Зильбер в Москве находится уже шестой день, первую его встречу с одесситом мы прозевали, — заключает Птицын. — А вторую не имеем права прозевать.

— Но из всего сказанного не могу уловить, почему мать Марины говорит неправду?

— Ты не торопись. Всеу свой черед. Вот эту чашечку допью, и тогда...

— Александр Порфирьевич, вы же всю ночь спать не будете.

— Знаю. Давал слово: три чашки в день и не больше. Постепенно снижаю норму.

Птицын пересел из кресла за столом на стул рядом с Бахаревым, положил руку на плечо Николая и ласково улыбнулся:

— Давно говорил тебе, Коля, время от времени голову свою прячь в холодильник. Чтобы остыла. На, читай...

Это было сообщение о Зильбере. Примерно через час, после того как Бахарев разговаривал по телефону с Аппой Михайловной, турист встретился с Мариной у Чистых прудов. Они заглянули в ближайшее кафе, и здесь Зильбер, передав Марине какую-то газету, сказал: «Как видите, я не забыл о своем обещании...»

Что это за газета, понять трудно. Но, судя по разговору Зильбера и Марины, это была та самая газета, которую турист обещал принести ей еще тогда, при первой встрече в ресторане «Метрополь». И, видимо, газета на немецком языке: Марина тут же углубилась в чтение статьи, которая, если верить комментариям туриста, принадлежала господину Эрхарду, уже давно примкнувшему к той плеяде прогрессивных людей Запада, что поддерживают советскую политику мирного сосуществования.

— Вы можете подарить мне эту газету?

— Конечно. Ваш отец будет безмерно счастлив, когда узнает, что среди читателей его статьи и дочь...

Потом они недолго прогуливались по бульвару. Турист проводил ее до станции метро «Кировская». И уже перед самым прощанием у них возник какой-то спор. Марина пыталась что-то всунуть в карман туристу, а тот сопротивлялся и в чем-то убеждал ее. Не попрощавшись, Марина скрылась в вестибюле метро.

Минут через десять и турист нырнул вслед за ней. Вышел он на станции «Охотный ряд». Оглянулся кругом, по-

смотрел на часы. И отправился в мосторг. Перед входом еще раз посмотрел на часы. Постоял несколько минут, снова оглянулся, вошел в магазин. Был час пик. Его подхватила толпа людей, поднимавшихся на второй этаж. Зильбер протиснулся к шедшей впереди молодой женщине и что-то положил ей в карман. К сожалению, никаких ее примет зафиксировать не удалось, попытка следовать за неизвестной успехом не увенчалась. Так заканчивалось оперативное сообщение.

— Шляпа! Не увенчалась! — кипятился Бахарев. — А тут, вероятно, и заключена разгадка...

— Опять эмоции. Что ты будешь делать! С любым может случиться. Ну вот и с нами случилось...

Бахарев смотрит на подполковника.

— Как это понять, Александр Порфирьевич? Что значит «с нами»?

— Вот так и надо понимать. Вдвоем мы сегодня действовали. Решил, что надо мне самому поближе к Зильберу присмотреться. И вот... Шляпы!

— Александр Порфирьевич, простите за резкость. Это я от огорчения.

— Зачем же. По справедливости сказано. Шляпы и есть. Но надо же реальную обстановку представлять. Ты был когда-нибудь в мосторге в час пик? То-то и оно. Адово столпотворение. Тенерь — по домам. Завтра с утра снова звони Марине.

— Александр Порфирьевич, может быть мне с Ольгой встретиться, попытаться у нее узнать, что там приключилось с Мариной: действительно ли она больна?

— Ну что же. В этом есть свой резон.

Утром Бахарев без особого труда узнал расписание занятий Ольги: в четырнадцать часов она выйдет из Института акушерства и гинекологии.

...Стоял сумрачный осенний день. Утром прошел дождь, и воздух все еще был пропитан сыростью. Николай медленно прогуливался по аллеям парка, что почти вплотную примыкал к институту. На душе, как на улице, — то лазурь, то сумрак.

Птицын в общем-то прав: «Ишь как тебя заносит». Черт побери, неужели он окажется во власти эмоций, он, Колька Бахарев, уже побывавший в разных жизненных

передрягах? Он снова вспомнил свой разговор с Птицыным о Марине, когда они возвращались домой.

«Нет, хитришь! Тебе ведь не безразлична эта ершистая девушка. Но лейтенант Бахарев поступит так, как повелевает высший нравственный закон чекиста: если объективная истина, неопровержимые улики будут против Марины, он сумеет подавить любые личные чувства. И не кто другой, как он, обязан докопаться до этой объективной истины, не кто другой, как он, будет распутывать клубок улик...»

Так, ожидая встречи с Ольгой, он «аранжировал» те самые «психологические нюансы», на которые намекало начальство.

Неожиданно в боковой безлюдной аллее показался Владик. Бахарев усмехнулся: «Ольгин поклонник заступил на вахту».

Впервые увидев Владика, он подумал: «Любовь зла, полюбишь и козла». Что нашла эта красивая женщина в щупленьком, невзрачном пареньке? Теперь ему вспомнился рассказ Марины. Она говорила о цинизме подруги и в лицах представила, как однажды на девичнике после нескольких рюмок коньяка Ольга, закинув ногу за ногу и попыхивая сигаретой, стала распевать какую-то фривольную песенку.

— Чертовски примитивный парень! — говорила Ольга о своем поклоннике.

Одна из девушек, хорошо зная Владика, спросила: — Зачем тебе понадобился этот замухрышка? — Ольга испытующе посмотрела на нее, на мгновение задумалась и резко отрубил: «Тайна секса...»

Ольга вышла на улицу, окруженная ватагой юношей и девушек. Она сразу отделилась от студентов, помахала им рукой и свернула в сторону, где ждал Владик. И вдруг — Бахарев.

— О, какая приятная встреча, Николас! — так она его называла с первого дня знакомства.

Ольга без умолку что-то тараторила о том, как ей приятно было познакомиться с русским поэтом. Она настойчиво приглашала его зайти в общежитие. Не обошлось без шпильки: «Русские боятся встреч с иностранцами».

— В ближайший день нагряну к вам вместе с Мариной.

— А вы давно видели Марину?

— Мне кажется, что я не видел ее целую вечность. Звонил по телефону, и Анна Михайловна мне как-то неопределенно ответила. Говорит, что Марина все еще болеет, не ходит в институт,

Ольга усмехнулась:

— Дочь врача всегда, когда ей это потребуется, сможет представить в институт оправдательный документ. У вас его почему-то называют бюллетенем. Вчера я была у нее. Пили чай с клюквенным вареньем и слухали очень грустные пластинки. Настроение у нее скверное. И даже про ужин в ресторане, как пила, веселилась, танцевала, каким вы были милым кавалером, — про все это рассказывала с такой кислой физиономией, будто речь шла о визите к дантисту. Между прочим, она про вас часто вспоминала. И очень душевно. Видите, какая я благородная, — зову вас в гости и тут же рассказываю вам такое. Душа женщины — потемки. Это я не о Марине. О себе. Кстати, мне показалось, что она очень хочет видеть вас. Счастливый мужчина, которого рвут на части две молодые женщины!

— Вам это только показалось, Ольга.

— Нет, нет. По-моему, у нее будет какое-то дело. Какое? Право, не знаю. Мы очень откровенны друг с другом, у меня от Марины нет секретов, и у нее — от меня. Но женщины всегда будут женщинами. Марина ничего не ответила мне, когда я спросила, какое у нее срочное дело к Николасу...

— Спасибо, Ольга, вы меня успокоили.

Бахарев раскланялся, поцеловал ручку и пошел к остановке троллейбуса.

В четыре часа дня, по расчетам Бахарева, Анна Михайловна уже возвращалась домой. И если Марина по каким-то причинам избегает даже телефонного разговора с ним, то уже по крайней мере с мамой можно объясниться.

К телефону подошла мама.

— Здравствуйте, Коля. Где вы пропали? Марина вспоминала вас. Спрашивала, не звонили ли вы.

— А разве она отлучалась из дому? Мне казалось, что она не поднимается с постели.

Замешательство мамы длилось не более секунды.

— Да, вообще-то режим, как говорят врачи, постель-

ный. Но у нее было какое-то неотложное дело. С вами, молодыми, совладать не так легко. У вас...

Анна Михайловна не успела закончить фразы. Видимо, Марина вырвала у нее трубку и, не сказав даже «здравствуй», спросила:

— Хочешь меня видеть?

— Конечно. Был бы очень рад, Марина. Я тебе звонил...

— Ты можешь сейчас приехать? Жду.

Дом, где жили Васильевы, стоял в глубине большого двора-сада с детской площадкой, беседкой-читальней, с большим самодельным, наскоро сбитым столом — приют домовых любителей «забить козла». По фасаду пять подъездов, смотрящих во двор. Дорога от дома к троллейбусной остановке петляла, огибая корпуса-близнецы.

Бахарев за сравнительно короткий срок хорошо изучил город, знал многие проходные дворы, парадные. У него был свой, профессиональный критерий в оценке домов. И с этой точки зрения дом Марины он оценил на пятерку.

Шагая от троллейбусной остановки, Бахарев встретил Анну Михайловну. Она первой окликнула его:

— Коля!

— Здравствуйте, давно я вас не видел.

— Вы нас совсем забыли...

— Творю, Анна Михайловна. Днем и ночью. А как здоровье Марины? Сегодня, наконец, получил высочайшее разрешение навестить ее. Она уже выходит на улицу?

Анна Михайловна покраснела. И, не отвечая на вопрос, попросила проводить ее до троллейбуса. Некоторое время шли молча. Первой заговорила Васильева.

— Все как-то очень странно, Коля, складывается. Разрешите оди, может и не очень деликатный, вопрос.

Бахарев внутренне насторожился:

— Хоть десять вопросов...

— Вы ничем не обидели Марину в тот вечер, в ресторане?

— Боже упаси! Анна Михайловна, что вы!

— Это, конечно, мнительность матери. Но именно с тех пор она стала молчаливой, подверженной частой смене настроений, очень легко возбудимой. Я всегда была к ней снисходительна. Но есть предел и материнской

снисходительности. Мы очень любим, уважаем, а главное — хорошо понимаем друг друга. И вот все это сейчас куда-то рухнуло. Она рычит на меня по каждому поводу, ничто не радует ее. А тут как-то днем, будучи больной, вскочила с постели и исчезла, не сказав даже, куда идет.

Васильева говорила торопливо, и выражение ее лица непрерывно менялось — гнев, сострадание, мольба.

— Не сердитесь... Крик материнской души.

— Понимаю... Мать всегда остается матерью. Всегда тревожится за дочку. А когда дети становятся большими, то и хлопот больше. Азбучная житейская истина.

— Хлопот... Куда уж больше... Набрала дежурств столько, что едва на ногах держусь. Марина хотела начать работать и пойти на вечерний факультет. А я и слушать не хочу. Сколько скандалов у нас было, пока отговорила. Но она девушка упрямая. Говорит, хочу одеваться модно, красиво. Пойду работать.

— Но все же она вас послушалась. Значит, голова способна приказывать сердцу...

— Вообще-то, пожалуй, вы правы. Но было однажды и такое. Приходит домой и достает из сумки две прекрасные кофточки. И говорит: «Это тебе, а это мне». Я испугалась. «Откуда? — спрашиваю ее. — Где ты взяла деньги?» А она весело смеется: «Я, говорит, целый год тайком от тебя давала частные уроки. Вот и накопила...» Что ты с ней будешь делать!

— Когда это она вам такой подарок сделала?

— Давно, несколько лет назад.

«Значит, утаила от матери, не рассказала ей о встрече с туристом, о подарке отца, ловко придумала байку о своей работе. Утаила — почему? Один вопрос снят, другой возник...»

...Васильева пропустила уже три троллейбуса. Она то возносила Марину до небес, то низвергала в бездну. И между прочим, словно вскользь заметила, что не боится развенчивать Марину даже перед ним, Николаем, хотя знает, что он для ее дочери не просто знакомый.

— Буду с вами откровенной, Коля. Я врач, а значит, в какой-то мере и психолог. Не могу не заметить, в каком первозданном состоянии пребывает дочь, ожидая встречи с вами.

Потом задумалась, испуганно посмотрела на Бахарева:

— Мать не должна была бы говорить вам это. Вы, мужчины, по-разному можете истолковать такую откровенность. Но я верю вам, Коля. Дай-то бог не ошибиться. А теперь прощайте. Спешу на дежурство. Напомните Маришке, в шкафу — ваши любимые пирожки с картошкой...

И побежала к троллейбусной остановке.

Бахарев никогда не изменял своим профессиональным привычкам: к дому он направился боковой дорожкой и, перед тем как зашагать вдоль фасада, на мгновение выглянул из-за торцевой стенки дома.

Из третьего подъезда выпорхнула Марина. Она была в кедах и лыжной куртке, небрежно накинутой на плечи. Под мышкой держала какой-то сверток.

Марина свернула в сторону Николая. Он уже готовился к встрече. Но когда девушка оказалась у первого подъезда, оттуда вышел высокий, элегантно одетый мужчина лет под шестьдесят. Массивное тело он нес уверенно и прямо. Бахарев успел заметить, что у него, видимо, покалечена левая рука, в которой он держал чемоданчик на «молнии». Марина поздоровалась и отдала ему пакет. Была их встреча заранее назначенной? Кто он и что за пакет передала ему Марина?

Случай помог узнать имя, отчество и даже фамилию незнакомца. Спрятав пакет в чемоданчик, он неторопливо зашагал по двору, туда, где за большим столом буйствовали «козлятники». Его окликнула какая-то женщина.

— Аркадий Семенович! Товарищ Победоносенко, за вами задолженность.

Аркадий Семенович повернулся и с усмешкой отозвался:

— За мной? Простите, мадам, где — не вижу?

— Перестаньте, пожалуйста, паясничать. Во-первых, у вашей остроты длиннющая борода, а во-вторых, здесь не Одесса. Из-за таких, как вы, наш ЖЭК на черную доску попадет. За три месяца задолженность по квартплате...

— Боже мой, какая неприятность. Шутка ли сказать — черная доска. Какой позор, мадам! Слово джентльмена — завтра погашаю задолженность и плачу за месяц вперед.

И, послав воздушный поцелуй, он пошел приветствовать игроков в домино.

Вот таким, посылающим воздушный поцелуй, и запечатлел его Бахарев своей фотокамерой. Мысль сработала мгновенно, он тут же вспомнил сообщение Ландыша о человеке из Одессы...

Бахарев застал Марину за письменным столом: видимо, наверстывала пропущенное в институте.

— У тебя еще и сейчас нездоровый вид.

— Не жалуюсь. Я...

Она умолкла, опустила голову и стала исподлобья разглядывать Бахарева. А он сидел тихо, не сводя с нее глаз. «Неужели она и есть «Доб-1»? Сейчас поведет разговор о Зильбере. Нет, вероятно, будет действовать хитрее. Предоставим ей инициативу».

Поначалу разговор явно не клеился. Бахарев мысленно укорял себя за какие-то неловкие вопросы, на которые следовали односложные ответы «да», «нет», «возможно». Или же слегка насмешливый взгляд, в котором не трудно было прочесть: «А умнее ты ничего не мог спросить?» Чтобы вывести Марину из этого странного, явно неестественного для нее состояния, Николай решил предпринять последнюю попытку.

— Хозяйка ты пикудышная, Марина, — весело и совсем неожиданно для собеседницы заявил Николай. — Еще несколько таких томительных минут, и к твоим стопам падет труп. Человек умрет от голодной смерти... Я не обедал, а ты скрываешь, что в кухонном шкафу любимые мои пирожки с картошкой...

И он рассказал о встрече с Анной Михайловной.

Впервые за вечер она улыбнулась. И ласково погладила Николая по плечу.

— Ты любимчик мамы. Не знаю только, за что.

— О, если бы мы знали, за что нас женщины любят. За мудрость или за глупость, богатство или красоту. Философу Зенону однажды кто-то сказал, что любовь — чувство, недостойное мудреца. Он ответил: «Если это так, то сожалею о бедных красавицах, ибо они будут обречены наслаждаться любовью исключительно одних глупцов».

Марина расхохоталась, схватила Николая за руку и потащила на кухню.

— Пойдем, мой дорогой философ, есть пирожки. Там и выясним, кто кого и за что любит.

За кухонным столом разговор пошел более оживленный. Бахарев «выдал» несколько анекдотов. Марина от-

ветила эпиграммой, передаваемой студентами из уст в уста. Вслед за эпиграммой была рассказана сплетня об именитом писателе, сплетня, попавшая в среду студентов «из самых достоверных источников». Бахарев мысленно отметил: «Месяц назад передавала Би-Би-Си». Потом стала расспрашивать о поэте, которого Бахарев как-то называл «лучшим своим другом».

— Марина, — перебил ее Бахарев, — ты, вероятно, решила, что я по меньшей мере секретарь правления Союза писателей. А я всего-навсего скромный литератор, среди знакомых которого есть, правда, и звезды первой величины. Но если ты столь любознательна, то могу тебя познакомить с одним осведомленным товарищем: все обо всех...

— Это поэт, драматург, прозаик?

— К сожалению, я не могу ответить на этот вопрос. По моим сведениям, он не обременен ни талантом, ни литературными трудами. Но в Доме литераторов — непременно гость.

Мирная беседа грозила вылиться в перепалку. Уже были скрещены шпаги на романах Кафки и двух модных зарубежных фильмах, уже было замечено, правда с улыбкой, что у собеседницы интерес к литературным сплетням преобладает над интересами к самой литературе. Нет, это никак не входило в планы Бахарева, и он мысленно даже ущипнул себя: «Опомнись, что ты делаешь?» Если исходить из предположения, что Марина по поручению Зильбера перед большой встречей прощупывает его литературные симпатии и антипатии, то он повел себя по меньшей мере глупо. Видимо, не для модных литературных диспутов о судьбе современного романа разведчик Зильбер жаждет встречи с русским литератором. Да, но это, если исходить из предположения... А где доказательства? Какие есть основания предполагать? Марина за вечер уже не раз могла подготовить почву для встречи Зильбера с Бахаревым, а она будто и забыла о просьбе иностранца.

— Мне кажется, что тебя вечно одолевает желание баламутить те миллиарды нервных клеток, что заложены в человеческом мозгу. Ты не пересташь о чем-то размышлять. Это, вероятно, очень утомительно?

Бахарев даже вздрогнул. Ему казалось, что он уже в совершенстве владеет столь необходимым искусством слушать собеседника, вести с ним разговор на любую тему,

в то время как мысль лихорадочно работает совсем в другом направлении. И вдруг такой вопрос.

— Так о чем же думает сейчас поэт?

— Мне стыдно признаться, что в минуты наших словесных баталий на весьма возвышенные темы я думал о делах прозаических и даже низменных.

— Эти дела имеют отношение и ко мне?

— Непосредственно. Я думал о том, что хорошо бы нам с тобой выпить.

— Ты с ума сошел, Коля!

— Вовсе нет. Я предлагаю отметить твоё выздоровление и завтра или послезавтра снова пойти в «Метрополь». Кстати, я в долгу перед тем самым своим приятелем, всезнайкой. А он большой любитель выпить за чужой счет. Чудесно проведем вечер. Выпьем, потанцуем. Согласна?

Марина опустила голову, стала нервно тереть салфетку, потом пристально посмотрела на Бахарева. И тут же закрыла лицо ладонями.

— Что с тобой? Тебе нехорошо? Может, я предложил что-нибудь обидное?

— Нет, нет. Не обращай внимания.

— Так ты согласна?

— Ну что же, пожалуй, я...

И вдруг она вскочила со стула и с криком «нет, нет, не хочу» побежала к себе в комнату, упала на постель и зарыдала.

Среди многих передраг, в которые приходилось попадать Бахареву, такой еще не бывало. Поначалу он собрался вызвать неотложку. Но пока беспомощно метался в поисках домашней аптечки, охал и ахал, безуспешно взывая почему-то к благоразумию — «ну будь же умницей, Мариночка», — слабонервное существо пришло в себя. Разглаживая заплаканное лицо, до боли сдавливая виски, Марина встала с постели, извинилась — «прости, пожалуйста, нервы...» — и тут же плюхнулась в любимое кресло около торшера. Он сел рядом и вопрошающе, участливо смотрел ей в глаза.

В мучительном молчании прошло минут пять. Наконец Марина вскинула голову и, не глядя на Бахарева, достала с полки книгу:

...Я не безумна,
Но разума хотела бы лишиться,
Чтоб ни себя, ни горя своего
Не сознавать!

— Что с тобой, Марина, успокойся... — И Бахарев попытался перевести разговор на шутливый лад. — Великий сердцевед из Стратфорда противопоказан вам, сударыня. У вас легко ранимое сердечко. Ты успокойся и объясни толком: в чем дело, что случилось?

— Нет, не надо успокаивать и не нужно допытываться. Сейчас у меня удивительно ясная голова... Тебе надо уйти, Коля. Так будет лучше... По крайней мере сегодня. Завтра придешь снова, хорошо?

Был поздний вечер. Подняв воротник пальто, Бахарев неторопливо шагал по притихшей, безлюдной улице.

Когда-то Птицын наставлял ученика: «Запомни, Николай, мы всегда в бою, всегда в поиске, даже тогда, когда нужно доказать невиновность человека. Это не менее важно, чем найти виновного». А Марина? Виновата или не виновата? Может, сейчас перед ним один из самых трудных вариантов, когда нужно доказать, что на человека ошибочно брошена тень. Вроде бы именно к ней тянется нить от «Доб-1»? Но в глубине души живет сомнение: нити то обрываются, то вновь возникают.

...В Комитете, несмотря на поздний час, его ждал Птицын. Так они условились.

Бахарев сидит притихший — Александр Порфирьевич сегодня не очень доволен своим учеником. Обычно Птицын журил подчиненного не за то, что у того что-то не получалось. Журил, если знал: мог сделать и не сделал.

— Как же ты так опростоволосился! Марина встречается с явно подозрительным иностранцем, что-то получает от него, а затем передает пакет какому-то франтоватому одесситу. А ты упускаешь его из виду, хотя знаешь о сообщении Ландыша: человек из Одессы...

И вдруг неожиданный вопрос:

— Послушай, а почему ты решил, что он одессит?

Бахарев опешил от такого вопроса. Менее всего он был подготовлен к нему: в самом деле — почему? Только потому, что блюстительница финансовой дисциплины крикнула: «Это вам не Одесса!» Слабенький аргумент. Он посмотрел на Птицына — его лицо как глухая дверь. Человеку постороннему трудно понять: гневается он сейчас или нет, спокоен или волнуется. Но Николай хорошо знает: когда у Птицына замкнутое лицо — значит, особо

лихорадочно работает мысль, а глухая дверь — чтобы никто не мешал. Бахарев тоже считал за благо не отвечать: шеф часто задавал вопросы, на которые и не ждал от собеседника ответа. Он, видимо, сам отвечал на них.

— А вообще-то вариант возможный... — продолжал Птицын. — Удивительно знакомая фамилия По-бе-до-носенко! Мы где-то с ним встречались. А если это он, то, значит, одессит.

И Птицын вполголоса стал мурлыкать про то, как с одесского кичмана бежали два уркана. Потом взглянул на часы.

— Поздновато. В архиве уже нет и дежурного. А в фотолaborатории? Там, пожалуй, кое-кто допоздна задерживается. Я предпочел бы словесному портрету фотографический.

Через полчаса Бахарев вернулся из лаборатории со снимками. На Птицына смотрел человек, в котором он, с трудом напрягая память, узнал того самого...

— Кажется, он и есть. Так ты говоришь, передала ему сверток? Туфли, завернутые в газету?

Бахарев удивленно посмотрел на Птицына:

— О каких туфлях вы говорите? Я понятия не имею, что было в том пакете. Может быть, и туфли...

— Если это именно тот, о ком я думаю, то, вероятнее всего, в пакете были туфли...

Стоявшие в углу старинные часы глухо пробили три раза.

— До утра осталось недолго. Часов через шесть все прояснится. А сейчас по домам. Спать, спать. Советую отменно выспаться. Дело требует свежей головы.

Легко советовать. И для Птицына и для Бахарева остаток ночи прошел в тревожных раздумьях. Бахарев вовсе не уснул, а Птицын долго вертелся с боку на бок и задремал лишь к рассвету. Оба, не сговариваясь, пришли в Комитет спозаранку. Им не терпелось скорее узнать, куда потянет та тоненькая ниточка, что нацупана Александром Порфирьевичем.

С утра Птицын сообщил архиву кое-какие данные, а потом принялся за разбор почты. Бахарев сидел молча и ждал, когда Александр Порфирьевич, как обычно, протянет ему сводку о событиях минувшего дня и ночи. Так уж заведено: прислушиваться к эху любых событий, хотя

на первый взгляд они не имеют никакого отношения к делу, которое ведут наши контрразведчики сейчас; связывать воедино что-то случившееся вчера, ночью, что-то заинтересовавшее Комитет госбезопасности с тем трудным поиском, который ведет определенная группа. Пусть все догадки окажутся мыльным пузырем, пусть кто-то из скептиков и улыбнется — «Эка, хватил!» — все равно надо проверить, проанализировать, нет ли тут затаенной связи, пока еще ничем не давшей знать о себе.

Птицын никогда не изменял этим правилам. И от Бахарева того же требовал. В очередной сводке сообщалось о событиях разных, ничем друг с другом не связанных.

...В научно-исследовательском институте неизвестным был оставлен у входа в лабораторию чемоданчик со взрывчатым веществом.

...На машиностроительном заводе ночью неизвестные лица сорвали замок со склада ДОСААФ, где хранилось учебное оружие. Похищены два учебных пистолета.

...В студгородке в двадцати почтовых ящиках были разложены газеты «Футбол». На первой странице газеты — все то, к чему привык читатель «Футбола», а на остальных — контрреволюционные призывы, гнусные измышления. На целую полосу — воззвание, подписанное «Союзом молодых интеллектуалов». Опрошенный вахтер заявил, что никто из посторонних в корпус не проходил, если не считать гостя к студенту Владимиру Яковлеву. Он заявил, что идет к племяннику: низкорослый, полный дядя, в серой шляпе, модном осеннем пальто цвета маренго, клетчатом кашне. Вахтер обратил внимание на походку: гость шел, как бопман, переваливаясь с боку на бок. Владимир Яковлев показал, что никакого дяди у него в Москве нет и никто в гости к нему не приходил. Трое студентов, оставшихся по болезни дома, подтвердили, что действительно встретили этого гражданина на лестнице. Одна из студенток добавила: «По-моему, он косоглазый... И пос мясистый».

Птицын откладывает в сторону информационное сообщение. Минуту-другую барабанит пальцами по столу. Потом поднимается с места, идет к сейфу, достает листок бумаги и протягивает его Бахареву.

— Вчера вечером получил. Не успел тебе показать. Сообщение нашего оперативного работника Снегирева. Читай.

Бахарев изумлен: неужели тот самый? Низкорослый, полный, ходит покачиваясь...

Снегирев сообщал, что Бородач вчера утром долго плутал на такси, пока не выехал на шоссе, ведущее в Архангельское. В Архангельском он гулял по парку, а потом свернул на тихую, немногочисленную аллею и присел на скамейку под ивой. Как и предполагал Птицын, Зильбер, видимо, решил приладить именно к этой скамейке металлический намагниченный контейнер. Снегирев проверил: металлическая коробочка величиной со спичечную была пуста.

Снегирев направился за Зильбером. На полпути к выходу Бородач резко повернул назад к скамейке. Известно, чем руководствовался разведчик, но он забрал контейнер.

К полудню Зильбер вернулся в гостиницу, поднялся в номер и через полчаса вышел на улицу с серым клетчатым чемоданчиком в руках. Непринужденно оглянулся кругом, посмотрел на часы и направился к метро. Из вагона он вышел на станции «Комсомольская» и уверенно, будто по давно знакомому маршруту, зашагал к электропоезду на Загорск. Он сел в пятый вагон от хвоста. Пассажиров было немного — выбирай любое место. Зильбер устроился поближе к выходу. Положил чемоданчик на полку и углубился в чтение журнала «Техника — молодежи». Минуты за две до отхода поезда в вагоне появился низкорослый, переваливающийся с боку на бок человек в серой шляпе, сером осеннем пальто и уселся напротив Зильбера. И тут Снегирев заметил, что на полке для багажа рядом с чемоданчиком Бородача оказался почти такой же чемоданчик толстяка, который тоже углубился в чтение журнала. Не имея еще никаких оснований связывать одной цепочкой Зильбера и толстяка, подчиняясь лишь какому-то неведомому шестому чувству, Снегирев уловил то мгновение, когда из-за журнала выглянуло мясистое лицо с косым взглядом, и щелкнул фотокамерой.

На станции Мытищи толстяк вышел из поезда, и, когда он уже шагал по перрону, Снегирев увидел, что в руках у него чемоданчик Зильбера — тоже в серую клетку, но попеременно с зеленой и с «молнией» вдоль всей крышки. Что было делать? Хозяин какого чемодана представляет наибольший интерес? Снегирев решил сле-

довать за Зильбером — он ехал в Загорск, в излюбленную туристами Лавру...

Птицын собрался было идти к генералу докладывать о сообщении Снегирева, которое, по его мнению, проливало свет и на события в студгородке, как раздался телефонный звонок. Это из архива — нашли дело одесских контрабандистов довоенных времен.

Бахарев внимательно наблюдал за Птицыным, перелистывающим пожелтевшие листы. Наблюдал, с трудом скрывая улыбку. Он подумал: кто сказал, что лицо — это зеркало души? Вот лицо человека, в душе которого сейчас, вероятно, клокочет такое, что ахнешь. А лицо? Непроницаемо-бесстрастное. Такова с годами выработавшаяся профессиональная манера. И только подмеченное Бахаревым легкое дрожание пальцев говорило об огромном усилии воли, которое требуется сейчас шефу, чтобы скрыть волнение. Ведь, кроме всего прочего, это его, Птицына, молодость — одно из первых дел, которое поручили ему в органах государственной безопасности.

Уже просмотрено много страниц — протоколы допросов обвиняемых, показания свидетелей, заключения экспертов. И, наконец...

— Он самый!

Теперь уже сомнений быть не могло — достаточно сличить хранящуюся в деле фотографию одесского льва, молодого Аркашки с Дерибасовской, с фотографией старого франтоватого Аркадия Семеновича.

По делу одесских контрабандистов Победоносенко проходил поначалу как свидетель, а уж потом оказался соучастником. Первоклассный одесский сапожник, он весьма искусно «работал», как он сам выразился на допросе, всякие «шуры-муры» в элегантных дамских и мужских туфлях контрабандистов. «Шуры-муры» — это тайники в каблучках, под стельками для царских золотых монет и зелененьких долларов...

Птицын перечитывает протокол допроса.

— Занятный человек... Любил пофилософствовать... Нет, ты послушай, Бахарев, и оцени: сидит перед следователем, а разглагольствует, как с кафедры... Спрашиваю его: «А какие у вас были побуждения, когда вы пошли на первое свидание с Мишкой-аристократом? Только

не виляйте, говорите всю правду». Отвечает: «Лучший способ скрыть свои побуждения — это говорить правду». Спрашиваю: «Что руководило вами, когда вы в самый канун провала банды выгнали Мишку-аристократа и, не страшась соседей, истошно вопили на весь коридор: «Чтобы ноги твоей не было в моем доме!» Отвечает: «Есть черта, где человек должен остановиться. Нельзя всем жертвовать ради бизнеса». Спрашиваю: «Вас очень активно использовали люди Мишки-аристократа. Но чем вы объясните несколько странное отношение к вам: вас считали своим человеком, но никогда не приглашали на семейные торжества, где обычно собиралась вся банда, не пригласили к столу даже в тот вечер, когда вы, заглянув в ресторан «Лондон», застали там ваших друзей?» Отвечает: «Вы когда-нибудь читали Амфитеатрова? Нет? Жаль... Старик понимал толк в человеческой психологии. Он дал ответ на ваш вопрос: «Грязь на высокой скале и грязь на болотистой дороге — всё грязь. Но если бы грязь чувствовала и умела выражать свои чувства, то грязь на скале, наверное, почитала бы себя грязью возвышенной и презирала бы ниже лежащие грязи». Я был нижележащая грязь».

Птицын покачал головой.

— Что скажешь, Бахарев, каков Спиноза? Черт те что! Вероятно, я потому и запомнил его. Да и фамилия такая — По-бе-до-носенко. А в общем-то вопрос проясняется. Похоже, что одесский сапожник взялся за старое дело, только теперь у него хозяева, видимо, классом выше. Марина же выполняла...

Размышление вслух прервал стук в дверь.

— Войдите... Входи, входи, Алексей Петрович. С чем пожаловал?

— Дополнение к тому делу имеется.

И сотрудник архива положил на стол пухлую папку:

— Битый час искал. Это как чеховская лошадиная фамилия — не успокоившись, пока не вспомнишь. А помню — дело одесских контрабандистов имело продолжение, уже послевоенных лет. Прошу вас, Александр Порфирьевич.

Птицын открывает папку, читает длинное, страниц на десять, каллиграфическим почерком написанное заявление. Заявление, видимо, сочинялось еще дома, и в приемную КГБ автор явился, все обдумав, взвесив.

«Я, Аркадий Семенович Победоносенко, уроженец города Одессы, судимый по делу контрабандистов, ныне мастер сапожной мастерской, сообщаю нижеследующее: вчера вечером в пивном баре на Пушкинской площади имел откровенный разговор с самым отчаянным фрэаром Молдаванки, которого у нас в Одессе звали Косым и который просил сейчас называть его Ефимом Михайловичем. Судя по тому, как он с ходу атаковал меня, едва я заказал пару пива, я был уже давно у него на прицеле. Я сразу узнал в нем одного из шайки одесских контрабандистов, для которых когда-то работал всякие тайники в ботинках. Как и до войны, он был элегантно одет, те же усики, тот же мясистый нос, те же маленькие бегающие глазки, та же боцманская походка человека, у которого почти нет шеи. У него наследственная одесская астма. Только волосы на макушке поредели и были, как говорят у нас в Одессе, зачесаны с разумной экономией... За несколько месяцев до того, как провалилась вся банда, упомянутый выше Косой был отправлен Мишкой-аристократом в центр готовить базу для «дочернего предприятия», что, полагаю, и спасло его от карающего меча ВЧК — ОГПУ. Я спросил подсевшего к столу Косого: «А что тебе собственно надо от Победоносенко?» Он обнял меня и сказал: «Милый мальчик, я еще сам точно не знаю. Поговорим просто так. За Одессу, да благословит ее господь бог. Одесса — это, как сказал наш Габель, много моря, солнца и красивых женщин. Так выйдем за упокой души твоей супружницы-красавицы, да будет земля ей поухом...» И он тут же вытащил из заднего кармана плоскую флягу с водкой, разлил ее в два стакана и чокнулся: «Бывай здоров, мальчик». Это означало, что Косому уже все известно о послевоенном Аркашке. А откуда известно? Имею предположение, что это наши общие одесские дружки шепнули Косому про то, как после войны появился на Дерибасовской Аркашка Победоносенко с орденом Красной Звезды на груди, в выцветшей солдатской гимнастерке без погон и в сапогах, пошитых из трофейного шевро».

Далее следовало большое отступление — вопль души, из которого явствовало, что жизнь Аркадия Победоносенко развивалась по синусоиде — со взлетами и падениями. В сорок втором на пятом его рапорте начальнику лагеря с просьбой послать в штрафной батальон, на самый труд-

ный участок фронта, появилась резолюция: «Удовлетворить. Отправить на Сталинградский фронт». Стоял ноябрь 1942 года, когда на берегах Волги день и ночь гремели бои за каждую пядь земли, за каждое здание, лестничную клетку, когда огнем и кровью проверялись характеры, цементировались сплавы человеческого мужества и воли, любви к отчужденному дому и ненависти к его врагам. О том, как дрался солдат-штрафник Аркадий Победоносенко, автор заявления в КГБ считал нужным обронить лишь три слова: «Смотри прилагаемые характеристики». А там — они тоже в деле — сплошь превосходные степени.

После Сталинграда он перестал быть штрафником. Его перевели в саперы. Пятнадцать раз ходил в разведку, и на его счету было много разминированных полей, захваченных «языков». За участие в штурме Берлина его наградили орденом Красной Звезды.

Когда кончилась война, Победоносенко решил вернуться в родную Одессу. В заявлении подробно рассказывается, как нелегко было принять это, казалось бы, простое и естественное решение. Нет, это было не так просто — после Колымы вернуться в город, где все тебя знают, как «Аркашку с Дерибасовской», жившего по принципу «деньги не пахнут», водившего знакомство со всякой мразью. Он нашел в себе силу воли порвать с прошлым, хотя оно долго преследовало демобилизованного сержанта. Первоклассного сапожника назначили заведующим большой мастерской, где трудилось много молодых ребят, и Победоносенко терпеливо учил их «работать эlegantный ботинок, точь-в-точь, как в Париже». Но когда наступал воскресный день и Аркадий, посасывая трубку, гулял по бульвару, ему было тяжело. Он заглядывал в глаза прохожих, и ему казалось, что они странно посматривают на него.

Так прошло года два. Тени прошлого постепенно перестали тревожить директора обувного ателье, и вдруг на бульваре Аркадий Победоносенко лицом к лицу столкнулся с высоченным дядей в брюках синего шевюта и кремовом, прекрасно пошитом пиджаке, уверенно размахивавшим тростью с костяным набалдашником. Победоносенко попытался сделать вид, что не узнает, но Рваное Ухо был не из тех, кто упустит нужного ему человека.

В шайке Мишки-аристократа Рваное Ухо работал «на подхвате» и слыл деятелем цепким. Деваться было неку-

да. Поздоровались, поговорили о погоде, девушках на лимане, ценах на базаре, вспомнили друзей — иных уж нет, а те далече... Рваное Ухо пригласил поужинать. Победоносенко отказался. «Живот болит... Второй день манной кашкой пробавляюсь», — на ходу придумал он. Рваное Ухо долго обхаживал Победоносенко: «Послушай, Аркаша, как ты считаешь: встретились на бульваре два кореша, которые в общем-то, отбросим частности, это не для деловых людей, неплохо относятся друг к другу. Ты имеешь что возразить? Нет? Отлично. Если эти два джентльмена, подчеркиваю, в общем-то неплохо относятся друг к другу и в общем-то могут быть взаимно, подчеркиваю, взаимно полезными, — почему бы им не пойти на союз, не держаться как братья-близнецы? Я что-нибудь неправильно сказал, Аркаша? Поправь меня... А теперь слушай: требуются золотые руки сапожника. Золотые руки за золотые десятки. Ты меня правильно понял, Аркадий? И забудь думать за комбинат бытового обслуживания».

Было сказано еще несколько ни к чему не обязывающих обе стороны фраз, и Победоносенко, извинившись — «У меня тут встреча с девушкой», — попрощался, попрощав три дня на размышление.

Насчет свидания он не соврал. Дней двадцать назад Аркадий познакомился с московской работницей, лечившейся в одесском санатории. Легкое увлечение (сколько их было у Аркадия с Дерибасовской!), кажется, переросло в нечто более серьезное. Тяжело больная Таня, хлебнувшая в жизни много горя, была одинока. Он честно поведал Тане о своей жизни, и она поверила ему, когда он сказал, что с прошлым все покончено и нет такой силы, которая заставила бы его повернуть вспять. Она ему поверила, хотя и не скрыла, что ей трудно забыть его прошлое. В таких случаях он мрачнел и рассказывал легенду о грешнице, которую толпа хотела закидать камнями, и о Христе, который, обращаясь к толпе, говорил: «Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень...»

Таню покорила искренность Аркадия, сила его характера. И вот — Рваное Ухо с его предложением.

В тот вечер Таня вернулась в санаторий очень поздно; сперва он ее провожал, потом она его. Все было взвешено, все точки над «и» поставлены. На следующий день был взят расчет в сапожном ателье и билет до Москвы...

Через два года после свадьбы Таня умерла — тяжелой болезнью почек сделала свое дело. И, как пишет в своем заявлении А. Победоносенко, «свет стал мне не мил». Незадолго до смерти Таня, понимавшая, что дни ее сочтены, впервые за два года вновь повела с мужем разговор о его прошлом и сказала: «Клянись, Аркадий, что и после смерти моей... ни шагу назад...» И Аркадий поклялся.

Встреча с Косым в пивном баре произошла ровно через год после смерти Тани — утром он был у нее на могиле... Нетрудно представить, что было на душе Победоносенко в те минуты, когда Косой добирался до самой сути «золотого дела», о котором он говорил пока весьма туманно. Он дал понять, что о давней встрече Победоносенко с Рваным Ухом ему известно, так же как и о неожиданном исчезновении из Одессы Аркашки с Дерибасовской.

— Однако человек не песчинка. Разве он потеряется на нашей грешной земле? — улыбался Косой. — Мир тесен, Аркаша... Вот и пьем мы с тобой пиво за одним столом. Только этот напиток не для меня. Пойдем, друг, в «Арагви», грузинского коньячку пососем. Там и разговор закончим. Ты только не говори мне, мальчик, что у тебя животик вава, что ты на манной кашке сидишь. — И он, дружески обняв Аркадия за плечи, еще раз дал понять, что ему все известно, но он никаких претензий не имеет.

Разговор был продолжен в «Арагви» в отдельном кабинете, — тут Косой чувствовал себя как дома.

— Деловым людям, среди которых не только одесские шмаровозы, но и птицы куда более важные, нужна твоя, Аркаша, помощь. Платить будут зелененькими. В Одессу перебираться не нужно. Заказ будешь получать в Москве. Тут и наш главный шеф...

И, видимо, крепко выпив, с гордостью добавил:

— Это тебе не Мишка-аристократ... Так чтобы ты знал: иностранец. Ясно?

И сразу осекся, поняв, что болтнул лишнее. Косой подозрительно посмотрел на Аркашку, нахмурился и зло буркнул:

— Все, что сказал, — как в могилу. Ты ничего не слышал, мальчик, ничего не знаешь. Иначе...

И он резким движением полоснул ребром ладони по горлу.

— Так как? Снова три дня на размышление? Не пойдет.

Победоносенко лишь на какую-то долю секунды задумался, потом налил в два больших фужера коньяк, встал из-за стола и несколько торжественно провозгласил:

— Выпьем за успех...

— Так, значит, согласен? — обрадованно спросил Косой.

— Согласен.

Они условились о следующей встрече и разошлись в разные стороны.

Вернувшись домой, Аркадий Победоносенко долго стоял перед висевшей на стене большой фотографией Тани. Потом сел за стол, достал из секретера несколько листов меловой бумаги и каллиграфическим почерком вывел: «В Комитет государственной безопасности...»

Он не спал всю ночь. Вышел из дому на рассвете и долго-долго петлял по Москве, пока в девять утра, окончательно убедившись в том, что за ним нет слежки, не нырнул в приемную КГБ.

...Птицын листает дело, по которому проходят Рваное Ухо, Косой, еще несколько одесских «деятели» и человек с иностранным паспортом. О нем разговор на следствии шел уже заочно: почуяв недоброе, джентльмен вовремя ретировался. Птицын листает дело и размышляет вслух:

— И тут и в деле студгородка фигурирует Косой, косяк, толстый, мясистый нос, ходит, переваливаясь с боку на бок... Косой и человек с иностранным паспортом... Косой и Зильбер. И газета «Футбол» в студгородке. Что это, случайное совпадение? Или одна цепь?

А у Бахарева свой ход мыслей. Он понимает: в принятой шефом схеме — Марина передает Победоносенку туфли, чтобы сделать в них тайники, — появилась трещина. Но не более. Ведь не сбросишь со счетов и такую версию: плюнул Аркадий Семенович на все свои клятвы покойной супруге и вернулся к старому. Вместе с Косым.

Генерал Василий Михайлович Клементьев был в курсе новых обстоятельств, архивных материалов, неожиданного переплетения человеческих судеб: нити от двух на

первый взгляд совершенно разноплановых дел — «Доб-1» и «Студгородок» — где-то вдруг сошлись в одном узле. Полковник Крылов уже докладывал Клементьеву об изысканиях Птицына, о Косом, об Аркашке с Дерибасовской, Бородаче — Зильбере, о Марине и прочих лицах, оказавшихся в сфере внимания тех, кто занят делом «Доб-1». И вдруг устанавливается — пусть в порядке гипотезы — их причастность и к студгородку. Генерал попросил Крылова зайти к нему вместе с Птицыным, а пока принести все материалы, все, что имеет отношение к «Доб-1». И подчеркнул:

— Буквально все. Сообщения оперативных работников, Ландыша, фотографии. И дело контрабандистов тоже...

Высоченный, всё такой же худющий, как и в пору войны, генерал слыл человеком гибкого ума. Он никогда не спешил с решениями, не поддавался настойчивому голосу чувств, умел разбираться в сложном их переплетении, находить то доброе, что нужно поддержать, хотя не для всех еще было очевидно это доброе. Филолог по образованию, он незадолго до начала второй мировой войны пришел в органы государственной безопасности с партийной работы. За плечами его уже был некоторый опыт, но он считал для себя обязательным продолжать освоение всех тонкостей этой сложнейшей сферы деятельности. А осваивать приходилось многое и разное, и порой, когда бывшему филологу казалось, что его подстерегает опасность стать дилетантом, он вспоминал слова университетского профессора: «Дело не в том, чтобы знать многое, а в том, чтобы знать самое нужное».

Сейчас для него, по его собственному разумению, «самое нужное» — это уловить, проанализировать то новое, что появилось за последнее время в методах вражеской разведки, то новое, что дает ныне знать о себе.

Генералу интересна точка зрения коллег, помощников. Возникают ли у них вопросы широкого и дальнего, как он выражается, плана? Что скажут Крылов, Птицын, люди опытные, много видевшие в жизни и много знающие, но порой подвластные, как все смертные, опаснейшему роду недуга — безжалостной текучке...

Генерал внимательно слушает Птицына. Александр Порфирьевич, как всегда, говорит неторопливо, время от времени голосом выделяет то, что ему кажется важным.

А иногда он делает паузу и словно резюмирует: «Полагаю, что следовало бы принять такую схему...» Обратив внимание генерала на сообщение Снегирева, историю двух чемоданчиков в электропоезде, Птицын после очередной паузы продолжает:

— Полагаю, что следовало бы принять за вероятное следующее: Толстяк — один из зильберовских агентов — забрал в поезде чемоданчик с так называемыми газетами «Футбол». Выбор объекта — студгородок, — возможно, идет от студентки Марины: ей лучше знать, когда, где, каким образом сподручнее всего подбросить идеологическую бомбу. Тем более что в этом городке живут и ее товарищи по институту. В этой связи важно установить возможность еще одной схемы: Марина — Аркадий Семенович — Косой. Да, несколько лет назад сообщник одесских контрабандистов приходил с повинной в КГБ. Допускаю, что сделано это было под настроением: годовщина со дня смерти жены, которой он поклялся, что к прошлому возврата нет. А оно зовет. И Победоносенко пошел старой дорогой. Встретив Косого — ему тогда за чистосердечное раскаяние только шесть лет дали, — сразу нашел с ним общий язык. Обращаю ваше внимание, Василий Михайлович, что по времени все это сходится. Поразительнейшим образом. Неужели случайность?

— Случайность? — переспросил генерал. — Конечно, бывают и случайности, Александр Порфирьевич. Несомненно бывают. Но случай благосклонен лишь к достойным. В распоряжении каждого из нас в течение дня появляется не менее десяти возможностей изменить к лучшему свою жизнь. А успех приходит лишь к тому, кто эти возможности умеет использовать. Согласны? Ну-ну. Продолжайте, Александр Порфирьевич.

— Я хотел бы поставить несколько вопросов в развитие разговора о случайностях. Неужели случайно Зильбер встречался с толстяком и ловко передал ему чемоданчик? Неужели случайно в тот же день человек, удивительно похожий на толстяка из электропоезда, с тем же чемоданчиком в руках проникает в студенческое общежитие?

Генерал снова перебивает Птицына:

— Стоп! Неужели случайно сегодня утром в подмосковном городке в почтовых ящиках одиннадцати квартир лежали те же самые «газеты» «Футбол»? Мне сообщили об этом час назад...

В комнате наступила тишина. Для Крылова и Птицына сообщение генерала — полная неожиданность. И оба они смотрят на генерала с нескрываемым изумлением. Александр Порфирьевич пытается логически связать подмосковный городок и студенческое общежитие, установить связь с Зильбером. Мысль работает в быстром темпе. Архангельское? Нет, не то... Совсем в другой стороне. Он стал вспоминать все сообщения оперативных работников, не упускавших из своего поля зрения Зильбера. Ничего связующего. Марина? Пока нет оснований даже для отдаленных ассоциаций.

— У вас есть по поводу Подмосковья какие-нибудь догадки, вопросы, Александр Порфирьевич? — генерал первым нарушает молчание.

— Догадок пока нет, а вопросы есть. Один и, пожалуй, самый главный. Это, так сказать, от нас двоих. — И Птицын кивает в сторону Крылова.

— Что же, давайте вместе разбираться.

Крылов стряхнул пепел с сигареты и аккуратно положил ее на край пепельницы.

— Зильбер — вражеский разведчик. Это бесспорно. Сообщения Ландыша не оставляют в том сомнения... Мы еще точно не знаем, кто его агенты и на какие объекты он нацелен. Но знаем, что это разведчик. Однако же разведчик не стал бы размениваться на подбрасывание листовок. Мы привыкли видеть в разведчике противника, подбирающегося к государственным тайнам. А тут, извольте видеть, организуется подбрасывание идеологической макулатуры. Кто он — мастер по наведению мостов между Западом и Востоком? Специалист по фабрикации и распространению листовок? Или же его интересуют государственные секреты?

Генерал доволен.

Вопрос поставлен правильно. На него надо отвечать. Как? Он не может еще дать ответа абсолютно бесспорного. Он может только высказать некоторые соображения. Явление подмечено новое, его еще нужно осмыслить.

— И меня и вас учили распознавать стратегию и тактику врага. Имеются здесь проверенные десятилетиями формулы. Разведчик, прибывший с заданием вражеского центра, не станет заниматься, ему не позволено заниматься таким делом, как подбрасывание листовок. Это — классика. Но мы можем предположить, что Зильбер — развед-

чик, которого начальство обязало включить в сферу своей деятельности то, что принято называть идеологической диверсией. И вот извольте. — И генерал ткнул пальцем в ловко закамуфлированные газетные листы. — А теперь перейдем от всяких теоретических изысканий к сугубо практическим. Я вас попрошу, Александр Порфирьевич, взять все материалы, относящиеся к фальсифицированной газете «Футбол»... И в студгородке и в Подмоскowie. По почерку видно, что эта диверсия направлялась одной и той же рукой. В ближайшее же время я должен получить от вас план операции. Мы обнаружили «газету» по одиннадцати адресам. Но у нас нет уверенности, что размах диверсии ограничивается этим. Может, следует опросить кого-нибудь из получателей «газеты». Кого? Установите... Опрос людей по этому делу проведите сами...

— Будет сделано. Я представлю вам подробный план операции. Разрешите идти?

— Нет. Попрошу задержаться. Это еще не все. Настоятельно противоречивые сообщения Бахарева. Умный, образованный малый, но увлекающийся.

— Я ему, Василий Михайлович, не раз советовал — время от времени остужать свою голову.

— Шутки шутками, Александр Порфирьевич, а молодого человека, видимо, нет-нет да и, как вы правильно заметили, заносит из одной крайности в другую. Кстати, у вас нет сомнений... как бы это деликатнее выразиться... — Клементьев запнулся, но Птицын понял его.

— В его полной объективности? Вы это имели в виду?

— Ну хотя бы и это, — сказал генерал.

— Я ручаюсь за Бахарева, — резко отрубил Птицын.

— Не надо распаляться. Вашего поручительства не требуется. Но человеку свойственно человеческое. Силу чувств никогда не сбросишь со счетов. Согласны? То-то же. Теперь давайте разберемся в предложенных вами вариантах. Я позволю себе заметить, что они еще не подкреплены в достаточной мере фактами. Ваше мнение, — обратился он к Крылову.

— Да, пожалуй... Пока имеются только предположения, хотя и весьма основательные. Бахарев старается со скрупулезной точностью определить: это — за, а это — против...

— А рисунок получился действительно сложный: мазками, — ни к кому не обращаясь, заметил Птицын.

— Вот именно, — продолжал Крылов. — Что касается Аркадия Семеновича — не спешим ли с выводами? А между тем одна персона осталась пока в тени. В деле фигурирует, а о ней мы мало что знаем.

— Вы имеете в виду Ольгу? — уточнил Птицын.

— Да.

— В институте о ней дают самые лестные отзывы. Активная общественница. Как-то на курсовом собрании резко выступила против группы крикунов. Выступила и дала такого жару, что крикуны сразу притихли... Хорошо зарекомендовала себя на практике, в коллективе поликлиники. Мать ее связана с участниками движения Сопротивления...

— Почему же вы считаете возможным подозревать ее? Только потому, что она иностранка? — спрашивает Клементьев, и губы его сжимаются в узкую полоску.

Птицын молчит. Его самого беспокоит этот вопрос.

— Так как же, Александр Порфирьевич? — продолжает допытываться генерал.

— По нашим данным, в катехизисе так называемых добродетелей этой иностранной студентки едва ли не главным пунктом является грим.

— Как прикажете понимать?

— Это женщина с искусным гримом на лице и на душе...

— Опять из сферы предположений. А факты?

— Есть и факты, над которыми нельзя не задуматься. Мы с Бахаревым терялись в догадках: откуда Зильбер узнал, что Марина пошла со своим знакомым в ресторан «Метрополь»? Вряд ли это случайная встреча. Кто мог навести туриста на след? И вспомнили. Когда молодежь возвращалась со студенческого вечера и Бахарев предложил пойти в «Метрополь», только два человека слышали его слова — Ольга и Владик. Герта со своим кавалером ушла далеко вперед. Владика я исключаю. Остается Ольга.

— Довод не очень серьезный, но все же... Тем более важно увидеть эту женщину, как вы выразились, без грима.

— Но есть и другой довод: на пути к «Метрополю», оставшись вдвоем с Бахаревым, Марина сказала, что ей надо позвонить маме и предупредить ее, что она поздно вернется домой. В будке телефона-автомата девушка задержалась недолго.

— Ну и что же?

— По наведенным справкам, в этот вечер матери Марины дома не было, она дежурила в больнице. Очередное дежурство, о котором дочь не могла не знать.

— Ну и что же?

— Если мама на дежурстве и не знает, когда дочь вернется домой, к чему предупреждать ее по телефону? Судя по всему, Марину никак не отнесешь к числу дисциплинированных дочерей. Да и не так-то легко — мы и на этот счет наводили справки — дозвониться дежурному врачу, когда больные еще бодрствуют.

— Значит, снова Марина?

Птицын молча пожал плечами и развел руками.

— Нам не дано права разводить руками, Александр Порфирьевич. Я попрошу вас лично попытаться прояснить роль каждого из шести действующих лиц — доктор Васильева, Марина, Ольга, Победоносенко, Косой и Зильбер... Пора от гипотез переходить к фактам.

Из студгородка Птицын вернулся быстро. Бахтер среди пяти предъявленных ему фотографий толстяков сразу опознал «дядю» студента Володи Яковлева. Линия Зильбер — Косой на схеме может быть из разряда пунктирных переведена в разряд жирно подчеркнутых. А вот что касается ее продолжения — Аркадий Семенович — Марина, тут дальше тонюсенького пунктира ничего нет. Снова, увы, только догадки. Правда, в деле одесских контрабандистов тоже есть фотография Косого. И нетрудно было убедиться в том, что человек в электропоезде и человек, разговаривавший с Аркадием, — одна и та же персона. Но значит ли это, что и Аркадий Семенович замешан в истории с «газетами» «Футбол»? Что же передала ему Марина во дворе? Какая связь между этой передачей и студгородком? И еще один более серьезный вопрос: кто из них двоих — Косой или Аркадий — тот самый человек, с которым Зильбер должен был связаться? Оба из Одессы, оба в прошлом причастны к шайке контрабандистов. Кто же связной Зильбера?

Птицын поджидал Бахарева. Николай знал, что в одиннадцать Александр Порфирьевич вызван к генералу с докладом о ходе дела «Доб-1», знал, что он долго и старательно готовился к беседе с Кlementьевым. И сейчас,

едва переступив порог кабинета, по одному лишь выражению его лица понял — разговор с генералом был трудным, хотя, как всегда, Птицын казался спокойным.

— Какие новости, Александр Порфирьевич? Что генерал?..

— А что генерал? Требуется от гипотез к документированным фактам переходить. Правильно требует. Про студгородок ты уже знаешь. А теперь такую же пакость в подмосковном городке сотворили...

Птицын рассказал про свою поездку в студенческое общежитие и про то немного, что ему пока известно о подмосковном городке. Бахарев, услышав название городка, стукнул себя по лбу.

— Позвольте, позвольте, Александр Порфирьевич. Да ведь Марина там была...

Зильбер, Косой, листовки, студгородок... И Марина! Теперь все это сплелось в один узел. Опять она! Бахарев вспомнил, как Марина восторженно рассказывала ему про Дом культуры в этом городке, про чудесный воскресный день, проведенный на берегу пруда в веселой компании молодежи. Сейчас ему трудно восстановить в памяти, в какой связи зашел разговор о ее поездке. Мысль его тогда не задерживалась на этих мимолетно оброненных словах. А сейчас звено — к звену, факт — к факту, плотно, как патроны в обойме.

Зильбер, Косой, листовки в студгородке... И вот — Подмоскowie. Почти в одно и то же время. И Марина... Зачем она туда ездила? Где связь между первым, вторым, третьим?

...Марина встречалась с Зильбером. Что-то передавала одесскому сапожнику, специалисту по тайникам в обуви, а на следующий день старый друг Победоносенко Косой встречается в электропоезде с Зильбером и через три часа подбрасывает листовки в студгородке. Ландыш сообщает: Зильберу поможет человек из Одессы. Не спрашивается ли сам собой общий знаменатель?

Птицын вместе с Бахаревым составляет детальнейший план дальнейших действий, в котором учтены все значительные и малозначащие факты.

Надо внимательно проанализировать адреса и выяснить, чем руководствовался человек, пославший «газеты» именно в эти квартиры. По какому принципу подбирал он их? Это, пожалуй, сейчас самое важное.

— Я мало верю в такой вариант, но ведь бывает, что адреса подбираются попросту из бюллетеней по обмену квартир, — говорит Птицын. — Отправляйся в бюро обмена — пусть срочно дадут справку: фигурировали ли эти адреса в последних бюллетенях?

Бахарев мчится в бюро обмена, а Птицын перечитывает несколько только что полученных оперативных сообщений. Увы, ни одно из них не вносит ясности.

С утра Птицын еще не терял веры в то, что Победоносенко навсегда порвал с прошлым, что его встреча с Мариной — случайное совпадение обстоятельств. И вдруг...

Сегодня Победоносенко поехал в... Архангельское. Купив путеводитель, о чем-то поговорив с киоскершей, Аркадий Семенович отправился в парк и исчез было из виду. Но вскоре обнаружился в музее. И — что особенно важно для Птицына: на безлюдной аллее со скамейкой под ивой, той самой, к которой прицеливался Зильбер, одессит не появлялся. И тут же рождается версия: «Зильбер потому и забрал тогда контейнер, что приспособил его к другой скамейке, в другом уголке парка. Куда исчез Победоносенко? Где он рыскал?»

С Зильбером все ясно. Вместе с группой туристов он был в МГУ, в Дубне, Третьяковке, ЦУМе, ужинал в обществе советских ученых, смотрел «Лебединое озеро». Однако несколько раз ему удавалось «отрываться» от группы. Вчера он заглянул в антикварный магазин, потом поехал на Ленинские горы. Со смотровой площадки любовался величественной панорамой Москвы. Задержался в сквере. Присел на скамейку рядом с двумя юношами, о чем-то спорившими. Вытащил из кармана газеты и минут пять читал или делал вид, что читает. Встал, пошел дальше. Вернулся к стоянке такси и отправился в ЦУМ. Протискиваясь к прилавку, сунул какой-то маленький пакетик в карман пальто рыжеволосой молодой женщины.

Зильбер — в гостиницу, а рыжеволосая долго плутала по центру Москвы, пока не зашла в кино «Метрополь», в синий зал. Но когда кончился сеанс, в зале ее не оказалось.

Птицын, когда его что-то озадачивает, почему-то усиленно тербит пальцем нос, будто ждет от него ответа. И сейчас так. Тербит нос и про себя чертыхается, воздавая должное ловкости неизвестной — уже второй раз она

искусно исчезает из поля зрения. Думается, что и тогда в мосторге и сегодня действовало одно и то же лицо. Правда, та была блондинка. Но это просто — парик, грим. Мадам, надо полагать, маскируется, хотя действует нахально — один и тот же прием использует вторично.

И еще одно сообщение. Снова о Победоносенко.

Возвращаясь из Архангельского, Аркадий Семенович недалеко от дома заглянул в пивную, где встретился, судя по фуражке, с шофером такси. Видимо, давние приятели. Выпили шесть бутылок пива и по стакану столичной. Долго объяснялись друг другу в любви и дружбе. На прощание шофер достал из кармана заморскую коробку сигарет и, облобызав одессита, сказал:

— Вот тебе, приятель, подарок. Для твоей коллекции. Знаю, что собираешь эту дрянь. Давно приготовил для тебя, да все как-то забывал прихватить из дома...

Победоносенко бережно принял коробку и стал внимательно разглядывать ее.

— Что глаза пялишь? Экстра-класс! — И выразительно поднял большой палец.

— Спасибо, друг. Сколько с меня, Ефим Палыч?

Шофер рассвирепел.

— Ты меня за кого принимаешь, Аркадий Семенович?

— Гражданин таксист! Не надо делать столько шуму из ничего. Я вас умоляю...

Победоносенко уже хотел было сунуть коробку в карман, потом что-то вспомнил, открыл крышку, достал лежавшие там несколько сигарет и бережно положил на стол.

— Аркадий Семенович сигареты не уважает. Он признает только трубку. Ба! А это что за цифирь? Может, записывал что на память и забыл? — И протянул коробку шоферу.

На внутренней стороне крышки было написано: ВК-68-75.

— Кто его знает, что за цифирь. Я лично не записывал. Похоже, что пассажир, тот, что обронил сигареты, цифирь писал... Ты плюнь на эту цифирь. Плюнь да разотри. Коллекцию не портит.

— А что за пассажир такой? Рассеянный с улицы Бассейной?

— Это я тебя все хотел спросить, да недосуг было. Забывал. Странная, друг Аркадий, история приключи-

лась... Вез я парочку за город. Симпатичные. Вроде как из Прибалтики. Так вот, понимаешь...— И шофер быстро, невнятно татараторил, глотая слова, а там, где их не хватало, начинал вдруг «разговаривать» языком жестов...

— Подожди, подожди! Аркадий Семенович не любит, когда говорят так много и так быстро. У нас на Дерибасовской в таких случаях кричали: «Гражданин! Соболаговолите заткнуть фонтан!» Давай выпьем еще по сто, по-нюхаем пробочку и пойдем ко мне закусывать — имею предложить отличнейший пирог с капустой. Там мы с тобой примем еще по сто и уж в точности выясним — кто, куда, зачем ехал и что ты хотел спросить у гражданина Победоносенко.

Друзья обнялись, расцеловались и, слегка покачиваясь, вышли из пивной.

...Как и следовало ожидать, ни один из одиннадцати адресов подмосковного городка в бюро обмена не регистрировался и в бюллетенях не значился. Вариант бюро обмена отпал начисто. Более близкое знакомство с материалами дела, в частности с беглой характеристикой жителей тех квартир, в адрес которых были отправлены газеты-листочки, мало чем обогатило Птицына. Однако некоторые выводы, которые могут пригодиться в будущем, были сделаны. Квартиры эти, как правило, отдельные. Много студентов вузов и техникумов. Есть и врач — молодой человек, работающий в местной поликлинике, и педагог — преподает литературу в здешней школе. Идеологический снаряд выпущен с каким-то определенным расчетом. Каким?

Птицын строил логические и алогические схемы. Он обратил внимание на то, что все получатели «газет» живут в одном микрорайоне. Как соотнести все это с поездкой Марины в Подмоскowie?

...Птицын включил транзистор и в ожидании Бахарева занялся кофеваркой. Ждать пришлось долго, и не одна чашка кофе была выпита, пока около пяти вечера Бахарев объявился. И сразу же попросил вызвать Снегирева.

— Хочу показать ему вот эту фотографию. — И он положил на стол фотоснимок.

— Кто она?

— Ольга.

— А при чем тут Снегирев? Думаешь, что это Ольга и выпорхнула из «Метрополя»?

— Может случиться, что и так. Но вот факт абсолютно достоверный: в подмосковном городке Ольга проходила практику в поликлинике. У нее там широкий круг знакомых — врач, учитель, студенты... — И Бахарев подробно рассказал о своем сегодняшнем визите к Марине.

...На сей раз Марина встретила Бахарева приветливо: чувствует себя лучше, была уже в институте. Придется подналечь, чтобы наверстать пропущенные лекции, семинары. И тем не менее она не прочь в воскресенье отправиться куда-нибудь в лес, за город. На дворе стоит чудесная осенняя пора. И если Николай составит компанию, она будет очень рада. Николай тут же откликнулся шуткой:

— С вами хоть на край света. Но у вас, кажется, есть излюбленные места в Подмоскowie. Помнишь, ты мне рассказывала о веселом загородном пикнике. Восторгалась живописными перелесками... И компания, кажется, была милая.

— Да, да, вспоминаю. Это меня Ольга затащила туда. Она проходила практику в поликлинике и подружилась с тамошней молодежью. Чудесные ребята. Компания оказалась действительно милой. Жаль, что мы еще не были с тобой знакомы тогда. Тебе было бы там очень уютно. Между прочим, у костра с печеной картошкой шли жаркие литературные споры. Страсти — до белого каления...

— О, я люблю такое общество. О чем спор шел?

Марина на мгновение задумалась.

— Если мне память не изменяет, началось с того, что один из студентов заявил, будто настоящее искусство независимо от жизни. Оно как бы интуитивно и отрешено от бренного мира.

— Любопытная точка зрения. Нечто в этом роде я читал у австрийского психолога Зигмунда Фрейда. А что утверждали оппоненты?

— Главным оппонентом, конечно, был учитель литературы. Тот так и сыпал цитатами. Стендаль, Белинский, Толстой... Тебя не хватало у костра, ты же у меня умненький, Коля, страшной силы эрудит!

— А ты уверена, что я поддержал бы учителя?

— Я как-то не задумывалась над этим, Коля. Но мне казалось, что ты...

Она запнулась, недоумевающе посмотрела на Бахарева.

— Конечно, равнодушного искусства я не признаю, Марина. Но, как говорится, не для печати исповедуюсь: когда учился в литинституте, идеи Зигмунда Фрейда были мне не безразличны. Тайнственные подсознательные импульсы в творчестве художника... Их не так-то просто сбросить со счета. И вопрос этот не такой уж простой... А вообще-то отрадно, что ребята спорят. Я предпочитаю спорящих отмалчивающимся.

— Но тогда спор зашел слишком далеко. Студента поддержал врач, а Ольга — учителя. Точнее так: то студента, то учителя. А потом объявила: если не прекратят спор, она немедленно уйдет. И представь, подействовало. Врач был влюблен в Ольгу. Она, кажется, и сейчас встречается с ним. Мы можем легко договориться и снова туда же махнуть... Меня что-то потянуло на природу. Ты пойдешь?

— Обожаю сказки осеннего леса... Аллеи, мощенные золотом...

— Значит, поэт согласен?

— Как видишь, я куда более стоворчив, чем ты.

Она поняла намек на последнее бурное объяснение и тут же нахмурилась.

— Не надо кукушаться. Это случается. У одних отвращение к помидорам, у других — к ресторонам. Отныне и во веки веков будем ходить только в чайные или молочные — пить кофе и кушать кефир с миндальными пирожными. Договорились?

Она иронически улыбнулась:

— Как хочешь считать, но в «Метрополь» я не пойду.

— Именно в «Метрополь»?

— Пожалуй, что так, — именно в «Метрополь».

— Ну, а в «Националь», «Арагви», «Софию»? Я не буду скрывать от тебя, — возможно, это и порок, — но, когда у меня есть деньги, я смотрю на них весьма снисходительно. Какая-то неведомая сила влечет к ресторанному столику. Дьявольское наваждение — люблю эти злачные места, что поделаешь. А деньги у меня сейчас есть. Вот и тянет. А тут еще и подходящий повод — Марина выздоровела. Не пойдешь со мной, пойду один...

Он говорил так искренне, что сам поверил в сочиненную на ходу легенду.

— Нет, один ты не пойдешь. Мы пойдем вместе. Только не в «Метрополь». — И добавила со смущенной улыбкой: — Тебе этого не понять. Я ведь суеверная. После нашего «культурного похода» в «Метрополь» все и началось с моими нервами...

— Высокие договаривающиеся стороны пришли к согласию. Отлично!

— Скорей, скорей, — Птицын потирает шею шофера. Надо успеть попасть в подмосковный городок еще до закрытия поликлиники. К тому же в пути он принял новое решение: ему самому в поликлинике появляться не следует. Пришлось делать круг, чтобы заскочить к начальнику районного отдела милиции. Птицын ввел его в курс дела и отправил к главврачу. Причину визита придумали тут же: «Ищем преступника, который не то в июле, не то в августе долго бюллетенил».

Начальник райотдела милиции терпеливо, с бесстрастным лицом перелистал около двухсот историй болезней жителей городка, побывавших в поликлинике в июле. Против каждой фамилии ставил никому не нужную цифру — на сколько дней был выдан бюллетень, записывал адрес больного, фамилию лечащего врача. С длинным списком он вернулся к Птицыну поздно вечером.

Птицын быстро отыскал среди адресов больных десять, интересовавших его. Одиннадцатого он нашел в списке врачей. И сразу вспомнил рассказ Марины о молодом хирурге — том самом, что тихо вздыхал об Ольге. Несколькими озадачил ответ на другой вопрос — к кому на прием ходили эти больные. Только пять из них были у Ольги. Тут все ясно. Адреса списаны с историй болезни. А остальные? Все они были на приеме у старого, заслуженного врача. Кто же тогда дал Ольге их адреса? Птицын посмотрел на часы. Звонить к главврачу домой, чтобы попытаться найти ответ на вопрос? Поздно, да и к чему тревожить человека, который, вероятно, и без того основательно переполошился. Оставив необходимые инструкции милиции, он помчался в Москву, где его терпеливо ожидал Бахарев.

Итак новый вариант: Ольга! Завтра с утра явится

Снегирев, и Птицын надеется, что тот опознает по фотографии Ольги девушку в ЦУМе и кино «Метрополь». А пока — по домам. Они вышли на улицу. Холодный ветер гудел на разные голоса. Вызванные из гаража машины еще не подошли к подъезду. Стояли молча. Поеживались. Каждый думал о своем. И вдруг Птицын просто-душно спросил:

— Жениться не собираешься?

Бахарев привык к неожиданным вопросам Александра Порфирьевича и не удивлялся им, но этот вопрос настоятельно.

— С чего бы это вдруг...

— С чего, с чего! Просто так. Интересуюсь. Вот и спрашиваю...

— Сложный вопрос задаете. — И сразу переключился на шуточный тон. — Днями выяснится. А пока — туман, сплошной туман.

— Странный ты. Ну давай, давай. Плыви в тумане. Вот и машины наши подошли...

И они разъехались в разные концы Москвы.

Всякое с Птицыным бывало — как-то целый месяц плутал по ложному следу. Но уже после того как нащупал правильную дорогу, никто не мог сбить его с курса. А с «Доб-1», как он выражался, черт те что получает. Вчера вечером, кажется, все неоспоримо свидетельствовало: иностранная студентка Ольга... И вот с утра...

Снегирев не подтвердил.

— Нет, не похожа! Фигура вроде бы та же, а лицо? Есть что-то общее... Но скорее, нет. И прическа у той, в ЦУМе, была совсем другая.

Значит, цепочка, связывавшая Ольгу, врача-практиканта в подмосковном городке с Зильбером, рвется. Что же остается? У Ольги на приеме в поликлинике были пять молодых горожан из одиннадцати, получивших по почте вражеские газеты-листочки...

И снова раздумья — Ольга или Марина? И вдруг звонит Михеев.

— Он в приемной...

— Кто он, откуда вы звоните?

— Из приемной. Сюда явился Победоносенко.

...Птицын поднялся из-за стола навстречу Победоносенко, протянул руку, поздоровался, пригласил сесть, а сам занял свое любимое место на подлокотнике большого мягкого кресла в углу комнаты.

— Будете курить?

— Благодарствую. Воздержусь.

— Кофейку?

— Благодарствую. Предпочел бы перейти к делу.

Птицын улыбнулся.

— Не торопитесь. Я ведь ждал вас, Аркадий Семенович. Никому не говорил об этом, даже ближайшему помощнику, но был почему-то уверен, что придете.

— Странно. Почему вы меня могли ждать?

— Мы с вами знакомы...

— Не имею чести. Правда, как поется в песне: «Одесса очень велика...»

— Нет, мы не в Одессе встречались с вами, а в этом же доме. Хотя и не без посредничества Одессы. По делу шайки одесских контрабандистов.

— А-а-а, вспоминаю, вспоминаю. У вас, чекистов, плохая привычка — извините за резкость. Вы всегда изволите усаживаться таким образом, что ваше лицо с трудом разглядишь, а собеседник — как на ладони. Теперь я вижу, что лицо знакомое. Да, встречались. Грехи молодости. Но я, кажется, искупил свою вину. Ведь в этом доме я бывал и после войны. Вам известно это?

— Да, известно. Поэтому я и ждал вас. Верил в вас. Хотя тут недавно дрогнула моя вера. И все же ждал.

— Спасибо...

Минуту-другую гость молчал. Упершись локтями в стол, обхватил лицо ладонями.

— Ну что же. Слушаю вас, Аркадий Семенович.

Вместо ответа одессит достал из маленького чемоданчика изящные дамские туфли и положил их на стол.

— Как понимать прикажете?

Победоносенко все так же молча взял в руки левую туфлю, недолго повозился с ней, отвинтил четыре маленьких, тщательно замаскированных шурупа, легко отделил каблук.

— Вот полюбуйтесь. Отлично сработанный тайничок. Хотите — кладите золотые, хотите — зелененькие. А может, и что-то более ценное.

— И что же? — невозмутимо спросил Птицын, окинув беглым взглядом тайник. — Вернулись к старому, а потом совесть заговорила? Бывает...

— Не падо так говорить, товарищ начальник. Зачем обижать старого человека.

— Я бы вас еще не зачислил в старики...

— Слышать комплименты в таком доме очень приятно. Но, увы, мне за шестьдесят. Это уже возраст, когда человек должен быть таким, каков он есть. Без камуфляжа...

— И что же? — тем же невозмутимым тоном спросил Птицын. — Какой вы?

— Победоносенко давным-давно сказал себе: «Забудьте думать, Аркаша, про старое. Вы не найдете там счастья». Я пришел к вам с открытой душой. Поверьте, что эти туфли с тайником попали ко мне случайно. Соседка по дому знала, что я иногда...

Он запнулся.

— Не буду таить от вас. Готов понести наказание. Иногда Победоносенко тряхнет стариной и берет в руки изящный туфель, чтобы омолодить его. Я знаю, что этот вираж карается законом. Каюсь. Но не могу удержаться. Поверьте: меньше всего для заработка. Больше для души. Узкий круг клиентов... Принимаю только экстрамодельные. И всегда предупреждаю хозяйку: «Вы мне не объясняйте, что надо делать. Победоносенко знает это лучше вас. Туфель должен вернуться к хозяйке как новый. И все, что нужно для этого, Победоносенко сделает. Рубчики, набойки — это не моя стихия». Я и ее предупредил...

— Кого ее?

— Соседку. Дочку докторши. Марину. Ту, что эти туфли дала в починку.

— Что вы о ней знаете?

— Слухи ходят разные.

И он долго рассказывал о семье Марины. Рассказал все, что Птицыну и без того было известно. Потом снова о туфлях, которые он, согласно своему кредо, должен был вернуть в наилучшем виде и потому тщательно проверил каблук, стельки, подметки.

— А глаз у Аркадия Победоносенко, слава богу, как рентген. Это знала вся Одесса. И вы тоже. Вы мне это сказали тогда, на допросе. Я не забыл...

— И что же увидел глаз-рентген?

— Гм. Странный вопрос. Разбудите Аркадия Победоносенко ночью, покажите ему новенький туфель, в котором какой-то прохвост смастерил тайник. И я его сразу же найду вам. Школа одесских контрабандистов, товарищ начальник, — это академия...

— Итак, вы нашли в туфлях Марины Васильевой тайник. Кто еще знает об этом?

— Почему вы задаете такие странные вопросы Аркадию Победоносенко? Кто приходил в этот дом, чтобы рассказать о встрече с Косоглазым? Кто, спрашиваю я вас? Кому одесские шмаровозы чуть не устроили в Измайлове темную за этот визит? Кому, спрашиваю я вас? У кого на спине рубец от ножевой раны и левая рука пощаливает? У кого, спрашиваю я вас?

И он поднялся с места, скинул пиджак, задрал рубашку:

— Вот он, рубец. Били и кричали: «Лягавый. Живым не быть тебе». Смотрите, товарищ начальник. И не давайте Аркадию Победоносенко странных вопросов.

Птицын подал стакан воды.

— Выпейте, успокойтесь... Все это нам известно. Я знакомился с вашим делом. Потому и сказал, что ждал вас и верил вам. Вы, видимо, превратно поняли мой вопрос. Ведь могло случиться, что в комнате, где вы, по вашему выражению, даете левый вираж, находился еще кто-то.

— Никого. Я живу один и работаю почью. Повторю — для души. Это как у алкоголика. Обнаружив тайник, я сразу понял: «Аркаша, дело жареным пахнет. Это тебе не контрабанда». И еще, товарищ начальник, хотел бы обратить ваше внимание на одно удивительное совпадение.

Победоносенко достал из кармана подаренную ему шофером заморскую коробку от сигарет, раскрыл ее и протянул Птицыну.

— Смотрите. Вам что-нибудь говорит эта цифра?

— Давайте с вами условимся, Аркадий Семенович: в этой комнате вопросы задаю я, а вы отвечаете на них.

— Простите, память короткая. Вы меня уже однажды предупреждали... — Победоносенко смутился и стал барабанить пальцем по столу. — Я вас слушаю, товарищ начальник, какие будут вопросы?

— Откуда к вам попала эта коробка?

— Подарок дружка, шофера такси. Он знает, что я коллекционирую папиросные коробки. Так вот...

И Победоносенко рассказал Птицыну все, что узнал от дружка-таксиста.

— И вот извольте — бывают же такие совпадения. Однажды шофер увидел эту женщину во дворе дома, где живет Победоносенко. Он поджидал друга на скамеечке. И вдруг замечает, как из подъезда выходят две стройненькие девушки и одна из них — та самая, что на такси с милым своим под Можайск катила. А навстречу им Аркадий Семенович шествует и галантно раскланивается с ними. Таксист не помнит, как это случилось, но в тот день он забыл спросить про девушку. Да и ни к чему она ему. А вчера, когда коробку дарил, вспомнил, хотя и был в состоянии крепкого подпития.

— Бывает же так, товарищ начальник. Говорят, алкоголь обостряет умственную деятельность...

— Возможно... Правда, мне самому не приходилось проверять сию мудрость. — Птицын сдержал насмешливую улыбку.

Он внимательно рассматривает коробочку, открывает, закрывает ее, кладет в сторону.

— Пойдем дальше. Много лет назад вы расстались с Косым. Помните, конечно, такого?

— Ефима Михайловича Плешакова?

— Это его настоящая фамилия?

— Кто его знает, как в метриках записали. На Дерибасовской Косым звали...

— Так вот, вернемся к первому моему вопросу: когда вы в последний раз видели Косого?

Победоносенко насупился, даже скис как-то.

— Видел несколько лет назад. На очной ставке. А слышал о нем не далее как на прошлой неделе. Есть у нас общий знакомый по Одессе. Заходил ко мне и говорил, будто на ВДНХ видел Косого в толпе гуляющих. Пригорбно, но факт. Не могу знать, как занесло его сюда — то ли срок кончился, то ли в бегах. Замечу, однако, товарищ начальник, что побаиваюсь, как бы этот тип со мной чего не сотворил. — И у сапожника слегка задрожал голос. — Мужчина он хоть и вальяжный, но темпераменту перебор имеет. Второй раз, — скажу вам по совести, — встретиться с ним очень неприятно...

— Вы можете не беспокоиться, Аркадий Семенович. Соответствующие меры будут приняты. А теперь еще один вопрос: где работает ваш приятель-таксист?

Победоносенко назвал номер парка.

— Ну, что же, Аркадий Семенович, спасибо и до свидания. Договариваемся вот о чем: вы подождите в приемной, вам принесут туда туфли, и вы должны привести их в первородное состояние. Чтобы никаких следов. Туфли не спешите возвращать хозяйке. У вас есть телефон? Отлично. Вам позвонят. Тогда вы тотчас же отнесете туфли. И, конечно, ни гугу. Ясно? Можете идти. Впрочем, последний вопрос.

— Слушаю.

Птицын испытующе смотрит на Победоносенко, словно заранее сомневается в правильности его ответа.

— Знаю, что, возможно, и обижу вас своим вопросом, но не задать его не могу: зачем вы ездили вчера в Архангельское?

Победоносенко тяжело вздохнул:

— А говорите, что верили мне, ждали меня...

— Можете не отвечать на этот вопрос, если он вам неприятен. Итак, мы с вами договорились...

— Нет, нет, мы еще не договорились. Вы будете слушать Аркадия или что? Победоносенко будет рассказывать вам про Архангельское, про тетю Фросю, которая была для моей покойной супруги больше, чем сестра ее мамы. Если бы вы видели, как эта старая женщина боролась с костлявой, стоявшей у изголовья моей Тани. Разве может Аркадий Победоносенко забыть такое! И он регулярно раз в неделю ездит в Архангельское к тете Фросе, которая торгует путеводителями, открытками всякими. Раз в неделю он привозит тете Фросе ее любимые конфеты. Есть еще вопросы к Аркадию Семеновичу?

— Нет... Вы не сердитесь. У нас служба такая. Бывайте здоровы.

...В ожидании туфель сапожнику пришлось задержаться в приемной.

Птицына интересуется — в какой стране, какой фирмой сделаны эти элегантные туфли. Но эксперт, исследуя сохранившиеся на стельке три (из скольких?) золотистые буквы и стертые очертания какого-то фирменного знака, сразу ответа дать не может. И, только перелистав множе-

ство каталогов, альбомов зарубежных обувных фирм, смог наконец назвать и страну и фирму. И указал при этом в заключении: «В СССР обувь не поставляет».

...Так, ясно, — значит, Марина не могла купить эти туфли в Москве, значит, кто-то привез ей. Подарок от Эрхарда? Или купила у кого-то? А может?..

А если Марина отдавала в починку чужие туфли? Чьи? И еще.

Тогда во дворе сапожник раскланивался с Мариной. Но таксист в равной мере мог решить, что поклон адресован Ольге... И снова — Ольга или Марина?

...Из Подмосквья Птицын вернулся к вечеру. Ему без особого труда удалось установить «биографии» и остальных адресатов: все они были на приеме у старого, заслуженного врача Веры Павловны в те дни, когда Ольга проходила у нее практику. Они обе вели прием, и студентка могла, конечно, запросто списать адреса приглянувшихся ей пациентов.

Значит, Ольга? А как быть со злополучными туфлями? И еще одно обстоятельство: сообщение Серго, разыскивавшего таксиста. Ко всему тому, что уже было известно из рассказа Победоносенко, шофер добавил некоторые детали о своих пассажирах. Они ехали в гости к каким-то знакомым. По дороге несколько раз останавливались, любовались природой, фотографировали друг друга, у речки задержались. Шофер не может утверждать с абсолютной точностью, но ему показалось, что мужчина набрал в бутылку воду. Папиросную коробку он нашел вечером, вернувшись в парк. Она забила в угол заднего сиденья. Когда была сделана запись, на каком участке пути — сказать не может. Не заметил. Что касается существа самой записи, то ее легко удалось расшифровать — номер военной машины. Есть основание считать, что она встретила тогда в пути.

Серго попытался с помощью таксиста нарисовать словесный портрет женщины, и получалось что-то похожее на Марину — нос, глаза и...

Его прервал Бахарев — он находился здесь же, в кабинете Птицына.

— Это была не Марина. Я решительно утверждаю...

Сказано это было Бахаревым тоном категорическим,

что случалось с ним не так часто. Птицын даже несколько удивился:

— Что с тобой?.. «Утверждаю», «решительно утверждаю»?

— И тем не менее я утверждаю.

— Только учти, что есть такая опасность: оставаясь при своем мнении, можно остаться в одиночестве...

— Постараюсь избежать такой опасности. Так вот... Видимо, наш друг Серго, собирая материал для словесного портрета, был одержим навязчивой идеей: Марина, та самая, с которой он сидел за одним столом в ресторане. А я выдвигаю другую и, на мой взгляд, весьма основательную версию — Ольга, та самая Ольга, которая на студенческом вечере постаралась замять явно нежелательный для нее разговор о поездке с мужем в Можайск в гости к однокурснику. Почитайте мой соответствующий рапорт. Я вам докладывал, Александр Порфирьевич, что рыжеволосый парень говорил Ольге о ее супруге Германе, — гость попросил у него путеводитель по Бородине. Вспомнили? Так вот, разрешите провести вторичный опрос шофера...

Через час Бахарев вернулся от таксиста. Из пяти предъявленных шоферу фотографий, в том числе и Марины, таксист сразу выбрал карточку Ольги. Более того. Сравнительный анализ почерка иностранной студентки — Бахарев уже давно заполучил фотокопии институтских работ Ольги и Марины — и человека, сделавшего запись на папиросной коробке, подтвердил полную их идентичность.

Поздно вечером на квартире у Птицына раздался телефонный звонок. Звонил Бахарев.

— Прошу прощения за беспокойство в поздний час. Не удержался, Александр Порфирьевич! Спешу доложить, — у него даже задрожал голос, — туфли с тайником принадлежат Ольге. Подробности завтра утром. Спокойной ночи.

Для Николая она, однако, была не спокойной. И чем ближе развязка дела «Доб-1», тем острее ощущалось, как к радостному чувству примешивалась неясная тревога. Марина! Она оставалась загадкой даже после того, как сегодня снята была столь тяжелая гиря с чаши ее весов — злополучные туфли с тайником. Однако не все гири сняты. А встречи с туристом, Кох, Зильбер? А приветы

и подарки отца? Почему она, так много рассказавшая ему о своей жизни, утаивает эти страницы биографии? Что тут — страх, малодушие или нечто посерьезнее? Эта девушка хлебнула в жизни много горя — его хватило бы на пятерых. Но горести не подавили в ней ни ума, ни силы характера. И того и другого природа отпустила ей вдоволь. Так в чем же дело? Складывалась весьма сложная и запутанная схема взаимоотношений Марины со всеми теми, кто оказался в кругу причастных к «Доб-1», к листовкам в студгородке и Подмоскowie. Схема эта находилась в состоянии неустойчивого равновесия, и каждый день появлялись новые обстоятельства, тянувшие то в одну, то в другую сторону...

Бахарев вышел из будки телефона-автомата, подошел поближе к дому Марины, глянул вверх. Как светлячок, мелькнуло в темноте Марино окно. Не спит. Что делает, ершистая?

Вспомнил их сегодняшней спор. Начался он с тем литературных, с обмена мнениями об одной из новинок в толстом журнале, а кончился дискуссией — что такое демократия? В разгар словесной перепалки Марина совершенно неожиданно дала «залп» афоризмом: «Мало иметь убеждения, нужно еще и уметь убеждать». И тут же весело рассмеялась.

Николай насмешливо спросил:

— Как прикажете пожимать вас, сударыня, — полное согласие с убеждениями Бахарева, который, однако, не мастак убеждать других? Вы жестоко ошибаетесь, сударыня.

Потом они болтали о всяких разностях. Бахарев принес Марине польский журнал мод, и, когда зашел спор о модах и модницах, Николай Андреевич решил: теперь самое время сделать тот самый ход, что подготовлен и разработан им был вчера вместе с Птицыным.

— Я глубоко убежден, Марина, что с модой бороться бесполезно. Она всемогуща и покоряет всех... Представь, не далее, как полчаса назад у вас во дворе встречаю знакомую, Анию Петровну, из издательства... Пожилая, скромно одетая женщина, которую никак не причислишь к модницам. И что же оказывается: буквально помешана на модных туфлях... И в починку отдает их только какому-то своему, особому частному мастеру... Он в вашем доме живет... Анна Петровна уверяет, что это художник, маг...

Что скажет сейчас Марина? Как будет реагировать? Отмолчится и, возможно, потом попытается проверить Бахарева? На этот случай Птицын предупредил сапожника: «Если кто-то заинтересуется, есть ли среди ваших клиентов Анна Петровна, отвечайте: «Да, есть такая...» Но она не отмолчалась.

— Твоя знакомая права. Это действительно маг. Прекрасный мастер. Кстати, хорошо, что ты напомнил о нем. Чуть не забыла. Я отдала ему в починку Олины туфли...

У Бахарева перехватило дыхание. А Марина продолжает. Говорит сбивчиво, смущается.

— Сейчас ты будешь смеяться надо мной... Не надо... Грешна — люблю пофорсить. Меня пригласили на свадьбу подружки по институту и я решила блеснуть... Попросила на один вечер у Ольги ее туфли... Моднющие!.. Люкс!.. Еле уговорила ее... У нас это запросто, а у них не принято... И надо же... Когда возвращалась со свадьбы домой, у нас на лестнице оступилась, каблук сломала... Наутро вспомнила про мага, который в нашем доме живет. Побежала к нему. На мое счастье, у Оли пар десять всяких туфель. Про те она, видимо, забыла. А час назад позвонила. Раздраженная, злая. Отругала меня: «Почему ты такая необязательная?» Требуется, чтобы сегодня же привезла ей туфли. Срочно понадобились... Я ей говорю, что не могу, жду тебя, а она: «Будет очень приятно видеть тебя вместе с Николаем».

Бахареву хочется немедленно позвонить Птицыну, сообщить, что туфли с тайником принадлежат вовсе не Марине, а Ольге, что сейчас... Но сейчас лицо его должно выражать полное безразличие ко всему услышанному. А Марина продолжает:

— Ты поедешь со мной? Я не настаиваю. Ну, если ты ничем не занят, тогда другое дело... На почитай «Литературку», а я спущусь вниз к сапожнику за туфлями.

...Ольга встретила их радушно. Держалась легко, непринужденно, все время щебетала, расточала улыбки, говорила, что очень рада видеть вместе с Мариной Николая. На столе появились кофе, печенье, конфеты.

Вскоре пришла Гертта, чуть позже — Владик. Он чувствовал себя здесь как дома.

— Давайте потанцуем, девочки...

Владик ставит свою любимую пластинку и подхватывает

васт Герту. А Бахарев в обществе Ольги и Марины ведет разговор о том о сем, а по существу ни о чем. Девушки жалуются на большую учебную нагрузку: почти не остается времени для развлечений.

— Это куда не годится. Так нельзя. Кстати, что вы собираетесь делать в воскресенье?

— Студентам трудно далеко заглядывать, — ответила Ольга.

— Я за вас решил. В воскресенье мы едем на ВДНХ. Гарун аль Рашид дает обед. Согласны?

Первой откликнулась Ольга:

— Конечно, согласны. Марина, а почему ты молчишь? Гарун аль Рашид может и раздумать. Не так ли?

— Да, он такой. На него это похоже. — Бахарев подошел к Марине поближе: — Так как, Марина? Договорились?

— Если это тебе доставит удовольствие, то считай, что договорились.

...Пластинка продолжала крутиться и вместе с ней Владик с Гертой. Ольга погасила верхний свет, включила торшер, бросивший мягкий свет на журнальный столик. Тут лежали журналы «Смена», «Здоровье», «Наука и жизнь». И два-три номера «Медицинской газеты».

— Вы все это выписываете, Ольга?

— Нет, не все. Не хватает времени проглатывать так много информации. Я выписываю «Здоровье», Герта — «Науку и жизнь». А «Медицинскую газету» просматриваем в институтской библиотеке. Если заинтересуюсь какой-нибудь статьей, прошу этот номер газеты у тети Ани, Мариной мамы...

Бахарев бросил беглый взгляд на газету. На белом поле — знакомое «Доб-1—38».

Легко представить, как учащенно забилося в это мгновение сердце Бахарева и как трудно ему было сохранить все то же приветливое выражение лица, не потерять дара речи...

К своему дому он приближался уже в полночь, много передумав, взвесив, оцепив каждый из сотен фактов, каждую из бесед, встреч, мимолетно обропанных фраз. Круг начинает замыкаться.

И снова все та же тревожная мысль:

«А что, если и Ольга и Марина? А что, если они действуют вдвоем? Как быть с ничем и никем не опро-

вергнутой уликой: встречи с туристами, гонцами Эрхарда, хранятся в тайне».

Бахарев докладывал сразу Кlementьеву, Крылову и Птицыну. Докладывал со всеми подробностями. Сообщал только факты, не комментируя, не делая выводов, и, против обыкновения, старался говорить бесстрастно.

В заключение он положил на стол протокол повторного дактилоскопического исследования газеты, хранившейся в сейфе Птицына. Криминалисты следили оттиски пальцев на газете и в разное время собранные Бахаревым оттиски пальцев Ольги, Марины, доктора Васильевой. Полное совпадение.

— Это все? — спросил генерал, когда в комнате наступила тишина. — А выводы? Предложения?

Бахарев волновался. Он не ожидал, что именно ему генерал задаст эти вопросы. Но быстро овладел собой.

— Вывод таков: студентка Ольга — агент иностранной разведки. Прибыла в СССР с заранее подготовленным тайником в туфлях — надо полагать, для хранения и перевозки через границу собираемых ею данных, интересующих вражескую разведку. В частности, ее интересовали номера военных машин, их маршруты.

Кроме того, занималась изучением настроений молодежи, главным образом студенческой. Есть основание считать, что она причастна к распространению антисоветских фальшивок в подмосковном городке. Что касается Зильбера, то направление его деятельности очевидно. Остается неясной роль той женщины, с которой он контактируется в Москве.

— Кого вы имеете в виду?

Бахарев слегка покраснел.

— Студентку Марину. Но при этом нельзя не учитывать и такой вариант: две подруги, Ольга и Марина, действуют совместно.

— Вы мне нравитесь, Бахарев. — Генерал откашлялся и продолжал: — В этой сложной коллизии вы достаточно стойко держитесь. Итак, что будем делать дальше?

Первым подал голос Крылов:

— Полагаю, что наступила пора арестовать Ольгу. А она уж пролет свет.

— Ваше мнение, Птицын?

— Пора такая, может, уже и наступила. Но я бы пока от ареста воздержался.

— И я тоже. Излишняя поспешность. Хочу обратить ваше внимание на следующие обстоятельства. — И генерал, взяв лист бумаги, вывел на нем жирную единицу. — Первое. Как могла Ольга, будучи разведчицей, отдать подруге туфли с тайником? И далее. Ольге зачем-то срочно понадобились эти туфли. Зачем? Интересно было бы это узнать. По нашим сведениям, уезжать домой она пока не собирается. А Зильбер уедет через несколько дней. В чем тут дело? К сожалению, мы пока не можем ответить на эти вопросы. Второе обстоятельство. — И генерал вывел на листе бумаги двойку. — Зильбер присмотрел место для тайника в Архангельском. Даже «прилепил» контейнер, а потом снял. Ружье должно выстрелить. Зильбер — человек весьма рассудительный. И третье обстоятельство: встреча Зильбера и Бахарева. Кто-то должен сообщить разведчику, что в воскресенье Бахарев будет на ВДНХ. Кто это сделает? Марина? Ольга? Мы должны знать, кто подаст Зильберу сигнал. И четвертое. Не по степени важности. Связной Зильбера — толстый косоглазый человек, подбросивший газеты «Футбол» в студенческом общежитии. У нас есть его фотография, мы знаем и его биографию, а пайти не можем. Между тем очевидно, что он должен выйти на связь с Зильбером. А возможно, и с Ольгой.

Генерал отложил в сторону белый лист бумаги с четырьмя цифрами.

— И если это так, то можно согласиться с Александром Порфирьевичем: не следует спешить с арестом Ольги. А что касается Зильбера, то вопрос о нем будет решен позже. Есть ли другие соображения? Вы продолжаете настаивать на аресте? — обратился он к Крылову.

— Нет.

— А вы, Николай Андреевич?

Бахарев ответил неопределенно.

— Пожалуй, не стоило бы...

— Значит, полное единодушие «большого совета». Отлично! Надеюсь, что в ближайшую неделю события начнут развиваться в более быстром темпе.

«Большой совет» еще не закончился, как раздался телефонный звонок.

— Слушаю. Так, так. Уже расшифровали? Молодцы. — Генерал быстро перелистывает грудку бумаг, находит нужную ему и бегло читает. — Одну секунду... Да, Ландыш... С нетерпением ждем. Несите немедленно,

В жизни Ландыша произошли серьезные перемены. Прежняя, молодая, хозяйка дома вышла замуж за коммерсанта и отбыла в далекие края, продолжая, однако, свою деятельность на поприще разведки.

В особняк прибыла молодая дама, далеко перешагнувшая за пятьдесят. Карл представил ее как свою тетюшку Элизабет. Она с успехом заменила племянницу — и как хозяйку дома и как разведчицу. Тут-то и появились неожиданные осложнения в работе Кати. В прошлом красавица, Элизабет и сейчас привлекала нужных ей людей былым своим искусством кружить головы. С годами потускнела, поблекла красота ее тела, но — увы (увы прежде всего для Кати) — в ней сохранилось любовное неистовство. Страшно взбалмошная, она начала побаиваться Ландыша: соперница! Бывавшие в доме гости — заморские и местные — все чаще заглядывались на миловидную Катрин, что приводило в бешенство мадам Элизабет. Избалованная вниманием мужчин, тяжело переживающая неумолимую кару времени, она жестоко мстила всем, кто хоть как-то подчеркивал увядание ее красоты. Стоило Кате показаться в гостиной, когда там были гости, и взгляд глубоко запавших серых глаз Элизабет обшаривал «домоправительницу» с ног до головы. И если бы она не побаивалась племянника — хозяином-то все же был он, и все связи с резидентами шли через него, — то совсем худо было бы Ландышу. А Карл доверял «домоправительнице», активно привлекал ее к разным операциям, не обращая внимания на причуды тетюшки. Катя чувствовала неприязнь Элизабет, догадывалась, в чем дело, но надеялась, что разум этой умной, волевой разведчицы возьмет все же верх. Но, увы, когда бушуют женские страсти, разум частенько меркнет. Элизабет казалось, что даже застенчивая улыбка Кати — западня для мужчин.

Все эти обстоятельства поставили Ландыша в условия чрезвычайно сложные. Карл привлекал ее «к делу», а Элизабет под любым предлогом оттесняла. Так продолжалось до тех пор, пока хозяйке не пришла блестящая, по ее мнению, идея. Как-то она сказала племяннику, что пора предоставить Кате работу с более широким полем деятельности. Она должна поступить переводчицей в организацию, обслуживающую иностранных туристов.

— А почему бы не поручать ей время от времени, — предложила Элизабет, — сопровождать группы наших ту-

ристов, отправляющихся в СССР? Не считаешь ли ты, что здесь будет больше смысла?

Карл согласился. «Резонно, тетушка...» Но тут же оговорил право на использование Кати и для других поручений. Элизабет презрительно усмехнулась.

— У тебя дурной вкус, племянник...

Карл вспыхнул. Они два дня не разговаривали друг с другом. И Катя со страхом наблюдала, чем все это кончится. Кончилось, однако, победой Карла, ибо в мире бизнеса последнее слово за тем, кто платит.

Катя с семьей переехала в квартиру — в центр города, недалеко от особняка Карла. Она стала гидом-переводчиком, не очень-то обремененным трудовыми заботами. Но по-прежнему часто бывала в доме Карла. Предлог был найден самим Карлом и вполне подходящий: хозяин хочет в совершенстве изучить русский язык.

И вот первое задание Кате. О нем речь идет в гостиной, где собрались Карл, Катя, Эрхард. А в центре всеобщего внимания — лысый, сухощавый джентльмен с протезом вместо левой руки. Собственно, сейчас хозяин уже не Карл, а этот джентльмен, хотя он предпочитает оставаться в тени и оттуда командовать теми, кто будет таскать для него каштаны из огня. Ландыш впервые присутствует в гостиной в качестве человека, которого готовят к серьезному заданию. Карл представил Катию. Разговор зашел о русском ученом-математике, весьма интересовавшем лысого.

— Да, очень перспективный человек, — заметила тут же Катя, встречавшая фамилию ученого в русском научно-популярном журнале. — Это один из одаренных математиков, работающий в области радиоэлектроники.

Джентльмен многозначительно посмотрел на Катию, одобрительно улыбнулся Карлу: «У вас смышленная помощница». А Катя, словно не заметив, продолжала:

— С какой точки зрения вас интересует этот ученый, господа? Его исследования?

— На сей раз нас интересуют не только его исследования, но и его идеи. Так сказать, мировоззрение. Пропшу прощения, что прервал вас. — И человек с протезом почтительно склонил голову в сторону Кати. — Наше внимание несомненно привлекут его исследования военно-прикладного характера. Но в данный момент нас весьма интересуют его политические настроения, необычные для совет-

ского ученого взгляды на устройство общества... Будем трезво оценивать обстоятельства, господа: вся эта философская эквилибристика наших достопочтенных кремлевцев — «единое индустриальное общество», «конвергенция», «эволюция равновесия сил», «деидеологизация», — увы, пока не дает ожидаемых дивидендов... Вы согласны, господа? — И, не ожидая ответа, жестко отрезал: — Итак, к делу.

План операции обсуждался тщательно, с разными вариантами, с разными действующими лицами, с учетом условий, сложившихся в Москве. И тут Катя впервые услышала об иностранной студентке, которая учится в советском медицинском институте. Медичкой — такова ее кличка — подготовлены важные для разведки материалы, которые она должна была доставить сюда лично. Среди этих материалов — данные об интересующем разведку ученом: его сын дружит с любовником Медички. Находящийся сейчас в Москве Зильбер действует в тесном контакте с Медичкой. Она помогла ему связаться с весьма полезным человеком по кличке Толстяк — он проживает в маленьком городке центра России и в столице появляется с командировочным удостоверением коммерческого директора какого-то учреждения, занятого сбором утильсырья.

Зильбер отправлен в Москву со свободной и широкой программой действий, нацеленной в первую очередь на молодежь. Многие зависит от беседы с Медичкой, исподволь изучающей настроения своих сверстников. Возможный вариант: установление контакта, желательно как можно более тесного, с советской студенткой, мать которой в свое время была репрессирована. Зовут студентку Марину, — и тут Ландыш не скрывает своего изумления, — Марина, не родная дочь Эрхарда! Ландыш, полагая, что это сообщение вызовет особенный интерес, передает некоторые подробности психологического порядка.

Эрхард был несколько обескуражен, когда человек с протезом повел разговор о Марине. Самодовольный, полный сознания значимости своей персоны в штаб-квартире разведчиков, он как-то сразу сник, едва зашел разговор о его дочери. Немец уныло смотрел на человека с протезом, когда тот, обращаясь к Ландышу, наставлял:

— Если упомянутого советского ученого русские отправят в заграничный вояж, вам надлежит поработать с

ним в качестве переводчицы и... — На лице джентльмена появилась похотливая улыбка. — Вы сами знаете свое оружие, мисс Катрин. Но возможен и такой вариант: русские не пошлют математика на симпозиум. И тогда мы отправим вас в Москву вместе с туристской группой студентов-математиков. Вам надлежит, мисс Катрин, найти ход к профессору, действуя в контакте с Медичкой, используя собственные возможности и связи. Кажется, ваш дядюшка что-то преподает в университете?

Человек с протезом, не ожидая ответа, поднялся с места, окинул взглядом сидевших за столом.

— Я хотел бы, господа, обратить ваше внимание на одну категорию советских людей, имевших родственников за рубежом или связанных родственными узами с репрессированными. Как вы знаете, теперь наступила «оттепель» — так, кажется, принято сейчас писать о России. Повышенная подозрительность уже не в моде. Ее публично осудили. И мы не можем не воспользоваться этим обстоятельством. — И он снова повторил: — Я имею в виду эту самую Марину, дочь врача...

И тут Эрхард взмолился. Кто знает, какая струна зазвенела в его душе.

— Сэр, я буду иметь честь убедительно просить вас оставить мою дочь вне поля вашего... Простите, вне поля нашего зрения...

Сэр иронически улыбнулся:

— Вы слишком сентиментальны, господин Эрхард. Нас не интересует, кто является отцом девушки, которая сможет помочь человечеству. И не надо больше напоминать мне об этом.

И тоном, не терпящим возражений, объявил:

— Итак, господа, вариант первый: профессор приезжает на симпозиум. Мисс Катрин знает, как ей в этом случае действовать. Об организации дела позаботится Карл. Вариант второй: профессора не послали за границу на симпозиум. Госпожа Катрин с группой туристов — студентов-математиков едет в Москву. За организацию дела отвечает господин Карл. Более детальные инструкции, пароль, явку мисс Катрин получит накануне отъезда...

— Все?

— Все, Василий Михайлович.

— Сообщения весьма полезные. Главные действующие лица находятся под нашим наблюдением. Вот только Толстяк... Надеюсь, Александр Порфирьевич, что ваша группа сумеет найти его след. Прошу вас сегодня же разработать план действий оперативных сотрудников. Ну что же, все, кажется, ясно...

— За исключением одного темного пятна, — заметил Бахарев.

— Что вы имеете в виду, Николай Андреевич? — спросил генерал, хотя отлично знал, о чем пойдет речь.

— Марина... Нам до сих пор неизвестно, чем закончилась беседа Зильбера с ней...

— А ваше мнение каково? Нам важно знать вашу личную оценку линии Зильбер — Марина, — генерал нажал на слово «личную».

Бахарев молчал. Он сидел в углу комнаты, упершись взглядом в карту, что висела на стене, словно искал там ответа.

Генерал встал из-за стола, подошел к лейтенанту и, обращаясь непосредственно к нему, продолжал:

— Странное молчание... Я ведь все знаю, Николай Андреевич, все, так сказать, приводящие обстоятельства. Включая и то, как вы однажды отказались продолжать вести дело...

Бахарев перевел взгляд с карты на генерала и тихо, едва слышно, сказал:

— А вы о доверии к людям говорили, Василий Михайлович... Да и сами... Прибалтийская сага... Мы ведь знаем ее. Волнующая история...

Генерал нахмурился.

— Если бы вам не доверяли, товарищ Бахарев, то мы не сидели бы здесь вчетвером. Ясно? А психологическими коррективами никогда не следует пренебрегать. Ясно? Итак, я повторяю: какова ваша личная, да, да, подчеркиваю, личная оценка линии Зильбер — Марина? Смог турист одолеть этот барьер или нет?

Бахарев перевел взгляд с карты на генерала.

— Я лично допускаю такое... Может, и смог. — Бахарев говорил непривычно медленно, словно каждое слово процеживал сквозь сито. — У девушки сумбур в голове. И к тому же до сих пор, хотя прошло уже немало времени, она продолжает пребывать в состоянии некоторой озлобленности. От озлобленности до преступления — один шаг.

— Насчет одного шага это вы правильно изволили заметить. На такой шаг противник тоже рассчитывает. Не знаю, сделан ли уже этот шаг. Нам не следует забывать, что отчим Марины был и есть агент иностранной разведки. Через лиц весьма подозрительных шлет дочери подарки. Дочь не может не догадываться, чем занимаются все они и чего добиваются от нее. И не считает нужным заявить об этом кому следует... Тут, знаете ли, есть над чем призадуматься.

Василий Михайлович насупился, словно именно в этот момент он как раз и призадумался.

— Теперь о сумбуре в голове девушки. Лично я стою тут за абсолютную мопархию, за царя в голове... — Улыбка тронула его губы. — А Зильбер и рад этому сумбуру. Между тем нам до сих пор неизвестно, сумел ли Зильбер воспользоваться обстоятельствами, которые облегчают его работу, сумел ли выполнить задание центра относительно Марины?

В разговор вступил Птицын.

— Я не спешил бы с категорическим ответом на такой трудный вопрос. Картина складывается противоречивая, порой запутанная...

— Согласен... Ваши предложения?

— Усилить наблюдение за Зильбером — Ольгой, настойчиво продолжать выяснение линии Зильбер — Марина... Со всеми ее ответвлениями.

— Согласен. Однако позволю высказать пожелание. Это не требование... Пожелание... Думается, что нам небезынтересно узнать, что это за сумбур в голове девушки, в какой мере она поддается влиянию человека, который захочет навести там небольшой порядок. Попытайтесь, Бахарев, задание, конечно, не главное, но немаловажное. Нам нужно знать, с каким человеком имеет дело Зильбер: небольшой ералаш в голове или нечто иное? К тому же прощу учесть: Зильбер уедет, а она останется среди нас. Ясно? Вот и отлично. Желаю успеха...

Для Бахарева разговор с генералом — повод к серьезным раздумьям. Как понимать и как выполнить последнее пожелание генерала? Всякий раз, если кто-то смел атаковать, как говорится, основу основ, Марина, словно коршун, обрушивалась: «Не тронь!» Бахарев однажды с наслаждением наблюдал ее в такой яростной контратаке против Владика.

— Это ты уж не тронь, пожалуйста, Владик. То, что моя мама, дочь санитарки из захудалой сельской больницы, могла только благодаря Советской власти стать врачом, — неоспоримый факт. И то, что мамина сестра, в прошлом батрачка и кухарка, при Советской власти председателем райисполкома была, — это тоже факт. И тоже неоспоримый. И ты полегче насчет коллективизации. С моей мамой поговори, она тебе расскажет, как жила их деревня до колхоза. Тут, Владик, мы с тобой драться будем...

А через несколько минут она столь же яростно спорила с Бахаревым по поводу статьи, объективно анализирующей события первых месяцев войны.

На следующий день Марина пригласила Николая на концерт: «У мамы абонемент в зал Чайковского. А сегодня у нее неожиданное дежурство».

В программе концерта любимый Бахаревым Шопен. И, возвращаясь домой, он восторженно говорил Марине о шопеновской музыке, о полонезе, пробуждающем в душе его что-то трепетное, не передаваемое словами.

С этого, кажется, и начался их спор. Они сошлись на том, что симфоническая музыка в программах радио и телевидения, увы, все еще пребывает на положении падчерицы, а за попытки создать джазовые варианты фортепианного концерта Чайковского надо ссылать на необитаемый остров без права переписки... Но когда речь зашла о пошлости в эстрадной музыке, о примитиве во многих, к сожалению, ставших популярными, туристских и студенческих песнях, Марина вдруг взвилась.

— Почему иногда молодежи отказывают в праве самой решать, что хорошо, а что плохо. И в поэзии, и в живописи, и в танцах, и в музыке... Когда же, наконец, исчезнет перст указующий?

Разговор переключился в сферу отнюдь не музыкальную. Марина бушевала.

— Весной нынешнего года наш старшекурсник написал туристскую студенческую песню. И слова и музыку. Я допускаю, что песня эта не без пошловатого налета. Есть в ней куплеты с подтекстом, с гнильцой... Но ведь автора на всех собраниях прорабатывали. Фамилия его стала нарицательной. Кто-то потребовал исключить парня

из института. Но это уже... Слов не нахожу... Не нравится песня? Не пойте. Запретите ее петь на студенческих вечерах. Но шум такой к чему? Об авторе и его песне мало кто и слышал. А тут по всему институту слухи пошли... Да и не только по институту. Ну, что молчишь?

— Как эта песня называется?

— «Заря».

— А-а-а! «Заря»! Я кое-что слышал о ней. Как-то в одной компании профессор рассказывал про ту песню. Она, кажется, стала гимном клуба «Заря».

— Коля, прости меня, но ты какую-то ахинею несешь. Что за клуб?

— Самый настоящий клуб. Автор песни и еще девять молодых балбесов из других институтов решили создать клуб «Заря». Со своим уставом. Главное в этом уставе: «Наше кредо — свобода мнений и вкусов». Фокусники слова... Жонглеры... Между прочим, эти «борцы за свободу мнений» выпустили рукописный журнал, в котором есть вирши, принадлежащие автору «Зари». Я слышал твой разговор с Владиком о маме и колхозах. Так вот, Мариночка, в тех виршах коллективизация поэтическими образами представлена в таком виде, что и не поймешь...

— Ты разговариваешь со мной, как с глупой девчонкой... Речь шла о музыке, о легком жанре, о праве молодежи на свои песни, а ты привел ни к селу ни к городу какой-то клуб, коллективизацию. Меньше всего я ожидала этого от литератора Бахарева.

— Ты не сердись. И клуб и коллективизация — все это и к селу, и к городу. Началось с туристской попсовой песенки, а кончилось виршами против Советской власти...

— Мой собеседник не отдает себе отчета в том, что он говорит...

— Отдаю... Ты, Мариночка, не то чтобы уж совсем невежественна в некоторых вопросах нашего бытия, но, как говорится, не совсем, что ли, разбираешься в сложных деталях архимудрой социальной науки. Между прочим, Чайковский писал, что ни музыка, ни литература, ни какое бы то ни было искусство в настоящем смысле этого слова не существуют просто для забавы. Они отвечают куда более серьезным потребностям человеческого общества. Гендель мечтал о том, чтобы его музыка делала лю-

дей лучше. Но это так, к слову. Мы отвлеклись от истории с песней «Заря», точнее — от продолжения этой истории... Так вот, этот самый клуб молодых свободолюбив...

— Я впервые слышу о нем. Неужели все так было?

— У меня нет оснований не верить рассказу профессора. Солидный дядя... Десяносто килограммов. — И он улыбнулся, вспомнив Птицына, в свое время беседовавшего со взбалмошными юнцами из несостоявшегося клуба «Заря».

— Ну и прохвост, — в сердцах воскликнула Марина.

— Кто, профессор?

— Да нет же, автор «Зари». И вообще вся эта гоп-компания.

Бахарев мысленно отметил, что первая «разведка боем», пожалуй, дала кое-какие результаты.

Птицын получил одновременно несколько сообщений оперативных работников, действовавших под его началом в группе «Доб-1». Ни одно из этих сообщений не привлекло внимания полковника — ничего нового к тому, что уже известно. Есть детали, подтверждающие и без того бесспорные выводы.

И вдруг — черепашка вылезает из-под панциря!

...Она долго прогуливалась в Архангельском, свернула на уединенную зет-аллею — так она обозначалась в деле «Доб-1», — села на скамейку под ивой, оглянулась и, удивившись, что кругом безлюдно, стала прилаживать контейнер: видимо, Зильбер лучшей скамейки так и не нашел.

Доставленная Птицыну фотография девушки и фотокопия шифровки, которую она положила в контейнер, не оставляла сомнений: Ольга!

С ключом к шифру пришлось основательно повозиться. И все же ключ удалось найти. Записка предназначалась Зильберу — девушка явно побаивалась личных встреч.

Разведчица сообщала, что в воскресенье Марина и Бахарев отправляются на ВДНХ. Там же, вероятно, они будут обедать в одном из ресторанов. Ольга в понедельник снова приедет в Архангельское, чтобы получить инструкции Зильбера после его встречи с Бахаревым на ВДНХ. Желательно уточнить: следует ли собранные ею и хранимые в разных местах материалы передать шефу через

Зильбера или ждать ближайших зимних каникул, когда она сама поедет домой. Лично она считает более надежным второй вариант.

...С наступлением сумерек на той же аллее появился элегантно одетый толстяк. Раза два он неторопливо прошелся по аллее, а потом сел отдохнуть на скамью под ивой. Операцию изъятия контейнера он провел ловко и незаметно, так по крайней мере ему казалось...

К вечеру Птицын получил лаконичное сообщение: улица, номер дома и квартиры, куда толстяк проследовал из Архангельского. Хозяйка этой квартиры — Н. В. Вакулова. А через час пришло еще одно сообщение: более года назад по ходатайству одного из ученых Надежда Васильевна Вакулова была направлена на работу в научно-техническую библиотеку подмосковного филиала научного института. Покойный муж ее был научным сотрудником этого института.

Птицын тут же пошел к генералу. Надо было репать — арестовать Косого или повременить?

— Не будем спешить, Александр Порфирьевич. Арестовать Косого — значит подать Зильберу сигнал: «Спасайся, провалились!» Подождем... Согласны?

— Я того же мнения. Никуда он от нас не уйдет. Вот только с Вакуловой как быть. Она ведь черт те что натворить может...

— И все же подождем. Есть в этом резон.

Между тем турист продолжал атаковать Марину. Сегодня после обеда она виделась с Зильбером в Сокольниках, в парке.

В пять часов в кабинете Бахарева раздался телефонный звонок.

— Слушаю. Где вы находитесь? Вас понял. Будет сделано. Постараюсь.

Звонил Птицын из Сокольников.

О характере разговора Зильбера и Марины можно было догадываться лишь по выражению их лиц — невозмутимо спокойное, несколько ироническое у Зильбера, злое, испуганное, полное негодования — у Марины. Беседа длилась около получаса. Только что Марина ушла из парка. Бахарев обязательно должен повидать ее сегодня.

В пять тридцать Николай позвонил Марине. Дома он не застал ее. К телефону подошла мама, она была очень взволнована.

— Не знаю, что и думать, Марина снова в каком-то страшном трансе. Звонил ей все тот же бархатный голос. Спрашиваю Марину: «Кто это?» Отвечает раздраженно: «Знакомый». Тут же собралась и ушла. Недавно звонила и сказала, что работает в библиотеке. Обещала к восьми вернуться.

Поздно вечером Николай позвонил Александру Порфирьевичу домой. Позвонил только для того, чтобы сообщить: «Виделся. Разговор был недолгий. Она снова в состоянии первого потрясения. Подробности при встрече».

Около девяти вечера Бахарев перехватил Марину на пути к дому и предложил погулять в ближайшем сквере. Стоил темный ненастный ноябрьский вечер. Шуршали опавшими листьями безлюдные аллеи. Но и тусклого света было достаточно, чтобы заметить бледность Марины. Таковой она была и в тот вечер, когда он навестил ее после болезни. Теперь во взгляде мелькала тревога, желание что-то рассказать и боязнь проговориться. И видно, как трудно дается ей это молчание. Попытки завести разговор не увенчались успехом.

— Мы так и будем молчать весь вечер? — спросил Бахарев.

— Если это тебе неприятно, мы можем разойтись по домам, — оцетинилась она.

И широким шагом направилась к выходу из сквера. Бахарев догнал ее, взял за руку.

— Не надо, Марина. Не сердись. Да будет вам известно, сударыня, что даже классическая школа Цицерона признает право на существование такой разновидности красноречия, как... молчание. Вот я и пытаюсь «услышать» твое мнение. И «слышится» мне, как что-то невыносимо тяжкое легло на хрупкие плечи сударыни и сбросить это тяжкое не хватает у нее силы воли. Не так ли? Или у меня плохой «слух»?

— Ты о чем?

— О том, что на твоём хмуром челе начертано. Я ошибся?

Она ничего не ответила, подняла воротник пальто, взяла Бахарева под руку, и вот так, снова молча, они шагали по укрытому золотом осени асфальту. Вдруг она резко повернулась к Бахареву и сказала:

— Ты как-то похвалил меня, сказал, что я сильная.

Это неправда, неправда. Безвольное существо, испугавшееся шантажа какого-то негодяя.

— Ничего не понимаю, Марина. Объясни, пожалуйста, что случилось?

Страх, смятение метнулись в ее глазах, она вдруг сникла, сгорбилась и, не поднимая головы, прошептала:

— Так, просто так. Разыгравшиеся первы. Пустое все это. Пошли домой. Уже поздно...

Они направились к дому. Больше он не услышал от нее ни слова. Уже прощаясь, Бахарев напомнил о ВДНХ.

— Ты не забыла?

— Может быть, отложим на другое воскресенье?

— Но мы уже договорились с Ольгой, а она с Владиком. Нет, это неприлично.

— Неприлично. Гм! Неужели в мире, где столько подлости, еще существует такое старомодное понятие? Ну ладно. Договорились. Завтра на ВДНХ. Ты заедешь за мной? Буду ждать...

Они оба тщательно готовились к этой встрече — разведчик и контрразведчик — Зильбер и Бахарев. Стороны продумали все детали. Даже количество мест за столом.

В тот вечер, когда Николай был у Ольги, она, прощаясь с гостями, спросила: «В воскресенье на ВДНХ — это твердо? Я надеюсь, что Гарун аль Рашид заранее позаботится о столике на четыре персоны?» «Конечно, Гарун аль Рашид хорошо знает свое дело». Так же хорошо он знает, что Ольга на ВДНХ не придет: разговор должен быть в присутствии одной Марины. А столик — на четыре персоны. Все ясно: Зильбер попросит разрешения присесть за стол к «старым знакомым». Ну что же, здесь их планы не расходятся. Бахарев тоже не случайно пригласил Ольгу с Владиком. Ему тоже нужен повод заказать стол на четверых.

...Сервированный на четыре персоны столик стоит в углу большого зала. С полудня на белой скатерти лежит серая картонка с магическим словом: «Занято». А над нею уже возвышается ваза с фруктами.

Все шло так, как и предполагал Бахарев. Часика полтора они гуляли по выставке. Воскресный день для кон-

ца поября выдался ясный, теплый. В павильонах многолюдно, и Марина, по-прежнему хмурая, неразговорчивая, сказала, что ей надоела эта толчея, что она предпочитает быть на воздухе. Да и вообще пора идти к Большому фонтану, условленному месту встречи с Ольгой и Владиком. У фонтана их не оказалось. Ждали десять, двадцать минут, полчаса. Николай предложил позвонить из автомата в общежитие и спросить у Герты, давно ли уехала Ольга. Нашли автомат. Позвонили и выяснили: «Тысяча извинений. Страшно болит голова. Лежу в постели и глотаю какие-то пакостные таблетки. К тому же и у Владика неожиданное задание по институту».

Марина, не скрывая своей радости, передает Николаю телефонный разговор с Ольгой. «А чему, собственно говоря, она радуется, — тому, что будут только вдвоем, или тому, что задуманная ею (или ею и Ольгой) операция развивается успешно?» Мысль эта не дает покоя Бахареву-контрразведчику, а Бахарев-литератор весело откликается:

— Ну что же, раз так, шагаем в ресторан. Я чертовски голоден...

Столик на четыре персоны к их услугам. Официант, узнав, что второй пары не будет, так поставил два свободных стула, что каждому ясно — без согласия хозяев не подсаживайся.

Закуска, коньяк уже на столе, и постепенно хмурь исчезает с лица Марины. Ресторанное многоголосье, суетня официантов — народу полным-полно. Первая рюмка коньяка, ласковая улыбка собеседника, рассказывающего что-то интересное и смешное, делают свое дело. Лед, кажется, тронулся. Марина уже смеется. Коля пересаживается поближе к ней, поднимает рюмку и предлагает тост:

— Я хочу выпить за свою проницательность и за твою силу воли. Я хочу быть правым. Ты — сильная, ты должна быть сильной...

— Раз должна — значит, буду. Хотеть — это быть. Так, кажется, говорили древние?

Они выпили, закусили, оба чмокнули от удовольствия, и вдруг рядом с их столиком, словно поднявшиеся откуда-то из подземелья, появились двое сухопарых изысканно одетых мужчин. В одном из них Бахарев сразу узнал Зильбера. Турист мастерски изобразил на лице своем крайнее изумление.

— О, майн готт! Русские говорят — мир есть тесен. Я имел честь быть познакомлен с вами в «Метрополе». Мадемуазель есть сама грация в танце...

Лицо Марины перекошилось от бешенства. Николай мельком взглянул на нее и тут же подумал: «Вот, пожалуй, и ответ на твой вопрос, товарищ Бахарев: чему радовалась Марина?» Он никогда не видел ее в таком состоянии — сейчас Марина, кажется, готова на любую акцию, ничто и никто ее не удержит, надо поспешить как-то самортизировать «удар». Он поднялся со своего места и, улыбаясь, продолжал разговор стоя.

— Ты узнаешь, Марина, своего партнера? У господина... Не имею чести...

Он запнулся.

— Зильбера, Эрнста Зильбера... — И турист склонил голову в сторону Бахарева.

— Так вот, у господина Зильбера бархатный голос и очень приятная, легко запоминающаяся внешность. Будем знакомы — Николай...

— Очень приятно. Это есть мой коллега и друг — Ганс Рихтер. Мы есть туристы. Мы будем иметь много впечатлений. О, это чудесный городок. Я инженер-физик и имею возможность быть ценителем того, что демонстрируют русские. Это изумительно. Я видел в павильоне радиоэлектроники не только то, что есть сегодняшний день мировой техники, но и то, что есть завтрашний. Потом я есть немного голодный и делал предложение Гансу искать ресторан. Но, к сожалению, как говорят коммерсанты, спрос выше предложения. Все места заняты, и будем искать другой ресторан.

После такого заявления гостей продолжать разговор стоя было уже невозможно — есть нормы приличия, долг хозяев, традиционное русское гостеприимство. В общем, все складывалось наилучшим образом. Пора приглашать гостей к столу, хотя Бахарев и догадывается, какая ярость клокочет сейчас в груди Марины. И тут же ловит себя все на той же мысли: неужели перекосившееся в злобе лицо, нескрываемое раздражение — лишь отлично сработанная маска? А под ней — полное удовлетворение: события развиваются так, как потребовал от нее Бородач, все идет по его же разработанному и ею же твердо осуществляемому плану. Ведь может быть и такой вариант? Он, Бахарев, еще не уверен, что...

Но на раздумье нет времени. Бахарев любезно приглашает туристов к столу и по-немецки говорит им:

— Мы сможем объясниться и по-немецки. Если это устраивает гостей...

— О да, конечно. В России многие отлично разговаривают и читают по-немецки. — И уже по-русски Зильбер добавляет: — Это есть очень приятно.

Рихтер сердечно благодарит за приглашение, но у него деловое свидание, и он должен спешить. Бахарев, соблюдая «протокол», уверяет гостя, хотя знает, что по замыслу Зильбера Рихтер должен удалиться — он тут был лишь для «фона». И Рихтер удаляется — Бахарев обратил внимание на то, как тот пошел на негнущихся ногах, но еще пружинистой походкой кадрового вояки: турист!

На столе появляется третий прибор. Обед продолжается. Идет оживленный разговор мужчин, в котором Марина не принимает участия, а лишь изредка подает какие-то реплики или односложно отвечает на вопросы Зильбера: «да», «нет». А тот заливается соловьем, расхваливая Москву, размах строительства, потом переключается на выставку. Гость, между прочим, не оставил без внимания павильон печати. О нем он тоже говорит восторженно. Блестящий взлет культуры, гигантские тиражи газет, журналов, книг, проникающих в самые глухие уголки России. Гость изумлен, восхищен. Но он не может не заметить...

— Я не литератор... Вы больше меня есть специалист по этим делам. — Он уже знает, что его собеседник литератор, поэт, что у него широкий круг знакомых среди писателей разных возрастов, что его собеседник на короткой ноге с поэтами, о которых господин Зильбер премного был наслышан у себя дома: «Таланты, увы, не всегда признанные и поддержанные». Так вот, гость не может не заметить, что, по мнению прогрессивных людей Запада, советская литература достигла бы куда больших вершин, если бы не... Тут турист запнулся и попросил прощения за то, что должен сделать небольшое критическое замечание. Он, конечно, понимает, что неприлично в доме хозяев говорить вещи, неприятные им, но, поверьте, — от души. — У вас это называют партийное руководство литературой... У нас это называют антигуманной, антидемократичной акцией. Я не есть политик. Я есть физик. Но я есть

демократ и горячий поклонник свободы творчества. Мой большой друг, господин Эрхард, — он мельком глянул в сторону Марины, — крупный специалист по новейшей русской литературе, немного просвещает меня...

— Разрешите и мне немного просветить вас, — сказал Бахарев. — Я тоже сторонник свободы творчества, но...

— О, это очень приятно. Я имею просьбу моего друга Эрхарда познакомиться с такими литераторами, которые есть свободное творчество. Мой друг имеет большой интерес к произведениям молодых литераторов. Это есть будущее человечества. Молодые легко увлекаются, иногда впадают в крайности, но мы благодарны им за свежесть мысли. А это есть индивидуум, который имеет свой особый взгляд на общество, нестандартный. У вас их называют нигилистами. Мой друг пишет монографию и будет рад узнать, что есть нового у таких литераторов, что есть предмет их споров с официозной позицией. Я буду благодарен...

Но Марина не дала ему закончить монолог. Она резко поднялась и, обращаясь к Бахареву, сказала:

— Я себя очень плохо чувствую, Коля. Пойдем домой. Вы простите нас, господин Зильбер...

Турист тоже встал и несколько растерянно смотрит то на Марину, то на Бахарева.

— Это есть очень неприятно... — заговорил оп. — Ресторан не имеет кондишен. Я хочу предложить госпоже небольшую прогулку в парке... Или кафе «Метрополь», где есть очень уютно...

— Нет, нет! Благодарю вас. Я иду домой. — И, не попрощавшись, пошла к выходу.

Николай догнал ее:

— Подожди, пожалуйста, меня в парке. Я рассчитаюсь. А гость? Право, не знаю, как с ним быть.

— Я тоже не знаю. И знать не хочу.

Бахарев вернулся к столу и позвал официанта: «Просту общий счет». Зильбер понял, что сие значит, и благодарно улыбнулся: «То есть русское гостеприимство... Я буду иметь предложение выпить за это радушие. И буду просить разрешить мне ответить вам, господин Бахарев. Мы будем провожать даму домой, а потом поедем ко мне, в гостиницу. Я буду иметь удовольствие предложить вам французский копыак. Мы можем продолжить наш интересный разговор».

Бахарев согласился. Они оба вышли из ресторана, и Николай торжественно объявил поджидавшей его Марине:

— Синьорита проследует до своего палаццо под интернациональным эскортом, после чего мужчины отправятся пить коктейль и продолжат свою беседу.

Марина с тревогой и удивлением посмотрела на Бахарева, снисходительно улыбнулась Зильберу, и они молча зашагали по аллеям выставки. Надсадно гудел ветер, небо заволочло тучами, и первые капли надвигающегося дождя окропили землю. Зильбер раскрыл зонт, протянул его Марине, она поблагодарила и отказалась. Бахарев, наблюдавший эту сцену, не мог обратить внимания на то, каким ледяным холодом повеяло от дочери Эрхарда.

Они сели в такси и через двадцать минут были у дома Марины. В пути она не проронила ни слова и так же молча вышла из машины, на прощание буркнув Зильберу что-то похожее на «ауфвидерзеен». Зильбер остался сидеть в такси, а Бахарев выскочил, чтобы проводить Марицу к подъезду. Николай попытался как-то отшутиться, шаркнул ногой, поцеловал ручку, но, когда их взгляды встретились, он понял: не место для шуток. Она стояла перед ним серьезная и печальная. Сейчас она не могла ничего сказать Николаю. Смогла только вполне голося промолвить: «Коля, я хочу, чтобы ты оставил гостя и пришел ко мне. Мамы нет дома, мне грустно и тяжело...»

— Мы недолго задержимся, Марина. Мужской разговор. Ваш покорный слуга через час-другой будет у ваших ног...

Марина скорее прошептала, чем сказала:

— Не уходи, умоляю тебя. Прощайся с ним. Не надо...

Он ничего не ответил. Повернулся и шагнул в темноту, туда, где стояла машина с господином Зильбером.

В тот вечер Марина не дождалась Николая. «Мужской разговор» затянулся до полуночи.

Птицын тщательно изучал отчет об этом «разговоре». Для него было все важно — и интонация Зильбера, и то, как быстро турист реагировал на ответы Бахарева... Николай с тревогой вглядывался в лицо Александра Порфирьевича: «Ну как, справился?» Судя по выражению лица шефа, тот был доволен: разговор получился именно таким, каким замыслил его Птицын. Бахарев с честью

вышел из трудного положения, блестяще выполнил все полученные им инструкции.

Есть основания полагать, что Зильбер проявляет большой интерес к Бахареву, его «возможностям», «литературным связям», «взглядам». В споры на самые разные темы — социалистический реализм, критерии литературы и кинематографа, молодежь и демократия, отцы и дети, гуманизм и диктатура, — споры, в которых Бахарев предстал перед разведчиком эрудированным литератором, нет-нет да и вплетались какие-то недомолвки, неопределенные замечания Николая: «Об этом стоит подумать... Возможно, в сказанном вами есть зерно истины...» Птицын понимал: разведчика должны были устроить даже те маленькие лазейки, которые оставлял этот пока еще не очень понятный ему молодой человек, с не очень стандартными — с точки зрения Зильбера — взглядами на жизнь.

— Над чем вы сейчас работаете, что пишете? — поинтересовался Зильбер.

— Заканчиваю повесть о молодежи. Думаю, что получится острая вещь. Конфликт отцов и детей. В семье советского работника растут эгоисты, себялюбцы. Любимые их слова — «дай», «мое», «хочу», «не хочу». Растут домашние идола, которым все поклоняются. Включая отца. Он бессилен. Он пытался урезонить старшего сына, а тот ему отрезал: «Ты не лучше нас...»

Бахарев развивает на ходу придуманный сюжет и видит, с каким вниманием слушает его турист. Зильбер поныхивает сигарой и спрашивает:

— То есть ситуация, взятая из жизни?

— Да, и в нашей жизни такое бывает.

— Вы думаете, что вашу повесть опубликуют?

— Хочу надеяться. Возможно, что придется потратить немало энергии в поисках снисходительного редактора.

— В этих поисках вы можете рассчитывать на помощь прогрессивных людей, где бы они ни жили...

Бахарев сделал вид, что не понял, на что намекает гость, и снова повел разговор о молодежи, о студентах. Зильбер охотно подхватил эстафету:

— О, это есть отчаянные бунтари... И у нас и у вас. Вы, вероятно, слышали о них?

— Я читал об одном таком лидере молодых бунтарей. Он, кажется, ваш соотечественник. У него есть очень оригинальное кредо: «Насилие — это есть радость». Его про-

грамма — коктейль из идей Сен-Симона и Бакунина, — заметил Бахарев. — Но если говорить о главном в его кредо, то это антикоммунизм.

— Вы есть слишком прямолинейный, господин Бахарев... Вы есть немного резкий в своих суждениях. Антикоммунизм — это есть формула пропаганды.

— Зачем же такие тривиальные слова! Ведь вы тоже занимались пропагандой, господин Зильбер, когда говорили мне о свободах стран Запада, о законах свободного общества... Я не юрист, я литератор. Но, работая над повестью, я знакомился с некоторыми материалами, касающимися британского правосудия... В Англии на основании так называемого закона об «официальных секретах» человека могут упрятать в тюрьму только за то, что он взял в руки без разрешения документы, представляющие «собственность правительства». А в моей стране для обвинения надо установить фактическую передачу материалов иностранной разведке... Да, да — фактическую... Я наводил соответствующие справки... И тогда юристы подбросили мне еще одну любопытную для литератора деталь: британское правосудие может посадить человека в тюрьму лишь за преступное намерение, а советский суд — за конкретные, доказанные деяния... Я это так, к слову... Я понимаю, что вас меньше всего интересуют нормы советского уголовного права и, конечно, еще меньше те из норм, которые карают за шпионаж. Это я все говорю к вопросу о пропаганде.

Наступила пауза. Слегка растерявшийся было Зильбер быстро овладел собой и снова повел речь о том же: о контурах человеческого общества будущего, о «мире открытых сердец и умов».

— Вы умный, образованный человек, господин Зильбер. Это не комплимент. Вы в нем не нуждаетесь. Вы отлично знаете, что на нашей грешной земле два полярных полюса: капитализм и социализм. Третьего, как говорится, не дано...

— Дано... — резко оборвал Зильбер. — Дальновидные люди — у нас, на Западе, и у вас, на Востоке, имеют другую точку зрения. В наш век космоса и атома мир делится не по социально-политическим системам, а по уровню экономического, научно-технического и, если хотите, военного потенциала. Капитализм и социализм трансформируются в единое индустриальное общество...

— Общество не может существовать без идей.

— Единое индустриальное общество может. Оно идеологизировано. Оно питается идеями не социальными, а куда более возвышенными и многозначными — техническими...

Бахарев улыбнулся и тоном, по которому трудно понять, шутит ли он, сказал:

— Это позиция прожженного физика. Если бы я был физиком, то может быть...

— Вы — молодой человек острого ума. Если бы мы имели возможность продолжить наш откровенный диалог завтра, послезавтра... Я верю в конвергенцию наших точек зрения... Так же, как и в конвергенцию социализма и капитализма... Не сбрасывайте со счетов великую техническую революцию нашей эпохи.

— Я не сбрасываю, господин Зильбер. Но социальные последствия разные... Вы это учитываете?

И Бахарев, с трудом сдерживая себя от того, чтобы не обрушиться на противника всей мощью своих аргументов, старался спокойно, в достаточно популярной форме, не обижая собеседника, разъяснить ему бессмысленность попыток буржуазных идеологов обвинить марксистов в игнорировании тех новых факторов, что порождаются научно-технической революцией. И каковы бы ни были эти факторы, включая резко возросшую степень обобществления производительных сил, капитализм по-прежнему использует научно-технический прогресс для роста прибылей монополий, для усиления эксплуатации трудящихся.

— Согласитесь, господин Зильбер, что на фоне тех возможностей, которые открывает перед человеком современный технический прогресс, социальные конфликты в капиталистическом мире становятся особенно глубокими, вопиющими... Не так ли? Возможно, что я где-то и не точен... Я не настаиваю... Это тема спора...

— О, у нас состоялся интересный диалог, господин Бахарев... Вы есть приятный собеседник.

— Кто же мешает нам продолжить этот диалог? Через день, два... через месяц...

— О, я буду приветствовать такую постановку вопроса, хотя несколько затрудняюсь сейчас ответить вам. Время покажет. Я верю в дальновидность советских литераторов и хотел бы выпить за их творческие успехи, за то,

чтобы они всегда без страха высоко держали знамя гуманизма...

Разговор пошел о литературе, именитых писателях. И гость пришел в восторг, когда узнал, что есть у Бахарева друг, знакомый с очень популярным на Западе советским писателем, повесть которого отвергнута толстым журналом. И что друг этот обещает Бахареву дать почитать повесть в рукописи, которая сейчас ходит по рукам...

На пятнадцать часов был назначен разговор с генералом. Должна была собраться та же четверка: пора завершать операцию. Уравнение со многими неизвестными перестало существовать. Почти все известно. Утверждены постановления на арест Ольги и Косого... Если потребуется взять Зильбера — и тут соблюдены соответствующие нормы. А вот брать ли Зильбера, когда и где арестовать Ольгу, Косого? Тем более что обстоятельства на первый план выдвинули соображения, выходящие за пределы «Доб-1». Беседа Зильбера с Бахаревым позволяет вести дело дальше, глубже, с расчетом на более отдаленные времена...

У Птицына на сей счет есть некоторые соображения. Но он пока ничего не говорит о них Бахареву. Он хочет доложить генералу, выслушать его мнение, вернее, его оценку встречи Бахарева с Зильбером — доклад об этой встрече уже давно передан Клементьеву. И сейчас, в ожидании разговора с ним, Александр Порфирьевич неторопливыми глотками пьет горячий кофе.

Тишину разорвал телефонный звонок. Птицын прижимает плечом трубку к уху.

И вдруг он, человек степенный, весь преображается, начинает жестиковать. Бахарев растерян, ничего не понимая, — Птицын бросает в трубку односложные «да», «нет», «он самый», «ясно», — смотрит на подполковника. Наконец Птицын, стараясь быть сдержанным, объявляет:

— Звонили из приемной... Марина пришла.

Птицыну надо быстро решать, как быть с Бахаревым, — может, ему до поры до времени все еще оставаться... литератором? Вопрос серьезный и все из той же се-

рии далеко идущих замыслов. Птицын звонит полковнику, генералу — их нет на месте. Надо немедленно принимать решение: в приемной ждет Марина. И Птицын решает: «Придется тебе, Николай, еще некоторое время пребывать в литераторах...»

...Она не сказала ни «здравствуйте», ни «благодарю» в ответ на приглашение сесты. Сразу выплеснула: «Спасите!» И больше не могла сдержаться — к горлу подступил комок...

— Успокойтесь, вот так... Я, простите, не очень понял вас: кого спасти надо? Последние слова были сказаны вежливо, учтиво, но достаточно строго.

Марина растерянно посмотрела на Птицына: что означает этот вопрос? Когда она шла сюда, то десятки раз прикидывала, как спокойно, размеренно будет рассказывать обо всем, начиная с первых дней войны и кончая встречами с «туристами», подарками отца, расскажет о его странной статье и ее подспудно зревших подозрениях, о домогательствах Зильбера и легкомыслии Бахарева. Все разложила по полочкам. И твердо решено было покаяться в собственной вине, объяснить, почему медлила, почему не пришла тогда, после беседы с Кохом. Но, как часто бывает в таких случаях, все заранее приготовленные слова в последний момент исчезли. Растаяли как ледышки. Когда она вошла в приемную КГБ, ей почему-то показалось, что главное в ее визите — спасти Бахарева... Она так и начала свой разговор с Птицыным.

— Я хочу сказать о близком мне человеке... Бахарева Николае Андреевиче, литераторе. Поверьте, речь идет о весьма достойном человеке. Иначе я не пришла бы к вам.

Сказала и запнулась, смутилась. То есть как не пришла бы? Она все равно пришла бы сюда и вовсе не потому, что Бахарев...

У нее закружилась голова, она вдруг почувствовала недомогание, охватившее ее после бессонной ночи. Но нашла в себе достаточно сил, чтобы стряхнуть тяжесть.

А Птицын все так же вежливо, но холодно продолжал:

— Вы не ответили на мой вопрос, товарищ Васильева, — кого надо спасать: вас или упомянутого вами литератора?

Марина тяжело вздохнула и, глядя в упор на Птицына, отчеканила:

— И меня и его. Я пришла к вам с повинной...

Птицын с живейшим интересом, словно для него все это открытие, слушает исповедь мечущейся девушки, отмечая точность бахаревских характеристик, точность нарисованного им портрета Марины. И про себя фиксирует: девушка ничего не утаивает. И про родителей, и про первую встречу с «туристом», и про подарки Эрхарда, и про первые тогдашние сомнения, касающиеся истинного лица отчима; и про то, как не теряла надежду — «а вдруг вернется, раскается во всем и вернется»; и про «Метрополь», и про танец с Зильбером...

— Я его сразу узнала... Он был с Кохом, когда мы с ним второй раз встречались в кафе «Метрополь». Подозрения незаметно, исподволь закрадывались уже тогда. Я догадывалась, какие это туристы. Но сама себе не решилась признаться в этом.

До сих пор она говорила спокойно, ровно, глядя прямо в лицо собеседнику. А тут вдруг сорвалась, опустила глаза, и голос задрожал.

— Это был мой первый ложный шаг... А за ним второй... Мы танцуем, гремит музыка, а Зильбер нашептывает: «Вам привет от папы... Он очень скучает без вас. Я привез вам небольшой подарок господина Эрхарда». И я не успела опомниться, как он надел мне на палец бриллиантовое кольцо... Я принесла его с собой, вот оно. — И Марина, достав из сумки кольцо, положила его на стол. — Оно не принадлежит мне. Делайте с ним то, что считаете нужным.

Умолкла. Собирается с мыслями. Вспоминает:

— Во время танца Зильбер сказал, что имеет некоторые пустяковые поручения ко мне от господина Эрхарда. Я спросила: «Какие?» Он ответил: «Не стоит сейчас об этом». И тут же сообщил, что хотел бы показать мне статью отца, опубликованную в одной из прогрессивных газет Запада. «Господин Эрхард немного занимается литературой и немного политикой. Ваш папа тоже хочет бороться за мир против империализма и фашизма. Жизнь многому научила его...» И многозначительно добавил: «Конечно, средства борьбы бывают разные... А газету я вам принесу. Нам надо еще раз повидаться. Но у вас, кажется, не принято встречаться с иностранцами в гостинице...» И назначил свидание у памятника Пушкину. Мы встретились там. Потом поехали в Архангельское. Гуляли. Обедали. После обеда я попросила у Зильбера обещанную га-

зету. Он изобразил на лице смущение: «Не обессудьте, проклятый склероз. Приготовил для вас газету и в последний момент забыл положить ее в карман». Позже я поняла — он соврал. Газета — повод для продолжения наших встреч. И действительно, он тут же предложил мне через два дня встретиться у Кировских ворот...

— И вы встретились?

— Да. Я пыталась вернуть ему кольцо, сказала, что не хочу получать подарки от чужого человека и очень жалею, что приняла такой подарок тогда, в первый раз... Зильбер сунул кольцо в карман моего пальто и сказал: «Вы никуда от этого не уйдете... Вот вам газета, прочтите его статью, и вы поймете, что ваш отчим не так уж далек от тех, кто стоит на весьма прогрессивных позициях... Я не сомневаюсь, фрейлейн Марина, и в вашей стране есть люди, которым придется по душе статья вашего папы... Да! Это так есть... Не смотрите на меня удивленными глазами. Я читал статьи этих людей... Там, у нас... Я мог бы вам показать очень интересный русский журнал, который издают на Западе. Вы нашли бы там прекрасные рассказы и стихи советских авторов. То есть люди, не имеющие возможности печатать свои произведения у себя дома... Я не политик, я ученый, но я не могу не преклоняться перед ними».

— Он назвал этот журнал?

— Да, но я не запомнила...

— «Грани»?

— Кажется, так... Зильбер сказал, что если я пожелаю, то буду получать этот журнал.

— По почте?

— Он не уточнял...

— И вы согласились?

— Почему вы так говорите? Неужели я даю основания?... Ее измученное лицо ожесточилось.

— Значит, отказались? Ну-ну... Не сердитесь. Не надо. Молодежь, она ведь любознательная: хочет знать, что за «Грани» такие... А что вы скажете о статье отца? О тех комментариях к ней, что были высказаны господином Зильбером?

— Я плохо разбираюсь в политике, тем более в вопросах теории...

— Жаль... Серьезный пробел в вашем вузовском образовании.

— Бахарев тоже так считает. И все же я позволю высказать свое мнение... Автор — она избегала слов «отец», «отчим» — обличает империализм и ратует за многообразие путей строительства социализма. И при этом, может быть, мне показалось, ловко маскирует подтекст: из всего многообразия путей он предпочел бы тот, который решительно отменяет диктатуру пролетариата и руководящую роль партии...

— Оказывается, вы не так уж плохо разбираетесь в политике, если уловили эти «мотивы» знакомой «симфонии». Я, кажется, зря ополчился на вузовское образование.

— Это не вуз... Это мой друг, Бахарев... У нас с ним был долгий спор. И, читая статью, я не раз вспоминала про тот наш большой разговор... Это был, пожалуй, единственный случай, когда я увидела своего друга в неожиданном для меня облике.

— В каком же?

Марина задумалась.

— Несколько легкомысленный и вольнодумный, Николай вдруг предстал передо мной, если хотите, политическим бойцом, таким воинственным агитатором, умеющим убеждать и драться за свои убеждения. А разговор у нас шел на острые политические темы... Я ведь привыкла к тому, что у нас в институте ребята-активисты иногда уклоняются от таких разговоров, отшучиваются... А Бахарев не уклонился, сам вызвал меня на спор. И я ему была благодарна тогда... Вот вам и ответ насчет подтекста в статье... И насчет комментариев Зильбера к ней...

— Надеюсь, вы догадались принести нам газету со статьей господина Эрхарда? — спросил Птицын. — Отлично. Сейчас мы почитаем это прелюбопытнейшее сочинение.

Птицын, неплохо знавший немецкий язык, бегло пробежал статью и тут же занялся тщательным изучением всей газетной полосы. И, к немалому удивлению Марины, стал даже на свет рассматривать ее. Затем он позвонил кому-то по телефону, сообщил название газеты, дату и заголовок статьи.

— Проверьте, и как можно быстрее... Да, да, вы правильно поняли... Напоминаю — фамилия автора Эрхард... Ну-с, продолжайте, товарищ Васильева. Я вас слушаю... Как дальше развивались события?

— Через несколько дней Зильбер снова позвонил мне и сообщил, что вчера в Москву приехал его коллега по институту, и он видел у него в номере газету, в которой опубликована еще одна статья господина Эрхарда. Если она меня интересует, мы можем завтра пообедать в Сокольниках. Но газету он не принес, сославшись на незапланированный отъезд коллеги в Ленинград. Однако счел нужным разразиться целой тирадой: «Жаль, что вы не прочтете этой блестящей статьи вашего отца... Вдохновенное слово о величии гуманизма, который, увы, иногда игнорируют даже там, где он должен стать знаменем людей, объявивших себя строителями новой жизни».

Глухим голосом Марина рассказывает об этой последней своей встрече с Зильбером.

— В Сокольниках он начал действовать активнее, решительнее, почти в открытую стал требовать: «Вы обязаны стать помощницей отца... Не забывайте, что вы дочь господина Эрхарда...» От требований он перешел к убеждению: доказывал, что если я буду помогать отчиму, то это облегчит ему возвращение к семье. Потом отказался и от этой тактики. Стал пропускать мои настроения, говорил о высоком призвании молодых бороться за гуманизм, демократию. И сразу дал понять, что он имеет в виду... Я не помню, как это случилось, но я рассказала ему о нашем студенческом поэте, авторе песни «Заря». Она в рукописи ходила по рукам. Зильбер обрадованно воскликнул: «Это есть настоящий борец, Марина!.. Ваш папа всем сердцем с такими людьми». И снова повел разговор о каких-то издаваемых на Западе русских газетах и журналах, где охотно напечатали бы подобные песни.

— А вы не спрашивали у Зильбера, чем, собственно, вы должны помочь отчиму? О каких поручениях идет речь?

— Нет, не считала нужным даже задавать такой вопрос, мне все было ясно. Но он сам, не дожидаясь моего вопроса, поспешил набросить туманную завесу: «От вас требуются сущие пустяки, Марина... Информация... Обычная информация о самых обычных фактах... В глазах любого человека — коммуниста или социал-демократа, капиталиста или рабочего — факт остается фактом... Это категория внеклассовая, вне партий...» Я слушала его и улыбалась. Он удивленно спросил меня: «Чему вы улыбае-

тесь? Разве я сказал что-нибудь смешное?» Я ответила: «Нет, не смешное... Тривиальное... Недавно я имела возможность выслушать примерно такую же точку зрения: одна из наших студенток доказывала своему другу, что есть такие неопровержимые факты, которые и для советского и для буржуазного писателя в одинаковой мере бесспорны. И тогда начался спор. Друг студентки рассказывал любопытную историю о том, как один и тот же совершенно бесспорный факт был по-разному воспринят людьми, представляющими разные классы».

Осенью 1920 года Петроград посетили два иностранца: он и она. Он, вернувшись домой, написал, что улицы Петрограда находятся в ужасающем состоянии: изрыты ямами и автомобильная езда по городу сопряжена с чудовищными жертвами. А перед ней — эти же улицы, изрытые ямами, предстали в ином облике. Неподдалеку от Путиловского завода она увидела развороченную мостовую и баррикаду, сложенную в дни наступления белогвардейцев. И перед ее внутренним взором возникли баррикады Парижской коммуны, священные камни революции. Так один и тот же факт по-разному выглядел в глазах Герберта Уэллса и Клары Цеткин».

Зильбер вначале растерялся, потом улыбнулся: «О, это есть блестящий полемист... Друг вашей подруги есть отличный мастер коммунистической пропаганды... Но я еще более высокого мнения о русской студентке — у нее острый ум интеллектуала, который ищет настоящую правду... Я был бы рад беседовать с такой студенткой...» Ох, как мне хотелось отхлестать его, сказать, что такая студентка стоит перед ним, а ее друг — это Николай Бахарев, с которым господин Зильбер имел честь познакомиться в ресторане «Метрополь».

— Почему же вы не сказали ему этого?

— Не хотела... Не хотела, чтобы господин «турист» причислял меня к тем молодым, о которых он говорил. Зильбер сделал бы из этого гнусные выводы.

— Вам нельзя отказать в некоторой проницательности, товарищ Васильева. Итак, Зильбер, судя по вашему рассказу, атаковал вас и с фронта и с флангов...

— Да, примерно так... Но было еще одно направление атаки: Бахарев... Только что я объяснила вам, почему не было сказано Зильберу, кто та студентка и кто тот «блестящий полемист». А сейчас я подумала: жаль, что не

сказала. Быть может, Зильбер тогда и не добивался бы встречи с ним.

— С кем?

— С Бахаревым...

— Что вы можете сказать о нем?

Марина не сразу отвечает Птицыну. Мысли у нее сейчас, как предгрозовые облака, растрепаны, лохматы и быстро бегут в разные стороны. А их надо собрать в один узел, чтобы ответить Птицыну. И она пытается это сделать.

— Говорят, что настоящая привязанность слепа. Может быть, и так. Но я попытаюсь... На первый взгляд он кажется человеком легкомысленным. Но, пожалуй, это — обманчивое впечатление. Кто познакомится с ним поближе, тот увидит, что он вдумчив, умен, серьезен. Я уже вам, кажется, говорила... Однажды он даже предстал передо мной воинственным агитатором... Нет, нет — тонким, эрудированным полемистом. — Марина умолкла, задумалась, опустила голову, потом, глядя в глаза Птицыну, резко сказала:

— И все же я смею утверждать, что этот человек несколько легкомыслен, есть в нем что-то от богемы, от прожигателя жизни. Бахарев любит рестораны, веселые компании, легко тратит деньги на себя и других, любит щегольнуть острым словом и острой мыслью. О таких говорят: для красного словца не пожалеет и отца. И думает он порой не так, как многие... Я не боюсь говорить вам об этом.

— А чего же бояться. Я тоже люблю острую мысль. Самое опасное — стандартное мышление. Оно идет от равнодушия. А ваш Бахарев каков?

— О, нет, он не из равнодушных. Нет, нет... Бахарев человек импульсивный, человек острой реакции. И эта реакция его... Я боюсь, что она будет понята господином Зильбером по-своему. Я боюсь, что он попытается...

Марина старается точнее выразить свою мысль, но не находит подходящих слов. Птицын спешит ей на помощь.

— Сделать с Бахаревым то же, что он пытался сделать с вами. Так?

— Возможно, что и так... Это очень сложно... и страшно... Я не знаю, чем кончился их разговор...

Она несколько растерянно посмотрела на Птицына.

— Мне тяжело говорить вам все это... Я знаю, где я нахожусь... Мне трудно говорить так о близком человеке, которого я...

Она осеклась, смутилась, а Птицын про себя отметил: «Пожалуй, я начинаю проникать в тайну, которую не отнесешь к категории государственных. Вот уж действительно — молодость не умеет таить своих чувств».

И снова пауза. Тяжелая пауза — девушка, кажется, задыхается от молчания, когда слова застревают в горле, когда хочется сказать очень многое, даже слишком многое. А Птицын не склонен нарушать молчание. С отрешенным выражением лица он смотрит куда-то в сторону и ждет.

— Зильбер настойчиво добивался встречи с Бахаревым, — продолжает Марина. — Я это чувствовала, догадывалась, зачем нужна ему эта встреча... Я вам говорила о некоторых чертах характера Бахарева... Таким, вероятно, я нарисовала его портрет и в разговорах с Зильбером, когда мы были в Архангельском. Тогда у меня еще не сложилось окончательное представление о «туристе». А потом было уже поздно. Он действовал тонко, хитро. Не могу не воздать должное уму, выдержке этого человека, его хватке.

И она снова все о том же, об ухищрениях Бородача.

— Зильбер избрал другую тактику. Он знал, как я люблю маму. Для меня нет на свете человека более дорогого, близкого... Хотя со стороны иным кажется, что я плохая дочь...

— А как мама относится к вам?

— Обожает и опекает как ребенка.

— Да, все мамы на свете одинаковы... Ну, а вот, скажем, вы пошли в ресторан «Метрополь». Пошли с человеком, не очень еще близким. Мама знала об этом?

— Конечно. Я, правда, с трудом, но дозвонилась ей в тот вечер. Она дежурила в больнице.

Птицын вспомнил, как они с Бахаревым терялись в догадках: кому Марина звонила из автомата на пути в ресторан — маме или Зильберу? Вопрос снят.

— Это очень трогательно. Но я, кажется, прервал нить вашего рассказа. Прошу прощения. Вы остановились на том, что Зильбер повел атаку с другого фланга.

— Да, это было так. — Она все теребит и теребит воротничок своей блузки, будто он душит ее. — Зильбер знал, что я дорожу спокойствием мамы... Да, да, это так... И Зильбер заявил, что, если я откажусь помогать отцу, он расскажет маме обо всем и предупредит, что на карту

поставлена судьба ее дочери... Законченный негодяй! Когда он пустил в ход шантаж, я сникла и...

— И поддалась?

— Нет, нет... Это случайность...

— Что вы имеете в виду?

— Встречу Зильбера с Бахаревым на ВДНХ. Он появился там неожиданно. Мы с Бахаревым сидели в ресторане, когда... — Она на секунду умолкла и испуганно посмотрела на Птицына. — Нет, нет, я не организовывала этой встречи. Вы должны мне поверить. — В голосе ее — отчаяние.

— Конечно, бывают и случайные стечения обстоятельств... Допустим... Но, может быть, случайность проявилась совсем в другом. Ну, скажем, вы случайно, без умысла, невзначай где-то обронили слово о ваших планах на воскресенье?..

Марина задумалась.

— Нет, я никому не говорила.

— Тогда разрешите последний вопрос: как вы считаете — Зильбер встречался с вашей мамой?

— Нет, категорически нет.

— Откуда такая категоричность?

— Я сама все рассказала маме. И все мои сомнения — идти к вам или нет? — отпали после разговора с мамой. По ее настоянию я пришла к вам.

— А я-то думал, что вас привело сюда доброе чувство к другу... — Птицын улыбнулся, подпился с места и подошел поближе к Марине.

— Вы не улыбайтесь. — Она теперь смотрела на него снизу вверх. — Это все не так просто. Вначале мне казалось, что только одна сила побудила меня прийти к вам — Бахарев. А теперь понимаю, что иначе поступить не мог... При любых обстоятельствах... Но разговор с мамой многое решил.

— Мы-то не хуже вас знаем, какая она мудрая и сильная... Вот так...

Марина поняла, что разговор закончен. Встала и спросила:

— Я могу идти?

— Да... Впрочем, задержитесь...

Птицын снял телефонную трубку, набрал номер.

— Как наши газетные дела, Сергей Петрович? Так я и предполагал — тот же почерк. Благодарю за оперативность. А справку пришлите... Для документации.

И, уже обращаясь к Марине, Птицын сказал:

— Ну вот, еще одна ваша загадка разгадана. Могу сообщить, что газета со статьей вашего отчима — чистой-чистой фальсификация, ловкая проделка, рассчитанная на простаков. В указанной газете за указанное число нет никаких следов сочинений господина Эрхарда. Газета с его статьей отпечатана тиражом в один экземпляр. Специально для вас... Вот так, товарищ Васильева. А теперь можете идти. До свиданья. Нам, вероятно, придется еще раз встретиться. Будьте здоровы...

Как и следовало ожидать, незадолго до отъезда Зильбера Ольга снова вышла на связь с ним. В тайнике на зет-аллее она оставила для него письмо с закодированным текстом, фотокопия которого лежала на столе Птицына. Медичка сообщала, что решила не рисковать и не посылать с Зильбером все собранное и подготовленное ею, так как скоро сама поедет на каникулы.

А еще через час в этом же парке появился Косой. Он долго бродил по аллеям, неторопливо приближаясь к заветной скамейке. Кругом тихо, ни души. Присел на скамейку, углубился в чтение газеты, которую держал левой рукой, а слегка дрожащей правой шарил в тайнике. Все на месте. Отлично. Сейчас он поедет на Белорусский вокзал, положит чемодан в камеру хранения, в ящик с шифром. Вечером Зильбер — ему этот шифр известен — заберет чемодан. И делу конец... Завтра рано утром Зильбер улетит домой, и тогда Косой облегченно вздохнет.

В столь блаженном настроении Косой покидал парк, не подозревая, что завтра он уже будет сидеть... перед следователем и рассказывать, как все произошло. Летом служебные дела привели его под Можайск, и в воскресенье, прогуливаясь по лесу, он набрел на веселый пикник молодежи. Его пригласили выпить рюмку водки, за ней вторую, третью... На гостеприимство молодых он ответил широким жестом — принес бутылку армянского коньяка, купленную в ближайшем кафе. В состоянии крепкого подпития стал болтать об Одессе, о дружках, о своих связях и красивой жизни, о которой он сейчас, увы, может только вспоминать... Так он познакомился с Ольгой и ее мужем. Супруги оценили «перспективность» неожиданного знакомства. Договорились о встрече в Москве. Там разговор

был более откровенным. Косой почувствовал, что по части красивой жизни еще не все потеряно. Ему хорошо платили за выполнение казавшихся безобидными поручений. Потом ему все стало ясно. И он был вполне доволен своей ролью связного. Этот тип уже давно жил по принципу «деньги не пахнут». А новая хозяйка требовала расширять связи. Так появилась на горизонте дама из технической библиотеки научного института, о которой Ольга сказала: «Она нам пригодится...» Время от времени Косой получал подачки.

И вот последнее задание — газеты «Футбол», студгородок, тайник в Архангельском...

Косого арестовали вечером на Белорусском вокзале. Он не возмущался, не выражал удивления, негодования, хмуро посмотрел сперва на одного, потом на другого молодого человека. Косой обронил перчатку, и сотрудник КГБ, подняв ее, сказал:

— Не надо суетиться... Вот вы и перчатку чуть было не потеряли... Разрешите помочь чемодан до машины донести?..

На следующий день, рано утром, Бородач улетел домой. А через две недели к Птицыну поступило сообщение Ландыша. Оно было сравнительно короткое: Катя не знала, как развивались последние события по ходу операции «Доб-1».

Бородач докладывал хозяевам итоги своей миссии в Россию. Операция «Футбол», по его мнению, осуществлена удачно. Новый связной Медички — Толстяк — показал себя достаточно ловким и расторопным. Медичка успешно действует в соответствии с заданиями центра. С ее помощью операции «Футбол» удалось придать более широкий размах. В ближайшее время она прибывает на каникулы и доставит важные сведения. Несколько сдержаннее Зильбер говорил о возможностях дальнейших контактов со студенткой Мариной Васильевой. Однако и здесь усилия не пропали даром. При ее содействии удалось установить связь с одним московским литератором. Характеристика, данная Зильбером литератору, вызвала повышенный интерес хозяев, в частности человека с протезом: литератор — друг Марины Васильевой, и он может повлиять на нее. Но это, конечно, не самое главное. Зильберу в упор был поставлен вопрос куда более серьезный.

— Считает ли господин Зильбер возможным в недале-

ком будущем установить контакт известного вам деятеля русской эмиграции с Бахаревым?

— Да, сэр, я допускаю такую возможность, сэр. Хотя мой собеседник весьма уклончиво реагировал на соображения, туманно высказанные ему в этом плане. Но мне показалось, что если его новую повесть откажут печатать в России, то Бахарев не прочь будет воспользоваться моими предложениями.

— Какими? — Сэр смерил Зильбера испытующим взглядом и тихо, но твердо потребовал: — Я попросил бы господина Зильбера подробнее передать эту часть разговора с Бахаревым.

— Слушаюсь, сэр. — Он облизнул губы и, не шевелясь, со спокойно-бесстрастным лицом передал свой диалог с русским литератором. — Я сказал ему, что, будучи ученым, человеком, далеким от политики, случайно оказался в достаточно близких отношениях с редактором журнала русских эмигрантов «Грани», издаваемого в Мюнхене, и работниками издательства «Энкоунтер» в Лондоне. И «Грани» и «Энкоунтер» охотно публикуют отвергнутые в России рассказы, повести, стихи... Тут же я назвал Бахареву фамилии нескольких авторов таких произведений. И это, кажется, произвело на него впечатление. Если не считать иронического замечания по поводу «Сказания о синей мухе» Тарсиса. «Неужели читающая публика Запада всерьез принимает этого пизофреника?» Я попытался «отстреляться» шуткой: «Люди, — заметил я, — бывают разные, и было бы не совсем справедливо ожидать, что каждый из нас обладает всеми добродетелями. К тому же прошу учесть специфику наших издательств — коммерция! Все, что вызывает интерес публики, может стать предметом бизнеса. Один из моих друзей в Англии работает сейчас в чисто коммерческом предприятии «Флегон пресс». Когда, скажем, в советском журнале или в «Гранях» появляются произведения, интересующие западного читателя, то «Флегон пресс» незамедлительно размножает их и продает по достаточно дорогой цене. Вам следует с должным пониманием отнестись к этим законам жизни мира бизнеса. Тут ничего не поделаешь, господин Бахарев. В вашей стране тоже есть свои, непонятные нам законы издательского дела. У вас это называется партийностью литературы. Не так ли?» Бахарев в ответ неопределенно пожал плечами и, усмехнувшись, буркнул:

«Да, да, конечно...» К чему относилось это его замечание, я не понял.

— На чем же основана уверенность господина Зильбера в том, что Бахарев воспользуется связями с «Грани-ми» или «Энкоунтером»?

— Прошу прощения, сэр, но я не выражал такой уверенности. Я лишь позволил заметить, что мне показалось, будто Бахарев несколько заинтересовался моими предложениями. Поверьте, сэр, для этого имеются некоторые основания.

— Я попросил бы господина Зильбера аргументировать их.

— Извольте, сэр. Бахарев спросил меня: «Как практически я смогу отправить свою рукопись в «Грани», если вдруг — это игра моего воображения — появится такая необходимость?» Согласитесь, сэр, что подобные вопросы не задают зря. Я ему ответил: «Господин Бахарев может не беспокоиться... Вот вам моя визитная карточка, — и вручил ему карточку с адресом, известным сэр. — Когда у вас, господин Бахарев, созреет решение послать рукопись в «Грани», или «Энкоунтер», или во «Флегон пресс», дайте мне знать. Хорошо? В ответ Бахарев многозначительно посмотрел на меня и повел бровями. Но, по своему обыкновению, ушел от прямого ответа. «Да, да, я понимаю ваше недоумение, господин Бахарев, — сказал я. — Мне знакома специфика вашей демократии. Это не совсем безопасно для вас — писать иностранцу... Мы с вами условимся о маленькой хитрости. Вы напишете мне письмо с просьбой прислать обещанный вам в Москве лечебный препарат... Обратный адрес можете указать любой, какой придет вам на ум... Далее все будет организовано должным образом...» Бахарев с живейшим интересом выслушал меня, а потом неожиданно рассмеялся. «Неужели вы серьезно полагаете, господин Зильбер, что я стану играть в эту конспирацию... Впрочем, кто его знает? Жизнь каждодневно преподносит удивительные сюрпризы. Обо всем сказанном вами надо подумать... Вы дали пищу для серьезных размышлений». Он небрежно сунул мою визитную карточку в карман и тут же перевел разговор на нейтральную тему.

Зильбер умолк, а человек с протезом, глядя слегка прищуренными глазами в бокал с вином, все продолжал

одобрительно кивать головой теперь уже, вероятно, каким-то своим мыслям.

— Мы еще вернемся, господин Зильбер, к вашему сообщению о московском литераторе. Вы правильно сориентировали Медичку постоянно держать молодого человека в поле своего зрения, изучать его настроения, взгляды. В частности, мы должны точно знать, не отправится ли он в зарубежный вояж, когда и куда.

...Ландыш пока не имеет возможности сообщить точные координаты Медички, Толстяка и дамы из научного института. Принимает необходимые меры. Что касается Марины Васильевой, то ее координаты, видимо, известны: она неродная дочь Эрхарда. Он специально прибыл в связи с докладом Зильбера. Судя по некоторым репликам человека с протезом, с Эрхардом здесь не очень-то считаются, и вся работа с Васильевой велась Зильбером по собственному усмотрению, без всяких консультаций с Эрхардом. Ландыш передала содержание разговора Эрхарда с Зильбером, когда они остались вдвоем. В голосе бывшего учителя немецкого языка прозвучал упрек:

— Я же предупреждал вас, господин Зильбер, с моей дочерью вам вряд ли удастся установить контакт... Как видите, даже сфабрикованная вами без моего ведома газета не очень-то помогла. Вы не сделали необходимых выводов из информации Коха, из моих комментариев к этой информации. Я уже не говорю о личной просьбе. Я имел честь просить вас, господин Зильбер, не впутывать девушку... Вы не пожелали внять этой просьбе... Потратили много средств, энергии, времени, подвергали риску себя и других... А польза какова?

— Польза еще будет, господин Эрхард. Смею вас заверить. Контакт с литератором многого стоит. А что касается личных просьб... Что мне вам сказать? Сентиментальность — опасная для нас болезнь.

Бахарев по-прежнему встречался с Мариной. Ей показалось, что теперь он уже не такой, как прежде: остепенился, его не тянет больше в ресторан, к шумному застолью. Иногда Николай куда-то исчезал на несколько дней, но накануне предупреждал: «Буду работать. Легко пишется...» Однажды она спросила его: «Когда же выйдет из печати твоя книга? Ты уже давно получил аванс». Он

тяжело вздохнул и стал сетовать на издательство: «Перенесли в план будущего года».

Бахареву и Марине все реже удавалось оставаться наедине. У них появился почти постоянный спутник — Ольга. Она всегда находила повод прийти к Марине именно тогда, когда там был Николай, и уйти именно в тот час, когда Бахарев собирался домой. Хозяйка нервничала, допускала бестактности, иногда даже грубила Ольге. Та делала вид, что не понимает, в чем дело, и продолжала... выполнять свое задание.

...Ольгу арестовали в Бресте, когда она направлялась домой на каникулы. Все, что предшествовало предъявлению постановления и аресту, она восприняла с поразительной невозмутимостью, спокойствием — ни тени смущения, тревоги. Когда ее пригласили проследовать из вагона в кабинет административного здания КПП для осмотра личных вещей, она, улыбаясь, спокойно спросила:

— Сейчас, вероятно, придет носильщик?

— Да, конечно...

— Благодарю вас.

И всем своим видом подчеркнула: да, я понимаю, у вас такая служба. Таможенники, пограничники. Так во всем мире. Пожалуйста — вот все мои вещи... Видимо, тут какое-то недоразумение.

Капитан, производивший обыск, делал это не спеша. Он аккуратно вынимал из Ольгиного чемодана одну вещь за другой, внимательно рассматривал белье, обувь, платье, блузы, шерстяные кофты, всякие безделушки, русские сувениры, бутылки коньяка и пакеты с зернами кофе. Понятые — механик железнодорожного депо и врач медпункта — поначалу проявляли повышенный интерес к необычным своим обязанностям, а потом свыклись со всей этой непривычной для них церемонией и, словно сговорившись, задремали в мягких старинных креслах. Ольга села рядом с понятыми. Вынув из сумочки губную помаду и зеркальце, принялась освежать бледную краску на губах. Потом спросила: «Разрешите курить?» — и стала попыкивать сигаретой, словно все происходящее ее не касалось и уж, во всяком случае, не волновало.

Так прошло не менее часа.

Капитан занес в протокол последнюю запись — под номером 27. Каллиграфическим почерком было выведено: «Сувенир — тульский самовар. Цена не обозначена». Оль-

га повернула голову в сторону капитана и, улыбаясь, спросила:

— Это, кажется, все? — Пожалуй, впервые в ее голосе прозвучало нечто подобное нетерпению.

И с той же улыбкой, с той же неизменно холодной вежливостью последовал ответ:

— Простите, это еще не все. Разрешите посмотреть вот эту сумочку?

И капитан потянулся к лежавшей перед Ольгой на круглом столике черной кожаной сумочке. Понятые, впервые за два часа услышав человеческие голоса, встрепенулись, закашлялись, заерзали на своих креслах и даже привстали.

Сидевший у окна Птицын все время пристально наблюдал за Ольгой. Он подметил, как круто изогнулась ее искусно подчеркнутая правая бровь, как слегка порозовело бледное лицо и задрожали пальцы, ухватившиеся за ремешок сумочки.

— Разрешите...

Ольга разжала пальцы.

— Пожалуйста...

Капитан открыл сумочку и по-прежнему неторопливо выложил на стол пудреницу, расческу, носовой платок, тюбик губной помады, деньги, набор открыток, жевательную резинку... Когда сумочка опустела, он осторожно раскрыл ее пошире и ловко зацепил кончик клейкой ленты, скреплявшей внутреннюю обшивку с металлическим остовом. Лента легко отделилась, и внутри сумочки обнаружилось тайное отделение. Капитан попросил понятых подойти поближе к столу и на их глазах извлек из тайника несколько листов бумаги. Это тонкое плотное шелковое полотно весьма условно можно было назвать бумагой. В тайнике оказались три пронумерованных листка, исписанных убористым почерком.

Капитан взял лист № 1. Первая строка была жирно подчеркнута. Он вслух прочел ее: написанные по-немецки фамилия, имя, отчество и полное ученое звание. Это была фамилия известного в Москве математика.

Капитан бережно отложил в сторону найденные в тайнике листы бумаги и подчеркнуто вежливо обратился к Ольге:

— А теперь я прошу вас снять туфли... Вот здесь коврик... Чтобы не простудиться... Или вам угодно будет достать из чемодана другие туфли?

Молча, ни на кого не глядя, Ольга сняла туфли и подала их капитану. Он достал из кармана перочинный нож, легко вывернул четыре шурупа и, когда каблук отделился, показал его понятым.

— Прошу вас, товарищи понятые, осмотрите.

Внутри каблука был тайник. Капитан и понятые, подписав протокол обыска, приложив к нему постановление об аресте студентки, вышли. Птицын остался один на один с Ольгой. Медичка поднялась, не зная, что ей делать дальше, поежилась, хотя в кабинете было тепло.

— Вам холодно?.. Можете накинуть пальто. Нездоровится? Знобит? Да, бывает... Садитесь. У нас разговор будет недолгий, но сидя как-то удобнее вести его. Русские говорят: в ногах правды нет. У меня есть несколько вопросов к вам. Так сказать, предварительного характера.

— Слушаю вас.

— Кто была ваша попутчица в купе?

Ольга ухмыльнулась.

— Жена какого-то советника.

— Какого?

— Не знаю точно... Ливанского или ливийского. Ее муж работает в посольстве в Москве.

— Куда едет?

— В Париж. Пробудет там неделю, а потом домой.

— Она знает, кто вы и куда едете?

— Нет, она ничего не знает обо мне. Я пыталась говорить с ней по-французски, но она плохо знает язык. С большим трудом мы объяснялись с ней по-французски и по-русски. Она приняла меня за француженку.

— Ваши родные ждут вас? Вы известили их о выезде? Письмом, телеграммой?

— Я послала маме письмо, в котором сообщила, что выезжаю в Париж, пробуду там три дня, а в пятницу автобусом — домой.

— Вы, вероятно, догадываетесь, что в этом маршруте произойдут некоторые изменения... А мамы на всем белом свете остаются беспокойными мамами, когда ждут домой своих дочерей. Не надо, чтобы ваша мама волновалась.

Ольга вопросительно посмотрела на Птицына, стараясь понять его.

— Думается, следовало бы отправить маме телеграмму и сообщить ей, что ваши планы изменились, что вы задержались в Москве.

— Я охотно послала бы такую телеграмму, но как это сделать? Если я вас правильно поняла, то я больше не принадлежу себе... Так, кажется?

— Да, вы правильно поняли... Впрочем, это нетрудно понять... Но о телеграмме мы могли бы позаботиться. Вот вам листок бумаги. Пишите.

Ольга написала телеграмму и протянула ее Птицыну.

— Ваша телеграмма будет отправлена.

— Из Бреста?

— Нет, из Москвы. А сейчас прошу вас... — И Александр Порфирьевич подал Ольге пальто.

В тот же день Медичка специальным авиарейсом была отправлена в Москву. Вместе с ней полетел и Птицын.

На первом же допросе Ольга собственноручно написала обстоятельные ответы на вопросы. Арестованная ничего не скрывала и даже не пыталась скрыть. Это, пожалуй, шло не от отчаяния, а от сознания: иного пути нет. Она вела себя так, словно давно ждала подходящего случая, чтобы рассказать советской контрразведке о своей шпионской работе. Ее не очень беспокоили утомительные допросы и, видимо, не очень тревожила перспектива суда. И это иногда озадачивало следователя. Однажды он спросил ее:

— У вас сегодня такой вид, будто вам нездоровится. Может, прервем?

Она устало вскинула на него длинные ресницы и несколько вызывающе ответила:

— Как вам будет угодно. Лично я готова продолжать.

— Вы пользуетесь прогулками?

— Да, благодарю вас...

— У вас есть сигареты?

— Да, благодарю вас...

— Вам дают читать книги?

— Да, благодарю вас...

— У вас есть какие-нибудь просьбы?

— Нет.

— Почему вы отказались от права встретиться с представителем консульского отдела посольства вашей страны?

Ольга многозначительно посмотрела на следователя:

— А что я скажу этому представителю, когда встречу с ним? Что я — агент разведки?

— Ну что же, как вам угодно...

И она продолжала рассказывать, как все это было. Ольга никого не щадила: ни себя, ни своих хозяев. Она никого не старалась выгородить, оставить в тени. Ни на чью помощь не рассчитывала.

Следователь уже знал, что эта молодая женщина в последние годы жила двойной жизнью: в институте — серьезна, вдумчива, сдержанна, достаточно прогрессивна в своих суждениях, оценках разных событий. Но это маска. Подлинное ее существо — легкомысленная женщина, падкая на сладкую, легкую, бездумную жизнь. Но такой она представляла лишь перед узким кругом особо близких ей людей, которым доверяла. Теперь перед следователем сидела совсем иная Ольга: ни та, что носила маску, ни та, что так цинично смотрела на окружающий ее мир. Это была женщина, видимо принявшая какое-то очень трудно давшееся ей решение. Следователь пытался сам для себя сформулировать, что с ней произошло: прозрела, опомнилась? Нет, конечно, и все же было заметно, как внутренне она переменялась. И эта перемена в известной мере определяла ее поведение. Видимо, теперь Ольга поняла, что сделала ставку не на ту карту, что она проиграла, и не одна, а вместе со всей своей компанией, ставшей теперь для нее непужной, далской и даже враждебной. Она знала, что бывшие ее хозяева палец о палец не ударят для спасения или хотя бы облегчения ее участи. И Ольга избрала единственно правильный в ее положении путь: раз попала, да к тому же с явными уликами, надо признаваться во всем.

Говорит она тихим, размеренным голосом, глядя следователю прямо в лицо.

— Завербовали меня тогда, когда я была глупой, наивной и беззаботной девчонкой, полагавшей, что самый сильный в мире человек — это тот, у кого деньги. Меня уговаривали: риска никакого, усилий потребует мало, а вознаграждение солидное... Тогда я не понимала, что к чему. Поначалу они и не говорили мне, в чем будут заключаться мои обязанности, что и для кого я должна делать. Все рисовалось туманно, в общем плане: придется иногда выполнять отдельные несложные поручения, ска-

жем, с кем-то познакомиться, кого-то о чем-то расспросить, что-то узнать, куда-то ненадолго поехать. Подчеркивали: «Все это будет хорошо оплачено». И тут же строгим голосом предупреждали: «Все, о чем мы условились, должно сохраняться в тайне». Я согласилась.

Я раза три-четыре встречалась с Карен Милз и Груд Белан — это те, кто завербовал меня. Вначале я терялась в догадках, что же требуется от меня? Мне не давали никаких поручений, со мной разговаривали обо всем и ни о чем. Но постепенно в этих, казалось бы, ничего не значащих беседах я стала улавливать лейтмотив, звучащий, однако, неназойливо: антикоммунизм — кредо моих хозяев... Далеко не все мне было ясно, но я не задавала уточняющих вопросов. Мне дали понять, что все сказанное обсуждению не подлежит и должно быть принято как аксиома.

Была в этих беседах еще одна важная тема — искусство конспирации, техника работы вдаль от центра.

Несколько месяцев со мной никто не встречался. Казалось, что обо мне забыли. И вдруг телефонный звонок Карен Милз: «Я должна вас повидать». Место встречи было условлено давно, заранее: все тот же секретный кабинет приморского ресторанчика «Креветка». Здесь мне и было объявлено, что я должна поехать в Москву учиться в медицинском институте. Все необходимое для этого будет сделано без моего участия...

Незадолго до отъезда в Москву Груд Белан инструктировал меня. В Москве я должна изучать окружающих меня людей: профессоров, преподавателей, студентов, их родителей. Сбирать о них как можно больше сведений: фамилии, имена, отчества, происхождение, адрес, материальное и семейное положение, способности, жилищные условия, состояние здоровья, увлечения, слабые и сильные стороны характера, пристрастия, политические и философские убеждения, религиозность, отношение к деньгам, служебная перспектива, отношение к советскому строю. По возможности нужно доставать фотографии этих людей, а также их документы — паспорт, билет члена Коммунистической партии, комсомола, профсоюза, воинский билет, пропуск в институт, учреждение, библиотеку, на завод.

Перед отъездом я получила дополнительный инструктаж по работе с кодами, зашифровке и расшифровке сек-

ретных сообщений, по технике фотографирования, уменьшения текста до микроточки. Меня научили особым образом обрабатывать пленку, чтобы она становилась мягкой и вкладывалась в такие неприметные контейнеры, как батарея карманного фонаря, полый карандаш и даже полая пятикопеечная монета, распадающаяся на две части. Все это я использовала в своей работе.

Когда я первый раз приехала домой на каникулы, то привезла данные на двадцать семь человек. Убористо были исписаны три листа бумаги — специально изготовленного для таких целей полотна: оно не шуршит и не прощупывается в тайнике. Эти листы я закладывала в тайник своей сумочки, заклеивала его и с успехом провозила через границу. На вашей пограничной таможне дважды осматривали мою сумочку, когда в ней находились конспиративные материалы, и каждый раз операция кончалась благополучно.

Сумочку с тайником мне дала Карен, когда я впервые отправилась в Москву. Тогда же она подробно инструктировала меня, как ею пользоваться. Мне было преподано несколько практических уроков.

Дома я три дня занималась обработкой списков. Доклад получился на двадцати листах машинописного текста. Для чего, кому нужны эти списки советских людей, основные сведения о них — я не знаю. Мне ничего не сказали. Я могла лишь догадываться, что большинство этих людей, а может быть и все, были занесены в картотеку нашей разведслужбы.

— Которая и оплачивала вашу работу?

— Да... Это так.

— Продолжайте...

— Во второй раз я привезла из Москвы материалы еще на одну большую группу советских граждан и несколько фотографий — десять — двенадцать, точно не помню. Кроме того, я передала Груду два комсомольских билета, три книжки членов профсоюза и пять пропусков в разные учреждения. Документы я выкрала у своих знакомых, выполнив эту операцию таким образом, что никто ни в чем не мог заподозрить меня.

Фотографии и документы я провозила через границу в чемодане с двойной стенкой. Я пользовалась им несколько раз, пока Груд не запретил прибегать к такой уловке. Он сказал: «Все тайное со временем становится явным —

советская контрразведка уже знает секреты таких чемоданов».

— Списки людей — это единственное задание, полученное вами от разведки? — спросил следователь.

— Нет... Но началось с этого. А потом сфера моей деятельности непрерывно расширялась. Во-первых, сам круг людей, интересовавших разведку, расширился. Я составила список известных мне иностранных студентов, обучающихся в Москве, и по возможности дала каждому из них характеристику. От меня требовали узнать каким-нибудь способом номера почтовых ящиков, адреса военнослужащих.

— И вы нашли такой способ?

— Да... Студентки, живущие в общежитии, получали письма и от военных — родителей, братьев, друзей. А на конвертах — обратный адрес. Почтальон бросал письма на стол в вестибюле... Был еще один способ. Во время учебной практики в Подмоскowie ко мне на прием приходили жены военнослужащих. В историю болезни вписывались их адреса... Военные люди, воинские части — все должно было быть в поле моего зрения. Я следила за передвижением войск в дни подготовки к военным парадом. Записывала номера военных машин, въезжавших или выезжавших из ворот заводов, находившихся под моим наблюдением... Таких заводов было два. Я должна была сообщить, чем они огорожены, как просматриваются снаружи, сколько входов и въездов, какова система охраны, номера машин, стоящих перед административными корпусами... Пожалуй, все...

— Подумайте, может это еще не все?

Ольга задумалась, стала вспоминать.

— Было и такое поручение — достать книги, в которых содержатся списки советских писателей, композиторов...

— Вам удалось?

— Не полностью... В одном доме я смогла похитить книгу со списками писателей... Но оказалось, что эта книга была издана несколько лет назад... Груд Белана не очень удовлетворила моя микропленка. Он сказал: «Здесь нет молодежи, влиявшей в Союз писателей за последние годы».

— Были ли еще какие-нибудь специальные поручения?

— Были... Покупать путеводители... Конверты с советскими марками... Малогабаритные будильники, которые можно использовать в качестве контейнеров... Составить подробный план-схему ГУМа.

Потом я должна была взять пробу земли с названных мне четырех улиц Москвы. И еще — подыскать подходящие места для тайников... Потом попросили найти предлог, чтобы поехать в приволжский город и взять там пробу воды. Но я не смогла выполнить такое трудное задание. Хозяева были недовольны и требовали предпринять еще одну попытку. Это уже было в пору вторых летних каникул... Памятное для меня лето...

В то лето Ольга стала женой Германа. Они встретились на веселой вечеринке в приморском ресторане «Креветка». Было уже далеко за полночь, когда Ольга и Герман вышли на берег. В лицо резко ударил морской ветер, пахнувший йодом, водорослями и прелыми листьями. Домой идти не хотелось, они гуляли, любуясь лунной дорожкой на воде, вдыхая полной грудью острые ароматы моря. В ту ночь ей было очень хорошо, и она даже забыла о тяжком грузе, что взвалила на себя, дав согласие тем двум...

...Арестованная умолкла, провела рукой по волосам, потом обеими руками обхватила голову.

— Вы устали? — спросил следователь. — Вам не здоровится?

— Нет, благодарю вас... Сейчас я продолжу свои показания... Та ночь глубоко врезалась в память. Так ведь бывает: одна ночь — больше чем год. Это произошло в ту пору моей жизни, которую нельзя измерить обычным счетом времени. Я впервые задумалась над тем, куда займет меня ловко брошенная сеть, к чему приведет мое... Вы мне не верите, улыбаетесь?

— Нет, почему же... Всякое бывает. Но я хотел бы знать, что это — разум восторжествовал?

— Нет, увы, это было не так. В какую-то минуту пришла страшная мысль: «Подумай, какой дорогой ценой дадутся тебе те деньги, смотри, как бы ты не пожалела потом. Хватка у них железная, не вырвешься». Но я по-прежнему оставалась верной принципу — брать от жизни все, что можно взять от нее. И в ту ночь, не зная почему, мне казалось, что Герман, сын весьма обеспеченных родителей, молодой человек с большим будущим — он имел

шанс пробиться в крупные журналисты — сумеет дать мне в жизни все, что хочется иметь взбалмошной женщине, и поможет порвать те узы, которыми я связала себя с разведкой. Страх и расчет!

...Где-то далеко-далеко за лесом уже занимался рассвет, а они все еще шли и шли по берегу и уже в который раз объяснялись в любви и говорили друг другу возвышенные слова о верности, долге, о своем будущем. Позже, когда Ольга вспоминала про эти возвышенные слова, ей было как-то неловко и смешно.

Вскоре сыграли свадьбу. На шикарном теплоходе молодые отправились в свадебное путешествие. Поздно вечером они вышли на палубу. Смотрели, как волны, разбиваясь о борт судна, рассыпались брызгами, как одиноко мерцали редкие звезды в туманном небе. Потом Ольга предложила пойти в каюту — стало холодно.

— Подожди, я должен тебе что-то сказать... — И Герман боязливо оглянулся по сторонам.

...В тот вечер муж сообщил ей, что он все знает о ее связях с Карен Милз и Грудом Беланом, что работать на них им придется вместе, помогая друг другу.

— На какое-то мгновение, — продолжает свою исповедь Ольга, — передо мной открылось совсем другое лицо Германа: жестокое, свирепое; глубоко запрятанные под широкие брови глаза смотрели на меня холодно и расчетливо. Я молча выслушала его признание, молча смотрела на него. Он спросил: «Что ты молчишь? Нам будет хорошо. У нас будет много денег. Они должны платить и мне и тебе. А такая красивая, как ты, должна быть богатой, очень богатой...» «Но у нас будет много трудностей на пути к богатству», — сказала я. И тогда, задрав нос кверху, Герман, словно вещая с амвона, изрек: «Per aspera ad astra!» (Через трудности к звездам!).

— Вот они, эти звезды! — Ольга иронически улыбнулась и посмотрела на следователя глазами, полными глубокой печали и боли... — Но я, кажется, отвлеклась... Так на чем я остановилась? Да, свадебное путешествие... Первые радости медового месяца и горькое похмелье...

Родители мои словно чувствовали это и все допытывались: «Почему ты такая грустная?» Они, конечно, ничего не знали. Они проклинали бы меня... Отец — участник движения Сопротивления, среди подруг матери были коммунистки. А я... Продалась... Ну что же, быть по сему...

Наступил день моего отъезда в Москву. Меня снова инструктировали. «Ваша главная задача — непрерывно расширять круг знакомых, изучать их, поставлять нам данные о них». Я догадывалась, что в Москву под видом туристов приезжают мои «коллеги». Но Карен строго предупредила: «Никаких встреч, никаких бесед с ними. Никто до поры до времени не будет вас инспектировать, и вы никому не подотчетны в Москве». О выполнении задания я докладывала, когда возвращалась домой на каникулы. Тогда же сдавала все собранные материалы. Я приезжала в свой город и в тот же день отправляла открытку по условленному адресу — текст был стандартный: «Дорогая Рит! Вчера я вернулась из продолжительной поездки. Все хорошо, плохо только, что моя глухота прогрессирует, совсем неважно стала слышать. Привезла тебе обещанную гранатовую брошь. Скоро увидимся. Целую. Ольга».

Кто такая Рит? Понятия не имею. Думаю, что такой вообще не существует. Видимо, псевдоним, придуманный для связи с Карен и Грудом. Да, и эти тоже скрываются под псевдонимами. На второй день после того, как я опустила в почтовый ящик открытку, раздавался телефонный звонок. Меня вызывали на встречу. Сперва я отчитывалась устно, а потом мне говорили: «...об этом напишите подробнее». И два — три дня я писала свой отчет. Сдавала его и получала вознаграждение. Деньги платили большие, но платили по-разному. Если в докладе оказывались сведения, представляющие особый интерес, ставка повышалась. Иногда даже до двухсот процентов. Так, в частности, было, когда вместе с подробной характеристикой студента МВТУ, моего поклонника, я представила сведения о его институте, его учебной практике в Севастополе, фотографии с некоторых листов студенческого конспекта.

Но иногда я оставалась в недоумении. Мне, например, казалось, что заслужу самой щедрой награды за свои сообщения о докторе Васильевой и ее дочери, студентке Марине. Глава этой семьи Эрхард оказался шпионом и в первые же дни войны бежал к гитлеровцам. Сейчас он работает на какую-то разведку. Однако это сообщение было воспринято равнодушно, спокойно, дополнительных вопросов не последовало. Вскоре я поняла, в чем тут дело: хозяевам многое уже было известно об Эрхарде и о его семье. И только значительно позднее от меня потребо-

вали письменного доклада о докторе Васильевой и ее дочери Марине, их друзьях и знакомых.

...Следователь внимательно слушает Ольгу, стараясь не прерывать ее. Но сейчас он не может не спросить:

— Какую характеристику вы дали Марине?

— Сложная, противоречивая натура. Остатки былой озлобленности, порой проявляющаяся склонность к фронде, особая точка зрения на некоторые острые вопросы советской жизни — все это не может не заинтересовать наших людей. Но при этом я предупреждала Белана: учтите, девушка честна, неподкупна, принципиальна, она стремится глубоко осмыслить окружающий мир и, в общем-то, любит свою страну, свой народ. И, как тигрица, набрасывается на того, кто посмеет чернить жизнь этого народа в главных ее проявлениях... Любовь и преданность своей стране в ней намного сильнее озлобленности и фрондерства. Купить ее нельзя. Скорее можно запугать — она несколько боязлива. Страх преследовал ее с детства... И у нее есть уязвимое место — слепая любовь к матери. Лишь бы не потревожить маму... Я говорила об этом и господину Зильберу.

— Вы показали, что вам было запрещено встречаться с вашими коллегами по разведке. А как же Зильбер?

— Мне сказали: обстоятельства могут сложиться так, что в Москве я должна буду встретиться и помочь нашему человеку. На этот случай был дан пароль: «У меня для вас имеется гранатовая брошь». Человеку, который произнесет эту фразу, нужно верить, помогать, отвечать на его вопросы...

Однажды ко мне в общежитие позвонил иностранец и сказал, что привез небольшую посылку от моих родных. Мы условились о встрече. Посылки не было. Был пароль: «У меня для вас имеется гранатовая брошь». Это был Зильбер...

После первых же его вопросов я поняла: среди других заданий разведчика есть и такое — проверить мою работу на месте. В частности, он попросил меня подробно рассказать, как выполнялась операция закладки тайника в Донском монастыре. Вопрос насторожил, точнее, напугал, усилил тревогу.

— А для этого были основания?

— Да, были... Летом ко мне приехал Герман и сообщил о важном поручении центра — это было, пожалуй,

первое небезопасное дело, которое доверялось мне. Я получила от Германа материалы, необходимые для шифрования и расшифровки текстов, а также большую сумму советских денег. И тут же — инструкция: в начале сентября ежедневно бывать на улице Горького, на Главном телеграфе, и заглядывать в будку телефона-автомата — при входе первая будка справа. На стене будет знак «W», начертанный угольным карандашом. Как только появится такой знак, я должна во второе воскресенье сентября рано утром, не позднее шести часов, отправиться во двор Донского монастыря и согласно полученному мною плану отыскать там тайник. Все, что передал мне Герман, нужно заложить в тайник. Кому это предназначено — я не знала и знать не должна.

Во вторую субботу сентября объявление появилось. Я помчалась в общежитие. К счастью, подруга ушла в кино, и я имела возможность тщательно упаковать в газету...

— Вы не помните, в какую?

Ольга удивленно посмотрела на следователя.

— Помню... В «Медицинскую газету».

— Вы ее выписываете?

— Нет... Точнее, выписала на первое полугодие, а на второе пропустила сроки подписки. Но все те номера газеты, которые меня интересовали по ходу занятий, мне охотно давала доктор Васильева. Она давний подписчик этой газеты.

— Ясно. Продолжайте. Итак, вы тщательно подготовили пакет.

— И рано утром, сказав, что еду на аэродром провожать родственницу, отправилась в Донской монастырь.

По инструкции в среду я снова должна была пойти туда же, на Главный телеграф. В той же будке рядом с «W» появится буква «R». Это сигнал, подтверждающий, что все в порядке. Нет буквы «R» — значит, беда. Условленного знака не оказалось. Ни в четверг, ни в пятницу, ни в последующие дни... Я потеряла покой, страшно испугалась. Стала вспоминать до мельчайших деталей, как закладывала тайник. Мне казалось, что все правила конспирации были соблюдены строжайшим образом. И вдруг провал. Неужели это я виновата? Значит, за мной продолжают следить?.. И вот от Зильбера узнаю: человека, которому предназначалось содержимое тайника, провалил один из наших разведчиков, за что и понес суровое нака-

зание. Там, в центре, естественно, догадались, в каком смнении я нахожусь, и, видимо, поручили Зильберу внести ясность: «Вы не виноваты».

— Передать вам поручение центра — это было единственное задание Германа?

— Нет... Он должен был проехать на машине по дороге, проходящей через некоторые районы Подмосковья...

— Какие? Вот вам карта. Покажите.

Ольга сразу же прочертила карандашом маршрут.

— Мы воспользовались приглашением моего однокурсника. Его родители живут в деревне, дорога к которой идет примерно тем же маршрутом.

— Что интересовало вашего мужа?

— Линии электропередач, радарные установки, промышленные объекты, встречавшиеся в пути военные машины. Он тайком записывал их номера...

— Это его запись? — Следователь протянул коробку для сигарет, на которой был записан номер машины.

— Нет, моя. Мы дублировали друг друга. Вечером мы долго искали эту коробку...

— Что еще привлекало внимание вашего супруга?

— Мы остановились на берегу реки, чтобы набрать бутылку воды...

— Ясно. Как оценивал Герман результаты поездки?

— Сдержанно... Хотя был очень доволен неожиданным знакомством. К нашему пикнику присоединился гражданин, отрекомендовавшийся Семёном Опасенко.

И Ольга подробно рассказала о том, что было уже известно следователю, — как человек по кличке Толстяк стал выполнять их поручения.

— Герман дважды встречался с ним в Москве. Толстяк достаточно откровенно поведал о себе, о своих делах до ареста. Герман осторожно дал ему понять, что услуги таких людей всегда высоко оплачивались и будут оплачиваться. Тем не менее муж приказал мне до поры до времени держаться подальше от этого типа, пока он не посоветуется с хозяевами, пока не придет условная телеграмма: «Твое письмо получил, спасибо». Такая телеграмма пришла. Значит, Толстяка можно использовать. Его фамилия значилась где-то там, в досье. Он до ареста, видимо, работал против вас. Но даже после получения телеграммы я должна была прибегать к услугам Толстяка осторожно, втемную.

— Хороша темная! Вы же ему давали прямые шпионские поручения, — заметил следователь.

— Да... Соблазнительно было. Когда Зильбер приехал в Москву, он при первой же встрече со мной поинтересовался Толстяком. И был весьма доволен, узнав, что человек этот как раз в эти дни находится в Москве.

— Что вам известно о заданиях, которые выполнял Зильбер в Москве?

— Я уже говорила: проверить мою работу на месте и лично познакомиться кое с кем, на кого я давала материал.

— И это все?

— Нет... Ему удалось перевезти через границу сфабрикованные газеты «Футбол». Внешне они ни в чем не отличались от такого же советского издания. Ну, а по содержанию... Содержание вам известно.

— Какова ваша роль в распространении этих фальшивок?

— Я подсказала исполнителя — Толстяка. Из списка людей, за которыми я вела наблюдение во время учебной практики в Подмоскowie, выбрала одиннадцать человек и дала их адреса. Это главным образом учащаяся молодежь. С некоторыми из них я познакомилась поближе на одном из лесных пикников, устроенном моим поклонником, местным хирургом. Мне казалось, что настроения этих молодых людей таковы, что фальшивка попадет на благодатную почву... Я дала Зильберу еще один адрес — студгородок, в котором бывала два-три раза и знала, как туда легче всего проникнуть, куда следует положить газеты...

— Вы показали, что Зильбер имел задание установить контакт с Мариной Васильевой. Вы содействовали этому?

— Частично... Когда мы всей компанией возвращались со студенческого вечера, Марина со своим знакомым Николаем Бахаревым пошла в ресторан «Метрополь». Я тут же из автомата дала знать об этом Зильберу... Его заинтересовал друг Марины литератор Николай Бахарев, с которым я познакомилась в доме Васильевых. Мне казалось, что Бахарев именно тот человек, который может привлечь внимание шефа. Так я и охарактеризовала его в своем сообщении Зильберу. Для него было важно — Бахарев причастен к миру литераторов, но Зильбер был несколько озадачен, не найдя его фамилии в своем списке членов Союза писателей. Я объяснила ему, что Бахарев

еще только начинающий литератор и у него все впереди, его, конечно, примут в Союз. Зильбер согласился со мной и стал настойчиво добиваться встречи с другом Марины. И не без моей помощи кое-чего добился. Мне удалось свести их вместе в ресторане «Колос» на ВДНХ, а Зильбер ухитрился каким-то образом затащить Бахарева к себе, в номер гостиницы. О чем они беседовали там, мне неизвестно. Перед отъездом, во время нашей мимолетной встречи, Зильбер на ходу, скороговоркой передал свои впечатления от этой встречи. Он сказал примерно так: «Ничего определенного сообщить не могу. Бахарев оказался молодым человеком с более сложной натурой, чем я предполагал. С ним надо работать, его нужно изучать. На таких выигрывают, но на таких иногда и проигрывают». Последние его слова я запомнила хорошо...

— Уезжая, Зильбер оставил вам какие-нибудь инструкции?

— Он просил меня продолжать наблюдение и за Мариной и за Бахаревым, но не предпринимать без согласования с центром каких-либо активных действий. Кроме того, он сообщил мне о намерении центра использовать меня как передаточный пункт для доставки в Россию пропагандистских материалов на русском языке, в том числе и тех, которые пишутся в вашей стране, а печатаются в «свободном мире». Зильбер сказал, что в ближайшее время будет организовано поточное микрофильмирование многих таких материалов. Микро пленки через меня будут направляться определенным лицам для проявления, размножения и распространения. Я поняла Зильбера таким образом, что центр обеспечит доставку микропленок мне в Москву. А я, в свою очередь, обязана через тайники передавать эти микропленки третьим лицам. Кто они, Зильбер не сказал. В Москве я должна получать от каких-то лиц микропленки для отправки центру. Зильбер назвал всю эту операцию бесконтактной связью. Такую связь мы с ним отрабатывали в дни его пребывания в Москве. Зильбер сказал: «Пусть это будет для вас тренировкой». Он привез с собой магнитный контейнер, внешне ничем не отличающийся от спичечной коробки советского производства. Только взяв его в руки, можно было определить, что он металлический и при соприкосновении с металлом накрепко прилипает к нему. Я имела возможность лично убедиться в этом, используя для отработки такой

бесконтактной связи тайник в Архангельском. К тренировке был привлечен и Толстяк. Однако в последние дни пребывания Зильбера в Москве я вынуждена была прибегнуть к этому тайнику для оперативной работы — надо было срочно передать гостю кодированную записку. Так сложились обстоятельства... Поддерживать связь с Зильбером прежними способами — телефон, встреча в толпе покупателей у прилавка универсама — было уже опасно.

— Вам предъявляется изъятая у вас при обыске записная алфавитная книжка в голубом кожаном переплете. Она принадлежит вам?

— Да.

— Дайте пояснения по существу некоторых записей. Что значит запись на последней странице: «Концерт Баха». И рядом несколько цифр.

— Зашифрованный телефон Бахарева. Из каждой пары цифр надо вычитать 25.

— Он сам дал вам свой телефон?

— Нет. Я выкрала из сумки Марины Васильевой записную книжку и переписала телефон Бахарева, а потом незаметно положила книжку на ее письменный стол.

— На предпоследней странице есть такая запись: «Св. 40, Мол. 50». Что это значит? Расшифруйте.

— Пожалуйста: «Свечи стоят 40 копеек, молитвенники 50». Это запись, связанная с заданием, которое я получила в Москве от мужа. Он передал ряд поручений деятеля русской эмиграции, действующего в контакте с моим шефом. При этом Герман подчеркнул: «Считай, что ты получила задание шефа».

— Как зовут эмигранта?

— Истинная его фамилия мне неизвестна. А кличка — Константин.

— Что требовал от вас Константин?

— Я должна была собрать широкую информацию о некоторых художниках и литераторах, о литературных приверженностях молодежи, в частности студентов... И наконец, совсем новое для меня дело — побывать в московских церквях, побеседовать с верующими и священниками.

— Что вы должны были выяснить в этих беседах?

— Нет ли нарушений закона о свободе вероисповедания? Много ли среди верующих молодежи? Печатаются ли церковные книги, где их достать, сколько стоят свечи,

молитвенники? Возрастной состав священников, содержание их проповедей. Как много свободных мест в церковных приходах для семинаристов, оканчивающих духовные училища?

— Вы выполнили это поручение?

— Частично. Я побывала в церквях Троицы в Хохловском переулке, Николы в Хамовниках и в церкви Донского монастыря. Беседовала с верующими и со священниками. Но считала, что еще не располагаю достаточно полной информацией для ответа на поставленные вопросы. Однако мне уже сейчас ясно: некоторые ответы верующих не обрадуют шефа. Богомольные старушки недовольны — священники покидают церкви и выступают с лекциями на атеистические темы.

— А как с поручением касательно литературных приверженностей студентов?

— О, это чрезвычайно емкое и многостороннее задание... Очень сложное, рассчитанное на длительное время... Я немного успела...

— Это все, что вы можете ответить на мой вопрос?

— Я хочу добавить к сказанному следующее: я возлагала большие надежды на Бахарева. Но в беседах он высказывался по интересующим меня вопросам очень туманно. Мне кажется, что встреча Зильбера с Бахаревым была более результативной. Перед отъездом на каникулы я стала активнее контактировать с Бахаревым. Но, увы, женская ревность! Марина вела себя весьма воинственно. И все же я буквально за несколько дней до отъезда договорилась с Бахаревым, что после возвращения в Москву мы пойдем ужинать в Дом литераторов. Конечно, вместе с Мариной. Он в шутку заметил: «Я обеспечу вам, Оленька, кавалера... Очень популярного писателя... Но, увы, обстреливаемого всеми калибрами официальной критики». А потом обстоятельства сложились так...

Она умолкла. Пауза длилась недолго. Ольга вновь заговорила, но голос ее внезапно стал глухим.

— Я постараюсь искупить свою вину... Я признаю ее... И готова подробнейшим образом ответить на все ваши вопросы.

— При обыске в вашей правой туфле был обнаружен тайник. Кто дал вам эти туфли, как вы использовали их?

— Туфли мне дала Карен, когда я в последний раз была дома на каникулах. За несколько дней до отъезда в

Москву. Мы встретились на явочной квартире. Карен сняла со своей блузы гранатовую брошь, вынула из нее булавку и концом, противоположным острию, служившим ей отверткой, вывинтила четыре шурупа, крепивших каблук. И тут же ловко отделила его от туфли. Каблук был полый. Карен объяснила: «В этом полом каблуке ты будешь перевозить через границу микропенку. Отсюда в Москву. Возможно, что в будущем придется возить и из Москвы. Какую микропенку, узнаешь потом, в следующий приезд. А пока надевай туфли и носи их как можно больше. Считаю это экспериментом».

Затем она попросила поставить каблук на место с помощью все той же булавки. У меня это сразу получилось. Карен была довольна. Между прочим, заметила: «Здесь удобно хранить ампулу с кураре». И засмеялась. Я ничего не ответила. Я не была уверена, что это шутка. Кураре, как известно, яд...

Тогда же Карен сказала: «Носи туфли до самого отъезда из Москвы и постарайся забыть, что под твоей правой пяткой тайник». Видимо, она обладает каким-то даром впускания. Я действительно забыла, что у меня среди трех пар лакированных туфель — одинаково элегантных, красивых — есть одна пара с тайником. Как-то Марина попросила дать ей — она шла на свадьбу к подруге — на один вечер такие лакированные туфли. И я по ошибке из трех пар выбрала именно ту, что имела тайник. Беспечность обошла дорого. Видимо, я плохо усвоила уроки конспирации. Я спохватилась только через несколько дней. Спыхватилась, ужаснулась и тут же позвонила Марине...

— Знали ли о вашей преступной работе Васильевы? Может, догадывались?

— Нет. Ни в малейшей степени.

— А ваши родители?

— Нет... Я уже говорила — они проклинали бы меня.

— Вы несколько лет занимались изучением политических настроений окружавших вас молодых людей. Не требовали ли ваши хозяева, так сказать, общих соображений о мировоззрении, тенденциях развития духовного мира советской молодежи? В прямой или иной форме?

— Нет... Впрочем, однажды был такой разговор с Карен. Это во время моей последней встречи с ней. Она по-

казала мне одну из газет с антисоветской статьей, подготовленной Мюнхенским институтом по изучению СССР. В ней красным карандашом были подчеркнуты строки, касающиеся молодежи. Карен попросила меня прочесть эту статью, обратив особое внимание на подчеркнутые строки. И спросила: «Как вы считаете, автор дает правильную оценку? Нам важно знать: что это — наша пропаганда или реалистическая картина? Мы не имеем права заблуждаться. В особенности там, где речь идет о мобилизационной готовности возможного противника». Я хотела тут же ответить, но Карен остановила меня: «Я не тороплю вас с ответом. Вопрос слишком серьезный. Проанализируйте ваши многочисленные беседы с молодыми людьми в СССР. Завтра мы снова с вами встретимся. Я попрошу изложить ваши соображения письменно». На следующий день я передала Карен свои письменные соображения по поводу статьи. Я не согласилась с выводами ее автора. Карен, видимо, была не очень довольна моим письменным ответом. Сухо поблагодарив за откровенность, она, однако, спросила: «А вы не ошибаетесь?» Я твердо ответила: «Нет, не ошибаюсь».

В тот день Марина Васильева пришла в Комитет госбезопасности уже по вызову.

Следователь не сказал ей об аресте Ольги — для Марины она уехала домой на зимние каникулы. Но по характеру некоторых вопросов Васильева стала догадываться о повышенном интересе к жизни иностранной студентки. И откровенно рассказала все, что знала, что думала о своей подруге.

Разговор был долгим и касался, конечно, не только Ольги, но и ее самой. Может, впервые здесь, лицом к лицу со следователем, отвечая на его вопросы, Марина остро ощутила, какая опасность висела над ней.

А впереди еще один трудный разговор и неожиданное для нее, поистине ошеломляющее открытие.

После допроса ее проводили в кабинет Птицына. Марина не удивилась встрече с ним. Она решила, что допрос будет продолжен. Васильева стояла перед Птицыным усталая, растерянная, поникшая, и бледное лицо ее выражало глубокое душевное волнение.

Птицын предлагает ей сесть, а она все еще стоит, словно не слышит или не понимает его слов. А Александр Порфирьевич повторяет:

— Садитесь же! Вот так... Кофейку не угодно ли? Воды? Извольте...

Она выпила стакан воды.

— Вы не волнуйтесь. Самое страшное позади. Я разговаривал со следователем. Он сказал, что ваши показания для дела важны, и при этом подчеркнул их объективность и откровенность. Со своей стороны я признателен вам за то, что вы в тот раз сами пришли к нам. Вы и тогда были искренни, но я не мог быть с вами откровенным до конца. На это были свои причины. Теперь они отпали. Сейчас я могу сообщить вам нечто такое, что должен был скрывать от вас... — Птицын запнулся на какое-то мгновение, окинул взглядом удивленное лицо Марины и продолжал: — Дело в том, что Николай Андреевич Бахарев — наш сотрудник. Больше того, он работает под моим началом и действовал по моим указаниям...

Уже не удивление, а изумление на лице потрясенной девушки. Она силится что-то сказать, но, видимо, не может. Нет сил, нет слов. Перехватило дыхание, комната расплылась в каком-то тумане. Марина судорожно уцепилась за край стола. Сейчас на ее лице можно было прочесть не только изумление, но и досаду, гнев и даже страх. Большие глаза ее вопрошали: «Зачем же так?..» И, перехватив ее взгляд, Птицын говорит:

— Поймите, товарищ Васильева, так было надо!

...В тот вечер Марина несколько раз подходила к маленькому столику в углу комнаты, поднимала телефонную трубку и начинала набирать номер. Наконец она решилась и все же позвонила Бахареву. Она слышала его нетерпеливый голос: «Алло! Алло! Кто говорит?» Не ответила. Молча опустила трубку на рычаг. И вдруг в ее почти потухших глазах сверкнула надежда. Марина снова звонит Бахареву и глухим голосом говорит:

— Николай Андреевич! — Так она называет его впервые. — Я все знаю. Меня вызывали на допрос. Я была у вашего шефа... Мне сказали: «Так надо было...» Это и ваше мнение?

Бахарев не сразу ответил. На какое-то мгновение ему захотелось весело, как он это обычно делал при встрече с ней, выпалить что-нибудь этакое, приятное, успокаиваю-

щее. Но он не выпалил. Помедлив, сдержанно, с трудом скрывая душевную теплоту, сказал:

— Марина... Ты пойми... Это все очень сложно...

— Мне ясно, — отчужденно-холодно отчеканила она. — Значит, и ты так считаешь... Значит...

— Никаких «значит», Мариночка! Ты должна все понять... — Бахарев умолк, словно подыскивал самые лучшие сейчас слова.

Никогда еще так остро не ощущал он, насколько глубоко и полна его привязанность к этой девушке, столь необычно и сложно появившейся на его пути. Бахарев весь день готовился к этому разговору с ней. Он уже знал о встрече Птицына с Мариной. Знал о реакции генерала Клементьева на эту встречу. Бахарев находился в кабинете Александра Порфирьевича, когда к концу рабочего дня подполковнику позвонил генерал. Клементьев интересовался, как прошла беседа с Васильевой и, в частности, что сказали ей о Бахареве, сумели ли объяснить все... И, судя по выражению лица Александра Порфирьевича, генерал был чем-то недоволен.

— Черт те что получилось, — отхлебывая горячий кофе, бурчал расстроенный Птицын. — Докладываю генералу: объяснили, мол, девушке коротко и ясно. Сказал: «Так надо было». А генерал не без иронии заметил: «Это все, что вы могли сказать ей, Птицын? Маловато... Думал я, что для девушки, перенесшей столько горестей, найдете слова потеплее. — И добавил: — Позвоните ей и попросите, если может, пусть завтра придет ко мне». И нам с тобой велено быть там. И Крылову. Об остальном, сказал, сам позаботится. Вот так... Ну, чего молчишь? Ишь как сияет товарищ Бахарев...

...Бахарев продолжает все на той же ноте:

— Мариночка, ну что же ты молчишь? Я взываю к твоему разуму и сердцу. Разрешите мне сейчас приехать к тебе...

— Нет, не надо... Нужно все обдумать.

— Да, это все сложно, но объяснимо. Я хотел бы... Алло! Алло! Кто нас разъединил?

Разъединила Марина. Не попрощавшись, она положила телефонную трубку. Затем, тяжело ступая, подошла к балконной двери, прижала голову к холодному стеклу — на улице шел мокрый снег. Стала прислушиваться: не раздастся ли телефонный звонок? Нет. Бахарев не звонил.

Тишина! Только слышно, как по оконному карнизу без конца тенькает ледяная капель.

Ее вывел из оцепенения звонок. Она бросилась в переднюю к телефону. «Николай... Пусть приезжает немедленно!» Но это звонил Птицын.

— Марина! Сможете ли вы еще раз приехать к нам завтра? Когда? Когда вам удобно... Хорошо, в три часа.

...Бледная и взволнованная, переступила она порог большой светлой комнаты. Генерал поднялся, зашагал ей навстречу.

— Здравствуйте, Марина! Рад вас видеть. Только хмуриться не надо. Знакомьтесь: Крылов Иван Михайлович. А с этими товарищами вы, кажется, уже знакомы. — И, улыбнувшись, кивнул в сторону Бахарева и Птицына.

Марина смущенно, растерянно оглядывается по сторонам. На длинном полированном столе — ваза с красными розами. Коробка конфет. Что все это значит? Зачем ее сюда позвали? А генерал продолжает:

— Присаживайтесь... Вот сюда... Что будем пить: кофе, чай? Николай Андреевич! Вы себя неприлично ведете — рядом такая девушка, а вы словно в рот воды набрали и никакого внимания. Я-то в ваши годы... Прошу вас...

Бахарев краснеет и что-то несвязное бормочет в ответ.

...Вот уже минут пятнадцать Марина сидит за этим длинным столом в обществе четырех чекистов и никак не может понять: зачем, собственно, ее сюда пригласили?! Генерал расспрашивает о занятиях в институте, интересуется здоровьем мамы, ее работой, настроением.

— Я очень рад, что у вас дома все в порядке, что все тяжкое осталось позади... Ваша мама молодец. Передайте ей привет и наше пожелание доброго здоровья. А теперь хотелось бы несколько слов сказать вам, Марина... Вы, вероятно, догадываетесь — мы пригласили вас сюда не только для того, чтобы угостить чашкой кофе. Мы не без вашей помощи провели нелегкую операцию. Распутали сложный узел. Ваша роль при этом была трудной. Жизнь вас не баловала с детства. Но вы на очень важном рубеже смогли подавить чувство страха и пришли к нам, отбросив сомнения, колебания... Спасибо вам за это. У нас, Марина, суровая служба. И веления ее суровы. Что подделаешь? Порой приходится подавлять проявление самых сильных человеческих чувств... Простите за это небольшое отступ-

ление. Полагаю, что вы меня поняли. Поняли, к чему все это сказано...

Генерал допил чашку кофе, встал с места, прошелся по кабинету и вскользь, словно только сейчас вспомнил, обронил:

— Мы тут вчера посоветовались с руководством и приняли решение вручить вам этот скромный сувенир. — Он протянул ей часики, на крышке которых было выгравировано: «Марине Васильевой — от друзей». — И еще один сувенир, на мой взгляд, куда более дорогой. Вот эти розы... Их уж пусть вам вручает Николай Андреевич. Впрочем, служебный кабинет — не лучшее место для столь лирической акции. Бахарев сегодня свободен, и сам решит, где их вручить. Николай Андреевич! Проводите, пожалуйста, Марину... А заодно постарайтесь помочь ей понять все, что еще осталось для нее неясным. Только не прибегайте, пожалуйста, к категорическим формулам, вроде: «Так надо было». Никому еще точно не известно, так ли надо было или чуть-чуть, самую малость, но не так. А пока не смею задерживать... Впрочем, я совсем забыл: у вас, Марина, могут быть просьбы, вопросы?

Она благодарно взглянула на высокого, скорее, долгового обаятельного человека и покачала головой:

— Просьб нет, а вопросы... Что ж, вы, кажется, мудро все решили... И время поможет... Спасибо вам... И за сувениры... и за уроки...

ПРАВО ХОДИТЬ ПО ЗЕМЛЕ

ПРОЛОГ

Мысли перепутались... Ужасная горечь невероятного открытия комом стояла в горле. Зачем она приехала сюда? Убедиться, что этот человек — преступник? Столько лет — и одно лишь предательство, ложь, целая жизнь, сплетенная из лицедейства... Зачем он жил? Что ему было дорого? Чего он хотел в своей никчемной жизни? И какой ценой?..

Она стояла на обочине тротуара, жадно вдыхала холодный воздух, пытаясь остановить, успокоить бешеный бой сердца, наметить план действий, принять окончательное решение — что делать?

Потом пошла узкой, протоптанной в снегу тропинкой к остановке автобуса на Суколовском шоссе. Шла медленно, усталой походкой. Она не замечала острого ледяного ветра, биемого в лицо жесткой снежной крупой, шла каким-то ломким механическим шагом, изо всех сил стараясь сбросить с себя тягостное бремя незаконченного разговора. Да что там кончать! И так все ясно. Надо позвонить. Она вспомнила, что на остановке автобуса видела телефонную будку. Да, надо позвонить — ей одной не развязать этот туго затянувшийся узел.

Принятое решение позволило наконец стряхнуть опеченение. Она натянула перчатку и прибавила шагу. На слабо освещенном пустыре было безлюдно, раздавался лишь свист ветра да позади — негромкий скрип снега под ногами — звук чьих-то шагов.

Она вспомнила его перекошенное от ненависти лицо, сладкий ласковый голос, какие-то нелепые, лицемерные, визгливые слова...

Скрип снега позади усилился, кто-то нагонял ее, но не было сил и желания обернуться, она лишь слегка по-

сторонилась на узкой тропинке, чтобы пропустить... Господи, как противно!.. Теперь все. И она довольна, что ей удалось все это понять, теперь все, теперь можно...

Она не успела додумать, потому что в это мгновение ощутила резкий, острый толчок в спину, горячую боль в груди, и мир раскололся на части — оглушительный звон, чудовищный грохот полыхнули в ушах. Желтые тусклые фонари на автобусной остановке ракетами взлетели в черно-серое заснеженное небо, стремительно закружились огненной каруселью лампы в окнах домов, и пронзительный звон умолк. И все исчезло...

Шарапов говорит медленно, не спеша, оглаживая и ровняя слова языком, лениво проталкивает их между губами. Поэтому у него в разговоре нет восклицательных знаков, изредка — вопросительные и бесперечье — тире. Шарапов долго думает, потом веско заканчивает:

— Нет, махорочка, что ни говори, штука стоящая. Возьми вот сигареты нынешние, особенно с фильтром. Крепости в них никакой — кислота одна. Изжога потом. Кислотность у меня очень нервная — чуть что не по ней, сразу так запаливает — соды не хватает. А из махры к концу дня свернешь «козу», пару раз затянешься — мигом мозги прочищает.

— Ну и как, прочистило сейчас?

— Трудно сказать...

Тихонов нетерпеливо барабанит пальцами по стулу:

— Непонятно, непонятно все это...

Шарапов спокоен:

— Поищем, подумаем, найдем.

— А если не найдем?

— Это вряд ли. И не таких находили...

— Тогда давайте думать! А не вести беседы про махорку!

Шарапов протягивает руку, снимает с электрической плитки закипевший чайничек.

— Ты, Тихонов, грубый и невыдержанный человек. И молодой. А я — старый и деликатный. Кроме того, я — твой начальник. Таких, как ты, — у меня тридцать. И с вами со всеми я думать должен. Поэтому думать мне надо медленно. Знаешь ведь, в каком деле поспешность потребна? А тут много непонятного.

Тихонов перелистывает первую страницу картонной папки, надписанной аккуратным канцелярским почерком: «Уголовное дело № 2834 по факту убийства гр-ки Т. С. Аксеновой. Начато — 14 февраля 196* года. Окончено . . . . .» И говорит:

— Хорошо. Поехали с самого начала...

Часть первая

ПОНЕДЕЛЬНИК

1.

Ветер успокоился, и снег пошел еще сильнее. Было удивительно тихо, и эту вязкую, холодную тишину внезапно распорол пронзительный скрипучий вопль. Потом еще раз и еще, как будто кто-то рядом разрывал огромные листы жести. И смолкло.

— Что это? — спросил Тихонов постового милиционера.

— Павлины. Их тут, в Ботаническом саду, в клетке держат. Прямо удивление берет — такая птица важная, а голос у нее — вроде в насмешку.

— Ладно. Дайте-ка фонарь.

Тихонов нажал кнопку, и струя света вырубил в се-ребристой черни зимней ночи желтый, вспыхивающий на снегу круг, перечеркнутый пополам человеческим телом. Тихонов подумал, что в цирке так освещают воздушных гимнастов. Он опустился на колени прямо в сугроб и увидел, что снежинки, застрявшие в длинных ресницах, в волосах, уже не тают. Глаза были открыты, казалось, женщина сейчас прищурится от яркого света фонаря, снежинки слетят с ресниц и она скажет: «Некстати меня угораздило здесь задремать».

Но она лежала неподвижно и с удивленной улыбкой смотрела сквозь свет в низкое, запеленутое снегопадом небо. А снег шел, шел, шел, будто хотел совсем запорошить ее каменеющее лицо. Тихонов легко, едва коснувшись, провел по ее лицу ладонью, погасил фонарь, встал. Коротко сказал:

— В морг...

2.

Тихонов держал сумку осторожно, за углы, медленно поворачивая ее под косым лучом настольной лампы. Черная кожа, блестящий желтый замок в тепле сразу же покрылись матовой испариной. Комочек снега, забившийся в боковой сгиб, растаял и упал на стол двумя тяжелыми каплями.

Стас щелкнул замком и перевернул сумку над листом белой бумаги. Сигареты «Ява», блокнот, шариковый карандаш, коробочка с тушью для ресниц, десятирублевка, мелочь, пудреница, белый платочек со следами губной помады. Из-за этого платка Стас почувствовал себя скверно, как будто без разрешения вошел в чужую жизнь и подсмотрел что-то очень интимное. Даже не в жизнь — сюда он опоздал. Он пришел в чужую смерть и, уже не спрашивая ни у кого согласия, будет смотреть и разбираться — до самого конца.

Из бокового кармашка сумки Тихонов вынул удостоверение и конверт. В коричневой книжечке с золотым тиснением написано: «Аксенова Татьяна Сергеевна является специальным корреспондентом газеты... И сбоку — фото: лицо с большими удивленными глазами и улыбкой в уголках губ. Тихонов подумал, что обычно фотографии на документах почему-то удивительно непохожи на людей, личность которых они удостоверяют. А эта — похожа. Даже после смерти. Конверт был без марки, со штампом «Доплатное» и московскими штемпелями отправки и получения. Внутри лежал лист бумаги, неаккуратно вырванный из ученической тетрадки «в три косых». Размашистым почерком: «Вы — скверная и подлая женщина. Если вы не оставите его в покое, то очень скоро вам будет плохо. Вы поставите себя в весьма опасное положение».

Тихонов покачал головой: «Неплохое начало...» «Москва, Теплый переулок, д. 67, кв. 12. Аксеновой Т. С.».

Тихонов снял трубку:

— Адресное? Тихонов из МУРа. Дайте справочку на Аксенову Татьяну Сергеевну, журналистку... Так, так. Все правильно. Нет, это я не вам. Спасибо.

Обратного адреса на конверте нет. Письмо было получено два дня назад.

В блокноте исписаны только первые две страницы. Собственно, не исписаны, а изрисованы. Какие-то фигур-

ки, половина человеческого корпуса, потом незаконченный набросок одутловатого мужского лица. И отдельные короткие фразы, слова между рисунками: «Корчится бес», «Белые от злобы глаза», «Старик Одуванчик», «Страх растворяет в трусах все человеческое», «Ужасно, что все еще...»

Тихонов пробормотал себе под нос:

— Как жаль, что я не владею дедуктивным методом...

3.

...— Гражданка Евстигнеева, расскажите теперь все по порядку.

— С самого начала?

— С самого...

— Значит, Нюра приехала ко мне насчет холодильника...

— Нюра — это Анна Лапина?

— Ну, конечно! Кто же еще! У нее очередь на ЗИЛ, а у меня на «Юрюзань». Она, значит, говорит, что, мол, твоя очередь еще не скоро, а у меня...

— Надежда Петровна, начните с того момента, как вы вышли на улицу.

— Так, пожалуйста! Значит, полдевятого Нюра стала собираться, а я ей и говорю: «Давай до автобуса провожу». А дом мой, значит, прямо напротив гостиницы «Байкал», наискосок немножко. Я говорю Нюре: «Ты здесь не садись на автобус, здесь всегда народу полно. Пошли лучше через пустырь, там последняя остановка двадцать четвертого. Все сойдут, а ты сядешь, вокруг гостиницы объедешь, зато до самого центра сидеть будешь. За пятак как в такси поедешь». Ну, и пошли, значит. Тропинка там утоптана...

— Скажите, пожалуйста, тропинка прямо к автобусной остановке выходит?

— Нет, остановка на Суколовском шоссе. А на краю пустыря, значит, дом шестнадцать стоит. Вот как его обойдешь, тут и остановка будет. Мужчина этот самый еще у начала тропинки нас с Нюрой обогнал. А впереди-то и шла убитая.

— На каком расстоянии от вас шла женщина, которую убили?

— А кто его знает? Вам же точно надо? А я разве

меряла. Думаю, что шагов пятьдесят. А может шестьдесят. Если б заранее знать...

Тихонов внимательно слушал, стараясь тщательно рассортировать все, что говорила эта расстроенная пожилая женщина. Ведь она и ее подруга Анна Семеновна Лапина были единственными очевидцами убийства.

— Как выглядел мужчина?

— Как? Обыкновенно проде. Высокий, в кепке, пальто, кажись, было темное...

... — Гражданка Лапина, а вы не разглядели его лицо?

— Да где же? Темно ведь. Тропинка узкая, я спиной к нему повернулась, когда он нас обгонял.

— По тропинке двое рядом могли идти? Или одному надо было посторониться?

— Так я ж про то и говорю! Одному отступить надо было, не то нога в снег проваливалась.

— А какая сумка у него в руке была?

— Да это, по-моему, и не сумка вовсе, а чемоданчик. Вот вроде как студенты носят.

— Вы бы могли этого человека опознать?

Женщина подумала, помялась:

— Не, боюсь грех на душу взять. Темно ведь было. Так и в тюрьму человека ни за что упечь можно.

— Так просто человека в тюрьму не упекают... Давайте дальше. На тропинке вас было четверо: вы с Евстигнеевой, перед вами мужчина, перед ним — та женщина...

— Правильно. Когда дошли до середины пустыря, женщина уже подходила к самому краю, а мужчина ее нагонял. Потом пошел впереди. Потом подняла голову, смотрю — ни его, ни ее не видать. Прошли мы еще немного, а она, горемыка, глядь, лежит на снегу. А его уж и след простыл.

— Давайте еще восстановим последний момент, когда все были на тропинке. Вы видели, как он обгонял женщину?

— Да, видела.

— После этого они сразу исчезли из виду?

— Нет. Я еще видела, как он шел немного впереди, а она сзади.

— Сколько метров было приблизительно от вас до них?

- Да, так, если на глаз, метров пятьдесят, наверное.
- А от них до дома шестнадцать?
- Метров тридцать, — неуверенно сказала Лапина.
- Если мы выедем на место, вы сможете показать, где вы все находились?
- Думаю, что смогу...

4.

«...ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Я, судебно-медицинский эксперт Сорокин, на основании изучения обстоятельств дела и данных судебно-медицинского исследования тела гражданки Аксеновой Т. С., двадцати восьми лет, с учетом:

1) характера раневого канала, направленного сзади вперед, сверху вниз, несколько слева направо и слепо заканчивающегося на внутренней поверхности четвертого левого ребра;

2) особенностей краев раны — круглой формы, ровных, без осаднения;

3) наличия в левой лопаточной кости округлого отверстия, повторяющего форму оружия, диаметр которого соответствует размеру раны;

4) отсутствия поясков осаднения и ожога, — прихожу к заключению, что смерть Аксеновой наступила в результате проникающего ранения левого легкого и сквозного ранения сердца с последующей тампонадой его, причиненного длинным (не менее 17—18 см) остроконечным орудием, действующим по направлению своей продольной оси, вероятнее всего, толстым шилом...

Тихонов даже присвистнул:

— Ничего себе! Шилом!

Шарапов еще раз внимательно просмотрел акт экспертизы.

— Да-а, дела...

У Шарапова привычка такая: «да» он говорит вслух, будто обдумывая следующее слово.

— Шилом. Надо же! Так что у тебя есть, Стас?

— Вот смотрите, Владимир Иванович: план, составленный по обмеру и показаниям Евстигнеевой и Лапиной на месте убийства. Длина тропинки — сто восемнадцать метров. Тело Аксеновой лежало на расстоянии двадцати четырех метров от дома шестнадцать. Обе свидетельницы

утверждают, что неизвестный обогнал Аксенову метров за десять-двенадцать от этого места. Это-то и непонятно. После того, как он ударил ее шилом в спину — больше ведь и некому, — она сделала еще около двадцати шагов и упала, даже не вскрикнув.

Шарапов осмотрел лист с одной стороны, потом зачем-то перевернул его вверх ногами. С обратной стороны лист был покрыт столбиками цифр; они умножались, складывались, делились, вычитались.

— Что это за арифметика?

Стас прищурил глаз от дыма.

— Да пришлось вспомнить — «пешеход вышел из пункта А в пункт В, через час следом за ним выехал велосипедист...»

Шарапов кивнул:

— Понял. Что получили?

— Исходные данные у меня очень приближенные. Я сделал три варианта: на разную скорость ходьбы убийцы, убитой и свидетельниц. Потом три варианта на разную засечку интервалов, через которые Евстигнеева и Лапина видели Аксенову и убийцу на тропинке. Потом привел их к средним результатам.

— И что?

— Несообразность. Лапина говорит, что, взглянув в последний раз перед собой, никого на тропинке не увидела. А убийцу, по моим расчетам, она должна была увидеть. Уже после того, как Аксенова упала.

— Ладно, поехали на место...

5.

Все длилась эта бесконечная ночь. Снегопад немного стих и прожектор с оперативной машины просвечивал почти всю тропинку — от дома шестнадцать до корпусов гостиницы «Байкал».

Шарапов сказал:

— Здесь она упала. Ему осталось пройти всего метров десять — потом он исчез в тени от дома шестнадцать. Видишь, дом заслоняет свет фонарей на шоссе. Поэтому Лапина его и не видела.

— Может быть, — сказал Тихонов. — Но что-то здесь не то...

Он махнул рукой — и прожектор на оперативной машине погас.

Мгла непроницаемая, прошитая белесыми стежками снегопада, повисла над пустырем.

Они прошли по тропинке до шоссе, где ветер на столбах с визгом раскачивал фонари. Последней дорогой Тани Аксеновой, которую она не прошла до конца. Здесь снегопад сатанел совершенно, мокрые снежинки липнули к лицу, лезли в рукава и за шиворот. Хлопнула сухо, как затвор, дверца машины, и Шарапов сказал:

— На Петровку...

ВТОРНИК

1.

Ключ слегка заедало в замке, и, чтобы открыть дверь, его надо было быстро покрутить несколько раз налево-направо, подергать туда и обратно. Тихонов чертыхнулся, но ключ повернул все-таки нежно, дверь открылась. В кабинете было сине от утренних зимних сумерек и холодно. «Черти хозяйственники, — меланхолично подумал Стас, — окна, наверное, заклеют к Первомаю». Стекло покрылось толстой узорной изморозью. Не снимая пальто, Тихонов подошел к столу и включил электрическую плитку. Медленно, лениво вишневила спираль, теплые струйки воздуха стали ласкаться о покрасневшие замерзшие пальцы. «Перчатки на меху надо купить», — так же безразлично подумал Стас и сразу забыл об этом. Снял пальто, толстый мохеровый шарф бросил на спинку стула. После вчерашней ночи он чувствовал себя разбитым. От теплого воздуха плитки его снова потянуло в сон. «Хорошо бы пойти в ночные сторожа. Сидишь себе в тулупе, в валенках, в малахае на свежем воздухе. И спишь. Красота. А утром сменился — и снова спишь. Лафа!» Стас засмеялся тихонько, вспомнив это слово. Во время войны у всех мальчишек высшую меру блаженства обозначало слово «лафа». А потом, так же неожиданно, как и появилось, исчезло.

Тихонов потянулся изо всех сил — затрещали суставы. Бабушка говорила в детстве: «Смотри, выскочат все кости из гнезд, будешь вбок-поперек расти».

Тихонов встал, походил по кабинету. Начнем обзавивать автобусное хозяйство. Звякает диск телефонного аппарата.

Шесть цифр:

— Пожалуйста, дайте начальника эксплуатации.

Шесть цифр:

— Попросите к телефону старшего диспетчера.

Шесть цифр:

— Линейную службу прошу.

Шесть цифр:

— Начальника четвертой колонны. А! Очень приятно.

Говорит старший инспектор МУРа Тихонов. Нет, нет, с вашими ничего не случилось. Вы мне сообщите, пожалуйста, каков интервал движения двадцать четвертого маршрута в районе Владыкина между двадцатью и двадцатью одним часом. Сколько? Одиннадцать минут? Так. Теперь второй вопрос. Сообщите фамилии водителей, проехавших Владыкинский конечный круг с двадцати часов двадцати минут до двадцати часов сорока пяти минут. Записываю. Гавриленко — двадцать двадцать шесть, Демидов — двадцать тридцать семь, Ласточкин — двадцать сорок восемь. Спасибо. Когда они работают сегодня? Очень хорошо. До свидания.

Так... Шоферы будут в пять. Поеду к Аксеновой домой. Ну и разговор мне там предстоит! У родных такое горе, а мне ведь детали нужны. Ладно, поеду, посмотрю по ситуации...

2.

Тихонов вышел на Петровку, обогнул Екатерининскую больницу, двинулся по Страстному бульвару к Пушкинской площади. На воздухе сонливость прошла. Негромко поскрипывал под каблуками снег, заваливший скамейки высокими «купецкими» перинами. Стас на ходу зачерпнул ладонью ком тяжелого мягкого снега, скатал тугой жесткий шарик и бросил его в ствол старого развесистого тополя. Снежок с хрустом разбился, с ветвей посыпались пышные белые хлопья. Впереди шла высокая тощая старуха. Она обернулась и сказала хрипло:

— Ты что, со вчера не проспался? Ишь, бездельник, шутки придумал!

Стас быстро ответил:

— Миль пардон, мадам!

Старуха погрозила прямым пальцем, похожим на обгорелый сучок:

— То-то!

Тихонов знал эту старуху. Летом она прогуливалась на веревочке по Страстному бульвару огромного рыжего петуха по имени Пьер. Обычно старуха громко беседовала с этим дурацким Пьером по-французски. Поэтому, чтобы не связываться сейчас с ней, Стас сразу выложил все свои познания во французском. Помогло. Стас подумал, что каждому человеку, видимо, отпущен какой-то лимит любви и он должен непрерывно расходовать его, чтобы не разрушить баланс своей жизни. Очень это обидно: людям нужно еще так много доброты и любви, а кто-то любит бессмысленного рыжего петуха...

Около стеклянного навеса кинотеатра «Россия» толпились первые зрители. В витрине «Известий» вывешивали фотомонтаж «Вчера и завтра Якутии», школьники положили на снег у памятника Пушкину цветы. Тихонов сел в троллейбус. На Кропоткинской сиреневым облаком поднимался над бассейном пар, мятыми светлыми кругами еще горели над водой прожекторы. По Метростроевской, с лязгом размахивая кривыми железными руками, ползли снегоуборочные машины, и шоферы самосвалов, глядя, как проседают под грудами снега кузова, кричали:

— Ха-а-рош!

Москва жила своей жизнью.

Тихонов поднимался по лестнице медленно, останавливался на площадках, прислонившись к дверям, думал. Больше всего его страшила минута, когда он позвонит и из-за двери спросят: «Кто там?» Кто там? Десятки раз раньше звонил, спрашивали, и он отвечал: «Откройте. Из уголовного розыска». Иногда в ответ можно было получить через дверь пулю или плотный заряд дроби. Так убили Толью Панкратова. Молодой был совсем, забыл, что отвечать надо, стоя сбоку от двери. Мерзкий холодок под ложечкой в таких случаях не проходит никогда. Но и к этому привыкаешь. Нельзя только привыкнуть к необходимости сказать кому-то, еще неизвестному, за дверью: «Ваша дочь сегодня убита...»

Ну, Стас, так кто там? А?

Капитан милиции Тихонов, двадцати восьми лет, холостой, последний год в комсомоле, по мнению начальства, способный работник, по собственному убеждению — человек, еще не нашедший своего призвания и не решивший начать новую жизнь.

Самое глупое, до чего может додуматься человек, — это решить начать новую жизнь. Стас знает это точно. Волевые люди, принявшие такое решение, мучаются долго, пока не выработают какие-то эрзацы, хотя бы внешне не похожие на прошлое. И продолжают спокойно и весело жить по-старому. А вот с невольными людьми — просто беда. Стас — человек безвольный. Часто он просыпается с твердым решением начать новую жизнь, обдумывает все ее аспекты в троллейбусе, по дороге на работу. Вместо обычной шутки Стас сухо козыряет постовому в воротах и не бежит по лестнице на четвертый этаж, а дожидается лифта. Открывает вечно барахлящий замок в своем кабинете, садится за стол и обдумывает рапорт начальству об увольнении из милиции. Потом прикидывает, кем он сможет работать на гражданке. Лешка Пинчук, бывший следователь первого отдела, стал корреспондентом «Московской правды», Тихонравов — заместителем директора самолетостроительного завода. По общим вопросам, конечно. А Иван Петренко пошел администратором в цирк. Правда, Петренко не сам ушел, а выгнали его из милиции...

Потом раздумья Стаса обрывает телефонный звонок, и тягучий голос Шарапова гудит мембраной в трубке:

— На проспекте Мира вооруженное ограбление сберкасс. Инкассатор ранил одного из бандитов. Ты — старший группы. Савоненко, Ластиков и Дрыга с тобой. Давай в темпе.

Тихонов почти автоматически вскакивает, передергивает затвор своего «макарова», засовывает его на ходу в задний карман брюк и бежит вниз к оперативной машине. И ныряет с головой в колготу розыска, преследования, звонков, обысков, опознаний. А вечером, поднимаясь в лифте к себе домой, он прислоняется к красной исцарапанной стенке, потому что ноги дрожат от усталости и уходящего напряжения, и думает, что Дрыгу надо завтра послать домой к вернувшемуся из тюрьмы Колоне-Иконостасу; а Лепилина-эксперта надо заставить сделать новые снимки в косопадающем освещении: на сейфе были следы; и поехать со следователем к прокурору — получить санкцию на обыск у Галки-Миллионерши, а фарцовщика Берем-Едем надо взять прямо утречком... Знаем, куда золотые диски поплыли! И еще надо, надо, надо...

Стас падает в постель и засыпает мгновенно, не успев подумать, что так и не начал сегодня новую жизнь и прошедший день был похож на десятки других. Об этом он вспомнит только утром. Но завтра об этом будет некогда думать. Завтра дело будет в разгаре. О новой жизни придется подумать, когда дело закончится и наступит пауза. Но тогда позвонит Шарапов, как позвонил вчера:

— Стас, женщину убили во Владыкине...

Тихонов поднялся до четвертого этажа, остановился, вынул из кармана записочку: «5 этаж, квартира 12». Все, надо идти. Он повернул на последний марш и увидел, что дверь в квартиру открыта. Стас вошел в прихожую. Здесь стояли тихие, заплаканные люди. Значит, опоздал. И впервые Тихонову стало легче от того, что кто-то его опередил. Полный мужчина негромко говорил по телефону, иногда голос его срывался на визг:

— Это же не люди, а бюрократы, я вам говорю! Это же что-то невозможное! Я же сказал, чтобы автобус послали в морг!

Он с маху брякнул трубку на рычаг и повернулся к Тихонову.

— Здравствуйте. Арон Скорый, заведующий редакцией. Иначе говоря, заместитель главного редактора по хозяйственной части. Ах, какое горе! Кто бы мог подумать! Вы, если не ошибаюсь, Константин Михайлович?

— Нет. Я, наоборот, Станислав Павлович. Но это не имеет значения.

— Видит бог, что да, не имеет. Перед горем все равны. Да-да-да.

«Вот привязался Скорый-Почтовый-Пассажирский, — с досадой подумал Стас. — А кто же это Константин Михайлович? Она вроде незамужняя...»

— Простите. — Он отодвинул расстроенного толстяка и вошел в комнату.

Седая женщина, повязанная черной косынкой, сидела в углу на диване. Взгляд совершенно остекленел. Она не плакала, а только тихонечко раскачивалась и повторяла беспрерывно:

— Донюшка, моя донюшка, за что же ты меня так? Таточка моя нежная, за что же ты? Что мне жить без тебя? Донюшка моя, донюшка...

Около нее, обняв за плечи, сидела девушка с опухшими красными глазами и говорила:

— Ну, мамочка, дорогая, перестань! Перестань, мамочка...

Женщина все время раскачивалась.

— Донюшка моя светлая, солнышко мое, Таточка, убили меня вместе с тобой, Таточка...

Стас осторожно прошел к окну. Вдруг женщина подняла голову и увидела Тихонова:

— Вы с работы Таточкиной?

Стас немного растерялся, неожиданно остро почувствовал свою неуместность здесь и сказал угрюмо:

— Я из милиции.

Женщина смотрела на него долго, внимательно, и Стасу стало нестерпимо страшно — такое чудовищное страдание было в этих набрякших выцветших глазах.

— Подойди, сынок, — сказала женщина вдруг охрипшим голосом. Стас подошел. — Наклонись. — Стас нагнулся, она провела ледяной ладонью по его лбу, и он сразу вспомнил, как ночью прикоснулся рукой к уже окоченевшему лицу Татьяны.

— Дочку мою, Таточку, убили, — сказала женщина тихо. И тут что-то хрустнуло в ней, и она в голос, от всего рвущегося сердца закричала: — Уби-и-ли-и! Донюшку мою! Кровиночку мою родную!

Девушка обняла ее, охватила крепко, как будто хотела остановить рвущийся из нее крик.

— Мамочка, перестань! Ты убьешь себя!

— Ой, Галенька, что жалеть-то мне? Убили меня сегодня, не хочу больше жить. Зачем жить мне? Как домой пойду, если завтра положат ее в землю ледяную?

Какая-то старуха громко зарыдала. Стас окаменел. Женщина повернулась к нему:

— Сынок, дожить хочу только, как поймают этого ирода! Если не поймаешь его, зря живешь ты на земле. Слышишь, это мать тебе говорит!

Галя крикнула:

— Ну зачем ты, мамочка! Посмотри, на человеке и так лица нет.

— Ни на ком сейчас лица не должно быть! Галюшка, человека убили! Дочь мою убили! Все люди на земле кричать должны — человека убили! Какого человека уби-и-ли-и-и!..

...Тихонов целый час расспрашивал в соседней комнате Галю обо всем, что могло иметь отношение к убийству Тани. Ничего, ничего, ровным счетом ничего девушка не могла сообщить полезного. Уже перед самым уходом вспомнил:

— А кто такой Константин Михайлович?

— Это Ставицкий — Танин приятель. Одно время они даже пожениться хотели. Но он скрыл от нее, что был женат. А она врунов ненавидит. Вот и пошло у них вкривь и вкось. Но все-таки они видятся иногда...

Девушка не замечала, что говорит о Тане, будто она должна скоро прийти...

3.

Тихонов шел по улице, раздумывая, где лучше встретиться с шоферами — поехать в парк или перехватить их на остановке «Владыкинский круг». Оба варианта имели свои плюсы и минусы. В парке можно было поговорить обстоятельно — на линии водителей поджимал график. Но встреча на остановке психологически целесообразней — им придется вспоминать только нить событий — обстановка же полностью сохранялась. С этим нельзя не считаться. Впрочем, подумал Стас, если это не пройдет, вызову их на Петровку и попробую копнуть глубже.

Он приехал во Владыкино задолго до пяти и решил еще раз пройти по тропинке. На том месте, где упала Таня, снег был уже плотно утопан, по тропинке деловито шагали люди. Стас дошел до гостиницы «Байкал», бессознательно считая шаги. Потом повернул обратно. Здесь она упала. Лапина говорит, что вот тут убийца еще шел впереди. Сколько же шагов сделала Таня со смертельной раной в сердце? Тропинка заворачивала за дом шестнадцать и кончалась на автобусной остановке. Евстигнеева помнит, а может быть, ей кажется, что она помнит, будто сразу после того, как они нашли Таню, раздался гул уходящего автобуса.

Шофер Гавриленко не помнил.

— Бес его знает! У меня длинных мужиков в черных пальто и кепках, почитай, сотня за день проедет...

Тихонов на него и не очень-то рассчитывал. Машина Гавриленко ушла в двадцать двадцать шесть. А Евстигнее-

ва говорит, что они вышли из дома минут двадцать девятого. За шесть минут они дойти почти до самой остановки не могли. Убийцу, вероятнее всего, увезли Демидов или Ласточкин.

Увез Демидов. Толстый, с маленькими серыми глазами и красным носом в голубоватых прожилках, он говорил спокойно, ковыряя каблуком кирзового сапога снег около кабины.

— Когда народу много, еще совестятся. Вроде все на тебя смотрят — давай пятак. А как пассажиров сзади нет, так некоторые мимо кассы все боком шмыгнуть поровят. Проездной, мол. А я двадцать девять лет в автобусе баранку кручу — меня хрен обманешь. Я «зайца» издаля вижу и сразу ему по радио в салон: «Гражданин, предъявите проездной билет или опустите деньги за проезд в кассу». Так вот этот, что вы спрашиваете, этот — нет. Он вошел аккурат вот здесь, и еще какая-то старуха тоже. Старуха пятак в заднюю кассу бросила, а он стоит, в карманах мелочь копает, билет брать не торопится. Я микрофон включил и говорю: «Граждане, приобретайте абонементные книжечки стоимостью пятьдесят копеек на десять поездок. Они экономят ваше время». Тут он подошел к окошечку, засмеялся и говорит: «Батя, давайте сэкономим мое время», — и купил книжечку. Опустил билетик в кассу, вернулся ко мне и говорит — окошечко у меня открыто было:

— А гетеродин, батя, в радиоле твоей менять надо. А то смотри, хрипом своим распугаешь всех пассажиров.

Это он верно заметил: динамик мой — ни к черту. Вот и все. Потому и запомнил. А так бы — нет. Много же людей — и молодых, и длинных, а про пальто черное и говорить не стану. Вообще-то, парень вроде приличный...

Рассудительный дядя, молодец. Тихонов спросил:

— А где сошел этот парень?

— Ну-у, этого я, конечно, не заметил. Народу на следующей остановке много село, да и ни к чему мне смотреть за ним. А вообще-то, ежели не секрет, на кой он вам ляд сдался?

— Дело в том, что, по всей видимости, этот «приличный» парень, перед тем как сел в ваш автобус, убил человека...

— Ну-у! Этот парень?! Да-а-ют, бандюги... И ограбил?

— Не думаю. Скажите, Иван Михалыч, узнали бы вы этого парня?

— А то как же! Я же с ним разговаривал...

— Ладно. Если вспомните еще что-нибудь или новости какие появятся — позвоните мне по телефону девяносто девять — восемьдесят четыре. Фамилию свою я вам уже сказал — Тихонов. Всего хорошего.

— Всего. Если будет чего, уж конечно позвоню...

Зимний день догорел, стало совсем темно. Вспыхнула зеленая световая вывеска на крыше гостиницы, зажглись фонари на Сусоколовском шоссе. Небо расчистилось немного, и в рваных прорехах сизых облаков стало видно беспокойное мерцание скупых маленьких звезд. Сильно похолодало. Тихонов ежился на пронизывающем ветру, тер руками покрасневшие уши. Долго стоял на остановке, пропуская гудящие, наполовину пустые автобусы. О чем-то думал. Потом махнул рукой и сел в очередную машину. В тепле его разморило, и снова захотелось спать. Он приехал на Петровку, поднялся к себе. От смены холода-тепла его была мелкая противная дрожь. Стас снял телефонную трубку.

— Тихонов у аппарата. Дайте, пожалуйста, запрос на Ставицкого Константина Михайловича. Постарайтесь подготовить к завтрашнему утру.

СРЕДА

1.

Газетно-издательское объединение находилось в огромном сером доме с галереями, длинными балконами, круглыми окнами. Дом был похож на старый пассажирский корабль, во время наводнения случайно попавший на городскую улицу и застрявший здесь навсегда.

Тихонов знал, что редакция газеты помещается в левом крыле на четвертом этаже. Он шагал по коридору, раздумывая о том, какие можно было бы здесь устроить замечательные велогонки.

На бесчисленных дверях белели таблички с фамилиями. Рядом с туалетом почему-то висела черная стеклянная табличка: «Ходи тихо. Работают». У входа в комнату

четыреста четырнадцать было написано: «Беляков С. Н., Степичев Ю. М., Аксенова Т. С., Пушкина А. Н.». Тихонов коротко постучал.

— Войдите...

В комнате за одним из столов сидел парень лет тридцати, в красивом дубленом полушубке. меховая шапка с длинными ушами валялась рядом на стуле.

— Мне нужен заведующий отделом Беляков.

Парень повернул к нему кудрявую светлую голову с худым хищным профилем:

— Беляков вышел. Будет через полчаса. Я — Степичев. Могу быть полезен?

— Да, можете. Я — Тихонов из МУРа.

— Садитесь сюда, это Танин стол. Подождите немного, я сейчас закончу свои дела и — к вашим услугам.

Танин стол был завален какими-то газетами, исписанными листами, гранками, вырезками из журналов, на шестидневке были расчеркнуты и загнуты листы. Крышка с чернильного пузырька была свинчена, в нем торчала обкусанная деревянная школьная ручка. Под стеклом на столе большая цветная фотография: космонавт гасит купол парашюта на бесконечном, залитом солнцем поле. И надпись на фотографии: «Доброму и умному товарищу, прекрасному человеку, Танюше Аксеновой...»

Степичев разбирал на своем столе какие-то бумажки, быстро читал, некоторые складывал в верхний ящик стола, остальные рвал. На угол сложил стопку потертых блокнотов. Позвонил куда-то и попросил приготовить досье по Таймыру. Задвинул ящик, запер, ключ положил на стол Белякова.

— Все. Можно ехать. — Он сел верхом на стул, достал пачку сигарет, протянул Тихонову.

— Спасибо, не курю. Далеко собираетесь?

— Таллах, Северный Таймыр. Гидростанцию и металлургический комбинат пускать будут. Там-то все в порядке, а вот у вас как — по-прежнему ничего?

— Ноль. На вас надеюсь — думаю, поможете. Вы когда последний раз Аксенову видели?

— В понедельник, около пяти.

— Потом она ушла?

— Нет, я ушел первым. Таня еще оставалась. Я ее звал ужинать — она сказала, что ей надо поработать.

— Больше никого в отделе не было?

— Нет. Собственно, заходил Беляков. Но он в понедельник был «свежей головой», так что в отделе почти не показывался.

— Как это — «свежей головой»?

— На каждый номер выделяется человек, который приходит, когда верстка номера уже готова и вылавливает из него «ляпы».

— Понятно. Вы не обратили внимания, какое у Тани было настроение в этот день?

Степичев пожал плечами:

— Трудно сказать. Вроде бы нормальное. Она ведь вообще была очень спокойной.

— Спокойной или флегматичной?

Степичев взмахнул сигаретой:

— Это, знаете ли, только в школьном учебнике люди разбиты на четыре подкласса: флегматики — холерики, меланхолики — сангвиники. В жизни сложнее подогнать человека под эти рамки. Таня была обычной молодой женщиной — веселой, добродушной. И, кроме того, когда вот так внезапно погибает близкий человек, в первое время почему-то уходит из памяти самое главное. Мелочи какие-то, остаются пустяки.

— Вы не знаете, были у нее враги?

— Не думаю. Недоброжелатели какие-нибудь, наверное, как у всякого человека, были. Но такие, чтобы убить, — вряд ли.

— А что она в понедельник днем делала?

— Сейчас подумую. Дай бог памяти. Так, с утра она писала отчет о командировке...

— Простите, а когда она приехала из командировки?

— В субботу утром. Таня ездила на лавсановый комбинат в Ровно, неделю там была. Привезла очерк. Да! Говорила, что нашла какой-то поразительный материал для рубрики «На моральные темы», но что-то ей еще должны были не то прислать, не то она должна была проверить. Я сам был в закрутке и как-то пропустил это мимо ушей. Да оно, собственно, сейчас уже не имеет значения...

Стас спросил как бы между прочим:

— Аксенова не замужем?

— Нет. У нее был один человек. Не знаю даже, как его назвать, — жених, что ли.

— Вы о Ставицком говорите?

Степичев взглянул на него удивленно:

— А вы уже о нем знаете?

— Пока очень мало. Я как раз и хотел что-нибудь интересное о нем узнать.

— Да ничего, по-моему, в нем нет интересного! Актер! Таким всю жизнь не хватает одной роли, чтобы стать знаменитыми.

— Я хочу вам напомнить — мы об обстоятельствах убийства почти ничего не знаем. Нам лишь известно, что Таню убил высокий молодой человек в темном пальто с чемоданчиком в руке, — сказал спокойно Стас.

— Во-первых, Ставицкий ходит в сером пальто, а во-вторых, я не верю, что он может быть к этому причастен.

— Во-первых, я вам не сказал, что подозреваю Ставицкого, — мне просто надо лучше знать людей из окружения Аксеновой. А во-вторых, в уголовном розыске «Не верю!» — это не аргумент. Мы предпочитаем факты.

— Видите ли, я его не люблю и не могу быть объективным. А вам необъективность сейчас может только навредить. Да и действительно я его очень мало знаю. Встречался с ним несколько раз, и мне он не понравился. По-моему, просто хлыщ, который дома снимает с себя интеллигентность, как пиджак. Мне иногда казалось, что Таня его терпит, потому что дала себе слово сделать из него человека. А может быть, я и неправ, не знаю...

2.

Беляков вошел в комнату стремительно, рывком. В руках он держал сырой еще отпечаток газетной полосы. Беляков был очень мал ростом, очень прям, очень озабочен.

— Здравствуйте, товарищ Тихонов. Я — прямо из типографии.

— Стас встал, шагнул навстречу.

— Сидите, сидите. Вот здесь мы даем Танин очерк, который она привезла из командировки.

На желтоватом листе бумаги выстроились колонки сереньких букв, аккуратно огибая белые пятна, куда втиснуты клише фотографий. Сбоку шел высокий трехколонник, названный «Много ли человеку доброты надо?». Под заголовком — фамилия Тани в траурной рамке и жирным шрифтом официальное: «Когда верстался этот номер, тра-

гически погибла молодая талантливая журналистка Т. С. Аксенова. Читатели хорошо знают...»

Степичев поднялся.

— Ну, я поехал, — он обнял Белякова за плечи, пожал Стасу руку, — желаю удачи.

— Из Норильска телеграфируй, — сказал Беляков.

— Пока.

Дверь захлопнулась, и долго еще из коридора доносились четкие шаги Степичева.

Беляков снял очки и, высоко подняв их, стал протирать платком. Как у всех очень близоруких людей, глаза у Белякова без очков сильно скапывались к носу и лицо становилось незащищенно голым. «Глазные мышцы от постоянного напряжения слабеют», — подумал Стас.

Беляков надел очки и снова стал руководяще озабоченным.

— Мы потрясены этой трагической, нелепой гибелью, — сказал он и доверительно добавил: — Наш главный хочет снестись с вашим руководством на предмет выделения группы самых сильных оперативных работников для расследования этого из ряда вон выходящего дела.

— Благодарю за внимание, — усмехнулся Тихонов, — только самых сильных мало, а преступлений еще вполне хватает. Так что, если все самые сильные будут заниматься одним делом, для преступников будет не жизнь, а малина. Кроме того, мы занимаемся не следствием, а оперативным розыском преступника. Следствие ведет прокуратура.

— Не обижайтесь, товарищ Тихонов. Я, наверное, неудачно выразился. Я просто хотел сказать, что этому убийству надо уделить чрезвычайное внимание.

— Я не обижаюсь, товарищ Беляков. А что касается чрезвычайного внимания, то оно уделяется у нас всякому убийству.

— А как вы думаете, поймают убийцу?

— Я за это зарплату получаю, — сказал зло Стас и вспомнил спокойное параповское: «Найдем. И не таких находили».

— А все-таки случается еще, что такие преступления остаются нераскрытыми?

— Случается.

— Вот видите!

— Что я вижу? Убит человек. Надо выяснить, почему. Тогда уже будет проще найти — кто убил. Для этого берем всю совокупность объективных обстоятельств вокруг убитого и отмечаем все лишнее — налицо мотив и субъект преступления.

Беляков смотрел недоверчиво — разыгрывает его оперативник, что ли? Стас говорил спокойно, слегка улыбаясь, скрывая душившую его злость.

— Да-да, как у Родена — берем каменную глыбу и отсекаем все ненужное.

— Но ведь это, наверное, дьявольски трудная задача, — растерянно произнес Беляков.

— Нет. Если привыкнуть, то ничего, — успокоил Стас, подумав: «Ох, милиция, милиция! Горький, черствый хлеб!»

По лицу Белякова было видно, что он в Стаса не верит. «Медаль надо было надеть», — усмехнулся про себя Стас.

— Все это так непостижимо, нет никаких логических объяснений всему свершившемуся, — сказал Беляков и очки его запотели. — Даже не знаю, как вы это распутывать будете. Боюсь, уйдет убийца от кары.

Больше всего Стаса бесило, что Беляков молод. Ну, старый, какой-нибудь пенсионер со сквера, обыватель доминошный бормотал бы такое — понятно. Но молодой совсем парень — это уж черт те что! Только бы не сорваться, спокойно:

— Как я понимаю, вы хотите получить от меня расписку в том, что я обязуюсь найти убийцу. Такой расписки я вам не дам. И никто не даст. Потому что я — человек. И всякий другой оперативник — молодой или старый — только человек. Поэтому мы можем ошибаться, не знать, не понимать, не предвидеть. И все-таки мы ищем и, как правило, находим.

— Каким же образом? — с интересом спросил Беляков.

— На моей стороне закон, все люди, общественное мнение, — устало сказал Тихонов. — Наконец, я человек, а он — волк, человеко-волк, и рано или поздно мы его загоняем за флажки.

— Да-а, это по-своему убедительно, хотя довольно общо, — упрямо сказал Беляков.

— Ладно, предлагаю эту криминалогическую дискуссию перенести на внеслужебное время. Я хотел бы с вашей помощью ознакомиться с архивом Тани Аксеновой...

Около трех часов Стас задвинул последний ящик стола, откинулся на стуле. Все. Не нашлось ничего интересного. Беляков тоже устал от напряжения — он расшифровывал Стасу некоторые непонятные Танины записи.

— Вот посмотрите ее последний блокнот. Она забыла его у меня на столе, уходя в понедельник.

«Предпоследний, — подумал Стас, — последний был у нее в сумке».

Он взял из рук Белякова красную ледериновую книжку, долго листал. Записи и пометки о людях, каких-то кораблях, атомной электростанции на Чукотке, сказка о диком олене Хоре и очень много фраз — вставочек, наподобие режиссерских ремарок: «Гораздо больше экспрессии», «Это одеяло лжи, сшитое из лоскутков правды», «Потеря темпа», «Врет так интересно, что не хочется спорить».

Видимо, у Тани была привычка механически записывать отдельные мысли. Уже в самом конце шли наброски очерка о людях Ровенского комбината, который завтра будет напечатан в газете. На последней странице написано: «М. П. Синев, А. Г. Громов, Шурик, А. Ф. Хижняк», «Говорят, что микробы проказы могут прожить в организме, объективно не проявляясь до пятнадцати лет», «В плотине моральных устоев открылся слив для всех человеческих нравственных нечистот», «Трусость — детонатор жутких поступков». Какие-то птички, галочки. Больше ничего нет.

— Тут тоже ничего нет, — вернул Стас Белякову блокнот. — Скажите, Аксенова не заявляла в план каких-либо материалов, связанных с проблемой преступности? Или, может быть, с судьбами жертв фашизма?

— Нет. Это вообще не относится к тематике нашего отдела. А проблемами фашизма занимаются международники... Она мне сказала, что сдаст какой-то интересный материал, но я в понедельник был очень занят...

— Когда вы видели Таню последний раз?

— Подождите, сейчас я точно скажу. Третью полосу приносят в половине шестого. Да, в половине шестого я

зашел в отдел, и Таня с кем-то говорила по телефону. Да-да, она еще мне показала рукой — подождите, мол. Но меня вызвали в секретариат, и я решил зайти позднее. Заглянул минут через сорок — ее уже не было.

— А о чем говорила Таня, вы не слышали?

— Видите ли, я не имею обыкновения слушать чужие разговоры.

— Жаль, — сказал Тихонов. — Жаль, что не нарушили в тот раз обыкновения.

В отделе кадров Стас быстро перелистал личное дело Аксеновой. Последняя характеристика для поездки в международный дом отдыха журналистов в Варну. «...Зарекомендовала себя... деятельный и инициативный журналист... ведет большую общественную работу, политически грамотна... морально устойчива...»

«Не придумаешь лучшего способа обезличить человека, — подумал Тихонов. — Смешные какие-то сохранились рудименты в нашей жизни. Характеристика! Кого она — такая — может охарактеризовать? И вообще это нелепо: хорошим работникам характеристики не нужны, их и так знают, а плохих характеристик, по-моему, вообще не дают...»

Кадровик спросил задумавшегося Стаса:

— Что-нибудь неясно?

— Неясно. Что обозначает, например, «морально устойчив»?

— Ну, как же! Значит, зарекомендовал себя хорошо...

— Деятельным и активным?

— Хотя бы. Устойчив в быту и на производстве. Не было аморальных проявлений, персональных дел там всяких.

— Замечательно, — усмехнулся Стас.

Последний листок в деле — выписка из приказа: «Командировать специального корреспондента т. Аксенову Т. С. в город Ровно на строительство химического комбината с 3/II по 10/II—196* г.»

Десятое — это какой день? Стас достал карманный календарь. Так, десятое — четверг. Значит, она должна была выйти на работу в пятницу, а Беляков говорит, что вернулась в субботу. Надо бы узнать, не объясняла ли она как-то задержку. Тихонов вернулся обратно по

коридору, но в комнате никого не было. На столе Белякова лежала записка: «Я на редколлегии. Буду в 17 часов». Стас взглянул на часы. Пора возвращаться на Петровку.

3.

Шарапов приоткрыл дверь в кабинет Тихонова: Стас внимательно рассматривал несколько документов, отпечатанных на машинке.

— Давно приехал?

— Час назад. Заходите, Владимир Иванович.

— Чего-нибудь привез?

— Так, кое-что. Как говорится в процессуальном кодексе, документы, «характеризующие личность».

Шарапов подошел к Тихонову, присел на край стула.

— Ну?

— В редакции у нее был. Почитайте ее характеристику. — Тихонов протянул фирменный бланк редакции. Шарапов почитал, прищурился:

— Да-а, для уголовного розыска здесь маловато...

— Здесь для кого хочешь маловато. Разве что для другого кадровика. Взыскание, видишь, было и три поощрения. Высшее образование у нее и вела общественную работу, а в самодеятельности не участвовала. Я, конечно, с товарищами ее беседовал — те, как о живой, о ней говорят. А мне сейчас важнее всего узнать ее живу. При наших исходных данных шансы выйти на убийцу минимальные. Мотив надо искать. Пока мы не установим мотив нападения, преступника не найти. Будем крутиться на одном месте...

— Пожалуй, — сказал Шарапов. — Хочешь, давай прикинем по вариантам. Ну, во-первых, ее могли убить из корысти.

— Вряд ли, — возразил Тихонов. — По обстановке преступник никак не мог ее ограбить — люди сзади шли. Да и сумочка Аксеновой при ней осталась. На богатое наследство тоже рассчитывать не приходилось...

Шарапов кивнул:

— Значит, отпадает. Тогда — ревность.

— Вот это очень возможно. Молодая, красивая. Мог какой-нибудь мерзавец загубить женщину — лишь бы другому не досталась. Мне вообще кажется, что мотив скрыт где-то в ее личной жизни. И письмо это...

Шарапов сказал:

— Пошли дальше. Хулиганство. Обстоятельства убийства вполне подходят для этой версии: разгулялся, пьянчуга, ну и ткнул шилом ни в чем не повинного человека...

— Могли убить, — продолжал Тихонов, — на семейной почве. Нет, это сразу отпадает...

— Остается еще убийство из мести или для сокрытия другого тяжкого преступления, — задумчиво сказал Шарапов. — Таких данных у нас пока тоже нет, но отбрасывать эти мотивы рано.

— Рано, — согласился Тихонов. — Ну, и последнее: эксцесс. Аксенову мог убить какой-нибудь сумасшедший, либо на нее напали по ошибке, приняв за другого человека.

Шарапов грустно улыбнулся:

— Прямо весь уголовный кодекс перебрали. Значит, какие оставим направления?

— Я думаю, что в первую очередь надо пройти по ревности и хулиганству. Потом будем думать о мести, это понятие широкое и многое охватывает. Попробуем проверить эксцессы.

— Конечно. — Шарапов подвинулся, повертел в руках характеристику. — Не забудь только: ее могли убить за то, что она слишком много знала о ком-то. В общем, работы нам, видимо, хватит...

4.

СВОДКА-ОРИЕНТИРОВКА

16 февраля 196 * года, № 138

...В отделениях милиции проверить, нет ли среди граждан, доставленных за хулиганские действия, мужчины, сходного по приметам с разыскиваемым. Ориентировать общественность, народных дружинников на выявление лиц, имеющих колющее оружие типа шила. Запросить все медицинские учреждения о поступлении больных, имеющих раны от такого оружия, для выяснения обстоятельств ранения.

Информировать о происшествии персонал психиатрических лечебных учреждений, так как не исключена возможность задержания с колющим оружием психически больных.

Уголовные дела о всех аналогичных преступлениях, в том числе и приостановленные, немедленно представить в Управление.

Зам. начальника Управления
полковник милиции Санин

5.

В середине дня дверь без стука растворилась и перед Тихоновым во всей своей пылающей рыжей красе возник оперативник из семьдесят третьего отделения Саша Савельев.

— Большой привет, — сказал он так, будто они расстались вчера, а не встречались последний раз год назад, когда брали в Останкине вооруженного рецидивиста по кличке Крот.

— Привет, — сказал несколько озадаченно Тихонов. — Ты как попал сюда?

— Да вот, начальство рассудило, что ты без меня никак не справишься. Решили двинуть меня на усиление. — Он смотрел на Стаса ласково-сочувствующе. Потом пояснил: — Понимаешь, Шарапов звонит мне сегодня и тонким голосом просит: «Помогите, пожалуйста, Александр Иванович, а то без вас Тихонов ни с места». Пришлось мне его уважить. Тем более, что убийство произошло на моей территории. Так что с сегодняшнего дня имеешь заместителя.

Тихонов засмеялся:

— А мне Шарапов ничего не говорил еще...

— Это он твои нервы бережет. Дает возможность привыкнуть.

— А что будешь делать, заместитель? — с интересом спросил Тихонов.

— Я себе уже обеспечил фронт работ. Ты что думаешь, мы сводок-ориентировок ваших не читаем?

— Думаю, что читаете. Давай ближе к делу.

— Я вчера одного парня задержал...

— Хорошее пачало — половина дела, — усмехнулся Стас.

— Вот и я так считаю, — серьезно кивнул Савельев. — Зовут парня этого Алексей Якимов. Не сахар, конечно, этот парень. Хотел меня бабахнуть молотком по голове. Представляешь, Тихонов, по такой голове — молотком?!

— Ужасно, — посочувствовал Тихонов. — А ты что?

— А я ничего, — сказал Савельев. — Связал я его. И водворил в камеру предварительного заключения.

Тихонов посмотрел на жилистую сухопарую фигуру Савельева и подумал, что Якимов необдуманно выбрал себе партнера для драки. Правда, не мог знать Якимов, что тщедушный на вид Савельев — признанный в своем районе самбист.

— А из-за чего у вас произошел конфликт? — спросил Стас.

— Он бульдозерист в стройуправлении. Зарабатывает хорошо, и как получка — начинается покорение Ермаком Сибири. Напивается и идет безобразничать в женское общежитие. К женщинам, видишь ли, Якимова влечет во хмелю. Я его еще в прошлом месяце предупредил: хоть одно заявление — и схватка будет переведена в партер...

— И, как я понимаю, заявление вчера поступило?

— По телефону. С воплями. На этот раз Якимов запер комендантшу общежития в стенном шкафу, а сам направился, заметьте себе, в душевую. По-моему, там в окошках полопались все стекла. От дамского визга. А потом приехал я, и все остальное тебе уже известно.

— Прекрасная история, — сердито хмыкнул Стас. — Не понимаю только, какое она имеет...

— Отношение к твоему делу? Самое прямое. Пять лет назад Якимов был осужден за нанесение тяжких телесных повреждений. Мне как-то и в голову не приходило посмотреть — что именно у него произошло тогда. А вчера я с ним занялся плотнее, посмотрел справку по его делу. Вот тут и прояснились некоторые подробности. Оказывается, в тот раз, будучи, как пишут в протоколах, в состоянии сильного алкогольного опьянения, он пристал на улице к совершенно незнакомому человеку и без всякого повода ударил его длинной, заостренной на конце отверткой. Теперь понимаешь?

— Н-да, интересно...

6.

Тихонов с сожалением отодвинул на край стола томик уголовного дела о хулиганстве Якимова. Очень, очень заманчивая напрашивалась аналогия... Вышел он на свободу недавно — и вот опять начал гастролить. Не его

ли работа — убийство Аксеновой? Способ нападения, во всяком случае, такой же. Но всю неделю Якимов работал вечерами. Да и приметы его отличаются от примет парня, которого видели Евстигнеева и Лапина. Все же на всякий случай надо поточнее проверить, где был Якимов в понедельник вечером.

Зазвонил телефон.

— Тихонов.

— Але, Тихонов, Демидов говорит.

— Да, да, Иван Михалыч, слушаю.

— Сейчас со мною снова ехал парень, про которого ты спрашивал, тем же рейсом...

Стас неожиданно охрип:

— Где он?

— А кто его знает? На Цветном, у цирка, из автобуса вышел. А сел здесь же, у «Байкала», из чемоданчика книжку достал и читал всю дорогу.

— Ах, черт возьми! Что же ты его не задержал?

— Так откуда я знаю — задерживать его или нет? У нас такого уговора не было. Ты ж позвонить в случае чего просил...

— Это верно, — сказал с досадой Тихонов. Подумал, переспросил:

— Тем же рейсом, говоришь? И с той же остановки?

— Двадцать тридцать семь. От «Байкала».

Тихонов подумал еще немного:

— Тогда вот что, Иван Михалыч. Завтра в это время мы с тобой поедem. Если парень войдет в машину, ты мне знак подай...

— Ладно. Посигналю два раза.

— Договорились. Привет.

ЧЕТВЕРГ

1.

Тихонов захлопнул дверь, но замок опять не выпускал ключ. Стас аккуратно поводил им сбоку набок, резко дернул на себя. Ключ вышел. Стас повернул голову и в длинном сумеречном коридоре увидел Шарапова, издали узнал его раскачивающуюся походку.

— Далеко собрался?

— Беседовать за жизнь со Ставицким.

— А чего ты его к себе не вызвал?

— Нецелесообразно. Когда я задаю ему вопросы у него дома — это милая беседа. Когда мы мило беседуем на Петровке — это допрос. А допрашивать его пока еще рано. Пока надо просто мило беседовать с ним.

— Ну, давай, собеседник! Ишь ты... — ехидно улыбнулся Шарапов.

В четверг с утра потеплело и снова пошел снег. Стас постоял на углу, прикинул: на Кузнецкий мост можно проехать сорок вторым троллейбусом. Можно пешком. Решил идти пешком по бульварам. Надо еще раз не спеша все обдумать.

Это дело пугало своей непонятностью, бессвязностью, отсутствием очевидных мотивов. Нет, это не хулиган просто так ткнул шилом. Когда ткнули шилом, эта история не началась, а закончилась. На заснеженном пустыре у гостиницы «Байкал» поставили точку. Какие-то незримые страсти давно бурлили подо льдом. А промыло лед на владыкинском пустыре. Но почему? И кто? Как это было записано в блокноте у Тани: «Микробы проказы могут жить в человеческом организме до пятнадцати лет...» Шарапов держит в ящике стола забавную головоломку — маленький разноцветный шарик. Достаточно дернуть за кольцо — и он распадается на дюжину причудливых частей. Стас в первый раз изрядно попыттел, пока сложил из них шарик. Но там были все части. Все. И он знал это заранее. А здесь? Стас уже прикинул десяток стройненьких версий. Из имеющихся фактов. Но достаточно было любую версию чуть натянуть на жесткую раму достоверности, как она начинала позорно трещать, обнажая прорехи очевидных домыслов. Придется идти единственным путем — искать недостающие части.

— Ничего, — упрямо сказал Стас, нажимая на кнопку звонка. — Мы этот шарик еще сложим...

Ставицкий оказался совсем не таким, как представлял себе Тихонов. Ничего в нем не было изнеженного и хлыщеватого. Высокий — вровень со Стасом — красивый парень открыл дверь, мельком глянул на удостоверение, спокойно сказал:

— Заходите. Я ждал вас.

— Это почему же?

— Было бы грубейшей ошибкой следствия не поговорить с человеком, который, быть может, лучше всех знал убитую.

Стаса неприятно царапнуло слово «убитая». Все-таки о любимом человеке!

— Вот я решил этой ошибки не допускать.

Стас снял пальто, замешкался, вроде искал, куда повесить. На вешалке висело серое короткое пальто, на сундучке лежала черная замшевая куртка.

Стас простовато улыбнулся:

— Извините за нескромный вопрос: сколько стоила эта куртка?

Ставицкий удивленно взглянул на него:

— Семьсот двадцать форинтов. Я ее в Венгрии купил. А что?

— Мне вот такую же предлагают. Девяносто рублей хотят. Дорого, наверное?

— Это дело любительское. Охота пуще неволи...

— Да я вообще не знаю, пойдет ли она мне. Черный цвет — боюсь, что при моей фактуре на факельщика буду похож.

— А вы примерьте эту.

— Можно?

— Конечно.

Стас натянул куртку, посмотрел в зеркало. Теплая, с подстежкой, шерстяным воротничком. До середины бедер. Сказал:

— И зимой можно носить вместо пальто.

— Можно, — ответил Ставицкий. — Хотя я в ней обычно только в машине езжу.

Помолчал, подумал, потом сказал:

— Ну, что, наверное, маскарад можно кончать? Куртка сидит неважно — оттопыривается пистолет в заднем кармане. А зачем вам надо было осмотреть мою куртку?

Стас быстро глянул ему в глаза, спокойно ответил:

— Куртку — не надо. Я хотел осмотреть себя в куртке. Мы же с вами одного роста. А насчет пистолета вы ошиблись. Это коробочка с мятными конфетами «Эвка». Угощайтесь!

— Вот и хорошо. Поставим все точки над «ё». Значит, подозреваете?

— Нет. Нет достаточных оснований. А вот серьезно поговорить — есть о чем.

Ставицкий сердито хмыкнул:

— Как же это вы для такой серьезной беседы пистолет не взяли?

Тихонов удобно уселся в кресло:

— А я его попусту с собой не ношу. Он же ведь, черт, тяжелый. Да и таскать его повсюду — потерять можно, голову потом за него снимут.

— Мне казалось, что вы без этого обязательного криминального атрибута никак не обойдетесь.

— Дело в том, что этот атрибут для меня такой же инструмент в работе, как для бухгалтера — счета или для вас — коробочка с гримом. Вы же не берете ее с собой, отправляясь в магазин или в гости?

— А вы пришли, чтобы прицениться к моей куртке?

— Нет. Я пришел к вам в гости. Правда, в гости ходят по приглашению. Но специфика работы понуждает меня пренебречь некоторыми условностями. Поэтому я решил лучше прийти в гости к вам, чем приглашать вас к себе. Так, мне кажется, лучше.

— Кому лучше?

— Вообще лучше, — сделал неопределенный жест рукой Стас.

— Видимо, вы полагаете, что допросы в неофициальной обстановке более эффективны?

— Я уже сказал, что это не вопрос. А что касается эффективности — несомненно. Я вам напомню о причине и цели своего визита, — тихо сказал Стас, и голос его стал жестким. — Убита при непонятных обстоятельствах женщина, которую вы, по моим сведениям, любили, на которой собирались жениться и были ею не так давно отвергнуты. Во всяком случае, я мог рассчитывать на вашу всемерную помощь в розыске убийцы. Поэтому я пришел сюда. В этой, как вы говорите, неофициальной обстановке она бывала много раз, здесь еще должно быть эхо ее голоса, и вы должны это помнить и рассказать мне все, имеющее отношение к делу.

— Но вы же подозреваете меня. Это кощунство!

Стас посмотрел на него и сказал:

— Подозрения, уложенные в рамки уголовного закона, являются только следственными действиями. И все! Вы мне лучше расскажите, что вы делали в понедельник вечером.

Ставицкий походил по комнате:

— В театре я был свободен. Позвонил Тане в редакцию около пяти, может, в половине шестого, предложил встретиться, поговорить. Она куда-то торопилась, сказала, что ей надо с кем-то увидеться. Велела позвонить в среду. Я поехал к Генке Григорьеву...

— Кто это?

— Мой приятель — тоже актер. Его не оказалось дома. Там рядом с ним кинотеатр «Прогресс». Делать было нечего — зашел на семичасовой сеанс. Потом поехал в ресторан, поужинал и отправился домой спать. Вы удовлетворены?

— Почти. Вы откуда звонили Тане?

— Из дома.

— Через сколько вы вышли?

— Вскоре. Минут через тридцать, наверное.

— Где живет Григорьев?

— На Ломоносовском проспекте.

— Каким транспортом ехали к нему?

— Четвертым троллейбусом.

— Итак, складываем: пять тридцать — вы звонили Тане, плюс полчаса на сборы — шесть. Минут пятнадцать ходьбы до остановки четвертого троллейбуса, плюс минут тридцать езды. Значит, без четверти семь вы были у Григорьева. Так?

— Так.

— Когда вы уходили из дома, кто-нибудь из соседей вас видел?

— Понятия не имею. Я как будто никого не встретил.

— Идемте дальше. Дома у Григорьева вас кто-нибудь видел?

— Нет, я же сказал, что его не было.

— А может, кто-либо из его родственников?

— Нет. Никто дверь не открыл.

— Ладно. Без пяти семь вы в кинотеатре. Какой демонстрировали фильм?

— Какая-то импортная белиберда.

— А точнее?

Видно было, что Ставицкий напрягся:

— «Вернись, Беата!»

— Прекрасно. Когда закончился фильм?

— Около девяти.

— Так это же короткий фильм. Что так долго?

— Журнал был длинный.

— Не помните, о чем?

— Новости науки и техники.

— Прямо из кино поехали ужинать?

— Нет. Была хорошая погода, снегопад, и я дошел до метро «Университет», а оттуда почти до моста через Москву-реку. Там сел в такси.

— В каком ресторане ужинали?

— Дома актеров. Приехал туда около десяти.

— Какой швейцар дежурил?

— Новый какой-то. Я его не знаю.

— Ладно. Вы не запомнили, кто из официанток вас обслуживал?

— Да, конечно. Надя. Она может подтвердить.

— К сожалению, она может подтвердить только то, что вы пришли в ресторан около десяти. Она же с вами не ездила к Григорьеву и не смотрела «Вернись, Беата!».

Покусывая губы, Ставицкий сказал:

— Что ж, алиби у меня нет. Но это еще ни о чем не говорит.

— Конечно, не говорит. А куртку свою вы когда последний раз носили?

— Недельку назад. А может быть, дней десять. Не помню. Если бы знал, что предстоит разговор с вами, повесил бы на нее табличку: «Ношено первого февраля с 17.30 до 22.00».

— Да вы не сердитесь, — миролюбиво сказал Стас.

— Посмотрел бы я на вас в моем положении, — зло дернул головой Ставицкий. Он достал из стенного бара небольшую пузатую бутылку, вытащил пробку. — Хотите попробовать? Это «Реми Мартин» — один из лучших в мире коньяков.

— Спасибо, я не хочу.

— А что, в вашем Скотленд-Ярде не пьют?

— В Скотленд-Ярде — не знаю, не был. А в МУРе — пьют. Только не на работе, — спокойно ответил Стас.

Ставицкий налил немного коньяка в высокий фужер. выпил разом, долго морщился, нюхая кусочек мармелада. Тихонов встал, подошел к окну. На улице шел снег, все было серо и тоскливо. Стас почему-то вспомнил, как школьный учитель Коростылев говорил: «Окно — две системы измерения, дающие нам возможность познать третью».

Ставицкий сказал вялым голосом:

— А Тани уже нет...

Тихонов обернулся. Ставицкий, понурившись, сидел в кресле. Потом взял сигарету и стал чиркать спичкой, но руки у него дрожали и спички ломались. Наконец затащился, и кадык на худой шее дернулся вверх-вниз. И весь он был уже не красивый и спокойный, а нервный, угрюмый и напуганный. Ставицкий несколько раз затащился и сломал сигарету в пепельнице:

— Про нее, про мертвую, трудно говорить. О мертвых о всех стараются говорить хорошо и забывают мелочность, жадность, всякую человеческую труху. Потому что, когда кто-то неожиданно умирает, люди вокруг пугаются — ведь и с ними могло такое приключиться! И они невольно проникаются признательностью к умершему — что это случилось с ним, а они вот живы. Оттого и говорят хорошо обо всех скопом — о хороших и плохих.

— Мрачноватая у вас философия, — буркнул Стас.

— Да бросьте, не философия это никакая. Просто меня злит, что о Тане будут говорить, как обо всех. А она совсем другая!

Ставицкий помолчал, закурил новую сигарету.

— Можете смеяться, если хотите, мне это безразлично. Но Таня была святая. Очень ироничная, очень веселая святая. А на ее работе это особенно трудно — быть святой.

— Быть святым вообще трудно, — пожал плечами Стас. — А почему ей — особенно?

— Она слишком много видела разного. А большое видение иногда порождает цинизм. Особенно у молодых. Таня шутя называла себя «прорабом человеческих душ»...

«Большое видение». «Цинизм». Красиво... Тихонов наклонился и сказал тихо:

— Простите, вы Таню Аксенову любили?

— Во-первых, сейчас это уже не имеет значения, а во-вторых, это мое, личное, и лучше этого не касаться.

— Несомненно. Но Таня убита при очень непонятных обстоятельствах, и я бы хотел знать о ней как можно больше. Ведь Танина смерть — это не только ваше личное дело.

— Понятно. Ну, условимся, что любил.

— Любили. Или условимся, что любили?

— Любил.

— Вы из-за Тани разошлись со своей женой?

— И это знаете?

— Я это знать обязан. Так как же?

— Нет, не из-за Тани. Просто тот брак был уже бессмыслен. Совершенно чужие люди. Елена не хочет этого понять до сих пор.

— Елена Букова, ваша бывшая жена, знала о ваших отношениях с Аксеновой?

— Да. На этой почве у нас были острые конфликты. Она требовала, чтобы я прекратил встречи с Таней и вернулся.

— Аксеновой это было известно?

— Нет. То есть в конце концов она узнала. Ей кто-то стал присылать анонимные письма. Думаю, что это работа Елены.

«Так. Это уже теплей», — мелькнуло в голове у Стаса.

— А почему вы сразу не рассказали обо всем Аксеновой?

— Ха! Надо было знать Таню. — Ставицкий налил себе еще коньяка, выпил. — Она бы сразу меня к черту послала. Она мне и так говорила: «Очень ты всегда красиво беседуешь...» А я уж так заигрался, что вел себя как школьник, прогулявший уроки, — все равно накажут, поэтому прогуливал все дальше и дальше, надеясь на какое-то чудо. Думал, что со временем это потеряет свою остроту и всякое значение. Это была, как говорится, ситуационно обусловленная ложь.

— А потом?

— Потом Таня получила какое-то письмо. Ну, а врать я больше не мог. И тогда пришел конец всему.

— Вы письмо это видели?

— Нет. Таня даже разговаривать со мной не захотела. Но я надеялся, что в среду все выяснится.

— Вы почерк своей жены хорошо помните?

— Да. А что?

— В сумке Тани я нашел письмо с угрозами. Она получила его за два дня до смерти.

— Но это не то письмо! То она получила месяц назад. Если можно, покажите мне его.

— Пожалуйста.

Дрожащими пальцами Ставицкий достал из конверта письмо. Взглянул мельком.

— Нет, это не ее рука.

— Вы посмотрите внимательней.

— Да что смотреть! Что я, почерка Елены не знаю? Слава богу...

— Прочтите письмо...

Ставицкий быстро пробежал письмо глазами, порывисто вскочил на ноги, затравленно глядя на Тихонова.

— Что скажете?..

— Я здесь ни при чем! — срываясь на фальцет, закричал Ставицкий. — Ни при чем, понимаете?!

— Не устраивайте истерик, — спокойно сказал Тихонов. — Я не слабонервный... Вот к чему приводит ваша «ситуационно обусловленная ложь»... Или как там вы ее называете.

— Вы не смеете... не смеете, — прошептал Ставицкий и неожиданно зарыдал, прикрыв руками лицо. Сквозь разорванную всхлипываниями фразу до Тихонова донеслись слова: — ...Смерть Тани — крест на мне... крест... до конца дней... — Потом подбежал к Тихонову и снова закричал: — Послушайте, вы не смеете думать, что я замешан в этом деле! Я не убийца!..

— Успокойтесь, — неприязненно сказал Тихонов. — Криком вы ничего не докажете.

Ставицкий опустился в кресло и снова закрыл лицо руками:

— Боже мой, боже... Как все это ужасно! Какой-то бессвязный нервный бред, как в пьесах Ионеско... — И добавил безразлично: — Впрочем, вы этих пьес не видели, у нас их не ставят...

— Отчего же, я их читал, — сказал насмешливо Тихонов. — И даже носорога в себе выискивал, как он рекомендует. Не нашел, правда. А, кстати, Шекспира вы давно перечитывали? Или Чехова, скажем? Ведь у вас в оперетте их тоже не ставят? А полезно было бы вспомнить... Там и о благородстве есть, и о человеческой глубине, и о любви тоже... О настоящей любви, я имею в виду... Ну ладно, давайте к делу. К письму, то есть... Значит, если предположить, что Букова имела к нему отношение, напрашивается вывод: такой щепетильный вопрос она могла доверить только очень близкому человеку. Кто может быть ей настолько близок?

— Вероятнее всего, это Зинка Панкова, ее подруга, — быстро, не задумываясь, сказал Ставицкий.

— А кто она, эта Панкова?

— Актриса, вместе с Еленой работает в театре музыкальной комедии...

Ставицкий налил себе еще коньяку. Глаза его влажно блеснули.

— Ужасно! Как ужасно все это!.. Невыносимо! С одной стороны — это ужасное горе, а с другой... Признаюсь честно, разговоры с вами отнюдь не содействуют душевному спокойствию. Ерунда, конечно... Главное, что в этой драме все так непоправимо...

Стас по-прежнему стоял у окна, смотрел на падающий непрерывно снег и думал: «Небольшой ты человек-то оказался. Не верю я твоему горю. Ладно, неси дальше свой дешевый пластмассовый крест...»

2.

Вернувшись к себе, Стас включил плитку, достал из сейфа несколько папок с уголовными делами, присланными ему для ознакомления из разных районов. Позвонил Саша Савельев. Но у него тоже ничего интересного не было.

Тихонов подумал, что надо бы еще раз внимательно осмотреть одежду Тани.

— Вот что, Савельев, — сказал Стас. — Ты мне заведи, пожалуйста, вещи Аксеновой. А от меня поедешь в домостроительный комбинат, точно разузнаешь, как Якимов провел понедельник.

— Насчет Якимова я уже интересовался, — ответил Савельев. — Он с пяти до одиннадцати вечера вместе с другими рабочими был в Свиблове: там они временный водопровод чинили...

В управленческой столовой было, как всегда, полно народу. Тихонов злился, но есть все-таки хотелось, и пришлось выстоять длинную очередь. Щи были почти холодные, зато шницель назывался «по-африкански». Шарапов уныло шутил, что его делают из львов пополам с хлебом.

После щей есть расхотелось. Тихонов лениво жевал невкусный шницель и думал, что надо было спросить Ставицкого о том, чем кормили в понедельник в ресторане. «Не верю, не верю я ему. Это не отчаяние, это душевная расхристанность», — пробормотал Стас и пошел наверх.

Савельев уже ждал его. Передав Стасу большую картонную коробку, он умчался по своим многочисленным делам. Стас включил свет, открыл коробку.

Черное мохнатое пальто с седым норковым воротничком. Крохотное отверстие в черной ткани, его только на свет и разглядишь. Серая шерстяная кофта. Крупные толстые петли, они образуют строгий, красивый узор.

А где же все-таки отверстие? Сразу и не найдешь. Впрочем, его может и вовсе не быть. Ведь если это шило, то острое могло пройти между петлями, раздвинуть их, не задеть ткань. Так оно, наверное, и было. Нет, вот отверстие. Маленькая круглая дырочка. Пятнышко крови. Красивая пушистая вещь, связанная крупными петлями...

Стас достал из стола сильное увеличительное стекло. Повертел в руках. Может быть, отверстия в одежде подскажут форму оружия? Нет, эта линза сейчас бессильна. Надо бы звякнуть экспертам-криминалистам, у них техника помощнее. Но уже поздно. Завтра.

3.

В половине восьмого Тихонов вышел на улицу. Синеватые пятна фонарей вырывали из промозглой снежной куролеси ссутулившиеся фигуры прохожих, размытые очертания неуверенно ползущих автомобилей, мохнатые купы деревьев над оградой «Эрмитажа». Тихонов поднял воротник. Ох и злится зима, прямо до костей пробирает сырая стужа. А Вася-шофер, как всегда, не спешит.

— Сто лет тебя дожидаться, — ворчит Стас, усаживаясь в машину. — Небось мозоли на руках от домино набил.

— Что-то вы не в духе сегодня, Станислав Палыч, — улыбается Вася. — Разве вы со мной опаздывали когда?

На автобусной остановке у «Байкала» Стас наметил себе дистанцию: от фонаря до фонаря — шестьдесят шесть шагов. Он ходит по тротуару, постукивая время от времени ботинком о ботинок, смотрит, прикидывает. Все-таки интересно — за три дня парень побывал здесь дважды. Бряд ли это случайность. Значит, реальные шансы встретить его здесь сохраняются. Это было бы ловко! Сразу же многое стало бы на свои места. Конечно, взять его — еще не все. Это еще пойдй докажи, что именно он убил Таню...

У остановки автобуса уже собралась небольшая очередь: немолодая женщина с ребенком, две девчонки-школьницы, два солдата. Двадцать двадцать шесть. Подторма-

живая и скользя по накатанному асфальту, к тротуару прижимается автобус. Машина Гавриленко. Со скрипом раскрываются створки задней двери, пассажиры торопливо поднимаются в машину, уехали. Опять один в этой проклятой ледяной крупе. Не встретил. Но парень поедет следующей машиной. С Демидовым. Должен поехать. Иначе какого черта здесь мерзнуть? Какие крохотные дырочки в пальто Аксеновой, в платье, в кофте. Всего несколько пятен крови. И нет человека. Глупо, нелепо.

Из-за угла дома показывается длинная мужская фигура, приближается к остановке. Следующий автобус — демидовский. Тихонову уже не холодно. Человек приближается, подходит к столбу остановки. Высокая цигейковая шапка-москвичка, темное, заснеженное на плечах пальто. Он? Какого черта, в нем же роста — метр с кепкой. Просто издали показался длинным и одет совсем по-другому. Нервишки, проклятые, играют. Хорошо было классику говорить — «учитесь властвовать собою». А где, интересно, учиться? На юрфаке эту дисциплину не преподают.

Тихонов зябко поводит плечами, спина, ноги замерзли. Очень холодно все-таки. Подходят, взявшись за руки, маленький крепныш-лейтенант и девушка в полосатой меховой шубке. Девушка ест мороженое и с увлечением объясняет лейтенанту, что «...Надька — такая врушка, всем говорит, будто она на втором курсе, а сама на первом, и в театр она ходила вовсе не с парнем, а со своей теткой, надо же!..» В очередь встали еще несколько человек. Они к тихоновским делам явно никакого отношения не имеют. Стас чувствует, что сейчас подъедет Демидов, а парня все нет. Вот бежит к остановке мужчина в сапогах и кожаной шубе, и тут же из-за угла показывается автобус. Это демидовский. Тихонов видит, как Демидов озабоченно вертит головой, встречается с ним глазами. Парня нет. Автобус стоит минуту. Наконец дверцы захлопываются. Тихонов бормочет чуть слышно: «Постой, постой еще минуту. Сейчас он подойдет». Демидов, умница, понимает. Автобус мелко дрожит, ждет. С неба просеивается белесая сырость, садится на лицо, на плечи, на окна автобуса. Вдруг щетка снегоочистителя делает широкий взмах, оставляя за собой влажный стеклянный полукруг. В нем — озабоченное лицо Демидова. Тихонов пожимает плечами и автобус трогается — у него расписание. Форсаж, голубоватая струя выхлопа у поворота. Уехал.

Надо ждать. В конце концов, Длинный — так Тихонов окрестил парня — с ним не договаривался ездить только на демидовском автобусе. Тихонов ходит по заснеженному тротуару, пальцы совсем окоченели, нос, щеки — отваливаются. Форс держим, шелковую маечку носим. Кисло бы нам сейчас в теплом белье было?.. Какая крохотная дырочка в кофте, даже петля не спустилась. Как ей, наверное, больно было! А может, сразу сознание потеряла? Нет, вряд ли. Ведь еще шагов двадцать прошла. Может, бежала? Нет, Евстигнеева и Лапина говорят — шла. Не спеша шла. Упала молча, руками даже не взмахнула.

Прошел автобус, еще один. Подвыпившая компания выбралась из гостиничного ресторана. Прошли мимо. Тихонов узнал, что в Красноярске шаплык куда лучше, чем здесь, а проект Нефедова все равно зарежут. Если не в главке, то в министерстве уж обязательно...

Дальше торчать тут глупо. Отложим до завтра. Голова, как утюг, тяжелая...

ПЯТНИЦА

1.

Тяжелая, обитая сияющей бронзой дверь неохотно открылась и табличка «Служебный вход» сразу потеряла свою магическую неприступность.

— Вам кого? — спросил швейцар, величественный, в седых бакенбардах и пижамной полосатой куртке.

— Либердей Гордеича, — буркнул Тихонов. Швейцар не понял, но переспрашивать не стал и указал рукой на лестницу. Тихонов поднялся на второй этаж и среди длинного ряда безымянных дверей быстро отыскал ту, на которой было написано: «Инспектор по кадрам». Заперто. Тихонов еще раз дернул ручку. По коридору шла женщина с ведром и щеткой.

— Чего дергать-то? Ведь заперто! Марианна Ивановна пошла за пирожками. Будет скоро. Ты сядь, подожди.

— Слушаюсь. Сяду, подожду.

Тихонов уселся на красный бархатный диванчик и стал рассматривать развешанные на стене фотографии актеров в разных ролях. Прямо напротив висел хорошо сделанный портрет — «Заслуженный артист Кабардино-Балкарской АССР К. М. Ставицкий в роли графа Люксембурга».

«Да ведь он же раньше тоже в этом театре работал», — вспомнил Тихонов. Ставицкий был в блестящем цилиндре, смокинге, с тростью и накинутом на одно плечо плащом. Красивый парень, ничего не скажешь. Потом подумал: «А все-таки алиби у вас нет, гражданин Люксембург». Тихонов встал и пошел вдоль стены, читая подписи под фотографиями. Ага, вот Букова... в роли Пепиты в оперетте Дунаевского «Вольный ветер». Букова была похожа на этикетку одеколона «Кармен» — с веером и завитой прядью на щеке. «Такие нам страсти бог послал», — покачал головой Стас. Почти в самом конце коридора он нашел портрет Панковой — Элизы Дулитл в оперетте «Моя любимая леди». Здесь Элиза уже не оборванка — она леди, элегантная, стройная, с очень умным лицом. Ну-ну.

Дверь в конце коридора вела на крутую железную лестницу. Стас спустился по ней и неожиданно оказался за кулисами. Здесь было полутемно. Причудливыми волнами застыли складки занавесов и кулис, чернел провал оркестровой ямы, зыбь партера уходила в глубину зала, где очень далеко ночными бакенами краснели буквы «Выход». Рабочий, возившийся где-то наверху, над сценой, кричал: «Электрики! Электрики, черти, луну снимайте!» И голос его бульжником катался в пустой бочке зрительного зала.

«Смешно, что мы часто не только не задумываемся над сущностью явлений вокруг нас, но даже не подозреваем о существовании у них какой-то оборотной стороны», — подумал Стас. — Нас четко держит в русле привычных представлений изначальная заданность событий и людей. В театре всегда должен быть праздник, на космодроме бывают только запуски, актер обязан всегда быть благородным и прекрасным. Причем заложено это так глубоко, что обычно и в голову не приходит спросить: «Почему?» Это аксиома, как точка, — обязательно пересечение двух прямых. Хорошо бы запретить аксиомы. Их придумали наверняка о-очень умные люди. Аксиомы мешают заглядывать за установленный ими предел...

Стас тряхнул головой и поднялся обратно по лестнице. Дверь — «Инспектор по кадрам» — была приоткрыта.

Стас представился пожилой женщине, сидевшей за старинным письменным столом.

— Мне нужно посмотреть несколько личных дел...

— Творческих? — деловито спросила инспектор.

— Как? — не понял Тихонов.

— Ну, служащих или артистов?
 — Артистов.
 — А в чем дело? Кто-нибудь проштрафился?
 — Да нет, что вы! — засмеялся Стас. — Просто в силу профессиональной любознательности.
 — А чье именно дело вам требуется?
 — Видите ли, я бы хотел посмотреть несколько...
 — Ясно, ясно, — догадалась Марианна Ивановна. — Вот шкаф с личными делами, кто вам нужен — ищите сами. Секретничаете все!

Тихонов сказал:

— Вы не обижайтесь, пожалуйста. Ведь у нас, в уголовном розыске, специфика: спросим иногда про Петрова, и уже готова версия: то ли у Петрова что-то украли, то ли он у кого-то украл. В общем, в какой-то краже Петров замешан...

Кадровичка засмеялась:

— Да ладно уж, я эту шутку еще в двадцатом году от артиста Александра Вишневого слышала. Трудитесь...

Тихонов взял несколько личных дел.

Букова Елена Николаевна. Анкета: тридцать два года. Образование — высшее. Копия диплома. Характеристика в девять строчек. Автобиография. Тоже несколько строчек: родилась, училась, поступила... Копии приказов: зачислить в театр, предоставить отпуск, объявить благодарность. Присвоить вторую категорию. Заявление об отпуске, еще одно. «Ей богу, — подумал Тихонов, — у швейной машинки паспорт и то разговорчивей: что она умеет делать, чего нет; когда хорошо работает, когда плохо; кому на нее жаловаться...» Тихонов вздохнул и вернулся к автобиографии. Четкий, почти каллиграфический почерк. «Выработанный», — вспомнил Тихонов термин экспертов-почерковедов. Не спеша, наверное, писала, выводила. А вот пропущенное заявление об отпуске. Здесь Букова явно спешила — зачеркивала, некоторые слова не дописывала. Все равно, строчки круглые, гладкие, как на школьной доске. Да, не густо.

Тихонов открыл тоненькую папку с надписью «Панкова З. Ф.». Так, Зинаида Федоровна, тридцати одного года, автобиография: школа, театральная студия, эстрада, театр. Присвоена вторая категория. Вот и все. Взысканий нет. Благодарность — «За творческие успехи» — ко дню Восьмого марта. Отпуск, еще отпуск, трудовая книжка. Все.

Ближайшая подруга Буковой. Задумчивая. Ставицкий говорил, что Панкова принимала очень близко к сердцу его разрыв с женой. В автобиографии, конечно, об этом ничего нет. И не может быть. Почерк какой корявый. Двоичницей, наверное, в школе была. Не то «К», не то «Н» — не разберешь, одинаково пишет. Постой, постой. Эти буквы кто-то еще пишет так же. «Н» похоже на «К», и «К» похоже на «Н».

Тихонов отложил папочку, полистал «для дела» еще несколько. Потом спросил:

— Скажите, пожалуйста, в какое время приходит в театр Панкова?

— Видите ли, Панковой сейчас нет в Москве. В Ленинграде у нее старушка мать. Недавно она серьезно заболела, и Панковой предоставили отпуск за свой счет. Завтра она должна выйти на работу.

— А когда она уехала?

— В понедельник вечером или во вторник утром. Я точно не знаю. Зине неожиданно сообщили о болезни матери, и она договорилась об отпуске с режиссером Колосковым по телефону.

— Ясно. Автобиографию Панковой и ее заявление я, с вашего разрешения, возьму...

— Тут, видимо, какое-то недоразумение. — Колосков, коротко стриженный молодой человек, нервничал. — Зины с понедельника нет в Москве, она уехала к больной матери.

Стас быстро просчитал в обратном порядке: четверг — раз, среда — два, вторник — три. Аксенова погибла в понедельник. Спросил:

— А как это произошло?

— Часов в десять вечера она позвонила мне домой, была очень взволнована. Сказала, что с матерью плохо и она немедленно выезжает в Ленинград. Зина просила оформить ей отпуск до пятницы.

— Значит...

— ...завтра она обязательно должна быть к двенадцати часам, у нас крайне ответственная репетиция.

Прямо из театра Тихонов поехал к Панковой домой, в Кривоколенный переулок. Дверь открыл представительный мужчина в сапогах и галифе.

— Зинаида Федоровна? Она в отъезде, — сказал он задумчиво. — Да вы заходите. Знакомый ей будете?

— В общем-то знакомый. А она давно уехала? — спросил Тихонов.

— Порядочно. Дня три-четыре, значит.

— Три-четыре?

— Да я вам точно скажу. В воскресенье, значит, я ей сказал, чтобы она жировку за свет и газ рассчитала — ее очередь. Она говорит: «Ладно, Павел Кузьмич, к вечеру сделаю». Смотрю — вечером ее нет. Известное дело — артисты! А в понедельник сидим, телевизор смотрим, слышу — дверь у нее хлопнула. Я сразу к ней в комнату, а она сидит на диване, чемодан пакует. Я, значит, ей: «Ты что, Зин, уезжаешь? А жировка?» Она говорит, закрутилась, мол, с делами, забыла. говорит, жировку вывесить. И дает ее мне. А сама уехала, на гастроли что ли, в субботу обещала вернуться.

— Что же она, прямо так в полночь и укатила? — вежливо удивился Тихонов.

— Да нет, часов одиннадцать было, аккуратно телевизор копчился, как я к себе зашел.

— Ну, спасибо, папаша, — сказал Стас, глядя через его плечо на листок с расчетом за свет и газ, прищипленный к кухонной двери. Теперь окончательно ясно, откуда эти корявые, совпадающие «Н» и «К». — Водички нельзя попить?

— Это пожалуйста, воды у нас вдоволь, вон из крана третий день течет, а слесарям плевать... — Сосед, бормоча, пошел на кухню. Стас протянул руку, отцепил от двери счет, опустил его в карман. «Состава преступления нет, — подумал он. — За малозначительностью кражи и отсутствием вредных последствий».

Пить совершенно не хотелось, но Тихонов цедил воду, невкусную, с запахом железа, леденящую зубы.

2.

На сей раз замок открылся сразу и это обрадовало Тихонова — замерзли руки и проделывать фокусы с ключом ужасно не хотелось. «За это я сейчас вызову наконец слесаря», — злорадно подумал Стас. Дуя на пальцы, он набрал номер комендантского отдела, но там никто не снимал трубку. Стас посмотрел на часы — обед. Замок в этот день починить было не суждено.

Тихонов уселся за стол, с удовольствием вытянул длинные ноги, снял телефонную трубку, набрал номер, подождал.

— Алло? Савельев? Ты чего не звонишь? Я? Давно пришел. Минут десять. Ну, ладно, ладно. Ты Демидову фото Ставицкого показывал? Не опознает? Значит, правильно. А чего мне не веселиться? У меня, мой друг, свои тайные радости. Теперь, старик, вся надежда на пассажира. Значит, в шесть ты, как из пушки, готов и ждешь моего звонка.

Потом достал из сейфа расчерченный на квадраты лист и стал аккуратно, с явным удовольствием густо заштриховывать клетку, в которой было написано «К. М. Ставицкий». Закончив, долго рассматривал лист, любясь своей работой. Сложил его, спрятал в сейф, щелкнул замком, надолго задумался...

3.

В Ленинградский уголовный розыск

ТЕЛЕФОНОГРАММА

18 февраля 196* г. 14 час. 25 мин. Исх. № 171ф

...По указанному адресу прошу срочно проверить факт болезни гр-ки Панковой Екатерины Сергеевны и пребывания у нее дочери — Панковой Зинаиды Федоровны. О результатах сообщите немедленно по телефону 99-84.

Передал — Тихонов

Принял — Петровцев

4.

Перед вечером пришла Трифонова, эксперт-трассолог из НТО.

— Нечем мне вас порадовать, Stanisлав Павлович. Очень уж трудную задачу вы мне задали.

— Простые я сам решаю, — усмехнулся Стас.

— Видите ли, Stanisлав Павлович, в подобных случаях ткань — очень плохой следовоспринимающий объект. Лишь в самых редких случаях она фиксирует форму оружия, которое на него воздействовало. Поэтому уже сейчас ясно, что по поводу повреждений на пальто и платье потерпевшей мы вам никакого заключения не дадим. —

Трифопова сняла очки и задумалась. Потом вздохнула и продолжала: — Что касается кофты, то тут особый разговор. Вы, конечно, знаете, что такое негативный след?

Тихонов хмыкнул что-то не очень определенное.

— Грубо говоря, это появление следа, которого не должно быть. И вот мне кажется, что на кофте есть такой след...

— Не понял, — честно признался Тихонов.

— Объясню, — терпеливо сказала Трифопова. — Вы мне вчера изложили механизм нападения, как вы его себе представляете и каким он выглядит по материалам дела. Кофта, которую вы мне передали для исследования, сделана из синтетической широковолокнистой шерсти методом крупной вязки. В этой кофте есть отверстие от оружия нападающего. Я провела эксперимент: шилами круглой и трехгранной формы я во многих местах прокалывала кофту...

У Стаса захватило дыхание.

...— и ни в едином случае отверстия в ткани кофты не оставалось. Это подтвердило мое предположение о том, что ткань подобного типа оказывает лишь косвенное, так сказать, побочное сопротивление острию оружия. Она пропускает его между отдельными нитями, проскальзывающими вдоль иглы шила...

— Но этого не может быть, — растерянно сказал Стас.

— Давайте поднимемся к нам в лабораторию, и я вам все покажу, — тихо сказала Трифопова.

Стас взглянул на часы. Без пяти шесть. Он снял трубку телефона, набрал номер:

— Савельев? Я задерживаюсь. Бери кого-нибудь и поезжай на автобусную остановку к «Байкалу». Жди не меньше часа. Я буду все время на месте.

Они поднялись на шестой этаж, прошли длинным коридором, заставленным какими-то громоздкими станками, приспособлениями, ящиками. В одном из простенков стояли изрядно помятый капот «Волги» и переднее крыло с разбитой фарой. Трассологическая лаборатория помещалась в двух маленьких компатах. Весь угол первой комнаты занимало огромное сложное сооружение. Оно было похоже одновременно на весы с товарной станции, токарный стапок и телескоп.

На полу вдоль стен были расставлены разные, вроде обычные вещи, являющиеся для кого-то страшными вещественными доказательствами: гипсовые следы чьих-то ног, сапог с четким отпечатком автомобильного протектора по голенищу; выпиленный из двери замок с явными следами взлома и рядом с ним ржавый, изогнутый в конце лопатки; жаровня с торчащими из нее шампурами.

«Чего только не стекается сюда со всего города, — подумал Стас. — Здорово похоже на лавку «Старье — берем!» Хотя, если вдуматься, понятие старья весьма относительно — сегодняшнее старье завтра неожиданно становится антикварной ценностью».

Стас улыбнулся и сказал:

— Вы знаете, Анна Сергеевна, я вот оглядел вашу контору и вспомнил, как давным-давно, когда я еще был мальчишкой, в нашем доме жил дворник — татарин Бабахан. И рассказывал он нам, пацанам, сказки, которые слушали мы, естественно, с восторгом. Несмотря на то что мужчин он обязательно называл «она», а женщин — «он». Помню, была у него сказка о том, как обидел багдадский халиф своего судью за справедливость его решений. Закинул судья от досады их багдадский УПК¹ в реку и открыл на базаре лавку старья, да не простую, а волшебную. Ходил он по богатым домам, и, если покупал в них вещь, добытую злом и насилием, превращалось все остальное в этом доме в хлам и рухлядь. А сама вещь стояла в лавке, пока не приходил настоящий хозяин, и, если он был добрый человек, волшебник превращал вещь в новую и возвращал ее ему. Вот вы, Анна Сергеевна, и есть тот самый багдадский волшебник.

— Да ну вас, Станислав Павлович. Вы всегда что-нибудь придумаете. — Трифоновой было под пятьдесят, но смущалась и краснела она, как девочка.

— Ну хорошо, — засмеялся Стас. — Вернемся к нашим баранам.

— Для начала давайте повторим эксперимент, Станислав Палыч, — сказала Трифопова.

Много раз, во всех направлениях, они прокалывали ткань кофты разными шилами и тут же внимательно рассматривали ее. Результат во всех случаях был один и тот же: от ударов не оставалось никаких следов, острие шила

¹ УПК — Уголовно-процессуальный кодекс.

беспрепятственно проскальзывало сквозь пушистые волокна.

— Да-а, что-то тут не то, — растерянно пробормотал Тихонов. — Но как же с отверстием?..

— Вот сейчас мы его рассмотрим под микроскопом, — сказала Трифонова и положила кофту на предметный столик прибора. — Поглядите, нити петли в том месте, где находится отверстие, обрезаны ровно, как бритвой. А вот экспериментальный участок, смотрите внимательно, я ввожу шило...

Между рядами нитей, напоминавших — под сильным увеличением — ровные липии бревен в плотах, Тихонов увидел огромный металлический стержень с зазубренным концом. Конец стержня спокойно раздвинул два соседних «бревна», и они, изогнувшись, легко скользнули по нему.

— И вот петля, которую я для пробы разрезала ножом, — сказала Анна Сергеевна, и Тихонов увидел новый участок ткани, где несколько «бревен» были разрезаны пополам. В местах среза торчали лохматые разной длины волокна, а некоторые из них, оставшиеся целыми, мягкими мостками соединяли разрезанные нити.

— Теперь вам понятно? — спросила Трифонова.

— Теперь мне понятно, что ничего не понятно, — сказал Стас. — А может быть это не шило вовсе, а острая узкая отвертка?..

— Это ближе к тому, что мы видим, — задумалась Трифонова. — Но нам ведь нужен достоверный вывод, а не гипотеза. Так?

— Так, — отозвался Стас.

— Мы можем сделать вот что. Поскольку отгадка, возможно, таится в свойствах ткани, надо обратиться к специалистам. Давайте, пока не поздно, я съезжу в лабораторию профессора Роговина. Там большие знатоки искусственного волокна. Может быть, они нам все разъяснят.

— Не поздно?

— А я, как чувствовала, договорилась с научным сотрудником лаборатории Левиным. Он меня будет ждать.

5.

В девять вечера пришел Савельев.

— Ничего, — флегматично сказал он. — Я — на остановку, тут как раз и автобус демидовский подъехал. Переглянулись мы с шофером и — гуд бай.

Савельев моргал рыжими ресницами.

— Посмотрел еще несколько автобусов — и сюда. Ошибся шофер, наверное.

— Это почему же?

— Потому что, уж если б тот парень здесь ездил, так ездил бы. А то — появился и исчез. Так не бывает.

— Логика железная, — засмеялся Стас. — Ну, ладно. Я буду домой собираться, да и ты иди отдохни. Завтра к десяти приезжай ко мне...

Его перебил звонок телефона. Савельев поглядел на телефон с опаской — какие еще новости в десятом часу?

По отдельным репликам Тихонова и его уничтожающему взгляду Савельев понял, что новости имеют к нему самое непосредственное отношение.

— Пошли к Шарапову, — сказал Тихонов, положив трубку.

— Кто звонил-то? — спросил Савельев.

— А то ты не понял! — зло рявкнул Стас. Презрительно протянул: — «Так не... быва-а-ет»... Сейчас нам с тобой объяснят, как «бывает», теоретик!

Шарапов сидит нахохлившись, на желтом пергаментном лице резко обозначились морщины. Он крепко сцепил пальцы, руки тяжело лежат на столе, и смотрит он куда-то в бок. Тихонов тоже уставился в пол.

— Да-а, дела... — говорит Шарапов. — Как же это ты, Тихонов?

Ответа он, видно, не ждет, понимает, что отвечать тут нечего.

— Значит, говоришь, подъезжает Демидов к Самотеке, а впереди Гавриленки автобус?

— Гавриленки, — сумрачно подтверждает Стас. — У светофора перед строящейся эстакадой задержался.

— Ну и...?

— Ну и выскочил из этого автобуса Длинный, сел на один рейс раньше, наверное. Демидов его сразу узнал, а что подделаешь?

— А ты-то где же был?

Стас зло глянул на Савельева, сидевшего с невинным и даже чуть сонным видом на диване.

— Да вот, как на грех, закрутился тут с экспертами... Савельеву стало неловко. Он тряхнул ярко-рыжим чубом:

— Я за ним выходил, товарищ подполковник. К деми-

довскому автобусу. Кто ж его знал, что он к Гавриленке сядет?

— А-а, — протянул Шарапов. — Значит, не сдержал он обещания-то?

— Какого обещания? — опешил Савельев.

— Ездить только рейсом двадцать тридцать семь...

Савельев покраснел тяжело, пятнами. Лучше уж помолчать. Стас что-то шептал себе под нос, загибал пальцы, потом вдруг сказал:

— Никуда он не денется. Сегодня не взяли — завтра возьмем... Раз он тут крутится...

— Да-а? Завтра возьмем, говоришь? — протянул Шарапов. — А может, через недельку возьмем? — Неожиданно разозлился: — Адресочек знаете?

— Какой? — спросили разом Тихонов и Савельев.

— Гарнизонной гауптвахты. На случай, папомню: Семеновская, двадцать шесть.

— Я, между прочим, недельку там с удовольствием отдохнул бы, — едко сказал Стас.

— Правильно, молодец. Сделал дело — отдыхай смело.

— Да ну, Владимир Иванович. Сказал — возьмем, значит — все.

— Ну-ну, — покачал головой Шарапов.

В кабинет заглянул дежурный:

— Тихонов здесь, Владимир Иванович? Ему телефонограмма из Ленинграда.

Стас поднялся с дивана, подошел к дежурному, взял листок. Прочитал.

— Панкова действительно была в Ленинграде, — с удивлением сказал он. — Из ЛУРа сообщают, что мать ее хронически больна. Только что Панкова выехала московским поездом...

Шарапов подумал. Сказал:

— Встретишь ее на вокзале. Привезешь сюда.

Помолчал, потом, растягивая слова, добавил:

— Я думаю, она много чего рассказать может. В лоб не начинай, за жизнь побеседуй... Длинного завтра найди...

— Ну...

— Без «ну». Найди — и точка.

6.

Тихонов еще раз внимательно перечитал телефонограмму, посмотрел в темное запыленное окно.

— У нас с тобой, Савельев, есть еще около девяти часов — надо успеть.

— Чего успеть?

— Найти Длинного.

— Ты что, шутишь?

— Самое время. У тебя дома есть телефон?

— Нет. А что?

— Тогда звони к себе в отделение, скажи, чтоб к жене кого-нибудь послали — предупредить. Дома только завтра будешь, — сказал Стас, достал из стола чистую бумагу и стал писать что-то в столбик. Потом поднял голову, задумчиво посмотрел на Савельева. Оперативник дремал на стуле. Почувствовав взгляд Тихонова, встряхнулся, зябко поежился.

— Стас! А Стас, есть очень хочется...

— Сочувствую. Мне тоже.

— Идем вниз, в буфет. Работать после будет легче.

Тихонов взглянул на часы:

— Двадцать минут одиннадцатого. Уже закрыто. Теперь буфет по ночам не работает.

— Чего так? — спросил недовольно Савельев.

— Наверное, в связи с сокращением преступности, — пожал плечами Стас. — А есть действительно убийственно хочется. Представляешь, сейчас бы пашлычок по-карски? А? И бутылочку-другую «Телиани»?

— Ой, не мучь!

Тихонов пошарил в карманах, нашел рубль, пригоршню мелочи.

— Давай, Савельев, шапку в охапку и — чеши в гастроном на улицу Горького. Там до одиннадцати. Колбаски любительской возьми и булок. За полчаса обернешься. А я пока чай смастерю и подготовлю фронт работ.

Савельеву не очень-то хотелось выходить сейчас на мороз, но перспектива просидеть голодным всю ночь тоже не слишком грела...

Тихонов допил чай, стряхнул крошки и колбасные шкурки в пустой пакет, ловко бросил его через всю комнату прямо в корзину.

— Ну, хватит, что ли, тепить плоть? Ты еще свой ужин не отработал. Не хлебом единым жив оперативник! — сказал Тихонов.

— Конечно, не хлебом, — буркнул Савельев, — за работу в твоей бригаде молоко надо получать — вредное производство.

— Садись, старик, рядом, и, как говорят в Одессе, слушай сюда. Здесь список телефонов. Я разделил его поровну. Бери аппарат и начинай...

Заканчивался пятый день поиска.

СУББОТА

1.

Тусклый зимний рассвет вползал в окно неслышно, мягко, как кошка. Тихонов нажал кнопку, настольная лампа погасла, и знакомые очертания предметов, потеряв свою четкость, расплылись в голубом сумраке кабинета. Веки были тяжелые, будто налитые ртутью, а голова — огромная и звенящая, как туго надутый аэростат.

Тихо посапывал Савельев. Он устроился на четырех стульях у стены, подложив шинель Тихонова и накрывшись своим стареньким пальто какого-то невероятного розового цвета.

Стас встал, потянулся, потер кулаками глаза и медленно, вязко, как о чем-то постороннем, подумал, что сегодня, наверное, все кончится и тогда можно будет спать, спать, спать. Он подошел к Савельеву, легко потряс его за плечо:

— Вставай, вставай, старик! Уже четверть девятого...

Савельев резко дернулся, не открывая глаз, сунул руку под голову, под шинель, наткнулся на спинку стула и проснулся. Он сел, улыбаясь, все еще с закрытыми глазами, сказал:

— Сон хороший снился...

На его бледном лице затекли от сна складки, набрякли глаза.

Приглаживая руками красную шевелюру, спросил:

— Стас, у тебя зеркала нет? Видок, наверное, тот еще!

— Ты ангорского кролика видел? Сходство сейчас замечательное.

— Он же белый, по-моему? — недоверчиво протянул Савельев.

— Цвет и выражение глаз одинаковые.

— У тебя, между прочим, сходство с киноактером Тихоновым сейчас тоже минимальное, — ехидно заметил Савельев. — Слушай, Стас, а сколько я проспал?

— Часа полтора верных. Ну все, старик, поехали. Поезд приходит в девять десять. Значит, в полдесятого я здесь, а ты бери Длинного и прямо сюда...

Панкова сказала:

— Учтите, что в двенадцать у меня репетиция.

— Собственно, длительность нашего разговора зависит от вас. Мне-то всего пару вопросов надо задать.

«Красивая женщина, — подумал Стас. — Хотя времечко уже и начало точить эту красоту. Хорошо держится».

— Итак, приступим к делу. Расскажите, пожалуйста, что вам известно о взаимоотношениях в семье Ставицких?

— Ах, так трудно говорить с посторонними об интимной жизни своих близких!

— Ничего страшного, Зинаида Федоровна, — успокоил Стас. — В милиции, в исповедальне и у доктора интимные стороны жизни охраняются профессиональной скромностью собеседника. Так я вас слушаю.

— С Алешенькой Буковой мы дружим уже лет пятнадцать...

— Вы имеете в виду Елену Николаевну?

— Да, конечно. Мы все ее так называем...

Панкова говорила страстно, похрустывая длинными красивыми пальцами:

— Тяжкая драма. Развалилось окончательно это теплое, доброе человеческое гнездо, созданное тонким интеллектом Буковой и высоким артистизмом Ставицкого. А Алешенька еще надеется...

Высокая, еще стройная, в изящном костюме джерси, она время от времени вставала и нервно ходила по кабинету. «Ишь затянулась... — неприязненно посмотрел на нее Тихонов. — Был бы я режиссером — сразу на третью категорию обратно бы перевел...»

— Простите, а чем вы объясняете уход Ставицкого от жены?

— М-м, точно я не могу этого утверждать, но чем вас, интересных женатых мужчин, можно скорее свратить с пути истинного? — кокетливо сказала она. — Как говорят французы: «Шерше ля фам»¹.

— Я только интересный, но неженатый, — сказал Тихонов, напряженно думая о чем-то.

¹ «Ищите женщину» (франц.).

— Ну, тогда у вас еще все впереди, — заверила Панкова.

— А вы не знаете, где надо искать эту женщину? — спросил Стас.

— Право, затрудняюсь вам сказать. Это ведь только мои догадки.

— И Букова тоже не знает?

— Скорее всего — нет. Она бы мне сказала.

— Прекрасно. У меня будет к вам просьба: напишите мне обо всем этом. Можно покороче. Раз в шесть.

Звонок. Стас рванул трубку.

— Тихонов. Да, да, слушаю, Савельев. Куда?! На работу? Совместительство? Давай туда. Жду. Удачи, старик.

Панкова за соседним столиком быстро писала объяснение. Тихонов подошел к окну. По заснеженной Петровке сновали троллейбусы, женщина несла перед собой, как щит, новый латунный таз, лениво протащила свой возок мороженщица. Тихонов негромко барабанил пальцами по стеклу, напевая под нос:

А на нейтральной полосе цветы
Необычайной красоты...

Прошло утреннее оцепенение, его уже сотрясал азарт охотника, идущего по верному следу. Все, сеть заброшена...

— Все, я написала.

Стас подошел к столу, взял у Панковой объяснение, прочитал. Довольно улыбнулся, положил листок в стол.

— Вот видите, наша беседа заняла меньше часа. Давайте я вам отмечу пропуск на выход.

— Прекрасно, я как раз успеваю в театр.

Тихонов поставил на пропуске свою корявую, немного детскую, подпись и потянулся к тумбочке за штампом. Достал, подышал на него. Панкова встала. Стас еще раз дыхнул на штамп и отложил его в сторону.

— Простите, Зинаида Федоровна, я забыл вам задать еще один вопрос.

— Пожалуйста.

Стас тихо сказал:

— Вы зачем писали письма с угрозами Тане Аксеновой?

Панкова бледнела стремительно, кровь отливала от лица, как будто сердце ее остановилось.

— Какие письма? Я вообще не люблю писать письма. И я не знаю никакой Аксеновой.

— Не знаете? Но это же вы предложили — «шерше ля фам»?

— Боже мой, если вы говорите об истории со Ставицким, то я не имею к этому никакого отношения.

— Вот что, Зинаида Федоровна. Если вы хотите успеть на репетицию, то давайте не будем транжирить наше время. Хотя боюсь, что на репетицию вы сегодня все равно не попадете. А роль благородной подруги из вашей пьесы вам придется репетировать здесь, со мной.

— Не запутывайте меня! — крикнула Панкова, и из глаз ее брызнули слезы. — Театральная общественность не допустит!.. Вы еще молоды...

— Чего не допустит театральная общественность? Моей молодости? — спросил вежливо Тихонов. — Наоборот, она ее скорее будет приветствовать. Так, знаете ли, интереснее...

— Вы — мальчишка, — сказала Панкова, и лицо ее теперь покрылось красными пятнами.

Стас покачал головой:

— Как жаль, что мы не в магазине. Там хоть висят плакаты «Будьте взаимно вежливы!». Тем более что я еще не понимаю причины вашего гнева и испуга.

— Вы меня напрасно пытаетесь впутать в эту неприглядную историю! Сейчас не бериевские времена! — кричала Панкова.

— Ну-ка, тише, — вдруг резко сказал Стас, и Панкова сразу смолкла. — Насчет времен вы правильно сказали. А в скверную историю вы себя впутали сами.

Он открыл ящик и разложил на столе четыре листа бумаги.

— Вот ваша автобиография из театра. Вот счет за газ из вашей квартиры. Вот ваше объяснение, которое вы сейчас написали. А вот это, — он поднес листок к глазам Панковой, — письмо Татьяне Аксеновой.

— Я ничего не понимаю, — сказала растерянно Панкова.

— Понимать нечего. Не надо быть почерковедом, чтобы увидеть: все бумаги написаны одной рукой.

— И что?

— А то, что это письмо найдено в сумке убитой Татьяны Аксеновой.

— Убитой? — с ужасом переспросила Панкова.

— Да-да, убитой. За три часа до того, как вы поспешно убили в Ленинград.

— Но клянусь вам, это случайность! Ужасное, роковое совпадение! Я действительно писала ей письмо, но ничего подобного и в мыслях не имела. — Панкова зарыдала по-настоящему. Стас налил ей в стакан воды. У Панковой тряслись руки, и вода текла некрасивой струйкой по подбородку, рассыпалась темными каплями на платье. Она затравленно, не отрываясь, смотрела Стасу прямо в глаза. Тихонов отвернулся к окну. За стеклом летели сухие снежинки, в полдень было так же сумрачно, как и на рассвете.

Панкова плакала. Стас, прислушиваясь к ее всхлипываниям, вспомнил, как сидела окаменевшая мать Тани, приговаривая все время: «Донюшка моя, доня...» И подумал с ожесточением: «Плачь, плачь. Не жаль мне тебя. Таня, когда умирала, не плакала...»

Тихонов сел за стол, собрал бумаги, положил в ящик.

— Вы успокоились? Давайте продолжим. Но учтите: если вы будете снова врать, то уже сами — как вы писали Тане — «поставите себя в весьма опасное положение».

Панкова кивнула:

— Но зачем вы так грубо со мной говорите? Вы же воспитанный человек...

— А вы бы хотели, чтобы я вас называл Зиночкой и шаркал ножкой? Нет уж, увольте! Вы что-то не очень раздумывали об этике, когда писали Аксеновой письмо с весьма прозрачными угрозами. А человек этот убит. Так что обойдемся без реверансов. Нам нужна правда. Намерены вы говорить только правду?

Панкова снова кивнула. Лицо ее стало некрасивым, обвисшим, со множеством мелких морщинок.

— Зачем вы написали письмо?

— Лена была так несчастна! И она надеялась, что, если эта женщина оставит Костю в покое, он вернется домой.

— Вы снова говорите неправду.

— Почему?

— Это... это... — Стас вспомнил фразу из блокнота Татьяны Аксеновой. — Это одеяло лжи из локутов правды. Вы

же прекрасно знаете, что Таня была не в курсе семейных дел Ставицкого. И специально информировали ее письмом. После этого Таня указала Ставицкому на дверь. Поэтому говорить о том, чтобы она «оставила его в покое» нелепо. Правильно?

— Ну, значит, я оговорилась. Это же непринципиально!

— Нет, принципиально. Потому что вы рассчитывали так: получив письмо с угрозами, Таня испугается и оставит Ставицкого вернуться к Буковой. Так?

— Ах, может быть, и так! Но ведь, ей-богу, я действовала из лучших побуждений. Я хотела восстановить семью. Кто мог знать, что...

— Что? Кончится убийством?

— Я не имею к этому никакого отношения! Ведь это так страшно — убить человека...

— Боюсь, что вы не очень хорошо представляете, как это страшно — убить человека. Вы мне лучше скажите, кто мог совершить это убийство в интересах Буковой?

— Клянусь, я не знаю!..

— Ладно, допустим. У Буковой есть сейчас мужчина, как это называется, поклонник, который готов ради нее на все?

Мгновение подумав, Панкова ответила:

— Да, есть. — И сразу заторопилась: — Но я его видела всего несколько раз.

— А что, Букова его скрывает?

— Нет, мне он просто не понравился.

— Подробнее!

— Ну, у него какие-то скверные манеры, очень разухабистые. Вообще он... не нашего круга. И... нетрезвый.

— Как он выглядит?

— Высокий, по-моему, шатен, худопавый...

— Как зовут его? — Тихонов задержал дыхание.

— Ника. По-моему, Ника. Или Юка...

— Его зовут Никита Казанцев? — спросил спокойно Стас.

— Наверное, — обрадовалась Панкова. — Полного имени я не знаю, но, кажется, его так и звали — Ника.

— Посидите здесь. Я скоро приду. — Тихонов подергал ручку сейфа и вышел.

— Через полчаса. Владимир Иванович, сможете по-беседовать с Никитой Казанцевым, проходившим у нас под условной кличкой Длинный. Савельев поехал за ним.

Шарапов поднял глаза от бумаг:

— Но-о! Напел-таки? Ну, хвались подвигами. Как вышел?

— Я его вычислил. Как Леверье планету Нептун — на кончике телефонного диска!

— Ну-ка, ну-ка...

— Вот смотрите. Эта идея сформировалась у меня окончательно вчера, когда я ушел от вас. Интервал между автобусами — одиннадцать минут. Как же Демидов смог догнать Гавриленко на середине маршрута? Позвонил в парк. Оказывается, Гавриленко на семь минут опоздал к владыкинской остановке. Застрял у Самотеки, там эстакада строится. Тогда меня озарило: Длинный появляется на остановке три раза в неделю: по понедельникам, средам и пятницам, ровно в полдевятого, что, вероятнее всего, связано со сменами на работе. Надо было угадать самое главное: куда он ездит из Владыкина — домой или на службу. Подумал и решил: домой. Вот почему: во-первых, в пользу этого говорит само время его поездок. Вечерние смены везде начинаются от пятнадцати до семнадцати часов — значит, поздно. А почные — от двадцати двух до двадцати четырех часов — значит, рано. Во-вторых, я сделал допущение, скорее социологическое...

Шарапов усмехнулся.

— Не смейтесь, не смейтесь, — сказал Стас. — Женщины обычно ездят на работу очень точно, а возвращаясь, имеют в графике своего движения отклонения в среднем около часа. Это связано с хозяйственными заботами. Мужчины, наоборот, имеют в дороге на работу отклонения до пятнадцати—двадцати минут, а уходят довольно точно. Поэтому я решил, что он ездит домой.

Отсюда у меня пошел следующий этап. Парень должен работать где-то близко. В этом я не сомневался. Сначала я допустил, что он приезжает сюда на каком-то другом транспорте и делает пересадку. Однако этот вариант я отбросил. Объясняя. Приехать во Владыкино он мог только на восемьдесят третьем автобусе, идущем от Соко-

ла, и электричкой Савеловской железной дороги. Автобус не годится: парень едет к цирку, а туда проще добраться этим же маршрутом по Лихоборскому шоссе.

— А электричка? — спросил Шарапов.

— Не годится, — покачал головой Стас. — Станция Окружная там действительно недалеко. Но зато от станции к остановке идти проще и ближе по тротуару, чем по пустырю. Кроме того, в этом промежутке времени только две электрички останавливаются на Окружной — двадцать десять и двадцать тридцать одна. Если бы он приезжал в двадцать десять, то уезжал бы на автобусе в двадцать двадцать шесть, а если в двадцать тридцать одна, то раньше, чем на автобус в двадцать сорок восемь никак не попадал бы. А он-то ведь в двадцать тридцать семь ездит! Значит, ясно — работает он где-то близко.

— Резонно, — кивнул головой Шарапов.

— Так где же это «близко»? Место убийства практически совпадает с остановкой автобуса. Я решил сделать первую прикидку: на карте района провел циркулем круг с центром в месте убийства. Длинный шел к остановке по пустырю с северо-запада. Поэтому половину круга в юго-восточном направлении я заштриховал сразу. Остался сектор, образованный Суколовским шоссе, железнодорожной линией и оградой Ботанического сада. Из-за линии он прийти не мог: полотно проходит по высокой обледеленой насыпи, на которую с той стороны не вскарабкаешься. Выйти из Ботанического сада он тоже не должен был — там у ворот, на полкилометра ближе, есть остановка. Вывод: Длинный шел из глубины владыкинского жилого массива. С работы, заметьте себе, товарищ Шарапов!

— Ну-ну-ну, — заинтересованно сказал Шарапов.

— Вот тут и встала проблема — где же он может работать? И начали мы с Савельевым подбивать бабки. В намеченном для розыска районе имеются такие предприятия: завод, фабрика, комбинат бытового обслуживания, столовая, шашлычная, один ЖЭК и две гостиницы — «Байкал» и «Заря».

Начали с завода металлоизделий. При этом не забудьте, что Длинный ходит с работы через день в двадцать тридцать. На заводе служащие уходят в пять, вторая смена заступает в четыре, а третья — в одиннадцать ночи. Савельев еще проверил, нет ли у них сотрудников, работающих до восьми-полдевятого. Нет. Значит, отпало.

Берем фабрику головных уборов «Свободный труд». Труд у них, видимо, действительно свободный, потому что работает этот гигант легкой индустрии до семнадцати часов, после чего запирается на замок.

Потом началась эпопея с магазинами. А их — шесть штук. Ужас! Два промтоварных, два продмага, один культтоварный и булочная. С промтоварными и форпостом культуры, правда, все решилось быстро: в понедельник они все выходные. В булочной никто через день не работает. В продмагах — время не совпадает, к тому же в одном из них работают только женщины.

Столовая закрывается в девятнадцать. Умерло.

— Шашлычная — до половины одиннадцатого. На всякий случай через ОБХСС проверили: никто в восемь-полдевятого там работу не заканчивает. Дошли до комбината — закрывается в семь. Точка.

Тогда настал черед гостиниц. Тут мне прямо нехорошо стало: около двух тысяч работников. Ну, благословясь, приступили. Узнаем: дежурные рабочие — электрики, мастера по ремонту пылесосов и полотеров, радисты — работают по двенадцать часов через день, с восьми тридцати до двадцати тридцати. Наконец-то! Начали с «Байкала» — ближе к автобусной остановке. Нашлось там таких дежурных двенадцать человек. Кто работал в понедельник — среду — пятницу? Шесть. Скольким из них до тридцати? Четверым. Кто длинный? Двое. Кто такие, где живут? Один — в соседнем доме. А радиомастер Никита Александрович Казанцев живет в Большом Сухаревском переулке, дом тридцать шесть, квартира семьдесят девять — в пяти минутах ходьбы от остановки двадцать четвертого автобуса «Госдирк». Вот так.

— Молодец, — сказал Шарапов. — Молодцы! — И засмеялся: — Нептун, одно слово...

Зазвонил телефон. Шарапов снял трубку.

— Савельев? Где, внизу? Прямо вместе с ним поднимайтесь ко мне...

3.

Высокий парень в черном пальто был чуть бледен, но держался спокойно. Только руки судорожно мяли кепку. В кабинете Шарапова он прислонился к стене, припал независимую позу. Савельев, помахивая чемоданчиком, взял его под локоть:

— Вы проходите, проходите. Присаживайтесь. Беседовать-то долго придется.

Парень дернулся:

— Не хватайте руками! Не глухой.

— Вот и хорошо, — миролюбиво сказал Савельев. — Садитесь вот, с товарищами потолковать удобней будет.

— Всю жизнь мечтал, — усмехнулся парень.

Шарапов и Тихонов молча рассматривали его. Потом Шарапов провел пальцем по губам, будто стер слой клея между ними:

— Что в чемоданчике носите, молодой человек?

— А вам что до этого? Все мое, вы там ничего не забыли.

— А чего дерзите?

— А вы привыкли, что здесь перед вами все сразу в слезы — только отпустите ради бога.

— Нет. Кому бояться нечего — с теми легко без слез обходимся. Так что в чемоданчике?

— Возьмите у прокурора ордер на обыск и смотрите.

— А прокурор, наверное, сейчас сам пожалует. С вами знакомиться, специально.

Казанцев нервно вскочил, щелкнул никелированными замками лежащего перед ним на столе чемоданчика, откинул крышку. Тестер, мотки проволоки, пассатижи, паяльники, припой. В отдельном гнезде на крышке тонкая длинная отвертка, слабо мерцающая блестящим жалом. Тихонову изменила выдержка:

— Вот оно, шило!..

— Это не шило, а радиоотвертка, — сказал, презрительно скривив рот, Казанцев.

— Знаю, знаю, гражданин Казанцев! Это мы поначалу думали, что шило, — сказал Стас и повернулся к Савельеву. — Подготовь для Панковой опознание и мотай за Буковой.

Парень не моргнул глазом...

Казанцев захотел сесть с краю. Рядом уселись еще двое. Панкова вошла в кабинет, и Тихонов подумал, что глаза у нее, как на скульптуре Дианы, — большие, красиво вырезанные, без зрачков. Он сказал:

— Посмотрите внимательно на этих людей. Успокойтесь, не волнуйтесь. Вспомните, знаете ли вы кого-нибудь из них?

Панкова долго переводила взгляд с одного на другого, потом на третьего, и Тихонову показалось, что она избегает смотреть в лицо Казанцеву. Он увидел, как побледнел Казанцев. И глаза Панковой были все такие же, без зрачков.

Она сказала медленно:

— Не-ет. Я никого из них не знаю. — Потом уже тверже добавила: — Ники здесь наверняка нет...

4.

Тихонов горестно всхлипывал, бормотал, с кем-то спорил, и сон, горький и тяжелый, как дым пожара, еще клубился в голове, когда он услышал два длинных звонка. Он сел на диване.

Оконная рама встала на пути голубого уличного фонаря, расчертившего стену аккуратными клетками-классами. Ребятишки чертят такие на асфальте и прыгают в них, приговаривая: «Мак-мак, мак-дурак!» Тихонов сонно подумал: «Я бы и сам попрыгал по голубой стене. Но я уже наступил на «чиру». Сгорел. Мак-мак-дурак!» Снова требовательно загремел в коридоре звонок.

«Все-таки действительно звонят. Я-то надеялся, что приснилось». — Он нашарил под диваном тапки, встал, пошел открывать. За дверью кто-то напевал вполголоса:

За восемь бед — один ответ!
В тюрьме есть тоже лазарет,
Я там валялся,
я там валялся...

«Понятно, — хмыкнул Тихонов. — Лебединский со своим репертуарчиком».

— Розовые лица! Револьвер — желт? — заорал с порога Лебединский.

— Заходи. Твоя милиция тебя бережет, — пропустил его Тихонов и не удержался: — Долго придумывал эту замечательную шутку?

— Всю жизнь и сей момент. Слушай, а ты же ведь и не розовый совсем, а какой-то нежно-зеленый. Как молодой салат.

— У меня, видимо, жар, — сказал Тихонов и потрогал горячий лоб.

— Надеюсь, любовный? — осведомился Лебединский.

— Нет, служебный, — хмуро сказал Стас.

— О, Тихонов, если уж ты заныл, значит, дела — швах! Тебя, наверное, разжаловали в постовые?

— Ха, если бы! Моя жизнь стала бы безоблачно голубой! И даже где-то розовой.

— А ты знаешь, я приехал вчера из Парижа с симпозиума, и там мне очень понравилось, что полицейские раскатывают на велосипедах. Живописно до чрезвычайности!

— Где раскатывают — на симпозиуме?

— Ты, милый мой, зол и тун. Ажаны раскатывают по Парижу, а на симпозиуме обсуждают возможности моделирования человеческого мозга. Я же, вместо того чтобы привезти для тебя приличную мозговую модель, истратил половину валюты на подарок.

Лебединский достал из бокового кармана пальто небольшой сверток:

— Гляди. питон, зто марочный старый коньяк «Реми Мартин». Штука бесподобная. Ц-ц-ц, — пощелкал он языком.

— На меня ты потратил только четверть валюты, вторую четверть ты сейчас проглотить сам, — пробурчал Тихонов и подумал: «Какое счастье, что есть на земле такие нелепые умицы, Сашки Лебединские, которые тратят половину своей скудной парижской валюты на «Реми Мартин», не подозревая, что эту невидаль можно купить в Елисеевском гастрономе. Наверное, настоящим мужчинам даже в голову не приходит, что дружить можно дешевле». Тихонов покрутил в руках бутылку, понимающе кивнул:

— Коньячок хоть куда! Позавчера такую в руках держал.

— Ну врешь же, врешь, по глазам вижу! Где ты мог его пить?

— Вот те истинный крест! Держал! А пить не пил. Был при исполнении служебных... — И сразу вспомнил: «А у вас в Скотленд-Ярде не пьют?»

— Ладно, Сашка, давай отведаем твоего бальзама. За это, подожди только, угощу тебя напитком, которым приучают вступающих в орден настоящих мужчин. Называется «Ликер Шасси».

— Врешь, поди, как всегда. Или ликера такого нет, или не угостишь, или вообще все придумал.

— Нет, Сашок, ликер такой есть. Это я тебе серьезно говорю. И слово даю честное: мы его с тобой еще выйдем на радостях.

Лебединский неожиданно спокойно и тихо спросил:

— Когда жар окончится?

— Да, Сашка. Дела мои, как ты говоришь, — швах!

Лебединский сильно хлопнул его ладонью пониже спины:

— Ну-ка, морж, встряхнись! Давай хлопнем этого французского барахла, поболтаем, сгоняем в шахматистки — и жизнь покажется нам краше и нарядней...

Лебединский лежал на диване, Стас уселся в глубокое кресло рядом, между ними на столике шахматная доска. Сбоку, на стуле, бутылка и рюмки. Коньяк не брал Стаса совсем, по все вокруг казалось горячим, влажным, лишенным четких очертаний. «Как в парилке», — подумал Стас и сказал:

— Устал я, Сашка, очень. Устал. А дело без движения. Подтверждается все: и Казанцев это, и по пустырю он шел в понедельник, и отвертка у него есть длинная. Но упирается изо всех сил и доказывает, что он не убивал Аксену. И что не знал ни ее, ни Букову, и что не падо ему было этого вовсе. И хотя этого не может быть — я ему верю. А Букова мне объясняет, что приятеля ее, оказывается, зовут Кока, а не Ника — Николай Лысых — и находится он уже третью неделю в Свердловске. Это правда, мы проверили. И все разваливается, хотя со вчерашнего дня я был уверен: осталось чуть-чуть — и возьмем убийцу. Пять дней я топал по фальшивому следу. А где теперь настоящий убийца — кто знает?

— М-да, тут даже вся моя диагностическая лаборатория не поможет...

— Ты знаешь, Саш, я ведь в этих вопросах всегда очень строг к себе. Но тут я даже казнить себя не могу — факты настолько четко выстраивались в логическую схему, что я и сейчас не представляю — с чего начну в понедельник.

Лебединский сказал:

— Старик, я в этих вопросах плохо понимаю. Но, выслушав тебя внимательно, я бы хотел высказать свое мнение...

Тихонов кивнул.

— У тебя, Стас, для такого запутанного дела было слишком много фактов.

Стас удивленно взглянул на него.

— Да, да. — Лебединский встал с дивана, прошелся по комнате, включил телевизор. Медленно затеплела трубка.

— Постараюсь объяснить на близких мне понятиях. На симпозиуме выступил с очень интересным докладом француз Шавуазье-Приюдом. Он предложил, ни много ни мало, принципиальную схему электронной машины, полностью моделирующей человеческий мозг. Был у этой схемы только один маленький порок — практически она неосуществима из-за фантастического количества деталей. Понимаешь? Работа всей схемы зависит от одновременной надежности каждого из элементов. Но их так много, что в любой данный момент выходит из строя хотя бы один. В результате схема не срабатывает или дает неправильный результат. Понимаешь? Во всем твоём деле было столько узлов, что проверить их надежность в работе одномоментно тебе не удалось. А ты ведь не компьютер — ты только гомо сапиенс, и то не слишком удачный экземпляр.

Стас сказал:

— А что такое — компьютер?

— Машина-вычислитель.

— Слава богу, что я — гомо, хоть и не слишком сапиенс. В отличие от тебя, компьютер несчастный!

Лебединский засмеялся, подошел и обнял его за плечи:

— Эх, Стас, Стас! Вижу я, старик, совсем тебе худо с этим делом.

Стас хмуро покачал головой:

— Не говори, Сашка. Как вспомню ее мать — жить не хочется.

— Тебе сейчас надо отвлечься, хоть немного отключиться от дела. Это я тебе как врач говорю. У тебя сейчас выработался стереотип мышления. В каком-то месте есть порок, но ты этого не замечаешь и продолжаешь бегать по кругу. Давай беседовать на отвлеченные темы, а то мы с тобой, как канадские лесорубы: в лесу о женщинах, с женщинами — о лесе.

Лебединский снова разлил коньяк по рюмкам, обмакнул ломтик лимона в сахарницу.

— Что ж, Стас, выпьем? За тех, кто в МУРе!

Стас засмеялся. Они выпили, Лебединский, морщась, закусывал лимоном. Пока он расставлял на доске фигуры, Стас смотрел телевизор. Транслировали «Ромео и Джульетту».

— Смешно, когда идет опера без звука. А балет — ничего, даже лучше, — сказал Лебединский. — Ага, если я не ошибаюсь, там как раз завязывается свара между Монтекки и Капулетти.

— Точно, — кивнул Стас и двинул вперед королевскую пешку. — Эти стройные молодцы в чулках и камзолах уже крепко выясняют отношения. Скоро начнут тыкать друг в друга саблями.

— Не саблями, валенок, а шпагами.

— Ну, шпагами, — равнодушно сказал Тихонов и шагнул конем под бой. — За это время умерли шпаги, умерли камзолы, умерли государства, а любовь — жива. И до сих пор из-за любви умирают и убивают.

— Это рудимент и атавизм, — сказал Лебединский — буржуазный пережиток в сознании отсталых людей.

— Что, любовь?

— Нет, умирать и убивать из-за любви. Вот на том же симпозиуме один деятель сделал вне программы сообщение. Он предложил повсюду внедрить брачующие электронные машины.

— Это как?

— А так. Большинство людей, так же как и ты, долго не женятся из-за того, что никак не могут, видите ли, встретить того единственного человека, который им нужен. Поэтому заполняешь специальный бланк, описываешь с минимальной скромностью свои достоинства, с максимальной обстоятельностью — свои потребности и отправляешь его в Центр брачевания. Там соответствующим образом кодируют этот бланк и запускают в электронную машину, которая по имеющемуся каталогу в два счета находит тебе невесту. Едешь к ней, представляешься: вот, мол, де я ваш единственный суженый и ряженный, прошу покорно в загс. Правится?

— Не очень. Я уж как-нибудь обойдусь старым способом. — Стас помолчал, подумал, спросил: — Слушай, Сашка, а ты кто больше — врач или кибернетик?

— Теоретически — врач, — усмехнулся Лебединский.

— А вот посмотри, Тибальд уже минуты две, как пырнул Меркуцио, а тот все еще красиво умирает. Ты мне

скажи, в жизни так может быть: в сердце воткнули и выдернули шпагу — может человек еще ходить после этого?

— Ты, Стас, вульгарный материалист. Это же искусство! А в жизни — вряд ли.

— А точнее?

— Ну, шаг, другой, третий может сделать — и все.

— Но ведь Аксенова сделала после такого ранения не менее двадцати шагов. Это же факт!

— Нет ничего относительно абсолютных фактов. Помнишь, как мы с тобой лет пятнадцать назад поймали ворону и окольцевали ее табличкой с надписью: «1472 год». Если ее потом поймал какой-нибудь орнитолог, он наверняка защитил на ней диссертацию. А пока тебе гардэ!

Зазвонил телефон. Стас, не вставая с кресла, протянул руку и взял трубку.

— Добрый вечер, Станислав Павлович. Это Трифонова говорит,

— Да, да, Анна Сергеевна, слушаю.

— Простите за поздний звонок. Но я решила не откладывать. Профессор Левин утверждает, что края отверстия в кофте оплавлены...

Электрические шорохи скреблись в телефонных проводах, по которым бежали крошечные молнии человеческих слов, суматошно заметались в трубке гудки отбоя, и вдруг все перестало плыть перед глазами, снова стало четким, как будто кто-то повернул в голове ручку фокусировки. Стас бережно положил трубку на рычаг, механически снял конем короля. Лебединский заорал дурным голосом:

— Что ты делаешь, жулик!

— Стой, — тихо сказал Стас. — Я все понял...

Гладкая дырка в кофте, двадцать шагов мертвой Тани Аксеновой, идущий впереди по тропинке Казанцев, черные окна гостиницы — все закрутилось снова сумасшедшей каруселью.

— Пуля! — крикнул Стас. — Это была пуля!

Часть вторая

СЛЕДУЮЩИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Сегодня у Шарапова день начался удачно. Аферист Костя Корсунский, которого долгих три месяца искала специальная опергруппа, появился в ресторане «Берлин».

После роскошного обеда жулик щедро расплатился с официантом и вышел на улицу.

У дверей его ждали Савоненко и Дрыга. Корсунский хорошо знал Савоненко.

Раскланились они изысканно. Корсунский сказал:

— Как я понимаю, уважаемый гражданин Савоненко, вы намерены освободить меня от расходов на такси?

Оперативник кивнул, распахивая широким жестом дверь милицейской «Волги»:

— Правильно понимаете, Костя...

Сейчас Корсунский сидел в соседнем кабинете и давал подробнейшие показания, расставляя точки на целой серии нераскрытых афер, гирей висевших на шее Шарапова.

Хорошая была операция! Ей-богу, хорошая. Шарапов, откинувшись на спинку кресла, отдыхал, слегка прикрыв веки, и его круглое широкое лицо расплылось больше обычного. Стасу показалось, что Шарапов дремлет, когда он приоткрыл дверь кабинета. Стас захотел повернуть обратно. Но дело надо делать. Он вошел в кабинет, Шарапов поднял на него глаза, и улыбка пропала. Наверное, и хорошее настроение тоже. Никуда не денешься, надо подойти, сесть у стола и докладывать, чувствуя, как с каждым словом взваливаешь на Шарапова свой нелегкий груз.

— Владимир Иванович, беда, — тихо сказал Стас. — Оправдались мои худшие предположения. Аксенова убита пулей, и мы всю неделю шли не в ту сторону. Пропало самое дорогое время...

Шарапов неожиданно улыбнулся, но улыбка была грустной:

— Не волнуйся, малыш. Известно, время — самый злой наш враг. И самый коварный. Да ничего — мы времени зря не тратили. Жаль, главная версия наша оказалась ошибочной. Но и узнали мы за это время многое. Да-а. Все это нам еще пригодится. Раскрутим мы это убийство, не вешай пока. Чаю хочешь? Нет? Ну, садись тогда, рассказывай по порядку.

Тихонов достал из бокового кармана свернутые в трубочку бумаги, разгладил их ладонью, полистал. Не поднимая глаз, начал рассказывать:

— Когда я понял, что эксперт-медик ошибся и мы следом за ним идем в тупик, я всех на ноги поднял. Вчера ведь было воскресенье, а надо было срочно договориться

о повторной судебно-медицинской экспертизе. Ну, свет, как говорится, не без добрых людей: всех обзвонил, обошел, все обеспечил — сегодня в одиннадцать утра экспертиза начала работу. Минут через сорок эксперт — вы его знаете — профессор Павловский нашел пулю.

Тихонов глубоко вздохнул. Достал из кармана пиджака картонную коробочку. В вате лежал небольшой продолговатый кусочек темного металла.

Шарапов потянулся к коробочке, взяв ее в руки, внимательно рассмотрел пулю.

— Калибр пять и шесть, — сказал Тихонов.

— Да-а. Пять и шесть, — повторил Шарапов. — Слушай, Стас, а как же все-таки получилась ошибка?

— Понимаете, Владимир Иванович, произошел редкий казус — мне это профессор разъяснил. Пуля пробила сердце, перикард, ударилась в ребро, скользнула по нему вниз, раздвинула межреберные мышцы и — Тихонов заглянул в лежащие перед ним бумаги — застряла в подкожной клетчатке передней грудной стенки. Вот Павловский прямо пишет: «След от пули на ребре эксперт принял за конец раневого канала с осаднением от острия оружия».

— Ясно, — сказал Шарапов. — Окончательно сбила первого эксперта с толку картина происшествия: шла жепщина, ее обогнал парень, после этого она упала. Все ясно. Редко, но бывает и такое. Еще какие-нибудь выводы профессор сделал?

Тихонов снова заглянул в бумагу:

— Два. Во-первых, что смерть наступила мгновенно от паралича сердца. И что, следовательно, больше чем один-два шага Таня после выстрела сделать не могла. Во-вторых, стреляли, по-видимому, издали, поскольку полностью отсутствуют характерные следы близкого выстрела. Вот, в общем, и все.

Шарапов сидит, подперев щеку рукой, прикрыв глаза. Долго, неторопливо думает.

— Да-а. Развалилась, значит, вся наша постройка. А ведь через пару дней уголовное дело надо передавать по подсудственности — в прокуратуру. Ума не приложу — что мы им передадим?

Тихонов безнадежно машет рукой.

— Ладно, — говорит Шарапов. — Надо искать оружие...

— В первую очередь надо выяснить, откуда стреляли, — хрипло говорит Стас. — Казанцев явно отпадает: стрелять он мог только в упор, а экспертиза это отвергает папрочь. Кроме него, Евстигнеева и Лапина на пустыре никого не видели...

Тихонов задумывается надолго, потом, нащупав решение, вскакивает:

— Вот что, Владимир Иванович. Направление выстрела мы определим экспериментально!

Шарапов с сомнением прищуривает глаз:

— Как это?

— Очень просто. Я договорюсь с НТО — они нам сделают из парафина бюст человека — фантом называется. Профессор точно обозначит в нем раневой канал. Используем этот фантом для следственного эксперимента. Положение Аксеновой в момент выстрела нам известно. Рост тоже. В рапевой канал вставим трубку и на пустыре провизуируем траекторию полета пули — получим место, откуда стреляли.

— Сомнительно что-то...

— Ничего сомнительного, все по науке будет.

— Подвела нас крепко твоя наука, с шилом-то, — покачал головой Шарапов.

— Нечего теперь на зеркало пенять, — разозлился Стас. — Подсунул эксперт удобную для нас версию, мы в нее и вцепились. Спешим все...

Взгляд Шарапова потеплел:

— Ладно, парень. Не в Сочи спешили... Вперед урок будет. Так что решаем с экспериментом?

— Я считаю, надо проводить.

— Ладно, пробуй, только на месте обставь все поаккуратней, без лишнего шума, народ не мути.

Тихонов сделал несколько шагов по комнате, упрямо сказал:

— Это еще как сказать — насчет народа.

— А что?

— Мне кажется, эту операцию широко надо провести, с размахом. Народ обязательно соберется, будут спрашивать: что? да как? да зачем? Объясним. Люди другим расскажут. Глядишь, кроме Евстигнеевой да Лапиной еще свидетели найдутся. Может, кто-то выстрел слышал. Или подозревает кого-нибудь. Да мало ли еще что! Беспокоюсь только, как бы не спугнуть стрелка этого...

— Не-е, — улыбнулся Шарапов. — Что нет, то нет. Дело не то. Здесь нам от преступника таиться нечего. Мы розыск сейчас в открытую ведем. Если убийца даже поймет, что мы на правильном пути, помешать нам ничем не сможет. Он сейчас затаился, на дне где-то лежит. А если попытается подняться, воду нам мутить, гляди, и наведет на свой след.

Шарапов размял сигарету, стряхнул со стола табачинки, закурил.

— Помню, разматывали мы в Филях одно дело. Лёлик-Каин, рецидивист, человека убил. Ну, среди прочего узнали мы, что с убитого золотые часы сняты, «Омега». То ли Каин пропихал, что мы эти часы ищем, то ли сам сообразил от улики избавиться, только решил он их сплавить. Подобрал в «Ландыше» одного пьющего компаньона-командировочного, напились оба. А когда до поцелуев у них дошло, поменялся с ним часами: у того «Полет» был, он ему за них и отдал «Омегу». Проспался компаньон, видит обновку. Однако трезвый он принципиальным оказался. Приходит в девятое отделение, ищите, говорит, мои часы, мне, мол, чужого не надо. Дежурный уж было его наладил на выход, да тут, к счастью, Володя Дранников случился. Бросил глаз на «Омегу» и обомлел. Ну, а когда командировочный обрисовал, с кем гулял да часами менялся, ясно стало — Лёлика работа. Так-то, друг, — поднялся Шарапов. — Преступник нам здесь не помеха. Ну, что ж, давай, организовывай эксперимент. Посмотрим, что получится.

СЛЕДУЮЩИЙ ВТОРНИК

1.

Девяти еще не было, когда на утоптанную площадку за гостиницей «Байкал» въехали сразу три машины: микроавтобус УАЗ с большим прожектором на крыше кабины, сверкающая лаком «Волга», поджарый пронырливый «козлик». На боковых обводах машин четко выделялась красным по синему надпись «милиция». Из «Волги» вышли, щеголяя новыми милицейскими шинелями, Шарапов и Тихонов, к ним присоединились эксперты-криминалисты и судебный медик. Савельев, тоже в форме, открыл заднюю дверцу «козлика», помогая выйти Евстигнеевой

и Лапиной. Тут же находились участковый инспектор местного отделения милиции и понятые.

Как и ожидал Тихонов, необычное зрелище за несколько минут собрало приличную толпу. Люди негромко переговаривались, наблюдая, как криминалисты вынесли из УАЗа макет человека и установили его с помощью штатива в том месте тропинки, где погибла Таня Аксенова. Это место, посоветовавшись, показали Евстигнеева и Лапина. Более любопытные из толпы расспрашивали участкового — что случилось? Участковый, проинструктированный Тихоновым, давал объяснения, ему оживленно и доброхотно помогали окрестные мальчишки, всегда осведомленные обо всем лучше всех...

К одиннадцати часам визирование было закончено. Выводы специалистов не оставляли никаких сомнений: выстрел произвели из гостиницы «Байкал» с высоты третьего этажа. Оставалось решить — где же находится конкретное место выстрела? Таким местом, как показали расчеты, могли быть лишь окна пятьдесят восьмого и пятьдесят девятого номеров гостиницы, либо окно примыкающей к этим номерам лестничной площадки. Более конкретного вывода сделать не удалось, потому что ни Евстигнеева, ни Лапина не смогли достаточно точно описать положение Аксеновой в момент падения — а небольшие отклонения в этом положении уже создавали различные предпосылки для определения фактической траектории полета пули. Важно было одно: прицелиться в Таню убийца мог только из тех окон, которые установили эксперты, — ни из какого другого попасть в нее на том месте тропинки, где она была убита, оказалось невозможным.

Разъехались машины, разошлись по своим делам люди. Тихонов направился в гостиницу.

В длинном гостиничном коридоре пахло вишневым вареньем. Даже устоявшийся годами запах пыльных ковров, мокрых тряпок и вечно перекрашиваемых стен не мог перебить его нежного, слегка горящего аромата.

Когда Тихонов отворил дверь пятьдесят девятого номера, вишневый пар волной метнулся в лицо. Доктор Поповпил чай с вишневым вареньем. Варенья было много —

целое ведро. Эмалированный зеленый сосуд источал не меньше вишневого запаха, чем целый цветущий сад. На столе важно шипел блестящий электрический чайник.

— Добрый день. Я из Московского уголовного розыска, инспектор Тихонов.

Попов посмотрел на него с нескрываемым удивлением. Проволочные золотые очки были сдвинуты у него к кончику носа, и оттого, что он смотрел все время как-то снизу, взгляд у него получался хитроватый и в то же время удивленный, будто говорил: вон ты какой, оказывается!

Из регистрационной карточки в гостиничном журнале Тихонов знал, что Александр Павлович Попов проживает здесь вместе с супругой три недели, прибыл в Москву из Кинешмы, цель приезда — защита диссертации, место работы — городская клиническая больница, должность — заведующий отделением.

Попов, приглядевшись к Стасу, сказал:

— А я вас помню. Присаживайтесь, будем пить чай и беседовать. Постараюсь быть вам полезным, чем смогу.

— Помните? — переспросил Тихонов. — Простите, а откуда вы можете меня знать?

— Я вас видел на месте происшествия. Около тела убитой девушки.

— Да-а? — издал неопределенный звук Стас.

Попов быстро потер ладони, будто они у него сильно озябли, и сказал немного застенчиво:

— Видите ли, у меня довольно редкая зрительная память. Если я видел человека хотя бы раз, я запоминаю его навсегда. Иногда это приводит к ужасным последствиям.

— А именно? — поинтересовался Тихонов.

Попов усмехнулся:

— Память на события и факты отстаёт. Облик человека я запоминаю, а при каких обстоятельствах и где мы встречались — не всегда. Увижу такого человека и начинаются мои мучения... Пока не припомню, откуда мы знакомы, не могу успокоиться. А длится это иногда неделями. Вот и представьте мою участь...

Тихонов засмеялся:

— Ну, я-то вас сразу избавил от этих мучений. Простите, а как вы оказались на месте происшествия?

— Да ведь в гостинице почти мгновенно стало известно о случившемся. А я здесь жилец со стажем — знаю,

что я врач, поэтому ко мне сразу же прибежали, сообщили о несчастье и попросили осмотреть женщину. Правда, пока я оделся и добежал, там уже была скорая помощь. Так что мои услуги не понадобились. Кстати, судя по вашему визиту, убийца еще не найден?

— Нет, еще не найден, — сказал Тихонов. — А вы здесь в командировке?

— Я буду на следующей неделе защищать диссертацию. В институте усовершенствования врачей.

— А какая тема вашей диссертации? Разумеется, если это не секрет?

— Какой там секрет! — рассмеялся Попов. — Я занимаюсь исследованием воздействия ионизирующего излучения на эндокринную систему.

— Любопытно, — заметил Тихонов. — Так сказать, открытия на грани наук?

— Вообще-то да, — сказал Попов. — Здесь медицина весьма перспективно смыкается с физикой.

— И что главное?

— Я человек заинтересованный, мне свою работу хвалить вроде неудобно, но думаю, что это одна из самых интересных и малоисследованных областей медицины...

Попов выключил электрический чайник, снял с него небольшой фарфоровый — для заварки, налил Тихонову ароматный яптарно-коричневый напиток.

— С собой возите? — с улыбкой кивнул Стас на чайники.

— Аз грешен, без чая дня прожить не могу, а в буфете разве чай?.. — немного смущенно отозвался Попов и положил в блюдечко варенье для Тихонова. — Так вот, эндокринная система руководит всем обменом веществ в организме...

— Проходили... — сказал Тихонов без особого энтузиазма.

— ...Было замечено, — с увлечением продолжал Попов, — что облучение способно вызвать резкие изменения обмена веществ и это можно использовать в лечебных целях, при раке например. — Попов расстегнул объемистый портфель, достал из него огромную рукопись и раскрыл ее на какой-то весьма сложной схеме. — Вот из этих таблиц видно, что облучением гипофизарно-гипоталамической области у молодых животных можно резко замедлить рост и созревание...

— Лихо, — сказал Стас, сообразивший, что если он хочет успеть вернуться сегодня на Петровку, надо увести Попова немного в сторону от излюбленной темы. — А ваша супруга — тоже врач?

— Да-а, — удивленно посмотрел на Тихонова поверх очков Попов. — Она хирург, на скорой помощи работает... Служба у нее тяжелая — мотается вот вроде тех, что тогда на пустырь выезжали...

Тихонов поторопился задать следующий вопрос:

— А почему в тот вечер, когда вас на пустырь пригласили, пошли вы, а не ваша жена — ведь ей это по роду деятельности ближе?

— Как же она могла пойти, когда ее в тот вечер и в Москве-то не было, — сказал Попов.

— Как не было?!

— Видите ли, какая тут история — мне ведь еще пятого февраля надо было «защищаться». Но неожиданно заболел профессор Перемогин, а он у нас не только признанный корифей этой проблемы, но и мой официальный оппонент. Решили защиту на две недели перенести — до его выздоровления. А жена сейчас в отпуске, приехала поддерживать во мне «моральный дух». Она и говорит — раз так, давай-ка я пока, до защиты, вернусь домой, чтобы надолго ребят без надзора не оставлять. Ну, и уехала — только вчера вернулась. А из гостиницы мы ее и не выписывали, чтобы тут пока кого-нибудь не подселили: добивайся потом отдельного номера!

— По-о-нятно! — протянул Стас. — Так, значит, в день убийства вашей жены в Москве не было?

— Ну, конечно же! — раздосадовался его несообразительностью Попов. Он налил Тихонову еще чашку чая, в синее блюдечко с надписью «Общепит» добавил несколько ложек вишневого варенья. — Угощайтесь, угощайтесь, свое как-никак варенье-то...

— Спасибо. — Тихонов придвинул к себе чашку, небрежно спросил или просто подумал вслух: — От работы вас оторвало то происшествие...

— Как раз нет, — покачал головой Попов. — Я, наоборот, решил сделать передышку, попросил горничную включить в холле телевизор и смотрел «Кинопанораму». А она тем временем в номере убиралась... Так что меня прямо из холла вызвали... — Попов ненадолго замолчал, потом, по-видимому, его кольнула какая-то неприятная мысль и

он с подозрением посмотрел на Тихонова. — А если бы и от работы... какое это имеет значение — там ведь человек пострадал!..

— Что вы, что вы, доктор, — поспешил успокоить его Тихонов. — Я не к тому вовсе... Конечно же надо было сразу... — И перевел разговор на новые рельсы, кивнув на стоявший в углу футляр от ружья: — А вы, Александр Павлович, охотник?..

Попов оживился. Он встал, подошел к футляру, щелкнул кнопками и с нескрываемым удовольствием достал охотничье ружье — новенькое, блестящее воронением и свежим лаком.

— Охотник, любитель оружия и, не буду скромничать, неплохой стрелок к тому же! — сказал он гордо, и, если бы в его глазах не светилось счастье коллекционера, добывшего вожделенную вещь, его слова прозвучали бы хвастовством.

— Это «ижевка», ИЖ-58! Ах, красавица... — Он передал Тихонову ружье. — Ложка — ореховая, посмотрите, какая великолепная резьба по дереву! А? К тому же — двустволка!

— М-да, оружие серьезное, — сказал Тихонов, внимательно осмотрев ружье. — Но оно ведь не нарезное, гладкоствольное?..

— Ну и что же, что гладкоствольное! — возмутился было Попов и тут же объяснил снисходительно: — Зато калибр — двадцать восемь, медведя положить можно!

— Да у вас разве в Кинешме медведи встречаются? — с сомнением спросил Тихонов.

Попов пожал плечами:

— Вообще-то про медведей я не слыхал. Но все-таки приятно.

Тихонов встал:

— Спасибо за чай, варенье и беседу.

— Да что вы! — замахал руками Попов. — И того, и другого — сколько угодно. А жена вот-вот из города вернется — тогда разговоры наши до полуночи продлятся. — Попов весело засмеялся. — Заходите.

— Очень возможно, что я вас еще побеспокою. Вы уж извините...

2.

Тихонов набросал карандашом схему и протянул Шарарову:

— Вот, посмотрите, Владимир Иванович. Эксперты утверждают, что выстрелить могли только из этих трех окон — номера пятьдесят восемь, пятьдесят девять и окно лестничной клетки. В номере пятьдесят восемь проживает инженер-строитель из Львова Козак Лев Алексеевич и главный бухгалтер из Кромска Лагунов Дмитрий Михайлович. В пятьдесят девятом номере — врач из Кинешмы Александр Павлович Попов с супругой. Все они проживали в своих номерах и в прошлый понедельник. И кто-то еще, нам не известный, мог выстрелить из третьего окна на лестнице.

— Соображения?

— Козака и Лагунова я еще не видел — они со своими командировочными радостями возвращаются около пяти. С Поповыми разговаривал.

— Что-нибудь интересное есть?

— Есть. Варенье. Любите вишневое варенье?

— Чего-о?

— Варенья, говорю, вкусного целое ведро есть. Приглашали еще заходить.

— Тебя все на сладкое тянет, — ухмыльнулся Шараров. — А кроме варенья что интересного?

— Он в институт усовершенствования приехал, диссертацию защищать, а докторша — болеть за него. Я специально для вас даже записал тему диссертации — запомнить не смог. — Тихонов достал записную книжку, полистал и важно объявил: — «Состояние гипоталамо-гипофизарно-тиреоидной системы при воздействии ионизирующего излучения». Во как!

— Что ж, тоже красиво. Гипоталам — был бог, кажется?

Тихонов захохотал:

— Бог был Гименей, которому пели эпиталаму.

Шараров неожиданно разозлился:

— Что ты ржешь, как жеребец? Некогда было мне эту ерунду древнюю изучать. Ты после учебы с девочками в оперы ходил да на танцы, а я учебники на дежурствах между операциями читал. Ты еще лейтенантских звездочек не нюхал, когда я «Почетного чекиста» получил! Ишь тоже еще Леверье отыскался...

— Владимир Иванович, не воздвигайте искусственной проблемы отцов и детей!

— Тоже мне ребеночек! Животик не болит от вишневого варенья? Я ж тебя знаю — сметал, наверное, полведра?

— Ну-у, Владимир Иванович, вы не правы. Я же сластей вообще не ем!

— Ладно, ладно, давай дальше.

— Дальше — окно на лестнице. Вот окно это мне не нравится. Лестничная клетка находится в конце коридора и выход на нее из бокового прохода. Этаким аппендикс. Площадка из коридора не просматривается. Лестницей пользуется в основном обслуживающий персонал — горничные, монтеры, слесари. По существу, это черный ход. Выходит он во двор гостиницы. Дверь внизу обычно запирают в десять вечера. Наверху лестница переходит в чердачную площадку. Дверь на чердак заперта и была когда-то опломбирована. На петлях висят обрывки проволоки, а в углу я отыскал смятую пломбу. Пол там очень запылен, и на бетоне нечеткие следы ног. Перекопали мы чердак сверху донизу, но ничего не нашли. Отпечатки следов на всякий случай мы сняли. Надеялся я, все-таки, стреляную гильзу найти — нет, ничего. Сейчас поеду беседовать с Козаком этим и с Лагуновым. А лестницей еще придется заняться...

3.

— Я вам объясню, из-за чего произошло убийство, — сказал Козак. — Не надо быть всевидящим пророком, чтобы объяснить, из-за чего могли убить молодую интересную женщину. Любовь. Да, да, любовь! Это страшная штука, должен вам заметить. Меня самого однажды чуть не убили из ревности.

Тихонов внимательно смотрел на него: Козак был чрезвычайно наряден, мал ростом и невыносимо энергичен. Он без усталости катался по небольшому номеру на своих коротких ножках, ловко обходя все препятствия на пути.

— Да-да, я вам серьезно говорю. У меня был такой острый роман в Смоленске. Неповторимая дама! Волшебный экстерьер! Я не женился на ней случайно. Когда я уехал из Могилева в Минск...

— Вы же сказали, что в Смоленске...

— Да, но ведь мне потом пришлось перевестись в Могилев, и она приезжала ко мне. О, эти незабываемые про-

щания и встречи на вокзале! Я получил тогда строгача с понижением в должности...

— За прощания на вокзале?

— Нет, к сожалению, за встречи, — ловко обогнул тумбочку Козак. — А вы смеетесь? Зря, зря, товарищ Тихонов. Ваше лицо мне симпатично, поэтому я с вами так откровенен. Скажу вам тет-а-тет, как мужчина мужчине, — сколько я горел из-за женщин! Как горел, боже мой! С дымом, с треском! Но не могу я бороться с чувством прекрасного в себе!

— И давно вам так тяжело?

— Первый выговор я схлопотал лет двадцать назад. — Козак чуть не палетел на стул.

— Просто вам надо жениться по любви, — сказал участливо Тихонов.

— Ах, милый мой, я уже четырежды был женат по любви.

— Слушайте, Козак, у вас не сердце, а дворец бракосочетаний. Вашу бы энергию, да на мирные цели...

— Интерес к женщинам — стимул любого творчества, — обиделся Козак. — Все великие люди были неравнодушны к женщинам — Леонардо да Винчи и Рафаэль, Петр Первый и Наполеон, Пушкин и Толстой. Это же достоверный факт!

— А вы, мол, замыкаете этот славный ряд?

— Я не Рафаэль и не Наполеон...

— Заметил, — кивнул Стас.

— ...Но и я имею перед человечеством заслуги, — важно сказал Козак.

— По части чего? — вежливо осведомился Стас.

Тут Козак обиделся всерьез. Он полез в шкаф, достал чемодан, из него потертую кожаную папку с надписью «На подпись». Папка распахнулась с треском. Почетные грамоты, благодарности, вырезки из газет свидетельствовали о трудовых успехах инженера-строителя Л. А. Козака. Среди бумаг лежала фотография еще совсем молодой, очень красивой женщины.

— Это моя супруга, — с гордостью сказал Козак.

— Четвертая? — съехидничал Стас.

— Практически, — замылся Козак.

— А теоретически? — как клещ, привязался Стас.

— Видите ли, сложные житейские обстоятельства помешали нам с четвертой оформить брак официально.

— Строгач или понижение? — сочувственно спросил Стас.

— Перебросили в сельское строительство на Львовщину, — вздохнул Козак.

— Там вы и познакомились со своей нынешней, пятой супругой?

— Да, ее папа, мой тесть, начальник межрайонной конторы «Сельэлектро»...

Стас неожиданно вспомнил, что Львов не так уж далеко от Ровно, куда Таня ездила в командировку. «Пора начинать атаку», — подумал он.

— А ее папа, ваш тесть, намного вас старше?

— На четыре года. А что?

— А то, что я хочу узнать, как вы провели вечер прошлого понедельника?

— Вечер? Прошлого понедельника? — споткнулся Козак.

— Да-да, уважаемый Лев Алексеевич, именно вечер прошлого понедельника. И подробнее.

Козак подумал.

— Часов в пять я уехал из гостиницы. Походил в городе по магазинам, потом поехал к друзьям, в гости.

Говорил он не спеша, и Стас почувствовал, что Козак думает над каждым словом.

— Когда вернулись в гостиницу?

— Было уже поздно, но время я не заметил.

— Сколько времени вы ходили по магазинам?

— Часов до восьми.

— В каких магазинах побывали, если не секрет?

— В Марьинском универмаге, в комиссионном магазине на Октябрьской улице, потом в комиссионке на Колхозной, еще в нескольких... Вот жене сумку купил.

Тихонов взял у него из рук изящную черную сумку, повертел в руках, откинулся в кресле.

— Приятно поговорить с вами, Лев Алексеевич.

— Почему? — насторожился Козак.

— Потому что ваш рассказ напомнил мне один старый, но ужасно смешной анекдот. Разрешите его вам поведать?

— Сделайте одолжение, — растерянно развел руками Козак.

— Вернулся один человек из отпуска и рассказывает друзьям: «Как только, говорит, я приехал в Kislovodsk,

так сразу же пошел на море и искупался». «Позвольте, — говорят друзья, — ведь в Kislovodске же нет моря!» «Так вот, я не знал, что в Kislovodске нет моря, пошел и искупался», — отвечает курортник. Правда, смешно?

— Смешно, — согласился Козак. — Но какое это имеет...

— Отношение? — спросил Стас, перехватив напряженный взгляд Козака. — А такое: вы не знали, что по понедельникам промтоварные магазины в Москве закрыты, — пошли и купили сумку. Смешно?

Это был чистый гол. Козак даже бегать перестал. Он стоял посреди комнаты, нервно вытирая губы концом своего элегантного галстука. Тихонов невозмутимо крутил в руках сумку. Козак решил выкатить мяч в центр и начать игру сначала.

— Простите, я, видимо, перепутал. Да-да, я купил сумку во вторник.

— А к друзьям тоже во вторник ездили?

Козак замешкался на мгновение:

— Не-ет, в гостях я был в понедельник...

— Кто ваши друзья? Где они живут? — Стас достал записную книжку.

— Их фамилия Алепины. Они живут на Юго-Западе.

— Телефон есть?

— Нет. Должны скоро установить.

— Когда вы приехали к ним и сколько там пробыли?

— Около шести. А уехал поздно.

— Они, наверное, смогут подтвердить, что вы провели у них весь вечер?

Козак заерзал. Он затянул узел галстука до отказа, потом растянул его совсем, отстегнул верхнюю пуговицу сорочки, снова подтянул узел.

— Вы сейчас помните свой прекрасный галстук, — спокойно сказал Тихонов. — Так как же насчет Алепиных?

— Я вам могу поклясться честью, что я провел там весь вечер, но мне бы очень не хотелось, чтобы вы этот факт у них проверяли!

Тихонов удивленно поднял брови:

— Это почему же?

— Вы же интеллигентный человек! Вы же понимаете, что всем всего не расскажешь. Вы же знаете, что ваш приход может быть неправильно истолкован. Представляете, как это звучит для простых людей, где-то немножко

ко обывателей, — о друге дома расспрашивают из МУРа! Ведь это же не просто. Это же МУР! Это же звучит как!

— Гордо! — мрачно отрезал Тихонов. — Но доводы ваши я считаю неубедительными. Тем более что честному человеку нечего бояться, если официальное лицо наводит справки во имя закона. Поэтому нам придется вместе поехать сегодня к Алешиным.

— Но это же невозможно! — с отчаянием сказал Козак.

— Возможно. Очень возможно. Я вам это точно говорю, — отозвался Стас.

— Но дело в том, что Алешина сейчас нет дома.

— То есть как? А где же он?

— В командировке, — упавшим голосом сказал Козак.

— А где же вы были тогда?..

— Я же говорю — в гостях у Алешиных.

— Так-так-так, — забарабанил Тихонов пальцами по ручке кресла. — Вы уж формулируйте тогда точно — у Алешиной, а не у Алешиных.

— У Алешиной, — покорно вздохнул Козак.

Тихонов задумался. Просто смех и грусть берут, когда подумаешь, с чем только не сталкиваемся на работе. Впрочем, это тоже объяснимо. Мы же ходим всегда, как пограничники, вдоль тонкой линии, разделяющей нормальное и извращенное. Но у пограничников — полосатые столбы, распаханная полоса, на ней остаются следы. А мы эти столбы ставим сами и полосу напьем на себе. Поэтому в разговоре нельзя поставить деликатную точку, нельзя на обыске тактично отвести взгляд от чужого белья, нельзя не видеть чужих пороков и слабостей. Как это трудно — иметь большие права, которые во сто раз тяжелей наших нелегких обязанностей. Но иначе нельзя — мы ставим столбы между людьми и убийцами. Убийство — не абстрактная картина, здесь непонятного и недосказанного быть не может. И кто-то должен копаться в чужой грязи и крови, чтобы не было вообще грязи и пролитой крови.

Тихонов провел ладонями по лицу, будто умывался, потом встал:

— И все-таки, Лев Алексеевич, я должен вас огорчить: к Алешиной нам сегодня придется поехать.

— Но вы убедитесь, что все это ерунда, и сами же потом будете смеяться.

— Может быть. Но, как говорит мой начальник, хорошо смеется тот, кто смеется без последствий.

Отворилась дверь, и в комнату вошел высокий седой человек. Он подошел к Тихонову, сказал звучным веселым басом:

— Здравствуйте! Лагунов. — И крепким мужицким пожатием стиснул ему руку.

4.

— ...Нет, дорогой мой, у вас архаические представления о нынешней периферии! — сочно захохотал Лагунов. Его лицо красно, крупные черты подвижны, небольшие седые усы вздыблены.

— Небоскребы у нас, на Орловщине, не строят, как на проспекте Калинина, скоростную химчистку палажкивают второй год — это все верно. Но вот вы, столичные жители, всегда немного кокетничаете с нами, провинциалами: «Ах, у нас такая спешка всегда, такой ритм жизни бешеный!» Так ритм — что? Уже давно нужны другие категории, другие определения. Я бы сказал, что надо нынешнюю жизнь мерять ее наполнением, насыщенностью... Да и ребята у нас сейчас хорошие растут, грамотнее нас, глубже жизнь знать хотят. Мне тут как-то сын — семнадцать лет парню — говорит: «Папа, а где бы взять почитать Пруста?» Я ему — снисходительно так: «Вон в шкафу пятитомник стоит. Прочитай сначала «Фараона» — отличная вещь. Помолчал мой Алеха, потом говорит: «Папа, я Болеслава Пруса читал, я про Марселя Пруста спрашиваю». Бах! Я чуть от стыда не сгорел. А ведь мы их воспитывать должны. Вот мой сосед Брэдбери читает. Я посмотрел — сложно, конечно, но чертовски интересно. ...Да, видать, чтобы кого-то воспитывать, надо самому учиться здорово!

— А вы как думали... — рассудительно сказал Тихонов. Лагунов быстро повернулся к нему:

— Вам, молодой человек, хорошо. А вот мне где время взять? У меня вон была намечена целая программа, а я за все время в Большой театр один раз вырвался. Как раз в тот день, когда здесь все это случилось...

— Надо же... — равнодушно отозвался Тихонов.

— Конечно, скромничать не буду, на выставке Юона побывал, — сказал Лагунов, загибая пальцы. — Потом посмотрел музыкальное ревю... Но ведь раз в год!

— А спектакль хороший был? — спросил Тихонов.

— Отличный. «Князя Игоря» давали. Великолепно все это — в музыке такая мощь, что после спектакля чувствуешь себя причастившимся к великой силе духа. Я бы детей-школьников в обязательном порядке водил на эту оперу, — засмеялся Лагунов.

— Исполнители пожизне стали, — сказал Стас. — Кто Кончака-то поет сейчас?

— М-мм... этот... о, черт!.. ну... — Лагунов замялся, выжидательно посмотрел на Тихонова, но тот не сделал никаких попыток ему помочь.

Лагунов беспомощно развел руками, и Тихонов наконец смиловился:

— Огнивцев?

— Огнивцев? — повторил Лагунов. — Н-нет, фамилию забыл... Как же его?.. — И вдруг обрадованно закричал: — А-а! Сейчас я вам точно скажу — у меня же программка была!

Лагунов вынул из тумбочки добротный, уже потемневший бумажник из свиной кожи, вывалил из него на стол ворох бумажек и стал перебирать их толстыми сильными пальцами.

— Сувениры как-никак, — смущенно улыбнувшись, сказал он доверительно. — Ага, так. Это программа музыкального ревю... билет на выставку... так-так... билет в Большой... так, телеграмма — не то... ага, вот она, программка! Ведерников! Ведерников! — Он аккуратно сложил бумажки, бережно спрятал их в тумбочку и сообщил Стасу: — Конечно, хороший он певец, Ведерников, но, кто Максима Дормидонтовича Михайлова слышал, тот может сказать, что был знаком с половецким ханом лично. — Лагунов провел ладонью по усам. — И все-таки здорово — получил большое удовольствие!

— Дмитрий Михайлович, а когда вы узнали про убийство? — спросил Тихонов.

— Да сразу же! Как пришел я за ключом — времени уже около одиннадцати было, — мне горничная Ханя и рассказала. Минут за десять до этого тело увезли, а они все — горничные — в окна глазели.

— А в город вы уехали задолго до убийства?

— Так я ведь и не знаю, когда ее убили-то. Мне потом рассказали, что в гостинице шум поднялся, когда ее напали — около девяти, что ли. А мы со Львом Алексеевичем в пять уехали.

— Лев Алексеевич-то куда направился?

— Видите ли, мы договорились ехать в половине шестого, но в пять ему позвонили, и он куда-то заторопился. А мне надо было жене письмо дописать, он не стал меня ждать и уехал. Минут через десять — пятнадцать поехал и я.

— Значит, вы запирали номер?

— Да, конечно.

— А кому из дежурных сдали ключ?

— Ну, дорогой, я этого уж не помню. Сами посудите — сколько их там. А вечером я взял ключ у Хани. Это я точно запомнил, потому что именно она рассказала мне про убийство.

— А когда приехал Козак?

— Затрудняюсь сказать. Но, наверняка, поздно. Я еще, помню, дослушал последние известия по радио, потом почитал с часок и заснул.

Тихонов спросил:

— Вы не слышали, когда Козак вошел?

— Слышал. Я проснулся на мгновение, он мне еще сказал: «Тише, тише. Все в порядке, свои». И я снова уснул.

— Он вам не показался взволнованным? — спросил Стас.

Лагунов захохотал:

— Знаете ли, спросонья да еще в темноте определять нюансы душевного состояния я не берусь.

На журнальном столике у кровати Козака лежала книга — томик Брэдбери. Тихонов лениво перелистал книжку. На титульном листе — штамп: «В дар Народной библиотеке им. А. П. Чехова на добрую память о читательнице Суламифь Яковлевне Пайкиной». Тихонов улыбнулся, хлопнул переплетом, встал:

— Ну, простите, Дмитрий Михайлович, за отнятое у вас время.

— Да что вы говорите! У меня и дела-то все закончены, билет домой заказан. Хочу успеть у себя еще и полая сходить — через две недели отстрел заканчивается.

— До свиданья.

— Всего хорошего. Если будете в наших местах, на Орловщине, — заезжайте. Я вас такой лосятиной жареной угощу, пальчики оближете.

— Если будет возможность — с удовольствием. Спасибо. До встречи.

5.

В холле Савельев вел душевспасительную беседу с томящимся Козаком. Увидев Тихонова, Козак привстал.

— Мы едем или вы, может быть, передумали?

— Одну минуту. — Стас подошел к столу дежурной по этажу. — Скажите, пожалуйста, кто работал на вашем этаже в тот понедельник?

— Наша же смена. Мы дежури́м сутки, а потом трое свободны. В понедельник как раз мы и работали.

— Кто из жильцов пятьдесят восьмого номера сдавал вечером ключи?

— Ей-богу, не помню. У меня же сорок номеров на этаже, да и прошло больше недели. Разве упомнишь?

— А когда они вернулись в гостиницу?

Дежурная подумала, помялась, покраснела:

— Знаете, я в тот день белее сдавала, намаялась. Поэтому часов в десять прилегла вздремнуть немного — мне же всю ночь сидеть. А здесь Ханя осталась. Давайте ее спросим.

— А кто это — Ханя?

— Горничная наша — Ханифя Гафурова.

— Давайте сюда вашу Хапифю.

Гафурова, быстроглазая моложавая женщина, сказала, что ключ забрал Лагунов. Он пришел вскоре после того, как с пустыря уехали милицейские машины и «скорая помощь».

— Очень веселая был, все песню напевал, из театра пришел.

— Кто веселая?

— Лагунов. Все пела, тихо, правда: «О дай-ка, дай-ка мне свободу».

— А Козак когда пришел?

Ханифя задумалась, потом весело сказала:

— Задремал я, не слышал. Но шибко поздно было, я в три часа задремал.

— Не боитесь, что гостиницу из-под носа украдут?

— Не. У нас кража никогда не был.

— Удивительно, что не было, — хмуро сказал Тихонов. — А никто не приходил в этот день к жильцам в пятьдесят восьмой номер?

— Может быть, приходил. Не видел я, — сказала Ханифя. — У нас учет сейчас — шибко дел много. Мы только в полночь смотрим, чтоб чужие в номерах не бывали.

— Спасибо, вы свободны, — сказал Стас и снял телефонную трубку. Набрал две цифры. — Абонированный «голубая звезда». Дайте телефон репертуарной части Большого театра. Есть, записываю. Отбой.

Набрал номер.

— Большой? Добрый день. Из милиции говорят. Сообщите, пожалуйста, какой спектакль шел четырнадцатого числа на основной сцене. «Игорь»? Прекрасно. Заодно уж, подскажите, кто пел партию Кончака? Ведерников? Хорошо. А замен не было? Нет? Когда оканчивается спектакль? Отлично. Всего доброго.

Повернулся к Савельеву:

— И к Лагунову больше вопросов не имеем. Ты, Савельев, поезжай домой, выпись как следует, завтра будешь пужен. А со Львом Алексеевичем мы сейчас предпримем одну прогулку...

В автобусе Стас позорно заснул. Он долго клевал носом, потихоньку наклонялся вперед, вдруг резко встряхивался и откидывался назад. Потом голова его съехала набок и уютно легла на мягкий ондатровый воротник сидевшего рядом Козака. Козак сидел, не шелохнувшись, хотя ему было неудобно и тяжело. В автобусе было холодно и тихо, лишь завывал мотор, когда машина с разгона въезжала на обледенелую гору, да голос водителя, охрипленный динамиком, называл остановки. На Херсонской улице Козак осторожно постучал ладонью по колену Тихонова:

— Мы приехали, нам пора сходить.

— Да-да, войдите, — сказал Стас и проснулся. Он протер глаза, чертыхнулся, спросил:

— Давно я уснул?

— От самого метро, почти сразу, — сказал Козак. — Ничего страшного, я вас понимаю, сам устаю на работе.

На Херсонской было темно, с близких деревьев ветер доносил запах хвои и сухого холода, гребешки сугробов вспурживало белым дымом. Тихонов зябко поежился,

взглянул на огоньки микрорайона, стоявшего в стороне от остановки, невольно рассердился:

— Давайте, ведите, — и пропустил Козака вперед.

На заснеженной пустынной улице холодный ветерок с крупной, как в аэродинамической трубе, продувал насквозь, заныли щеки и пальцы. Тихонов засунул руки в подмышки и, сгорбившись, медленно шел за бойко вышагивающим Козаком, лениво думал: «А я ведь даже не пощупал его слегка в автобусе — прекрасный будет номер, если он сейчас вынет «пушку» и вложит в меня пару полноценных свинцовых пломб. Ну и черт с ним. Можно было бы полежать хоть немного до «скорой помощи».

Однако эта мысль добавила Стасу силенок. Он выпрямился и быстрым шагом догнал Козака, взял его под руку и стал с интересом расспрашивать о перспективах сельского строительства на Львовщине. Легкими незаметными движениями ощупывал карманы Козака. Потом улыбнулся и сказал:

— Лев Алексеевич, в какой-то степени я склонен верить в вашу непричастность к трагическому происшествию на пустыре...

Козак остановился, прижал руки к груди и сказал:

— Дорогой товарищ Тихонов! Я же говорил вам об этом с самого начала. Так зачем нам идти сейчас в этот дом — смущать покой и моральное состояние замечательной женщины. Давайте лучше вернемся и выпьем по случаю благополучного разрешения всех вопросов бутылку коньяка!

Тихонов покачал головой:

— Нет. К Алешиной мы пойдем все равно. Но я заинтересован в вашей предельной искренности...

— Можете на нее рассчитывать, — снова приложил руку к сердцу Козак. Для этого он даже сдернул перчатку.

— Вот и расскажите мне подробно о том, как вы в понедельник уезжали из гостиницы.

— Мы договорились с Лагуновым часов в пять вместе выехать в город. Он сел писать письмо жене и писал очень долго, так что мне стало жарко, и я уехал. — Пар изо рта Козака вырывался четкими круглыми клубочками.

— И все? — спросил Тихонов.

— Вроде бы все.

— Чтобы вызвать вас на полную откровенность, предложу небольшой психологический тест. Хотите, напри-

мер, чтобы я подробно рассказал, что и в каком кармане у вас находится?

— Хочу, — нетвердым голосом сказал Козак.

— В левом боковом кармане пальто у вас лежит связка из семи или шести ключей. И спичечная коробка, в которой мало спичек. В правом кармане — папиросы «Три богатыря». В левом боковом кармане пиджака — дамская расческа. В правом — перочинный нож с двенадцатью разными приспособлениями, изготовленный заводом «Красная заря», ценой пять сорок. Да, и еще там лежит носовой платок. В левом внутреннем кармане пиджака у вас деньги, а в правом — портмоне. В портмоне — билет в купейный вагон скорого поезда Львов — Москва, счет за десять дней проживания в гостинице, сильно почерканный список разных вещей, командировочное удостоверение. Да, забыл совсем, квитанция на отправленную телеграмму. Там, где бумажник перегибается, отпорота подкладка и под ней — фотография Алешиной. В отдельном карманчике — десять рублей целой купюрой.

— Пятнадцать: десять и пять, — совсем плохим голосом сказал Козак.

— Может быть, — кивнул Стас. — Ну, и, заканчивая наш опыт, могу сообщить, что в верхнем карманчике у вас лежит коричневая кожаная книжечка с тиснением: «Министерство сельского строительства УССР». Как, все правильно?

— В бумажнике есть еще записка в Госплан, — тихо сказал Козак. — Но откуда вам все это известно?

Стас многозначительно ответил:

— Профессиональная тайна. За ее разглашение я могу угодить под суд. Но если я вас убедил, что знаю о гражданине Козаке гораздо больше, чем он думал, и вы станете искреннее, то обещаю на обратном пути рассказать, как я это узнал. Так почему вы не дождались Лагунова? Какая вам звонила женщина? — сделал «накидку» Стас.

— Пуся. Пуся Алешина.

— Ну-ну. И еще: говорил ли вам Лагунов, что собирается в театр?

— Да, кажется, говорил. Да-да, говорил, что хочет попасть в какой-нибудь театр, если повезет с билетами...

Дверь открыла высокая полная брюнетка в скромном голубом халатике.

— Ой, ты не один! — Она смутилась и убежала в глубь квартиры. Из-за двери спальни доносился ее приглушенный грудной голос, чуть в нос: — Ну, Львенок, как тебе не стыдно приглашать друзей, не предупреждая меня заранее. Мне же вас и угостить нечем!

Козак перво ходил под дверью:

— Пусенька, это не мой друг... То есть нет, я не так сказал — друг, конечно, конечно. Но, видишь ли, у нас такое щекотливое дело...

Пуся вышла из спальни в нарядном черном платье, разрисованном павлиньими хвостами. И Тихонов вспомнил, как жутко орали павлины в ту ночь.

— Что ты лопочешь, Львенок? — спросила она списходительно, направляясь к Стасу с протянутой рукой.

— Тихонов, — представился он.

— Полина Владимировна, — кивнула Алешина. Она возвышалась над маленьким Козаком, как океанский фрегат.

— Ты помнишь, Пусенька, в прошлый понедельник, когда... — торопливо забормотал Козак.

— Минуточку, — остановил его Стас. — Я работник уголовного розыска.

Глаза Алешиной стали квадратными.

— Мне нужно знать, где провел вечер и ночь четырнадцатого февраля — в прошлый понедельник — ваш приятель Лев Алексеевич Козак.

У Алешиной челюсть отвисла аккуратным балконом. Она несколько раз глотнула воздуха и раскатистым голосом, постепенно набиравшим силу, дала залп:

— Да вы что?! Да как вам не стыдно задавать мне такие вопросы? Этот человек, — она ткнула рукой в сторону Козака, — действительно бывает у меня в гостях. Но очень редко и всегда в благопристойное время! Я замужняя женщина, и ваши вопросы оскорбляют меня! Я инженер-экономист! И последний раз я его видела не меньше года назад!

— Как год назад, Пусенька? Ведь позавчера... — заверещал Козак.

— Замолчите, грязный человек, и не втягивайте меня в ваши плутни!

— Одну минуточку, — постучал Стас ключом о графин, как будто утихомиривая страсти на собрании. — Полина Владимировна, я прошу вас серьезно отнестись к моему вопросу, потому что речь идет об убийстве.

— Пусенька, родная моя, пойми, речь идет об убийстве, — застонал Козак, пытаясь обнять Алешину за талию.

Алешина одним движением отшвырнула его от себя:

— Позвольте, позвольте, гражданин! Я вас знать не желаю и видела последний раз в прошлом году в присутствии своего отсутствующего супруга. И попрошу вас не марать моего доброго имени! Не смейте больше за версту подходить к нашему дому. Я еще к вам на работу сообщу о вашем недостойном поведении!

— Пусенька, о чем ты говоришь! Пойми, что все это очень серьезно, а товарищ Тихонов вовсе не имеет в виду чего-то другого...

— Прекратите эти неприличные разговоры. Я официально заявляю, что вас здесь не было, и я вас вообще... плохо знаю...

— Как плохо знаешь? — взвизгнул Козак. — Как не был? Как не был?..

Алешина злоево сказала:

— Вон отсюда, негодяй! Карлик!

Тихонов почувствовал, как его затопила волна омерзения и злости. «Хорошо бы ванну принять», — подумал он механически. Встал.

Алешина подошла к нему:

— Вы убедились, что его здесь не было?

— Нет, не убедился. А все, что я видел здесь, — гнусно. Гнусно! — И быстрыми шагами вышел из квартиры. Козак понуро шагал сзади и негромко бормотал: «Я такой любвеобильный и добрый человек... Кто мог знать?..»

Тихонов остановился и подождал его:

— Слушайте, Козак, я не любитель заниматься доносами, но если я хоть раз еще услышу от вас слово «любовь», я напишу любимой пятой жене письмо с описанием ваших походов...

— Не буду, — покорно согласился Козак.

На остановке долго ждали автобуса. Тихонов совсем замерз и проклинал себя, свою работу, блудливость Козака, подлость Алешиной, зиму, автобусное расписание.

В автобусе было совершенно пусто. Козак побежал к кассе с возгласом:

— Я возьму билеты...

— Мне не надо. Мне полагается бесплатный проезд.

— Неужели? — пришел в восторг Козак.

— А что же вы думали, что я к вашим дамам еще на собственные деньги должен ездить?

— Нет, конечно. Это только справедливо.

Минут десять молчали. Тихонов немного отогрелся, вспомнил испуганно-возмущенный вид Козака, и ему стало смешно. Козак, видимо, тоже успокоился и робко сказал:

— Если вы только не передумали, товарищ Тихонов, и у вас не будет, упаси бог, неприятностей на службе, расскажите, пожалуйста, как вы узнали, что лежит у меня в карманах.

Тихонов засмеялся:

— Меньше о пашнях думать надо, тогда будете наблюдательней. В левом кармане ключи — вы продавили мне ими бок, сидя рядом в автобусе. Там у вас лежало еще что-то твердое, я все не мог понять. Но когда вы прыгнули с подножки, загромыхали спички. Ясно? Когда мы шли по тротуару, в узких заснеженных местах вы прижимались ко мне правым боком и я ощущал какую-то гладкую плоскую поверхность. В пепельнице на столе я видел окурки папиросы с изображением трех былинных молодцов. Что же еще вам держать в кармане, как не «Три богатыря»? Перочинный нож? Ну, это совсем просто. Под столом валялась картонная коробочка из-под него с описанием всех его достоинств. Когда я пришел в номер, вы, как воспитанный человек, сразу надели пиджак. При этом я заметил, что левый внутренний карман у вас застегнут булавкой. Для надежности. Ясно, деньги.

— Да, но откуда вы узнали, что лежит в бумажнике?

— Проще простого. Железнодорожный билет и счет за гостиницу вы сохраняете для отчета. В гостинице надо оплачивать каждые десять дней, а живете уже тринадцать. Судя по куче свертков и пакетов на вашей кровати, вы покупали для дома разные разности. Чтобы не забыть чего-нибудь, жена дала вам список — из него вы вычеркивали уже купленное...

— А пятнадцать рублей?

— Заначка. На прощальный бал с Пусенькой. Все просто.

— Незабываемо... — восхищенно сказал Козак.

Тихонов сонно глядел в окно, задумчиво отбивая пальцем на замерзшем стекле только ему известный ритм. Потом спросил:

— Послушайте, Козак, вы читать любите?

Козак подозрительно покосился:

— Вообще-то... как любой интеллигентный человек... то есть конечно... если есть время.

— Понятно. А какой жанр вас больше привлекает?

— Это даже трудно сказать, — замаялся Козак, но сразу же воспрянул: — Мне близка интеллектуальная фантастика! Особенно английская

— Вы полагаете, что Брэдбери — англичанин?

— Ха-ха! — сказал нервно Козак. — А что — нет? Впрочем, я всегда предисловие читаю потом, чтобы не создавалось предвзятое мнение.

— Так какое же у вас сложилось непредвзятое мнение?

— Великолепно, великолепно. Правда, я ее не дочитал еще до конца, потому что совсем недавно достал с большим трудом. Вы же знаете, как трудно достать Брэдбери!

— Угу, — кивнул Стас...

В центре Тихонов сошел. Он постоял на остановке, и со стороны могло показаться, что он забыл, куда ему надо идти. Стас достал из кармана какую-то схему из квадратов, соединенных стрелками. Снежинки падали на листок и слабо искрились под неживым светом уличного фонаря. Стас стряхнул ручку и, прислонив книжку к столбу, стал аккуратно заштриховывать квадратик, где была вписана фамилия Козак. Зачеркнув половину, Стас остановился, подумал. Закрыл книжку, засунул ее глубоко в карман и медленно пошел домой.

Была ночь, была уже среда, пятнадцать минут третьего.

СЛЕДУЮЩАЯ СРЕДА

1.

Винтовку, из которой убили Таню Аксенову, нашел в среду Савельев. Он позвонил Тихонову утром и сказал своим немного сонным голосом:

— Але, Тихонов, это Савельев говорит. Я вроде бы винтовку ту самую нашел. Приезжай сюда, в отделение, с пацанами поговорить надо.

Тихонов от такого сообщения немного обалдел:

— С какими пацанами?

— Приезжай, здесь потолкуем...

— Я тебе все по порядку, — сказал Савельев. — Эксперимент, значит, наш вчерашний, шуму наделал много. Все только об этом и толкуют. Пошел я «в люди»: народ-то взбудоражен — собираются все, обсуждают, каждый свою версию строит. Человек двадцать до вечера в отделение явилось — свою помощь предлагают, подозрения высказывают, ну и тэ дэ и тэ пэ. Захожу я в булочную, тут о том же разговор. Слышу — одна тетка другой подробно все происшествие излагает, а потом резолюцию накладывает: ничего, мол, удивительного, хулиганье распустилось... Вон Гафурова — дворника — сын Муртаза сегодня в обед притащил ружье и давай вместе с приятелем по птицам палить! Я, само собой, уточнил у тетки адрес, фамилию и — к Гафуровым. Вызвал тихо Муртазу, шепнул ему: «Ну-ка давай, мол, ружьишко свое!» Муртаза постеснялся немного, поотнекивался, слезу, конечно, пустил. Потом, само собой, объясняет: «Винтовка-то у приятеля, Сережки Баранова, лежит». Пошли к Сережке. Там без лишнего шума эту винтовочку и изъяли. Калибр — пять и шесть десятых. Тот, что мы ищем. Оба пацана здесь, в разных кабинетах сидят. Разговаривать прямо сейчас будем?

— Конечно, — рассеянно отозвался Тихонов, рассматривая винтовку. Обыкновенная пятизарядная винтовка калибра пять и шесть десятых миллиметра. Необычной была только деревянная ложка — короткая, грязно-белого цвета, выструганная, похоже, из доски.

— Побеседуй с Сережкой, — сказал Тихонов. — А мне давай Муртазу...

Через порог ступил маленький плотный мальчишка лет четырнадцати. Он молча прошел к указанному Тихоновым стулу, сел, закрыл глаза и неожиданно громко заревел на одной низкой нудной ноте. Стас с интересом смотрел на него, ждал. Муртаза ныл довольно долго. Тихонов терпеливо дожидался. Муртаза осторожно приоткрыл один глаз, остро зыркнул из-под черной челочки.

— Ну хватит, что ли? — сказал Тихонов. — Где ты это таким фокусам научился?

— Нигде, — спокойно сказал Муртаза и открыл второй глаз. — Только не бейте, дяденька!

— Что-о? — спросил удивленно Тихонов.

— Не бейте, говорю.

— Ладно, не буду, — усмехнулся Тихонов. — Ты запомни только — советских граждан никто бить не смеет. А ты — советский гражданин.

Муртаза сразу приосанился, важно сказал:

— А как же! Конечно. Я сам все расскажу.

Тихонов поддержал:

— Я в этом и не сомневаюсь — ведь тебе скрывать нечего?

— Ага... — Муртаза собрал под челочкой мелкие морщинки, задумался. Черные хитрые глазки смотрели сосредоточенно. — Значит, было так. Иду я утром в школу, а по дороге машина снегоочистительная едет. Знаете, такая, снег передом загребает, а сбоку он, как из пушки, вылетает. Я, конечно, постоял, посмотрел. Ну, проехала эта машина, а снег по краю, как ножом обрезала. Гляжу, из сугроба срезанного, около дороги, какая-то гладкая палка торчит. Подошел поближе, стал ее из сугроба тащить, гляжу — винтовка! Жалко только — одно дуло было. Я обрадовался, хотя она и без приклада была. Побежал к Сережке Баранову — он хвастался, что у него патроны есть. Взяли мы с ним доску, обстрогали, приладили к дулу...

— К стволу, — поправил Тихонов.

— К стволу, — повторил Муртаза. — Все хорошо получилось. Ну, решили попробовать, как она стреляет...

— Так-так...

— Взяли патроны, зарядили винтовку и пошли во двор.

— Когда? — спросил Тихонов. Муртаза подумал немного, быстро взглянул на Стаса.

— Вчера. Ну, бабахнул я разик. По вороне...

— Попал?

— Не-е. Сережке дал стрелкнуть — все-таки его патроны-то. Он попал.

— В кого? — негромко спросил Стас.

— В кого, в кого! В ворону! Она как раз в развилке на клене сидела...

— А потом?

— Потом все. Похоронили ворону и разошлись.

Тихонов поднялся, походил по кабинету. Повернулся к мальчишке:

— А в тот день, что винтовку нашел, ты в школу ходил?

Муртаза горестно покачал головой и, тяжело вздохнув, сказал:

— Сережка Баранов тоже не ходил...

— А когда же все-таки ты нашел винтовку?

— На той неделе.

— Точнее?

— Точнее? Так, в понедельник я был в школе, потом мы всем классом ходили в кино. А вот на другой день я школу и прогулял. Во вторник, значит, нашел. Сразу вместо школы к Сережке побежал...

Тихонов переспросил:

— А первый раз когда стреляли?

— Я же говорю — вчера!

— Ой ли? — покачал головой Стас.

— А как же, — заторопился Муртаза. — Пока деревнюшку приделали — два дня. Потом еще подождали...

— Чего же это вы ждали? — насторожился Тихонов.

Муртаза прищурил маленькие глазки:

— А вдруг хозяин винтовки найдется? Увидит ее у нас и сразу отнимет! Подождали, подождали, а вчера и решились ее попробовать.

— Значит, сколько же раз вы всего стреляли?

— Так я же говорю — два раза, — нетерпеливо сказал Муртаза.

— А сколько у Сережки патронов было?

— Пять.

— Остальные где?

— Вот они, — мальчишка полез в карманы, вывалил на стол кучу очень полезных вещей: механизм от старых часов, круглую батарейку, несколько значков, моток тонкой проволоки, авторучку без колпачка. Глухо звякнув, на стекло выпали, поблескивая латунными гильзами, три патрона.

— Ладно, — сказал Тихонов. — Кто твои родители?

— Отец работает дворником в нашем доме. А мать — горничная в гостинице «Байкал».

— Подожди, подожди, — стал припоминать Тихонов. — Ее как зовут — Ханифя?

— Да-а. А откуда вы знаете?

— Ты же сам сказал. А к матери на работу ты ходишь?

— Иногда хожу, — сказал Муртаза. — Денег на кино попросить или еще чего...

— Ясно. А в прошлый понедельник ты у нее был? После кино?

Муртаза опять задумался, потом неуверенно сказал:

— Н-пе помню. Я, кажется, до кино к ней заходил...

Тихонов усадил Муртазу на скамеечку в коридоре, вызвал Савельева. Из его короткого рассказа Стас понял, что приятель Муртазы, Сережка Баранов, повторил объяснения Гафурова слово в слово.

— Вот что, Савельев, — сказал Тихонов. — Ты сейчас свяжись с трестом благоустройства и на всякий случай проверь: работала ли пятнадцатого февраля снегоочистительная машина на Владыкинском проезде. Узнай, в какое время работала. И не забудь спросить, какая машина — плужная или шнековая? А я поеду с винтовкой в Управление. Пускай эксперты с ней поколдуют.

2.

Баллистическую экспертизу проводил старый опытный эксперт НТО Шифрин. Его заключение было лаконично и недвусмысленно:

«...Установлено совпадение индивидуальных особенностей канала ствола оружия и пули: ширины и крутизны следов от полей нарезков. Отмеченные признаки дают основание сделать вывод о том, что пуля, изъятая из тела Т. С. Аксеновой, стреляна из представленной на исследование винтовки номер БВ 806237, производства Тульского оружейного завода, обнаруженной у несовершеннолетних Гафурова и Баранова. Фототаблицы прилагаются».

— Ошибки не может быть? — недоверчиво спросил Тихонов.

— А вы посмотрите фото, — пожал плечами Шифрин. — Сопоставьте разные таблицы и вы увидите, как совпадают мельчайшие детали оболочки пули и канала ствола. Пуля стреляна из этой винтовки — это так же верно, как то, что сегодня среда и вы стоите передо мной!

— Хорошо, — сказал Тихонов. — Вы меня убедили. И я вам очень благодарен, Юрий Петрович. Вы себе даже не представляете, как нам сейчас важно получить оружие, из которого было совершено убийство!

— Почему не представляю, — добродушно сказал Шифрин. — Я шесть лет следователем работал. Потому так и старался.

Стас помолчал, потом сказал:

— Вы ведь почтовые марки собираете, да?

Эксперт оживился, влез пятерней в густую черную бороду, скрывавшую изувеченный шрамами подбородок — след лабораторного эксперимента с самодельной миной, явно заинтересовался:

— Собираю, собираю! Это все знают. А вы хотели мне что-нибудь показать?

Стас засмеялся, обнял Шифрина за плечи:

— Ничего подобного. Вы заслужили большего. Когда-то, еще студентом, я насобирал целый альбом всякого барахла. Но одна марка у меня есть по-настоящему ценная: Леваневский, 1935 год, с перевернутым штемпелем «Москва — Сан-Франциско». В знак искреннего уважения к науке я ее вам дарю.

— Этот подарок столь же щедр, сколь и неожидан, — растроганно сказал эксперт. — Но у меня нет сил его отклонить. Я даже не уверен, что смогу с вами расквитаться за этот царский подарок. Во всяком случае, я подумаю над этим вопросом.

— Не надо думать над этим вопросом, — сказал Тихонов. — Потому что я хитрый. Я вам принес еще работу...

— Где, какую работу? — засуетился Шифрин.

— Вот три патрона. Их надо исследовать по вашей линии, но в основном с позиций судебного химика. Вопрос: имеют ли эти патроны что-либо общее с пулей Аксеновой?

Эксперт подумал, что-то прикинул, сказал:

— Результаты будут завтра, что-нибудь к обеду. Устраивает? Кстати, вы полагаете, что пуля Аксеновой и эти патроны — из одних рук?

Тихонов хитро прищурился:

— Срок меня устраивает. А вот свои предположения насчет патронов я пока оставляю при себе. Вы уж не обижайтесь, но я не хочу, чтобы ваша симпатия ко мне распространилась на выводы экспертизы. Знаете, когда хочется сделать приятное человеку...

Шифрин засмеялся:

— Не морочьте мне голову. Какого черта вам исследовать эти боеприпасы, если бы вы не подозревали, что они из одного источника? Но не сомневайтесь, я не меняю науку на симпатии, даже под бременем такой редкой марки...

В Дзержинском районном тресте благоустройства вежливая девушка-диспетчер сказала Савельеву, что у них ведется строгий учет уборки улиц. Посмотрев документы, она сообщила, что во вторник, пятнадцатого февраля, Владыкинский проезд очищался от снега с восьми до девяти утра шнеко-роторным снегоочистителем номер МОН семнадцать сорок шесть.

— Вопрос исчерпан, — сказал Савельев вошедшему Стасу. — Снег действительно во вторник чистили, так что Гафуров не врет.

— Снег-то чистили, — отозвался Тихонов. — Но вовсе не факт, что он взял винтовку в снег. Давай проверять дальше.

— А что еще проверять?

— Смешно, по сейчас нам придется искать погибшую от рук этих злодеев ворону. А в ней — пулю. Одевайся, поехали.

Мальчишки сразу показали место, где они закопали ворону.

— Первый раз присутствую на такой экзгумации, — покачал головой Стас.

Однако здесь их ожидало разочарование — ворона была прострелена навывлет, пули не было. Тихонов уже хотел уезжать, но Савельев, у которого терпения почему-то всегда оказывалось больше, деловито спросил мальчишек:

— Ворона-то где сидела, когда вы стреляли?

— Вон, в развилке клена, — показал Сережка на старое ветвистое дерево. Савельев сказал:

— Вы здесь минутку погодите, — и с озабоченным видом куда-то ушел. Вернулся он скоро, волоча за собой ветхую деревянную лестницу. Скинув свое замечательное розовое пальто на руки Стасу, Савельев приставил лестницу к дереву, ловко и быстро влез наверх и закричал:

— Здесь?

— Чуть повыше! — показал Муртаза.

— И левее, — уточнил Сережка.

Савельев достал из кармана носовой платок, осторожно обмел прилипший к коре снег, уткнулся носом в развилку. Глядя на его рыжую шевелюру, Тихонов улыбнулся: «Ну чистый дятел». А Савельев продолжал методично обметать снег.

— Есть! Вот входное отверстие виднеется. Выковыривать будем или как?

— Или как, — отозвался Стас. — Будем выпиливать участок, где находится пуля. Слезай, надо достать инструменты и сходить за понятыми.

Надевая пальто, Савельев досадливо морщился:

— Скажи на милость, где сейчас понятых найдешь — на морозе-то стоять! Без них не обойдемся?

— Нельзя, брат Савельев, — сказал Тихонов. — По закону вещественные доказательства с понятыми изымать надо. Значит, быть по сему!..

4.

В коридоре Тихонов встретил худощавую подтянутую девушку — инспектора отдела разрешений.

— Добрый вечер, Галочка, — сказал Стас. — А я как раз к вам собрался. Вы проверили тот номер, который вам Савельев днем принес?

— Здравствуйте, товарищ Тихонов, — официально сказала девушка. — Задал же мне работы ваш Савельев! Ведь у нас винтовки числятся по фамилиям тех лиц, которым выданы разрешения на пользование оружием, поэтому все пришлось в обратном порядке проверять. Должна вас огорчить: винтовки, интересующей вас, на нашем учете нет и не было. Справочку пришлю завтра...

«Этого следовало ожидать, — размышлял Тихонов по дороге к себе. — Вряд ли кто бросит на улице винтовку, зарегистрированную на его имя. Но владельца теперь уже надо найти во что бы то ни стало — здесь может начаться очень интересная ниточка».

Тихонов вошел в кабинет, включил настольную лампу — при неярком ее свете комната не казалась такой унылой. Достал из ящика стола записную книжку, полистал, снял трубку.

— Алло, связь? Примите заказ на Тулу. Гормилиция, уголовный розыск, Хохлова.

Хохлов отозвался сразу, как будто ждал звонка Стаса.

— Привет, Толя, — сказал Тихонов. — Как жив? Вот и отлично. Толя, у меня к тебе срочная и очень важная просьба. Добро, ты же знаешь — за мной не пропадет. Так вот, слушай. Поедешь на оружейный завод, в отдел сбыта. У меня есть винтовка — ТОЗ-17 за номером Вера — Борис восемьсот шесть двести тридцать семь. Запиши. По это-

му номеру установи дату выпуска — раз. По дате выяснишь номер партии — два. По номеру партии тебе скажут, по какой накладной эта партия была отпущена — три. Ну, а по накладной уже легко установить получателя — четыре. Все понял? Номер винтовки записал? Значит, сделаешь? Понимаю, что не сегодня. Но завтра, старик, жду звонка обязательно. А копию накладной сразу же вышли фельдсвязью. Все, салют!

Тихонов устало вздохнул и стал собираться домой.

СЛЕДУЮЩИЙ ЧЕТВЕРГ

1.

«...Для комплексного химико-баллистического исследования представлены три объекта:

№ 1 — три патрона калибра 5,6 мм, изъятые у подростка Гафурова.

№ 2 — одна пуля калибра 5,6 мм, извлеченная из дерева по протоколу от 23 февраля 196* г.

№ 3 — одна пуля того же калибра, послужившая причиной смерти Аксеновой Т. С...

...На основании результатов химико-баллистического анализа, приведенного в исследовательской части настоящего заключения, экспертиза приходит к следующим выводам:

1. Пули, взятые из объектов 1 и 2, абсолютно одинаковы по форме, твердости, весу и химическому составу и являются изделиями одной производственной партии.

2. Пуля, обозначенная как объект № 3, по твердости и химическому составу отличается от объектов №№ 1 и 2. С учетом особенностей технологии изготовления патронов можно категорически утверждать, что объект № 3 не относится к партии изделий, которой принадлежали объекты №№ 1 и 2.

Эксперты: *Шифрин
Варламов*

Тихонов отложил в сторону заключение экспертизы. Так, ясно. Похоже, что мальчишки здесь ни при чем: у них другие патроны. Если бы еще иметь уверенность, что Муртаза действительно стрелял по птице... Но этого пат-

рона нет, и он безвозвратно потерян. Смешно получается: пока что все, кого мы подозревали, — невиновны: Панкова, Казанцев, Муртаза... Кто же преступник? И где он?..

2.

Тихонов сидел за столом, опершись подбородком на сцепленные ладони, смотрел бессмысленно в окно... Остается минимальная надежда на винтовку. Может быть, удастся найти владельца и начать разматывать от него новую версию. Все старые можно считать исчерпанными. Врач Попов, Лагунов, Козак, Муртаза. Поиски людей, которые могли попасть на лестницу гостиницы, ничего реального не дали. Дальше искать негде. Нет следов. Вернее, не видно их. Следы должны быть, не может быть, чтобы убийца не оставил никаких следов. Ах, если бы можно было поговорить с Таней! Ведь она наверняка незадолго перед смертью уже все знала. Возможно, догадывалась, что ее хотят или могут убить. Или нет? Она не ребенок — наверняка бы заявила. Может быть, одил из многих людей, с которыми я разговаривал, десять дней назад брал ее на мушку. А она шла спокойно, не знала. Вот оно: чужая душа — потемки. Не влезешь. Это тебе не Козака шерлокхолмскими фокусами удивлять. Скоро придется поехать к матери Тани и сказать: «Следствие по делу приостановлено из-за перозыска преступника...» Зря ты живешь на земле. Ты ничего не созидаеть, ничто не рождается в твоих руках. Ты ешь хлеб за то, что бережешь людей от выползней. Не уберег. Выползней не напел, не раздавил каблуком. Ушли обратно, скрылись... и снова придут — убьют, разорят, опаскудят. А что делать? Ну не виноват я! Не могу я рассматривать незримое, не могу ощущать бесплотное. Ведь я человек только, и я исчерпал все свои возможности. У меня мозг болит, как будто я выкал его рукой...

Тихонов потер ладонями лицо, встал, походил по кабинету, подошел к окну, сел на подоконник. Из-под стекла поддувала холодная, тонкая, как лезвие, струйка. Снег, снег. Скорее бы весна, что ли! Тихонов повернул к струе воздуха разгоряченное лицо, закрыл глаза. Условимся, что преступник попал в круг моего поиска. Проскочить мимо него я мог по двум причинам: абсолютная маскировка или меня подвела проклятая заданность восприятия, аксиомы

несчастные. Надо научиться в работе ничего не воспринимать заранее как неоспоримый, безусловный факт. У всякого факта может быть тьма интересных нюансов. А ведь кто-то же говорил с Таней вечером в понедельник. Во Владыкино ее, совершенно ясно, заманили. Но кто? Каким способом? И, самое главное, зачем? Нет, стой, стой, снова сбился с мысли.

Начнем сначала. Приехала она из командировки в субботу. Отсюда снова поедем вперед. И каждый факт надо взять на ощупь. Надо выяснить все насчет командировки. Отправляюсь-ка я опять в редакцию.

Беляков встретил Стаса теплее, говорил с ним вроде сочувственно. «Хороший видок у меня, наверное», — подумал Тихонов. На Танином столе было уже пусто, аккуратно вытерта пыль и только под стеклом еще лежала фотография счастливо смеющегося космонавта с надписью «Доброму и умному товарищу, прекрасному человеку...» Беляков перехватил взгляд Стаса, извиняющимся тоном сказал, тяжело вздохнув:

— Ничего не попишешь, жизнь продолжается...

— Да, жизнь продолжается, — кивнул Тихонов. — Но в какой-то миг она остановилась. Нам надо вернуться к нему. Вы сказали мне, что Таня вышла на работу в субботу, двенадцатого, а командировка у нее была по десятое. Откуда это расхождение?

— Разве? — удивился Беляков. — Я, честно говоря, не помню уже. Может быть, мы с ней договорились раньше. Не помню.

— Постарайтесь вспомнить, это важно.

— Вообще-то у нее были отгулы за дежурства, может она использовала? Не могу вспомнить, говорила ли она мне...

— Напрягите память, свяжите с какими-то событиями! У вас же должна быть творческая ассоциативная память. Помните, как у Чапека: «О, шея лебедя, о, эта грудь...»?

— Не помню, — развел руками Беляков.

— Ладно, — сказал Тихонов. — Мы с вами в прошлый раз смотрели блокнот Аксеновой. Он у вас сохранился?

— Да, я оставил его себе на память.

— Одолжите его мне на несколько дней, — попросил Стас, — я его верну потом.

С видимым сожалением Беляков достал из стола блокнот:

— Только, пожалуйста, верните, не забудьте.

— Хорошо, — сказал Тихонов, листая блокнот. Все то же самое. И в конце эти непонятные фразы. И фамилия «А. Ф. Хижняк».

— Вы не знаете, случайно, кто такой Хижняк? — спросил Стас, показывая Белякову запись. Тот близоруко щурился, долго внимательно смотрел, полистал страницы в обратном порядке, пожал плечами:

— Тут полно разных фамилий. Она ведь со многими людьми встречалась. Вот здесь еще какие-то: Ли, Дерба-ремдикер, Синев, Громов...

«Но Хижняк — последняя фамилия. Потом ее убили, — сказал себе Стас. — А может быть, здесь вообще никакой связи нет...»

В бухгалтерии Стас долго рассматривал отчет Аксеновой по командировке, пытаясь вместе с Таней повторить маршрут. Билет на самолет Москва — Ровно, счет за шесть дней проживания в гостинице, железнодорожный билет в купейный вагон.

Восстановим снова. В Ровно Таня прилетела третьего февраля. Счет в гостинице открыт тем же числом. Закрыт девятого, от третьего до девятого — семь дней. Значит, она поселилась в гостинице во второй половине дня и в первой половине уехала, — поэтому ей посчитали шесть дней. Поезд от Ровно до Москвы идет около суток. Если она уехала в середине дня девятого, то в середине дня десятого она должна была быть в Москве. А Галя, ее сестра, категорически утверждает, что Таня приехала в пятницу утром, — одиннадцатого. Где же еще она была почти целые сутки? Тихонов взял железнодорожный билет и внимательно посмотрел на свет. На темном квадратице картона были видны еле заметные светлые точки компо-стерных шипцов...

— Этот билет выдан железнодорожной кассой стан-ции Ровно на скорый поезд номер шестнадцать, который прибыл на наш вокзал десятого февраля в шестнадцать часов двадцать минут. Но в Брянске десятого числа билет

был прокомпостирован на сутки. Затем его владелец сел в двадцать три сорок на московский поезд и прибыл в Москву одиннадцатого февраля в восемь часов утра. — Билетный кассир взглянул на отчужденное лицо Тихоно-ва и добавил: — Нет, нет, вы не сомневайтесь, у нас чет-кий график и перевозки на учете.

— Конечно, конечно, — согласился Тихонов и спро-сил: — А когда этот скорый прибыл в Брянск?

— Сейчас посмотрим по расписанию, — кассир пробе-жал карандашом по колонке цифр, — десятого февраля в девять пятнадцать утра.

— Спасибо...

Тихонов вышел на привокзальную площадь. Часы на башне громыхнули четыре раза. Холодный сырой ветер с Москвы-реки хватал разгоряченное лицо. Тихонов, заду-мавшись, прошел остановку, вышел на Бородинский мост. Вода в реке не замерзла, коричневая, грязная, подернутая легкими клочками пара, она несла изгрызанные желтые глыбы льда. Тихонов стоял на мосту, облокотившись на перила, на едком пронизывающем ветру, и смотрел в тем-ную рябую глубину. На мутном сморщенном зеркале воды он пытался начертить какую-то схему. Потом с остере-жением плюнул вниз, как будто река скрывала все, будто она не пускала к истине... Почему Брянск? Причем здесь вообще Брянск? Брянск-то откуда здесь взялся?..

3.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Вх. № 83/1

*Московский уголовный розыск
Капитану милиции Тихонову*

...Винтовка выпущена заводом 23 января 1965 г. и по накладной № 231234 отправлена Брянскому облспорт-торгу.

Инспектор Тульского уголовного розыска

Хохлов

Позвонив по телефону в Брянский облспортторг, Ти-хонов узнал, что эта винтовка в апреле 1965 года была продана городскому клубу ДОСААФ...

СРОЧНО!
В БРЯНСКИЙ УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК

Управлением Московского уголовного розыска разыскивается владелец винтовки ТОЗ-17 № ВБ 806237, которая в апреле 1965 года была куплена Брянским городским клубом ДОСААФ. Необходимо установить, в чьем ведении находилась эта винтовка и каковы данные о ее местонахождении в настоящее время. О результатах проверки прошу известить нас незамедлительно.

Начальник отдела Управления
Московского уголовного розыска
Шарапов

4.

СРОЧНО!

Начальнику отдела Московского уголовного розыска
Шарапову

Сообщаю, что винтовка ТОЗ-17 № ВБ 806237 действительно была приобретена 21 апреля 1965 года городским клубом ДОСААФ и использовалась для спортивно-стрелковых целей, находясь на ответственном хранении завскладом оружия Хомякова В. С.

29 июня 1965 года из помещения клуба были похищены различные предметы, в том числе и вышеуказанная винтовка. В ходе следствия установлен и разыскан гр-н Плечун С. Я., совершивший эту кражу.

Плечун признал себя виновным и выдал следствию часть похищенных предметов, пояснив, что остальные вещи он в разное время продал нескольким лицам. В частности, похищенную винтовку Плечун продал на городском рынке за сорок пять рублей неизвестному мужчине, внешность которого он описать затрудняется. Плечун заявил, что при встрече мог бы опознать этого мужчину. Однако принятыми мерами розыска установить покупателя винтовки не удалось. Судьба оружия неизвестна, и оно находится в нашем розыске. При наличии данных о нем просим информировать Брянский уголовный розыск. Для сведения сообщаю, что Плечун содержится в Ярцевской исправительно-трудовой колонии, почтовый ящик 344...

«Ну что ж, Стас, вот ты уже, как говорится, достиг определенных успехов: нашел своим брянским коллегам похищенное имущество», — грустно подумал Тихонов. И «судьба» этого «имущества» — страшная судьба — стала известна. Вот так оно и нанизывается цепочкой: голово-тяпство в клубе, где не обеспечили сохранность оружия, потом не крупная и в мировом масштабе не важная кражка, которую совершил мелкий жулик Плечун, потом этот неизвестный покупатель — на черта ему краденая винтовка? А потом — смерть Тани Аксеновой... Как уследить здесь, в этой цепочке случайностей, где начинается закономерное? В растяпе кладовщика? Нет. В ворихшке? Не похоже: сам он сидит в колонии, а винтовку еще раньше продал... Покупатель? Здесь начинается темнота. Что за любитель оружия такой? Осталась ли винтовка в его руках или путешествовала дальше? Не ясно. Но мне нужен этот покупатель и его надо искать. Как хлеба ищут. Ну что ж. Примем первые меры...

СРОЧНО!

ФОТОТЕЛЕГРАММА

*Отдельное требование в порядке статьи 132
Уголовно-процессуального кодекса*

Начальнику Ярцевской исправительно-трудовой колонии

Направляю нумерованные фотографии четырех мужчин. Прошу, с соблюдением требований статьи 165 УПК РСФСР, предъявить их для опознания гр-ну Плечуну С. Я., отбывающему наказание в Ярцевской ИТК.

Материалы опознания выплите в наш адрес: Москва, К-6, Петровка, 38, Управление МУРа.

Начальник отдела *Шарапов*

Тихонов открыл сейф, достал пачку фотографий, внимательно осмотрел их. Потом отобрал четыре, подколол их скрепкой к телеграмме. Подумал немного, взял из пачки еще одну фотографию и присоединил ее к первым четырем...

Брянск, Бряпск. Значит, все-таки не случайно появился он в деле. Аксенова едет в командировку в Ровно, возвращаясь назад, останавливается на день в Брянске. Никто не знал, что она туда собирается. Вернувшись, никому не сказала о том, что была там. Через шестьдесят часов ее застрелили на пустынной тропинке во Владыкине из снайперской винтовки, украденной в Брянске и в Брянске же купленной неизвестным. Слишком много совпадений. Никто из прошедших по делу людей в Брянске не живет. И все-таки искать надо, видимо, там.

От недосыпания и напряжения остро резало глаза. Стас нажал кнопку настольной лампы — и полумрак раннего зимнего вечера, слегка подсвеченный голубыми уличными фонарями, затопил кабинет.

Выход должен быть, он где-то рядом. В Брянске? Вероятно. Но после записей в блокноте с фамилией Хижняк идет жирная черта. И такая же черта перед ровенскими записями. Так что скорее этот Хижняк в Ровно, чем в Брянске. О чем там в блокноте?.. «Микробы проказы живут пятнадцать лет... Открылся слив для всех человеческих нечистот... Трусость — детонатор жутких поступков...» Это в предпоследнем блокноте. А в последнем, из сумки? Подожди, подожди, там есть что-то похожее. Так: «...Страх растворяет в трусак все человеческое... Белые от злобы глаза...» Рисунок человеческой фигуры... «Корчитесь бес». Нет, уверен, что все это связано какими-то глубинными каналами с Хижняком. Так где же он — Хижняк — в Ровно или в Брянске? Интересно, это у него «белые от злобы глаза...»? Искать надо начинать с Ровно. Думаю, там Аксенова решила ехать в Бряпск.

СЛЕДУЮЩАЯ ПЯТНИЦА

— Просыпайся, молодой человек! Чай проспипь.

Тихонов открыл глаза и сразу зажмурился — так ослепительно сверкало солнце в безбрежной белизне полей. Он потер руками глаза, привычно провел ладонями по лицу, тряхнул головой.

Пожилая проводница добродушно улыбалась, стоя в дверях купе:

— Ну что умываешься, как киска после еды?

— Для красоты. А кстати, мамаша, вы не знаете, почему «после еды»?

— Как же. Сказка есть такая. Поймала кошка мышца и приготовилась его кушать. А мышь давай ее совесть — как же ты, мол, не умывшись, есть собираешься?

Послушалась кошка, отпустила мышца и стала умываться, а он — ноги в руки... Теперь кошки только после еды умываются. А ты вот можешь чай свой проумывать...

— Чай — ладно, — засмеялся Тихонов. — Мне бы мышца своего не проумывать. — Оперся на полку и спрыгнул вниз.

В туалете под полом вагона особенно громко стучали колеса, изредка взвизгивая на крутых поворотах. Тихонов долго полоскался и фыркал под холодной водой, докрасна вытер лицо и руки, причесал жесткий ежик волос. Посмотрел в забрызганное зеркало и подумал: «Побриться бы сейчас — в самый раз». Но бритвы не было. Впрочем, не было у него с собой не только бритвы. Вообще ничего не было. Он не успел заскочить домой и уехал на вокзал прямо с Петровки. Проводница, проверяя у дверей вагона билет, удивленно спросила:

— А багаж?

Тихонов ухмыльнулся:

— Иметь некрасивые чемоданы — признак дурного тона. Поэтому я обхожусь без них.

Проводница взглянула на него подозрительно и сунула билет обратно:

— Третье купе.

Стас вошел в купе, лег на полку, и стук колес электровоза слился с его первым хриплым сонным вздохом...

Вместе с ним в купе ехали трое: старичок бухгалтерского вида и молодая женщина с дочкой лет восьми. Девочка читала книжку «Сказка среди бела дня», старательно водя пальцем по строкам, мать вязала. Старичок непрерывно заглядывал в какой-то толстый справочник и все время что-то вычислял карандашом на бумажной салфетке, удовлетворенно похмыкивая время от времени. Отрывался от этого занятия он только для того, чтобы послушать по радио последние известия.

Тихонов, усевшись в углу, с удовольствием пил крепкий сладкий чай, пахнувший немного дымом.

Проводница снова открыла дверь, с сомнением посмотрела на него:

— Печенье братъ, конечно, не будешь?

Чтобы немного поддержать свою поломанную на корню репутацию, Тихонов спросил:

— А бутербродов с черной икрой у вас нет, случайно?

— Не бывает, — гордо сказала проводница.

— Жаль, ах, жаль. Пяточек к завтраку сейчас было бы уместно. Несите тогда печенье. Две пачки...

Девочка оторвалась от книжки, посмотрела на Тихонова строгими глазами:

— Дядя, а ямщик — это извозчик?

— Извозчик, — кивнул Стас. — Извозчик-дальнорейсовик.

Старичок, прижав палец к губам, сказал:

— Типе!

«Маяк» передавал последние известия. Дослушав, старик улыбнулся, и лицо его, потеряв выражение озабоченности, вдруг стало добрым, почти ласковым. Он показал на справочник и сказал торжествующе:

— Великая книга. Это сводный железнодорожный справочник за нынешний год. Придумывая неожиданные маршруты перевозок, можно с помощью этого справочника обеспечить индивидуальными арифметическими задачами каждого школьника страны. Например, сколько будет стоить и сколько потребуется вагонов, чтобы перевезти из Мурманска во Владивосток пятьсот тонн апельсинов, тысячу тонн нефти и тысячу восемьсот кубометров леса? А-а?

— Действительно, очень интересно возить апельсины из Мурманска во Владивосток, — сказал Стас. Женщина с визаньем улыбалась. Видимо, старичок уже вдоволь побеседовал с ней на все темы и жаждал новой аудитории.

— Вот посмотрите и убедитесь сами, — протянул он Стасу справочник.

— Сейчас, доем только печенье, — покорно сказал Стас. От ознакомления со справочником, видимо, было не отвертеться. Он полистал толстую, отлично изданную книгу. С картами, графиками, подробными расписаниями. Стас остановился на крупномасштабной карте-плане Киевской железной дороги, стал внимательно всматриваться и тихо охнул.

— Что? Говорил я вам, что не оторветесь? — ликовал старикан.

— Не оторвусь, не оторвусь, — быстро сказал Стас, лихорадочно листая справочник в поисках карты административного деления. Наконец нашел, посмотрел, вернулся обратно и сравнил с картой-планом, потом погтем отметил точку на административном разноцветье маленького портрета страны.

Дверь отъехала в сторону и проводница сказала Тихонову:

— Через десять минут — Ровно. Вам сходить...

За окном замелькали пакгаузы, старая водокачка, вагоны-дома путейских рабочих. На стрелках судорожно забили, затарахтели колеса...

СРОЧНО! ТЕЛЕГРАММА

Москва, Петровка, 38, Шаранову

Незамедлительно сообщите в адрес Ровенского уголовного розыска, кому была выдана в народной библиотеке имени Чехова книга Рэя Брэдбери «Фантастические рассказы». Книга подарена библиотеке читательницей Суламифь Яковлевной Пайкиной.

Тихонов

2.

Человека по фамилии Хижняк Тихонов нашел быстро. Депутат райсовета Анна Федоровна Хижняк работала старшей аппаратчицей на Ровенском химическом комбинате.

— Недели две назад с ней разговаривала журналистка из Москвы, — сказал Тихонову председатель месткома. — Хотела написать о ней и не успела — трагически погибла. В газете сообщение было вместе с очерком о нашем комбинате. Хорошо, душевно написала. Как же это она погибла? Под машину попала?

— Есть много разных способов трагически погибнуть, — пожал плечами Стас. — А как увидеться с Анной Федоровной?

— Она сегодня должна была вернуться из Киева. К сыну ездила на зимние каникулы — он у нее студент-дипломник. Адрес в личном столе найдете.

Хижняк жила в старой части города, в небольшом деревянном доме. Когда Тихонов вылез из такси, уже перевалило за полдень. Он постучал в дверь, обитую старым дерматином и тряпочными полосками, и кто-то теплым мягким голосом крикнул в доме:

— Подождите, подождите, сейчас открою...

Загремела щеколда, и из-за открытой двери ударил в лицо запах молока и свежего хлеба. У женщины было молодое, еле тронутое морщинками лицо и совершенно белые волосы. Туго затянутые в косу на затылке, они сидели на голове, как серебряный шлем.

— Анна Федоровна?

— Да. А вы ко мне?

— Я хотел поговорить с вами...

Полы в комнате были белые, дощатые, выскобленные до стерильной чистоты. Тихонов посмотрел с сомнением на свои облепленные снегом ботинки, но женщина добродушно засмеялась:

— Заходите, заходите. Все одно — убирать, во всем дому грязь. Только сегодня приехала — у сына в гостях десять дней была.

На стене висела фотография красивого смуглого парня, и Тихонову вдруг показалось, что он уже где-то видел это лицо.

— Простите, Анна Федоровна, а когда вы поехали к сыну?

— Во вторник прошлый. А что? — встревожилась женщина.

— Нет, я просто так спросил. — Тихонов понял, что она не знает о смерти Тани — в дороге разминувшись с газетным сообщением. Он помедлил и сказал:

— Анна Федоровна, я из Московского уголовного розыска. Привело меня к вам печальное событие...

— Что? Случилось что? — Хижняк стала медленно бледнеть.

— Вы помните Таню Аксенову?

Хижняк что-то хотела сказать, но горло сдавило, она слотнула тяжелый ком, кивнула:

— Одиннадцать дней назад она погибла...

— Убил. Убил! Убил, проклятый!..

3.

Стас огляделся. Ночная улица была пустынна, голые черные ветви деревьев покачивались под порывистым холодным ветром, редкие неяркие фонари с трудом рассеивали вокруг себя мрак. Стаса знобило. На вокзал, надо скорее на первый же поезд. Как назло, ни одного такси не видать. Тихонов шел размашистым шагом, все быстрее и быстрее, потом побежал. В груди что-то противно екало и свистело, остро закололо под лопаткой. «Пуля давит, — подумал Стас. — Ничего, она не опасная. Больно потому, что она на плевру давит. Нет, она уже не опасная. Как это врач сказал — она «покрылась капсулой». Слово противное — «капсула». Ничего, еще метров пятьсот пробежать можно. Скоро все уже кончится... Надо успеть на московский ночной экспресс...» Он бежал и бежал, уговаривая себя потерпеть еще до следующего фонаря, потом до следующего, и еще до одного. Брызгал из-под ног грязный жидкий снег, глухо цокали подковки на каблучках, и над переулком разносился сухой хрип легкого, разорванного пулей два года назад...

В комнате милиции на вокзале сидел мужчина в сером коверкотовом костюме.

— Из Москвы? Надо помочь — поможем. А вы пока присядьте.

Тихонов опустился на полированную, очень неудобную скамейку с резной надписью «МПС», прикрыл глаза. Он тяжело дышал, вытирая ладонью пот с лица. Мужчина снял трубку и негромко сказал:

— Зина! Майор Сударев позвонил. На семьдесят первый один билет в двухместное купе, быстренько! Как это нет? Знаю, знаю, для проводниц оставляете, чтобы их пассажиры не беспокоили... А если проверю? Что? Нашлось уже? Ну и чудненько. Сейчас к вам товарищ Тихонов подойдет...

Повернулся к Стасу, объяснил:

— Подойдите к седьмой кассе, получите билет в отдельное купе. Я вижу — вам давно пора спокойно выспаться...

— Спасибо. Помогите мне добраться до горотдела. Мне очень срочно надо позвонить по междугородной.

— Элементарно, — сказал Сударев и вызвал дежурного сержанта: — Пахомов, заведи мотоцикл, подбрось товарища на Гончарную.

Через десять минут Стас уже разговаривал по телефону с начальником Ярцевской колонии.

— Оpozнание провели, — бился в мембрану далекий окуающий голос. — Плечун без всяких сомнений опознал на фотографии номер три человека, который купил у него винтовку...

Тихонов положил трубку и снова разгладил на столе телеграмму Шарапова:

«Книга Рэя Брэдбери «Фантастические рассказы» выдана 26 января с/г. Т. С. Аксеновой».

СЛЕДУЮЩАЯ СУББОТА

1.

К Брянску поезд подошел в шесть часов утра. Было еще темно и только на востоке рассвет уже начал размывать густую синеву неба, стирая с него звезды, как капли со стола. На перроне царили сутолока, гомон, металлические фонари проводниц. Тихонов вышел на вокзальную площадь, огляделся и направился к автобусной станции. Кассирша с сожалением сказала:

— Ваш автобус ушел двенадцать минут назад. Следующий отправляется в десять ноль пять.

Тихонов про себя чертыхнулся, спросил:

— А согласовать автобусное расписание с железнодорожным никак невозможно?

Девушка развела руками:

— Это не от меня зависит.

— Я понимаю. Просто, когда спешить, торжествует принцип максимального невезения.

— Какой, какой принцип?

— Максимального невезения: бутерброд всегда падает маслом вниз.

Девушка улыбнулась:

— А если все-таки вверх?

— Значит, он упал неправильно...

Тихонов шел малоллюдной улицей, негромко ругался и размышлял, где ему провести оставшиеся четыре часа. На углу ярко светилась вывеска «Баня». Пожалуй, это

был хороший выход из положения. В вестибюле остро пахло земляничным мылом и березовыми вениками. Тихонов заплатил за ванный номер, вошел в небольшую кафельную комнатку, щелкнул замком, пустил горячую воду. Вода с шипением бежала по эмалевым стенкам ванны, закручивалась в булькающий, пузырячатый водоворот у стока. Стас снял пиджак, опустившись на кожаный диванчик, устало слушал бормотание и шелест воды. На живот тяжело давила рукоятка пистолета, вылезшая из открытой полубоуры.

От нервного возбуждения он всю ночь не сомкнул глаз и теперь сонная одурь теплым паром заволакивала голову. Стас быстро разделся, влез в воду и незаметно для себя задремал...

...Учителя Коростылева он встретил жарким июльским полднем, прогуливаясь с майором Садчиковым по улице Горького. У Стаса еще дергался глаз, контуженный пулей Крота-Костюка, но настроение было прекрасное, и Садчиков подсмеивался над ним:

— В п-погонах новых щегольнуть охота?

Коростылев стал совсем старый. Он говорил тихо:

— Эдик Казарян уже ведущий конструктор. А Слава Антонов стал кандидатом наук. Атомщик.

Стасу послышалось в голосе Коростылева осуждение. И он, словно оправдываясь, с вызовом сказал:

— А я стал капитаном!

Садчиков усмехнулся:

— Каждый к-кулик свое местожительство хвалит.

Коростылев спросил его:

— А вы там же работаете?

Садчиков кивнул. Стас, как будто извиняясь за то, что Садчиков не кандидат атомных наук, сказал Коростылеву:

— Он уничтожил банду знаменитого Прохора...

Учитель помолчал. Ветер трепал его редкие седые волосы, и Стас боялся, как бы они все не улетели. Потом Коростылев улыбнулся:

— Я доволен тобой. Вы делаете очень важное — караете зло. Прощать содеянное зло так же преступно, как и творить его.

— М-мы не караем. Закон карает. М-мы только ловим, — сказал Садчиков и отвернулся.

Стас почему-то разволновался тогда и, чтобы скрыть это, сказал:

— Все замечательно. Одна беда — не можем определить свое место в споре между физиками и лириками...

Вода в ванной остыла, и Стас проснулся от холода. Он пустил на себя из душа струю горячей воды, гибкую и упругую, как резина. Потом вылез и долго сидел на диванчике, завернувшись в простыню, осторожно поглаживая багрово-синеватый шрам на груди. Не спеша оделся, взглянул на часы: стрелка подползла к девяти. Он перекинул через плечо ремешок с петлей, достал «макарова», оттянул затвор, дослал патрон. И повесил пистолет в петлю слева под мышкой.

...Автобус, перемалывая толстыми шинами бугры наледей, въехал на площадь. Кондукторша сказала:

— Пойдете прямо по этой улице, за третьим кварталом направо — улица Баглая.

Тихонов огляделся. Часы на здании горисполкома показывали половину второго. Прилично потрясся в автобусе.

Стас направился в горотдел милиции. За двадцать минут он договорился с начальником уголовного розыска, как расставлять людей, когда прислать машину. Вышел на улицу и вдруг с удивлением заметил, что больше нет ни азарта погони, ни возбуждения, ни страха. Сейчас он пойдет и возьмет этого бандита. И все произойдет буднично, даже если тот попробует стрелять. Он посмотрел на вялое зимнее солнце, беззащитное, на него можно смотреть, не щурясь, провел холодной ладонью по лицу и вспомнил, что так же прикоснулась к его лбу Танина мать, повернулся и пошел на улицу Баглая. Он даже не посмотрел, есть ли в доме двадцать девять черный ход, а прямо постучал в дверь и сказал вышедшей женщине:

— Здравствуйте. Хозяин дома?

— Заходите, он скоро придет. Суббота сегодня — он в баню пораньше пошел.

Женщина открыла из прихожей дверь в столовую, пропустила Стаса, сказала:

— Жена я. Нина Степановна зовут.

— Очень приятно. Тихонов, корреспондент из Москвы.

— Пообедать хотите или самого подождете? — Из кухни доносились запахи пирогов и жареного мяса.

— Спасибо. Мы лучше сначала побеседуем, — сказал Стас и подумал: «Диеты у нас с ним разные...»

Нина Степановна сказала:

— Сам-то важен стал. Недавно уже приезжала к нему корреспондентша. Из Москвы тоже. Не застала только — в районе был.

— Знаю, — кивнул Стас. — Из нашей газеты. С вами разговаривала?

— Да, проговорили три часа. Не дождалась, расстроенная была. А сам, то же самое, как рассказала о ней, расстроился, что не застала. Да, знамо дело, всем разговоры приятные вокруг себя охота слышать, да и работа на большой — статья об нем авторитету бы прибавила...

— Это уж точно, — сказал Стас. — Корреспондентка книжку у вас здесь не забывала? Просила захватить, если сохранилась...

Хлопнула входная дверь. Тихонов выпрямился, сунул руку под пиджак, щелкнул предохранителем «макарова». Женщина сделала шаг к двери.

— Стойте! — свистящим шепотом сказал Стас. — Стойте на месте...

Женщина обомлела. Распахнулась дверь.

— Заходите, Ерыгин, я вас уже час дожидаясь. Вышедший автоматически сделал еще один шаг, сказал:

— Здравствуйте, — и судорожно обернулся.

Стас больно ткнул его стволом пистолета под ребро и сорвавшимся на фальцет голосом крикнул:

— Ну-ка, ну-ка, без глупостей! — Вздохнув, сказал: — Я за вами две недели не для того гоняюсь, чтобы сейчас еще кросс устраивать...

Женщина, оцепенев от ужаса, прижалась к стене. Из кухни нанесло чад подгорающего мяса.

— Вы, Нина Степановна, займитесь пока на кухне, а мы с вашим супругом побеседуем.

На крыльце затопали тяжелые шаги. Стас, прижав к бедру наведенный на Ерыгина пистолет, отскочил к столу, чтобы видна была входная дверь. Гроыхнула щеколда, и вошли три милиционера. Стас облегченно вздохнул и подумал: «Вообще-то глупость, конечно, была — идти

за ним одному. Он же меня соплей перебить может. Расчет на внезапность оправдался...»

— Что, Ерыгин, здесь говорить будем или прямо в Москву поедем?

Ерыгин разлепил сразу запекшиеся губы, хрипло сказал:

— Не о чем мне с тобой говорить....

Стас кивнул милиционерам:

— Наручники...

2.

Тихонов вышел на трап первым, за ним — Ерыгин, которого придерживали сзади два оперативника. Они шли из носового салона, и пассажиры, выходявшие из двери у хвоста самолета, удивленно и испуганно смотрели на эту молчаливую группу. Внизу, у первой ступеньки трапа, стоял, расстегнув пальто, заложив руки в карманы, широко расставив ноги, Шарапов. И Тихонову вдруг захотелось побежать по лестнице ему навстречу, обнять и сказать что-нибудь такое, что завтра ни за что не скажешь. Не спеша спустился, усмехнулся, протянул руку:

— Здравствуйте, Владимир Иванович. — Кивнул через плечо. — Вот и нашел я его все-таки...

Шарапов и не взглянул на убийцу. Не отпуская руки Стаса, он смотрел на него своими чуть раскосыми монгольскими глазами. Потом сказал медленно, и слова будто падали на бетон тяжелыми мягкими гирьками:

— Я рад, сынок, что это тебе удалось, — он сделал паузу и добавил, хотя Стас заметил, что Шарапову не хотелось этого говорить: — Если бы ты его не взял, тебе жить дальше было бы нелегко...

Аэропорт был похож на огромный светящийся кусок сахара. Проектора высвечивали серебристые сигары самолетов, искры вспыхивали на полосках снега между бетонными плитами, тускло светились огни в черном лаке оперативных «Волг». Шарапов посмотрел в серое, безжизненное лицо Ерыгина и сказал оперативникам:

— Поезжайте с ним в первой.

Ерыгина посадили в машину, вырвался белый дымок из выхлопной трубы, и машина рывком ушла в ночь, на шоссе, в Москву. Шарапов открыл дверцу второй «Волги».

— Влезай, я за тобой.

Шофер Вася сказал:

— Здравствуйте, Станислав Павлович! Мы вас ждали.

— Не говори — два дня не был, — улыбнулся Стас и почувствовал, что все кончилось, что он — дома...

Мелькали черные деревья на обочинах, вдалеке горели огоньки на шоссе Университета. «Волга» со свистом и шлепестом летела по пустынному ночному шоссе. Голос Тихонова звучал надтреснуто:

— В принципе мы с вами не ошиблись, Владимир Иванович, предположив, что причина смерти Тани скрыта в ее личной жизни. Но мы не знали этого человека и поэтому канцелярски сузили понятие личной жизни. Вы понимаете, для Тани не было чужих болей и бед, они становились ее личными бедами, частью ее личной жизни. Так и получилось, когда она познакомилась с Анной Хижняк. А жизнь Хижняк — отдельная страшная трагедия, за которую надо было бы само по себе расстрелять этого бешеного пса. Вот послушайте. Анна Хижняк вышла замуж за местного счетовода Ерыгина прямо перед войной. И как только в Здолбунов — это под самым Ровно — пришли немцы, Ерыгин отправился к ним и предложил свои услуги. Парень он был здоровый, незадолго до войны стал чемпионом города по стрельбе. Ерыгина взяли в карательные войска СД, и он прославился неслыханной жестокостью. Скоро стал командовать расстрелами евреев, советских и партийных работников. Мне рассказала Хижняк, что Ерыгин выстраивал в шеренгу и с большого расстояния из карабина беглым огнем валил людей через одного. Это называлось у него «расчет на первый-второй». В середине сорок второго года Ерыгин получил серебряную медаль «За заслуги перед рейхом» и нашивки ротенфюрера. Он каждый день приходил в дом ее матери, куда Анна убежала от него с крошечным ребенком, издевался над нею и бил. А когда понял, что она не вернется к нему, сдал ее в фельджандармерию как связную партизан. Шесть дней просидела она в камере, ожидая виселицы. На седьмую ночь в Здолбунов нагрянули партизаны, сожгли дотла комендатуру, перебили всех немцев и полицаяев, а арестованных освободили. Она ушла с шестимесячным сыном к партизанам, уверенная, что этого изувера убили вместе с остальными

бандюгами. Да выжил, сволоочь, сменил фамилию, окопался, женился и осел на глубинке.

Прошло двадцать четыре года, и в руки Анны Федоровны случайно попадает газета с групповым снимком передовиков. И в одном из них она узнает Ерыгина. Причем подписи под снимком нет. Знаете, как дают иногда — «участники совещания обсуждают...» Это произошло за неделю до встречи с Таней. А Таня должна была о ней очерк написать. И, видимо, здорово она умела с людьми разговаривать. Поговорили, поговорили, не выдержала Хижняк, расплакалась и рассказала ей все. А до этого — никому ни полслова. Там, понимаете, возникла страшная коллизия. Сын вырос, в этом году кончает Киевский университет. И до сего дня уверен, что отец его геройски погиб на фронте. Она специально после войны все бросила, уехала из Здолбунова, чтобы кто-нибудь не рассказал пацану о том, кем был его отец. Я ее хорошо понимаю — это для парня было бы никогда бы не заживающей раной. И вот рвется Хижняк на части — надо бы пойти, заявить, проверить, не ошиблась ли она. А с другой стороны, боится — вдруг не подох он тогда, жив, арестуют его — процесс громкий, в газетах все. Сын, счастье единственное, проклянет ее за то, что скрыла от него такое. А через месяц — распределение у парня. И все же Таня убедила ее, что молчать нельзя. Но поскольку Хижняк не была полностью уверена, что на фотографии именно Ерыгин, Таня вызвалась по дороге заехать и проверить — это же по пути, два с половиной часа на автобусе от Брянска.

Вот так появился лишний день в командировке Аксеновой. Таня сошла с поезда в Брянске, по газетному фотоснимку с помощью местной редакции легко установила Ерыгина и поехала к нему...

Машина промчалась мимо щита с надписью «Москва», зашелестела по Ленинскому проспекту. Шарапов слушал сосредоточенно, ни разу не перебил.

... — На месте его не оказалось — в районе был. Аксенова объяснила жене, что она — корреспондент, стала беседовать с ней. И тут Таня допустила ошибку. Жена, очень простая, тихая женщина, добросовестно пересказала Ерыгину содержание их разговора. Как я понял, его насторожили три вопроса Тани: давно ли они женаты, где он был во время войны и жил ли раньше Ерыгин в Здолбунове. И этот старый волк сделал стойку.

Таня сама не была уверена в том, что она нашла подлинного Ерыгина. Очень тонкая, деликатная, она не решилась обратиться в официальные органы с предложением проверить подозрения Хижняк. Боялась оскорбить человека таким жутким предположением. Тем более жена сказала, что он через пару дней собирался поехать по делам в Москву. Таня оставила для него записку со своим телефоном и попросила срочно позвонить ей по очень важному делу.

И тогда он положил в чемодан купленную в Брянске у ворипки винтовку...

Тихонов помолчал, долго смотрел в окно, потом сказал:

— Я вот все думал — зачем он купил тогда винтовку? На всякий случай? Вряд ли. Прошли недавно большие процессы над пойманными изменниками, и он точно знал, что ни под какую амнистию не подпадет...

«Волга» с визгом прошла поворот с бульвара и выскочила на уже безлюдную ночную Петровку, затормозила у ворот. Шарапов и Тихонов вылезли, постояли, глубоко вдыхая холодный чистый воздух. Шарапов достал пачку сигарет, спросил:

— Может, закуришь?

Тихонов пожал плечами:

— Давайте испорчу одну за компанию.

Они стояли, прислонясь к ограде, и курили, и постовой удивленно смотрел на них. Шарапов бросил окуроч в снег, взял Тихонова за руку:

— Пошли, Стас. Еще немного.

Они поднялись в кабинет Шарапова и он, не снимая пальто, подошел к телефону, коротко бросил:

— Ведите.

Сидели, молчали, смотрели друг на друга и думали каждый о своем, оба об одном и том же. До тех пор, пока в коридоре не раздался тяжелый размеренный стук шагов. Так шагает конвой.

Он вошел в дверь боком, так и стал посреди комнаты, сбывшись, с ненавистью глядя на них. Молчали долго, и Тихонов потом не мог вспомнить: как это было долго — час или минута. И все в комнате было пронизано такой взаимной ненавистью, что Стасу показалось, будто окна не выдерживают ее тяжести и тонко дрожат.

Наконец Шарапов сказал:

— Ну, Лагунов-Ерыгин, будете каяться или пойдете в суд на одних следственных доказательствах?

Лагунов хрипло выдохнул:

— Какие еще, к хренам, доказательства у вас есть?!

— Расскажи ему, Тихонов, про доказательства.

Стас, не поднимая глаз от пола и методически отстукивая ногой такт, монотонным голосом, будто читая обвинительное заключение, рассказывал:

— Четырнадцатого февраля, в понедельник, около половины шестого, вы позвонили Тани Аксеновой в редакцию и уговорили ее приехать в гостиницу. Заодно, мол, забрать и забытую ею книжку. Это было через несколько минут после того, как Козак уехал. Таня приехала около семи часов. За это время вы достали из чемодана, собрали ствол и приклад винтовки. В это время дежурная по этажу сдавала белье, в коридоре ходило много народу, поэтому приход Тани остался незамеченным. Вы беседовали с ней немногим более часа, и Таня окончательно поняла, что никакой вы не Лагунов, а именно скрывавшийся больше двадцати лет Ерыгин. Но она не сумела этого скрыть от вас, и вы поняли, что прямо из гостиницы она пойдет в КГБ или к нам. Тогда вы охотно решили, что положение безвыходное, терять вам нечего — за прошлые зверства все равно полагался расстрел. Вы уже знали, что, выйдя из гостиницы, Таня пойдет перед вашими окнами по пустырю. Затворив за ней дверь, вы заметили, что в коридоре по-прежнему нет дежурной. Вы заперлись, включили на полную мощность радио, погасили в комнате свет, отворили верхнюю фрамугу и встали на стул, оперев ствол винтовки на оконный переплет. Вы хотели застрелить Таню на середине пустыря — это место просматривается лучше всего. Но прямо за нею по тропинке шел мужчина по фамилии Казанцев, и он сразу бы увидел, как она упала. Поэтому вы дождались, когда он обогнал ее метров на пятнадцать, и нажали спусковой крючок. В этот выстрел было вложено все ваше бандитское мастерство. Впрочем, вы и не сомневались, что убьете ее наповал. Опыт большой. Выстрел услышать никто не мог — у этих винтовок негромкий бой, — а шум радио погасил и его. После этого вы разобрали винтовку, спрятали под пальто ствол и приклад, тихо открыли дверь и выглянули в коридор. Там

по-прежнему никого не было. Вы захлопнули дверь, быстро подошли к столу дежурной и оставили ключ от номера. Потом вернулись назад — к черному ходу, спустились по лестнице вниз и вышли во двор, а оттуда — на стоянку такси около гостиницы «Заря». По дороге засунули в глубокий сугроб ствол и приклад. Из взволнованных разговоров прохожих об убийстве на пустыре вы поняли, что беспокоиться вам нечего — вы послали пулю точно.

Сев в такси, вы поехали в Большой театр. Вы приехали в начале десятого и полчаса ожидали конца спектакля, после чего спросили у кого-то из выходящих зрителей программку и билет. Снова взяли такси и вернулись в гостиницу. Здесь вы уже постарались максимально обратить на себя внимание горничной Гафуровой, вплоть до того, что пели: «О дайте, дайте мне свободу». План удался, и Гафурова впоследствии охотно подтвердила ваши алиби. После этого вы решили не дергаться, а сидеть и ждать.

Вообще-то вам ничего другого и не оставалось, потому что, я уверен, вы не смогли узнать у Тани, как она нашла вас. Если бы вы поняли, что на след навела Хижняк, вы тотчас же поехали бы в Ровно, чтобы убрать этого опасного свидетеля.

В разговоре со мной вы осторожно и ловко намекнули на Козака, а потом успокоились окончательно. Правда, здесь вам здорово помог сам Козак. Своей дурацкой хвастливостью он чуть не сбил меня с толку, когда наврал, что книга Брэдли принадлежит ему. К сожалению, я поздновато сообразил, что он просто хотел продемонстрировать свою интеллигентность...

И все-таки несколько ошибок вы сделали. Вы слишком настойчиво акцентировали, что ваш Кромск — в Орловской области. Когда я заинтересовался этим, то узнал, что Кромск — хоть и в Орловской области, но расположен гораздо ближе к Брянску, чем к Орлу. И зря вы так на виду держали книгу, подаренную московской библиотеке Суламифь Яковлевной Пайкиной. Но все это — детали. О них разговор будет потом. Сейчас мы вас спрашиваем: вы хотите рассказать нам о своих преступлениях?

— Хочу, — сглотнул слюну Лагунов. — Хочу. Хочу сказать, что мало, мало вас стрелял! Сколько смогу...

— Не сможешь, гад! — сказал Шарапов. — Отстрелялся! — И кивнул конвоем: — Уведите...

Затихли в коридоре шаги. Шарапов посмотрел на Тихонова. Стас сидел, закрыв глаза, шевеля неслышно губами...

— Поехали домой, Стас.

— Сейчас, — встрепнулся Тихонов. — Подождите только минутку, я хочу зайти к себе, посмотреть одну бумажку...

Стас подошел к своей двери, вставил в скважину ключ, повернул, но замок не открывался. Он дергал его влево-вправо, вверх-вниз, но замок не открывался. Сломался совсем. Кружилась голова. Стас решил присесть на мгновение на скамейку в коридоре, чтобы перестала дрожать рука и спокойно открыть замок.

Он сел, привалился к стене. Камень приятно холодил затылок. «Сейчас, посижу еще чуть-чуть и встану», — бормотал Стас, и веки пухли, тяжелели, голова клонилась на плечо, и губы расплывались в улыбку...

Так и застал его Шарапов спящим со счастливым лицом у дверей кабинета, где плохо открывался замок.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. Владимиров, Л. Сулов. Агент абвера	5
А. Зубов, Л. Леров, А. Сергеев. Чекистские были	194
Тайна пятидесяти строк	—
Дело «ДОБ-1»	244
А. Вайнер, Г. Вайнер. Право ходить по земле	400

АГЕНТ АБВЕРА

Редактор *С. И. Смирнов*

Художник *Н. А. Усачев*

Художественный редактор *А. И. Прозоровская*

Технический редактор *Н. Я. Макарова*

Корректор *К. В. Смирнова*

Г-12685. Сдано в набор 16.7.71 г. Подписано в печать 13.3.72 г.

Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печ. л. 16,5. Усл. печ. л. 27,720.

Уч.-изд. л. 29,150.

Бумага типографская № 2. Тираж 200.000 экз. (1-й завод 1—100.000)

Изд. № 4/5232. Цена 99 коп. Зак. 713

Ордена Трудового Красного Знамени

Военное издательство Министерства обороны СССР.

103160, Москва, К-160

1-я типография Воениздата

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Агент абвера. Повести. (Военные приключения).

А23 М., Воениздат, 1972 г.

528 с.

В книгу вошли три остросюжетных приключенческих повести разных авторов.

Документальная повесть «Агент абвера» В. Владимирова и Л. Суслова посвящена подвигу чекиста Мокня Демьяновича Карашенко и рассказывает о его напряженной, полной смертельного риска работе в тылу врага в годы Великой Отечественной войны.

О работниках органов государственной безопасности, разоблачающих в наши дни коварные происки вражеских агентов, рассказывает повесть «Чекнистские были» А. Зубова, Л. Лерова и А. Сергеева.

В третьей повести — «Право ходить по земле» братьев Вайнеров — главным героем является следователь Московского уголовного розыска капитан милиции Тихонов. Раскрывая уголовное дело, он разоблачил опасного преступника, убийцу, предавшего в годы войны Родину.

7-3-2

P2